S 59/18
m.1

59/18
ф10-81/168

Проф. М. Н. Петровъ.
(† 23 янв. 1887 г.).

ЛЕКЦІИ
ПО
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ТОМЪ I
ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

ИЗДАНІЕ 2-Е,
ВЪ НОВОЙ ОБРАБОТКѢ И СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ
А. Н. Деревицкаго.

Первое изданіе было удостоено Императорскою Академіею Наукъ большой преміи Петра Великаго.

Издалъ В. Березовскій
Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.
С.-Петербургъ. Колокольная, № 14.
1907.

ПУБЛИЧ. и РУ... БИБЛ... ТЕКА

1701

2007041356

Типографія М. Стасюлевича, Спб., Вас. остр., 5 лин., 28.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый томъ «Лекцій по всемірной исторіи» проф. М. Н. Петрова выходитъ въ свѣтъ во второмъ изданіи значительно позднѣе, чѣмъ это было сначала предположено и обѣщано подписчикамъ. Произошло такое запозданіе по моей винѣ. Многіе отдѣлы исторіи древняго міра теперь, послѣ великихъ открытій въ этой научной области, ознаменовавшихъ собою послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка, оказались въ «Лекціяхъ» устарѣвшими и потребовали коренной переработки, а я, принявъ на себя этотъ нелегкій и отвѣтственный трудъ по просьбѣ дочери покойнаго автора лекцій Е. П. Романовской-Романько, не могъ выполнить эту задачу такъ скоро, какъ бы желалъ. Будучи постоянно отвлекаемъ отъ работы служебными обязанностями то по должности ректора Новороссійскаго университета, то по участію въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ, то наконецъ по управленію обширнымъ учебнымъ округомъ, я по неволѣ долженъ былъ работать надъ книгою урывками, въ рѣдкіе часы досуга. Печатаніе перваго тома «Лекцій», начатое три года тому назадъ, такимъ образомъ затянулось, и первые листы книги, къ сожалѣнію, успѣли снова нѣсколько отстать отъ не останавливающагося хода науки.

Со смерти проф. М. Н. Петрова минуло почти двадцать лѣтъ. За это время его очерки «Изъ всемірной исторіи», появившіеся впервые въ 1868 г., пріобрѣли широкую извѣстность среди любителей историческаго чтенія и выдержали два новыхъ изданія. Не прекращался спросъ и на «Лекціи», первое изданіе которыхъ, выпущенное въ свѣтъ спустя годъ по смерти автора, давно стало библіографическою рѣдкостью. Чтобы имѣть столь прочный успѣхъ, обѣ книги эти, несомнѣнно, должны были отвѣчать живой, насущной потребности русскаго общества,—онѣ должны были имѣть серьезныя внутреннія достоинства, и это, кажется, даетъ мнѣ право надѣяться,

что нижеслѣдующія краткія строки, которыя я считаю долгомъ посвятить памяти ихъ автора, читатель не найдетъ здѣсь лишними [1]).

Михаилъ Назаровичъ Петровъ родился 3-го ноября 1826 г. въ Вильнѣ и тамъ же провелъ свои дѣтскіе и отроческіе годы. Отецъ его, мордвинъ по происхожденію, «изъ новокрещенныхъ крестьянъ бугурусланской округи» тогдашней Оренбургской губерніи, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, служилъ въ артиллеріи, участвовалъ въ дѣлѣ при Бородинѣ, побывалъ въ компанію 13-го года въ Парижѣ, Дрезденѣ, Бауценѣ и въ двадцатыхъ годахъ, дослужившись до оберъ-офицерскихъ чиновъ, состоялъ при виленскомъ крѣпостномъ гарнизонѣ. Будущій историкъ учился поэтому въ виленской гимназіи и по окончаніи курса въ 1844 г., какъ юноша, выдѣлявшійся среди товарищей своими дарованіями, по распоряженію попечителя бѣлорусскаго учебнаго округа былъ отправленъ для продолженія научнаго образованія въ харьковскій университетъ. Философскій факультетъ, на словесное отдѣленіе котораго Петровъ поступилъ, отличался въ то время въ Харьковѣ довольно удачнымъ подборомъ преподавателей. Между ними были лица, безспорно обладавшія высокимъ научнымъ цензомъ и не лишенныя талантливости, — лица, которыя и въ наши дни сдѣлали бы честь любому университету. Достаточно упомянуть хотя бы о Лунинѣ, Валицкомъ, Рославскомъ-Петровскомъ, Зернинѣ и въ ту пору только что начавшемъ свое ученое поприще Срезневскомъ [2]). Впрочемъ Лунина Петровъ въ университетѣ уже не засталъ: въ 1844 г. онъ былъ по болѣзни въ отпуску за границей и, возвращаясь оттуда, скончался. Ближайшимъ же руководителемъ Михаила Назаровича былъ проф. Рославскій-Петровскій, серьезный и добросовѣстный ученый, читавшій курсы и по статистикѣ, и по различнымъ отдѣламъ всеобщей исторіи, много писавшій и, какъ человѣкъ лунинской школы, пользовавшійся немалымъ нравственнымъ авторитетомъ среди студен-

---

[1]) Въ изложеніи біографіи М. Н. Петрова я пользуюсь здѣсь (иногда дословно) составленнымъ мною очеркомъ «Мих. Наз. Петровъ. Страница изъ исторіи Харьковскаго университета» (Харьковъ. 1887), давно вышедшимъ изъ продажи. О Петровѣ писалъ также другой его ученикъ,—проф. В. П. Бузескулъ («Къ біографіи Мих. Наз. Петрова», «Харьк. Губ. Вѣд.». 1887, № 33; «М. Н. Петровъ», некрологъ, въ Журн. М. Нар. Пр. за 1887 г.).

[2]) См. ст. г. Н. «Харьковскій университетъ въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ» (Южный Край. 1883. №№ 711, 712, 718, 722; 730); М. Де-Пуле Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій. (Вѣстн. Евр. 1874, янв.); В. П. Бузескулъ Профессоръ М. М. Лунинъ, «Харьковскій-Грановскій». Спб. 1905 (отт. изъ Журн. М. Нар. Пр.); Д. И. Багалѣй Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Харьковъ. 1904.

товъ того времени. Въ маѣ 1848 г. Петровъ окончилъ университетскій курсъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, а въ октябрѣ представилъ въ факультетъ и кандидатскую диссертацію. Диссертація эта, написанная на тему «Цивилизація галло-франковъ во времена Меровинговъ», обнаружившая въ авторѣ рѣдкую для студента начитанность, и по объему, и по содержанію отличалась, несмотря на компилятивный характеръ, такою солидностью, что обратила на него особенное вниманіе профессоровъ и ректора. Онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ степени магистра всеобщей исторіи и уже черезъ годъ приступилъ къ магистерскому экзамену, а черезъ два, въ декабрѣ 1850 г., защитилъ новую диссертацію «О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI», вошедшую потомъ въ нѣсколько переработанномъ видѣ въ составъ его очерковъ «Изъ всемірной исторіи». Вскорѣ послѣ диспута факультетъ возбудилъ ходатайство объ опредѣленіи Петрова адъюнктомъ по избранной имъ каѳедрѣ, и въ сентябрѣ слѣдующаго года онъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить одну черту, весьма характерную для нашего историка. Въ трактатѣ о Людовикѣ XI Петровъ не излагаетъ исторіи его царствованія,—онъ только судитъ о ней. Онъ предполагаетъ факты этой исторіи извѣстными читателю и потому не вдается въ подробности. Вся его задача сводится къ тому, чтобы освѣтить эти факты съ принятой имъ точки зрѣнія, указать на внутренній ихъ смыслъ, сгруппировать ихъ такъ, чтобы являлась возможность сдѣлать какой-нибудь общій выводъ. Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ на ученомъ поприщѣ онъ заявляетъ себя не столько историкомъ въ прямомъ значеніи этого слова, сколько философомъ исторіи, и этому направленію онъ оставался вѣренъ до конца» [1]).

Какъ университетскій преподаватель Мих. Наз. скоро пріобрѣлъ репутацію блестящаго лектора. Предметомъ своихъ чтеній избралъ онъ сперва среднюю исторію, потомъ и новую; къ древней перешелъ онъ много позже, а въ послѣдніе годы своей жизни особенно заинтересовался исторіей древняго Востока и въ этомъ сошелся со своимъ учителемъ Рославскимъ-Петровскимъ, который въ свое время также платилъ дань увлеченію этимъ отдѣломъ исторіи.

Въ 1858 г. Петровъ получилъ ученую командировку заграницу на двухлѣтній срокъ. Передъ нимъ открывалась широкая возможность отдаться изученію любимаго предмета подъ руководствомъ

---

[1]) Срв. мой очеркъ «Мих. Наз. Петровъ», стр. 17.

выдающихся представителей историко-критической школы, господствовавшей тогда на Западѣ,—той самой школы, основателями которой были Савиньи, Эйхгорнъ, Нибуръ, Я. Гриммъ, К. О. Миллеръ и др. И дѣйствительно, онъ не терялъ времени даромъ. Посѣтивъ Германію, Францію, Англію, Бельгію и Италію, Петровъ, какъ видно изъ напечатаннаго имъ отчета о своихъ занятіяхъ, вездѣ умѣлъ найти много матеріала для разносторонней ученой работы. Ничто не ускользало отъ его вниманія: университетскіе курсы такихъ европейскихъ знаменитостей, какъ Ранке, Дройзенъ, К. Риттеръ, Лоренцъ, Зибель, Мишле, Гизо и др., ихъ методическіе пріемы, музеи, архивы и библіотеки, памятники мѣстной старины, археологическія коллекціи, исторія и внутренняя организація ученыхъ и образовательныхъ учрежденій,—все было предметомъ его тщательнаго изученія, все возбуждало въ немъ живѣйшій интересъ. Особенно же привлекали къ себѣ его вниманіе вопросы методологическіе. Какъ начинающій университетскій преподаватель, онъ видѣлъ въ уясненіи этихъ вопросовъ ближайшую свою задачу. «Въ теченіи моего двухлѣтняго пребыванія заграницею», пишетъ самъ онъ въ своемъ отчетѣ, «я твердо имѣлъ въ виду прямую цѣль, для которой былъ посланъ, а именно—приготовить себя къ возможно-основательному выполненію обязанности университетскаго преподаванія всеобщей исторіи. Добросовѣстное преслѣдованіе этой цѣли налагало на меня прежде всего долгъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ не какого-нибудь одного или нѣсколькихъ отдѣловъ науки, но полнаго круга историческихъ знаній, такъ какъ при нынѣшней организаціи нашихъ университетовъ преподаваніе въ нихъ всеобщей исторіи должно состоять преимущественно въ общихъ ея курсахъ, а не въ спеціальныхъ».

Мысль, выраженная въ этихъ словахъ, составляла завѣтное убѣжденіе Петрова. Правда, его собственныя университетскія чтенія нерѣдко бывали посвящены детальной разработкѣ различныхъ частныхъ отдѣловъ всеобщей исторіи, но эти спеціальные курсы служили лишь субстратомъ для общихъ, и лучшіе годы свои онъ отдалъ именно выработкѣ этихъ послѣднихъ,—тѣхъ самыхъ «Лекцій», которыя нынѣ выходятъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ и въ своей совокупности представляютъ полное и связное изложеніе всемірной исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII столѣтія. Вообще вопросъ объ учебной постановкѣ любимаго предмета его занятій въ нашей школѣ, средней и высшей, никогда не переставалъ интересовать Петрова. Не довольствуясь университетской аудиторіей, въ которой ему приходилось неоднократно обращаться къ

этому вопросу, онъ трактовалъ его и въ печати, въ живой и горячей газетной статьѣ «Историческая подготовка», выпущенной потомъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою и заключающей въ себѣ безпощадную критику ходячихъ школьныхъ пріемовъ преподаванія исторіи.

Въ ноябрѣ 1860 г. Мих. Наз. возвратился изъ своего путешествія въ Харьковъ, а въ слѣдующемъ 1861 г. уже издалъ привезенный имъ оттуда съ собою ученый трудъ, послужившій впослѣдствіи его докторскою диссертаціею,—«Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи». Въ книгѣ этой авторъ задался цѣлью представить сравнительное обозрѣніе новѣйшей учено-исторической литературы,—задался цѣлью показать, какъ три первенствующія націи «поняли свою отечественную исторію или, говоря другими словами, какъ поняли онѣ самихъ себя, потому что ужъ нигдѣ конечно не высказывается въ такой степени самосознаніе націи, какъ въ томъ, какимъ образомъ объясняетъ она свою собственную исторію». «Если вообще въ литературѣ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, поясняя ту же мысль, «выражается господствующее настроеніе вѣка и націи, то это особенно можно сказать объ исторіографіи; духъ, творящій исторію и объясняющій ею созданныя явленія,—одинъ и тотъ же; во взглядахъ на эти явленія и въ ихъ оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, замѣтно направленіе общества, его цѣли, желанія и идеалы». Благодаря такому широкому пониманію темы докторская диссертація Петрова, во многихъ частяхъ своихъ уже устарѣвшая, не утратила однако интереса и доселѣ, а разсѣянныя въ ней тамъ и сямъ прекрасныя и мѣткія литературныя характеристики еще болѣе возвышаютъ этотъ интересъ. Защищена она была въ Москвѣ въ 1865 г. На слѣдующій годъ Петровъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а еще черезъ полгода—и ординатуру.

Личная жизнь нашего историка не была богата событіями. Въ сентябрѣ 1871 г. онъ женился на дочери лектора харьковскаго университета Е. А. Данини, но скоро вслѣдъ затѣмъ потерялъ молодую жену и весь отдался заботамъ объ оставшейся послѣ нея маленькой дочери и своимъ научнымъ занятіямъ. Каѳедру въ харьковскомъ университетѣ онъ занималъ до 1886 г. Въ этомъ году онъ вышелъ въ отставку и спѣшилъ устроить свои дѣла, чтобы навсегда оставить Харьковъ и поселиться гдѣ-нибудь на югѣ, въ Крыму или заграницей, отдохнуть и внимательнѣе заняться воспитаніемъ любимой дочери. Планамъ этимъ однако не суждено было осуществиться. Скоропостижная смерть пресѣкла его дни въ ту самую минуту, когда онъ уже былъ близокъ къ своей завѣтной

цѣли, когда онъ со дня на день ожидалъ окончательнаго рѣшенія относительно выслуженной имъ пенсіи и почти совершенно приготовился къ отъѣзду. 23-го января 1887 г. его не стало...

Въ одномъ мѣстѣ Петровъ съ видимымъ сочувствіемъ приводитъ слова Маколея: «въ послѣднее время, говоритъ этотъ знаменитый англійскій историкъ по поводу флорентійской исторіи Макіавелли, манера писать измѣнилась. Разсказъ повѣствователя сдѣлался болѣе точнымъ. Сомнительно, болѣе ли точныя представленія получилъ оттого читатель. Мы почти готовы думать, что лучшія исторіи именно тѣ, гдѣ благоразумно введено немного поэтическаго вымысла. Кое-что утрачено въ точности разсказа, но выиграно много въ его общемъ впечатлѣніи; ускользнули нѣкоторыя тонкія линіи, но за то великія черты эпохи врѣзались въ душу на вѣки». И вотъ у Петрова, какъ у Маколея, исторія есть также сочетаніе поэзіи и философіи,—a compound of poetry and philosophy. Въ началѣ своего курса всеобщей исторіи онъ даетъ такое опредѣленіе этой науки: «исторія есть научное и вмѣстѣ художественное изложеніе прошедшей жизни человѣческаго рода; ея задача состоитъ въ художественно-вѣрномъ воспроизведеніи прошедшаго, а практическая польза въ томъ, что она учитъ насъ жить на свѣтѣ сознательно, т.-е. понимать, откуда и какъ произошли явленія окружающей насъ общественной жизни и отчего эта жизнь именно такая, какою мы ее видимъ теперь». Исходя изъ такого опредѣленія задачъ исторіи, Петровъ все свое вниманіе сосредоточивалъ не на детальной передачѣ фактовъ, не на внѣшнихъ явленіяхъ народной жизни, а на ихъ внутреннемъ значеніи, на взаимной связи послѣдовательныхъ событій, на общихъ законахъ историческаго движенія, на психологическихъ мотивахъ, на такъ называемой «культурной» исторіи. Онъ всегда старался выдвинуть впередъ тѣ, какъ онъ выражается, «невѣсомыя силы», которыя собственно не проявляются «ни въ какомъ особенномъ, исключительномъ фактѣ или событіи, но которыя однакожъ незримо участвуютъ въ каждомъ и одушевляютъ все подобно тому, какъ свѣтъ, теплота, электричество проникаютъ и дѣйствуютъ во всѣхъ предметахъ». Это суть—духъ вѣка, характеръ народный, мѣстныя вліянія.

Университетскій курсъ лекціи Петрова отличается необыкновенною сжатостью и строгою выдержанностью плана. Авторъ ни на минуту не упускаетъ своей главной цѣли—дать общій, цѣльный, осмысленный и всесторонній обзоръ жизни народовъ древняго и новаго міра,—такой обзоръ, который бы, будучи сколь возможно кратокъ, не оставлялъ необъясненнымъ ни одного крупнаго исто-

рическаго явленія. И нужно отдать ему справедливость,—онъ зналъ, какъ этого достигнуть. Каждому факту, каждому историческому дѣятелю онъ умѣлъ отвести ровно столько мѣста, сколько было необходимо для того, чтобы стройность системы не нарушалась; онъ принималъ во вниманіе всѣ элементы, всѣ факторы исторической жизни, но ни одному изъ нихъ не отдавалъ предпочтенія передъ другими. Онъ успѣлъ найти середину между чисто-фактическою исторіею и исторіею философскою, и, что важнѣе, успѣлъ вездѣ удержаться въ предѣлахъ этой середины [1]).

Въ первомъ изданіи настоящаго тома мною были указаны тѣ матеріалы, которыми я пользовался при первоначальной обработкѣ лекцій по древней исторіи. Укажу ихъ и здѣсь. Это 1) собственноручныя записки М. Н. Петрова, составленныя имъ, какъ можно предполагать, во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ и не обнаруживающія никакихъ слѣдовъ позднѣйшихъ поправокъ; 2) литографированный курсъ древней исторіи, изданный въ 1884 г. однимъ изъ слушателей покойнаго профессора подъ его редакціею и во многихъ пунктахъ, — особенно въ томъ, что касается исторіи Востока, — значительно отличающійся отъ названныхъ записокъ; наконецъ 3) бѣглыя отрывочныя замѣтки отчасти библіографическаго, отчасти критическаго характера, разновременно сдѣланныя то черниломъ, то карандашомъ на отдѣльныхъ небольшихъ листкахъ и найденныя въ бумагахъ Михаила Назаровича. Большая часть ихъ также относится къ исторіи Востока, которою онъ въ послѣдніе годы жизни особенно интересовался.

Само собою разумѣется, что то же чувство уваженія къ памяти моего покойнаго учителя, которымъ я руководствовался въ своемъ пониманіи взятой на себя задачи при обработкѣ его «Лекцій» для перваго изданія, управляло мною и при новомъ пересмотрѣ этой книги. Теперь, какъ и тогда, оно побуждало меня отнестись къ его произведенію съ возможною консервативностью. Но для того, чтобы его курсъ древней исторіи продолжалъ и на будущее время удовлетворять потребности университетскихъ слушателей въ дѣльномъ руководствѣ такого рода, этотъ курсъ требовалъ частью подновленія, частью существенныхъ добавленій, и было бы непростительнымъ ригоризмомъ, если бы я въ качествѣ редактора остановился передъ необходимыми измѣненіями стараго текста изъ опасенія оказаться при этомъ черезчуръ смѣлымъ. Весь текстъ былъ мною вновь тщательно сличенъ съ рукописью, всѣ дополненія, вставки, поправки и передѣлки обозначены прямыми скобками, причемъ въ скобки

[1]) См. назв. біографич. очеркъ, стр. 27, 30 слл.

заключены и тѣ мѣста, которыя подверглись переработкѣ уже въ первомъ изданіи, но по принятой тогда мною системѣ не были особо отмѣчены. Это избавляетъ меня отъ необходимости перечислять здѣсь всѣ сдѣланныя измѣненія,—укажу лишь на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ «пропедевтикѣ» значительно дополнено изложеніе философскихъ теорій, вліявшихъ на исторіографію, и переработанъ заново отдѣлъ о временахъ доисторическихъ, о человѣческихъ расахъ и различныхъ попыткахъ ихъ классификаціи. Не отдавая на этотъ разъ предпочтенія ни одной изъ этихъ попытокъ, какъ то было сдѣлано мною въ первомъ изданіи, гдѣ статья о расахъ была составлена по Пешелю, я счелъ болѣе цѣлесообразнымъ освѣдомить читателя о всемъ многообразіи существующихъ въ наукѣ на этотъ счетъ предположеній. Въ исторіи Востока приняты во вниманіе результаты новѣйшихъ открытій и болѣе подробно изложенъ ходъ приведшихъ къ нимъ археологическихъ изысканій. То же нужно сказать о начальной исторіи Греціи, гдѣ весь отдѣлъ о раскопкахъ Генриха Шлимана и доисторическихъ культурахъ подвергся коренной переработкѣ и значительному расширенію. Въ исторіи Аѳинъ устранено все то, что теперь, послѣ того какъ сталъ извѣстенъ трактатъ Аристотеля объ аѳинской «политіи», оказалось невѣрнымъ и устарѣвшимъ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ нашли мѣсто нѣкоторыя новыя данныя, установленныя на основаніи свидѣтельствъ этого памятника. Глава, посвященная древне-италійской этнографіи, также исправлена и дополнена, какъ того требуетъ современное положеніе вопроса о населеніи древней Италіи. Наконецъ всѣ литературныя указанія вновь пересмотрѣны и подновлены [1]).

Кстати о литературныхъ указаніяхъ. Въ первомъ изданіи книги я принялъ за правило по каждому вопросу указывать изъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ только самыя выдающіяся; изъ русскихъ же, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, по возможности всѣ существующія за исключеніемъ слишкомъ устарѣвшихъ. Правила этого я въ общемъ держусь и понынѣ, причемъ наряду съ сочиненіями научными нерѣдко привожу книги и статьи популярнаго характера, иногда такія книги, которыя представляютъ уже библіографическую рѣдкость, и такія статьи, которыя разсѣяны по старымъ журналамъ и не для всѣхъ доступны. Дѣлаю я это въ виду того, что «Лекціи» проф. Петрова разсчитаны не на однихъ слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, а и на преподавателей, для которыхъ важно имѣть подъ руками систематическій подборъ ма-

[1]) Всего введено такимъ образомъ въ текстѣ «Лекцій» дополненій, поправокъ и примѣчаній около девяти печатныхъ листовъ (139 страницъ).

теріала, пригоднаго въ качествѣ класснаго чтенія, и которые могутъ пользоваться библіотеками учебныхъ заведеній, часто весьма богатыми именно по части старыхъ журналовъ и книгъ, ставшихъ уже рѣдкими. Въ отдѣлѣ греческой исторіи главнымъ моимъ пособіемъ служитъ при этомъ «Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи» (съ XVII стол. по 1895 г.), составленный П. И. Прозоровымъ (Спб. 1898 г.); въ отдѣлѣ римской исторіи, а отчасти и въ другихъ, мою задачу значительно облегчилъ мнѣ своими библіографическими познаніями мой бывшій ученикъ И. И. Дусинскій, которому поэтому не могу не выразить здѣсь сердечной признательности.

Такъ какъ необходимость обновить старый текстъ «Лекцій» чувствовалась особенно живо въ области предшествующаго историческому изложенію общаго введенія или «пропедевтики», а между тѣмъ рамки этого введенія значительно шире моей спеціальной научной компетенціи, то при обработкѣ его я не могъ всецѣло полагаться на себя самого и воспользовался дружескими указаніями моихъ уважаемыхъ товарищей профессоровъ П. Н. Ардашева, В. П. Бузескула, Е. Н. Щепкина,—по обще-историческимъ вопросамъ, В. Д. Ласкарева—по вопросу о до-историческомъ прошломъ земли и человѣка. Корректурные листы книги не отказались по моей просьбѣ просмотрѣть также акад. В. В. Латышевъ и профессора А. А. Тихомировъ и Н. И. Карѣевъ. Отмѣчаю участливое вниманіе названныхъ лицъ къ моей работѣ съ чувствомъ глубокой благодарности.

Что касается транскрипціи собственныхъ именъ, то въ этомъ отношеніи въ новомъ изданіи, какъ и въ старомъ, не соблюдена послѣдовательность и сохранены нѣкоторыя неправильныя формы, которыя въ русскомъ языкѣ установилъ usus tyrannus (напр. Мегара, Тезей, Истмъ вм. Мегары, Θесей, Исѳмъ и т. п.).

Въ концѣ перваго тома приложена перепечатанная въ извлеченіи изъ «Ученыхъ Извѣстій Московскаго Университета» за 1865 г. рѣчь Михаила Назаровича, произнесенная имъ при защитѣ докторской диссертаціи («Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи»). Устранять это приложеніе я не видѣлъ достаточныхъ основаній: какъ прежде, такъ и теперь, рѣчь эта, представляющая болѣе подробное развитіе тѣхъ мыслей, которыя изложены въ «пропедевтикѣ» (стр. 4—13), многими можетъ быть прочтена съ интересомъ.

А. Деревицкій.

Казань.
14 октября 1906 г.

ПОПРАВКИ и ДОБАВЛЕНІЯ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
15	27 снизу	Wissenschaft!	Wissenschaft?
16	32 „	XVIII=XIX вв.	XVIII—XIX вв.
22	20 „	Армошевскаго	Армашевскаго
40	1 „	A. Rombaud	A. Rambaud
67	3 сверху	Египтянъ	египтянъ
85	3 снизу	538 г.	539 г. (по вычисленію Эд. Мейера „Gesch. d. Altert". III, 469, 501).
89	1 „	Д.	*Ред.*
120	10 сверху	неугасимыми	неугасаемыми
126	21 „	въ 10 томахъ	въ 12 томахъ
127	11 снизу	А. Козлова	А. А. Козлова
132	4 сверху	Пагасійскій	Пагасейскій
—	10 „	съ трудомъ могутъ	въ древности сътрудомъ могли
—	10 снизу	На восточномъ	На западномъ
—	11 „	а на западномъ	а на восточномъ
—	3 „	Саронскомъ	Сароническомъ
133	11 сверху	Платея	Платеи
—	12 „	Левктра	Левктры
—	9 снизу	Акціумъ	Акцій
134	18 сверху	пальмоваго	виноградnаго
135	16 „	Левкадія	Левкада
160	6, 11*) „	тирановъ, тиранiи	тирановъ, тираніи
161	9 снизу	І. Страшкевичъ	К. Ѳ. Страшкевичъ
162	1 „	И. Помяловскій	И. В. Помяловскій
—	4 „	Л. А. Стефани	Л. Э. Стефани
—	24 „	Діоскурія	Діоскуріада
163	15 „	В. Шкорпила	В. В. Шкорпила
224	17 „	Въ сороковыхъ	Въ тридцатыхъ
322	4 сверху	народнаго государственнаго	народнаго и государственнаго
326	10 снизу	А. С. Милюковъ	А. С. Милюкова

*) U passim.

Дополненія къ литературнымъ указаніямъ.

Стр. 1, прим.—E. Bernheim Einleitung in die Geschichtswissenschaft. Leipzig. 1905 („Sammlung Göschen").

Стр. 5, прим.—См. также Н. П. Карѣевъ „Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи" (въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ", Спб. 1894; 2 изд. 1899); П. Н. Ардашевъ „О прогрессѣ въ исторической наукѣ". Вступительная лекція. Кіевъ. 1904.

Стр. 8, прим.—Есть сокращенное изложеніе „Курса" Оч. Конта, сдѣланное Риголажемъ съ сохраненіемъ редакціи подлинника и переведенное и по русски (изд. Пантелѣева).

Стр. 15, прим. 2.—В. К. Пискорскій „Предметъ, методъ и задача науки всеобщей исторіи" (вступит. лекція) въ Ученыхъ Запискахъ Казан. унив. за 1906 г. Н. И. Карѣевъ Общій ходъ всемірной исторіи. Очерки главнѣйшихъ историческихъ эпохъ. Спб. 1902.

Стр. 43 сл.—Bouillet Dictionnaire d'histoire et de géographie, refondu scus la direction de L. Gourraogne. 31 éd. Paris. 1895.

Стр. 51, прим. 1.—Кн. В. П. Максутовъ Исторія древняго Востока, культурная и политическая, отъ древнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго владычества (въ двухъ томахъ). Спб. 1905. Н. И. Карѣевъ Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Спб. 1904.

Стр. 56 сл. (въ литературѣ по исторіи Египта).—Wallis Budge A history of Egypt. 8 vols. L. 1901 (съ древнѣйшихъ временъ до Клеопатры). В. М. Весленевъ Въ странѣ фараоновъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта. Калуга. 1901. Е. А. Пасынкинъ Военное искусство древняго Египта. Спб. 1901. В. Икономовъ Древній Египетъ. Культурно-историческій очеркъ. 2 изд. М. 1903.

Стр. 77 сл. (въ литературѣ по исторіи Халдеи и Ассиріи).—А. Виноградовъ Древне-патріархальныя династіи царей въ Ассуро-Вавилоніи и Персіи, Китаѣ, у евреевъ и магометанъ, или патріархально-династическая хронологія и теорія, основанная на историческихъ памятникахъ по новѣйшимъ открытіямъ и выводамъ науки (приложеніе къ „Исторіи библіи на Востокѣ"). Спб. 1895. С. Несоцкій Гаданія у древнихъ ассиро-вавилонянъ. Кіевъ. 1901.

Стр. 88, прим. 1.—John Urquhart Die neueren Entdeckungen und die Bibel. 4 Aufl. Stuttgart. 1904; Bettex Наука и библія. Перев. съ нѣм. Н. И. Иванова. Спб. 1905; Деличъ Библія и Вавилонъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1906; А. П. Лопухинъ Вавилонскій царь правды Аммурабн и его новооткрытое законодательство въ сопоставленіи съ законодательствомъ Моисеевымъ. Кіевъ. 1904. „Библія и Вавилонъ" (апологетическій очеркъ). Спб. 1904; О. Фрейбергъ Древній Вавилонъ и его вліяніе на нашу культуру. Витебскъ, 1902.

Стр. 91.—Іосифъ (іеромонахъ) „Исторія іудейскаго народа по археологіи Іосифа Флавія. Сергіевъ Посадъ. 1902.

Стр. 99.—Б. А. Тураевъ Очеркъ исторіи изученія финикійской древности. Спб. 1893; его же Классическій Востокъ. Остатки финикійской литературы. Спб. 1903.

Стр. 103, прим. 1.—Я. Б. Шницеръ Иллюстрированная исторія письменъ. Спб. 1902.

Стр. 106 сл. (въ литературѣ объ аріяхъ): K. Jhering Vorgeschichte der Indoeuropäer. Leipz. 1894.

Стр. 109 (въ литературѣ объ индусахъ).—Д. Н. Овсянико-Куликовскій Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индо-европейской древности. I. Культъ божества Sôma въ древней Индіи. Одесса. 1884; Коссовичъ Двѣ лекціи о санскритскомъ эпосѣ (Русск. Слово, 1860 г.); Г. Ольденбергъ Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Изд. 3. М. 1898.

Стр. 117 (въ литературѣ объ иранскихъ народахъ).—А. Л. Погодинъ Религія Зороастра (Джаксонъ, Жизнь Зороастра, перев. А. Л. Погодина). Спб. 1902; И. Зиновьевъ Эпическія сказанія Ирана. Спб. 1855; Радлинскій Надписи персидскихъ царей изъ рода Ахеменидовъ; А. Крымскій Исторія Персіи, ея литературы и дервишской теософіи. М. 1903. З. А. Рагозина Исторія Мидіи, второго вавилонскаго царства и возникновенія персидской державы. Спб. 1902.

Стр. 127 (въ литературѣ по исторіи Греціи): А. С. Лещинскій Fasti militares. Хронологія всемірной военной исторіи съ указаніемъ на главные факты обще-политической и культурной исторіи. I. Древняя исторія. Спб. 1901; П. Кумской Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Историческая хрестоматія. I. Тифлисъ. 1890; В. Алексѣевъ Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. I. Спб. 1891. С. О. Цыбульскій Иллюстраціи быта грековъ и римлянъ въ таблицахъ (съ объяснительнымъ текстомъ). Спб. и М. 1889 слл. Р. Пёльманъ Очеркъ греч. исторіи съ источниковѣдѣніемъ. Перев. Русановой, Кремлевой и Бекетовой. Спб. 1906; „Эллинская культура“ въ изложеніи Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера. Перев. Н. П. Бергъ подъ ред. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго (изд. Брокгауза и Ефрона Пока вышло 2 вып.).

Стр. 129. прим. 2.—Павсаній Описаніе Эллады или путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х. Перев. съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: „Историко-литературное значеніе Павсанія“, „Краткій очеркъ исторіи греческаго искусства“ и проч. Г. Янчевецкаго. Спб. 1887—89.

Стр 157, прим. 1.—С. П. Шестаковъ (сочиненія, указанныя на стр. 238, прим. 1).

Стр. 161, прим. 1.—Бойезенъ Пособіе къ изученію греческой древности въ перев. Земберга вышло вторымъ изданіемъ; А. Покровскій Къ вопросу объ основномъ характерѣ древне-эллинскаго государства. Нѣжинъ. 1905.

Стр. 163, прим.—О Херсонесѣ см. ст. М. И. Ростовцева въ энцикл. словарѣ Брокгауза и Ефрона. — Проф. Ю. А. Кулаковскій Прошлое Тавриды. Кіевъ. 1906. М. Я. Энгель Русская Помпея (Херсонесъ Таврическій). Севастополь. 1904.

Стр. 174. прим.—S. Reinach Traité d'épigraphie grecque, précédé d'un essai sur les inscriptions grecques par C. T. Newtorn. Paris. 1885; Larfeld Handbuch der griech. Epigraphik (въ четырехъ томахъ); Гинрихсъ Очеркъ греческой эпиграфики, въ перев. А. В. Никитскаго. Одесса. 1894.

Стр. 196, прим. 1.—E. Szanto Das griechische Bürgerrecht. Freiburg i. B. 1893.

Стр. 206 (въ литературѣ о Периклѣ и его времени).—P. Monceaux La Grèce avant Alexcandre. Etude sur la société grecque du VI au III siècle. P. 1893; Т. Алабина Картины изъ жизни государства аѳинскаго въ V в. до Р. Х. М. 1904. А. Д. Грантъ Греція въ вѣкъ Перикла, перев. И. Шамонина. М. 1905.

Стр. 172 (къ статьѣ „Общественныя игры“).—J. H. Krause Hellenica oder Institute, Sitten und Bräuche der alten Hellas. 2 Bde. 1831—41. „Olympia“. Die Ergebnisse der vom deutschen Reiche veranstalteten Ausgrabung, hrsg. v. E. Curtius, F. Adler, Treu, W. Dörpfeld, W. Dittenberger и Purgold. 5 Bde. Bert. 1881—97; К. Мазуринъ Олимпія (по В. Лалу и Т. Монсо).

Стр. 235 (въ литературѣ вопроса).—И. В. Цвѣтаевъ Учебный атласъ античнаго ваянія. М. 1890.

Стр. 245, прим. 2.—П. Д. Первовъ Изъ исторіи Геродота. Чтеніе для юношества и самообразованія.

Стр. 260 (къ литературѣ о римлянахъ).—Римская исторія. I. Исторія царскаго и республиканскаго періодовъ по Моммсену, перев. А. К. Кедрова; II. Исторія римской имперіи. Сборникъ статей въ перев. А. С. Милюковой („Библіотека для самообразованія“). М. 1900.

Стр. 326.—Свѣтоній Транквилл Жизнь двѣнадцати цезарей. Перев. съ введ. и примѣч. В. Алексѣева. Спб. 1904.

Стр. 333, прим. 1.—И. И. Семеновъ Іудеи и христіанскій міръ въ II вѣкѣ христіанской эры. М. 1905.

Стр. 336, прим. 1.—Л. Багрецовъ Положеніе христіанъ въ римской имперіи при императорѣ Маркѣ Авреліи. Гродно. 1904; Эрн. Ренанъ, Маркъ Аврелій и паденіе античнаго міра. Перев. Л. Я. Гуревичъ. Спб. 1906.

Стр. 344, прим. 1. — „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“, составл. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова, вышла четвертымъ изданіемъ (М. 1905).

Стр. 367 (къ литературѣ вопроса).—В. И. Модестовъ Исторія римской литературы. Дополненіе къ изданію 1888 г. „Лекцій по исторіи римской литературы“, читанныхъ въ кіевскомъ и петербургскомъ университетахъ. Спб. и М. 1905.

Стр. 372, прим. 1.—Д. И. Нагуевскій Изъ исторіи римскаго амфитеатра. Казань. 1901.

Стр. 375, прим. 1.—Г. Гельдъ Помпея (рѣчь). Ревель. 1904.

Стр. 378, прим. 3.—Д. И. Нагуевскій Виргилій и его эклоги. Очерки изъ римской поэзіи. I. Казань. 1895.

Стр. 379, прим. 1.—П. Овидій Назонъ,—Наука любви, въ русск. перев. съ примѣч. А. И. Манна. Спб. 1905.

Стр. 388, прим. 1.—П. Виллемсъ Римское государственное право. Перев. подъ ред. П. П. Бодянскаго, Кіевъ. 1888—90. Институція Гая. Кн. I—IV, въ перев. Д. Расснера, 1887; кн. I—II, въ перев. Ѳ. Дыдынскаго (Варшава 1890—91) и М. Бобина (Харьковъ, 1892).

Примѣчаніе. Тѣ изъ подстрочныхъ примѣчаній, которыя отмѣчены буквою **П.**, принадлежатъ покойному автору „Лекцій“; другія, отмѣченныя буквою **Б.** (на стр. 9, 10, 14),—проф. В. П. Бузескулу; всѣ остальныя, снабженныя помѣткою *Ред.*, составлены редакторомъ настоящаго тома „Лекцій“. Редакторомъ же частью вновь составлены, частью переработаны, исправлены и дополнены всѣ статьи, помѣщенныя въ началѣ каждаго отдѣла и каждой главы (кромѣ стр. 256—259) и заключающія въ себѣ исторію ученой разработки вопроса и его литературу. Отмѣтка *Ред.* при нѣкоторыхъ изъ этихъ статей по недосмотру опущена (стр. 197, 206, 213, 222).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАГО ТОМА.

Предисловіе (III—XI).

Поправки и дополненія (XII—XV).

Пропедевтика.

Историческій очеркъ постепеннаго развитія понятій объ исторіи (1). Понятіе объ исторической критикѣ (16). Вспомогательныя знанія, необходимыя для историка (17). Общія понятія о временахъ доисторическихъ (18). Единство человѣческаго рода (22). Человѣческія расы и ихъ классификація (23). Народы и племена. Языки (28). Историческіе народы и родственныя ихъ отношенія (28). Движеніе всемірной исторіи (32). Главные отдѣлы всеобщей исторіи (36). Курсы всеобщей исторіи (38).

Исторія древняго міра.

Общій географическій обзоръ древняго міра. Стр. 42—49.

Объемъ географическихъ свѣдѣній древнихъ (44). Предѣлы и средоточіе древняго историческаго міра (44). Характеристика Востока и Запада (45). Страны историческаго Востока (45). Страны древне-историческаго Запада (48) Общій ходъ исторіи древняго міра (49).

Исторія Востока.

Важность и интересъ изученія древняго Востока (50). Послѣдовательность историческаго движенія на Востокѣ (50).

А. Хамиты.

Египтяне. Стр. 51—72.

Преимущества египетской образованности (57). Выгоды географическаго положенія и естественныхъ свойствъ Египта (58). Политическая исторія Египта (59). Бытовая исторія Египта: a) религія (67); b) общественное устройство (68); c) научныя познанія и открытія (69); d) искусства (70); e) домашній бытъ и нравы (71); f) культурныя сношенія Египта съ другими народами древности (72).

B. Семиты.

1) Халдеи и ассирійцы. Стр. 73—91.

Древность халдейской культуры (77). Мѣстныя условія тигро-евфратской равнины (78). Этнографія этой страны (78). Исторія древняго халдейскаго царства (80). Исторія ассирійскаго царства (83). Судьба ново-халдейскаго царства (84). Бытовая исторія халдеевъ и ассирійцевъ: a) религія (85); b) общественное устройство (86); c) образованность (88).

2) Евреи. Стр. 91—98.

Значительность и важность еврейской культуры (91). Исторія народа еврейскаго (92). Культурныя сношенія евреевъ съ другими народами древняго Востока (96). Самобытная сторона еврейской культуры: a) общественное устройство (97); b) литература (97); c) національность (98).

3) Финикіяне Стр. 98—106.

Естественныя выгоды финикійскаго побережья (100). Народъ и города финикійскіе (100). Торговыя сношенія финикіянъ,—морскія и сухопутныя (100). Колоніи финикіянъ (102). Историческія заслуги финикіянъ (102). Прочія стороны финикійской культуры: a) религія (103); b) общественное устройство (104). Политическая судьба Финикіи (104).

C. Аріи.

Разселеніе и развѣтвленіе арійскаго племени по Азіи и Европѣ (107).

1) Индусы. Стр. 108—117.

Внѣшняя исторія Индіи (109). Религія (110). Общественное устройство. Касты (112). Литература (113). Пластическія искусства (113). Реакція противъ браманизма. Буддизмъ (115).

2) Иранскіе народы. Стр. 117—125.

Природа и населеніе древняго Ирана (118). Древне-иранскій языкъ и религія (118). Внѣшняя исторія Ирана (120). Внутренняя организація персидской державы (123). Значеніе персидской державы во всемірной исторіи (125).

Классическіе народы.

A. Греки.

Всемірно-историческое значеніе древней Греціи (127).

I. Географическій очеркъ древней Греціи. Стр. 129—137.

Естественныя преимущества древней Греціи (129). Естественное дѣленіе материковой Греціи (131). 1. Сѣверная Греція: a) Эпиръ (131); b) Ѳессалія (131). 2. Средняя Греція: a) Аттика (132); b) Бэотія (133); c) Фокида (133); d) остальныя области Эллады; e) Истмъ (133). 3. Пелопоннесъ: a) Аркадія (134); b) Лаконія (134); c) Мессенія (134); d) Ахаія (134); e) Арголида (134); f) Элида (135). 4. Острова: a) на Іонійскомъ морѣ (135); b) на Средиземномъ морѣ (135); c) на Эгейскомъ морѣ (135). 5. Ѳракія, Македонія и Иллирія (136). 6. Западный берегъ М. Азіи (136).

II. Миѳическія времена греческой исторіи. Стр. 137—158.

Характеръ миѳическаго періода (138). Происхожденіе и племенное родство греческаго народа (139). Его древнѣйшее мѣсто жительства (139). Пеласги и эллины (139). Племена эллинскія (140). Раскопки Генриха Шлимана (141). Доисторическія культуры (143): a) троянская культура (145). Такъ называемые иностранные колонисты (146). Племенные герои и царскіе роды (148). Общія племенныя предпріятія эллиновъ (148). b) Микенская культура (149). Героическій бытъ (153). Переселеніе дорянъ (155). Героическій эпосъ (156).

III. Времена полумиѳическія. Стр. 158—172.

Общій характеръ этого періода (158). Главнѣйшія государства этого періода и общій ходъ ихъ политической жизни (159). Греческія колоніи: a) восточныя (161); b) западныя (163). Историческое значеніе колоній (164). Единство греческаго народа (166). Религія (167). Амфиктіоніи (169). Третейскіе суды (169). Проксенія (170). Оракулы (170). Общественныя игры (172).

IV. Времена историческія. Стр. 173—197.

Іонизмъ и доризмъ (173). Спарта (174). Легенда о Ликургѣ (174). Критика преданія о Ликургѣ (175). Оцѣнка ликурговыхъ учрежденій (178). Гегемонія Спарты (178). Аѳины (179). Населеніе Аттики (179). Родовое устройство (180). Царская власть (181). Переходъ отъ монархіи къ аристократіи (182). Начало внутренней борьбы классовъ (183). Покушеніе Килона (185). Драконтъ (186). Законодательство Солона (186). Государственное устройство Аѳинъ (189). Тираннія Дамасія (193). Писистратъ и Писистратиды (194). Реформа Клисѳена (195). Дальнѣйшее развитіе аѳинской демократіи (196). Отличительныя черты греческаго государства вообще (196).

V. Персидскія войны. Стр. 197—205.

Причины персидскихъ войнъ (197). Поводъ къ нимъ (198). Предпріятіе Дарія Гистаспа (198). Нашествіе Ксеркса (200). Продолженіе персидскихъ войнъ (204). Причины успѣха грековъ (204). Послѣдствія персидскихъ войнъ и ихъ всемірно-историческое значеніе (205).

VI. Цвѣтущая пора греческой жизни. Гегемонія Аѳинъ. Вѣкъ Перикла. Стр. 205—210.

Причины возвышенія Аѳинъ послѣ персидскихъ войнъ (206). Начало борьбы со Спартою за гегемонію (207). Вѣкъ Перикла (207). Аѳинская политика при Периклѣ: a) внутренняя (208); b) внѣшняя (210). Счастливѣйшее время Аѳинъ и цѣлой Греціи (211).

VII. Пелопоннесская война. Упадокъ Греціи. Стр. 212—221.

Причины и поводы пелопоннеской войны (213). Первые годы войны до никіева мира (214). Алкивіадъ (214). Исходъ войны (215). Слѣдствія пелопоннесской войны и ея всемірно-историческое значеніе (216). Время упадка Греціи (217).— 1. Вторая гегемонія Спарты (217): a) отступленіе 10 тысячъ (217); b) походъ Агесилая въ Малую Азію и анталкидовъ миръ (218); c) война олинѳская и ѳиванская (219). Эпаминондъ и Пелопидъ (219). 2. Ѳиванская гегемонія (220). Общее состояніе Греціи въ эпоху упадка (221).

VIII. Македонская пора греческой исторіи. Стр. 221—233.

Македонія до Филиппа (222). Филиппъ Македонскій (222). Александръ Великій (224). Завоеваніе персидскаго царства (225): a) приготовленіе къ походу (225); b) состояніе персидскаго царства (225); c) походы Александра (226). Всемірно-историческое значеніе александровыхъ завоеваній (228). Распаденіе державы Александра Великаго послѣ его смерти (229). Судьба государствъ греко-македонскихъ (229): a) Греція (229); b) Сирійское царство (231); c) Египетъ (232); d) меньшія государства, возникшія изъ состава александровой монархіи (232): α) Іудея (232); β) Пареія (233).

IX. Греческая образованность. Стр. 233—256.

Періоды развитія греческой образованности (235). 1. Вѣкъ начинаній. Общій характеръ этого періода (236): a) искусство (236); b) поэзія (238); c) философія (239). 2. Вѣкъ искусства. Его общій характеръ (241): искусства образовательныя (241); словесныя искусства (244). Философія (246). 3. Вѣкъ науки. Его общій характеръ (249). Аристотель (250). Значеніе Александріи (251). Музей (251). Александрійская ученость (252): 1. Грамматика и поэзія (252); 2. Исторіографія (252); 3. Географія (253); 4. Астрономія и математика (253); 5. Естествознаніе и медицина (254); 6. Философія (255). Заключеніе (256).

B. Римляне.

Всемірно-историческое значеніе Рима (260).

I. Географія и этнографія древней Италіи. Стр. 261—272.

Естественныя преимущества Италіи (261). Дѣленіе материковой Италіи и ея острова (262). Этнографія древней Италіи (264): 1. Латины (266); 2. Сабины (267); 3. Этруски (267); 4. Греки (269); 5. Кельты (269); Лаціи (270). Начало Рима (270).

II. Время царей. Стр. 272—280.

Общій характеръ періода (272). 1. Государственное устройство (273). 2. Религія (275). 3. Гегемонія Рима въ Лаціи (277). Плебеи (278). 4. Сервіанская реформа (279).

III. Республика. Стр. 280—326.

Характеръ и смыслъ внутренней исторіи римской республики (280). Эпохи исторіи республиканскаго Рима (281).

a) Время борьбы гражданъ съ правительствомъ и плебеевъ съ патриціями. Стр. 281—288.

Уничтоженіе царской власти (281). Перемѣны въ государственномъ устройствѣ (282). Борьба сословій за права: a) господство патриціевъ (283); b) удаленіе на Священную гору и учрежденіе трибуната (284); c) первые сорокъ лѣтъ борьбы (284); d) децемвиры и законы XII таблицъ (285); e) уравненіе сословій (286). Внѣшняя исторія (288).

b) Періодъ завоеваній. Стр. 289—303.

Объединеніе Италіи (289): a) покореніе южной Этруріи (289); b) покореніе Лація (289); c) самнитскія войны (290); d) война съ тарентинцами и Пирромъ (291)

Военное и административное искусство римлянъ (292). Внѣ-италійскія завоеванія Рима (294). Карѳагенъ (294). Первая пунійская война (295). Первыя провинціи и провинціальное управленіе (297). Вторая пунійская война (298). Завоеваніе Македоніи, Греціи, Малой Азіи и Карѳагена (301). Причины быстрыхъ успѣховъ римскаго оружія (302).

c) Вѣкъ революцій. Стр. 303—325.

Вліяніе римскихъ завоеваній на нравы и общественный бытъ (303). Гракхи (307), Марій и Сулла. Первая гражданская война (308). Кней Помпей (312). Первый тріумвиратъ (316). Юлій Цезарь. Галльская война (317). Вторая гражданская война (320). Реформы и учрежденія Юлія Цезаря (321). Смерть Цезаря (323). Послѣдніе годы республики. Второй тріумвиратъ (324).

IV. Имперія. Стр. 326—366.

Переходъ къ монархіи (326). Правленіе Августа (328).

Четыре главныя эпохи римской имперіи.

a) Періодъ принципата. Стр. 330—337.

Недостатки августовой монархіи (330). Тиберій (331). Преемники Тиберія (332). Флавіи и Антонины (333).

b) Вѣкъ военнаго деспотизма. Стр. 337—344.

Септимій Северъ и его ближайшіе преемники (337). Отношеніе Рима къ восточнымъ и сѣвернымъ варварамъ: a) персы (340); b) германцы (341). Ихъ первыя наступательныя движенія (343).

c) Императоры—товарищи. Стр. 344—346.

Діоклеціанъ (344).

d) Христіанскіе императоры. Стр. 346—366.

Константинъ В. (346). Преемники Константина В. (355). Юліанъ Отступникъ (356). Ѳеодосій В. (356). Недостатки новой организаціи имперіи (357): a) государственная централизація и бюрократія (357); b) экономическое истощеніе (358). Распаденіе имперіи на восточную и западную (359).

Великое передвиженіе варварскихъ народовъ (360). Послѣднія судьбы западной имперіи (365).

V. Римская образованность. Стр. 367—388.

Подражательный характеръ римской образованности (367). Ея всемірно-историческое значеніе (368) Ходъ развитія римской образованности (369).—I. Періодъ этрусскаго вліянія. Общій характеръ его (369). a) Искусство (369); b) литература (370). II. Періодъ подчиненія Рима греческому вліянію. Его характеръ (370). a) Искусство этого періода (371); b) литература (371). III. Періодъ полнаго расцвѣта римской образованности. Его характеристика (373); a) образовательныя искусства (374); b) словесныя искусства (376); c) философія (381); d) науки (381). IV. Эпоха ближайшихъ преемниковъ Августа. Ея общій характеръ (382). a) Искусство (383); b) литература и спеціальныя знанія (383). V. Время упадка римской образованности (387).

Приложеніе. Объ отношеніи историческихъ наукъ къ естествознанію (389—397).

ПРОПЕДЕВТИКА.

Историческій очеркъ постепеннаго развитія понятій объ исторіи.

Какъ все наше научное образованіе имѣетъ свои корни въ греческомъ мірѣ, такъ и исторія обязана своимъ происхожденіемъ грекамъ, на что указываетъ и самое названіе этой науки, перешедшее къ намъ отъ грековъ. Греція открыла исторію и создала ея первые образцы. Геродотъ, Θукидидъ, Ксенофонтъ, Плутархъ и Полибій въ своихъ твореніяхъ представили уже почти всѣ главные роды и направленія историографіи, существующіе и понынѣ. Но раздробленный греческій міръ, съ трудомъ дошедшій до сознанія своего собственнаго національнаго единства, никогда не могъ возвыситься до представленія о человѣчествѣ, какъ объ одномъ цѣломъ, а потому и не имѣлъ никакого понятія объ исторіи всемірной или всеобщей, изображающей въ связной картинѣ судьбу всего человѣческаго рода.

Идея всемірной исторіи принадлежитъ римлянамъ, такъ какъ римское государство, orbis romanus, впервые прочно и надолго соединило историческіе народы въ одну общую духовную жизнь, включивъ въ свои предѣлы весь древній образованный міръ. Трогъ Помпей — первый изъ римскихъ писателей представилъ опытъ всеобщей исторіи, внесши въ свою громадную „римскую исторію“ — исторію всѣхъ народовъ, подвластныхъ Риму. Сочиненіе Трога Помпея не дошло до насъ; но извлеченія, сдѣланныя изъ него Юстиномъ, а равно хроника Евсевія, гдѣ тоже представлена исторія всѣхъ народовъ въ связи и, такъ сказать, въ приспособленіи къ исторіи библейской, и были тѣми образчиками всеобщей исторіи, которые классическій міръ завѣщалъ новымъ народамъ [1]).

[1]) Ulrici Charakteristik der antiken Historiographie. Berlin. 1833; Creuzer, Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung. 2 Ausgabe (von. J. Kayser). Leipzig u. Darmstadt. 1845; Куторга Историческое развитіе понятія исторіи отъ древнѣйшей эпохи на Востокѣ до нашего времени („Журн. Мин.

По этимъ образцамъ составляли въ средніе вѣка всемірныя исторіи Орозій въ началѣ V ст., Исидоръ Севильскій въ VII в. и Беда въ VIII в. Всѣ они разсказываютъ „de quattuor summis imperiis“, т.-е. о царствахъ вавилоно-ассирійскомъ, мидо-персидскомъ, греческомъ и римскомъ, и всѣ они, согласно съ блаженнымъ Августиномъ, противопоставляютъ царства земныя царству небесному, какъ мракъ свѣту и зло добру.

Вообще въ средніе вѣка исторіографія подобно всѣмъ отраслямъ литературы и науки была въ упадкѣ. Монахи, почти единственные историки того времени, рѣдко возвышались надъ простой анналистической формой изложенія, а событія объясняли не сцѣпленіемъ естественныхъ причинъ, а волею Провидѣнія [1]). Этотъ средневѣковый взглядъ на исторію далеко пережилъ средніе вѣка и еще въ XVII стол. нашелъ своего выразителя въ извѣстномъ французскомъ проповѣдникѣ Боссюэтѣ, сочиненіе котораго — „Discours sur l'histoire universelle“ можетъ служить образцомъ историческаго провиденціализма. Даже въ настоящее время провиденціализмъ въ разныхъ видахъ и формахъ имѣетъ много послѣдователей [2]).

Болѣе зрѣлую ступень въ развитіи исторіографіи представляетъ эпоха возрожденія, т.-е. XV и XVI ст., чему способ-

---

Нар. Просв.“ 1868, ч. CXXXVII—VIII); Рославскій-Петровскій Введеніе въ курсъ исторіи главныхъ народовъ древняго міра и ихъ цивилизацій. Харьк. 1870; Аландскій Исторія Греціи. Кіевъ. 1895 (см. введеніе); C. Wachsmuth Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipz. 1885; M. Büdinger Die Universalhistorie in Alterthume. Wien. 1895; Seeck Entwickelung der antiken Geschichtsschreibung. 1898; В. П. Бузескулъ Введеніе въ исторію Греціи (лекціи). Харьк. 1903. О началѣ исторіографіи у грековъ см. также предисловіе Мищенка къ его переводу Геродота (т. 1-й, М. 1886) и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Геродотъ; мѣсто его въ исторіи древне-эллинской образованности“. М. 1885. *Ред.*

[1]) Такъ напр. британскій монахъ Генрихъ Гентингдонскій подъ 1066 г. говоритъ въ своей хроникѣ: „perfecit Dominator Deus de gente Anglorum, quod diu cogitaverit: genti namque Normannorum tradidit eos ad exterminandum“; а лучшій изъ нѣмецкихъ хронистовъ Оттонъ Фрейзингенскій (XII в.) прямо совѣтуетъ удаляться отъ земныхъ дѣлъ, какъ царства сатаны, и обратить свои взоры къ небесному Іерусалиму. *(П).*—О средневѣковой исторіографіи см. Ulisse Chevalier Répertoire des sources historiques du moyen âge. Paris. 1877—1886; H. Oesterley Wegweiser durch die Litteratur der Urkundensammlungen. 2 Bde. 1885—1886; G. Waitz Quellen und Bearbeitungen der deutschen Geschichte. 3 Aufl. Götting. 1883; Wattenbach Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts. 2 Bde. 6 Aufl. 1893; O. Lorenz Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des XIII Jahrhunderts. 2 Bde. 3 Aufl. 1886, слл.; G. Monod Bibliographie de l'histoire de France. Paris. 1888; A. Molinier Les sources de l'histoire de France. Paris. 1902; Sam. R. Gardiner and J. Bass Mullinger Introduction of English history. 2-nd ed. London. 1882. *Ред.*

[2]) Можно упомянуть напр. о Бунзенѣ (Gott in der Geschichte. 1857 сл.), Лоранѣ (Histoire du droit des gens et des relations internationales, vol. XVIII. 1870), а изъ болѣе новыхъ — о Ch. Charaux (Pensées sur l'histoire. Paris. 1888), G. Grupp (System und Geschichte der Kultur. 1892) и др. *Ред.*

ствовали—какъ болѣе близкое знакомство съ блестящими историческими произведеніями классической древности, такъ и новая политическая жизнь, начавшаяся съ этого времени въ западной Европѣ, и желаніе извлечь для этой жизни какъ можно больше практической пользы изъ исторіи. Такъ знаменитые итальянскіе историки XVI в. Макіавелли и Гвичардини ищутъ уже въ исторіи уроковъ политической мудрости, смотрятъ на нее по примѣру древнихъ какъ на „magistra vitae“. [Но для того, чтобы быть назидательною, исторія должна не только повѣствовать о событіяхъ прошлаго, но и проникать въ ихъ смыслъ и причинную связь, изучать ихъ въ соотношеніи съ тѣмъ, что̀ имъ предшествовало и что̀ за ними слѣдовало, считаться съ той обстановкой, въ которой они происходили, и выяснять тѣ условія, которыя такъ или иначе вліяли на ихъ теченіе и исходъ. Это понялъ и впервые старался соблюсти уже Полибій, отецъ такъ назыв. прагматической исторіи (πραγματικὴ ἱστορία), которому, какъ образцу, главнымъ образомъ и слѣдовали Макіавелли и Гвичардини. Съ особенною же опредѣленностью установилъ въ XVI стол. основныя требованія прагматизма французъ Жанъ Боденъ, указавшій между прочимъ на важность географическихъ, хронологическихъ и топографическихъ свѣдѣній для надлежащей оцѣнки историческихъ явленій и на необходимость строгой критики фактовъ]. Утилитарный взглядъ на исторію продолжается и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ и въ XVIII вѣкѣ достигаетъ своего апогея. Представителемъ его въ это время является лордъ Болингброкъ, въ своихъ письмахъ объ изученіи и пользѣ исторіи развившій ту мысль, что исторія должна научить насъ быть разумными патріотами, добрыми гражданами и честными людьми и что для достиженія этой цѣли [кромѣ фактической полноты и критическаго отношенія къ традиціи требуется и изящная литературная форма].

Первые образчики такой исторіи представили въ Англіи — Юмъ, [Робертсонъ] и Гиббонъ, а во Франціи — Вольтеръ и Монтескьё. [Немаловажною заслугою Вольтера было то, что онъ въ своемъ знаменитомъ „Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ“ положилъ начало научной разработкѣ исторіи бытовыхъ формъ или такъ назыв. культурной исторіи. Столь же значительно содѣйствовали успѣхамъ историческаго знанія и политическія и философскія сочиненія Монтескьё, въ которыхъ впервые на почвѣ сравнительнаго метода были сдѣланы широкія историческія обобщенія, причемъ было доказано, что при объясненіи исторической судьбы народа кромѣ физическихъ условій занимаемой имъ мѣстности

(климата, почвы и проч.) огромное значеніе имѣютъ также и экономическія и нравственныя условія его быта (степень богатства, религія, народный характеръ и т. п.)].

Но XVIII-ое столѣтіе было не только вѣкомъ политическихъ теорій, отразившихся и на пониманіи исторіи, но еще болѣе философскимъ вѣкомъ. Оттого философія начала тогда впервые вліять на обработку исторіи. Плодомъ этого вліянія была мысль о существованіи законовъ историческаго развитія. [Первые зачатки этой идеи встрѣчаются уже у Бодена, но болѣе точную и отчетливую формулировку далъ ей] итальянскій ученый Вико въ сочиненіи своемъ „Новая наука“ [1]). Къ сожалѣнію, увлекшись, можетъ быть, тогдашними блестящими успѣхами естествознанія и особенно астрономіи, Вико и въ области дѣлъ человѣческихъ думалъ найти такую же правильность и законосообразность, какъ и въ явленіяхъ міра физическаго, и потому вообразилъ, что вся исторія человѣчества состоитъ изъ неизмѣнно повторяющихся цикловъ развитія, а каждый циклъ—изъ однихъ и тѣхъ же ступеней, а именно изъ эпохъ—божеской, героической и человѣческой, и что въ его время, т.-е. въ XVIII ст., человѣчество находилось въ концѣ второго цикла, тогда какъ древній міръ представлялъ собой первый, уже совершенно законченный, т.-е. прошедшій всѣ свои неизбѣжныя ступени. Но, если съ этой стороны попытка Вико оказалась столь слабою, то за то ему принадлежитъ заслуга разширенія предѣловъ исторіи до той полноты, какой мы теперь отъ нея требуемъ, именно Вико первый потребовалъ, чтобъ исторія не ограничивалась однѣми только политическими перемѣнами, но кромѣ развитія государства имѣла также въ виду и другія стороны народной жизни—религію, нравы, искусство и науку, наконецъ экономическія отношенія.

Вторымъ послѣ Вико философомъ исторіи [2]) былъ Гердеръ, котораго „Идеи къ философіи исторіи человѣчества“ появились въ концѣ XVIII-го стол. [3]). Здѣсь Гердеръ уже подробно

---

[1]) „Principi di una scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni“ (1725); въ третьемъ изданіи—„Principi di scienza nuova“. Milano. 1862 (на французскій языкъ переведъ Мишле, снабдивъ свой переводъ обширнымъ введеніемъ; есть русск. пер.: Мишле, О системѣ и жизни Вико. Харьк. 1896; подробное изложеніе „Новой науки“ у Стасюлевича: „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“). О Вико см. Ferrari Vico et l'Italie, 1839; Werner Ueber Vico als Geschichtsphilosophen. 1877; его же „Giambattista Vico, als Philosoph und gelehrter Forscher“. 1881. *(Б)*.

[2]) Противъ наименованія Вико „первымъ философомъ“ исторіи существуютъ впрочемъ возраженія; см. Карѣевъ Основные вопросы философіи исторіи. I, стр. 6—9 *(Б)*.

[3]) Herder Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. (1784—91). *(Б)*.

изобразилъ зависимость человѣческаго развитія отъ всѣхъ естественныхъ условій нашей планеты,—ея формы, движенія, климата, почвы, характера мѣстности и т. д., и поставилъ цѣлью этого развитія достиженіе высшаго совершенства и счастья, возможныхъ на извѣстномъ мѣстѣ и при извѣстныхъ условіяхъ. Идеаломъ же такого возможнаго совершенства считаетъ онъ „человѣчность“ (Humanität).

Со временъ Канта началось въ западной Европѣ господство идеалистической философіи, самыми блестящими представителями которой явились Шеллингъ и особенно Гегель. Философія эта, несмотря на всѣ свои недостатки, не осталась тоже безъ благотворнаго вліянія на болѣе вѣрное и широкое пониманіе исторіи, обогативъ ее новыми свѣтлыми взглядами.

[Уже Тюрго (въ 1750 г.), а затѣмъ и Кондорсе [1]) высказалъ идею постояннаго прогресса въ исторіи. Кантъ полнѣе развилъ эту идею и выразилъ] надежду, что со временемъ откроютъ и законы, по которымъ этотъ прогрессъ совершается. [Съ своей стороны онъ сдѣлалъ попытку объяснить все содержаніе исторіи изъ борьбы двухъ началъ въ человѣкѣ,—начала личной воли и начала общественности, побуждающаго людей объединяться и составлять государства. Стремленіе къ выработкѣ наиболѣе совершенныхъ формъ общественнаго строя есть, по Канту, вмѣстѣ и стремленіе къ самосовершенствованію, такъ какъ развитіе человѣчества мыслимо лишь въ связи съ развитіемъ государственной жизни. Этимъ все разнообразіе историческаго движенія было впервые сведено къ одному отвлеченному принципу. Подобнымъ же образомъ] Шеллингъ, согласно съ своимъ ученіемъ объ абсолютномъ духѣ, видѣлъ въ исторіи постепенное, т.-е. прогрессивное воплощеніе этого духа въ жизни человѣческаго рода. Наконецъ Гегель въ своей „Философіи исторіи“ (Philosophie der Geschichte) указалъ и главные моменты этого воплощенія, которыхъ, по его мнѣнію, было четыре: Востокъ, Греція, Римъ и міръ германскій, создавшіе каждый своеобразныя и все болѣе и болѣе совершенныя формы цивилизаціи, мѣрило успѣховъ коей есть постоянно возрастающій прогрессъ въ сознаніи свободы. Одинъ историческій моментъ смѣняется другимъ, одинъ народъ уступаетъ мѣсто другому, передавая ему въ наслѣдство свои умственныя и нравственныя пріобрѣтенія для ихъ дальнѣйшаго развитія. Такимъ образомъ для философа исторіи нѣтъ прошедшаго, для него все вѣчно въ настоящемъ, такъ какъ каждый моментъ

[1]) О прогрессѣ см. между прочимъ ст. П. Г. Виноградова подъ этимъ заглавіемъ въ „Вопр. фил. и психол.“ и отдѣльно (М. 1898). *Ред.*

исторіи вмѣщаетъ въ себѣ всѣ прежніе моменты и настоящее есть только итогъ или сумма всего прошедшаго.

[Идеалистическая философія оказала важную услугу исторіи, выяснивъ, что кромѣ причинной связи между явленіями, установленіе которой есть дѣло прагматической исторіи, существуетъ между ними и иная связь,—связь генетическая или эволюціонная, вскрываемая исторіею культурно-соціальною. Она способствовала такимъ образомъ уясненію сущности историческаго процесса въ его двухъ различныхъ сторонахъ, изъ коихъ раньше обращала на себя вниманіе только та, которая обнимаетъ политическія событія, между тѣмъ какъ другая, обнимающая формы матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта, оставалась въ пренебреженіи. Подъ вліяніемъ идеалистической философіи возникъ интересъ къ изученію именно этихъ формъ съ точки зрѣнія ихъ генезиса и развитія,—и историческій методъ сталъ проникать и въ правовѣдѣніе (Эйхгорнъ и Савиньи), и въ филологію (Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ и Яковъ Гриммъ), и въ искусство (Винкельманъ), и въ литературу (г-жа Сталь) и т. д.

Оставалось однако сдѣлать еще одинъ шагъ. Послѣ того, какъ съ явленій политической жизни и ея героевъ историческій интересъ перемѣстился на явленія бытовыя, естественно было признать и оцѣнить значеніе и тѣхъ народныхъ силъ, которыя незамѣтно, но непрерывно и дѣятельно участвуютъ въ созиданіи основъ бытового уклада. Въ противовѣсъ индивидуальному началу, игравшему прежде въ исторіи столь видную роль, естественно было выдвинуть впередъ и другое начало,—начало коллективное или массовое, начало общественности. Это сдѣлалъ впервые Кондорсе. Онъ отвелъ въ своемъ построеніи исторіи [1]) первое мѣсто общественному элементу и призналъ взаимодѣйствіе входящихъ въ составъ общества единицъ однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ, коими обусловливается ходъ историческаго развитія. При этомъ онъ усматривалъ нѣкоторую аналогію между явленіями общественными съ одной стороны и явленіями естественными съ другой. Жизнь народныхъ массъ управляется, по Кондорсе, законами, столь же непреложными, какъ и тѣ, которые дѣйствуютъ въ мірѣ физическомъ,—и эти законы ведутъ человѣчество по пути къ достиженію полнаго политико-соціальнаго равенства].

Но философія, обогативъ исторію многими свѣтлыми и широкими взглядами, имѣла на нее и нѣкоторое вредное вліяніе. Она

[1]) Condorcet Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain (1795). *Ред.*

ввела въ моду искусственныя, апріористическія конструкціи въ исторіи, страсть нанизывать факты на какую-нибудь предвзятую идею, втискивать ихъ въ заранѣе придуманныя рамки. Образчиками такого произвольнаго построенія исторіи могутъ служить не только произведенія многихъ историковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ съ малоизвѣстными именами, но даже труды такихъ почтенныхъ и громкихъ знаменитостей, какъ Шлоссеръ и ученикъ его Гервинусъ (первый въ своей „Всемірной исторіи“ и „Исторіи XVIII в.,“ а второй въ своей „Исторіи XIX в.,“ особенно въ введеніи къ этому труду).

Съ другой стороны идеалистическая философія способствовала особому направленію въ тогдашней литературѣ, извѣстному подъ именемъ романтическаго. Романтики, во главѣ которыхъ въ исторической литературѣ стоялъ Фридрихъ Шлегель, напротивъ вовсе отрицали прогрессъ, своихъ идеаловъ искали въ прошедшемъ, а не въ будущемъ, а на исторію человѣчества смотрѣли какъ на медленное возвращеніе къ прежнему будто бы совершенству первобытныхъ людей. И хотя романтизмъ оказалъ исторіи и нѣкоторыя существенныя услуги, обративъ вниманіе изслѣдователей на изученіе малоизвѣстной тогда древности вообще и древняго востока и среднихъ вѣковъ въ особенности и впервые обнаруживъ важность филологіи при изученіи исторіи, но за то довелъ до крайности и злоупотребленія философскимъ элементомъ въ исторіи.

Крайность эта естественно въ исторической литературѣ вызвала реакцію, плодомъ которой было появленіе историко-критической школы, сначала въ Германіи, а потомъ и во всей Европѣ. Отцомъ этого новаго направленія былъ Нибуръ, первый историкъ въ новѣйшемъ, нынѣшнемъ значеніи этого слова. И хотя онъ ограничилъ свои изысканія только древностью, — особенно исторіей Рима, и предложенныя имъ объясненія древней римской исторіи въ настоящее время во многомъ уже признаны несостоятельными, но созданный имъ критическій методъ остался вѣчнымъ образцомъ для всѣхъ другихъ изслѣдователей и вскорѣ былъ примѣненъ ими къ изученію и всѣхъ остальныхъ частей и отдѣловъ исторіи. Въ этомъ главная заслуга Нибура; другая же, не менѣе важная, состоитъ въ установленіи научнаго, т. е. объективнаго взгляда на исторію. До Нибура въ исторіи искали или художественнаго наслажденія, или уроковъ общественной мудрости, видя въ ней только средство оправдать ту или другую политическую теорію, ту или другую философскую систему. Нибуръ

первый поставилъ цѣлью историка изысканіе и открытіе научной истины, т. е. объективное возсозданіе прошедшаго на основаніи критически провѣренныхъ и очищенныхъ историческихъ свидѣтельствъ и памятниковъ.

То, что сдѣлалъ Нибуръ для древней исторіи, Леопольдъ Ранке сдѣлалъ для средней и новой. Своими образцовыми изслѣдованіями по европейской исторіи XVI и XVII вв. и критикой ея источниковъ Ранке тоже установилъ твердый методъ для современной обработки какъ своей отечественной, такъ и вообще европейской исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ, а наполнивъ своими учениками всѣ почти германскія историческія каѳедры, создалъ новую школу исторіографіи, примѣръ которой имѣлъ и имѣетъ огромное вліяніе далеко и за предѣлами Германіи.

Но и критическая школа такъ же точно вдается въ крайности, какъ прежде философская. Изъ-за точнаго изслѣдованія памятниковъ часто упускаются изъ виду иден, господствующія въ событіяхъ той или другой эпохи; заботы о полнотѣ фактовъ и ихъ объективной истинѣ заслоняютъ давно пробудившіяся стремленія открыть законы, управляющіе ходомъ исторіи, законы, безъ которыхъ исторія всегда останется сборникомъ полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній, но никакъ не наукой. И вотъ для восполненія этого недостатка опять стала обнаруживаться реакція и противъ направленія исключительно критическаго. Начало этой реакціи принадлежитъ французскому ученому Огюсту Конту, автору системы положительной философіи [1]). Контъ предложилъ свою классификацію [или, какъ онъ выражался, іерархію] наукъ, отъ самыхъ простыхъ до наиболѣе сложныхъ (математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія), указавъ для каждой науки и особый методъ изслѣдованія тѣхъ законовъ, которые она должна открыть въ своей области. Разумѣется, что, чѣмъ сложнѣе наука, тѣмъ сложнѣе и труднѣе и ея методъ; и такъ какъ науки общественныя, и въ ихъ числѣ исторія, суть самыя сложныя, то и изученіе ихъ находится еще во младенчествѣ, т. е. онѣ еще только вырабатываютъ свой методъ, безъ котораго нельзя открыть и законовъ, управляющихъ общественными явленіями.

[Впрочемъ одинъ изъ этихъ законовъ,—и притомъ, какъ онъ думалъ, основной законъ историческаго движенія, — пытался

---

[1]) Comte Cours de philosophie positive. (1830—1842). Четвертый томъ, появившійся въ 1839 г., заключаетъ въ себѣ основы соціологіи и философіи исторіи. Недавно началъ выходить русскій переводъ подъ редакціею проф. О. Д. Хвольсона. *Ред.*

установить и формулировать и самъ Контъ. По его ученію, человѣческій умъ, за которымъ онъ признавалъ значеніе движущей силы въ исторіи, проходитъ въ своемъ развитіи черезъ три послѣдовательныя состоянія: первое изъ нихъ—теологическое, когда человѣкъ склоненъ увлекаться фантазіею и ищетъ объясненія всего окружающаго въ сверхъестественныхъ вліяніяхъ; второе—метафизическое, когда въ человѣкѣ проявляется наклонность къ умозрѣнію и онъ доискивается въ окружающихъ явленіяхъ ихъ первопричинъ или сверхчувственныхъ сущностей; наконецъ третье—положительное, когда онъ, овладѣвъ научными методами, приходитъ къ открытію управляющихъ явленіями законовъ. Господствующее въ каждой изъ этихъ стадій направленіе человѣческой мысли опредѣляетъ, по Конту, характеръ и всего строя соціальныхъ отношеній, такъ что напр. теологической стадіи соотвѣтствуетъ теократія или абсолютизмъ, метафизической—конституціонализмъ и т. д. Научною задачею нашего времени онъ считалъ преобразованіе науки объ обществѣ по типу наблюдательныхъ наукъ,—въ своего рода общественную физику].

Самымъ блестящимъ представителемъ той же реакціи въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія явился англичанинъ Бокль, сочиненіе котораго „Исторія цивилизаціи въ Англіи" имѣло небывалый успѣхъ, особенно у насъ въ Россіи [1]). [Бокль, слѣдуя Конту], поставилъ своей задачей сдѣлать исторію такой же точной наукой, какъ науки естественныя, объявилъ естествознаніе лучшей пропедевтикой для всякаго историка и рѣшился примѣнить къ историческимъ изслѣдованіямъ тотъ самый индуктивный методъ, который далъ такіе блестящіе результаты въ наукахъ естественныхъ. Затѣмъ на основаніи этого метода Бокль думалъ открыть и главнѣйшіе законы, управляющіе ходомъ цивилизаціи, а именно: 1) успѣхи ея зависятъ отъ количества научныхъ истинъ, добытыхъ и распространенныхъ въ извѣстномъ обществѣ; 2) скептицизмъ всегда предшествуетъ сильному движенію образованности; 3) нравственное совершенство развивается гораздо медленнѣе, чѣмъ умственное, и 4) главными задержками цивилизаціи всегда были и будутъ опека церкви и государства надъ обществомъ.

Теорія и взгляды этого писателя на континентѣ Европы, особенно въ Германіи, встрѣтили серьезныя возраженія. Возраже-

---

[1]) Buckle History of civilisation in England (1857—1861). По русски имѣется два перевода,—одинъ Бестужева-Рюмина, другой — Буйницкаго и Ненарокомова (нѣск. изданій). *(Б)*.

нія эти, какъ ихъ формулировалъ напр. Дройзенъ [1]), направлены главнымъ образомъ какъ противъ исходнаго положенія Бокля, такъ и противъ его метода.

Въ первомъ отношеніи Бокль исходитъ изъ того совершенно вѣрнаго убѣжденія, что въ ходѣ исторіи нѣтъ и не можетъ быть ни произвола, ни случайностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ, что все въ немъ подчиняется такимъ же точнымъ неизбѣжнымъ и всеобщимъ законамъ, какъ и въ мірѣ физическомъ. Такая строгая законосообразность, господствующая въ судьбахъ человѣчества, основывается, по его словамъ, на томъ, что человѣческія дѣйствія, а слѣдовательно и исторія, не опредѣляются ни волею Провидѣнія, какъ учатъ богословы, ни свободной человѣческой волей, какъ полагаютъ философы, а единственно лишь взаимодѣйствіемъ законовъ міра матеріальнаго и законовъ человѣческаго духа. Но эта исходная точка, т. е. отрицаніе свободной воли, которую Бокль принималъ какъ готовую, не требующую доказательствъ аксіому, составляетъ одно изъ самыхъ трудныхъ и спорныхъ положеній, надъ разрѣшеніемъ котораго работали лучшіе умы и величайшіе мыслители, начиная съ бл. Августина и до нашихъ дней, и которое все-таки рѣшеннымъ еще считаться не можетъ. Но еще болѣе несостоятельно сдѣланное Боклемъ примѣненіе индуктивнаго метода къ исторіи. Бокль думаетъ, что стоитъ только обобщить однородные опыты и наблюденія, произведенныя въ области исторіи, чтобъ дойти до открытія постоянныхъ законовъ, управляющихъ судьбами народовъ. Но 1) совершенно однородныхъ явленій въ исторіи нѣтъ; напротивъ, силы и агенты исторіи безпрерывно измѣняются, комбинируются и усложняются; 2) чужеземныя вліянія и связь каждаго явленія съ общей исторіей человѣчества дѣлаютъ изолированіе и точное опредѣленіе каждаго даннаго явленія невозможнымъ; 3) законы нравственнаго міра существенно отличаются отъ законовъ физическихъ своею свободою и не имѣютъ характера строгой необходимости и точности, а слѣдовательно и индуктивный методъ не можетъ быть съ успѣхомъ приложенъ при ихъ изслѣдованіи. Оттого и самые законы, открытые Боклемъ этимъ путемъ, имѣютъ слишкомъ частный характеръ и далеко не могутъ быть приложены ко всѣмъ эпохамъ исторіи. Оттого и примѣненіе или оправданіе этихъ законовъ,

[1]) Droysen Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft,—сначала въ Sybel's „Historische Zeitschrift" за 1862, а потомъ въ видѣ приложенія къ „Grundriss der Historik" Leipz. 1868. На русскомъ языкѣ съ возраженіями Дройзена можно познакомиться въ статьѣ Трачевскаго „Современныя задачи исторической науки" („Бесѣда", 1871, кн. 10, стр. 111—120). (*Б*).

сдѣланное Боклемъ на исторіи Англіи, Франціи, Шотландіи и Испаніи, чрезвычайно ненаучно и шатко.

[Тѣмъ не менѣе натуралистическое направленіе и доселѣ имѣетъ среди историковъ многихъ сторонниковъ, чему не мало способствовали успѣхи, достигнутые за послѣднее время въ области біологіи. При этомъ слѣдуетъ однако различать нѣсколько отдѣльныхъ научныхъ теченій. Такъ одни, примыкая къ Конту и еще ближе къ Герберту Спенсеру, разсматриваютъ человѣческое общество какъ живой, саморазвивающійся организмъ, въ которомъ роль клѣточекъ или біоновъ играютъ либо отдѣльные индивидуумы, либо такія ихъ организованныя группы, какъ напр. семья [1]). Другіе, увлекаясь біологическимъ ученіемъ Дарвина, видятъ въ явленіяхъ общественной жизни соотвѣтствіе съ явленіями видовой жизни особей, допуская и здѣсь, и тамъ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же основныхъ факторовъ,—борьбы за существованіе и естественнаго подбора [2]). Третьи наконецъ, слѣдуя за Карломъ Марксомъ и Фр. Энгельсомъ и отождествляя подобно имъ понятіе о борьбѣ за существованіе съ понятіемъ о борьбѣ, происходящей между разными классами общества на почвѣ экономическихъ интересовъ, сводятъ весь историческій процессъ именно къ такой классовой борьбѣ. Эта теорія, возникшая около пятидесяти лѣтъ тому на-

---

[1]) Кромѣ основного труда Спенсера „Principles of Sociology“ (по-русски издано Билибинымъ. Спб. 1876—77) сюда относятся также и другіе его труды, какъ то: The study of sociology (1876), Descriptive sociology (1873—74) и The relations of biology, psychology and sociology (1896). Наиболѣе видными представителями органической теоріи общества являются A. Schäffle (Bau und Leben des socialen Körpers, Tübingen. 1875 слл.), P. Lilienfeld (Gedanken über die sociale Wissenschaft der Zukunft. 1873 слл.), Dürkheim (De la division du travail social. 1893), René Worms (Organisme et société, 1896) и др. Органическая теорія комбинируется съ теоріею общественнаго договора у Фуллье (A. Fouillée „Psychologie des idées-forces“; его же „L'evolutionnisme des idées-forces“, „Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde“ и др.). *Ред.*

[2]) Къ этой группѣ принадлежатъ Benj. Kidd (Social evolution. 1895), Th. Huxley (Social essays. 1897), W. Bagehot (Physics and politics. 1863; въ нѣмецкомъ переводѣ подъ названіемъ „Der Ursprung der Nationen“. 1874), F. von Hellwald („Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung bis zur Gegenwart“; въ русскомъ переводѣ подъ ред. М. Филиппова. Т. I. Первобытная культура и древнія вост. цивилизаціи. Спб. 1897. Т. II. Антич. культура. Спб. 1898. Т. III. Происхожденіе новой культуры. Спб. 1900), Vacher de Lapouge (Les sélections sociales. 1889) и др.; къ дарвинистическому же направленію примыкаетъ и Гумплowичъ (L. Gumplowitz Grundriss der Sociologie. Wien. 1885; Sociologie und Politik. Leipzig. 1892. По-русски „Соціологическіе очерки“ пер. съ нѣм. М. Э. Гуковскаго. Одесса. 1899. См. также „Основы соціологіи“ пер. подъ ред. Гессена. Спб. 1899 и „Очерки исторіи соціологіи“ пер. съ польск. Леонтьевой. Спб. 1899). На почвѣ дарвинистическаго взгляда на общество изъ антропологіи выдѣлилась, какъ ея вѣтвь, антропосоціологія, изучающая человѣка, какъ члена общества (G. Vacher de Lapouge Lois fondamentales de l'anthroposociologie. Revue scientif. 1897. II). Срв. C. Fages L'évolution du darwinisme sociologique (Humanité nouvelle. 1899). *Ред.*

задъ, но лишь въ послѣднее десятилѣтіе обратившая на себя особенно пристальное вниманіе, носитъ названіе экономическаго матеріализма. Сущность ея заключается въ томъ, что отношенія производства въ ихъ соотвѣтствіи съ тою или другою степенью развитія производительныхъ силъ принимаются какъ бы за реальный базисъ, на которомъ зиждется весь жизненный строй общества. Экономическое состояніе послѣдняго,—и только оно одно, обусловливаетъ собою такимъ образомъ, по ученію экономическаго матеріализма, весь ходъ его соціальнаго, правового, политическаго и даже чисто духовнаго, умственнаго и нравственно-религіознаго развитія [1]).

Всѣ эти попытки подвести сложную совокупность самыхъ разнородныхъ явленій исторической жизни подъ ту или другую общую формулу страдаютъ однако либо односторонностью и исключительностью, либо чрезмѣрною гипотетичностью и недостаточною обоснованностью]. Дѣло въ томъ, что такихъ точныхъ и всеобщихъ законовъ, которые способны были бы сдѣлать человѣка господиномъ своей будущности и какихъ [напр. прежде] искалъ въ исторіи Бокль, [а теперь ищутъ новѣйшіе представители натуралистической исторіологіи], въ ней вовсе и нѣтъ.

Но если это такъ, то имѣетъ ли исторія достоинство науки?

---

[1]) K. Marx Das Kapital (русск. перев. въ 3-хъ томахъ Спб. 1872. 1885. 1896); его же Zur Kritik der politischen Oekonomie. 1859. Fr. Engels Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates. 1884; его же Ueber den historischen Materialismus (Neue Zeit. 1893). Наиболѣе видными дѣятелями въ развитіи доктрины экономическаго матеріализма являются Bernstein, Mehring, Lafargue, Bebel, Kautsky, Labriola; болѣе умѣренные представители этого направленія—Lacombe, Weisengrün (послѣднему принадлежитъ и первая попытка систематическаго изложенія этой доктрины въ книгѣ „Die Entwickelungsgesetze der Menschheit". 1888); ср. впрочемъ его же „Das Ende des Marxizmus" 1899 (есть и русск. перев.). См. также Масарикъ „Философія и соціологическ. основ. марксизма" (русск. перев.). Въ Англіи наиболѣе крупный трудъ въ этой области принадлежитъ Т. Роджерсу (Th. Rogers The economic interpretation of history. London. 2-nd ed. 1891). Вполнѣ основательной критикѣ ученіе экономическаго матеріализма подвергнулъ Barth „Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann". 1890; Философія исторіи какъ соціологія. Пер. съ нѣм. Спб. 1900. (Срав. его же Die sogenannte materialistische Geschichtsphilosophie въ Jahrbb. für Nationaloek. und Statistik. 1896); Критику марксизма можно найти и у Штаммлера, „Хозяйство и право" (пер. съ нѣм.), Сеньобоса (Ch. Seignobos La méthode historique appliqué aux sciences sociales. Paris 1901; авторъ, высказываясь противъ экономическаго матеріализма, стоитъ за приложеніе критическаго метода къ изученію соціальныхъ наукъ), Зелигмана (Seligman The economic interpretation of history. New-York. 1902), который впрочемъ, будучи противникомъ экономическаго монизма, все-таки считаетъ нужнымъ выдвигать особенно сильно факторы экономическіе. Въ русской литературѣ см. Карѣевъ Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Спб. 1896; его же Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб. 1897. См. также недавно вышедшій сборникъ „Проблемы идеализма", подъ ред. проф. Новгородцева. М. 1903; Булгаковъ „Отъ марксизма къ идеализму"; Дживелеговъ Оговорки матеріал. пониманія исторіи („Міръ Божій", 1900, февр.); Климентовъ Истор. матеріализмъ (Русск. Мысль, 1903, янв.); ст. Н. К. Михайловскаго и т. д. *Ред.*

На это сомнѣніе отвѣчаемъ такъ: правда, такихъ законовъ, какихъ искалъ въ исторіи Бокль,—въ ней нѣтъ; но есть другіе—психологическіе и [соціо]логическіе, управляющіе ходомъ и сцѣпленіемъ событій [и развитіемъ общественнаго быта].

Такъ филологи Лацарусъ и Штейнталь [1]) доказывали, что закономѣрно въ исторіи не теченіе событій, не самое, такъ сказать, содержаніе исторіи, а только психологическіе процессы, по которымъ событія совершаются, и что, стало быть, только съ этой стороны исторія можетъ имѣть научный характеръ. Такимъ образомъ выходитъ, что исторія можетъ быть правильно построена лишь на психологическихъ основаніяхъ, и слѣдовательно историческая психологія есть лучшая приготовительная школа для историка. [И хотя Вундтъ, возражая названнымъ ученымъ, пытался нѣсколько ограничить сферу народной или, точнѣе, соціальной психологіи, относя къ ея компетенціи лишь области языка, мѳа и обычая [2]), тѣмъ не менѣе въ послѣднее время снова возобладало болѣе широкое пониманіе задачъ этой дисциплины, приближающееся къ первоначальному идеалу ея основателей, а именно большинство современныхъ представителей психологическаго направленія въ исторіи считаетъ дѣломъ соціальной психологіи вообще изученіе психическихъ основъ всего того, что въ жизни общества можетъ считаться результатомъ коллективнаго творчества и духовнаго взаимодѣйствія его членовъ. А такимъ результатомъ слѣдуетъ признавать не только духовную культуру, но и соціальную организацію человѣческихъ обществъ [3])].

---

[1]) Свои мысли они развивали въ основанномъ ими въ 1860 г. журналѣ „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“, напр. въ статьяхъ „Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie“ (1860, т. 1), „Ueber die Ideen in der Geschichte“ (1861), „Einige synthetische Gedanken zur Völkerpsychologie“ (1862), „Philologie, Geschichte und Psychologie“ (1864), „Begriff der Völkerpsychologie“ (1887) и др. *Ред.*

[2]) W. Wundt. Ueber Ziele und Wege der Völkerpsychologie (Philosophische Studien. 1888, т. IV). Вопросу о задачахъ и методахъ общественныхъ наукъ посвященъ Вундтомъ второй томъ его логики (Logik. 2-ter Bd. 2-te Abtheil. Methodenlehre. Stuttgart. 1895). О методахъ исторіи и коллективной психологіи трактуетъ также авторъ другого большого нѣмецкаго сочиненія по логикѣ—Siegwart (Logik. 2-ter Bd. Methodenlehre 1893). Ксенополь въ своей книгѣ „Les principes fondamentaux de l'histore“ (Paris. 1999) представилъ полный сводъ всей, въ особенности французской литературы по методологіи и отчасти философіи исторіи; послѣдователемъ историко-психологическаго толкованія соціальныхъ наукъ является также Бартъ (Barth), у котораго въ его „Die Philosophie der Geschichte, als Sociologie“ (Leipz. 1897) читатель также найдетъ обстоятельную характеристику различныхъ историческихъ школъ. *Ред.*

[3]) Изъ представителей психологическаго направленія слѣдуетъ назвать Линднера (Ideen über die Psychologie der Gesellschaft. 1872), Лестера Уорда (Lester Ward,—рядъ статей въ „American journ. of sociologie“. напр. „Psychologic basis of Economics“ (въ русск. пер. есть: „Психическіе факторы цивили-

Изъ предложеннаго обзора легко усмотрѣть, что исторія, какъ наука, еще не опредѣлилась окончательно, т.-е. не успѣла выработать ни твердо установившагося метода, ни точно опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ и общихъ законовъ, управляющихъ историческою жизнью человѣчества. [1]) Причемъ извѣстная мысль О. Конта, что соціологія, а слѣдовательно и исторія, есть самая сложная, а потому и наименѣе разработанная изъ наукъ, находитъ, повидимому, въ данномъ случаѣ свое полное оправданіе. Дѣйствительно, ученые до сихъ поръ согласились только, во-первыхъ, относительно содержанія исторіи, такъ какъ всѣ безъ исключенія вводятъ въ область ея изслѣдованій всю жизнь человѣчества—общественную, религіозно-нравственную, умственную и экономическую, и, во-вторыхъ, относительно одного общаго закона, замѣчаемаго во всей исторіи, именно—закона постояннаго и преемственнаго прогресса [въ смыслѣ непрерывной эволюціи или органическаго развитія формъ культуры и общественности] [2]). Касательно же всего прочаго существуетъ большое разногласіе—отъ понятій о сущности прогресса до мнѣній о способахъ изложенія исторіи. Нѣкоторые (напр. Шопенгауэръ) даже вовсе не признавали за исторіей никакого научнаго достоинства; а другіе думаютъ, что она столько же наука, сколько и искусство, и

заціи". М. 1897), „Sociologie and psychology" и проч.), Гиддингса (Giddings Principles of Sociologie. 1896 (есть русск. пер. М. 1898), Тарда (изъ его сочиненій главнымъ образомъ „Les lois de l'imitation". 2 ed. Paris. 1895). Срв. Н. Карѣевъ Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб. 1897. *Ред.*

[1]) Авторъ наиболѣе крупнаго труда въ русской литературѣ по этому вопросу, проф. Н. И. Карѣевъ („Основные вопросы философіи исторіи". 3 изд. Спб. 1897), раздѣляя науки на феноменологическія, имѣющія дѣло съ явленіями, какъ таковыми, и номологическія, имѣющія дѣло съ извѣстными категоріями законовъ, и относя къ первымъ исторію, а ко вторымъ соотвѣтственно психологію и соціологію, доказываетъ, что въ сущности особыхъ, спеціально-историческихъ законовъ и не существуетъ, если только понимать слово „законъ" въ строго-научномъ смыслѣ, а есть лишь законы психологическіе и соціологическіе: въ исторіи мы имѣемъ дѣло съ послѣдовательной смѣной явленій, которыя въ данной совокупности даются намъ лишь одинъ разъ; но, если факты исторіи и не повторяются въ ихъ сложной индивидуальности, то основныя явленія духовной и общественной жизни повторяются въ своихъ элементахъ. Исторія представляетъ собою сложное соединеніе простыхъ процессовъ, которые находятся въ разнообразныхъ комбинаціяхъ взаимодѣйствія и изъ которыхъ каждый подчиненъ спеціальному закону. Что же касается философіи исторіи, то основная задача ея есть, по мнѣнію проф. Карѣева, сравненіе дѣйствительнаго хода исторіи съ идеальною формулою прогресса. Ср. рѣчь Виндельбанда, Исторія и естествознаніе (пер. помѣщенъ въ Русск. Мысли, 1898, іюнь). Существованіе историческихъ законовъ отвергаетъ и Ed. Meyer въ своей брошюрѣ: „Zur Theorie und Methodik der Geschichte". Halle a. S. 1902. (*Б*).

[2]) Законъ постояннаго и преемственнаго прогресса впрочемъ тоже не всѣми принимается. Вообще и теперь еще едва ли не господствующія въ исторической наукѣ воззрѣнія—это воззрѣнія такъ называемой „исторической школы". (*Б*).

даже искусство болѣе, чѣмъ наука, и что историку не довольно быть ученымъ, но что онъ долженъ быть вмѣстѣ и художникомъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго, я думаю, мы въ правѣ предложить пока такое опредѣленіе: исторія есть научное и вмѣстѣ художественное изложеніе прошедшей жизни человѣческаго рода; ея задача состоитъ въ художественно-вѣрномъ воспроизведеніи прошедшаго, а практическая польза въ томъ, что она учитъ насъ жить на свѣтѣ сознательно, т.-е. понимать, откуда и какъ произошли явленія окружающей насъ общественной жизни и отчего эта жизнь именно такая, какою мы ее видимъ теперь [2]).

---

[1]) И до сихъ поръ еще иногда смотрятъ на исторію то съ эстетико-литературной, то съ эстетико-философской точки зрѣнія, видя въ ней то предметъ занимательнаго чтенія, то источникъ моральнаго поученія. Взглядъ этотъ перешелъ къ намъ какъ наслѣдіе древнихъ временъ, какъ отголосокъ воззрѣнія, выразившагося между прочимъ въ словахъ Цицерона: „historia—opus maxime oratorium“. Но уже и въ древности Лукіанъ, написавшій цѣлый трактатъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію (πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν), рекомендовалъ прежде всего искать истины (τὸ χρήσιμον ὅπερ ἐκ τοῦ ἀληθοῦς μόνου συνάγεται), а уже потомъ литературнаго изящества (τὸ τέρπνόν). Эстетическая точка зрѣнія могла господствовать въ исторіографіи лишь до тѣхъ поръ, пока историческій интересъ сосредоточивался на прагматическомъ элементѣ, т.-е. на событіяхъ или рядахъ событій, состоящихъ изъ индивидуальныхъ или коллективныхъ дѣяній. Блестящими образцами художественной обработки историческихъ темъ въ особенности богата французская литература первой половины прошлаго столѣтія (Барантъ, Ог. Тьерри, Ламартинъ, Мишле, Гизо и др.); въ Англіи эстетическая школа также имѣла видныхъ представителей въ лицѣ Маколея, Прескотта, Вашингтона Ирвинга, Карлейля и др. Въ новѣйшее время принципы этой школы отстаиваетъ Виллари („La storia è una scienza?“ 1891; въ нѣмецкомъ переводѣ Левинсона „Ist die Geschichte eine Wissenschaft!“ 1892). Но по мѣрѣ того, какъ повѣствовательный элементъ вмѣстѣ съ элементомъ личнымъ и прагматическимъ, дающимъ ему содержаніе, отходитъ все болѣе и болѣе въ современной исторіографіи на задній планъ, уступая свое мѣсто элементу описательному и философскому, начинаетъ сказываться реакція и противъ увлеченія художественностью. Однимъ изъ ея выразителей является напр. Бурдо (L'histoire et les historiens. 1888). Большинство продолжаетъ, впрочемъ, избѣгать крайностей въ этомъ отношеніи и все еще придерживается взгляда Леоп. фонъ Ранке (Sämmtliche Werke, т. XII, стр. 5 слл.), который считалъ исторію вмѣстѣ и искусствомъ, и наукой, но лишь требовалъ подчиненія эстетическаго начала интересамъ научной истины. Срв. Ulman, Ueber wissenschaftliche Geschichtsdarstellung“ (Histor. Zeitschr. 1885. Bd. XVIII); Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie“ 3 u. 4 Aufl. Leipz. 1903 (стр. 126 и слл.). *Ред.*

[2]) О развитіи понятія объ исторіи см. на русскомъ языкѣ: Кудрявцевъ, О современныхъ задачахъ исторіи (Собр. соч., т. I и въ „Отеч. Зап.“ 1853); его же О достовѣрности исторіи („Отеч. Зап.“ 1851); гр. С. С. Уваровъ, Подвигается ли впередъ историческая достовѣрность? („Соврем.“ 1851); Грановскій, О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи („Сочиненія“, т. I); Герье, Очеркъ развитія исторической науки. М. 1865; Стасюлевичъ, Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи. Спб. 1866 (есть 2-е изд.); М. Н. Петровъ, Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи. Харьк. 1861; Трачевскій, Современныя задачи исторической науки („Бесѣда“ 1871, кн. 10—11; другая статья его же подъ тѣмъ же названіемъ въ „Ученыхъ Запискахъ Имп. Новор. Унив.“ за 1878 г.); Куторга, назв. соч.; Рославскій-Петровскій, Введеніе въ курсъ исторіи главныхъ народовъ древняго міра и цивилизацій. Харьк. 1870; Аландскій, Исторія Греціи (введеніе). Кіевъ. 1885; Н. И. Карѣевъ, Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд.

нятіе объ орической ритикѣ.

Какъ бы однако ни смотрѣть на исторію и какъ бы ее ни обработывать, непремѣннымъ условіемъ этой обработки всегда было и будетъ изысканіе истины; а чтобъ открыть истину въ массѣ разнорѣчивыхъ извѣстій, дошедшихъ до насъ о временахъ прошедшихъ, необходима критика, т. е. извѣстные пріемы и способы, которыми опредѣляется достовѣрность свидѣтельствъ и памятниковъ прошедшаго или такъ называемыхъ источниковъ, какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ.

Историческая критика бываетъ внѣшняя и внутренняя. Первая опредѣляетъ подлинность памятниковъ, а вторая — достовѣрность самыхъ извѣстій, которыя въ нихъ заключаются. Постоянныхъ правилъ для исторической критики почти нѣтъ, такъ какъ пріемы ея очень разнообразны по роду, качеству и характеру источниковъ, подлежащихъ ея изслѣдованію. Все зависитъ здѣсь отъ опытности и таланта изслѣдователя [1]).

1897. Спб.; его же, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи; его же, Историко-философскіе и соціологическіе этюды; его же, Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Изд. 2-е, Спб.; его же, Введеніе въ изученіе соціологіи; его же, „Историческіе законы“ и „Исторія“ — статьи въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза-Эфрона (томъ 18); А. М. Ловягинъ „Историографія“ (статья въ Энцикл. Слов., т. 18). Р. Ю. Виппперъ, Обществен. ученіе и историч. теоріи XVIII=XIX вв. Спб. 1900 (изъ „Міра Бож.“); его же, Очерки историч. мысли въ XIX в. („Міръ Бож.“, 1901, мартъ и сл.); Арнольди О пониманіи исторіи. М. 1898 (2-е изд.—1903). Въ иностранной литературѣ: Flint, History of the philosophy of history in Europe 1893 (франц. перев. „La philosophie de l'histoire en France“ и „La philosophie de l'histoire en Allemagne“. Paris. 1878); Rocholl, Die Philosophie der Geschichte (нов. изд.) 1893; Mayr, Die philosophische Geschichtsauffassung der Neuzeit. 1877; Jodl, Die Kulturgechichtschreibung, ihre Entwickelung und ihr Problem. 1878; Bernheim, Geschichtsforschung und Geschichtsphilosophie. Götting. 1880; его же, Lehrbuch des historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 3—4 Aufl. Leipz. 1903; Dilthey, Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipz. 1883; O. Lorenz, Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. Berlin. 1886; Lavollée, La morale dans l'histoire, étude sur les principaux systèmes de philosophie de l'histoire depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. Paris. 1892; Barth, назв. соч.; Honegger, Katechismus der Kulturgeschichte. 2 Aufl. 1889 (есть русскій перев. Спб. 1897); Ed. Meyer, назван. выше соч.; Rosa, Storia della storia. Lamprecht, Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. Berlin. 1896; Bourdeau, Histoire et historiens. 1888; Xénopol, Principes fondamentaux de l'histoire. P. 1899; Goldfriedrich Die historische Ideenlehre in Deutschland 1902; H. Helmolt, Weltgeschichte. Leipz. 1899, слл. (по русски: „Исторія человѣчества“, Всемірная исторія, составленная подъ редакціей Ганса Гельмольта. Спб. 1902. См. т. I, стр. 1—60). Многочисленныя подробныя указанія на литературу этого вопроса см. въ названныхъ выше сочиненіяхъ Н. И. Карѣева (особенно въ „Осн. вопр. фил. ист.“ и „Введ. въ изуч. соціол.“); также Ch. et M. Mortet, La science de l'histoire. Paris. 1894 (изъ 20-го тома „Grande Encyclopédie“); Langlois, Manuel de biblographie historique. Paris. 1896. *Ред.*

[1]) Собираніе и приведеніе въ извѣстность по возможности всего того матеріала, которымъ долженъ располагать историкъ и на предварительномъ изученіи котораго должна основываться его критическая работа, составляетъ задачу эвристики или источниковѣдѣнія (Quellenkunde). Подробнѣе см. у Бестужева-Рюмина, Русская исторія (введеніе). Спб. 1872; Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. I (введеніе). Кіевъ. 1891; Sybel, Ueber die Gesetze des histori-

Вспомогательныя знанія, необходимыя для историка.

Но кромѣ опытности и [критическаго] таланта для возсозданія вѣрнаго образа прошедшей жизни историкъ долженъ обладать и множествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, а именно: 1) по филологіи, необходимой для историка не только потому, что съ помощью ея опредѣляется происхожденіе народовъ, ихъ родство и взаимныя культурныя вліянія, но особенно и потому, что [языкъ народа представляетъ собою единственный ключъ къ уразумѣнію заключающейся въ его преданіяхъ и письменныхъ памятникахъ исторической традиціи, не говоря уже о томъ что] въ языкѣ выражается складъ народнаго духа, [характеръ народа] и степень его развитія, — [и съ этой стороны языкъ даетъ благодарный матеріалъ для такъ назыв. народной психологіи]; 2) по законовѣдѣнію и въ особенности по исторіи права, такъ какъ въ правѣ отражается вся частная и даже общественная жизнь народа; 3) [по экономическимъ наукамъ, безъ помощи которыхъ врядъ ли возможно пониманіе экономическихъ отношеній и условій народной жизни]; 4) по наукамъ естественнымъ, такъ какъ только съ помощью ихъ опредѣляется характеръ страны, занимаемой народомъ, вліяніе внѣшнихъ условій на народную жизнь, [а отчасти также и] экономическій бытъ народа; [5) наконецъ по философіи, изученіе которой необходимо для историка, во-первыхъ, потому что философія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ духовной культуры, подлежащей историческому изученію, а во-вторыхъ — потому что изученіе философіи вообще важно для пониманія идей, господствующихъ въ обществѣ, а безъ пониманія идей во множествѣ случаевъ невозможно и пониманіе событій; 6) кромѣ того есть еще кругъ частныхъ дисциплинъ, болѣе тѣсно и непосредственно связанныхъ по своему предмету съ исторіею и составляющихъ, пожалуй, какъ бы отдѣлы] археологіи, которая въ обширномъ смыслѣ есть именно ученіе о памятникахъ, оставшихся отъ древней жизни. [Сюда нужно отнести]: a) палеографію [съ эпиграфикой]; b) дипломатику; [c) сфра-

---

schen Wissens. Bonn. 1864 (есть русскій переводъ); Rehm, Lehrbuch der historischen Propädeutik. Frankfurt. 1864; Droysen, Grundriss der Historik. 3 Auf. Leipz. 1882 (есть французскій переводъ подъ загл. Précis de la science de l'histoire. Paris. 1888); Freeman, The methods of historical study. London. 1885 (и по-русски: Фриманъ, Методы изученія исторіи. М. 1893); Smedt, Principes de la critique historique. Liège—Paris. 1883; Tardif, Notions élémentaires de critique historique. Paris. 1883 (русск. перев. Воронежъ, 1893; см. также Фортинскій, „Опыты систематической обработки исторической критики“ въ „Кіев. Унив. Извѣстіяхъ“ за 1884); Lacombe, De l'histoire considerée comme science. Paris. 1894; Bernheim, назв. соч. (стр. 227 слл.); Langlois et Seignobos, Indroduction aux études historiques. 2-me éd. Paris. 1899 (есть русскій перев. подъ загл. „Введеніе въ изученіе исторіи“. Спб. 1899). *Ред.*

гистику]; d) геральдику; e) нумизматику; [f) генеалогію] g) хронологію; h) древности искусства; i) древности быта и даже k) древнюю географію. Все это подготовительныя знанія, необходимыя для настоящаго историка [1]).

Понятія о временахъ историческихъ.

Болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о судьбѣ человѣческаго рода мы имѣемъ всего лишь за какія-нибудь ближайшія пять тысячъ лѣтъ, которыя и называются „временами истори-

---

[1]) Нѣмцы называютъ эти подготовительныя знанія — „Hülfswissenschaften“, французы — „sciences auxiliaires“ (иначе — sc. ancillaires или satellites). Палеографія или наука о письмѣ въ его историческомъ развитіи, входившая первоначально, какъ часть, въ составъ дипломатики, выработалась въ самостоятельную дисциплину съ появленіемъ капитальной работы Б. Монфокона (Montfaucon) „Palaeographia graeca“ въ началѣ XVIII стол. (1708). Въ 1821 г. была основана въ Парижѣ съ цѣлью приготовленія спеціалистовъ архивнаго и библіотечнаго дѣла „école des chartes“, скоро расширившая свою первоначальную задачу изданіемъ особаго органа и не мало содѣйствовавшая успѣхамъ палеографіи; по образцу французской стали возникать подобныя школы и въ другихъ странахъ. См. Blass, Paläographie, Buchwesen und Handschriftenkunde. 2 Aufl. 1892; Wattenbach, Anleitung zur latein. Paläographie 4 Aufl. 1886; его же, Das Schriftwesen in Mittelalter. 2 Auf. 1875; Chassant, Paléographie des chartes et des manuscrits du 11 au 17 siécle. 6 éd. 1867. Палеографія древнихъ надписей носитъ названіе эпиграфики. Собирать надписи начали еще въ эпоху гуманизма, но систематическимъ такое собираніе стало только со временъ Августа Бёка (1785—1867). См. Larfeld, Griechische Epigraphik; Hübner, Römische Epigraphik (обѣ въ Iwans Müller's Handbuch der klass. Alterthumswissenschaft. Bd. I. 2 Aufl. 1892); Cagnat, Cours d'épigraphie latine. 2-me éd. 1889.—Дипломатика, предметъ которой составляютъ акты или письменные памятники формальнаго значенія, сложилась впервые въ особую дисциплину въ концѣ XVII стол., когда появился классическій трудъ Мабильона De re diplomatica libri sex (1681); о задачахъ, пріемахъ и методахъ ея см. H. Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipz. 1889; A. Giry, Manuel de diplomatique. Paris. 1898.—Сфрагистика имѣетъ своею цѣлью изученіе печатей; для ознакомленія съ нею кромѣ сочиненій Бреслау и Жирп, уже упомянутыхъ, можно рекомендовать: H. Grotefend, Ueber Sphragistik. 1875; Seyler, Abriss der Sphragistik, 1884; Chassant et Delbarre, Dictionnaire de sigillographie pratique. 1860; Lecoy de la Marche, Les sceaux. Paris. 1889. — Геральдика занимается изученіемъ гербовъ; см. G. Seyler, Geschichte der Heraldik; Gritzner, Handbuch der heraldischen Terminologie (1890). — Предметъ нумизматики составляютъ монеты и медали; пособія: Halke, Einleitung in das Studium der Numismatik. 2 Aufl. 1889; Dannenberg, Grundzüge der Münzkunde. 1891.—Генеалогія имѣетъ своею задачею установленіе родословныхъ отношеній. Историческій интересъ имѣетъ преимущественно генеалогія европейскихъ царственныхъ династій, для ознакомленія съ которою служатъ атласы О. Лоренца (Genealogischer Hand-und Schulatlas. 1892), K. v. Behr'a, Grünewaldt'a, T. Voigtel'я и проч.—Историческая, иначе прикладная или техническая хронологія, называемая такъ въ отличіе отъ хронологіи математической, излагающей астрономическія основанія лѣтосчисленія, занимается хронологическими системами, бывшими въ употребленіи у различныхъ историческихъ народовъ. Основныя сочиненія — Ideler, Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. 2 т. Нов. изд. 1883 г.; Lersch, Einleitung in die Chronologie oder Zeitrechnung verschiedener Völker und Zeiten. 1889; Brinckmeier, Praktisches Handbuch der historischen Chronologie aller Zeiten und Völker. 2 Aufl. 1882.—Библіографію по древностямъ искусства и быта см. ниже.—Пособіями по исторической географіи могутъ служить: B. Kneisel, Leitfaden der historischen Geographie. 3 B-de. 1874 слл.; Freeman, Historical geographie of Europe. 2 vol. 2 ed. 1881; историко-географическіе словари C. Böttcher'a (1891), W. Martens'a (1888); атласы—G. Droysen'a (1886), H. Kiepert'a и C. Wolf'a (5 изд. 1890), K. v. Spruner'a (3 изд. 1876), Putzger'a и др. *Ред.*

ческими“ и составляютъ хронологическій объемъ всеобщей исторіи. [Ея начало такимъ образомъ теряется въ миѳахъ, и всякія попытки, пользуясь ими, какъ нѣкоторымъ отголоскомъ исторической дѣйствительности, проникнуть въ таинственную мглу тѣхъ вѣковъ, которые простираются далѣе указаннаго предѣла и которые по недостатку писанныхъ свидѣтельствъ принято обозначать названіемъ доисторическихъ, до сихъ поръ опираются лишь на однѣ догадки и предположенія [1]). Впрочемъ этотъ недостатокъ въ значительной степени восполняется вещественными памятниками, находимыми при археологическихъ и палеонтологическихъ раскопкахъ. Въ этомъ направленіи особенно большіе успѣхи сдѣланы наукою во второй половинѣ минувшаго столѣтія, когда, благодаря изслѣдованіямъ Чарльза Лайелля, Ф. Циттеля, Пенка, Мортилье, Іог. Ранке и др., было съ несомнѣнностью установлено присутствіе слѣдовъ человѣческой жизни и культуры на огромномъ пространствѣ земель Европы, Азіи, сѣверной Африки, сѣверной и отчасти южной Америки уже въ томъ древнемъ геологическомъ пластѣ, который образовался въ эпоху такъ называемаго „дилювія“ (потопа) и задолго предшествовалъ появленію нынѣшняго верхняго, наноснаго слоя, завершившаго собою геологическій ростъ нашей планеты. На основаніи данныхъ, обнаруженныхъ раскопками, положено было такимъ образомъ начало возсозданію первобытной исторіи человѣчества, которая нынѣ рисуется приблизительно въ слѣдующихъ общихъ очертаніяхъ. Какъ извѣстно изъ геологіи, на протяженіи дилювіальной эпохи большая часть обитаемыхъ странъ земного шара испытала рядъ послѣдовательныхъ климатическихъ переворотовъ: вслѣдъ за болѣе теплыми періодами вслѣдствіе причинъ, еще и до сихъ поръ не вполнѣ выясненныхъ, въ сѣверныхъ и среднихъ частяхъ Европы, Азіи и С. Америки, въ предѣлахъ тѣхъ широтъ, которыя въ наше время характеризуются умѣреннымъ климатомъ, и къ сѣверу отъ нихъ вдругъ наступало сильное пониженіе годовой температуры, сопровождаемое временнымъ обледенѣніемъ этихъ земель. Ледъ то стаивалъ и на большомъ пространствѣ обнажалъ почву, отодвигаясь на сѣверъ, то снова нарасталъ, расползался къ югу и вытѣснялъ неприноровленную къ столь рѣзкимъ колебаніямъ климатическихъ условій дилювіальную флору и фауну. Сколько было такихъ смѣнъ, достовѣрно неизвѣстно; большинство изслѣдо-

[1]) Какое зыбкое основаніе для историческихъ реконструкцій представляютъ собою миѳы, о томъ см. у В. П. Бузескула Введ. въ ист. Греціи, стр. 3 слл. *Ред.*

вателей принимаетъ два „ледниковыхъ“ періода [1]), и на рубежѣ между ними, въ земныхъ слояхъ промежуточнаго, болѣе теплаго или такъ наз. „межледниковаго“ періода, впервые подмѣчены древнѣйшіе слѣды человѣка. Итакъ человѣкъ былъ современникомъ мамонта, шерстистаго носорога, пещернаго медвѣдя и другихъ представителей исполинской доисторической фауны. И онъ не только подобно имъ вносилъ свою долю участія въ борьбу съ стихійными силами грозной природы, но и оказался въ этой борьбѣ побѣдителемъ, тогда какъ они нигдѣ не пережили второго періода обледенѣнія и вымерли. Побѣдой этой человѣкъ обязанъ былъ своему уму, своей находчивости и изобрѣтательности.

Умъ человѣка дилювіальной эпохи проявилъ себя въ отысканіи способа добывать огонь, жарить и варить пищу, выдѣлывать оружіе и разные снаряды для охоты и рыбной ловли, сучить и скручивать бичеву изъ сухожилій животныхъ и растительныхъ волоконъ, обработывать и сшивать звѣриныя шкуры для изготовленія изъ нихъ одежды, вырѣзывать на камнѣ и на кости и выдалбливать изъ оленьихъ зубовъ или оленьяго рога различныя фигуры и украшенія и т. п. Множество предметовъ своей незатѣйливой утвари и особенно оружія (каменные молотки, ножи, наконечники стрѣлъ и копій, клинки кинжаловъ, гарпуны, пилы, скребки, долота, шила, костяныя иглы и проч.) онъ оставилъ въ наслѣдіе грядущимъ временамъ и поколѣніямъ, какъ слѣдъ пройденной имъ культурной стадіи. Матеріалъ, изъ котораго изготовлены эти предметы, неоднороденъ: попадаются издѣлія изъ дерева, кости, рога, раковинъ, — но преобладаетъ камень въ видѣ грубо отбитыхъ кусковъ кремня, кварцита и другихъ твердыхъ породъ, а потому и весь періодъ дилювіальной культуры носитъ названіе „каменнаго“ или точнѣе — „древнѣйшаго каменнаго вѣка“ (палеолитическій періодъ), въ отличіе отъ послѣдовавшаго за нимъ „новѣйшаго“ (неолитическій періодъ), когда, правда, камень все еще попрежнему продолжалъ служить главнымъ матеріаломъ для изготовленія оружія и утвари, но въ самой техникѣ его обработки съ открытіемъ искусства шлифованія произошло существенное измѣненіе. Человѣкъ этой новой болѣе высокой культурной фазы, характеризуемой появленіемъ прирученныхъ животныхъ и развитіемъ скотоводства, возникновеніемъ постоянныхъ жилищъ и переходомъ отъ кочевого образа жизни къ

[1]) J. Geikie (The Great Ice Age. 2 ed. London. 1877) насчитываетъ ихъ шесть. См. его же Prehistoric Europe. 1881; особенно же „On the glacial succession in Europe“ (Trans. Roy. Soc.). Edinb. 1892. *Ред.*

осѣдлому съ его главнымъ занятіемъ — земледѣліемъ, изобрѣтеніемъ искусства прясть и ткать, выдѣлывать кожи, вязать сѣти, обжигать глину и вообще поднятіемъ техническаго умѣнья до высшаго уровня, принадлежитъ уже всецѣло верхнимъ, болѣе молодымъ, такъ назыв. аллювіальнымъ геологическимъ слоямъ. Онъ оставилъ слѣды своего существованія и дѣятельности, помимо мелкихъ предметовъ повседневнаго обихода, въ разсѣянныхъ тамъ и сямъ въ мѣстахъ его обитанія въ Европѣ, Азіи (Индіи и Палестинѣ), Африкѣ (Алжирѣ) и Америкѣ мегалитическихъ или исполинскихъ каменныхъ сооруженіяхъ и высокихъ насыпныхъ курганахъ, а также въ остаткахъ свайныхъ построекъ, уцѣлѣвшихъ въ Швейцаріи, въ предальпійской озерной области, въ Ирландіи и Франціи.

Но трудны культурныя завоеванія, и не вездѣ человѣкъ съ одинаковымъ успѣхомъ справлялся съ этими трудностями. Въ то время какъ условія окружающей жизни однимъ изъ человѣческихъ племенъ облегчали переходъ отъ низшихъ культурныхъ формъ къ высшимъ, дѣлая ихъ двигателями историческаго прогресса, другія еще и доселѣ не поднялись выше уровня, соотвѣтствующаго первобытнымъ стадіямъ культурнаго развитія. Такимъ образомъ выраженіе „каменный вѣкъ“ не можетъ имѣть абсолютнаго значенія въ смыслѣ хронологическаго термина, — оно обозначаетъ лишь опредѣленную, общую для всего человѣчества культурную ступень, но состояніе, отвѣчающее этой ступени, не для всѣхъ отраслей человѣческаго рода наступило одновременно и имѣло одинаковую продолжительность. Во всякомъ же случаѣ это состояніе обнимало собою многія столѣтія, на протяженій которыхъ есть даже возможность, какъ это и сдѣлано учеными, установить въ предѣлахъ какъ палеолитическаго, такъ и неолитическаго періода, соотвѣтственно степени достигнутыхъ человѣкомъ успѣховъ, нѣсколько различныхъ послѣдовательныхъ эпохъ [1]).

---

[1]) Изученіемъ животнаго царства геологическихъ эпохъ занимается палеонтологія, а доисторическимъ прошлымъ человѣка—археологія. Начало этой науки обыкновенно возводится къ тридцатымъ годамъ XVIII столѣтія, когда появилось въ свѣтъ изслѣдованіе члена французской академіи надписей Мабюделя (Mahudel) объ орудіяхъ каменнаго вѣка, хотя идеи, высказанныя имъ въ этомъ сочиненіи, встрѣчаются и раньше, напр. у итальянца Меркати (въ XVI в.) и француза Антуана де Жюссье (A. de Jussieu) въ его книгѣ „Sur l'origine et l'usage des prétendues pierres de foudre“ (1723). Впрочемъ болѣе правильной научной постановкой археологія обязана лишь прошлому столѣтію, когда цѣлый рядъ важныхъ и интересныхъ находокъ въ нѣдрахъ земли пролилъ нѣкоторый свѣтъ на доисторическое прошлое человѣка и далъ возможность сдѣлать какіе-нибудь выводы и обобщенія. Такъ въ 1839 г. въ долинѣ рѣки Соммы близъ Аббевиля впервые были открыты французскимъ ученымъ Буше-де-Пертомъ остатки человѣка въ нетронутыхъ пластахъ хряща и крупнаго песку, со-

Каменный вѣкъ смѣнился вѣкомъ металловъ, въ теченіе котораго люди постепенно ознакомились съ добываніемъ и обработкою послѣднихъ и перешли въ своемъ обиходѣ къ замѣнѣ каменныхъ орудій металлическими. Эта замѣна знаменуетъ уже собою начало того широкаго и многосторонняго культурнаго подъема въ жизни человѣчества, на высшихъ ступеняхъ котораго стоятъ современные намъ цивилизованные народы. Такимъ образомъ она близко примыкаетъ къ исторической эрѣ. Изъ металловъ прежде всего стала доступна людямъ мѣдь,—сперва въ своемъ чистомъ видѣ (мѣдный вѣкъ), и позже—въ видѣ бронзы, т.-е. сплава изъ мѣди и олова (бронзовый вѣкъ), потомъ золото и серебро и наконецъ желѣзо (желѣзный вѣкъ)].

Къ этимъ то далекимъ временамъ,—вѣкамъ камня и металловъ, — относятся четыре важнѣйшія во всей первобытной исторіи человѣчества явленія: 1) рядъ основныхъ культурныхъ изобрѣтеній (добываніе огня, изготовленіе одежды изъ растительныхъ волоконъ и шерсти, устройство примитивныхъ видовъ жилища, изысканіе различныхъ способовъ обороны и т. п.); 2) разселеніе человѣческаго рода по различнымъ странамъ обитаемой земли; 3) раздѣленіе людей на расы и меньшія части расъ, бывшее, вѣроятно, слѣдствіемъ этого разселенія; 4) образованіе различныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ по различію расъ и ихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій.

Единство человѣческаго рода.

[Разселеніе людскихъ племенъ по землѣ есть фактъ, который наука о доисторическомъ прошломъ человѣчества, какъ бы она

державшихъ въ себѣ кости диллювіальныхъ животныхъ, и такимъ образомъ хронологическій объемъ нашихъ свѣдѣній о первобытномъ человѣкѣ существенно расширился. Работы Лайелля, Пенка, О. Фрааса, Ф. Циттеля а изъ русскихъ Иностранцева, Антоновича, Армашевскаго и др.—для диллювія, Стенструпа, О. Геера—для болѣе позднихъ періодовъ жизни доисторическаго человѣчества также значительно углубили эти свѣдѣнія. Пособіями для ознакомленія съ этимъ предметомъ могутъ служить: Гельмольтъ—назв соч, т. I; Іог. Ранке. Человѣкъ. Развитіе, строеніе и жизнь человѣческаго тѣла (перев. Синявскаго) Спб. 1897—98; Charles Lyell Antiquity of man. London. 1863 (по русски: Лайелль, Древность человѣка на землѣ, перев. Ковалевскаго); Дж. Леббокъ (Lubbock) Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Спб. 1872; его же Доисторическія времена, Спб. 1876; Тайлоръ (Tylor) Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи (перев. Валицкаго). М. 1868; его же Первобытная культура (въ перев. Д. Коропчевскаго); 2 т. Спб. 1872; Hamy Précis de paléontologie humaine. Paris. 1873; Lenormant Les premières civilisations. Paris. 1874; de Mortillet Le Préhistorique. Paris. 1883; Hoernes Urgeschichte der Menschheit. Vien. 1892 (по русски: Гернесъ, Исторія первобытнаго человѣчества. Спб. 1896); его же Der diluviale Mensch in Europa. 1903; Ш. Дебьеръ Первобытные люди. Спб. 1892; Ю. Липпертъ, Исторія культуры. Пер. съ нѣм. А. Острогорскаго и П. Струве. Спб. 1890. Гётчисонъ (Hutcheson), Очерки первобытнаго міра. Спб. 1897. Люборъ Нидерле, Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Перев. Волкова подъ ред. Анучина. Спб. 1898. *Ред.*

глубоко ни проникала въ древность, застаетъ уже совершившимся, и такимъ образомъ] трудно рѣшить, распространился ли родъ человѣческій по разнымъ странамъ изъ одного какого-нибудь пункта, напр. съ горъ центральной Азіи, какъ думали нѣкоторые этнографы, или же изъ нѣсколькихъ. Но несомнѣнно одно, что всѣ люди, гдѣ бы они ни жили, похожи другъ на друга, какъ физическимъ строеніемъ, такъ и способностями. Замѣчаемыя между ними наружныя отличія несущественны, а разница въ умственныхъ способностяхъ состоитъ болѣе въ степени, чѣмъ въ качествѣ этихъ способностей, что и доказываетъ, съ одной стороны, единство всего человѣческаго рода, какъ особенной, высшей породы животнаго царства, а съ другой — дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ преданіе объ общемъ его происхожденіи.

Человѣческія расы и ихъ классификація.

[Не менѣе теменъ вопросъ о возникновеніи и взаимномъ отношеніи тѣхъ крупныхъ отдѣловъ человѣческаго рода, которые принято именовать расами. Врядъ ли можно отрицать существованіе извѣстныхъ типическихъ отличій между отдѣльными расами,— напр. въ устройствѣ черепа, размѣрѣ лицевого угла, строеній скелета (особенно въ формѣ грудной клѣтки и таза), въ цвѣтѣ кожи, свойствахъ волосъ и проч. Подобныя отличія существовали, повидимому, уже въ неолитическую эпоху,—по крайней мѣрѣ въ доисторической Европѣ обнаружено смѣшанное населеніе, принадлежавшее къ двумъ различнымъ расовымъ типамъ,—длинноголовому (долихокефалы) и короткоголовому (брахикефалы) [2]). Но несомнѣнно также и то, что не всегда на основаніи однихъ только этихъ антропологическихъ отличій оказывается возможнымъ съ достаточною послѣдовательностью провести черту разграниченія и что даже въ предѣлахъ одной и той же расы указанные признаки нерѣдко представляютъ довольно рѣзкія уклоненія въ сторону отъ господствующаго типа. Притомъ же безусловная чистота расы почти нигдѣ на землѣ не наблюдается. Поэтому и такой классификаціи человѣческихъ расъ, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ правиламъ логическаго дѣленія и могла бы считаться общепризнанною, до сихъ поръ еще нѣтъ. Да и въ установленіи числа расъ ученые также не пришли между собою къ соглашенію. Это число колеблется между 1 (Вертъ, Лундъ) и 150 (Гиддонъ); двѣ

---

[1]) Въ доказательство общности происхожденія различныхъ человѣческихъ группъ натуралисты указываютъ на сохраненіе способности къ дѣторожденію при скрещиваніи этихъ группъ, какъ на правило, не представившее до сихъ поръ со времени четвертичной эпохи ни одного исключенія. О единствѣ человѣческаго рода см. Раньше, Человѣкъ, т. II. *Ред.*

[2]) Salmon Races humaines préhistoriques. Paris. 1888. *Ред.*

расы признавали Вирэ, Мецланъ, Мейнерсъ, три—Жакино, Кювье, Бюшингъ, Катрфажъ, Топинаръ и др., четыре—Линней, Бернье, Лейбницъ, Кантъ, Циммерманъ, Карусъ и Гёкели, пять – Блуменбахъ, Оkенъ и др., шесть—Дюмериль и Лессонъ, семь—Причардъ, Флоуеръ и Пешель, восемь—Агассп и Мори, болѣе десяти—Геккель (12), Бори де С. Венсенъ (15), Дюмуленъ (16), Кольманъ (18), Мортонъ (22), Крауффордъ (60), Бёркъ (63) и т. д. Дальше всего пошла въ этомъ направленіи американская антропологическая школа, принимающая столько расъ или видовыхъ группъ человѣчества, сколько вообще возможно установить народныхъ типовъ. Въ виду такой неопредѣленности мы предпочитаемъ въ настоящемъ историческомъ курсѣ держаться и по этому вопросу исторической точки зрѣнія [1]).

Первая попытка классификаціи расъ принадлежала французскому путешественнику Фр. Бернье (1684), который раздѣлилъ всѣхъ людей на четыре группы,—бѣлыхъ (въ Европѣ), желтыхъ (въ Азіи), черныхъ (въ Африкѣ) и лопарей (на сѣверѣ). Дѣленіе это, въ основаніе котораго не былъ положенъ какой-либо научный принципъ, скоро уступило мѣсто другому, предложенному знаменитымъ натуралистомъ Линнеемъ. Включивъ человѣка въ свою обширную общую систему животнаго царства и поставивъ его въ ней наряду съ человѣкообразными обезьянами въ разрядѣ „приматовъ“ (ordo primates). Линней различалъ три типа человѣческой породы,—„homo sapiens“ („разумный“ или нормально развитой человѣкъ), „homo ferus“ (какой-то „дикій“, звѣроподобный человѣкъ, будто бы лишенный языка, покрытый шерстью и ходящій на четверенькахъ) и „homo monstruosus“ („чудовищный“ или патологически выродившійся человѣкъ). Въ первомъ изъ этихъ типовъ Линней усматривалъ четыре разновидности, отличающіяся другъ отъ друга цвѣтомъ кожи, волосъ и глазъ и отвѣчающія географическому дѣленію людей на европейцевъ, азіатцевъ, африканцевъ и американцевъ. Въ существенныхъ своихъ чертахъ линнеевская классификація была принята и Блуменбахомъ (1775), основателемъ научной антропологіи, который къ четыремъ линнеевскимъ разновидностямъ „разумнаго человѣка“ прибавилъ пятую,—австралійскую, и установилъ такимъ образомъ дѣленіе

---

[1]) Исторію антропологическихъ классификацій можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Topinard Eléments d'anthropologie générale. Paris. 1885 (русск. перев. Мечникова); Kean Etnology. Cambridge. 1896; Э. Петри Антропологія. Т. I. Спб. 1890; Д. Коропчевскій Расовая и этническая группировка человѣчества (въ приложеніи ко второму тому русскаго перевода „Народовѣдѣнія“ Фр. Ратцеля). *Ред.*

человѣчества на пять расъ]. Эти расы суть: 1) бѣлая или кавказская, населяющая южную и западную Азію, сѣверную Африку и почти всю Европу; 2) желтая или монгольская, занявшая восточную, среднюю и сѣверную Азію и отчасти сѣверо-восточную Европу; 3) черная или негритянская (иначе эѳіопская), распространившаяся по всему материку Африки, гдѣ на сѣверномъ и сѣверо-восточномъ побережьѣ она впрочемъ смѣшалась съ бѣлою расою; 4) коричневая или малайская, разсѣянная по Австраліи и островамъ Тихаго и Индійскаго океана; 5) мѣднокрасная или американская, теперь уже вымирающая, но до времени открытія Америки европейцами владѣвшая почти всею этою частью свѣта.

[Блуменбаховская схема, подкупавшая своею простотою и стройностью, оказалась наиболѣе устойчивою и сразу заняла господствующее положеніе среди другихъ классификацій, особенно же въ популярно-научной и учебной литературѣ, въ которой она держится и до сего времени [1]). Но по мѣрѣ накопленія этнографическаго и антропологическаго матеріала вопросъ о расахъ сталъ нуждаться въ новомъ пересмотрѣ,—стала чувствоваться потребность въ такой классификаціи, которая болѣе соотвѣтствовала бы измѣнившемуся состоянію науки, и въ дальнѣйшихъ попыткахъ удовлетворить этой потребности не было недостатка. Наряду съ моногенистическимъ воззрѣніемъ, производившимъ весь человѣческій родъ отъ общихъ прародителей, возникло противоположное—полигенистическое воззрѣніе, признающее за различными человѣческими расами самостоятельное происхожденіе. Родоначальникомъ полигенизма былъ современикъ Блуменбаха французъ Вирэ (Virey), который, раздѣливъ все человѣчество на два отдѣльные вида,—черный и бѣлый, а каждый изъ нихъ—на три разновидности, распадавшіяся въ свою очередь на болѣе мелкія группы, считалъ различіе между этими видами столь глубокимъ, что не допускалъ возможности ихъ сліянія въ одномъ общемъ источникѣ. Полигенизмъ нашелъ не мало горячихъ сторонниковъ, изъ которыхъ многіе постепенно довели число человѣческихъ видовъ до полутораста и болѣе. Впрочемъ большинство классификаторовъ ограничивалось, подобно Линнею, Блуменбаху, Кювье и др., относительно небольшимъ числомъ основныхъ или главныхъ отдѣловъ человѣческаго рода, причемъ каждый изъ нихъ полагалъ въ основаніе своего

[1]) Напр. Эгельгафъ, авторъ одного изъ наиболѣе распространенныхъ въ Германіи школьныхъ учебниковъ всеобщей исторіи, все еще продолжаетъ держаться блуменбаховской схемы. См. послѣднее (седьмое) изданіе его книги (1903 г.). *Ред.*

дѣленія болѣе или менѣе сложный комплексъ физическихъ признаковъ, по большей части впрочемъ съ нѣкоторымъ преобладаніемъ какого-нибудь одного изъ нихъ,—то напр. строенія черепа, какъ у Причарда и Ретціуса, дѣлившихъ людей на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ, то величины лицевого угла, какъ у Ж. Сентъ-Илера, установившаго по этому признаку четыре основныхъ типа („прямоскулый," „широкоскулый" и т. д.), то свойства волосъ, какъ у Геккеля, различавшаго расы „шерстистоволосыя" (ulotriches) и „гладковолосыя" (lissotriches), то формы носа, какъ у Топинара, предложившаго дѣлить человѣчество на три группы,—бѣлую узконосую, желтую средненосую и черную плосконосую. Чаще всего такимъ основнымъ классификаціоннымъ признакомъ служитъ цвѣтъ кожи. Мы встрѣчаемся съ нимъ въ системахъ Берньэ, Вирэ, Блуменбаха, Бюффона, Кювье, Пикеринга, Гёксли, Катрфажа и мн. др. Но не были оставлены безъ вниманія и прочіе физическіе признаки, какъ то: ёмкость черепа, вѣсъ мозга, строеніе скелета, ростъ, длина конечностей, запахъ кожи, форма и цвѣтъ глазъ и проч. Одна изъ новѣйшихъ и самыхъ удачныхъ попытокъ скомбинировать въ возможной полнотѣ всѣ наиболѣе стойкія и существенныя отношенія расъ принадлежитъ французскому антропологу Деникеру, который на основаніи этихъ отличій дѣлитъ человѣчество на 13 расъ, а эти послѣднія—на 29 подрасъ [1]).

Кромѣ всѣхъ такихъ соматологическихъ классификацій, опирающихся исключительно на особенности тѣлесной или „соматической" организаціи человѣческихъ породъ, существуютъ однако и другія, въ основаніи которыхъ лежатъ антропологическіе признаки иного порядка, какъ то—языкъ, темпераментъ, обычаи, степень культурности въ связи съ развитіемъ общественности и т. п. Таковы напр. классификаціи Окена, Гольдфуса, Моргана и др. Подобнымъ же образомъ и Деникеръ рядомъ съ расовымъ дѣленіемъ человѣчества принимаетъ дѣленіе этническое, различая въ каждой части свѣта этнографическія группы, объединенныя общностью языка и культурнаго состоянія. На чисто географической точкѣ зрѣнія стоитъ Фридр. Ратцель. Онъ дѣлитъ человѣчество на географическіе циклы или „круги народовъ", а именно—кругъ тихоокеанско-американскій или область народовъ, не знающихъ желѣза, куда входятъ представители различныхъ оттѣнковъ желтой и бурой расы, кругъ свѣтлокожихъ народовъ южной Африки, кругъ негрскихъ народовъ и наконецъ кругъ культурныхъ на-

[1]) Deniker Les races et les peuples de la terre. Paris. 1900 (есть русскій переводъ). *Ред.*

родовъ Стараго Свѣта, обнимающій всѣ группы арійцевъ и восточныхъ и юго-восточныхъ азіатцевъ. Въ этой системѣ географическому единству предѣловъ обитанія соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени и одинаковость культурнаго уровня [1]).

При всемъ разнообразіи существующихъ группировокъ человѣческаго рода всѣмъ имъ, повидимому, все же свойственно признаніе немногочисленныхъ, по большей части трехъ крайнихъ или основныхъ типовъ, которые по цвѣту кожи обыкновенно называются чернымъ, желтымъ и бѣлымъ. Это типы негра, монгола и европейца. Къ каждому изъ этихъ типовъ въ большей или меньшей степени приближенія тяготѣютъ остальные расовые типы, которые, образуя какъ бы рядъ промежуточныхъ звеньевъ и тѣмъ сглаживая расовое различіе, сближаютъ ихъ между собою и приводятъ къ единству. Такъ къ негрской группѣ, наиболѣе яркими представителями которой являются негры Судана и банту, примыкаютъ папуасы, негритосы, австралійцы, дравидскія племена, готтентоты, бушмены и африканскіе карликовые народы; къ монгольской группѣ, чистыми выразителями которой можно признать собственно монголовъ, бурятъ и калмыковъ, принадлежатъ не только народы восточной и юго-восточной Азіи, жители Тибета, нѣкоторыя гималайскія горныя племена, тюрки (киргизы, якуты, татары, узбеки, туркмены, османы и др.), всѣ обитатели сѣверной Азіи, родственныя съ ними племена сѣверо-восточной Европы и финны (балтійскіе финны, мадьяры, зыряне, пермяки, самоѣды и проч.), но также и полинезійскіе и азіатскіе малайцы, а равно краснокожіе американцы; наконецъ къ бѣлой (иначе кавказской или средиземной) группѣ относятся народы Европы (кромѣ сѣверныхъ ея частей, занятыхъ монгольскимъ племенемъ), сѣверной Африки и передней Азіи со включеніемъ сѣверной Индіи, т.-е. почти всѣ обитатели центральныхъ частей Стараго Свѣта [2]).

Что же касается генеалогіи человѣческихъ расъ, то большинство современныхъ натуралистовъ склоняется къ тому, что первичный человѣкъ былъ чернымъ или темнокоричневымъ (Вирховъ, Геккель, Кинъ и др.); по мнѣнію проф. Мечникова, пер-

---

[1]) Fr. Ratzel Völkerkunde. 2-te Ausg. Leipz. 1899 (русск. перев. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго); его же Anthropogeographie. Stuttgart. 2 Aufl. 1899. *Ред.*

[2]) Такую приблизительно группировку человѣчества находимъ мы у Катрфажа, Флоуера, Лидеккера, Э. Ю. Петри и др. Первымъ, кто предложилъ ее, былъ Кювье. Не слѣдуетъ однако забывать, что относительная чистота расы обусловливается лишь степенью географической изолированности ея представителей и что такъ называемая бѣлая раса въ дѣйствительности пестрѣетъ всевозможными оттѣнками отъ бѣлорозоваго до густо-смуглаго (въ арабахъ) и даже негроподобнаго (въ берберахъ). *Ред.*

вичной расой была монгольская, а отъ нея пошли разновидности— съ одной стороны негрская, съ другой кавказская].

Народы и племена

Но раздѣленіе людей не остановилось на расахъ. Подъ вліяніемъ различныхъ причинъ,—отчасти, быть можетъ, мѣстныхъ и климатическихъ,—расы распались на отрасли, отрасли въ свою очередь на семейства народовъ, семейства на отдѣльные народы, а эти послѣдніе—на племена, и каждая часть не только развила свой характеръ, но съ теченіемъ времени многіе утратили даже память о своемъ общемъ съ другими происхожденіи и стали смотрѣть на своихъ старинныхъ родичей, какъ на чужихъ. Распаденіе человѣчества на расы и ихъ отрасли относится къ такой глубокой древности, что мы ничего не знаемъ о томъ, когда и какъ это случилось. Только происхожденіе нѣкоторыхъ народовъ новаго времени совершилось на памяти исторіи.

Языки.

Вмѣстѣ съ обособленіемъ народовъ и ихъ меньшихъ частей, для чего, разумѣется, понадобилось очень долгое время, стали постепенно и тоже весьма медленно возникать и развиваться различные языки, развѣтвляясь при этомъ въ свою очередь на нарѣчія и говоры. [Въ ихъ грамматическомъ строѣ и лексическомъ составѣ отразились духовныя особенности каждаго народа,—его характеръ и міросозерцаніе, его бытовыя условія и степень культурнаго развитія. Изучая прошлое человѣчества, нельзя поэтому пренебрегать и данными науки о языкѣ, которая въ предѣлахъ отдѣльныхъ человѣческихъ расъ устанавливаетъ извѣстныя языковыя группы, болѣе или менѣе соотвѣтствующія различнымъ племеннымъ вѣтвямъ и ихъ подраздѣленіямъ].

Историческіе народы и родственныя ихъ отношенія.

Не всѣ перечисленныя расы одинаково важны въ исторіи. I. Первое мѣсто занимаетъ въ ней бѣлая раса, самая даровитая, искони разселенная по лучшимъ странамъ трехъ частей свѣта,—отъ Индійскаго океана до Атлантическаго и по всему огромному бассейну Средиземнаго моря. Это—раса по преимуществу историческая, не только наиболѣе способствовавшая общимъ успѣхамъ человѣческаго образованія, но имѣвшая и наиболѣе цивилизующее вліяніе на другія расы. Большая часть народовъ, къ ней принадлежащихъ, съ давнихъ поръ вела жизнь осѣдлую и почти вездѣ, гдѣ поселилась, очень рано образовала гражданскія общества, такъ что почти всѣ народы, прославившіеся своею высокою цивилизаціею,—какъ древніе, такъ и новые,—относятся именно къ этому корню.

[Въ десятой главѣ книги Бытія заключается знаменитая генеалогія первобытныхъ народовъ, и, такъ какъ это единственный систе-

матическій памятникъ подобнаго рода, дошедшій до насъ отъ древности, то и новѣйшая наука пользуется имъ, заимствуя изъ него нерѣдко даже самыя названія. Такъ по тремъ сыновьямъ Ноя, родоначальника послѣпотопнаго человѣчества, упоминаемымъ въ Библіи, нынѣшніе историки и этнографы подраздѣляютъ обыкновенно бѣлую расу такъ же, какъ объ ней говоритъ и Библія, т.-е. на три отрасли: 1) хамитовъ, нѣкогда занимавшихъ всю юго-западную Азію и сѣверо-восточную Африку; 2) семитовъ, разселившихся по всей передней Азіи, отъ моря Чернаго и Каспійскаго до Персидскаго залива и отъ Средиземнаго моря до Тигра,— и 3) іафетитовъ или аріевъ, получившихъ наибольшее распространеніе, такъ какъ они заняли съ теченіемъ времени не только всю Европу (за исключеніемъ сѣверо-восточныхъ ея окраинъ), но также и въ Азіи—Индію и весь Иранъ.

Скажемъ отдѣльно о каждой отрасли.

1) Хамиты выставили два историческихъ народа,—древнихъ египтянъ и кушитовъ, составлявшихъ древнѣйшій слой населенія Ирана, тигро-евфратской равнины, Арама, Палестины и Финикіи, но впослѣдствіи частью вытѣсненныхъ оттуда, частью поглощенныхъ аріями и семитами и удержавшихся въ чистотѣ только въ Африкѣ, — въ земляхъ, расположенныхъ къ востоку отъ Нила (егип. Kash, греч. Αἰθίοπες). Африканскіе кушиты развили довольно высокую культуру, средоточіемъ которой было сначала царство Напата (въ южной Нубіи), затѣмъ Мероэ, жреческое государство на одномъ изъ нильскихъ острововъ, — къ югу отъ Напаты. Въ родствѣ съ этими двумя вѣтвями хамитской отрасли находятся берберы (древніе ливійцы, мавританцы, нумидійцы и гетулы). Они занимали все сѣверное побережье Африки вплоть до Гибралтарскаго пролива,—тѣ страны, въ которыхъ и до сихъ поръ сохранились ихъ остатки, разсѣянные среди народностей другого происхожденія.

2) Семиты въ лучшія времена своего господства въ передней Азіи дали начало нѣсколькимъ знаменитымъ народамъ древности,—евреямъ, отчасти финикіянамъ, а также ассирійцамъ и арабамъ.

3) Іафетиты, иначе аріи или индоевропейцы, имѣющіе въ Азіи своими представителями индусовъ и иранянъ (бактрійцы, мидяне, персы), постепенно заняли почти всю Европу, отложивъ на европейской почвѣ послѣдовательные слои своихъ переселеній въ такомъ порядкѣ]:

а) Кельтское семейство, нѣкогда весьма многочисленное,

занимало всю западную окраину Европы, но при своей слабой культурѣ мало-по-малу поглощено было другими, преимущественно романскими и германскими народами, такъ что въ настоящее время уцѣлѣли только ничтожные остатки его въ Ирландіи, горной Шотландіи, Уэльсѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи.

b) Ѳрако-италійскому семейству, занимавшему полуострова Балканскій и Аппенинскій, принадлежитъ въ исторіи одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, такъ какъ оно дало начало двумъ знаменитѣйшимъ народамъ древняго міра—грекамъ и римлянамъ, которымъ Европа обязана всѣми основами своего нынѣшняго просвѣщенія. Оба народа давно уже кончили свою политическую жизнь, но отъ грековъ, называвшихся въ средніе вѣка византійцами, остались теперь новогреки, а отъ римлянъ ведутъ свое происхожденіе всѣ нынѣшніе романскіе народы, населяющіе юго-западную Европу,—итальянцы, французы, испанцы, португальцы и румыны.

c) Германское семейство напротивъ, поселившись въ средней Европѣ и усилившись съ теченіемъ времени на счетъ кельтскаго, славянскаго и литовскаго элементовъ, успѣло создать богатѣйшую въ наши времена образованность и дать начало нѣсколькимъ замѣчательнымъ націямъ,—какъ средневѣковымъ (готамъ, норманнамъ, франкамъ и саксамъ), такъ и нынѣшнимъ—нѣмцамъ, англичанамъ, голландцамъ, народамъ скандинавскаго сѣвера и сѣверо-американцамъ.

d) Славянское семейство кромѣ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ племенъ, поглощенныхъ нѣмцами, въ настоящее время состоитъ изъ русскихъ, поляковъ, чеховъ, сербовъ, хорватовъ и болгаръ.

e) Литовское семейство,—многочисленное и не создавшее никакой крѣпкой, самобытной культуры,—не выставило изъ среды своей и историческихъ народовъ сколько-нибудь замѣчательныхъ; напротивъ, мелкія подраздѣленія его,—пруссы, литва, жмудь,—очень рано вошли въ составъ государствъ, созданныхъ другими націями,—германскою и славянскою, и все болѣе и болѣе поддаются культурному вліянію этихъ послѣднихъ.

II. Монгольская раса, самая многочисленная, но менѣе способная, нежели бѣлая, населяла нѣкогда почти всю Азію и Европу, но, повидимому, мало-по-малу оттѣснена была бѣлою расою къ сѣвернымъ и восточнымъ странамъ этихъ частей свѣта. Занявъ окончательно земли по большей части суровыя и бѣдныя по своей природѣ, хотя и очень обширныя, монгольскія племена

принесли общечеловѣческому образованію вообще мало пользы,— напротивъ, часто даже вредили правильному ходу этого образованія, разрушая культурные труды народовъ индоевропейской и семитической отраслей.

а) По крайней мѣрѣ это можно сказать о западной или чудско-алтайской (иначе туранской) вѣтви монгольской расы, раскинувшейся на необъятныхъ пространствахъ центральной и сѣверной Азіи и по всему сѣверо-востоку Европы. Она состоитъ изъ трехъ главныхъ семействъ,—монгольскаго, тюрско-татарскаго и финскаго,—[и нѣсколькихъ этнографически еще не вполнѣ опредѣленныхъ народныхъ группъ, куда между прочимъ относятся остяки, юкагиры, айносы и др.]. Народы, выставленные этою вѣтвью въ разныя времена, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ являются созидателями культуры, чаще же извѣстны въ исторіи, какъ воинственные кочевники, разрушители и хищники. Таковы, напр., гунны, авары, печенѣги, половцы, монголы, татары; [вопросъ о сумирахъ и аккадахъ, которые, повидимому, составляли древнѣйшій туранскій этническій слой въ ассиро-вавилонской культурѣ, покамѣстъ еще заключаетъ въ себѣ много неяснаго. Въ османскихъ туркахъ и мадьярахъ, которымъ на долю выпала болѣе яркая историческая роль, подъ скрещивающимися вліяніями постороннихъ этнографическихъ элементовъ расовые признаки стерлись почти до полнаго исчезновенія. Не лишены нѣкоторыхъ задатковъ культурной самобытности были народы финскаго семейства; но и они также съ древнѣйшихъ временъ столкнулись въ мѣстахъ своего обитанія съ болѣе сильными въ культурномъ отношеніи сосѣдями,—германцами и славянами,—и подверглись глубокому вліянію со стороны эти послѣднихъ].

в) Что же касается восточно-азіатской или китайской отрасли, то, хотя, занявъ плодоносныя и удобныя страны по западному бассейну Восточнаго океана, она предалась здѣсь осѣдлой и благоустроенной жизни и развила значительную и самобытную культуру, но ранняя образованность эта какъ бы застыла въ мертвенной неподвижности и осталась почти безъ вліянія на судьбу историческихъ народовъ бѣлой расы.

с) Прочія отрасли монгольской расы частью по причинѣ своихъ низшихъ способностей, частью же вслѣдствіе неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій и уединеннаго положенія на отдѣльныхъ материкахъ и островахъ не создали мало-мальски замѣчательной и самобытной цивилизаціи, которая бы въ историческое время замѣтно способствовала общимъ успѣхамъ всемірной образованности.

Оттого и отрасли эти уже гораздо менѣе важны и интересны для историка. [Исключеніе представляютъ нѣкоторые народы, принадлежавшіе къ древнѣйшему населенію Америки [1]). Въ центральныхъ и южныхъ областяхъ этой части свѣта сохранились слѣды весьма древнихъ и богатыхъ культуръ, связанныхъ съ именами маясовъ (въ Юкатанѣ), нагуасовъ (на Панамскомъ перешейкѣ), ацтековъ (въ Мексикѣ) и инковъ (на Перуанскомъ плоскогоріи), но ко времени появленія испанцевъ у береговъ Америки въ XV в. созданныя ими обширныя государства уже одряхлѣли и сдѣлались добычею внутренняго разложенія, что́ и облегчило европейскимъ завоевателямъ неблагодарную задачу ихъ окончательнаго разрушенія [2]).

III. Наконецъ негрская раса остается и по сю пору на самой низкой ступени общественнаго и духовнаго развитія, и, хотя, принимая во вниманіе значительную устойчивость этой расы въ борьбѣ съ природой и внѣшними врагами, ея умственную даровитость, особенно ея переимчивость и проявленную нѣкоторыми ея представителями способность къ образованію обширныхъ государствъ и племенныхъ союзовъ, можно было бы думать, что и ей современемъ суждено занять мѣсто на исторической аренѣ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ ни одно негрское племя на эту арену болѣе или менѣе активно не выступало].

Такимъ образомъ, хотя курсъ нашъ и называется всеобщею исторіею въ томъ смыслѣ, что излагаетъ прошедшую жизнь всего человѣчества, но такъ какъ задача его—показать ходъ развитія всемірнаго образованія, то онъ и ограничивается изображеніемъ судьбы и дѣяній почти исключительно народовъ бѣлой расы, потому что они одни были главными двигателями этого образованія.

Движеніе всемірной исторіи.

Исторія человѣчества есть картина безпрерывнаго движенія, т.-е. постепеннаго усовершенствованія всемірной образованности, причемъ главнымъ двигателемъ является трудъ человѣка. Каждый историческій народъ, заботясь объ устройствѣ и улуч-

---

[1]) Предполагаютъ, что это населеніе проникло въ Америку въ ту отдаленную пору доисторической древности, когда сѣверныя части Атлантическаго океана были заняты материкомъ и вообще распредѣленіе суши и воды на поверхности земли было совершенно инымъ, чѣмъ въ наши дни, да и климатъ тѣхъ сѣверныхъ странъ отличался несравненно большею мягкостью сравнительно съ нынѣшнимъ. Другое предположеніе, будто мостомъ, по которому совершалось переселеніе народовъ изъ Стараго Свѣта въ Новый, служилъ перешеекъ, существовавшій нѣкогда на мѣстѣ Берингова пролива, теперь оставлено, такъ какъ существованіе этого перешейка не считается доказаннымъ. *Ред.*

[2]) Исторію американскихъ племенъ читатель найдетъ у Гельмольта, назв. соч., т. I. *Ред.*

шеніи своей собственной жизни, трудится вмѣстѣ съ тѣмъ и для пользы всего человѣчества, такъ какъ все, что ни создаетъ онъ великаго и полезнаго, не пропадаетъ безслѣдно, но переходитъ къ позднѣйшимъ временамъ и къ другимъ народамъ и дѣлается ихъ общимъ достояніемъ. Такими трудами самыхъ разнообразныхъ дѣятелей составилась наша нынѣшняя образованность. Всеобщая исторія показываетъ, какъ происходила эта работа, какъ одинъ за другимъ смѣнялись работники и какъ общечеловѣческое образованіе все-таки двигалось впередъ. Послѣдовательность, въ которой въ этомъ смыслѣ дѣйствовали историческіе народы, была такая.

Раньше всѣхъ выходятъ изъ состоянія первобытной дикости туранскія племена, нѣкогда господствовавшія въ южной, западной и сѣверной Азіи и почти всей Европѣ; затѣмъ нѣкоторые хамиты, а именно въ Африкѣ—египтяне и въ Азіи—кушиты, кладутъ уже первыя основанія правильной человѣческой культурѣ, т.-е. полагаютъ начало древнѣйшимъ на землѣ государствамъ; за ними идутъ семиты передней Азіи; далѣе—индійскіе аріи, еще позже—аріи Ирана. Всѣ эти народы развиваютъ культуру въ различныхъ азіатскихъ странахъ. Но затѣмъ главное движеніе исторіи переходитъ въ Европу, и здѣсь двигателями человѣческой образованности являются сначала эрако-италійцы, т.-е. греки, македоняне и римляне, а потомъ господствующими культурными народами дѣлаются въ Европѣ германцы, а въ Азіи и сѣверной Африкѣ—арабы. Наконецъ позднѣе всѣхъ получаютъ культурное значеніе славяне. Славянская цивилизація есть такимъ образомъ самая юная во всемірной исторіи.

Причина, почему историческіе народы дѣйствовали именно въ такомъ порядкѣ, почему образованность у однихъ возникла раньше, а у другихъ позже,—заключалась главнымъ образомъ въ географическомъ положеніи и свойствахъ занятыхъ ими странъ.

Въ первомъ отношеніи только тѣ земли достигли болѣе ранней цивилизаціи, которыя лежатъ въ предѣлахъ географической сердцевины стараго свѣта, т.-е. на пространствѣ отъ Инда до Тибра и отъ Нила до Дуная и Аму-Дарьи, такъ какъ въ этихъ только мѣстахъ три части свѣта наиболѣе сближены между собою посредствомъ внутреннихъ морей и заливовъ и слѣдовательно представляютъ наиболѣе удобствъ для сношеній между народами, тамъ обитавшими. И чѣмъ выгоднѣе положеніе той или другой страны въ этомъ средоточіи стараго свѣта, тѣмъ

раньше и развилась тамъ культура. Что же касается второй изъ указанныхъ причинъ, т.-е. самыхъ свойствъ занятыхъ различными народами земель, то она также имѣла огромное значеніе, такъ какъ отъ почвы, климата и характера мѣстности зависитъ направленіе всей дѣятельности человѣка. Общій законъ въ этомъ отношеніи тотъ, что ни земли тропическія, ни полярныя не благопріятны вовсе для успѣховъ культуры. Только страны умѣренныя по климату и богатству произведеній наиболѣе къ ней способны. Но и въ умѣренномъ поясѣ способность эта не вездѣ одинакова. Природа болѣе роскошная и климатъ болѣе мягкій, легко удовлетворяя естественнымъ потребностямъ человѣка, раньше вызываютъ его къ умственной дѣятельности и, стало быть, къ образованію, но за то эта дѣятельность, а, стало быть, и самое образованіе, слабы и кратковременны. Напротивъ того климатъ болѣе жесткій, хотя и не суровый, и почва болѣе скудная, хотя и не безплодная, постоянно поддерживая въ человѣкѣ энергію и требуя отъ него много труда, правда, позволяютъ народамъ, живущимъ въ подобныхъ условіяхъ, достигать образованнаго состоянія уже гораздо позднѣе, такъ какъ много времени и силъ тратится у нихъ на борьбу съ неблагопріятной природой, но за то такая культура бываетъ выше, прочнѣе и долговѣчнѣе.

Таковы главныя условія, отъ которыхъ зависитъ болѣе ранняя или болѣе поздняя образованность различныхъ историческихъ народовъ. Но географическое положеніе и природныя свойства историческихъ мѣстностей опредѣлили не только время культурнаго развитія жившихъ тамъ народовъ,—отъ нихъ въ значительной степени зависѣлъ также и самый характеръ и направленіе ихъ дѣятельности.

Историческая дѣятельность является въ трехъ главныхъ видахъ: какъ созиданіе культуры, какъ ея защита и какъ ея распространеніе. И всѣ три вида эти одинаково важны и необходимы въ механизмѣ развитія всемірной цивилизаціи.

a) Созиданіе культуры состоитъ въ усовершенствованіи началъ религіи и нравственности, въ успѣхахъ государственной жизни, въ развитіи наукъ и искусствъ, въ улучшеніи матеріальнаго быта.

b) Защита ея есть охраненіе этихъ пріобрѣтеній отъ всего, что можетъ погубить ихъ или остановить ихъ дальнѣйшій ростъ. Культурные народы должны были очень часто защищать свою независимость, свое образованіе и богатство отъ нападенія болѣе грубыхъ и воинственныхъ племенъ даже одной и той же расы и

отрасли, а иногда и одного и того же семейства, т.-е. отъ своихъ же близкихъ или дальнихъ родичей. Но главными врагами всемірной цивилизаціи, созданной совокупными усиліями народовъ бѣлой расы, были племена монгольскаго происхожденія, и отъ нихъ-то культурнымъ народамъ чаще всего приходилось отстаивать свою цивилизацію. Частыя столкновенія съ этими племенами совершенно понятны. Между тѣмъ какъ другія породы на своихъ отдѣльныхъ материкахъ, разрозненныя другъ отъ друга обширными океанами, долго ограничивались каждая своею собственною жизнью и до недавняго времени не имѣли почти никакихъ между собою сношеній, различныя отрасли бѣлой и монгольской расы по большей части издавна занимали однѣ и тѣ же части свѣта и на протяженіи многихъ тысячъ миль жили непосредственными сосѣдями. Если кромѣ того представимъ себѣ, что расы эти были не только взаимно чужды по крови, но и противоположны по внѣшнему виду, по образу жизни, по языкамъ и нравамъ, то станетъ понятно, почему отъ самой глубокой древности до настоящаго времени идетъ между ними вражда. Хищныя, полудикія, но болѣе многочисленныя монгольскія племена старались поработить народы бѣлой расы, грабили ихъ, отнимали у нихъ лучшія земли. Послѣдніе же при превосходствѣ своихъ способностей и образованія отбивались отъ нихъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ успѣхомъ, пока не подчинили своей власти или по крайней мѣрѣ своему вліянію не только этихъ враговъ, но и всѣ другія породы и племена человѣческія. Эта борьба бѣлой расы съ монгольскою, проходящая чрезъ всю исторію человѣчества, есть одно изъ важнѣйшихъ ея основныхъ явленій, такъ какъ ею значительно условливался весь ходъ всемірной исторіи, т.-е. постепенное развитіе культуры бѣлыхъ народовъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

с) Наконецъ распространеніе культуры изъ странъ просвѣщенныхъ въ полудикія и менѣе образованныя происходитъ посредствомъ колоній; торговли, миссій, путешествій и другихъ мирныхъ сношеній, но нерѣдко также и посредствомъ завоеваній однихъ народовъ другими.

Какому изъ этихъ трехъ видовъ исторической дѣятельности предавался предпочтительно тотъ или другой народъ или племя, это тоже много зависѣло отъ географическаго положенія и свойствъ занятой имъ земли. Такъ, благодаря болѣе всего естественнымъ условіямъ своихъ странъ, египтяне, халдеи, индусы, евреи сдѣлались преимущественно созидателями культуры, ассирійцы, финикіяне, македоняне, арабы—преимущественно ея распростра-

нителями; римляне и германцы были вмѣстѣ и творцами, и распространителями образованія; иранскія племена съ персами во главѣ, хотя и не чуждыя нѣкотораго творчества въ дѣлѣ цивилизаціи, чаще всего однако же являлись защитниками и распространителями,—и только одни греки одинаково прославились во всѣхъ трехъ родахъ исторической дѣятельности. Что же касается славянъ, то ихъ всемірно-историческая заслуга долгое время состояла главнымъ образомъ въ защитѣ образованія, какъ своего собственнаго, такъ и созданнаго другими народами, и только съ относительно недавняго времени въ лицѣ насъ, русскихъ, въ особенности стали они не только творцами и защитниками самобытной культуры, но и ея распространителями (sic)

Такимъ образомъ вся исторія человѣчества находится въ значительной зависимости отъ явленій и условій физической природы. Но эта зависимость съ ходомъ времени постепенно слабѣетъ, и явственнѣе всего успѣхи всемірнаго образованія обнаруживаются въ томъ, что человѣкъ не покоряется уже безусловно силамъ внѣшней природы, какъ бывало нѣкогда, но начинаетъ все болѣе и болѣе подчинять ихъ себѣ и господствовать надъ ними.

Главные отдѣлы всеобщей исторіи.

Хотя развитіе всемірной образованности, переходя преимущественно отъ однихъ народовъ къ другимъ, совершалось непрерывно въ теченіи слишкомъ пяти тысячъ лѣтъ, но для удобства изученія такого продолжительнаго времени изложеніе этого развитія, т.-е. всеобщую исторію, принято дѣлить на части и отдѣлы, а именно:

Исторія государствъ и народовъ, уже давно окончившихъ свою государственную жизнь и культурную дѣятельность, излагается особо и носитъ названіе исторіи древняго міра, между тѣмъ какъ изложеніе судьбы и дѣяній народовъ позднѣйшихъ, большая часть которыхъ и теперь еще живетъ и трудится для человѣческаго образованія, называется исторіей новаго міра или просто новой исторіей. Но эти двѣ части,—древняя и новая исторія,—опять подраздѣляются каждая на два отдѣла:

1) Древняя заключаетъ въ себѣ а) исторію Востока, т.-е. государствъ древне-азіатскихъ со включеніемъ Египта, и б) исторію классическихъ или образцовыхъ народовъ древности, т.-е. грековъ съ македонянами и римлянъ.

2) Новая же состоитъ изъ а) исторіи среднихъ вѣковъ, представляющихъ переходъ отъ древняго міра къ нынѣшнему вре-

мени, и б) исторіи четырехъ послѣднихъ, т.-е. ближайшихъ къ намъ столѣтій (XVI, XVII, XVIII и XIX), въ теченіи которыхъ окончательно сложилась наша современная жизнь. Къ этому же послѣднему отдѣлу, иначе называемому новой исторіей въ тѣсномъ смыслѣ, относится, какъ его часть, и исторія новѣйшая, излагающая только событія, начиная съ великой французской революціи.

Дѣленіе это общеупотребительно, потому что каждая изъ названныхъ частей и отдѣловъ имѣетъ свой особый характеръ. Въ древности жизнь людей зависѣла гораздо болѣе отъ силъ внѣшней природы, тогда какъ въ новое время, благодаря христіанской религіи и успѣхамъ наукъ, человѣкъ постепенно освобождается отъ этой власти и теперь самъ начинаетъ господствовать надъ природой. Оттого и образованіе развивалось и распространялось въ древности гораздо медленнѣе; новыя же времена и въ особенности четыре послѣдніе вѣка отличаются въ этомъ отношеніи быстрыми успѣхами и распространеніемъ европейской культуры на всѣ части свѣта. Историческіе народы тамъ и здѣсь были тоже большею частью разные: въ древности—хамитскіе, семитическіе, изъ арійскихъ же индусы, иранцы и ѳрако-италійцы, въ новое время—романскія и германскія племена, византійцы и славяне, а изъ азіатцевъ—до послѣдняго времени одни арабы. Впрочемъ византійцы и арабы дѣйствовали только въ средніе вѣка, въ послѣднія же четыре столѣтія исключительными культурными народами до нашихъ дней оставались романцы, германцы и славяне. Наконецъ древняя исторія и по продолжительности времени отличается отъ новой: она обнимаетъ собою около тридцати слишкомъ столѣтій, а новая—только четырнадцать.

Хронологически же разграничены обѣ части всеобщей исторіи слѣдующимъ образомъ: древняя исторія начинается съ появленіемъ на землѣ первыхъ гражданскихъ обществъ, когда возникаетъ и первая возможность успѣшной культуры между людьми, и оканчивается разрушеніемъ послѣдняго и самаго могущественнаго изъ древнихъ государствъ—имперіи римской (476 г. по Р. Х.); протекшія же съ того времени тысяча четыреста слишкомъ лѣтъ составляютъ объемъ исторіи новой [1]).

---

[1]) Дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую впервые было введено въ XVII в. галльскимъ профессоромъ Кристофомъ Целларіусомъ (1634—1707) и съ тѣхъ поръ утверлялось въ наукѣ, окончательно вытѣснивъ собою средневѣковыя системы, изъ которыхъ одна, созданная бл. Августиномъ, опиралась на

Курсы всеобщей исторіи.

Составленіе замѣчательныхъ курсовъ всеобщей исторіи до сихъ поръ принадлежитъ преимущественно нѣмцамъ. Рядъ нѣмецкихъ сочиненій этого рода начинается еще съ XVIII-го столѣтія, но особенно богата ими нынѣшняя нѣмецкая литература.

Разумѣется новѣйшія наиболѣе пригодны для насъ, такъ какъ они представляютъ болѣе полный и современный сводъ частныхъ изслѣдованій по разнымъ отдѣламъ громаднаго содержанія всеобщей исторіи. Изъ такихъ сочиненій наибольшею извѣстностью въ Германіи и у насъ долго пользовались и отчасти пользуются [еще и до сихъ поръ старые общіе курсы Шлоссера (вышелъ недавно 24-мъ изданіемъ подъ редакціею и съ дополненіями Іегера и Вольфа) [1]), Беккера въ новѣйшей передѣлкѣ В. Мюллера [2]) и Аннегарна [3]),—послѣдній въ ультрамонтанскомъ духѣ; но едва ли не самое распространенное изъ нихъ представляетъ собою пятнадцатитомная „Всемірная исторія“ Г. Вебера, выдержавшая нѣсколько изданій въ подлинникѣ и переведенная цѣликомъ и на

предположеніе, что время отъ начала до конца міра можетъ быть равномѣрно распредѣлено на шесть эпохъ (aetates), полагая по четырнадцати людскихъ поколѣній на каждую, а другая, авторомъ которой былъ бл. Іеронимъ, принимала за основаніе послѣдовательную смѣну четырехъ державъ,—вавилонской, мидо-персидской, македонской и римской, причемъ предполагалось, что всемірному владычеству римлянъ, унаслѣдованному отъ нихъ византійцами и франками, наступитъ конецъ лишь вмѣстѣ съ концомъ всего міра. Коренной недостатокъ этихъ теоретическихъ системъ, заключавшійся въ ихъ отрѣшенности отъ фактической основы исторіи, сталъ чувствоваться уже со временъ возрожденія, когда впервые была сознана глубокая внутренняя противоположность между античнымъ міромъ и средневѣковьемъ. Въ схемѣ Целларіуса впослѣдствіи, вплоть до нашего времени, испытали измѣненія лишь хронологическія границы, проведенныя имъ между различными отдѣлами исторіи. Такъ крайнимъ предѣломъ древней исторіи, которую Целларіусъ заканчивалъ эпохою Константина Великаго, нынѣ принятъ годъ паденія западной римской имперіи (476 по Р. Х.), а конецъ среднихъ вѣковъ, пріуроченный имъ ко взятію Константинополя турками (1453 г.), теперь иногда пріурочивается также къ открытію Америки (1492 г.) или же къ реформаціи (1517 г.). И лишь въ самое послѣднее время противъ этого обычнаго дѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую послышались возраженія. По мнѣнію напр. одного изъ выдающихся современныхъ историковъ, Эдуарда Мейера, въ исторіи народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, единаго, непрерывнаго прогрессивнаго развитія нѣтъ, а есть два параллельныхъ процесса или періода. Въ древнемъ мірѣ, въ исторіи Греціи, были свои средніе и новые вѣка; съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова, и средневѣковой порядокъ начинаетъ во второй разъ господствовать. Терминъ „средніе вѣка“ и въ примѣненіи къ исторіи Греціи теперь вообще довольно уже употребителенъ (напр. у Пёльмана). Противъ обычнаго дѣленія исторіи особенно возстаетъ Брейзигъ въ своей „Kulturgeschichte der Neuzeit“, доказывая существованіе параллелизма въ развитіи греко-римскаго и германо-романо-славянскаго міра (II т. Berlin. 1901). *Ред.*

[1]) Schlosser Weltgeschichte, von neuem durchgesehen und ergänzt von O. Jäger und F. Wolff. 24-te Aufl. 19 Bde. 1898. Существуетъ и русскій переводъ Чернышевскаго и Зайцева. *Ред.*

[2]) Becker's Weltgeschichte, neu bearbeitet von Wilh. Müller. 12 Bde. По русски имѣется лишь древняя исторія, обнимающая первые три тома. *Ред.*

[3]) Annegarn Weltgeschichte, neu bearbeitet und bis zur Gegenwart ergänzt von Enck u. Huyskens. 7 Aufl. 8 Bde. 1886. *Ред.*

русскій языкъ Андреевымъ [1]). Что же касается „Всемірной исторіи“ (Weltgeschichte) знаменитаго Леопольда Ранке, то этотъ трудъ, отмѣченный печатью рѣдкой оригинальности, остался за смертью престарѣлаго автора неокопченнымъ: послѣдняя (девятая) часть его доведена лишь до XV-го столѣтія. Но кромѣ единоличныхъ произведеній этого рода есть также немало „всемірныхъ исторій“, составленныхъ и не однимъ, а нѣсколькими авторами, и являющихся, стало быть, скорѣе сборниками болѣе или менѣе самостоятельныхъ и цѣльныхъ монографій. Первое мѣсто въ ряду такихъ коллекцій принадлежитъ колоссальной, болѣе чѣмъ стотомной „Всеобщей исторіи въ отдѣльныхъ очеркахъ“ (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen“), вышедшей подъ редакціею проф. Онкена. Изданіе это снабжено картами и прекрасно выполненными иллюстраціями; изложеніе, научное по существу, по большей части общедоступно по формѣ. Но, хотя въ коллективномъ трудѣ этомъ принимали участіе многіе выдающіеся спеціалисты, тѣмъ не менѣе онъ, какъ результатъ работы не одного, а многихъ лицъ, страдаетъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ недостаткомъ, — отсутствіемъ необходимаго единства и несоразмѣрностью отдѣльныхъ частей, такъ какъ произведенія, входящія въ составъ коллекціи, рѣзко отличаются одно отъ другого по характеру, качеству и даже размѣрамъ. То же можно сказать и объ изданіи, предпринятомъ книгопродавцемъ Пертесомъ въ Готѣ, хотя задача послѣдняго уже нѣсколько иная: онъ стремится не къ тому, чтобы дать читателю связное изложеніе всеобщей исторіи въ отдѣльныхъ монографіяхъ, какъ Онкенъ, а лишь къ тому, чтобы, пользуясь соединенными силами различныхъ спеціалистовъ, составить серію руководствъ (Handbücher) или законченныхъ спеціальныхъ курсовъ по всѣмъ крупнѣйшимъ отдѣламъ исторіи [2]). Наконецъ въ самое послѣднее время подъ общею редакціею Гельмольта и при участіи многихъ историковъ и даже натуралистовъ сталъ выходить разсчитанный на восемь томовъ и переводимый также и на русскій языкъ новый коллективный трудъ [3]), по сво-

[1]) Веберъ. Всеобщая исторія (въ 15 томахъ). М. 1885—1893. *Ред.*

[2]) Первоначально Пертесомъ (Perthes) была предпринята серія руководствъ лишь по древней исторіи (Handbücher der alten Geschichte); сюда вошли труды Видемана, Киттеля, Тиле, Бузольта, Герм. Шиллера и др. (см. ниже). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта коллекція руководствъ должна однако обнять и средневѣковую и новую исторію. *Ред.*

[3]) См. стр. 16, прим. Вотъ программа этого сочиненія: I) введеніе; до-историческій періодъ; Америка; Тихій океанъ; II) Океанія; восточная Азія; Индійскій океанъ; III) западная Азія; Африка; IV) народы Средиземнаго моря; V) юго-восточная Европа; славянство; VI) германцы и романцы; VII) западная Европа до 1800 г.; VIII) западная Европа въ XIX стол.; Атлантическій океанъ. *Ред.*

ему плану и постановкѣ задачи представляющій собою совершенно оригинальное явленіе въ исторической литературѣ. Обычное раздѣленіе исторіи на древнюю, средневѣковую и новую здѣсь совершенно устраняется. Авторы задались цѣлью изобразить „исторію человѣчества“ по возможности во всемъ ея объемѣ, какъ въ смыслѣ хронологическомъ, такъ и въ смыслѣ географическомъ и этнографическомъ. Поэтому они вводятъ въ область своего историческаго кругозора съ одной стороны тотъ все еще пока ускользающій отъ всесторонняго историческаго познанія періодъ, который принято называть „доисторическимъ“, съ другой — такія страны и такіе народы, которые обыкновенно въ курсахъ всеобщей исторіи обходятся молчаніемъ (Америка до Колумба, Африка и Океанія съ ихъ туземными народами и т. п.). Изъ болѣе популярныхъ по изложенію и менѣе объемистыхъ по своимъ размѣрамъ заслуживаютъ вниманія курсы Шпамера, Диттмара, Фохта и особенно Іегера, изъ коихъ послѣдній переведенъ и на русскій языкъ [1]); что же касается курсовъ Эгельгафа, Вернике, Шмидта, Гиндели и Шиллера [2]), то они, правда, еще менѣе обширны, но уже имѣютъ скорѣе характеръ учебныхъ руководствъ, чѣмъ книгъ для чтенія. Во французской литературѣ, если не считать блестящій, но довольно поверхностный и краткій (въ двухъ томахъ) курсъ Прево-Парадоля (Essai sur l'histoire universelle. 1865), а также „Histoire universelle“ Дюрюи и „Cours complet d'histoire“, принадлежащій перу нѣсколькихъ лицъ подъ общею редакціею Габріэля Моно [3]),— курсъ, составленный примѣнительно къ программѣ французскихъ учебныхъ заведеній, лицеевъ и проч.,—лучшимъ и наиболѣе замѣчательнымъ трудомъ по всемірной исторіи безспорно является двѣнадцатитомная сводная работа, исполненная подъ общею редакціею Лависса и Рамбо и въ русскомъ переводѣ доведенная въ настоящее время до 7-го тома [4]). Къ сожалѣнію обширный трудъ

[1]) Spamer Illustrierte Weltgeschichte, neu bearb. u. bis zur Gegenwart fortgesetzt v. Kaemmel [u. Volz. 3 Aufl. 10 Bde. 1893—1897. Dittmar Gesch. der Welt, durch Vogt bis zur Gegenwart zum Jahre 1890 fortgeführt. 4 Bde. 1892. Vogt Illustrierte Weltgeschichte. 6 Bde. 1895.—Іéгеръ Всеобщая исторія. Перев. подъ ред. П. Н. Полевого. 4 т. Спб. 1895. *Ped.*

[2]) Egelhaaf Grundzüge der Geschichte. 5-te u. 7-te Aufl. 3 Th. 1901—1903.—Wernicke Gesch. der Welt. 7-te Aufl. 4 Th. 1898.—Ferd. Schmidt Weltgeschichte. 3 Aufl. 4 Bde. 1897.—A. Gindely Lehrbuch der allgemeinen Geschichte. 8 Aufl. 3 Bde. 1888. Herm. Schiller Weltgeschichte. 4 Bde. 1900 ff. *Ped.*

[3]) Cours complet d'histoire, sous la direction de M. G. Monod. Моно—редакторъ одного изъ лучшихъ въ настоящее время историческихъ журналовъ „Revue historique“. *Ped.*

[4]) Histoire générale du IV siècle à nos jours. Ouvrage publié sous la direction de M.M. E. Lavisse et A. Rombaud. 12 vols. 1894—1901. По-русски въ

этотъ страдаетъ хронологическою неполнотою, такъ какъ обнимаетъ собою лишь исторію новыхъ народовъ, начиная съ IV столѣтія по Р. Х. Популярные курсы Ріансе и Фонтана [1]) при свойственныхъ французскимъ сочиненіямъ литературныхъ достоинствахъ совершенно лишены достоинствъ научныхъ. А начавшее выходить на французскомъ языкѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка подъ общимъ заглавіемъ „Очерковъ по исторіи человѣчества“ обширное по размѣрамъ (18 томовъ), замѣчательное по глубинѣ мысли и блестящее по изложенію сочиненіе бельгійскаго ученаго Лорана [2]), во-первыхъ, далеко не представляетъ собою всесторонняго изображенія исторіи человѣчества, во-вторыхъ, страдаетъ недостаткомъ необходимой для историческаго сочиненія объективности, такъ какъ авторъ въ своей борьбѣ съ клерикалами увлекся полимическими цѣлями, и наконецъ, въ третьихъ, во многихъ своихъ отдѣлахъ въ настоящую пору совершенно устарѣло. То же можно сказать и о популярномъ нѣкогда, переведенномъ на многіе иностранные языки многотомномъ итальянскомъ сочиненіи Чезаре Канту. „Storia universale“ [3]): теперь оно также устарѣло; къ тому же это — сочиненіе болѣе беллетристическое, нежели ученое. Что же касается англійской исторической литературы, то въ ней кромѣ сводной серіи исторій отдѣльныхъ народовъ, собранныхъ подъ общимъ заглавіемъ „History of nations“ и принадлежащихъ различнымъ авторамъ, оригинальныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ, общихъ историческихъ курсовъ нѣтъ.

И у насъ, русскихъ, такіе курсы имѣются лишь въ области переводной литературы (они указаны выше). До послѣдняго времени впрочемъ даже и учебныя наши руководства по всеобщей исторіи также были либо просто переводами нѣмецкихъ учебныхъ курсовъ, либо же ихъ передѣлками]. Конечно наша историческая литература вообще будетъ еще долго въ зависимости отъ нѣмецкихъ историческихъ изслѣдованій, по богатству, разнообразію и основательности далеко опередившихъ историческіе труды французовъ и англичанъ,—тѣмъ болѣе, что даже частныхъ самостоя-

---

перев. В. Невѣдомскаго и М. Гершензона („Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени“. М. 1897—1901). *Ред.*

[1]) Histoire universelle par H. de Riancey, continuée par le comte A. de Riancey, 12 vols. 1887—1889. Histoire universelle par Marius Fontane. 1881 Въ послѣднемъ вышедшемъ томѣ, десятомъ,—изложеніе доведено до VII в. по Р. Х. *Ред.*

[2]) Laurent Histoire du droit des gens et des relations internationales. Etudes sur l'histoire de l'humanité. 18 vols. 1851—1870. *Ред.*

[3]) „Всеобщая исторія“ Канту въ первомъ изданіи вышла въ свѣтъ въ 1838—847 гг.; послѣднее (десятое) ея изданіе относится къ 1880—1890 гг. *Ред.*

тельныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ всеобщей исторіи у насъ чрезвычайно мало. Но самостоятельное русское руководство по изученію всеобщей исторіи намъ имѣть бы уже пора. [И это сознавалъ уже Т. Н. Грановскій, предпринявшій впервые въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія составленіе такого руководства. Его учебникъ, отрывки изъ котораго напечатаны во второмъ томѣ его сочиненій, остался, къ сожалѣнію, неоконченнымъ [1]), и прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ у насъ начали появляться вполнѣ самостоятельныя школьныя руководства, составленныя русскими спеціалистами историками. Таковы учебники всеобщей исторіи профессоровъ А. С. Трачевскаго, П. Г. Виноградова, Н. И. Карѣева и Р. Ю. Виппера [2])].

Предстоящее изложеніе есть также опытъ именно такого [самостоятельнаго] русскаго учебнаго курса всеобщей исторіи. Самостоятельность его будетъ состоять конечно не въ открытіи какихъ-нибудь новыхъ сторонъ и явленій минувшей жизни, не въ оригинальности изслѣдованія уже извѣстныхъ, но главнымъ образомъ, въ русской точкѣ зрѣнія на цѣлое теченіе всемірной исторіи и согласной съ этимъ русскимъ взглядомъ классификаціи, выборѣ, плапировкѣ и оцѣнкѣ событій.

---

[1]) Т. Н. Грановскій. Сочиненія. 3-е изд. II. М. 1892. Стр. 433. Тамъ же помѣщены его „Программа учебника всеобщей исторіи“ и „Записка“ къ ней, составленныя въ 1850 г. по порученію министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ тогда князь Ширинскій-Шихматовъ. *Ред.*

[2]) Учебникъ А. С. Трачевскаго вышелъ 2-мъ изданіемъ (Спб. 1889), П. Г. Виноградова—8-мъ (М. 1904), Н. И. Карѣева—2-мъ (Спб. 1901). Учебникъ Р. Ю. Виппера пока еще не доведенъ до конца: есть первая часть, обнимающая древнюю исторію (2 изд. М. 1902) и вторая—средніе вѣка. *Ред.*

ИСТОРІЯ
ДРЕВНЯГО МІРА.

Общій географическій обзоръ древняго міра.

Источниками для этого отдѣла служатъ древніе греческіе и римскіе историки, географы и періэгеты (путешественники), — въ числѣ послѣднихъ главнымъ образомъ Павсаній, составившій подробное описаніе областей древней Греціи (см. В. П. Бузескулъ Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ, 1903. Стр. 290 сл.). Ихъ сочиненія, дошедшія до насъ частью цѣликомъ, частью въ отрывкахъ, положены въ основаніе новѣйшихъ руководствъ къ изученію древней географіи, составленныхъ Форбигеромъ (Handbuch der alten Geographie. Leipzig. 1842—48) и Киперомъ (Lehrbuch der alten Geographie. Berlin. 1878. Leitfaden der alten Geographie. 1881). Какъ на необходимыя пособія при этомъ изученіи, слѣдуетъ указать на историко-географическіе словари К. Бётхера и В. Мартенса, на атласы Дройзена (1886), Пудгера, К. ф.-Шпрунера въ его новѣйшей обработкѣ О. Зиглина (Spruner-Sieglin Handatlas zur Geschichte des Alterthums, des Mittelalters u. der Neuzeit. I Abth. Atlas antiquus. Gotha 1894 слл.) и въ особенности на многочисленныя картографическія изданія Киперта (изъ нихъ наиболѣе замѣчательна прекрасная коллекція большихъ картъ древняго міра съ объяснительнымъ текстомъ къ каждой картѣ, начавшая выходить въ 1894 г. подъ заглавіемъ „Formae orbis antiqui“). Срв. также выше стр. 18, примѣч. Но русски изъ болѣе старыхъ сочиненій сюда относятся: К. Кронебергъ Древняя географія (Ж. М. Н. Пр. 1836, окт.); Кондыревъ Этнографія Передней Азіи (Ж. М. Н. Пр. 1869, дек.); А. Мещерскій Краткая древняя географія. М. 1851; Мейсъ и Мишле Древняя географія, приспособленная къ изученію новѣйшихъ. Спб. 1856; Пютцъ Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи (въ перев. Тихоновича). М. 1864—65. Всѣ они имѣютъ теперь лишь библіографическое значеніе. Важнѣе: К. Риттеръ Исторія землевѣдѣнія (въ перев. П. Бакста). Спб 1864; Э. Реклю Земля и люди. Спб. 1876 и слѣд.; Э. Фриманъ Историческая географія Европы (въ перев. М. В. Лучицкой). 2 тома. М. 1892. Атласы: Лапи (Атл. древн. свѣта. Спб. 1840), Левассера (Всеобщій учебный атласъ древней, среднихъ вѣковъ и новой географіи. Спб. 1840), Эйнерлинга (Генеральная карта извѣстнаго древнимъ свѣта. 6 табл. Спб. 1845), Барановскаго (Географич. атл. древн міра. 4 изд. Спб.

1860), Твелькмейера (Историч. атл. древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. 2 изд. Спб. 1866), Сидонскаго и Іордана (Историч. атл. 9-е изд. Спб. 1901), Зуева (Историч. атл. ч. I. Древняя исторія. Спб. 1867), Добрякова (Учебный атл. по древней исторіи. Спб. 1900), Поддубнаго (Учебн. атл. древн. истор. Спб. 1888), Торнау (5 изд. Спб. 1903). *Ред.*

Объемъ географическихъ свѣдѣній древнихъ.

Греческимъ и римскимъ географамъ (Эратосѳенъ, Страбонъ, Плиній, Помпоній Мела, Птоломей), которые передали намъ наиболѣе свѣдѣній о древнихъ странахъ и народахъ, извѣстна была незначительная часть обитаемой земли. Не только не знали они вовсе о существованіи Америки и Австраліи, но даже и въ старомъ свѣтѣ хорошо знакомы были едва съ небольшимъ пространствомъ его земель, прилежащихъ къ Средиземному морю или не слишкомъ отъ него удаленныхъ. Такъ въ Европѣ коротко извѣстна была имъ юго-западная ея половина—до Рейна (Rhenus) и Дуная (Ister), въ Азіи — западная часть ея до Инда (Indus), Сыра (Iaxartes) и морей Каспійскаго (mare Hircanum) и Чернаго (Pontus Euxinus), а въ Африкѣ знали они только сѣверный и сѣверо-восточный берегъ этого материка, о земляхъ же, лежавшихъ далѣе этихъ предѣловъ къ востоку, сѣверу и югу,— имѣли лишь сбивчивыя и часто баснословныя представленія. Китай назывался у нихъ Серикой, центральная и сѣверная Азія, а также сѣверо-восточная Европа извѣстны были подъ неопредѣленными именами Скиѳіи и Сарматіи, а внутренняя Африка подъ столь же неопредѣленными именами Эѳіопіи и Ливіи. О такихъ же крайнихъ предѣлахъ стараго свѣта, какъ Японія, дальняя Сибирь и Скандинавскія земли, древнимъ почти и вовсе ничего не было извѣстно [1]).

Предѣлы и средоточіе древняго историческаго міра.

Итакъ только географическая сердцевина стараго свѣта, въ наибольшемъ своемъ протяженіи заключавшаяся между Атлантическимъ океаномъ, Рейномъ, Дунаемъ, Чернымъ моремъ, Кавказскими горами, Каспійскимъ и Аральскимъ озерами, Яксартомъ, Индомъ, Персидскимъ заливомъ, Аравіей, Чермнымъ моремъ и Атласскими горами, составляла древній историческій міръ, потому что въ этихъ предѣлахъ жили и дѣйствовали всѣ культурные народы древности и совершились важнѣйшія событія древней исторіи. Средоточіемъ же тогдашней исторической жизни были берега Средиземнаго моря, которое у древнихъ называлось „Моремъ Внутреннимъ“ (mare internum).

---

[1]) Объемъ географическихъ свѣдѣній грековъ составляетъ предметъ книги Бергера (Berger Gesch. d. wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipz. 1887—93). *Ред.*

Характеристика Востока и Запада.

Историческій міръ этотъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ большія части, отличавшіяся особымъ характеромъ своей природы и своей исторіи: Востокъ, куда относятся всѣ азіатскія и африканскія историческія страны, и Западъ, подъ которымъ нужно разумѣть извѣстную въ древности Европу. Плодородная почва, теплый климатъ и вообще роскошная природа восточныхъ странъ при легкости сообщеній по водамъ Индійскаго океана и Средиземнаго моря и впадающимъ въ нихъ большимъ, хотя и рѣдкимъ, рѣкамъ, много способствовали раннему культурному развитію этихъ странъ и сдѣлали Азію колыбелью человѣческаго образованія. Но за то другія особенности азіатскихъ и африканскихъ историческихъ земель, — ихъ громадныя горы, трудно доступные морскіе берега, вообще неуклюжесть ихъ формъ, представляющихъ мало расчлененныя массы, — отразились невыгодно на характерѣ и судьбѣ этой ранней цивилизаціи. Онѣ сдѣлали ея формы однообразными, ея движеніе медленнымъ. Самое даже богатство даровъ природы имѣло свою невыгодную сторону, легко усыпляя дѣятельность человѣка, а разслабляющій климатъ часто дѣлалъ его религіознымъ мечтателемъ, изнѣженнымъ тунеядцемъ и еще чаще рабомъ чужеземнаго завоевателя. Европа напротивъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляла совершенную противоположность. Здѣсь все умѣренно: и климатъ, и вышина горъ, и плодородіе почвы, и формы естественно разсчлененнаго материка. Ничто не достается здѣсь человѣку даромъ. Скупая природа на каждомъ шагу побуждаетъ его къ труду, разсчетливости, изобрѣтеніямъ, физическимъ и умственнымъ усиліямъ, а свѣжій, хотя и не суровый климатъ постоянно поддерживаетъ въ немъ энергію тѣла и духа. Наконецъ огромная длина береговой линіи вслѣдствіе множества внутреннихъ морей, заливовъ и острововъ, усѣянныхъ превосходными гаванями, и большое количество удобно направленныхъ рѣкъ призываютъ его къ дѣятельнымъ культурнымъ сношеніямъ. Оттого и исторія Европы, хотя начинается гораздо позже, чѣмъ на Востокѣ, отличается болѣе быстрымъ движеніемъ, ея образованность—всесторонностью и прочностью своихъ успѣховъ, а ея общественная жизнь—разнообразіемъ своихъ формъ и свободою своихъ учрежденій.

Страны древнеисторическаго Востока.

I. Къ историческому Востоку принадлежали слѣдующія страны:

1. Индія — земли, лежавшія къ востоку отъ рѣки Инда вплоть до Ганга и далѣе, до границъ Серики, и населенныя арійскимъ племенемъ индусовъ.

2. Аріана (или Иранъ), простиравшаяся съ одной стороны отъ Индійскаго океана (Oceanus Indicus) до Каспійскаго моря и Яксарта, а съ другой—отъ Инда до Тигра, по своему положенію соотвѣтствовала нынѣшней Персіи, Белуджистану, Афганистану и южной Бухаріи и населена была многими племенами большею частью арійскаго происхожденія. Самыми замѣчательными изъ нихъ были:

a) мидяне, жившіе по юго-западному берегу Каспійскаго моря, въ нынѣшней персидской провинціи Адзербейджанѣ,

b) парѳяне — къ юго-востоку отъ мидянъ, въ области нынѣшняго персидскаго Ирана,

c) бактрійцы — по среднему теченію Окса (или Аму), въ южныхъ частяхъ теперешней Бухаріи,

d) согды—къ сѣверу отъ бактрійцевъ, у верховьевъ Яксарта, и

e) персы — въ нынѣшнемъ Фарсистанѣ, по восточному берегу Персидскаго залива.

3. Кавказскія земли (или нашъ нынѣшній Закавказскій край) въ древности, какъ и теперь, имѣли очень разноплеменное населеніе отчасти арійскаго и семитическаго происхожденія. Причина этой разноплеменности, быть можетъ, та, что Кавказскій перешеекъ еще въ эпоху доисторическую былъ одною изъ главныхъ дорогъ, по которымъ совершались народныя переселенія изъ Азіи въ Европу, а гористая мѣстность способствовала обособленію осѣвшихъ здѣсь во время этихъ передвиженій племенъ. Въ историческое время у римлянъ Закавказье извѣстно было подъ именемъ Иберіи и Албаніи, а на восточномъ берегу Эвксинскаго Понта, въ теперешней Имеретіи, лежала прославленная въ греческихъ сагахъ Колхида.

Затѣмъ въ предѣлахъ нынѣшней Азіатской Турціи въ древности были слѣдующія страны, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Передней Азіи:

4. Земли по Тигру и Евфрату. Онѣ по своему выгодному географическому положенію и богатой природѣ привлекли, какъ и Закавказье, самое разнообразное населеніе,—арійское, семитическое и туранское. Такъ:

a) Арменія, лежавшая на верховьяхъ этихъ двухъ рѣкъ, въ глубокой древности населена была семитами, а позже—арійскимъ племенемъ армянъ (Armenii);

b) Месопотамія же или Междурѣчье, на ихъ среднемъ теченіи, и

c) Вавилонія, — на нижнемъ, — имѣли народонаселеніе смѣшанное изъ туранскихъ и семитическихъ элементовъ;

d) наконецъ Ассирія, лежавшая по лѣвому берегу Тигра, въ области нынѣшняго Курдистана, населена была народомъ семитическаго племени.

5. Сирія, простиравшаяся отъ Евфрата на западъ, — до Средиземнаго моря, — равно какъ и сосѣдняя Аравія, вся населена была семитами. На морскомъ берегу ея замѣчательны особенно двѣ небольшія страны:

a) Палестина, занимавшая южную часть этого побережья, сосѣдственную съ Египтомъ, и

b) Финикія, лежавшая къ сѣверу отъ Палестины.

6. Малая Азія, теперь Анатолія. Полуостровъ этотъ, далеко вдающійся въ Средиземное море и образующій южный берегъ Чернаго, служилъ въ древности естественнымъ мостомъ между Азіей и Европой, такъ какъ этимъ путемъ еще болѣе, чѣмъ по Кавказскому перешейку, совершались народныя передвиженія изъ одной части свѣта въ другую. Оттого и народонаселеніе этого края, состоявшаго изъ пятнадцати отдѣльныхъ областей или странъ, было до крайности смѣшанное, — арійскаго, семитическаго и вовсе неизвѣстнаго происхожденія. Самыми замѣчательными въ историческомъ отношеніи изъ малоазіатскихъ земель были:

a) Мизія съ Троадою, — въ сѣверо-западномъ углу полуострова, у Геллеспонта,

b) Лидія — къ югу отъ Мизіи, на западномъ берегу Малой Азіи,

c) Карія — еще южнѣе, на томъ же берегу,

d) Ликія, e) Памфилія и f) Киликія, — на южномъ побережьѣ,

g) Фригія и h) Каппадокія, — внутри полуострова,

i) Виѳинія, k) Пафлагонія и l) Понтъ, — на сѣверномъ или черноморскомъ его берегу.

7. Наконецъ африканскія историческія страны тянулись по сѣверному берегу этой части свѣта и отъ Суэцкаго перешейка до Гибралтарскаго пролива (въ древности „Геркулесовы столбы“) расположены были въ слѣдующемъ порядкѣ:

a) Египетъ, — въ нильской долинѣ,

b) Карѳагенская область, — на мѣстѣ нынѣшняго Туниса,

c) Нумидія, соотвѣтствовавшая теперешнему Алжиру, и

d) Мавританія, — на земляхъ фецъ-марокской имперіи.

Всѣ эти страны заняты были народами, которыхъ обыкновенно относятъ къ племени хамитовъ, — за исключеніемъ Карѳагена, господствующее населеніе котораго было чисто семитическое.

Страны древне-историческаго Запада.

II. Западъ же (или древняя историческая Европа) обнималъ слѣдующія страны:

1. Балканскій полуостровъ, гдѣ нынѣ Европейская Турція,—населенный разными ѳрако-италійскими племенами, какъ-то:

a) эллинами — въ нынѣшней Греціи и отчасти Турціи. Эта то небольшая земля вмѣстѣ съ окружающими ее островами и есть классическая страна древности,—знаменитая Греція.

Далѣе—b) ѳракійцами,—въ теперешней восточной Румеліи,

c) македонянами, — въ нынѣшней западной Румеліи и Албаніи, и

d) иллирійцами — въ нынѣшней Далмаціи и Босніи.

Къ этой же группѣ земель причислялись впослѣдствіи:

e) Мэзія (Moesia), т. е. нынѣшняя Болгарія, и

f) Дакія, — теперешняя Румынія, съ населеніемъ смѣшаннымъ изъ ѳракійскихъ, германскихъ и другихъ составныхъ частей.

2. Аппенинскій полуостровъ (Италія). Населеніе этой страны также состояло изъ ѳрако-италійскихъ племенъ, а на сѣверѣ—галловъ. Здѣсь возникло и отсюда распространилось на весь почти древній историческій міръ всесвѣтное римское государство.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ европейскихъ историческихъ странъ, — Греціи и Италіи, — подъ конецъ древней исторіи въ кругъ образованныхъ земель постепенно вступаютъ еще слѣдующія:

3. Иберія или нынѣшняя Испанія, западная часть которой, гдѣ теперь Португалія, извѣстна была подъ именемъ Лузитаніи;

4. Галлія или нынѣшняя Франція, въ южной части своей называвшаяся Аквитаніей, а въ сѣверной, расположенной по нижнему Рейну, Бельгикой;

5. Британія или нынѣшняя Англія. Что же касается Каледоніи или Шотландіи и Гиберніи или Ирландіи, то эти страны въ древности не знали еще ни правильной государственной жизни, ни неразлучной съ нею культуры.

Всѣ три страны, т. е. Иберія, Галлія и Британскіе острова, населены были различными кельтскими племенами.

6. Подобнымъ же образомъ въ состояніи едва зарождающейся образованности находились въ древней Европѣ и земли, лежавшія по верхнему и среднему Дунаю и имѣвшія смѣшанное германо-кельто-ѳракійское населеніе, а именно:

a) Ретія или теперешняя юго-восточная Швейцарія и Тироль,

b) Норикъ,—въ областяхъ южной Австріи, Штиріи и Каринтіи, и

c) Паннонія или нынѣшняя Венгрія.

7. Наконецъ Зарейнская, т. е. лежавшая къ сѣверу отъ Рейна Германія (Germania Transrhenana), хотя и извѣстна была до рѣки Альбисъ (Эльба), но край этотъ былъ еще почти совершенно не тронутъ образованіемъ.

Что же касается славянскихъ земель и ихъ обитателей, извѣстныхъ въ древности подъ именемъ венедовъ или антовъ [1]), то объ нихъ имѣли тогда весьма темныя представленія.

Общій ходъ исторіи древняго міра.

Вотъ весь древній историческій міръ. Общій ходъ и послѣдовательность его исторіи въ главныхъ чертахъ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Сначала восточные народы кладутъ первыя основанія матеріальной и умственной культурѣ, — технической дѣятельности, промышленности и торговлѣ,—и развиваютъ разнообразныя, иногда возвышенныя религіозныя ученія, довольствуясь въ государственной жизни самыми простыми и грубыми ея формами.

Потомъ греки, получивъ начатки образованія съ Востока, переработываютъ и улучшаютъ ихъ совершенно самостоятельно: они изобрѣтаютъ разнообразные и сложные виды государственнаго устройства, создаютъ утонченное человѣческое общежитіе, совершенствуютъ всѣ роды наукъ, а изящныя искусства доводятъ до высокой степени развитія, — наконецъ посредствомъ своихъ колоній распространяютъ эту богатую образованность по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, а потомъ, вслѣдствіе македонскихъ завоеваній, эллинизируютъ всю историческую Азію.

Наконецъ римляне, перенявши цивилизацію у грековъ и дополнивъ ее образцовымъ развитіемъ права и искусствомъ администраціи, политики и войны, водворяютъ это видоизмѣненное греко-римское образованіе вмѣстѣ съ своимъ владычествомъ на всемъ древне-историческомъ Западѣ.

---

[1]) Названія эти встрѣчаются лишь у позднѣйшихъ писателей, — Тацита, Іорнанда, Прокопія и др. *Ред.*

ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Важность и интересъ изученія древняго Востока.

Хотя историческій Востокъ и по глубокой древности своихъ цивилизацій, и по господствовавшимъ тамъ народностямъ, большая часть которыхъ чужда намъ по происхожденію и крови, и по формамъ своей исторической жизни, — теократическимъ или же деспотическимъ, — стоитъ вообще очень далеко отъ насъ, есть однако одна могущественная связь, сближающая насъ съ нимъ и дѣлающая изученіе его важнымъ и интереснымъ. Связь эта — религія. Востокъ — родина всѣхъ религій, раздѣляющихъ теперь между собою господство надъ міромъ, — браманизма, буддизма, еврейства, христіанства и ислама. Востокъ — по преимуществу страна религіознаго мышленія, этой первой и самой ранней формы первобытнаго міросозерцанія. Но кромѣ этого насущнаго интереса Востокъ представляетъ въ научномъ отношеніи и другой, не менѣе сильный, какъ колыбель человѣческаго образованія съ его древнѣйшими и, стало быть, простѣйшими типами, — теократіей и деспотизмомъ, въ формѣ которыхъ въ тѣ грубыя времена только и возможны были общественная власть и общественный порядокъ, а вмѣстѣ съ ними и первые начатки образованія.

[И если, несмотря на то, еще не такъ давно изученіе исторіи древняго Востока представляло собою неблагодарную задачу, такъ какъ оно могло опираться лишь на извѣстія, которыя приходилось почерпать изъ вторыхъ рукъ, а туземные источники были нѣмы, либо же ихъ и вовсе не было, то теперь, когда Востокъ, благодаря археологическимъ открытіямъ послѣдняго времени, какъ бы вновь ожилъ передъ нами въ своихъ памятникахъ и языки народовъ, обитавшихъ нѣкогда въ его предѣлахъ, перестали быть тайною, эта область историческаго вѣдѣнія пріобрѣла особенную привлекательность. Она манитъ къ себѣ изслѣдователя богатствомъ неразработаннаго матеріала, широтою открывающейся предъ нимъ исторической перспективы и надеждою возстановить современемъ растерянныя звенья той цѣпи, которою должны быть связаны между собою древнія культуры Востока и Запада].

Послѣдовательность историческаго движенія на Востокѣ.

Послѣдовательность же историческаго движенія, совершавшагося на Востокѣ чрезвычайно медленно, въ теченіе слишкомъ четырехъ тысячъ лѣтъ, главнымъ образомъ состояла въ томъ, что сначала егип-

тяне, сумиры, аккады, индусы и евреи, представители четырехъ господствующихъ на Востокѣ племенныхъ типовъ,—хамитскаго, туранскаго, арійскаго и семитическаго,—согласно со своими племенными задатками и подъ вліяніемъ природы занятыхъ ими странъ создаютъ древнѣйшіе на землѣ образцы религіозной, умственной, общественной и матеріальной культуры; а затѣмъ другіе уже относительно позднѣйшіе народы арійской и особенно семитической отрасли,—ассирійцы, мидяне, персы, финикіяне и карѳагеняне,—посредствомъ своихъ завоеваній и своей торговли не только приводятъ во взаимодѣйствіе четыре древнѣйшіе культурные типа (хамитскій, туранскій, семитическій и арійскій), но и разносятъ пріобрѣтенія этой первобытной цивилизаціи по всѣмъ остальнымъ странамъ исторической Азіи и Африки и даже кладутъ первыя сѣмена ея и на европейской почвѣ [1]).

А. Хамиты.

Египтяне.

Основательная разработка египетскихъ древностей и исторіи началась не ранѣе первой четверти минувшаго столѣтія, когда изданы были труды ученой коммиссіи, участвовавшей въ знаменитой экспедиціи Наполеона I-го въ Египетъ. Въ 1799 г., во время крѣпостныхъ работъ въ Розеттѣ, французскими солдатами была найдена плита съ тремя надписями. Одна изъ этихъ надписей, греческая позволяла заключить, что двѣ другія, написанныя двумя различными египетскими шрифтами, — древнѣйшимъ, гіероглифическимъ, и позднѣйшимъ, демотическимъ, — представляли собою различныя редакціи ея перевода на египетскій языкъ. Такимъ образомъ завѣдомое тождество содержанія надписи въ связи съ большимъ количествомъ заключавшихся въ греческомъ текстѣ собственныхъ именъ, которымъ должны были въ египетской транскрипціи отвѣчать такія же имена, давало ключъ къ разгадкѣ уже многіе вѣка дразнившей человѣческую любознательность тайны египетскихъ письменъ, и ученые того времени, — шведъ

[1]) Общія сочиненія по исторіи Востока: Maspero Histoire ancienne de l'Orient classique (3 тома. 1895—1899). Въ первоначальной своей (однотомной) редакціи этотъ прекрасный трудъ легъ въ основаніе книги В. Зайцева (Руководство ко всемірной исторіи. Древняя исторія Востока. Спб. 1879. 2 изд. 1882); есть также и полные переводы — нѣмецкій Пичмана (съ дополненіями, 1877 г.) и русскій („Древняя исторія народовъ Востока", перев. съ IV франц. изд. М. 1895). Новое изданіе сочиненія Масперо представляетъ собою полную его переработку и снабжено множествомъ превосходныхъ иллюстрацій. Fr. Lenormant Hist. ancienne de l'Orient (въ новой обработкѣ Эрн. Бабелона) Géd. Paris. 1885—88; его же Les origines de l'histoire d'après la Bible et les traditions des peuples orientaux. Paris. 1882. Rawlinson The Five Great Monarchies, of the Ancient Eastern World. London. 1865. Hommel Geschichte des alten Morgenlandes. Stuttgart. 1895. Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока (перев. съ англ.; съ 4 картами и рисунками. М. 1898). Рагозина Краткая всемірная исторія (вып. I. Древнѣйшіе народы; вып. II. Древнѣйшій Египетъ. Спб. 1903). Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока. Спб. 1887. *Ред.*

Акербладъ, англичанинъ Юнгъ и французъ де-Саси, — не замедлили воспользоваться счастливою находкою, чтобы наконецъ попытаться раскрыть эту тайну. Но они не пошли дальше опредѣленія нѣсколькихъ буквъ, и лишь геніальному ученику де-Саси Шамполліону Младшему (1790—1832) удалось, пользуясь аналогіями коптскаго языка, не только овладѣть главными трудностями письма и рѣчи древнихъ египтянъ, но и положить прочное основаніе дальнѣйшимъ успѣхамъ египтологіи составленіемъ первой египетской грамматики и перваго египетскаго словаря. Съ этихъ поръ явилась возможность провѣрить свидѣтельства древнихъ писателей о Египтѣ тѣми извѣстіями, которыя могли быть извлечены изъ туземныхъ источниковъ, и немудрено, что уже самъ Шамполліонъ пытался дѣлать нѣкоторые историческіе выводы изъ вновь добытаго матеріала. Слѣдуя по указанному имъ пути, ученые всѣхъ націй ревностно занялись частью продолженіемъ его грамматическихъ изысканій и дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ искусства разбирать іероглифы, частью собираніемъ новыхъ памятниковъ египетской древности, ихъ сортировкою и толкованіемъ, частью же разработкою египетской исторіи. Таковы были во Франціи Шарль Ленорманъ и Несторъ Лотъ (L'Hôte), въ Италіи Розеллини и Унгарелли, въ Англіи Осборнъ, Бёрчъ (Birch) и Гинксъ, въ Германіи Зейфартъ, Бунзенъ и Лепсіусъ. Успѣхамъ египтологіи немало способствовали и нѣкоторыя правительства, снаряжая новыя ученыя экспедиціи въ Египетъ, организуя систематическія раскопки, обогащая музеи. Особенно плодотворна была экспедиція Лепсіуса, снаряженная по побужденію Гумбольдта прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV уже въ 1842—1845 гг. Ея результатомъ было монументальное 12-томное изданіе найденныхъ въ Египтѣ и Эѳіопіи памятниковъ, въ расположеніи которыхъ Лепсіусомъ впервые былъ строго проведенъ принципъ хронологической послѣдовательности (Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Berlin. 1849—1858). Это обстоятельство имѣло то значеніе, что такимъ образомъ въ противовѣсъ къ царившей дотолѣ въ наукѣ мысли о многовѣковой неподвижности египетской культуры, въ дѣлѣ изученія которой большинство египтологовъ поэтому пренебрегало историческимъ методомъ, выдвигалась другая, противоположная мысль,—мысль о непрерывности историческаго развитія и въ эпохи кажущагося застоя. Прошло однако много времени, прежде чѣмъ эта точка зрѣнія окончательно восторжествовала,—да, пока шло накопленіе сырого матеріала, въ этомъ, пожалуй, и не было большой бѣды. Интересъ къ древнему Египту особенно оживился съ тѣхъ поръ, какъ счастливый случай доставилъ объективный критерій для оцѣнки результатовъ, достигнутыхъ египтологіей: въ 1866 г. Лепсіусомъ была найдена новая двуязычная надпись, въ которой, какъ и на розеттскомъ камнѣ, одинъ и тотъ же декретъ былъ изложенъ по-гречески и по-египетски. Египтологи получили такимъ образомъ возможность провѣрить правильность своего пониманія іероглифическихъ и демотическихъ текстовъ, и эта провѣрка показала, что они въ толкованіи ихъ не ошибались. Это было истиннымъ торжествомъ науки. Исчезли послѣдніе слѣды того предубѣжденія и недовѣрія, съ какимъ многіе вначалѣ относились къ изученію туземныхъ памятниковъ Египта,—напротивъ, къ услугамъ египтологовъ явились теперь богатыя матеріальныя средства, въ доставленіи которыхъ стали принимать участіе не только правительства, но и частныя общества и даже отдѣльныя лица. Въ 1858 г. французскій археологъ Маріеттъ, находившійся на египетской службѣ, предпринялъ по порученію хедива устройство музея египетскихъ древностей въ Булакѣ (гавань Каира); въ 1889 году этотъ музей уже настолько разросся, что пришлось перенести его временно въ палаты вице-короля

въ Джизе (Gizeh), а въ виду дальнѣйшаго его непрерывнаго обогащенія новыми пріобрѣтеніями оказалось необходимымъ позаботиться о постройкѣ для него постояннаго помѣщенія въ самомъ Каирѣ.

Въ одно время съ Маріеттомъ Самюэль Бёрчъ (Birch) занялся организаціею богатѣйшаго египетскаго отдѣла въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ, Эммануэль де-Руже — приведеніемъ въ порядокъ египетскихъ коллекцій въ Луврѣ, а Лепсіусъ — устройствомъ берлинскаго музея. Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Египта велись дѣятельныя раскопки, благодаря которымъ вещественный матеріалъ продолжалъ быстро возрастать. Важныя заслуги въ этомъ направленіи оказала французская школа, во главѣ которой стоялъ достойный преемникъ Champollion — де-Руже. Представители этой школы не только значительно подвинули впередъ пониманіе іероглифовъ и демотики своими грамматическими трудами (де-Руже, Ревилльу, Пьерре, Шабá, впервые привлекшій къ изученію и іератическіе тексты, де-Сольси и др.), но въ лицѣ Маріетта, Масперо, Гребо, Буріана, Лефебюра, де-Моргана и др. немало потрудились и въ области археологическихъ изысканій. Поприщемъ этихъ изысканій служили для нихъ главнымъ образомъ области верхняго и средняго Египта, преимущественно окрестности Ѳивъ и Мемфиса (нынѣшнія селенія Луксоръ, Карнакъ, Мединетъ-Абу, Телль-эль-Амарна, Ахминъ, Джизе, Саккара, Бени-Гассанъ и др.), гдѣ сосредоточены древнѣйшія усыпальницы египетскихъ царей и вельможъ, гробницы Аписовъ, развалины величайшихъ храмовъ и дворцовъ, остатки городовъ, руины крѣпостныхъ сооруженій, скалы, испещренныя надписями обширныя подземелья (гипогеи), колоссальныя статуи сфинксовъ и т. п. Раскопкамъ въ этихъ мѣстахъ наука обязана знакомствомъ съ древнѣйшими египетскими текстами и величайшими памятниками египетскаго искусства. Не менѣе важны также и заслуги берлинской школы египтологовъ, — начиная съ Лепсіуса и Бругша, — считавшаго себя впрочемъ ученикомъ де-Руже, — и кончая современными ея представителями съ Эрманомъ во главѣ. Знаменитый Генрихъ Бругшъ за свою продолжительную жизнь (1827—1895) успѣлъ съ равнымъ успѣхомъ поработать во всѣхъ отдѣлахъ египтологіи. Прежде всего нужно упомянуть о его грамматическихъ трудахъ, — объ огромномъ 7-томномъ словарѣ египетскаго языка (Hieroglyphisch-demotisches Wörterbuch. Leipz. 1867—1881), о многочисленныхъ изслѣдованіяхъ въ области демотическихъ текстовъ (Scriptura Aegyptiorum demotica. Berl. 1848. Sammlung demotischer Urkunden. Berlin. 1850. Grammaire démotique. Berl. 1855), о іероглифической грамматикѣ (Leipz. 1872) и проч. Географія древняго Египта также пріобрѣла въ лицѣ Бругша неутомимаго изслѣдователя: онъ не только собралъ обширный эпиграфическій матеріалъ по этому предмету (Geographische Inschriften. 3. B-de. Lpz. 1857—1860), но и обработалъ этотъ матеріалъ въ видѣ большого географическаго словаря (Dictionnaire géographique de l'ancienne Egypte. Lpz. 1877—1880). Бругшъ неоднократно предпринималъ путешествія по Египту, нѣкоторое время даже состоялъ на египетской службѣ въ качествѣ завѣдывающаго египтологической школой (Ecole d'Egyptologie) въ Каирѣ, велъ раскопки, собиралъ надписи (Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. Lpz. 1883—1891), занимался миѳологіей (Religion und Mythologie der alten Aegypter nach den Denkmälern bearbeitet. Lpz. 1889—1890), производилъ изысканія въ области хронологіи и метрологіи и дважды принимался за составленіе полной исторіи Египта (Hist. de l'Egypte. Lpz. 1859 [не оконч.]; Geschichte des Aegyptens unter den Pharaonen. Lpz. 1877). Но всѣ труды Бругша носятъ на себѣ отпечатокъ традицій старой школы: историческій методъ въ нихъ почти отсут-

ствуетъ, и они важны теперь лишь по обилію собраннаго и сгруппированнаго въ нихъ матеріала. Это не помѣшало имъ однако послужить основаніемъ и исходною точкою для работъ новаго поколѣнія нѣмецкихъ египтологовъ, изъ которыхъ большинство—ученики Бругша. Имена Эберса, Дюмихена, Эдуарда Мейера, Эрмана, Борхардта, Зете, Штейндорфа, Шефера и др. достаточно ярко свидѣтельствуютъ о непрерывномъ прогрессѣ египтологіи въ Германіи въ послѣднія десятилѣтія. Историческому изученію языка посвящены преимущественно труды Эрмана (Neuägyptische Grammatik. Lpz. 1880. Aegyptische Grammatik. 2 Aufl. 1902) и его учениковъ Зете (Das ägyptische Verbum. 3 Bde. 1899—1902) и Штейндорфа (Koptische Grammatik. 1894). Разработку вопросовъ древней географіи Египта продолжали Эберсъ, Дюмихенъ (Geographie des alten Aegyptens въ коллекціи Онкена „Allgem. Gesch." 1 Abth., Bd. I, 1. Berl. 1878) и Максъ Мюллеръ (Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern. Lpz. 1893). Религію и миѳологію древнихъ египтянъ пытались поставить на почву историческаго изученія Видеманъ (Die Religion der alten Aegypter. Münster. 1890), Эд. Мейеръ, Штрауссъ-Торней (Der altägyptische Götterglaube. 2 Bde. 1889—1891) и др. Но, разумѣется, областью, наиболѣе привлекавшею вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ, продолжала оставаться египетская археологія, и на этомъ поприщѣ съ успѣхомъ подвизались въ послѣднее время главнымъ образомъ Борхардтъ, Шеферъ и ф. Биссингъ, производившіе раскопки въ мемфисскомъ некрополѣ по порученію берлинскаго музея и нѣмецкаго общества оріенталистовъ (deutsche Orient-Gesellschaft). Что же касается англичанъ, то послѣ Бёрча, Лепажъ-Ренуфа, Вилькинсона и Гудвина, дѣятельность которыхъ принадлежала начальной порѣ египтологіи, участіе ихъ въ разработкѣ египетскихъ древностей становится особенно замѣтнымъ и плодотворнымъ лишь съ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, когда возникло въ Лондонѣ по почину частныхъ лицъ общество „Egypt Exploration Fund" („Фондъ для разслѣдованія Египта"), поставившее своею цѣлью систематическое производство археологическихъ изысканій въ нильской долинѣ. Въ составъ этого общества вошли многіе видные представители духовенства, науки и аристократіи, а средства его, слагавшіяся изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, вскорѣ настолько возросли, что оказалось возможнымъ приступить къ самостоятельнымъ раскопкамъ въ Египтѣ и повести ихъ въ широкихъ размѣрахъ. Мѣстомъ своихъ разслѣдованій англичане выбрали область Дельты, гдѣ теперь разстилается пустынная солончаковая равнина, однообразіе которой нарушается лишь тамъ и сямъ возвышающимися песчаными холмами, а когда то развивалась кипучая культурная жизнь, приводившая въ соприкосновеніе между собою почти всѣ извѣстныя намъ государства древняго міра. Въ раскопкахъ приняли участіе Флиндерсъ-Питри, Гриффисъ (Griffith), Гарднеръ, швейцарскій археологъ Навиль и мн. др. Дѣло было начато съ безпримѣрною энергіею и на первыхъ же порахъ увѣнчалось громкимъ успѣхомъ: открытіе развалинъ знаменитой милетской колоніи Навкратиса въ сѣверозападной части Дельты, египетскихъ городовъ Таниса (библ. Цоана) и Бубастиса—въ ея восточной части, остатковъ лабиринта на мѣстѣ древняго Крокодилополя (позднѣе Арсиноя) въ Фаюмѣ—таковы были ближайшіе результаты англійской археологической кампаніи 1884—1890 г. Не говоря уже о необозримомъ множествѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ древности, извлеченныхъ англичанами изъ земныхъ нѣдръ при этихъ раскопкахъ, особенно важно было нахожденіе массы папирусовъ, среди которыхъ были не только египетскіе всѣхъ эпохъ и всѣхъ типовъ письма, но и греческіе, въ томъ числѣ папирусы съ новыми тек-

стами Эврипида, Платона, Аристотеля. И вотъ первоначальная задача „Фонда“ подъ вліяніемъ столь поразительныхъ открытій расширяется, — изъ него выдѣляются двѣ новыя секціи, изъ которыхъ одна ставитъ своею спеціальною задачею изученіе египетскихъ памятниковъ греко-римской эпохи, другая же, по мысли Гриффиса, стремится объединить и систематизировать вообще весь археологическій матеріалъ, касающійся древняго Египта, отчасти путемъ провѣрки на мѣстѣ уже опубликованныхъ результатовъ прежнихъ изслѣдованій, отчасти путемъ сведенія въ общіе сборники и критическаго переизданія изданныхъ матеріаловъ, отчасти наконецъ — путемъ описанія и приведенія въ извѣстность всего того, что до сихъ поръ почему-либо ускользало отъ вниманія египтологовъ. Это предпріятіе (т. наз. „Archaeological Survey of Egypt“) уже дало прекрасные плоды въ видѣ ежегодныхъ археологическихъ отчетовъ Гриффиса, идущихъ непрерывною серіею съ 1890—1891 гг. по настоящее время.

Разрозненные труды ученыхъ всѣхъ націй, — въ томъ числѣ и русской, также имѣющей талантливыхъ представителей этой отрасли знанія въ лицѣ В. С. Голенищева, Б. А. Тураева и О. Э. Лемма, — приводятся между собою въ болѣе тѣсную связь благодаря довольно многочисленнымъ спеціальнымъ журналамъ по египтологіи, начавшимъ возникать уже около полувѣка тому назадъ съ легкой руки Шабà, впервые основавшаго такой журналъ въ 1862 г. (Mélanges égyptologiques). Важнѣйшими изъ нихъ являются теперь „Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde“ (основ. Бругшемъ), „Revue égyptologique“ (основ. Revillout), „Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes“ (основ. де-Руже), „Annales du service des antiquités de l'Egypte“ (основ. Масперо). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ историческомъ развитіи изученія Египта и его древностей см. въ статьяхъ Бенедетта (La grande encyclopédie, s. v. Egypte), Бабелона (тамъ же, s. v. archéologie), Б. А. Тураева „Египтологія“ (Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона), его же „Новѣйшіе успѣхи и современное состояніе египтологіи“ (Историч. обозр., т. IX), Шефера „Aegyptologie“ (Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellschaft. 1904. I), Эрмана „Der Egypt Exploration Fund und seine Arbeiten“ (Berl. philol. Wochenschrift. 1890), Видемана „Die neuesten Entdeckungen in Aegypten“ (Die Umschau. 1897).

Такимъ образомъ источники египетской исторіи распадаются въ настоящее время на двѣ большія группы, — на источники туземные и иностранные. Къ первымъ относятся: 1) царскіе списки, заключающіе въ себѣ перечни египетскихъ династій и отдѣльныхъ царствованій въ послѣдовательномъ порядкѣ (туринскій „царскій папирусъ“, таблицы абидосская, саккараская, карнакская и др.); 2) царскіе анналы или погодныя записи событій каждаго царствованія съ обозначеніемъ совершенныхъ царемъ походовъ, сдѣланныхъ имъ завоеваній, количествъ собранной дани и т. п. (въ почти полномъ видѣ сохранились только анналы Тутмеса III, въ болѣе или менѣе значительныхъ отрывкахъ — анналы Рамзесовъ II и III, Шешонка I, эѳіопскихъ царей Піанхи, Нутаммона и др.); 3) договоры съ сосѣдними государствами; 4) декреты, манифесты, правительственныя сообщенія, рескрипты и т. п.; 5) біографіи государственныхъ людей и жрецовъ, сохранившіяся въ ихъ надгробныхъ надписяхъ; 6) разнаго рода литературныя произведенія, въ числѣ которыхъ есть историческіе романы, легенды, сказанія, оды въ честь царей, географическіе трактаты и т. п.; 7) документы частныхъ лицъ, счеты, письма, генеалогіи и проч.; 8) вещественные памятники, — остатки городовъ и крѣпостныхъ сооруженій, развалины храмовъ, дворцовъ и частныхъ зданій, пирамиды, обелиски, гробницы, саркофаги, муміи, до-

машняя утварь, оружіе, портретныя маски, статуи, барельефы, живописныя изображенія,—словомъ все то, что еще и доселѣ можетъ краснорѣчиво свидѣтельствовать о своеобразной культурѣ и жизни древняго населенія страны фараоновъ,—и иногда тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ бѣднѣе письменные памятники соотвѣтствующей эпохи. Къ туземнымъ же источникамъ въ сущности принадлежатъ также и сочиненія египтянъ, писавшихъ по-гречески,—Манеѳона, Горапполлона, Аніона, Херемона и др. Изъ нихъ для насъ важнѣе другихъ Манеѳонъ,—египетскій жрецъ, написавшій при Птолемеяхъ національную исторію Египта, которую въ видѣ довольно объемистыхъ эксцерптовъ сохранили намъ Іосифъ Флавій, Юлій Африканъ, Синкеллъ и Евсевій. Что же касается иностранныхъ источниковъ, то среди нихъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ тѣмъ, которые заключаютъ въ себѣ свидѣтельства народовъ, уже въ древнѣйшую пору приходившихъ въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ обитателями Египта. Таковы были, во-первыхъ, евреи, оставившіе въ Пятикнижіи, въ книгахъ Царствъ и писаніяхъ пророковъ многочисленные слѣды своихъ былыхъ отношеній къ странѣ пирамидъ (срв. Ebers Aegypten und die Bücher Moses. Lpz. 1868; его же Durch Gosen zum Sinai. 2 Aufl. 1881), и ассирійцы, въ цѣломъ рядѣ надписей повѣствующіе о походахъ своихъ царей въ Египетъ въ эпоху послѣднихъ династій. Къ этимъ надписямъ примыкаютъ также немногія надписи новохалдейскаго царства, но онѣ, къ сожалѣнію, скудны историческимъ содержаніемъ. Вообще кромѣ Библіи, извѣстія которой проливаютъ свѣтъ на многія стороны египетской исторіи, восточные источники даютъ для нея меньше, чѣмъ отъ нихъ мы въ правѣ были бы ожидать. За то въ литературахъ Запада, особенно греческой, на огромномъ протяженіи времени отъ греко-персидскихъ войнъ до эпохи византійскихъ императоровъ, историкъ, несмотря на печальную утрату свыше ста сочиненій, посвященныхъ спеціально Египту, находитъ неисчерпаемое богатство свѣдѣній объ этой странѣ и ея прошломъ. По содержательности и научной цѣнности своихъ свидѣтельствъ особенно важны для насъ Геродотъ, Эратосѳенъ, Діодоръ, Страбонъ, Іосифъ Флавій, Плутархъ, Климентъ Александрійскій и Евсевій.

Изъ общихъ сочиненій по исторіи Египта на первомъ мѣстѣ нужно поставить переведенную и на другіе иностранные языки книгу Эрмана „Aegypten und ägyptisches Leben im Alterthum“ (2 Aufl. 1897). Сюда же относится „Древняя исторія народовъ классическаго Востока“ Масперо, въ которой Египту, какъ предмету долголѣтнихъ спеціальныхъ занятій автора, отведено болѣе тысячи страницъ. Рядомъ съ книгою Масперо по достоинствамъ строго научнаго изложенія слѣдуетъ поставить „Исторію древности“ Эдуарда Мейера („Gesch. des Alterthums“. Stuttgart. 1884—1902), къ которой примыкаетъ его же „Исторія древняго Египта“ (Gesch. des alten Aegyptens. Berl. 1887), вошедшая въ составъ коллекціи Онкена какъ продолженіе неоконченнаго однотомнаго сочиненія Дюмихена. Къ сожалѣнію, оба труда Э. Мейера, и особенно его „Исторія древности“ въ той ея части, которая касается Египта, въ настоящее время являются уже нѣсколько устарѣлыми. Еще въ большей степени устарѣлою слѣдуетъ признать теперь „Исторію древности“ Макса Дункера (Gesch. d. Alterthums. 5-te Aufl. Lpz. 1878—1886), которая въ свое время была первою серьезною попыткою использовать съ точки зрѣнія всемірной исторіи добытый оріенталистами новый матеріалъ. Что касается трудовъ Видемана,—„Geschichte Aegyptens von Psammetich bis auf Alexander den Grossen“ (Lpz. 1880) и „Aegyptische Geschichte“ (2 Thle. Gotha, 1884), то и они уже требуютъ переизданія: со времени ихъ появленія наука обогатилась новыми данными, которыхъ историку никакъ нельзя обходить. Цѣнными въ рабо-

тахъ Видемана остаются впрочемъ подробные критическіе обзоры источниковъ и та осторожность, съ которою онъ всегда старается отдѣлять область твердо установленныхъ фактовъ отъ области гипотезъ и праздныхъ домысловъ. Прекраснымъ дополненіемъ къ нимъ можетъ служить книга Флиндерса Питри „A history of Egypt“ (I. London. 1895), стоящая во всѣхъ отношеніяхъ на уровнѣ современнаго знанія. Какъ на лучшее сочиненіе по источниковѣдѣнію можно указать на работу Видемана „Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen“ (Leipz. 1890).

Въ русской ученой литературѣ исторія Египта представляетъ собою еще почти пустое мѣсто. Можно назвать нѣсколько переводныхъ сочиненій, да и тѣ по большей части либо устарѣли, либо не имѣютъ серьезнаго научнаго значенія. Таковы напр.: „Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ“ Фр. Ленормана въ перев. П. Каманина (вып. I, Египтяне. Кіевъ. 1876); „Исторія Египта при фараонахъ“ Бругша въ перев. Властова (Спб. 1880); „Чудеса древней страны пирамидъ“ Оппеля въ переводѣ Страхова (Спб. 1867); соотвѣтствующіе отдѣлы у Вейса („Внѣшній бытъ народовъ“, перев. В. Чаева. М. 1873) и Вебера („Всеобщая исторія“, перев. Андреева. М. 1886); Масперо Историческія чтенія. Древняя исторія: Египетъ, Ассирія. Спб. 1892. Корелинъ Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. М. 1894. Краткое изложеніе египетской исторіи, сдѣланное Б. А. Тураевымъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, но въ рамкахъ небольшой статьи, можно найти въ Энцикл. словарѣ Брокгауза-Ефрона (s. v. Египетъ). *Ред.*

Преимущества египетской образованности.

По древности своего происхожденія египетская образованность есть первая во всемірной исторіи, такъ какъ начало ея восходитъ слишкомъ за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х. [1]). Первенствующею же была она на древнемъ Востокѣ и по своей полнотѣ

[1]) Если вѣрить свидѣтельству греческихъ авторовъ, писавшихъ объ Египтѣ, то начало египетской цивилизаціи восходитъ къ несравненно болѣе глубокой древности, — по Геродоту напр. къ двѣнадцатому, по Платону — къ десятому, по Діодору и Манеѳону — къ шестому или пятому тысячелѣтію до нашей эры. Къ счастію однако есть возможность по крайней мѣрѣ отчасти провѣрить эти колоссальныя даты при помощи другихъ источниковъ. Такъ какъ счисленіе времени велось въ Египтѣ по годамъ каждаго царствованія, то въ основаніи египетской хронологіи лежатъ списки царей, между которыми первое мѣсто занимаетъ туринскій списокъ, извѣстный подъ именемъ „царскаго папируса“ и заключающій въ себѣ перечень 220 царскихъ именъ съ раздѣленіемъ ихъ по династіямъ и съ указаніемъ продолжительности отдѣльныхъ царствованій. Списокъ этотъ относится ко времени Рамессидовъ и, повидимому, отличается большою точностью,— по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывалось возможнымъ сличеніе его съ другими памятниками, показанія его подтверждались. Но онъ неполонъ и плохо сохранился. Эти недочеты возмѣщаются отчасти монументальными генеалогическими таблицами фараоновъ, — напр. абидосскою таблицею царя Сети I (76 именъ), карнакскою таблицею Тутмеса III (62 имени) и др., отчасти же сохранившимися въ эксцерптахъ изъ Манеѳона списками царскихъ династій. Главными же исходными пунктами для хронологическихъ построеній служатъ немногіе синхронизмы: установлено напр., что раздѣленіе еврейскаго царства на іудейское и израильское совпало съ правленіемъ Шешонка I, фараона 21-ой династіи, что Аменофисы III-й и IV-й были современниками вавилонскихъ царей Каллима-Сина и Буррабуріаша, что Рамзесъ II находился въ оживленныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ хетскимъ царемъ Хетасиромъ и т. д. Опираясь на этихъ и иныхъ болѣе или менѣе надежно засвидѣтельствованныхъ фактахъ, большинство египтологовъ согласно въ томъ, что возникновеніе мемфисскаго царства Мены нельзя

и самобытности, ибо египтяне, положивъ начало всѣмъ главнымъ отраслямъ матеріальной и умственной культуры, ни у кого ея не заимствовали [1]). Наконецъ и по продолжительности своего развитія она уступаетъ развѣ только китайской, которая, восходя своимъ началомъ въ глубокую древность, существуетъ еще и теперь почти въ томъ же видѣ.

Такими преимуществами своей цивилизаціи египтяне были обязаны больше всего географическому положенію и свойствамъ своей страны.

Выгоды географическаго положенія и естественныхъ свойствъ Египта.

Положеніе Египта можно считать особенно выгоднымъ, потому что, находясь въ самомъ средоточіи стараго свѣта, край этотъ обладалъ легчайшими способами для культурныхъ сношеній съ нимъ. Средиземное море открывало ему доступъ въ южную Европу, западную Азію и сѣверную Африку, Чермное вело въ Индію и вообще въ южную Азію, а Нилъ служилъ водною дорогою во внутреннюю Африку. Слѣдовательно для лучшихъ и богатѣйшихъ странъ древняго міра Египетъ могъ сдѣлаться, а подъ конецъ своей исторіи, въ александрійскія времена, и дѣйствительно сдѣлался соединительнымъ пунктомъ ихъ взаимныхъ

относить дальше, чѣмъ къ началу четвертаго тысячелѣтія до Р. Х., хотя конечно первыя сѣмена культуры пали на египетскую почву, быть можетъ, и еще на цѣлое тысячелѣтіе раньше. Особенно далеко въ древность раздвинулись рамки египетской хронологіи благодаря послѣднимъ раскопкамъ де-Моргана, Амелино, Квибелля и Флиндерсъ-Питри, которымъ удалось недавно найти въ Египтѣ не только большое количество памятниковъ, относящихся ко времени первыхъ египетскихъ династій и самаго Мены, но обнаружить рядъ и еще болѣе древнихъ некрополей. Впрочемъ по отношенію къ этимъ находкамъ о хронологіи въ собственномъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи,—онѣ группируются пока лишь по степени большей или меньшей близости ихъ къ памятникамъ позднѣйшаго времени (такъ назыв. „sequence dates“). Вообще въ этихъ столь далекихъ отъ насъ хронологическихъ областяхъ абсолютныя даты все еще не поддаются опредѣленію, ихъ замѣняютъ минимальныя даты, т.-е. такія, которыя отвѣчаютъ ближайшему допустимому для того или другого событія хронологическому терминy. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что во всякомъ случаѣ исторія застаетъ Египетъ уже вполнѣ сложившимся государствомъ, всѣ стороны жизни котораго достигли весьма высокой степени развитія. Необходимо слѣдовательно предположить, что достиженію этой стадіи предшествовала многовѣковая культурная работа, что и подтверждается позднѣйшими раскопками. И немудрено, если Масперо въ послѣднемъ изданіи своего труда, гадая о началахъ египетской культуры, снова возвращается къ датѣ Шаба, который относилъ эти начала къ X—VIII тысячелѣтіямъ до нашей эры. *Ред.*

[1]) Египтяне считали себя автохтонами (исконными обитателями страны); тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что ихъ колыбелью была Азія. Весь край повидимому въ незапамятной древности подвергся какой-то чужеземной колонизаціи, причемъ эти колонисты, покоривъ туземное африканское населеніе, постепенно съ нимъ смѣшались. По всей вѣроятности первые элементы цивилизаціи были уже принесены ими съ собой. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что дальнѣйшее развитіе этихъ элементовъ происходило совершенно самостоятельно и что вся высокая и своеобразная культура египтянъ обязана своимъ происхожденіемъ ихъ собственному генію. Срв. Maspero o. c. l, p. 43. *Ред.*

сношеній, между тѣмъ какъ, будучи весьма трудно доступнымъ съ сухопутья по причинѣ окружающихъ его съ востока и запада песчаныхъ и скалистыхъ пустынь, онъ представлялъ довольно безопасное убѣжище отъ иноземныхъ завоеваній.

Свойства же страны и особое ея необычайное плодородіе условливались главнымъ образомъ ежегодными разлитіями Нила, которыя удобряли почву своими наводненіями и тучнымъ иломъ, тогда какъ почти тропическій климатъ значительно умѣрялся близостью двухъ морей.

Но при всѣхъ этихъ удобствахъ египетская почва все же ничего не даетъ человѣку даромъ. [Въ южной своей части, въ такъ называемомъ верхнемъ Египтѣ, нильская долина сперта съ обѣихъ сторонъ придвинувшимися къ Нилу каменистыми горными хребтами, на сѣверѣ же, въ нижнемъ Египтѣ, она примыкаетъ къ морю обширною областью топкихъ болотъ. Не будучи направляема заботливою рукою человѣка, полая вода, сбывая, оставляетъ въ однихъ мѣстахъ глубокія промоины, въ другихъ — слишкомъ обильныя отложенія]. Надобно постоянно и много трудиться, — тщательно наблюдать разливы, орошать поля посредствомъ каналовъ, обработывать землю, сѣять и собирать жатву, — чтобы жить въ этой странѣ. Трудъ же, возбуждая умственную дѣятельность населенія, очень рано привелъ его къ образованности.

Политическая исторія Египта.

Оттого уже въ пору глубокой древности возникли въ Египтѣ государства и появились города, сдѣлавшіеся культурными центрами всего края. [Сообразно естественному дѣленію страны на верхній и нижній Египетъ, мелкія государства эти мало-по-малу объединились въ двѣ группы, а въ началѣ четвертаго тысячелѣтія до нашей эры впервые составили единое] царство мемфисское, [позднѣйшая] столица котораго Мемфисъ, построенная [будто бы] первымъ царемъ Египта Меною (Мена, греч. Μήνης), находилась на нижнемъ Нилѣ, — недалеко отъ того мѣста, гдѣ рѣка эта при впаденіи въ море раздѣляется на рукава и образуетъ Дельту. [Современемъ однако политическое единство этого древняго царства снова распалось, и приблизительно во второй половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х.] возникло въ верхнемъ Египтѣ ѳивское царство, главнымъ городомъ котораго были всемірно-знаменитыя Ѳивы, расположенныя также на Нилѣ, но гораздо южнѣе Мемфиса. [Наконецъ спустя еще около тысячи лѣтъ всѣ области Египта опять соединились въ одно царство,] и съ тѣхъ поръ страна эта сохранила единство вплоть до са-

мой потери своей независимости въ концѣ шестого столѣтія (525 г.), когда она покорена была персами.

[Впродолженіе своего многовѣкового существованія Египетъ пережилъ такимъ образомъ три періода культурнаго развитія,— онъ имѣлъ свою древнюю, среднюю и новую исторію. Изъ государства съ сильною центральною властью, съ сложнымъ бюрократическимъ механизмомъ и обширною цѣльною, нераздробленною территоріею, какимъ онъ сталъ со времени Мены, онъ то превращался въ пеструю сѣть мелкихъ полунезависимыхъ вассальныхъ владѣній, иногда возвышавшихся даже до степени самостоятельныхъ княжествъ, и страдалъ отъ внутреннихъ усобицъ при полномъ упадкѣ авторитета высшей власти и безотрадномъ застоѣ въ духовной жизни, то вновь оживалъ подъ управленіемъ предпріимчивыхъ царей-собирателей, которые оказывались достаточно сильными, чтобы смирить зазнавшихся вассаловъ, объединить силы страны и направить ихъ къ дружной культурной работѣ или же ко внѣшнимъ завоеваніямъ. Но каждый разъ при переходѣ отъ одного періода къ другому черезъ исторію Египта проходитъ какъ бы темная полоса, скрывающая отъ нашихъ взоровъ тѣ перевороты, которые приводили къ разложенію старыхъ началъ государственнаго строя и пролагали путь къ водворенію новыхъ [1]).

I. Періодъ древняго царства тянется отъ возникновенія единаго государства (Мена) до прекращенія VI династіи, т.-е. обнимаетъ собою четвертое и часть третьяго тысячелѣтія до Р. Х. Свѣдѣнія наши объ этой отдаленной эпохѣ естественно страдаютъ отрывочностью и неполнотою; но уже со временъ третьей династіи дошли до насъ монументальные памятники египетскаго зодчества и ваянія (гробницы и статуи), а ко временамъ четвертой относятся величайшія пирамиды Хуфу (у Геродота Хеопсъ), Хафра (греч. Хефренъ) и Менкаура (греч. Микеринъ),—всѣ расположенныя на лѣвомъ берегу Нила; при шестой же династіи памятники становятся такъ многочисленны, въ техническомъ отно-

[1]) Дѣленіе египетской исторіи на царства древнее, среднее и новое предложено было Лепсіусомъ. Эд. Мейеръ слѣдуетъ другой схемѣ дѣленія, а именно: 1) начальный періодъ (династіи 1—3); 2) древнее мемфисское царство (дин. 4—5); 3) переходная эпоха (дин. 6—10); 4) старо-ѳивское царство (дин. 11—12); 5) паденіе ѳивскаго царства; иго гиксовъ (дин. 13—17); 6) ново-ѳивское царство (дин. 18—21); 7) времена ливійскаго, эѳіопскаго и ассирійскаго владычества (дин. 22—25); 8) эпоха реставраціи (дин. 26); 9) владычество персовъ (дин. 27—31). У Масперо встрѣчаемъ опять иную схему: 1) періодъ мемфисскій (дин. 1—10); 2) періодъ ѳивскій, раздѣленный нашествіемъ гиксовъ на двѣ части,— первое ѳивское царство (дин. 11—15) и второе ѳивское царство (дин. 17—20); 3) періодъ саисскій, раздѣленный персидскимъ завоеваніемъ также на двѣ неравныя части (дин. 21—26 и 28—30). *Ред.*

шеніи достигаютъ такого совершенства, что пору эту можно считать апогеемъ древнѣйшей культуры Египта, — тѣмъ болѣе, что и сохранившіеся на этихъ памятникахъ скульптурныя и живописныя изображенія свидѣтельствуютъ уже о необыкновенномъ разнообразіи, богатствѣ и даже нѣкоторой утонченности формъ египетской жизни.

Прогрессъ обнаруживается во всѣхъ сферахъ. Въ религіозномъ сознаніи мало-по-мало совершается переходъ отъ наивнаго фетишизма и первобытно-грубаго поклоненія мѣстнымъ божествамъ къ болѣе сложнымъ космогоническимъ представленіямъ и къ болѣе развитой теологической системѣ,—съ солнечнымъ богомъ Ра въ центрѣ. Вѣра въ загробное существованіе живущаго въ человѣкѣ невещественнаго начала („ка"), которое, оставляя тѣло, современемъ снова должно соединиться съ нимъ, приводитъ къ открытію искусства бальзамировать трупы и къ своеобразному культу мертвыхъ. Этотъ культъ вызываетъ сооруженіе прочныхъ каменныхъ гробницъ и косвенно вліяетъ на успѣхи строительной техники. Въ связи съ этимъ развиваются и другія искусства. Возникаетъ письмо,—сперва въ видѣ простѣйшихъ идеограммъ, потомъ на основѣ звукового алфавита. Зарождается наука и литература.

Царская власть крѣпнетъ и облекается ореоломъ божественнаго происхожденія. Въ рукахъ царя (фараона) сходятся всѣ нити государственнаго управленія. Но съ усиленіемъ централизаціи возрастаетъ значеніе чиновной знати, и государство получаетъ бюрократическое устройство. На верхнихъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы стоятъ члены царской фамиліи, которые вмѣстѣ съ высшими представителями старой родовой аристократіи окружаютъ особу царя и составляютъ придворный штатъ. Въ землевладѣніи все ярче и ярче выступаетъ феодальный принципъ: вся земля считается собственностью царя, и онъ раздаетъ ее участками своимъ слугамъ въ пользованіе, которое можетъ быть и наслѣдственнымъ. Но въ этомъ порядкѣ коренится и причина разложенія бюрократическаго строя древняго царства: съ ослабленіемъ царской власти при послѣднихъ фараонахъ VI-ой династіи усиливается знать, превратившаяся изъ придворной въ поземельную, и узы вассальной ея зависимости отъ престола порываются.

II. Среднее царство. Съ воцареніемъ седьмой династіи Египетъ дѣлается жертвою внутреннихъ смутъ, а можетъ быть—и чужеплеменнаго завоеванія. Рядъ памятниковъ внезапно преры-

вается по крайней мѣрѣ на цѣлыя триста лѣтъ. Происходитъ какое-то затменіе египетской исторіи, такъ что, когда она ко временамъ одиннадцатой династіи нѣсколько проясняется, то возрожденная страна фараоновъ уже мало походитъ на Египетъ предшествующей эпохи. Прежнее единство распалось. Тѣ мелкія области или „номы", которыя существовали и раньше,—то какъ части административнаго дѣленія страны, то какъ ленные участки,—стали самостоятельными княжествами, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ утвердились наслѣдственныя династіи сильныхъ и воинственныхъ „номарховъ". Верхній Египетъ отпалъ отъ нижняго, и оба царства живутъ раздѣльною жизнью, но фараонамъ осталась лишь тѣнь былого ихъ величія и власти. Номархи безнаказанно хозяйничаютъ въ странѣ, чувствуя себя въ своихъ номахъ такими же полновластными государями, какъ и самъ фараонъ, и не упускаютъ случая округлить свои владѣнія на счетъ болѣе слабаго сосѣда. Зависимость ихъ отъ престола, основанная на обязательствахъ леннаго права, весьма близкихъ къ тѣмъ отношеніямъ, которыя царили впослѣдствіи въ западныхъ государствахъ средневѣковой Европы, въ сущности сводится лишь къ долгу вассальной вѣрности. Внутреннее устройство каждаго нома зиждется на тѣхъ же принципахъ феодальной системы и въ миніатюрѣ отражаетъ въ себѣ всѣ черты государственнаго устройства страны: то же дѣленіе на мелкіе земельные участки и тотъ же хаосъ частныхъ интересовъ [1]). Лишь начиная съ XXII стол. до Р. Х., при фараонахъ двѣнадцатой династіи,—четырехъ Аменемхахъ (греч. Ἀμενέμης, егип. Amenemhat) и трехъ Усертесенахъ,—снова возрождается блескъ древняго царства и настаетъ процвѣтаніе египетской образованности, хотя она и отличается уже теперь инымъ, болѣе практическимъ направленіемъ. Это доказываютъ сооруженія знаменитѣйшаго представителя названной династіи — Аменемха III-го, устроившаго Меридово озеро (по имени котораго греки и его самого неправильно прозвали Меридомъ) и лабиринтъ, расположенный на берегу этого водоема. Озеро было предназначено для искусственнаго орошенія оаза Фаюма и всего лѣваго берега Нила до самаго моря, а лабиринтъ долженствовалъ представлять нѣчто въ родѣ египетскаго пантеона, — колоссальный храмъ, посвященный всѣмъ богамъ-покровителямъ верхняго и нижняго Египта. Вообще фараоны двѣнадцатой династіи любили строить храмы:

---

[1]) Памятниками описаннаго состоянія Египта служатъ между прочимъ гробницы бени-гассанскихъ номарховъ. *Ред.*

при нихъ воздвигнуты величайшія сооруженія этого рода,—храмъ Аммона въ Θивахъ, Тума — въ Геліополѣ, богини Гаторъ — въ Дендера, Озириса въ Абидосѣ и др. При нихъ же окрѣпшія силы вновь объединенной подъ ихъ твердымъ управленіемъ страны могли быть впервые обращены и на внѣшнія предпріятія: рядъ блестящихъ военныхъ экспедицій положилъ конецъ самостоятельному существованію Нубіи, ея негрское населеніе было частью обложено данью, частью уведено въ плѣнъ, и политическая граница верхняго Египта была продвинута вплоть до вторыхъ нильскихъ пороговъ.

Политическимъ центромъ страны въ періодъ средняго царства дѣлаются Θивы на верхнемъ Нилѣ, тогда какъ въ эпоху древняго царства культурными и политическими центрами края были города нижняго Египта и въ особенности Мемфисъ.

Время правленія тринадцатой династіи снова представляетъ одинъ изъ самыхъ темныхъ и загадочныхъ отдѣловъ египетской исторіи. Видно только, что страну терзали внутреннія неурядицы, которыми въ началѣ второго тысячелѣтія до Р. Х. воспользовались хамитскіе и семитическіе кочевники Сиріи и сѣверной Аравіи, чтобы напасть на Египетъ и послѣ страшнаго опустошенія подчинить своей власти всю нижнюю и среднюю часть страны, тогда какъ верхняя ея часть со своимъ центромъ, Θивами, осталась независимою и имѣла туземныхъ царей, платившихъ сначала дань чужеплеменникамъ. Пришельцы состояли изъ сброда разныхъ племенъ, между которыми главная роль принадлежала племенамъ хананскимъ. У греческихъ писателей они называются гиксами [1]), а въ гіероглифическихъ текстахъ—Mentiu [2]). Полудикіе номады эти, утвердившіе центръ своего господства въ нижнемъ Египтѣ, гдѣ они построили крѣпость Аварисъ, властвовали въ странѣ въ теченіе весьма долгаго періода времени, пока не окрѣпло θивское царство, вокругъ котораго собрались всѣ патріоты, и не вступило съ гиксами въ рѣшительную борьбу, кончившуюся изгнаніемъ ихъ обратно въ сирійскія степи.

III. Новое царство. Вѣковая борьба съ гиксами подняла

---

[1]) У Манеѳона Ὑξως,—имя, въ которомъ ученые усматриваютъ двѣ составныя части: haq,—царь, и shus или shasu,—названіе кочевниковъ сосѣдняго съ Египтомъ Синайскаго полуострова (собственно „бродяги“). Такимъ образомъ по этому словопроизводству „гиксы“ означаетъ „цари Шасу“. Владычество гиксовъ оставило многочисленные слѣды хананейскаго вліянія въ языкѣ и религіозномъ культѣ египтянъ; ему же египтяне обязаны первымъ знакомствомъ съ лошадью и ея примѣненіемъ въ военной техникѣ. Съ своей стороны и они также повліяли на завоевателей, сообщивъ имъ элементы своей высоко развитой культуры. Гиксы быстро египтизировались, и государство, ими основанное, въ существенныхъ чертахъ своей организаціи было чисто египетскимъ государствомъ. *Ред.*

[2]) „Mentiu“ по-египетски означаетъ „пастухи“. *Ред.*

высоко духъ египетскаго народа и устремила его на путь завоеваній въ Африкѣ (Эѳіопія) и въ Азіи (Передняя Азія [1]). Усиленіемъ внѣшняго своего могущества Египетъ обязанъ былъ особенно фараонамъ восемнадцатой династіи, славнѣйшимъ представителемъ которой былъ Тутмесъ III, величайшій изъ египетскихъ завоевателей. При немъ Египетъ повелѣвалъ не только Эѳіопіей и сѣвернымъ берегомъ Африки, но и Азіей до Тигра и горъ Арменіи со включеніемъ Аравіи. Тутмесъ же былъ первый изъ фараоновъ, который кромѣ многочисленнаго сухопутнаго войска завелъ и сильный военный флотъ, покорившій его власти многіе острова Средиземнаго моря [2]). Этому блеску побѣдъ отвѣчало и въ области внутренняго управленія усиленіе царской власти и возстановленіе централизаціи. Феодальный строй средняго царства съ его мелкими областными и фамильными интересами, съ его непрерывною ножовщиною и всѣми ужасами анархіи окончательно рушится, и номархи изъ буйныхъ, полунезависимыхъ ленниковъ снова превращаются въ правительственныхъ чиновниковъ. Счастливыя войны обогащаютъ царскую казну, а богатство позволяетъ фараонамъ опять, какъ въ былое время, широко развить строительную дѣятельность. Знаменитые храмы Луксора, Карнака, Дейръ-эль-багри и др.—это все памятники восемнадцатой династіи. Но съ подъемомъ національнаго сознанія и оживленіемъ религіознаго чувства, о которомъ свидѣтельствуютъ эти колоссальныя сооруженія, возвышается и значеніе жреческаго сословія,—тѣмъ болѣе, что въ годину чужеплеменнаго владычества и анархіи оно было носителемъ національной идеи и хранило завѣты отеческой религіи. Этому косвенно содѣйствуютъ и завоевательныя предпріятія царей. Жрецы, пользуясь ихъ частымъ отсутствіемъ, постепенно прибираютъ къ рукамъ различныя отрасли внутренняго управленія и увеличиваютъ храмовыя сокровища, и вотъ мало-по-малу рядомъ съ царскою властью незамѣтно вырастаетъ другая сила, съ которою фараонамъ скоро приходится серьезно считаться. Смѣлая попытка Аменхотепа IV сокрушить эту силу путемъ коренной реформы національнаго культа на началахъ монотеизма не имѣла прочнаго успѣха,—его преемники были либо слишкомъ слабы, либо недостаточно

[1]) О степени продолжительности господства гиксовъ въ Египтѣ трудно высказаться даже гадательно. Во всякомъ случаѣ невозможно принять на вѣру показаніе Манеѳона, который отводитъ владычеству гиксовъ огромный періодъ времени въ девять столѣтій.—Общія сочиненія по этому вопросу: Chabas. Les pasteurs en Egypte, Amsterdam, 1868 P. Cesare di Cara gli Hyksôs o Re Pastori di Egitto. 1889. *Ред.*

[2]) О Тутмесѣ см. A. Wiedemann, Gesch. der achtzehnten Dynastie bis zum Tode Tutmes III, въ Zeischr. d. deutsch. morgenl. Gesellsch. XXXI, XXXII. *Ред.*

дальновидны, чтобы съ необходимою настойчивостью вести начатую имъ въ этомъ направленіи борьбу. А между тѣмъ новыя смуты, вызванныя столкновеніемъ между клиромъ и престоломъ, серьезно поколебали политическое могущество Египта. Чтобы удержать завоеванные народы въ подчиненіи, нужно было вновь обратить противъ нихъ оружіе, и эта задача выпала на долю фараоновъ слѣдующей девятнадцатой династіи.

Вторымъ изъ нихъ былъ Сети I, грозный и могущественный завоеватель. Сынъ же его Рамзесъ II, по прозванію Міамунъ (у грековъ Сезострисъ), прославленъ въ египетскихъ преданіяхъ, поэзіи и искусствѣ, какъ величайшій герой, водившій будто бы свои побѣдоносныя полчища къ предѣламъ Индіи и Кавказа. Къ сожалѣнію исторія этого царя носитъ слишкомъ легендарный характеръ. Достовѣрно извѣстно только то, что онъ велъ долгую и упорную борьбу съ непримиримыми врагами египтянъ хеттами,— сильнымъ и многочисленнымъ ханаанскимъ племенемъ, обитавшимъ по склонамъ Аманскаго хребта. За то ни одно царствованіе не оставило такого множества монументальныхъ памятниковъ, какъ долголѣтнее правленіе Рамзеса II (въ XIV в. до Р. Х.), почему онъ и сдѣлался впослѣдствіи героемъ народной легенды, приписавшей ему одному дѣянія какъ Тутмеса III и Сети I, такъ и фараона двадцатой династіи Рамзеса III, также завоевателя [1]). Впрочемъ великолѣпныя постройки этого гордаго деспота дорого стоили Египту. Истощеніе силъ страны обнаружилось уже при сынѣ его Мернептахѣ, когда нильская долина сдѣлалась жертвою чужеземныхъ опустошительныхъ вторженій со стороны ливійцевъ и различныхъ племенъ Сиріи и Малой Азіи [2]). Съ этого времени начинается упадокъ Египта, который мало-по-малу теряетъ всѣ свои завоеванія, внутри же терзается усобицами и смутами и настолько слабѣетъ, что скоро оказывается не въ состояніи дать отпоръ воинственнымъ ассирійцамъ и хищнымъ эѳіопамъ. Анархія наконецъ доходитъ здѣсь до того, что въ VII вѣкѣ до Р. Х. весь край распадается на двѣнадцать отдѣльныхъ государствъ (такъ

---

[1]) Эд. Мейеръ относитъ Рамзеса III вопреки Манеѳону къ девятнадцатой династіи. *Ред.*

[2]) Племенныя названія ихъ сообщаются въ изданныхъ впервые Дюмихеномъ египетскихъ надписяхъ и вызвали даже цѣлую литературу. Многіе ученые хотѣли видѣть въ тѣхъ народностяхъ, съ которыми приходилось воевать Мернептаху и затѣмъ Рамзесу III,—іаоновъ (іонянъ), дарданцевъ, ликійцевъ, мизійцевъ, мэоній-цевъ, пеласговъ, тевкровъ и проч. См. напр.: Chabas Etudes sur l'antiquité historique d'après les sources égyptiennes, 2-me éd. (Paris, 1880); его-же „Recherches pour servir à l'histoire de la XIX dynastie" (Paris, 1872). *Ред.*

наз. додекархія), пока одному изъ додекарховъ Псамметиху I (основателю двадцать шестой династіи) не удается снова возстановить единство власти и рядомъ энергическихъ и благоразумныхъ мѣропріятій поднять благосостояніе полуразоренной страны. При немъ на судьбу Египта начинаютъ оказывать большое вліяніе греки, такъ какъ Псамметихъ, обязанный своимъ возвышеніемъ помощи греческихъ наемниковъ, вошелъ съ греками въ самыя дружескія сношенія и открылъ для нихъ всѣ гавани своего государства, прежде почти недоступнаго для иностранцевъ. Сынъ его Нехо II дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Онъ снова завелъ значительный флотъ и для расширенія торговли Египта велѣлъ служившимъ у него финикійскимъ матросамъ объѣхать вокругъ Африки; съ тою же цѣлью при содѣйствіи греческихъ инженеровъ была имъ возобновлена попытка Рамзеса II соединить посредствомъ канала Средиземное море съ Чернымъ,—попытка, и на этотъ разъ однако не доведенная до конца. Наконецъ четвертый преемникъ Псамметиха Аахмесъ II (греч. Амазисъ), предпослѣдній фараонъ независимаго Египта, довелъ политику своихъ предшественниковъ до того, что при немъ военныя силы государства главнымъ образомъ состояли уже изъ грековъ, въ странѣ появились храмы греческихъ боговъ и всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ было обѣщано покровительство законовъ.

Въ 525 г. до Р. Х. при сынѣ Аахмеса II Псамметихѣ III (греч. Псамменитъ) Египетъ покорили персы. Подъ персидскимъ владычествомъ край этотъ нѣсколько разъ пытался воротить себѣ потерянную независимость и имѣлъ туземныхъ правителей, рядъ которыхъ составляетъ четыре послѣднія династіи Манеѳона. Однако, несмотря на эти попытки, вновь сдѣлаться самостоятельнымъ государствомъ Египту уже не было суждено: господство персовъ въ концѣ IV в. до Р. Х. смѣняется здѣсь господствомъ македонянъ, а македоняне въ свою очередь уступаютъ свое мѣсто римлянамъ, которые и обращаютъ Египетъ въ концѣ послѣдняго дохристіанскаго столѣтія въ одну изъ своихъ провинцій. Переходя такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, нильская долина въ послѣдній періодъ своей исторіи,—періодъ зависимаго, несамостоятельнаго существованія,—достигаетъ наконецъ того значенія, къ какому искони какъ бы предназначена была самою природою, и дѣлается въ александрійскую эпоху космополитическимъ центромъ умственной жизни всего древне-историческаго міра].

Бытовая исторія Египта.

Что же касается бытовой исторіи Египта, то вотъ существенныя особенности египетской культуры въ области религіи,

общественнаго устройства, наукъ, искусствъ и домашняго быта.

а) Религія.

Религія древнихъ Египтянъ подобно всѣмъ языческимъ культамъ была въ основѣ своей религія натуральная, т.-е. состояла въ поклоненіи различнымъ явленіямъ и силамъ внѣшней природы. При этомъ верховнымъ божествомъ для всей страны считалось солнце,—по-египетски Ра,—какъ потому что изъ всѣхъ явленій видимаго міра оно сильнѣе всего поражаетъ грубаго человѣка своимъ величіемъ, такъ и по той причинѣ, что съ періодическимъ теченіемъ этого свѣтила связаны нильскія разлитія, столь благодѣтельныя для края. Но и разрушительныя силы природы,—сосѣдняя пустыня съ ея палящимъ зноемъ и бездождіемъ,—обожествлены были также въ образѣ враждебнаго демона Тифона,—по-египетски Сета. Солнце боготворили въ Египтѣ въ разныхъ видахъ и подъ разными названіями, [такъ что каждый почти городъ имѣлъ свое солнечное божество (напр. Аммонъ—въ Ѳивахъ, Тумъ — въ Геліополѣ, Пта — въ Мемфисѣ и проч.). Позже на степень такого же всеегипетскаго божества возвысился также Нилъ, воплотившійся въ образѣ Озириса (егип. Азара); а наряду съ нимъ стали чтить и его супругу Изиду,—олицетвореніе орошаемой Ниломъ долины,—и сына Гора. Вкругъ этихъ главныхъ фигуръ египетскаго пантеона группировались другія, — напр. Nut и Hathor, богини неба, Qeb, богъ земли, Thoth, богъ луны, и проч.; къ нимъ примыкали далѣе неисчислимые сонмы низшихъ служебныхъ духовъ или демоновъ, частью добрыхъ и благодѣтельныхъ, частью злыхъ и вредоносныхъ; наконецъ весь этотъ циклъ священныхъ существъ замыкался рядомъ обожествленныхъ животныхъ, напр. ибиса, крокодила, ихневмона, крысы, кошки, особенно же быка Аписа (посвященнаго богу Пта),—которымъ наравнѣ съ богами приносили жертвы и строили храмы.

Впрочемъ тексты пирамидъ,—этотъ древнѣйшій памятникъ религіозной литературы египтянъ, — воспроизводятъ передъ нами картину вѣрованій, отвѣчающую довольно поздней эпохѣ, когда многочисленные мѣстные культы, существовавшіе въ отдѣльныхъ областяхъ нильской долины до ихъ соединенія въ одно государство, были уже приведены въ искусственную богословскую систему въ жреческихъ школахъ. Но и эти школы, среди которыхъ особенно славились геліопольская въ нижнемъ и гермопольская—въ верхнемъ Египтѣ, не могли согласиться между собою во многихъ частностяхъ, и потому даже составъ основной группы девяти верхов-

ныхъ египетскихъ божествъ или такъ назыв. священной эннеады не во всѣхъ городахъ и номахъ Египта былъ одинаковъ].

Культъ животныхъ по всей вѣроятности принадлежалъ къ древнѣйшимъ формамъ религіозныхъ вѣрованій жителей нильской долины, особенно же ихъ туземно-африканскаго элемента, но впослѣдствіи жрецы придали этому первобытному фетишизму нѣкоторое моральное значеніе, связавъ его съ ученіемъ о переселеніи душъ и о загробной жизни. Египтяне твердо вѣрили въ безсмертіе души, представляя впрочемъ себѣ будущее ея существованіе, какъ это видно изъ ихъ погребальнаго требника (такъ наз. Книги Мертвыхъ) очень грубо, — именно въ смыслѣ вторичнаго соединенія ея съ прежнимъ тѣломъ. Но, чтобы достигнуть этого соединенія, грѣшная душа, по ученію жрецовъ, должна была сначала очиститься, переселяясь послѣдовательно въ тѣла различныхъ животныхъ и испытывая разныя мытарства въ царствѣ Озириса, — верховнаго судіи въ загробномъ жилищѣ тѣней. Отсюда—необыкновенная заботливость Египтянъ о предохраненіи труповъ отъ разложенія, для чего ихъ подвергали бальзамированію и приготовленныя такимъ образомъ муміи сберегали въ сухихъ и крѣпкихъ гробницахъ, сохранившихся во множествѣ и понынѣ.

Вообще въ позднѣйшее время жрецы, такъ сказать, одухотворили простую натуральную религію Египта и внесли въ нее много мистическихъ элементовъ. Они связали представленіе объ Озирисѣ съ идеей нравственнаго добра и отождествили Тифона съ источникомъ нравственнаго зла, представивъ обоихъ боговъ въ вѣчной борьбѣ, въ которой какъ бы олицетворялась съ одной стороны естественная жизнь нильской долины съ перемѣнами плодородія и безплодія, а съ другой — и жизнь человѣческая съ ея счастьемъ и несчастіемъ, радостями и горемъ [1]).

б) Общественное устройство.

Общественное устройство древняго Египта можно назвать теократической деспотіей; другими словами, это было государство, въ которомъ царь не только имѣлъ неограниченную и произвольную власть, стоявшую выше законовъ, но считался какъ бы живымъ божествомъ и пользовался божескими почестями, хотя

---

[1]) По вопросу объ египетской религіи кромѣ названныхъ общихъ сочиненій могутъ служить пособіями: Pietschmann Der aegyptische Fetischismus und Götterglaube (Zeitschr. f. Ethnologie, 1878); Le Page Renouf Vorlesungen über Ursprung und Entwickelung der Religion, erläutert an der Religion der alten Aegypter (aus dem Engl.) 1881. Wiedemann Religion der alten Aegypter. Münster. 1890. Maspero Etudes de mythologie et d'archéologie égyptiennes. 2 vols. 1899. Strauss-Torney Der altägyptische Götterglauben. 2 Bde. Heidelberg. 1889—91. Б. Тураевъ. Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Лейпцигъ. 1898. *Ред.*

могущественное жречество, въ рукахъ котораго было все образованіе и значительная часть богатствъ страны, до нѣкоторой степени морально и ограничивало деспотизмъ фараоновъ, а иногда даже и оспаривало у нихъ власть. Народъ же раздѣленъ былъ на наслѣдственные классы, по своей замкнутости очень похожіе на касты, хотя и не столь недоступно и рѣзко разграниченные, какъ въ Индіи,—въ особенности въ древнѣйшую пору египетской исторіи. Изъ нихъ классы жрецовъ и воиновъ считались высшими, владѣли богатыми землями, были свободны отъ податей и занимали всѣ общественныя должности, а промышленное и рабочее населеніе, состоявшее изъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ, лодочниковъ и пастуховъ, не пользовалось почти никакими правами, не владѣло землею и несло всѣ повинности и всю тяжесть работъ въ пользу царя и привиллегированныхъ классовъ. Общественное неравенство это развилось исторически, вылилось въ окончательную форму лишь во времена новаго царства и условливалось главнымъ образомъ экономическими причинами, т.-е. захватомъ всей почти земельной собственности или, что тоже, всего богатства со стороны сравнительно небольшаго числа жреческихъ и воинскихъ фамилій, а это уже повлекло за собою бѣдность, зависимость и политическую безправность рабочаго населенія.

Научныя познанія египтянъ, хранившіяся исключительно въ классѣ жрецовъ, пользовались большою славою въ древности, такъ что даже высокообразованные греки впослѣдствіи отзывались о нихъ съ уваженіемъ. И дѣйствительно, въ странѣ этой положено начало многимъ наукамъ, усовершенствованнымъ впослѣдствіи народами классическими, какъ то ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи, медицинѣ и отчасти исторіи и географіи. Неудивительно поэтому, что египтянамъ принадлежатъ многія открытія и изобрѣтенія, сдѣлавшіяся потомъ общимъ достояніемъ человѣчества: ими вычисленъ приблизительно вѣрно солнечный годъ и тѣмъ положено основаніе правильному календарю, открыто приготовленіе стекла и фарфора, найдены способы дубленія кожъ, [выдѣлки вина и растительныхъ маслъ, разработки рудъ, изобрѣтенъ ткацкій станокъ и доведено до высокой степени совершенства изготовленіе льняныхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей, — словомъ почти все, что греки потомъ приписали финикіянамъ, было заимствовано этими послѣдними у египтянъ]. Въ Египтѣ велись народныя переписи и списки дѣяній фараоновъ, и даже есть слѣды существованія кадастра. Искусство письма стало достояніемъ этой страны уже въ самой глубокой древности,—въ эпоху, пред-

Научныя познанія и открытія.

шествовавшую построенію пирамидъ. Письмена египетскія состояли сначала изъ образныхъ или символическихъ знаковъ, изображавшихъ предметы и понятія и называвшихся гіероглифами; впослѣдствіи путемъ постепеннаго упрощенія этихъ сложныхъ и запутанныхъ знаковъ египтяне дошли до употребленія и обыкновеннаго звуковаго алфавита, существенныя отличія котораго состояли въ томъ, что, во-первыхъ, вмѣсто нашихъ условныхъ фонетическихъ знаковъ, простыхъ и немногихъ, для обозначенія звуковъ употреблялись все же фигуры животныхъ, растеній и другихъ предметовъ, — во-вторыхъ, для письменнаго выраженія одного и того же звука имѣлось часто по нѣскольку подобныхъ знаковъ,— [наконецъ, въ третьихъ, наряду съ буквенными знаками, отвѣчавшими членораздѣльнымъ звукамъ человѣческой рѣчи, существовали и знаки силлабическіе, соотвѣтствовавшіе цѣлымъ звуковымъ комплексамъ]. Виды болѣе упрощеннаго скорописнаго египетскаго письма извѣстны были грекамъ подъ именемъ гіератическаго и демотическаго. Въ Египтѣ же появился и первый писчій матеріалъ, такъ называемый папирусъ, изготовлявшійся изъ волоконъ какого-то нильскаго тростниковаго растенія [1]).

г) Искусства.

Изъ искусствъ въ Египтѣ особенно процвѣтали техническія, служившія для промышленныхъ цѣлей, въ чемъ и сказался практическій характеръ его населенія. Занимаясь главнымъ образомъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, египтяне уже въ самой отдаленной древности изрѣзали всю свою страну каналами для орошенія почвы на большихъ разстояніяхъ отъ рѣки. Какими колоссальными размѣрами отличались иногда ихъ гидравлическія сооруженія, о томъ свидѣтельствуетъ напр. знаменитое Меридово озеро, которое за двадцать слишкомъ вѣковъ до нашей эры велѣлъ ископать въ оазѣ Фаюмъ одинъ изъ фараоновъ двѣнадцатой династіи (Аменемха III) для болѣе правильнаго распредѣленія нильскихъ наводненій: по свидѣтельству Геродота это озеро имѣло въ окружности 90 географическихъ миль и въ самомъ глубокомъ мѣстѣ достигало до 50 саженъ глубины. Не менѣе грандіозно было предпріятіе Рамзеса II, который началъ рыть каналъ для соединенія Нила съ Чернымъ моремъ и, стало быть, имѣлъ уже мысль, которая осуществлена только въ наше время, по прошествіи трехъ тысячъ слишкомъ лѣтъ, благодаря усиліямъ международной компаніи съ геніальнымъ Лессепсомъ во главѣ.

---

[1]) Brugsch Die altägyptische Weisheit („Universum“ 1895); русск. перев. въ „Сборникѣ Нивы“ (1895, сент.). *Ред.*

Что же касается изящныхъ искусствъ, то, хотя египтянамъ извѣстна была и музыка, и поэзія, и скульптура, и живопись, но особеннаго развитія достигло у нихъ одно только зодчество, памятники котораго, уцѣлѣвшіе до настоящаго времени, и теперь еще изумляютъ своею громадностью и несокрушимою прочностью. Таковы напр. пирамиды, расположенныя группами вдоль лѣваго берега Нила, особенно же въ окрестностяхъ Мемфиса, и служившія гробницами фараоновъ. Величайшія изъ нихъ— пирамиды Хуфу и Хафра, изъ которыхъ первая еще и теперь, несмотря на разрушительное вліяніе времени, имѣетъ 480 футовъ вышины. Но и кромѣ того весь Египетъ, какъ верхній, такъ средній и нижній, усѣянъ памятниками древняго зодчества этой страны, обелисками, сфинксами, руинами дворцовъ и храмовъ, колоссальными статуями неподвижнаго, чисто архитектоническаго характера и т. п. Особенно много ихъ на исполинскихъ развалинахъ Ѳивъ, на мѣстѣ которыхъ теперь стоитъ нѣсколько бѣдныхъ феллахскихъ деревень. Уцѣлѣли также полузанесенныя пескомъ сосѣдней пустыни остатки лабиринта, воздвигнутаго нѣкогда на берегу Меридоваго озера тѣмъ же фараономъ, который былъ творцемъ и самаго озера. [Всѣ эти громадныя сооруженія свидѣтельствуютъ съ одной стороны о неутомимой энергіи ихъ строителей, не останавливавшихся ни передъ какими трудностями, о массѣ затраченныхъ силъ и времени, съ другой-же—о высокомъ совершенствѣ техники, располагавшей повидимому самыми разнообразными вспомогательными средствами, необходимыми при обработкѣ необыкновенно твердаго строительнаго матеріала].

д) Домашній бытъ и нравы.

Въ домашнемъ быту наконецъ и нравахъ египтяне стояли настолько же выше другихъ народовъ древняго Востока, насколько они превосходили ихъ и по части научныхъ свѣдѣній, техническихъ искусствъ и промышленности. Женщина напр. не только не была у нихъ въ безусловномъ рабствѣ, какъ на всемъ азіатскомъ Востокѣ, но пользовалась значительной свободой и нѣкоторыми гражданскими правами; нерѣдки даже случаи, когда она появляется на престолѣ фараоновъ въ качествѣ самостоятельной повелительницы страны. Въ семейной жизни строго соблюдалась нравственность, требовавшаяся опредѣленными предписаніями религіи, и царила моногамія, нарушеніе которой представляло лишь явленіе исключительное и нечастое. Трудъ уважался выше всего, и каждому вмѣнялось въ обязанность доносить правительству, какими способами снискиваетъ онъ себѣ пропитаніе. Все это, быть можетъ, послужило поводомъ къ извѣстной выдумкѣ

грековъ о судѣ надъ умершими, въ силу котораго будто бы въ Египтѣ людямъ порочнымъ отказывали въ почестяхъ погребенія. Впрочемъ въ ужасахъ войны и въ безчеловѣчномъ обращеніи съ побѣжденными египтяне нисколько не уступали другимъ восточнымъ варварамъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ барельефы, сохранившіеся на стѣнахъ ихъ древнихъ дворцовъ и храмовъ.

е) Культурныя сношенія Египта съ другими народами древности.

Къ сожалѣнію столь древняя и столь богато развившаяся цивилизація долго оставалась заключенною въ предѣлахъ одной нильской долины и туго проникала въ окрестныя страны. [Причиною этого была прославленная національная нетерпимость египтянъ, ихъ непобѣдимое отвращеніе къ иностранцамъ, съ которыми они рѣдко и неохотно входили въ какія бы то ни было сношенія,— тѣмъ болѣе, что первоначально въ этихъ сношеніяхъ нисколько и не нуждались: обильный край ихъ доставлялъ все, что необходимо для удовлетворенія насущныхъ жизненныхъ потребностей, и слѣдовательно имъ не зачѣмъ было покидать страну и подобно финикіянамъ искать счастья за моремъ. Болѣе или менѣе оживленная торговля Египта съ Переднею Азіею возникла лишь въ сравнительно довольно позднюю пору,—не раньше временъ Тутмеса III, завоевательные походы котораго открыли египтянамъ путь въ Сирію и познакомили ихъ съ утонченностью быта азіатскихъ культурныхъ народовъ. Съ этихъ только поръ въ предѣлахъ нильской долины начинаютъ появляться арабскіе и финикійскіе промышленники, снабжающіе ея обитателей янтаремъ, оловомъ, виномъ, невольниками, ливанскимъ лѣсомъ, оливою, а отъ нихъ въ обмѣнъ получающіе оружіе, льняныя и шерстяныя ткани (между прочимъ знаменитый въ древности виссонъ), лѣкарственные составы, папирусъ и т. п. Однако вплоть до VII стол. до Р. Х., — другими словами вплоть до воцаренія Псамметиха I,—доступными для иноземцевъ оставались далеко не всѣ, а лишь немногіе пограничные пункты страны, и только при фараонахъ двадцать шестой династіи наплыву чуждыхъ элементовъ въ Египетъ открывается полный просторъ [1])].

---

[1]) Для ознакомленія съ внутреннею (культурною) исторіею Египта можно рекомендовать на русскомъ языкѣ Масперо „Чтенія по исторіи Востока“. Спб. 1895. Въ частности по вопросу о египетскомъ искусствѣ главное пособіе—Perrot et Chipiez Histoire de l'art dans l'antiquité. I. L'Egypte (Paris, 1882); то-же сочиненіе существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ Pietschmann'a (Gesch. der Kunst im Alterthum, I, 1882). П. Парп Древняя скульптура. Перев. съ франц. Спб. 1889. G. Cougny L'art antique. 2 vols. Paris. 1802 (есть русск. перев.). *Ред.*

B. Семиты.

1) Халдеи и ассирійцы.

Исторія древнихъ культурныхъ народовъ Месопотаміи стала намъ ближе извѣстна лишь съ того времени, какъ найденъ былъ ключъ къ чтенію клинообразныхъ надписей. Подобно египетскимъ гіероглифамъ эти загадочныя письмена давно уже привлекали къ себѣ вниманіе ученаго міра, но всѣ попытки овладѣть ихъ тайною долго оставались безуспѣшными. Впервые заинтересовался ими итальянецъ Піетро делла-Валле, посѣтившій въ началѣ XVI столѣтія развалины Персеполя и въ своихъ путевыхъ запискахъ познакомившій европейцевъ съ нѣкоторыми образцами клинописи. Послѣ него въ XVII вѣкѣ путешественники Флауеръ (Flower), Шарденъ и Кемпферъ, а въ XVIII-мъ—де-Брюйнъ (de Bruin) и Карстенъ Нибуръ опубликовали рядъ новыхъ клинописныхъ текстовъ, которые съ этихъ поръ и стали предметомъ настойчиваго, научнаго изслѣдованія. Уже самъ Нибуръ (1765) замѣтилъ, что есть, повидимому, три различныя системы клинообразнаго письма и что простѣйшая изъ нихъ можетъ быть сведена къ 42 основнымъ, какъ бы буквеннымъ знакамъ. Это наблюденіе вскорѣ подтвердилось трудами Тиксена (Tychsen) и Мюнтера (1800 г.), которые сверхъ того показали, что въ расположеніи текстовъ разнаго начертанія на клинописныхъ памятникахъ соблюдается извѣстный порядокъ, что надписи простѣйшаго типа всегда стоятъ впереди другихъ и что среди разнообразныхъ сочетаній буквенныхъ знаковъ есть группы, значеніе которыхъ можетъ быть съ большою вѣроятностью угадано. Высказаны были также и другія предположенія. Можно было напр. догадываться, что, при разноплеменности населенія персидской монархіи надписи были разноязычны, а потому различны и по начертанію, и что впереди другихъ помѣщались, вѣроятно, тѣ изъ нихъ, которыя были написаны на языкѣ господствующаго народа, т.-е. древне-персидскомъ. Эти выводы уже нѣсколько приближали къ рѣшенію задачи, и они-то и послужили исходною точкою для нѣмецкаго ученаго Гротефенда, которому наконецъ и удалось путемъ различныхъ остроумныхъ комбинацій въ 1802 г. установить для клинописи персидскихъ текстовъ алфавитъ, впослѣдствіи окончательно разработанный Бюрнуфомъ и Лассеномъ (1836 г.). Почти въ то же время совершенно самостоятельно пришелъ къ этому открытію и англичанинъ Генри Роллинсонъ, нашедшій и разобравшій длинную надпись Дарія на скалѣ въ Бегистунѣ. Работы Опперта, Шпигеля и др. довершили дѣло, и уже въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія чтеніе древне-персидскихъ клинописныхъ текстовъ стало не труднѣе, чѣмъ чтеніе любой древне-греческой надписи. Что же касается остальныхъ двухъ видовъ клинообразнаго письма, то они все еще продолжали оставаться неразрѣшимою загадкою, пока наконецъ археологическими розысканіями на мѣстѣ древнихъ городовъ тигро-евфратской равнины не былъ пролитъ яркій свѣтъ и на эту темную область.

Первымъ, кто обратилъ вниманіе на богатый археологическій матеріалъ, таившійся въ курганахъ Месопотаміи, былъ французъ Бошанъ (Beauchamps), прославившій съ береговъ Евфрата въ 1785 г. въ Парижъ нѣсколько испещренныхъ клинописными знаками кирпичей и своими описаніями вавилонскихъ руинъ сумѣвшій возбудить въ европейскомъ обществѣ столь живой интересъ, что именно

съ его времени и начинается рядъ болѣе или менѣе серьезныхъ попытокъ раскопать эти курганы. Уже въ 1797 г. ость-индская компанія дала порученіе своему резиденту въ Бассорѣ собрать на мѣстѣ древняго Вавилона побольше такихъ исписанныхъ кирпичей и прислать ихъ въ Лондонъ. Вскорѣ затѣмъ ея резидентъ въ Багдадѣ Джемсъ Ричъ предпринялъ раскопки въ Гиллахѣ, Борсиппѣ и Мосулѣ. Девять лѣтъ (1811—1820) посвятилъ онъ этому дѣлу, и, хотя результаты этихъ первыхъ систематическихъ раскопокъ отчасти по недостатку средствъ, отчасти вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія враждебныхъ и невѣжественныхъ туземцевъ далеко не отвѣчали его ожиданіямъ, тѣмъ не менѣе и они все же были весьма цѣнны для науки. Ричъ вѣрно угадалъ мѣстонахожденіе Вавилона и Ниневіи, онъ впервые сдѣлалъ точное топографическое описаніе важнѣйшихъ кургановъ, имъ были найдены и изданы нѣкоторыя новыя надписи и установлено основное значеніе клинописи для древнѣйшихъ эпохъ ассиро-вавилонской культуры, наконецъ имъ же положено начало и богатѣйшему отдѣлу халдео-ассирійскихъ древностей въ британскомъ музеѣ, въ основаніе котораго легла добытая имъ коллекція (Rich „Narrative of a journey to the site of Babylon in 1811“. London. 1839; его-же „Memoir on the ruins of Babylon“. 3-d ed. Lond. 1818; его-же „Second memoir on Babylon“. Lond. 1818). Дѣло Рича продолжалъ спустя около двадцати лѣтъ Боттà, французскій вице-консулъ въ Мосулѣ. Въ 1842 г. ему удалось открыть въ кучахъ мусору и наноснаго песку близъ Хорсабада остатки дворца ассирійскаго царя Саргона. Вслѣдъ затѣмъ англичанинъ Лейардъ, раскопавшій на частныя средства лорда Стретфорда Каннинга такъ назыв. „Нимрудовъ курганъ“ на мѣстѣ древняго Калаха, нашелъ еще три дворца и въ нихъ множество надписей и разнообразныхъ произведеній ассирійскаго искусства. Поощренный этою удачею онъ успѣлъ организовать вскорѣ вторую экспедицію (1849—1851), избравъ на сей разъ мѣстомъ своихъ разслѣдованій Куюнджикъ, гдѣ уже до него работалъ Ботта, но безуспѣшно, и гдѣ Лейярду посчастливилось опять откопать два колоссальныхъ дворца, которые оказались дворцами ассирійскихъ царей Сеннахериба и Ассурбанипала. Не было сомнѣнія, что великолѣпныя сооруженія эти представляли собою остатки древней Ниневіи. Но помимо громаднаго историческаго значенія этой находки научная цѣнность ея увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во второмъ изъ названныхъ дворцовъ уцѣлѣла царская библіотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ исписанныхъ кирпичей и содержавшая въ себѣ между прочимъ азбуки (собств. „силлабаріи“), грамматики и словари сумиро-аккадскаго и ассирійскаго языковъ. Такимъ образомъ найденъ былъ ключъ къ наиболѣе загадочнымъ изъ клинописныхъ текстовъ, едва только начинавшимъ около этого времени уступать геніальной прозорливости „отца ассиріологіи“ Генри Роднисона и ирландскаго ученаго Гинкса. Понемногу стало выясняться, что подъ оболочкой клинописи скрывалось нѣсколько различныхъ языковъ и говоровъ Передней Азіи, что древнѣйшій изъ нихъ,—языкъ сумиро-аккадскій,—принадлежалъ къ языкамъ агглутинирующаго типа, т.-е. по всей вѣроятности къ туранской или урало-алтайской отрасли, что впослѣдствіи отъ сумировъ ихъ письмо перешло къ ассирійцамъ, которые говорили на языкѣ, весьма близкомъ къ древне-еврейскому и арамейскому, а, стало быть, принадлежали къ семитическому племени, что, благодаря ассирійцамъ, клинопись вошла въ употребленіе и у ихъ сосѣдей—эламитянъ, армянъ и каппадокійцевъ, а наконецъ,—уже въ значительно измѣненномъ и упрощенномъ видѣ,—была заимствована и ихъ покорителями, персами. Ассиріологія развѣтвилась, изъ нея выдѣлилась новая дисциплина — „сумирологія“, и искусство чтенія клинописныхъ

текстовъ стало быстро совершенствоваться. Норрисъ, Смитъ, Сейсъ (Sayce), Пинчесъ—въ Англіи, Оппертъ, де-Сольси, Фр. Ленорманъ—во Франціи, Шрадеръ, его ученикъ Деличъ и ученики Делича П. Гауптъ, Лотцъ и др.—въ Германіи скоро настолько подвинули это дѣло впередъ, что ассиріологія по важности и надежности достигнутыхъ ею результатовъ стала соперничать съ египтологіей. Появились обширные сборники текстовъ, возникли спеціальные журналы (въ настоящее время ихъ больше десяти), создались новыя университетскія каѳедры, были написаны грамматики, составлены словари и т. д. А между тѣмъ продолжались раскопки въ области древнихъ городовъ Месопотаміи, не переставшія обогащать науку новымъ важнымъ матеріаломъ. Особенно замѣтный слѣдъ въ исторіи ассиріологіи оставили пятидесятые годы. Вслѣдъ за Лейардомъ на поприщѣ археологическаго изученія Востока выступилъ знаменитый Ормуздъ Рассамъ, а Ботта нашелъ достойнаго преемника въ лицѣ Виктора Пласа (Place). Оба они по примѣру своихъ предшественниковъ сосредоточили свое вниманіе на мѣстѣ древней Ассиріи, тогда какъ Лофтусъ и Тейлоръ обратились на югъ, къ низовьямъ Тигра и Евфрата, и стали рыться въ нетронутой еще почвѣ древнихъ городовъ Эреха (н. Варка), Ура (н. Мугейръ) и Ларсы (н. Сенкере, библ. Элассаръ). Интересъ къ древностямъ той страны, которая искони слыла колыбелью человѣческаго рода, подъ вліяніемъ поразительныхъ открытій Лейарда въ это время настолько окрѣпъ и возросъ, что въ Англіи составилась даже компанія подъ названіемъ „Фондъ для производства раскопокъ въ Ассиріи“ (The Assyrian Excavation Fund)—съ спеціальною цѣлью поддерживать такого рода изысканія. Французы также не отставали отъ англичанъ. Въ 1851 г. французское правительство снарядило на востокъ ученую экспедицію, ассигновавъ на это 70 т. франковъ. Во главѣ экспедиціи стояли Френель и Оппертъ, а полемъ ея дѣйствій была область древняго Вавилона (н. Борсиппа и Бирсъ-Нимрудъ). Но это предпріятіе, занявшее около четырехъ лѣтъ, было послѣднимъ. Крымская война надолго отвлекла вниманіе обѣихъ націй отъ Месопотаміи, и въ серіи работъ, посвященныхъ археологическому разслѣдованію тигро-евфратской равнины, наступилъ перерывъ. Онъ тянется вплоть до начала семидесятыхъ годовъ,—до того времени, когда талантливый англійскій ассиріологъ Джорджъ Смитъ вновь появляется съ заступомъ и ломомъ среди ниневійскихъ развалинъ и начинаетъ перерывать мусоръ куюнджикскихъ кургановъ, ища среди нихъ новыхъ памятниковъ клинописной литературы. Эти поиски увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ: ему удается открыть величайшее произведеніе древне-халдейской письменности,—знаменитую поэму объ Издубарѣ, которую онъ самъ и издалъ подъ названіемъ „халдейской книги Бытія“ („The chaldean Account of Genesis“ 2 ed. Lond. 1881; есть нѣмецкій переводъ Делича). За первою археологическою поѣздкою Смита на Востокъ послѣдовала вторая, предпринятая имъ на средства одной англійской газеты (Daily Telegraph), сумѣвшей заинтересовать этимъ дѣломъ своихъ читателей, а скоро потомъ и третья, окончившаяся, къ несчастью, смертью талантливаго изслѣдователя. Но продолжателемъ его изысканій явился старый сотрудникъ Лейарда Рассамъ. Съ 1877 по 1881 гг. онъ копалъ въ разныхъ мѣстахъ Месопотамской низменности и всегда очень счастливо. Между прочимъ онъ нашелъ нѣсколько новыхъ дворцовъ и храмовъ, остатки гидравлическихъ сооруженій, служившихъ для орошенія знаменитыхъ „висячихъ садовъ“, свыше 1400 глиняныхъ табличекъ изъ ассурбанипаловой библіотеки, цѣлый лабиринтъ разнородныхъ зданій и колоссальныя бронзовыя ворота на мѣстѣ древняго Имгурбела (Балаватскій курганъ) и мн. др. Не менѣе плодотворны были раскопки

французскаго консула въ Бассорѣ Э. де-Сарзека, которому посчастливилось въ 1881 г. близъ Телло (Telloh), въ Вавилоніи, гдѣ когда-то стоялъ городъ Лагашъ, открыть слѣды древней сумирской культуры. Его находки,—діоритовыя статуи лагашскаго правителя Гудеа, испещренныя надписями, древнѣйшими изъ всѣхъ, какія когда-либо были найдены,—составили эпоху въ ассиріологіи. Вскорѣ затѣмъ на средства американской компаніи „Mesopotamia Exploration Fund“ („Фондъ для разслѣдованія Месопотаміи“) подъ руководствомъ профессоровъ пельсильванскаго университета Гильпрехта и Питерса началась разработка кургановъ древняго Ниппура (н. Нифферъ), гдѣ изслѣдователи наткнулись на культурный слой, восходящій далеко за предѣлы четвертаго тысячелѣтія до Р. Х., а въ то же время „нѣмецкое общество оріенталистовъ“ предприняло обширныя раскопки въ самомъ Вавилонѣ. Вѣнцомъ же всѣхъ этимъ успѣховъ была находка де-Моргана, который съ 1897 г. стоялъ во главѣ французской археологической миссіи, избравшей поприщемъ для своихъ изысканій область древней Персіи, и здѣсь при раскопкахъ въ Сузахъ въ январѣ 1902 г. откопалъ діоритовую колонну съ надписью, заключавшею въ себѣ, какъ оказалось, кодексъ вавилонскаго царя Хаммураби. Это—древнѣйшій законодательный памятникъ міра: онъ по крайней мѣрѣ столѣтій на пять древнѣе моисеева закона, не говоря уже о книгѣ Ману, о Заратуштрѣ, Буддѣ, Кон-фу-цзы, гортинскихъ законахъ и Солонѣ.

Выходитъ такимъ образомъ, что главнымъ и непосредственнымъ источникомъ для исторіи халдеевъ и ассирійцевъ служатъ данныя клинописи. Клинописный матеріалъ богатъ и разнообразенъ. Прежде всего онъ распадается на двѣ большія группы памятниковъ, изъ которыхъ одна относится къ исторіи Халдеи, другая—къ исторіи Ассиріи. Памятники той и другой категоріи по своему характеру рѣзко отличаются другъ отъ друга: вавилонскія надписи свидѣтельствуютъ по большей части о мирной дѣятельности своихъ царей, тогда какъ надписи воинственныхъ ассирійскихъ властителей чаще всего рисуютъ передъ нами картину ихъ военныхъ предпріятій и подвиговъ. Важнѣйшими источниками для исторіи халдейскаго царства являются: 1) полный списокъ вавилонскихъ царей двухъ первыхъ династій и фрагменты другихъ подобныхъ списковъ, 2) царскія хроники, въ томъ числѣ хроника послѣдняго вавилонскаго царя Набонида, 3) дипломатическая переписка царей вавилонскихъ и египетскихъ, найденная въ Тель-эль-Амарнѣ, 4) надписи сумирской эпохи, 5) кодексъ царя Хаммураби, 6) многочисленные документы изъ храмовыхъ, дворцовыхъ и частныхъ архивовъ, купчія крѣпости, завѣщанія, договоры и проч. Источниками для ассирійской исторіи служатъ: 1) царскія надписи, между которыми слѣдуетъ различать хроники отдѣльныхъ царствованій (анналы), военныя реляціи и панегирики, прославляющіе величіе царей и ихъ подвиги, 2) такъ назыв. канонъ эпонимовъ, т.-е. списокъ высшихъ должностныхъ лицъ и правителей отдѣльныхъ ассирійскихъ провинцій, именами которыхъ датировались въ Ассиріи юридическіе акты, 3) „синхронистическая таблица“, заключающая въ себѣ исторію взаимныхъ отношеній между Вавилономъ и Ассиріей, и 4) разнаго рода архивный матеріалъ, какъ то: служебныя донесенія царскихъ намѣстниковъ и военачальниковъ, договоры, списки даней и податей и т. п. Клинописные тексты эти собраны частью въ изданіи британскаго музея „The cuneiform inscriptions of Western Asia“ (основ. Роллинсономъ въ 1864 г.), частью въ „Ассиріологической библіотекѣ“ Делича и Гаупта (съ переводомъ на нѣм. яз.), въ „Клинописной библіотекѣ“ Шрадера (также) и др.: кодексъ царя Хаммураби, впервые изданный Scheil'емъ (Délégation en Perse. Mémoires. IV. P. 1902), имѣется уже въ нѣсколькихъ переводахъ, напр. Winkler Die

Gesetze Hammurabis Königs von Babylon um 2250 v. Chr. Das älteste Gesetzbuch der Welt (Lpz. 1902); D. H. Müller Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältniss zur mosaischen Gesetzgebung sowie zu den XII Tafeln (Wien. 1903) и др. Второе мѣсто послѣ клинообразныхъ надписей въ числѣ источниковъ для исторіи ассиро-вавилонской державы занимаютъ свидѣтельства Библіи и греческихъ писателей,—Геродота, Ктезія (фрагменты) и въ особенности вавилонскаго жреца Береза, написавшаго при Селевкидахъ по-гречески исторію своего отечества (въ трехъ книгахъ). Имъ пользовались позднѣйшіе авторы, между прочимъ Аполлодоръ, Атеней, Іосифъ Флавій и Евсевій (въ хроникѣ),—быть можетъ, также Абиденъ, который впрочемъ располагалъ помимо Береза и еще какимъ-то другимъ источникомъ. Отрывки изъ сочиненія Береза изданы К. Мюллеромъ (Fregmenta historicorum graecorum. II).

Исторію разработки клинописныхъ текстовъ можно найти у Гоммеля въ его „Geschichte Babyloniens und Assyriens“ (сборн. Онкена, т. 95 и 117); въ популярномъ изложеніи—у Бецольда „Ueber Keilinschriften“ (Sammlung gemeinverst. wiss. Vortr. 1883. Heft 425) и „Fortschritte der Keilschriftforschung in neuester Zeit“ (тамъ же, 1889, Heft 65). Короткій, но тщательно составленный,—хотя теперь уже устарѣлый,—обзоръ всѣхъ результатовъ, къ которымъ привели изысканія ассиріологовъ, даетъ Мюрдтеръ (Mürdter): „Gesch. Babyloniens und Assyriens“ (mit Beigaben von Delitsch); Stuttgart. 1882. Новѣйшія открытія приняты также во вниманіе и у Дункера, Масперо, Э. Мейера и Ленормана (въ 9 изданіи, вышедшемъ подъ редакціею и съ дополненіями Бабелона) въ ихъ общихъ сочиненіяхъ по исторіи Востока [1]). Изъ сочиненій, спеціально посвященныхъ Халдеѣ и Ассиріи, слѣдуетъ указать: Tiele Babylonisch-assyrische Geschichte (въ сборн. Пертеса); Gotha, 1886—88; Kaulen Assyrien und Babylonien nach den neuesten Entdeckungen. 4-te Ausg. Freiburg, 1891; Winckler Geschichte Babyloniens und Assyriens. Leipz. 1892. Что же касается русской литературы, то первое мѣсто въ ней по этому вопросу занимаютъ компилятивные, но живо и увлекательно составленные труды г-жи Рагозиной „Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи“ (2 изд. Спб. 1903) и „Исторія Ассиріи отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи“ (Спб. 1902); обѣ книги снабжены множествомъ иллюстрацій. Можно указать еще на книжку проф. Н. Астафьева „Вавилоно-ассирійскія древности по новѣйшимъ открытіямъ“ (Спб. 1882) и статью А. Лопухина „Вавилонія“ въ Энцикл. словарѣ Брокгауза и Ефрона, а изъ переводныхъ сочиненій—Масперо „Историческія чтенія“, Сейса „Ассиро-вавилонская литература“ (Спб. 1879), Эд. Мейера „Исторія ассиро-вавилонской литературы“ (въ сборн. Корша), Винклера „Зап. Азія въ древнія времена“ (Гельмольтъ Ист. челов. т. III). Есть кромѣ того нѣсколько журнальныхъ статей: Ваттенбахъ „Ниневія и Вавилонъ“ (Русск. Вѣстн. 1871, февраль); Никольскій „Очерки халдейской культуры“ (Р. В. 1879, ноябрь); его-же „Саргонъ, царь ассирійскій“ (Р. В. 1881, іюнь); Астафьевъ „Вавилоно-ассирійскія клинообразныя надписи“ (Ж. М. Н. Пр. 1876, XII); его-же „Лѣтописи ассирійскихъ царей“ (Ж. М. Н. Пр. 1879, VI и 1880, I). *Ред.*

Древность халдейской культуры.

Какъ въ Африкѣ Египетъ, такъ въ Азіи плодовитая равнина на нижнемъ Евфратѣ и Тигрѣ была мѣстомъ, гдѣ возникло древнѣйшее государство и развилась самая ранняя куль-

[1]) Эти общія сочиненія разумѣются каждый разъ сами собою, а потому впередъ ссылки на нихъ дѣлаться не будутъ. *Ред.*

тура этой части свѣта, ибо начало халдейскаго царства, средоточіемъ котораго былъ Вавилонъ, можетъ быть, только нѣсколькими вѣками позже появленія гражданскихъ обществъ на Нилѣ, т.-е. восходитъ по крайней мѣрѣ за четыре тысячелѣтія до Р. Х.[1]).

Мѣстныя условія тигро-евфратской равнины.

Причина такого ранняго культурнаго развитія и тутъ заключалась главнымъ образомъ въ мѣстныхъ условіяхъ,—центральномъ положеніи края среди земель исторической Азіи, легкости морскихъ и рѣчныхъ сообщеній съ ними и плодородной почвѣ, вызывающей человѣка на труды, а стало быть—и на умственную дѣятельность. Во всемъ этомъ Вавилонія была сходна съ Египтомъ,—тѣмъ болѣе, что и Евфратъ подобно Нилу разливается ежегодно и своими отложеніями удобряетъ поля. Но была между этими двумя странами и огромная разница въ географическомъ отношеніи: сколько Египетъ защищенъ сопредѣльными пустынями и морями, столько же напротивъ тигро-евфратская равнина открыта со всѣхъ сторонъ.

Этнографія этой страны.

Оттого на земляхъ этихъ столпилось самое смѣшанное народонаселеніе, образовавшееся изъ цѣлаго ряда разноплеменныхъ

---

[1]) Вавилоно-ассирійская хронологія можетъ быть установлена на болѣе солидныхъ основаніяхъ только съ начала IX вѣка до Р. Х.; источниками хронологическихъ опредѣленій для этой эпохи служатъ упомянутые выше списки высшихъ ассирійскихъ чиновниковъ-эпонимовъ (limmi), обнимающіе періодъ времени отъ 893 до 666 г. до Р. Х., затѣмъ такъ назыв. „птолемеевъ канонъ“, т.-е. приложенный къ астрономическому трактату Птолемея списокъ туземныхъ и персидскихъ царей Вавилоніи, начиная съ Набонассара (747 до Р. Х.) и кончая діадохами,—наконецъ астрономическія вычисленія новѣйшихъ ученыхъ. Но, чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ неопредѣленнѣе и гадательнѣе становятся даты. „Синхронистическая таблица“ даетъ указанія лишь для эпохи ассирійскаго владычества, начиная отъ временъ Рамман-нирари I. Надписи царя Ассурбанипала (645 г. до Р. Х.) сообщаютъ дату осады и взятія вавилонскаго города Урука эламскимъ царемъ Кудур-нанхунди (2280 г. до Р. Х.). Другая дата для сумирской эпохи выводится изъ надписи послѣдняго вавилонскаго царя Набонида: эта надпись сообщаетъ о возстановленіи въ 550 г. храма солнца въ Сиппарѣ, построеннаго при Нарам-синѣ, сынѣ Саргона старшаго, за 3200 лѣтъ до Набонида,—слѣдовательно въ 3750 г. до Р. Х. Но возникаетъ вопросъ,—насколько надежны эти указанія позднѣйшихъ надписей? Недавно Леманъ (Lehmann) обратилъ вниманіе на возможность ошибки въ разсчетѣ даты Саргона на цѣлое тысячелѣтіе („Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie“. Leipz. 1898). Съ другой стороны открытія де-Сарзека, Гильпрехта и др. позволяютъ, повидимому, отодвигать начало сумирской культуры далеко за предѣлы четвертаго тысячелѣтія до Р. Х. Это подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, судя по надписямъ, городъ Уръ, который теперь отстоитъ на 160 миль отъ морского берега, нѣкогда былъ приморскимъ городомъ, что по приблизительно вѣрному разсчету времени, необходимаго для образованія у устья Евфрата и Тигра наносной толщи въ 160 миль, могло быть не раньше, какъ за 7500 лѣтъ до Р. Х. Во всякомъ случаѣ, если мы даже и не станемъ на сторону тѣхъ ученыхъ, которые, подобно Гоммелю, за культурою тигро-евфратской равнины склонны признать болѣе глубокую древность, нежели за египетскою, то все же должны допустить, что она лишь немногимъ моложе послѣдней. *Ред.*

колонизацій и чужеземныхъ завоеваній, на что указываетъ и относящееся къ этимъ мѣстамъ библейское сказаніе о столпотвореніи вавилонскомъ и происшедшемъ отсюда смѣшеніи языковъ.

[Въ числѣ различныхъ этническихъ элементовъ, столкнувшихся въ этой странѣ (библ. Сеннааръ), слѣдуетъ различать два древнѣйшіе слоя,—кушитскій и такъ называемый туранскій или чудско-алтайскій, представлявшій собою какую-то вѣтвь монгольской расы. Кушиты нѣкогда занимали всю Переднюю Азію и въ области Междурѣчья положили первыя основанія цивилизаціи, въ общихъ чертахъ своихъ сходной съ египетскою, которая подобно ей была также произведеніемъ хамитскаго генія. Будучи впослѣдствіи вытѣснены отсюда другими племенами, которымъ уступили и свое мѣсто, и свою культурно-историческую роль, и, можетъ быть, даже свое имя,—Kashdu или Kaldu, откуда возникло еврейское Kasdim и греческое Χαλδαῖοι (халдеи), — они повидимому успѣли все-таки удержаться въ долинѣ рѣкъ Хоаспа и Эвлая, въ странѣ Эламъ (Сузіана), гдѣ стали извѣстны и грекамъ подъ именемъ коссеевъ и киссіевъ. Что-же касается до монгольской расы, то, какъ принято думать, ея представителями въ Месопотаміи были сумиры и аккады. Первые расположились въ нижней части равнины, у устьевъ двухъ великихъ рѣкъ, ее орошающихъ,—съ главнымъ городомъ Уръ на Евфратѣ; вторые—къ сѣверу отъ нихъ, со столицею Аккадъ (повыше Вавилона). И тѣ, и другіе оставили слѣды своего существованія въ писанныхъ памятникахъ, представляющихъ древнѣйшіе образчики клинописи, и въ искусствѣ, отъ котораго уцѣлѣли, правда, чрезвычайно скудные остатки. Эта смѣшанная довольно высокая и самобытная культура легла въ основаніе древняго царства халдеевъ, а затѣмъ сообщилась и семитамъ, смѣнившимъ господство монгольской расы въ Междурѣчьѣ и отчасти смѣшавшимся съ нею. Подкрѣпляемые все большимъ и большимъ наплывомъ единоплеменниковъ семиты прочно водворились въ тигро-евфратской равнинѣ и въ сѣверной ея части, по лѣвому берегу Тигра, основали ассирійское царство, названное такъ по имени столицы своей Ассура. Отсюда, изъ этого центра, они распространили впослѣдствіи свое владычество на всю Переднюю Азію и занимали въ ней первенствующее положеніе вплоть до VII стол. до Р. Х., когда были въ свою очередь смѣщены народами іафетической или арійской отрасли—мидянами и персами[1]).

[1]) Этнографія тигро-евфратской долины во многихъ пунктахъ представляетъ неразрѣшимую загадку. Начать съ того, что есть изслѣдователи, вовсе не при-

Исторія древняго халдейскаго царства.

Древнѣйшія времена халдейской исторіи окутаны непроницаемымъ миѳическимъ туманомъ. Въ сочиненіи Бероза она открывается рядомъ послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга героевъ-правителей божественнаго происхожденія, царствующихъ въ странѣ ровно 432000 лѣтъ. При послѣднемъ изъ нихъ (Ксисутрѣ, по надписямъ—Хасисадрѣ) произошелъ всемірный потопъ, обстоятельства котораго и у Бероза, и въ болѣе подробномъ изложеніи надписей разсказаны въ общемъ такъ же, какъ о томъ повѣствуетъ и Библія, а послѣ потопа на халдейскомъ престолѣ воцаряется туземная династія, выставившая 86 представителей. Къ ихъ числу принадлежитъ, во-первыхъ, знаменитый Нимродъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ священныхъ книгахъ евреевъ и живетъ еще и понынѣ въ названіяхъ колоссальныхъ руинъ, наполняющихъ верхнюю и нижнюю Халдею;

знающіе кушитскаго слоя въ древнѣйшемъ населеніи этой страны и говорящіе намъ объ однихъ только туранскихъ (монгольскихъ) элементахъ; есть наоборотъ другіе, не желающіе ничего знать объ этихъ послѣднихъ и отрицающіе совершенно туранское происхожденіе сумировъ и аккадовъ (Haupt, Halévy, Babelon). Главнымъ поборникомъ теоріи туранизма былъ Ленорманъ, который въ своемъ сочиненіи „La magie chez les Chaldéens et les origines accadiennes“ (Paris. 1874) пытался доказать, что религія тѣхъ народовъ, которые впослѣдствіи были вытѣснены изъ Месопотаміи семитами, представляла культъ духовъ (демоновъ), весьма близкій къ шаманизму алтайскихъ племенъ. Въ сущности до сихъ поръ съ увѣренностью можно сказать лишь одно, именно, что семитической колонизаціи въ Месопотаміи несомнѣнно предшествовало какое-то несемитическое населеніе; но было ли это населеніе однородно или разноплеменно и, если разноплеменно, то изъ какихъ именно этническихъ элементовъ слагалось,—о томъ скажетъ будущее, когда точнѣе будетъ изслѣдованъ языкъ досемитическихъ надписей, а пока въ этомъ отношеніи констатировано только діалектическое различіе сумирскихъ и аккадскихъ текстовъ,—да и то лишь въ недавнее время (Haupt, Sumer. Familiengesetze, 1879). Что касается вопроса о происхожденіи халдеевъ, то и здѣсь изслѣдователь наталкивается на серьезныя трудности. Въ клинообразной литературѣ упоминаніе о халдеяхъ впервые встрѣчается только на ассирійскихъ надписяхъ IX вѣка до Х. Р. Имя Kashdu или Kaldu употребляется здѣсь для обозначенія жителей страны къ югу отъ Вавилона, языкъ которыхъ въ то время былъ уже идентиченъ съ ассирійскимъ и слѣдовательно принадлежалъ къ семитической отрасли. Съ этимъ согласно и свидѣтельство Библіи, повѣствующей, что Авраамъ,—предокъ евреевъ и, стало быть, семитъ,—пришелъ въ Ханаанъ изъ Ура халдейскаго (находившагося на западномъ берегу Евфрата, южнѣе Вавилона). Но спрашивается, откуда пришли семиты въ Месопотамію и было ли имя „халдеевъ“ принесено ими съ собою, или же перешло на нихъ съ древнихъ обитателей занятой ими страны? Шпренгеръ (Die alte Georg. Arabiens als Grundlage der Entwickelungsgeschichte des Semitismus, 1875) и Э. Шрадеръ (Die Abstammung der Chaldäer u. die Ursitze der Semiten, Z. d. D. M. G. XXVII) полагаютъ, что первобытнымъ ихъ сѣдалищемъ была Аравія; Кремеръ, Гоммель (Hommel Die semitischen Völker und Sprachen. 2 Bde. Leipz. 1881—83) и др. выводятъ ихъ изъ центральной Азіи, гдѣ они будто бы обитали вмѣстѣ съ предками аріевъ; многіе (между прочимъ Hehn, авторъ сочиненія „Culturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien“, переведеннаго и на русскій языкъ) считаютъ ихъ родиною Арменію и сопоставляютъ халдеевъ Месопотаміи съ упоминаемыми у Страбона халибами и нынѣшними курдами. *Ред.*

затѣмъ сюда же относится Саргонъ (Сарру-кинъ), первый историческій царь Аккада, оставившій намъ свою автобіографію,— далѣе Ур-гуръ, положившій начало урской династіи, и сынъ его Дунги, отъ которыхъ уцѣлѣли нѣкоторые памятники (развалины выстроенныхъ ими храмовъ, террасовидная пирамида изъ кирпича и кирпичныя же печати цилиндрической формы съ клинообразными надписями), наконецъ многіе другіе, не завѣщавшіе потомству ничего кромѣ своихъ именъ.

Годы правленія этой первой халдейской династіи невозможно опредѣлить даже приблизительно; Берозъ же отводитъ ей огромный періодъ времени въ 34000 лѣтъ, въ концѣ котораго вся занятая халдеями страна подверглась будто бы вторженію маровъ или мидянъ. Это арійское племя завоевало Месопотамію, свергло туземныхъ правителей и властвовало въ странѣ болѣе двухсотъ лѣтъ, присоединивъ къ населенію, и безъ того смѣшанному, еще одинъ новый элементъ. Однако отъ мидійскихъ царей до насъ не дошло ни памятниковъ, ни царскихъ именъ, а потому и самое завоеваніе это, о которомъ свидѣтельствуютъ одни лишь фрагменты Береза, большинствомъ ученыхъ изслѣдователей отвергается. По всей вѣроятности, подъ именемъ маровъ слѣдуетъ разумѣть не аріевъ, а воинственныхъ эламитовъ, утвердившихся въ Междурѣчьѣ около 2300 лѣтъ до Р. Х. Основатель эламской династіи въ Халдеѣ Кудуръ-Мабукъ овладѣлъ халдейскимъ городомъ Ларсою и провозгласилъ себя „царемъ Сумира и Аккада“. Преемники его не разъ совершали опустошительные набѣги на сосѣднюю Сирію и, быть можетъ, доходили и до Египта; по крайней мѣрѣ хронологія позволяетъ поставить нашествіе гиксовъ въ нѣкоторую связь съ тѣмъ общимъ броженіемъ, въ которое пришли ханаанскія и аравійскія племена подъ напоромъ эламитовъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ эламскихъ царей Кудуръ-Лагамаръ (библ. Кедоръ-Лаомеръ) между прочимъ упоминается и въ Библіи, какъ современникъ и врагъ Авраама, нанесшаго ему пораженіе въ то время, когда предпріимчивый государь этотъ возвращался изъ своего завоевательнаго похода противъ городовъ южной Сиріи. Вскорѣ затѣмъ могущество эламской династіи стало ослабѣвать, и въ началѣ втораго тысячелѣтія до нашей эры она смѣнилась новымъ рядомъ туземныхъ (халдейскихъ) царей. Рядъ этотъ продолжался вплоть до XVI стол. до Р. Х. и заключалъ въ себѣ до шестидесяти лицъ, изъ которыхъ должно упомянуть объ Ишми-Даганѣ, прославившемся своими монументальными сооруженіями, и вавилонскомъ царѣ Хаммураби, устроившемъ царскій каналъ для соединенія

Евфрата съ Тигромъ и для искусственнаго орошенія всей страны. Именемъ этого послѣдняго правителя означенъ поворотный пунктъ въ исторіи древней Халдеи: съ воцареніемъ Хаммураби падаетъ значеніе Ура и другихъ политическихъ центровъ въ области нижняго Евфрата, и на степень главнаго города всего края, — его столицы, подымается Вавилонъ, сообщившій свое имя и самому царству халдеевъ (Вавилонія).

Династія, главными представителями которой являются Ишми-Даганъ и Хаммураби и ко временамъ которой относится эпоха процвѣтанія древне-халдейскаго государства, въ самомъ началѣ XVI вѣка до Р. Х. снова уступаетъ мѣсто чужеплеменнымъ властителямъ. Страна на этотъ разъ, если вѣрить Берозу, дѣлается добычею арабовъ, а по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей,—коссеевъ, обитавшихъ къ сѣверо-востоку отъ Вавилоніи, которые и господствуютъ въ ней около двухъ съ половиною столѣтій,—т.-е. до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ Месопотаміи не начинаетъ возвышаться военное могущество Ассиріи.

Такова въ общихъ чертахъ древнѣйшая судьба Халдеи. Нѣсколько десятковъ царскихъ именъ открыто до настоящаго времени на памятникахъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ соединяются славныя воспоминанія,—но все же связной исторіи древне-халдейскаго царства по этимъ скуднымъ остаткамъ возстановить нельзя. Мы знаемъ только, что уже въ незапамятную пору глубокой древности весь край, подобно древнему Египту, распадался на множество небольшихъ государствъ, что средоточіями этихъ государствъ были города съ ихъ храмами, управляемые особыми династіями князей-жрецовъ (патеси), что иногда страна объединялась подъ властью послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга царей частью туземнаго, частью иноплеменнаго происхожденія, что цари эти отъ времени до времени дѣлали завоевательныя попытки, простиравшіяся впрочемъ не особенно далеко, а внутри своихъ владѣній—покровительствовали путемъ полезныхъ сооруженій мирной осѣдлой жизни. Намъ извѣстно также, что взаимное соперничество отдѣльныхъ мелкихъ государствъ и ихъ постоянная борьба другъ съ другомъ облегчила доступъ въ страну семитическимъ племенамъ, что Лагашъ (иначе Сирпурла) былъ нѣкоторое время центромъ національной обороны сумировъ противъ этого наплыва новыхъ поселенцевъ и что при Саргонѣ процессъ водворенія семитовъ въ Халдеѣ уже завершился. Ярче другихъ блеститъ сквозь туманную даль вѣковъ имя Хаммураби: отважный воинъ, дальновидный политикъ, искусный администраторъ,—онъ сумѣлъ не только окон-

чательно свергнуть эламское иго, но и сплотить сѣверъ и югъ Месопотаміи въ одну сильную державу, которой онъ далъ впервые писанные законы и правильную экономическую организацію, поднявъ производительныя силы страны при помощи искусственнаго орошенія и сосредоточивъ занятія жителей на земледѣліи.

Это въ сущности почти все, что есть достовѣрнаго въ политической исторіи древней Халдеи. За то развалины колоссальныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшія до нашихъ временъ отъ этого древнѣйшаго изъ азіатскихъ царствъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о высокой его культурѣ, просвѣтившей нѣкогда всю Переднюю Азію и черезъ финикіянъ въ значительной степени повліявшей даже на первоначальную греческую образованность. Эта культура легла въ основаніе и царства ассирійскаго.

История ассирійскаго царства.

Ассирійская исторія начинается съ извѣстныхъ сказаній о Нинѣ (основателѣ Ниневіи) и о женѣ его Семирамидѣ, которая по установившемуся преданію прославилась какъ завоеваніями, такъ и великолѣпными постройками. Но это—чистая басня, сложившаяся впослѣдствіи въ Персіи и пущенная въ ходъ Ктезіемъ, со словъ котораго записалъ ее и Діодоръ. Геродотъ о ней ничего не знаетъ, какъ не знаютъ о ней ничего и національные памятники древней Ассиріи. По нимъ начальная исторія этого края представляется теперь совсѣмъ въ иномъ видѣ.

Вмѣсто изумительно-быстраго роста ассирійской державы, втеченіе двухъ поколѣній будто бы подчинившей своему владычеству всю Месопотамію и Переднюю Азію, какъ повѣствуетъ легенда,—мы видимъ медленное и постепенное расширеніе ея предѣловъ. Ростъ этотъ начинается съ XV вѣка, когда ослабѣваетъ владычество египтянъ въ Передней Азіи, а древне-халдейское царство при пятой своей (коссейской) династіи клонится къ упадку. Около этого времени храмовые города по верхнему Тигру, искони управлявшіеся такими же князьями-жрецами, какіе когда-то княжили и въ халдейскихъ городахъ, стали собираться въ одно царство, скоро настолько окрѣпшее, что и Вавилонъ долженъ былъ почувствовать его силу и признать его независимость. Изъ ассирійскихъ царей этого отдаленнаго періода особенно выдѣляются Раммаништарари I и его сынъ Салманассаръ I, значительно раздвинувшіе предѣлы своей державы въ сѣверо-восточномъ направленіи и тѣмъ положившіе начало дальнѣйшему ея расширенію. Впрочемъ халдеи все-таки долго оспаривали у ассирійцевъ первенство въ рѣчной области Евфрата и Тигра, нѣсколько разъ даже подчиняли себѣ самую Ассирію, хотя и на короткое время, такъ что центръ

политическаго могущества не разъ перемѣщался изъ Ниневіи въ Вавилонъ и обратно. Окончательно одолѣть южнаго сосѣда и снова возвратить себѣ блескъ прежняго могущества удалось Ассиріи лишь при Тиглат-фелассарѣ I (по надписямъ Tugulti-palesharra, царств. около 1125 г. до Р. Х.), благодаря завоеваніямъ котораго она распространила свое господство далеко за предѣлы тигро-евфратской равнины,—почти на всю Переднюю Азію; а воинственные его преемники, изъ которыхъ въ особенности прославились Ассурназирпалъ (884—860) и сынъ его Салманассаръ II (860—824), расширили границы ассирійской державы и еще дальше, приведя въ зависимость отъ нея даже восточныя области Малой Азіи (Каппадокію и Киликію). Вообще исторія Ассиріи представляетъ картину непрерывныхъ войнъ, походовъ, вторженій, набѣговъ; это—по преимуществу военная исторія, что объясняется съ одной стороны уже самымъ характеромъ народа,—предпріимчиваго и жаднаго, съ другой—срединнымъ положеніемъ государства, расположеннаго въ открытой со всѣхъ сторонъ рѣчной области и принужденнаго постоянно отстаивать свою независимость отъ напирающихъ отовсюду воинственныхъ сосѣдей. Однако такое развитіе силъ ассирійскаго царства, достигшее своего апогея при Саргонѣ (722—705), Санхерибѣ (705—681), и Ассаргаддонѣ (681—668), когда не только народы Сиріи, но и гордая страна фараоновъ принуждена была признать владычество ассирійцевъ, продолжалось лишь до исхода VII вѣка предъ Р. Х.]. Въ 606 году произошло возстаніе вавилонянъ и мидянъ, которые и положили конецъ этой первой всесвѣтной монархіи, разрушивъ столицу ея Ниневію. При этомъ послѣдній ассирійскій царь [Ассур-эдил-илани], извѣстный въ греческихъ преданіяхъ подъ именемъ Сарданапала и представлявшій собою повидимому типъ изнѣженной роскоши и распутства, въ виду неминуемой гибели съ мужествомъ отчаянія сжегъ себя въ собственномъ дворцѣ.

Судьба ново-халдейскаго царства.

Съ паденіемъ Ассиріи господствующимъ народомъ Передней Азіи сдѣлались опять освободившіеся халдеи, царство которыхъ, возстановленное Набу-бал-уссуромъ и извѣстное подъ именемъ ново-халдейскаго, усилилось особенно при Набу-кудур-уссурѣ (по Библіи—Навуходонососсорѣ),—завоевателѣ Іудеи и финикійскаго побережья и возстановителѣ древняго величія города Вавилона. Но это новое халдейское царство при соперничествѣ другихъ сильныхъ народовъ Востока,—египтянъ, пытавшихся при Нехо утвердиться въ Передней Азіи, но послѣ битвы при Кархемышѣ (604) отраженныхъ Набу-кудур-уссуромъ, и мидянъ, а

потомъ персовъ, возвысившихся въ Иранѣ,—существовало лишь около семидесяти лѣтъ и при царѣ Набонидѣ (въ надписяхъ Набунагидъ) въ 538 г. было завоевано Киромъ, основателемъ второй всесвѣтной монархіи—персидской.

Что касается внутренней или бытовой исторіи обоихъ народовъ, то въ этомъ отношеніи особенно важна культура стараго халдейскаго царства, такъ какъ она была древнѣйшею на всемъ азіатскомъ Востокѣ, просвѣтила сначала сосѣднюю Ассирію, потомъ ассирійскими завоеваніями разнесена была по землямъ Передней Азіи и Ирана и наконецъ черезъ финикіянъ проникла и на европейскую почву. Бытовая исторія халдеевъ и ассиріійцевъ.

Общій характеръ этой древне-халдейской образованности, отличавшійся матеріалистическимъ направленіемъ, условливался какъ природой страны, такъ и ея историческою судьбою.

Религія халдеевъ состояла главнымъ образомъ въ поклоненіи свѣтиламъ небеснымъ,—солнцу, лунѣ и пяти извѣстнымъ въ то время планетамъ, или, правильнѣе, — духамъ, управляющимъ ихъ движеніемъ. Верховными божествами признавались Белъ или Мардукъ (олицетворявшій собою планету Юпитеръ), Нергалъ (Марсъ), Нинибъ (Сатурнъ), Синъ (мѣсяцъ), Шамашъ (солнце) и богиня Иштаръ (Венера), чтимая во всей Передней Азіи подъ именами Астарты, Атаргатисъ, Деркето, Белиты или Милитты и пр.; она была представительницею добраго начала, — начала жизни, любви, красоты; ея противницею считалась Аллату, мрачная богиня смерти и разрушенія. Всѣ они являлись въ представленіи халдеевъ главными покровителями человѣка въ его непрерывной борьбѣ съ отвратительными, злыми демонами, отовсюду его окружающими, на каждомъ шагу причиняющими ему вредъ, завистливо подстерегающими каждое его слово, каждое движеніе. Посредствующую ступень между этими двумя категоріями боготворимыхъ существъ составляли многочисленныя мѣстныя божества рѣкъ и городовъ,—въ числѣ ихъ напр. Илъ, верховный покровитель названнаго его именемъ города Вавилона („бабъ-илъ“ означаетъ „ворота бога“). Но, какъ и въ Египтѣ, народныя вѣрованія получили современемъ въ Халдеѣ широкую теоретическую разработку въ жреческихъ школахъ. Жрецы поставили во главѣ халдейскаго пантеона верховную божественную тріаду, въ составъ которой вошли Ану (духъ неба), Эа (духъ водъ) и Белъ (владыка земли и преисподней). Отъ этой основной и высшей тріады произошли, по ихъ ученію, другія, второстепенныя, которыя вмѣстѣ съ нею образовали халдейскій Олимпъ,—двѣнадцать великихъ бо- а) Религія.

говъ-правителей міра и вершителей человѣческихъ судебъ. Демоны народной религіи были также сгруппированы въ два воинства, — земное (аннунаки) и небесное (игиги). А надъ всѣмъ этимъ сонмомъ различныхъ чиновъ небесной іерархіи царилъ неясный образъ единаго верховнаго божества, одно имя котораго, невѣдомое смертнымъ, почиталось всесильнымъ].

Сабеизмъ (звѣздопоклонство) халдеевъ, естественно утвердившійся на однообразныхъ, ничѣмъ не поражающихъ равнинахъ Междурѣчья, гдѣ сводъ небесный сильнѣе всего долженъ былъ приковывать къ себѣ вниманіе и мысль первобытнаго человѣка, способствовалъ раннему появленію въ этой странѣ астрологіи, т. е. искусства по звѣздамъ предсказывать будущее, а демонизмъ вызвалъ сильно развитое въ Халдеѣ колдовство или магію. То и другое было причиною того, что впослѣдствіи, у грековъ и римлянъ, самое слово „халдей“ стало обозначать понятіе шарлатана-звѣздочета и кудесника.

Что касается халдейскихъ представленій о загробной жизни, то повидимому они были чрезвычайно грубы. Такъ заставляютъ по крайней мѣрѣ думать открываемыя теперь среди развалинъ древнія гробницы, въ которыхъ наряду съ человѣческими скелетами находятся, очевидно, оставленные покойнику его роднею глиняные сосуды для пищи и питья, предметы домашней утвари, золотыя и серебряныя украшенія, оружіе и т. п. Впрочемъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ вопросѣ, равно какъ и о нравственномъ ученіи религіи халдеевъ, мы не имѣемъ, такъ какъ клинообразныя надписи до сихъ поръ намъ этого не выяснили, а сообщенія Бероза касаются больше космогоніи, которая, какъ подтвердили и клинописные источники, заключаетъ въ себѣ черты несомнѣннаго сходства съ библейскими преданіями о сотвореніи міра, смѣшеніи языковъ и особенно о потопѣ.

[Тѣ же начала въ сущности лежали и въ основаніи религіи ассирійцевъ [1]), цѣликомъ заимствовавшихъ изъ Халдеи всю свою духовную культуру. Тотъ же пантеонъ,—съ нѣкоторою разницею въ именахъ,—тѣ же божескія тріады, тотъ же сабеизмъ, то же вѣрованіе въ демоновъ, населяющихъ весь міръ, а въ основѣ всего, какъ и у халдеевъ,—монотеистическая идея, воплотившаяся здѣсь въ культѣ высшаго племеннаго бога Ассура].

б) Общественное устройство.

Насколько религіозныя воззрѣнія древнихъ халдеевъ зависѣли отъ условій мѣстности и тѣхъ этническихъ элементовъ, изъ

---

[1]) Jastrow The religion of Babylon and Assyria. Boston. 1898.

коихъ составилась ихъ національность, настолько общественное ихъ устройство, равно какъ и государственныя учрежденія сосѣднихъ ассирійцевъ, сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ исторіи этихъ народовъ. Вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ теократическій деспотизмъ царей развился здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ въ древнемъ Египтѣ, а частыя чужеземныя завоеванія, которымъ подвергалась тигро-евфратская область, не допустили образованія наслѣдственныхъ классовъ, а тѣмъ болѣе строго замкнутыхъ кастъ, что возможно лишь при долгомъ внутреннемъ спокойствіи и внѣшней безопасности. Только жрецы, какъ хранители всѣхъ научныхъ свѣдѣній, занимали привиллегированное положеніе и пользовались большимъ общественнымъ вліяніемъ, но и они наравнѣ съ другими подданными были безотвѣтными рабами царя, соединявшаго въ своей особѣ высшую духовную, гражданскую, военную и судебную власть. Особенно же сильно развилась царская власть, какъ и слѣдуетъ ожидать, у завоевательныхъ ассирійцевъ, послужившихъ въ этомъ отношеніи образцомъ и для позднѣйшихъ деспотій Ирана. [Царя окружалъ большой штатъ придворныхъ чиновъ; высшіе изъ нихъ составляли царскій совѣтъ, въ которомъ обсуждались важнѣйшія государственныя дѣла. Управленіе завоеванными областями сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ, на отвѣтственности которыхъ лежало наблюденіе за правильною уплатою податей, поставкою войска и военнаго провіанта и проч.; такіе же намѣстники сидѣли и въ главныхъ городахъ собственной Ассиріи. Эти города, какъ и въ Халдеѣ, обыкновенно возникали вокругъ особенно чтимыхъ святилищъ; нѣкоторые изъ нихъ возвышались на степень царской резеденціи и тогда обстраивались и украшались съ подобающею столицамъ пышностью. Древнѣйшими изъ такихъ столицъ были города Ассуръ и Ниневія (въ надп. Нинау); при Салманассарѣ I мѣстопребываніемъ царя сталъ Калахъ (н. Нимрудъ), а при Саргонѣ — основанный имъ неподалеку отъ Ниневіи Дур-сарру-кинъ (собств. „Саргоновъ городъ“, н. Хорсабадъ).

Съ правовыми основаніями, на которыхъ утверждалась жизнь древнихъ обитателей тигро-евфратской равнины, теперь насъ близко знакомитъ открытый де-Морганомъ кодексъ царя Хаммураби. Изъ этого источника мы узнаемъ, что халдеи уже въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х. обладали весьма сложными и разнообразными формами общежитія, покоившимися на началахъ широко разработаннаго права—семейнаго, гражданскаго и уголовнаго. Законъ стремился урегулировать всѣ отношенія частнаго

быта и общественной жизни,—онъ опредѣлялъ обязанности человѣка къ его семьѣ, мужа—къ женѣ, родителей—къ дѣтямъ, бралъ на себя защиту интересовъ женщины, за которою обезпечивалъ въ обществѣ весьма почетное положеніе и признавалъ большую долю независимости, охранялъ имущественныя права супруговъ и дѣтей, трактовалъ о воспитаніи, заботился о судьбѣ сиротъ, указывалъ условія расторжимости брака. Онъ поощрялъ людей къ труду, поучая земледѣльца, когда и какъ запахивать и засѣвать поля, разъясняя ему значеніе ирригаціи и опредѣляя суровыя наказанія за поврежденіе оросительныхъ каналовъ; онъ старался обставить необходимыми гарантіями торговыя и юридическія сдѣлки, говорилъ объ арендномъ пользованіи землею, о закладныхъ на землю и дома, о кредитныхъ операціяхъ, о занятіи разнаго рода промыслами. Но, устанавливая правовыя нормы, законъ сурово каралъ за всякое отступленіе отъ нихъ. Наказанія, опредѣляемыя имъ, вытекали изъ суроваго правила возмездія: „око за око — зубъ за зубъ“ (jus talionis). Впрочемъ, допускалась и замѣна личной отвѣтственности вирою. Особенно сурово каралось колдовство. Въ сомнительныхъ случаяхъ предписывалось прибѣгать къ „испытанію водой“: обвиняемаго бросали въ священныя волны Евфрата, и если онъ оставался живъ, то наказаніе постигало обвинителя.

Законы Хаммураби господствовали не только въ Месопотаміи,—они проникли въ Сирію, къ хананскимъ народамъ, и повидимому не остались безъ вліянія и на еврейское законодательство [1])].

в) Образованность.

Какъ природа Халдеи напоминаетъ нильскую долину, такъ и первобытная халдейская образованность во многомъ представляетъ сходство съ египетскою. Здѣсь, какъ и въ Египтѣ, изъ наукъ больше всего развились математическія и особенно астрономія. Астрономическія наблюденія халдеевъ, записанныя на глиняныхъ дощечкахъ, восходили слишкомъ за 2000 лѣтъ до нашей эры, но къ сожалѣнію дошли до насъ лишь въ отрывкахъ, хотя ихъ зналъ и ими пользовался Аристотель да, вѣроятно, и другіе греческіе ученые. Въ связи съ этимъ, разумѣется, стояло изобрѣтеніе солнечныхъ часовъ, раздѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ, дня—на двѣнадцать часовъ съ мел-

---

[1]) Обстоятельное изложеніе кодекса даетъ Дарестъ въ Journal des savants (Le code babylonien d'Hammourabi. 1902. oct.-nov.). Срв. Delitzsch Babel u. Bibel. Lpz. 1903; его-же Zweiter Vortrag über Babel u. Bibel. Stuttgart. 1903; Zimmern Keilinschriften und Bibel. Berlin. 1903; Jeremias Im Kampfe um Babel u. Bibel. Leipz. 1903; его же Moses u. Hammurabi. Lpz. 1903 (о всей этой обширной „Babel-Litteratur“ трактуетъ Іензенъ въ Litterat. Centralbl. 1903. № 50); см. также „Ист. Халдеи“ Рагозиной (2 изд., стр. 269 слл.). *Ред.*

кими подраздѣленіями часа на минуты и секунды, опредѣленіе эклиптики, установленіе знаковъ зодіака и проч. Халдеи же выработали и усовершенствовали систему мѣръ и вѣса, принятую впослѣдствіи у большей части древнихъ народовъ, ввели въ употребленіе металлическія деньги и уже въ незапамятно-далекія времена, еще до семитической колонизаціи, усвоили себѣ гіероглифическое письмо, впослѣдствіи значительно видоизмѣненное и послужившее основаніемъ для такъ называемой клинописи.

[Халдейскія письмена состояли изъ чрезвычайно разнообразнаго сочетанія знаковъ, имѣвшихъ форму гвоздей или клиньевъ и выражавшихъ не отдѣльные звуки, а цѣлые слоги, иногда же и цѣлыя понятія подобно египетскимъ идеограммамъ; писчимъ матеріаломъ при этомъ служили кирпичныя плитки, а орудіемъ письма—рѣзецъ. Несмотря однако на столь неприхотливыя средства, халдеи сумѣли съ ихъ помощью создать огромную литературу, остатки которой уцѣлѣли и до настоящаго времени и теперь разобраны усиліями многихъ ученыхъ. Изъ этого разбора оказывается, что не осталось почти ни одной отрасли знанія, которая бы не была затронута изслѣдованіями халдейскихъ мудрецовъ: въ числѣ фрагментовъ клинообразной письменности есть отрывки грамматики, есть словари, хронологическія и статистическія таблицы, трактаты историческаго, юридическаго, географическаго, медицинскаго и математическаго содержанія, есть множество религіозныхъ гимновъ и заклинаній, наконецъ есть цѣлая поэма въ 12 книгахъ, героемъ которой является солнечное божество Издубаръ, прототипъ греческаго Геракла. Все это написано частью на языкѣ древнихъ сумировъ и аккадовъ, частью—по-ассирійски; но не эти только народы, а и ассиріяне, эламиты и персы приняли и ввели у себя въ употребленіе клинообразную грамоту [1])].

Наконецъ точно такъ же, какъ и въ Египтѣ, въ тигро-евфратской низменности процвѣтали преимущественно промышленныя и техническія искусства, особенно агрикультура и гидротехника. [Съ одной стороны необходимость регулировать разливы рѣкъ, подобно Нилу періодически выступавшихъ изъ береговъ и превращавшихъ всю страну въ необозримую водную равнину, съ другой—потребность орошать поля и сады, удаленные отъ воды, повела уже въ древнѣйшія времена къ колоссальнымъ гидравлическимъ сооруженіямъ,—къ устройству искусственныхъ водоемовъ,

[1]) Свѣдѣнія о литературѣ древнихъ халдеевъ см. у Сейса (Sayce, Babylonian literature, 1878). Изложеніе исторіи современной ассиріологіи можно найти у Ménant (Les écritures cunéiformes, Paris, 1864). Д.

каналовъ, водопроводовъ, плотинъ и проч.]. Что же касается до изящныхъ искусствъ, то изъ нихъ здѣсь, какъ и въ Египтѣ, развилась архитектура и отчасти скульптура; но памятники вавилоно-ассирійскаго зодчества не дошли до насъ въ такой цѣлости, какъ египетскіе, потому что строились изъ кирпича, а не изъ гранита, какъ въ нильской долинѣ. Впрочемъ интересны даже и развалины, которыхъ особенно много на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли нѣкогда Ниневія и Вавилонъ,—интересны тѣмъ болѣе, что стѣны отрываемыхъ тамъ полуразрушенныхъ дворцовъ и храмовъ испещрены не только надписями, но и скульптурными изображеніями, дающими понятіе о бытѣ и правахъ древнихъ обитателей Месопотаміи. Среди этихъ изображеній чаще всего встрѣчаются сцены, свидѣтельствующія о высокомъ развитіи боеваго и осаднаго искусства,—особенно у ассирійцевъ: имъ извѣстны были всѣ почти роды холоднаго оружія, а также щиты, шлемы, панцыри, боевыя колесницы и осадныя машины; съ побѣжденными же поступали они еще болѣе звѣрски, чѣмъ египтяне, предавая ихъ самымъ жестокимъ и унизительнымъ казнямъ, либо же цѣлыя населенія завоеванныхъ земель перегоняя, какъ скотъ, изъ одной области въ другую на жительство. На барельефахъ ниневійскихъ дворцовъ видимъ мы также и всю страшную силу ея царей, гдѣ передъ ними не только склоняется и падаетъ все живое, но гдѣ имъ служатъ и повинуются сами боги. Впрочемъ о могуществѣ ихъ власти достаточно свидѣтельствуютъ остатки построенныхъ ими городовъ, съ громадными размѣрами которыхъ едва-ли выдержатъ сравненіе и многолюднѣйшія столицы нынѣшней Европы. Ниневія напр. имѣла около 80 верстъ въ окружности и обнесена была такой толстой стѣной, что три колесницы въ рядъ могли свободно ѣхать по верхней ея платформѣ. Немногимъ меньше былъ и Вавилонъ, расположенный четыреугольникомъ на обоихъ берегахъ Евфрата и украшенный царскимъ дворцомъ съ знаменитыми „висячими садами“, разбитыми на искусственныхъ террасахъ, и колоссальнымъ храмомъ Бела въ видѣ восьмиэтажной башни пирамидальной формы. Такіе огромные размѣры этихъ древнѣйшихъ городовъ исторической Азіи объясняются столько же многочисленностью ихъ населенія и гордостью ихъ властителей, сколько и самою необходимостью имѣть въ стѣнахъ ихъ достаточное количество садовъ, огородовъ и даже полей и пастбищъ для продовольствія жителей на случай непріятельской осады. Къ тому же столицы царствъ вавилонскаго и ассирійскаго были вмѣстѣ и важнѣйшими торговыми центрами на всемъ

г) Бытъ и нравы.

древнемъ Востокѣ, и напр. въ Вавилонѣ кромѣ кореннаго населенія жило постоянно и множество иностранцевъ, придававшихъ этому городу веселый, оживленный и космополитическій характеръ.

2) Евреи.

Исторія евреевъ разработывалась научнымъ образомъ преимущественно нѣмецкими учеными. Главнымъ источникомъ ея, разумѣется, служитъ Библія, но немало способствовали разъясненію ея темныхъ сторонъ и тѣ историческія данныя, которыя были добыты въ позднѣйшее время путемъ археологическихъ розысканій въ Египтѣ, Сиріи и среди развалинъ Вавилона и Ниневіи. Такъ іероглифическіе тексты пролили много свѣта на древнѣйшую этнографію Ханаана, изслѣдованія ассиріологовъ раскрыли предъ нами любопытныя особенности внѣшняго быта древнихъ евреевъ, а въ Сиріи, среди руинъ Дайбона (нынѣ Diban), найдена знаменитая надпись моавитскаго царя Меша, хранящаяся теперь въ Луврѣ и представляющая старѣйшій образчикъ еврейскаго языка и письменности. Слѣдуетъ также упомянуть и о произведеніяхъ Іосифа Флавія, написавшаго при Титѣ по желанію этого императора „Исторію іудейской войны“ (въ 7 книгахъ), а нѣсколько позже—„Іудейскія древности“ (Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία, въ 20 книгахъ) гдѣ излагались событія еврейской исторіи отъ сотворенія міра до катастрофы 70 года (по Р. Х.). Изъ нѣмецкихъ трудовъ по этому вопросу первое мѣсто занимаютъ сочиненія Эвальда („Geschichte des Volkes Israel bis Christus“, 2 Ausg. Göttingen. 1854), Штаде (то же; въ колл. Онкена. Berl. 1887), Вельгаузена („Israelitische und jüdishe Geschichte“, 2 Aufl. Berl. 1895; „Prolegomena zur Geschichte Israels“. 3 Aufl. 1886), Э. Мейера („Die Entstehung Judenthums“. Halle. 1897), Винклера (Gesch. Israels in Einzeldarstellungen. I. Lpz. 1895), Штарка (Palästina u. Syrien v. Anfang d. Gesch. bis zum Siege des Islam. Berl. 1894), изъ французскихъ—трудъ Э. Ренана („Histoire du peuple d'Israël“. 5 vols. Paris. 1887—93; тоже по-нѣмецки: „Gesch. des Volkes Israël“, übersetzt von E. Schaelsky. Berlin. 1894), изъ англійскихъ—совершенно устарѣлое сочиненіе Брауна („Antiquities of the Jews“. 2 ed. Edinbourgh. 1826). На русскомъ языкѣ можно указать лишь рядъ монографій, какъ-то: Елеонскаго („Исторія израильскаго народа въ Египтѣ“. Спб. 1884), И. Саввантскаго („Исходъ израильтянъ изъ Египта“. Спб. 1889), А. Гаркави („О первоначальномъ обиталищѣ семитовъ, индо-европейцевъ и хамитовъ“. Спб. 1872), М. Петрово-Соловово („Краткій очеркъ исторіи отношеній между Ассиро-Вавилоніей и евреями“. Спб. 1895), Я. Богородскаго („Еврейскіе цари“. Казань, 1884), А. Миролюбова („Бытъ еврейскихъ царей“. Казань. 1898), Ѳ. Покровскаго („Раздѣленіе еврейскаго царства на іудейское и израильское“. Кіевъ. 1885), И. Якимова („Очеркъ исторіи древнееврейской литературы“ въ сборн. Корша), Пальмова („Идолопоклонство у евреевъ“. Спб. 1897), да двѣ—три популярныхъ книжки изъ области переводной литературы (напр. Фентонъ Дж. „Древнѣйшая жизнь евреевъ“. Соціол. этюдъ. М. 1884; Ремезовъ Іудея и Римъ. Картины античнаго міра (по Ренану. М. 1896). *Ред.*

Значительность и важность еврейской культуры.

По важности своей культуры, несмотря на нѣсколько односторонее ея направленіе, евреи занимаютъ первое мѣсто между народами древняго Востока, такъ какъ развившійся у нихъ строгій монотеизмъ послужилъ основаніемъ христіанской религіи, которую исповѣдуетъ теперь цѣлая треть человѣчества. Оттого

въ представленіяхъ всѣхъ христіанскихъ націй еврейскій народъ считается избраннымъ, а его исторія священною. Такъ точно и для народовъ магометанской вѣры, имѣющей тоже свои корни въ ветхозавѣтной религіи евреевъ, духовная культура послѣднихъ имѣетъ особенную важность. А отсюда и выходитъ, что большая половина рода человѣческаго должна искать основаніе своей духовной жизни въ древней исторіи еврейской.

Исторія народа еврейскаго.

Исторія народа еврейскаго, какъ она изложена въ памятникахъ его собственной исторической письменности, начинается съ патріарха Авраама, переселившагося около 2000 лѣтъ до Р. Х. изъ Месопотаміи,—древнѣйшаго обиталища, въ которомъ это семитическое племя застаетъ исторія,—въ землю ханаанскую или „обѣтованную“, причемъ родъ его отъ туземныхъ жителей получилъ названіе евреевъ (Hibrim), т.-е. пришельцевъ съ той стороны. Съ тѣхъ поръ край этотъ, лежащій по юго-восточному берегу Средиземнаго моря, между Египтомъ на югѣ и Финикіей на сѣверѣ, и извѣстный въ римскія времена подъ именемъ Палестины, сдѣлался отечествомъ авраамовыхъ потомковъ.

[Подобно тому, какъ Египетъ теченіемъ Нила раздѣляется на двѣ половины, Палестина также представляетъ двѣ области,—восточную и западную,—разграниченныя между собою рѣкою Іорданомъ. Однако, несмотря на это кажущееся сходство, природа того и другого края во всѣхъ отношеніяхъ существенно различна. Вмѣсто однородной низменности, простирающейся на огромное разстояніе и окаймленной отовсюду пустынями и морями, какова нильская долина, здѣсь передъ нами разнообразная горная страна, представляющая непрерывную смѣну поросшихъ лѣсами возвышенностей, холмовъ, ущелій и долинъ, а въ юго-восточной своей части переходящая въ голую, пустынную степь. Между тѣмъ какъ Нилъ своими ежегодными разливами удобряетъ всю прилегающую мѣстность и служитъ удобнымъ средствомъ сообщенія между самыми отдаленными ея пунктами, Іорданъ протекаетъ въ глубокомъ каменистомъ руслѣ, никогда не выходитъ изъ своихъ береговъ и по быстротѣ своего теченія не можетъ считаться вполнѣ безопасною водною дорогою. Эти географическія условія отразились и на этнографіи края. Правда, весь онъ въ пору незапамятной древности былъ заселенъ семитами, вытѣснившими отсюда болѣе древній хамитскій слой, но эта отрасль средиземной расы разбилась здѣсь на множество мелкихъ племенъ, изъ которыхъ каждое выработало своеобразный типъ и характеръ согласно съ особенностями занятой имъ области. Ближе всего къ

евреямъ по языку и по довольно рано и высоко развившейся культурѣ стояли моавитяне, обитавшіе въ юго-восточномъ углу страны, между Мертвымъ моремъ и Пустынною Аравіею. Ихъ сосѣдями съ юга были эдомитяне, богатое и могущественное племя, ведшее оживленную караванную торговлю съ Палестиной, Финикіею и Сиріей, а съ сѣвера — аммонитяне. Выше названныхъ трехъ ханаанскихъ народовъ, по лѣвому берегу Іордана, сидѣли многочисленныя племена, обозначаемыя въ Библіи общимъ названіемъ амореевъ (египетск. amar) и современемъ совершенно затерявшіеся среди чисто еврейскаго населенія. Что же касается до праваго берега Іордана, то онъ весь былъ во владѣніи израильтянъ, раздробившихся на двѣнадцать колѣнъ или клановъ,—за исключеніемъ только узкой приморской полосы съ городами Газою, Ашдодомъ, Аскалономъ, Гатомъ и Экрономъ (такъ наз. Pentapolis Philistaea),—полосы, находившейся въ рукахъ воинственныхъ и предпріимчивыхъ филистимлянъ. Наконецъ къ сѣверу отъ Палестины тянулись разбросанныя въ горахъ Ливана и Антиливана поселенія хеттовъ (евр. chittim),—извѣстныхъ уже намъ исконныхъ враговъ Египта (Cheta)].

Здѣсь жили евреи номадами посреди осѣдлыхъ и болѣе образованныхъ племенъ ханаанскихъ подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ, пока внукъ Авраама патріархъ Іаковъ, по прозванію Израиль, не перекочевалъ съ ними по причинѣ голода въ сосѣдній плодоносный Египетъ, гдѣ въ нижней его части, благодаря вліянію іаковлева сына Іосифа, возвысившагося при дворѣ фараоновъ, имъ былъ отведенъ на жительство богатый пастбищами округъ Гессемъ. При изобиліи почвы и покровительствѣ фараоновъ XVII и XVIII династіи племя Іакова въ теченіи 430 только лѣтъ своего пребыванія въ Египтѣ такъ размножилось, что, когда въ концѣ XIV столѣтія израильтяне (такъ стали называться евреи со временъ Іакова) должны были оставить эту страну вслѣдствіе притѣсненій со стороны фараоновъ слѣдующей XIX династіи, начавшей наконецъ бояться ихъ возрастающей силы, то это былъ двухъ-милліонный народъ, могшій выставить въ поле 600.000 вооруженныхъ мужей.

Исходъ ихъ изъ Египта и освобожденіе отъ рабства были дѣломъ вдохновеннаго и высокообразованнаго Моисея, который далъ своему народу и основные законы, касавшіеся всѣхъ сторонъ нравственной, религіозной и общественной жизни [1]). Онъ же указалъ

[1]) Фактъ долговременнаго пребыванія евреевъ въ Египтѣ до сихъ поръ не нашелъ подтвержденія въ какихъ-либо опредѣленныхъ указаніяхъ египетскихъ па-

израильтянамъ на Палестину, какъ на землю отцовъ ихъ, принадлежащую имъ во владѣніе. Но, прежде чѣмъ евреи достигли этой обѣтованной страны, сорокъ лѣтъ прокочевали они по пустынямъ сѣверной Аравіи и уже по смерти Моисея, окрѣпнувъ духомъ и силами въ этихъ трудныхъ странствованіяхъ, начали истребительную войну съ хананейскими племенами за обладаніе наслѣдіемъ Авраама. На первыхъ порахъ завоевана была только средняя и южная Палестина по обѣимъ сторонамъ Іордана, отъ Мертваго моря до Генесаретскаго озера, и раздѣлена между двѣнадцатью колѣнами израильскими, большая часть которыхъ подъ управленіемъ своихъ старѣйшинъ предалась тотчасъ осѣдлой жизни въ горахъ и селахъ, занявшись земледѣліемъ и промыслами, къ которымъ евреи привыкли еще въ Египтѣ. Но борьба съ сосѣдними хананейскими племенами продолжалась еще цѣлыя 300 лѣтъ, и разрозненному народу трудно было успѣшнѣе вести ее, хотя отъ времени до времени предпріимчивые вожди патріоты, носившіе титулъ судей, какъ Гедеонъ, Самсонъ и друг., и успѣвали соединять силы отдѣльныхъ колѣнъ противъ общихъ враговъ.

Правда, что древняя религія, состоявшая въ служеніи Іеговѣ, единому Богу, Творцу и Вседержителю міра, и духовное сословіе левитовъ, разсѣянное по всей землѣ и подчиненное одному первосвященнику, поддерживали въ Израилѣ чувства религіознаго и племеннаго единства, но въ виду постоянныхъ внѣшнихъ опасностей связи эти часто оказывались все еще не довольно сильными

матниковъ; съ другой стороны онъ также не оставилъ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ религіи евреевъ. Искусству письма они научились не у египтянъ, а у сирійскихъ народовъ; въ ихъ законодательствѣ сказались вліянія не египетскія, а халдейскія; самое названіе ихъ, означающее „пришельцевъ„ съ той стороны“, указываетъ, повидимому, не на Египетъ, а на какое-то восточное, заіорданское обиталище. Въ виду этихъ соображеній достовѣрность библейскаго преданія объ исходѣ евреевъ изъ Египта нѣкоторыми учеными подвергается сомнѣнію (срв. E. Meier Gesch. d. Alterth. I, §§ 288, 289; Winckler Gesch. Israëls. I, стр. 55 слл.). Хронологія этого событія также не установлена: прежде пріурочивали его къ эпохѣ владычества гиксовъ; по Манееону оно относится къ царствованію Аменхотепа IV; но, какъ теперь положительно извѣстно, еще при Рамзесѣ II южная Сирія находилась въ зависимости отъ Египта, и утвердиться въ Палестинѣ евреи могли, слѣдовательно, лишь при его слабыхъ преемникахъ,—во всякомъ случаѣ не раньше конца XIV в. Вообще въ еврейской хронологіи много сомнительныхъ пунктовъ: даты въ „Книгахъ царствъ“ основаны на приблизительномъ счетѣ поколѣній и не только не согласуются съ датами ассирійской и тирской хронологіи, но и между собою. Важнымъ подспорьемъ для устраненія противорѣчій являются ассирійскіе списки эпонимовъ, фрагменты тирскихъ анналъ, сохраненные Іосифомъ Флавіемъ, надпись царя Меша и манеѳоновская дата Шешонка I. Литература: Schrader „Die Keilinschriften u. das Alte Testament“ 3 Aufl. (besorgt v. Zimmern). Berl. 1903; Bleek „Einleitung in das Alte Testament“. 5 Aufl. (von Wellhausen); Jeremias Das Alte Testament im Lichte des alten Orients. Ein biblisch-babylonisches Handbuch. Lpz. 1904; срв. также примѣч. на стр. 88. *Ред.*

и дѣйствительными. Поэтому въ концѣ XI стол. народъ рѣшилъ перемѣнить свой патріархальный и теократическій образъ правленія на единую и общую для всѣхъ колѣнъ власть монархическую,— и тогдашній первосвященникъ Самуилъ, какъ глава духовенства, заправлявшаго до тѣхъ поръ всѣми общими дѣлами страны, хотя и неохотно, долженъ былъ согласиться на эту перемѣну.

Первымъ царемъ былъ избранъ Саулъ, который тотчасъ и воспользовался соединенною въ рукахъ его силою для блестящихъ побѣдъ надъ враждебными ханаанскими сосѣдями; но, когда, опираясь на пріобрѣтенную военную славу, онъ вздумалъ освободиться отъ опеки первосвященника, Самуилъ помазалъ на царство другое лицо, а именно даровитаго юношу Давида, происходившаго изъ колѣна іудина. Новый царь точно такъ же прославилъ себя военными подвигами,—сокрушилъ навсегда силу главныхъ враговъ Израиля филистимлянъ, завоевалъ Дамаскъ въ Сиріи, Ціонъ-Геберъ на Персидскомъ заливѣ и Іерусалимъ въ землѣ евуссеевъ, назначивъ послѣдній городъ столицею своего царства, простиравшагося теперь на востокъ до Евфрата; но еще болѣе сталъ онъ знаменитъ въ потомствѣ, какъ вдохновенный поэтъ, прославлявшій въ своихъ псалмахъ величіе и благость истиннаго Бога. Наконецъ съ правленіемъ сына его Соломона, относящимся къ половинѣ X-го вѣка передъ Р. Х., настала эпоха величайшей славы, которой когда-либо достигало еврейское государство: сокровища, пріобрѣтенныя участіемъ въ финикійской морской торговлѣ, дѣятельныя сношенія съ промышленными центрами Месопотаміи и Сиріи, учрежденіе постояннаго войска, простиравшагося до 20 тысячъ человѣкъ, великолѣпныя постройки въ Іерусалимѣ, какъ напр. царскій дворецъ и особенно храмъ соломоновъ, воздвигнутые съ помощью тирскихъ художниковъ, наконецъ высокія дарованія самого царя, пріобрѣвшаго славу на всемъ Востокѣ своею мудростію и пышностью двора,—все это придавало царствованію сына давидова много наружнаго блеска. За то одновременно съ этимъ еще не окрѣпшія въ юномъ и отчасти искусственномъ промышленномъ развитіи силы народа истощались отъ тяжкихъ налоговъ, шедшихъ на роскошь и великолѣпіе царской обстановки, устроенной по образцу деспотическихъ престоловъ Ниневіи и Вавилона, а религія отцовъ страдала отъ вторженія чужеземныхъ языческихъ культовъ, которыми нерѣдко увлекался даже самъ Соломонъ. Поэтому уже тотчасъ послѣ его смерти обнаружилось общее неудовольствіе.

Десять колѣнъ отпали отъ дома давидова и образовали на

сѣверѣ особенное царство израильское, средоточіемъ котораго были Сихемъ и Самарія, между тѣмъ какъ колѣна Іуды и Веніамина остались вѣрны сыну соломонову Ровоаму и составили на югѣ царство іудейское со столицей Іерусалимомъ. Раздѣленіе это, совершившееся въ 925 году, и взаимное соперничество обоихъ царствъ не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ Израиль часто предавался языческимъ идолослуженіямъ, Іуда же остался болѣе вѣренъ моисееву закону,— ослабили силы того и другого и сдѣлали ихъ легкою добычею завоевательныхъ народовъ передней Азіи. Сначала Саргонъ (въ 722 году) покорилъ израильское царство и вмѣсто отведенныхъ въ плѣнъ жителей его заселилъ страну ассирійскими колонистами, отчего и образовался смѣшанный народъ самарянъ, а 136 лѣтъ спустя, именно въ 586 году, ново-халдейскій царь Набу-кудур-уссуръ положилъ конецъ и царству іудейскому, разрушивъ Іерусалимъ и угнавши большую часть іудейскаго населенія въ плѣненіе вавилонское. Правда, чрезъ 70 лѣтъ послѣ него завоеватель Вавилона Киръ, царь персидскій, позволилъ плѣнникамъ возвратиться на родину и отстроить разрушенный храмъ іерусалимскій; но народъ еврейскій, извѣстный съ того времени подъ именемъ іудеевъ, не пріобрѣлъ однако независимости, а только перешелъ подъ владычество персовъ.

Культурныя отношенія евреевъ съ другими народами древняго Востока.

Такимъ образомъ въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ, — отъ Авраама до потери политической самобытности,—народъ еврейскій, какъ это видно изъ его исторіи, входилъ въ культурныя соприкосновенія почти со всѣми образованными народами древняго Востока,—египтянами, финикіянами, вавилоно-ассирійцами и персами, и конечно многое отъ нихъ заимствовалъ. Такъ въ Египтѣ впервые познакомился онъ съ земледѣліемъ и теократическими формами его древней гражданственности, отъ сосѣднихъ финикіянъ и другихъ ханаанскихъ народовъ научился городской жизни и промысламъ, по примѣру хананеевъ же учредилъ у себя царскую власть, а во время ассирійскаго и вавилонскаго плѣна привыкъ къ торговлѣ и мелкопромышленной дѣятельности.

Самобытная сторона еврейской культуры.

Изъ сказаннаго ясно, что во всѣхъ отрасляхъ матеріальной и гражданской культуры, а также по части наукъ и искусствъ, евреи не создали почти ничего самобытнаго и новаго; но за то вся ихъ дѣятельность поглощена была религіей, а именно сохраненіемъ и развитіемъ древняго Откровенія о единомъ Богѣ, Творцѣ и [illegible] міра. Во всей жизни ихъ

религіозный интересъ являлся господствующимъ и опредѣлилъ характеръ какъ ихъ быта общественнаго и умственной дѣятельности, такъ и самой народности.

Общественное устройство.

Общественная жизнь евреевъ имѣла теократическое устройство. По законамъ Моисея верховнымъ царемъ Израиля считался самъ Іегова; старѣйшины же, левиты и глава ихъ первосвященникъ во имя Его управляли народомъ. Господствующимъ классомъ, какъ и въ Египтѣ, былъ жреческій, владѣвшій 35-ю предоставленными ему городами и пользовавшійся десятиной со всѣхъ произведеній земли. Кромѣ того въ каждый седьмой годъ, считавшійся субботнимъ, когда земля оставалась невоздѣланною, все, родившееся на ней само собою, поступало въ вѣдѣніе левитовъ, которые и распредѣляли сборъ между бѣдными. А учрежденіе такъ называемыхъ годовъ юбилейныхъ (чрезъ каждыя 50 лѣтъ), когда всякая купленная собственность должна была возвращаться къ своему прежнему владѣльцу, препятствуя скопленію богатствъ въ извѣстныхъ фамиліяхъ и, стало быть, образованію аристократіи, опять-таки обезпечивало право и господство духовенства, занимавшаго всѣ общественныя должности и владѣвшаго монополіей знанія и науки. Правда, что съ учрежденіемъ царской власти классъ этотъ сталъ терять свое прежнее значеніе, но за то начали пріобрѣтать большое вліяніе пророки, которые во имя Іеговы приняли на себя нравственный контроль надъ дѣйствіями правительства и ходомъ общественныхъ дѣлъ. Рядъ этихъ пророковъ,—воплощавшихъ въ себѣ теократическій принципъ въ позднѣйшія времена еврейской исторіи,—тянется въ теченіе 400 слишкомъ лѣтъ со временъ Самуила; но время наибольшаго ихъ вліянія начинается съ раздѣленія царства, когда представителями еврейскаго пророчества явились такія могучія личности, какъ Исаія, Іезекіиль, Іеремія и Даніилъ.

Литература.

Умственная дѣятельность Израиля, выразившаяся въ его литературѣ, носила тоже преобладающій религіозный характеръ. Литература эта, избранныя и дошедшія до насъ произведенія которой извѣстны подъ именемъ ветхозавѣтной Библіи, несмотря на проникающій ее горячій патріотизмъ, по своему высокому содержанію имѣетъ и интересъ общечеловѣческій, такъ какъ единственнымъ предметомъ ея постоянно является Богъ и воплощеніе на землѣ Его мудрости, а слѣдовательно для всѣхъ вѣковъ и народовъ она можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ религіознаго и нравственнаго поученія. Литература древнееврейская, несмотря на однообразіе своего направленія, предста-

вляетъ по своему содержанію 5 главныхъ отдѣловъ: a) законоучительный, куда принадлежитъ пятикнижіе Моисея; b) писанія пророковъ—Амоса, Исаіи, Іоиля, Наума, Аввакума, Іезекіиля и Іереміи; c) книги историческія,—каковы книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь, Царствъ, Ездры, Нееміи и др.; d) религіозная лирика, лучшими образчиками которой служатъ псалмы и „пѣснь пѣсней“,—и наконецъ e) сочиненія философскаго содержанія преимущественно въ дидактическомъ родѣ, какъ напр. книга Іова и притчи Соломона. Изъ этого видно, что въ произведеніяхъ еврейской письменности заключаются уже образчики всѣхъ почти родовъ литературныхъ произведеній, и только сочиненій чисто научнаго характера мы у нихъ не находимъ.

Національность.

Наконецъ религія же создала и ту крѣпкую исключительную національность евреевъ, съ которою мы видимъ ихъ во всѣ времена ихъ исторіи и какою отличаются они и понынѣ. Религія эта до такой степени обособила ихъ между всѣми другими народами, что даже на своихъ хананскихъ соплеменниковъ, слѣдовавшихъ разнымъ языческимъ культамъ, смотрѣли они, какъ на враговъ, а къ болѣе чуждымъ по происхожденію племенамъ, съ которыми приходили въ столь частыя столкновенія, относились съ непримиримою ненавистью, чѣмъ и спасали свою народность въ тяжкія времена египетскаго, ассирійскаго и вавилонскаго рабства, а равно и въ эпоху послѣдующихъ иноземныхъ завоеваній, которымъ много разъ подвергалась еще Палестина; вмѣстѣ же съ народностью спасли они и вѣру въ Истиннаго Бога, для того, чтобы потомъ преобразованную Христомъ Спасителемъ распространить ее между всѣми народами земли.

3) Финикіяне.

Ученая литература не богата сочиненіями по исторіи финикіянъ, и это весьма понятно, такъ какъ почти полное отсутствіе произведеній ихъ собственной письменности чрезвычайно затрудняетъ серьезную разработку этого отдѣла. Вслѣдствіе густой заселенности всего сирійскаго побережья Средиземнаго моря археологическое изслѣдованіе этой страны весьма затруднительно, и памятники финикійской культуры, которыми, правда, въ настоящее время наука располагаетъ все же въ довольно значительномъ количествѣ, по большей части добыты не путемъ систематическихъ раскопокъ на мѣстѣ финикійскихъ городовъ, а представляютъ собою результаты случайныхъ находокъ, сдѣланныхъ въ разное время и въ разныхъ концахъ извѣстнаго финикіянамъ міра. Таковы остатки финикійскихъ капищъ и гробницъ, плиты съ надписями и рельефными изображеніями, каменныя изваянія и глиняныя статуэтки, идольчики, амулеты, посуда, украшенія, печати,

монеты и т. п. Надписи (вотивныя, надгробныя и строительныя) не всегда ясны и со стороны своего содержанія не представляютъ большого интереса. Роль розеттскаго камня среди нихъ сыграла одна двуязычная греко-финикійская надпись, найденная Гюйо-де-ла-Марномъ въ 1735 г. на о. Мальтѣ и разобранная соединенными усиліями француза Бартелеми и англичанина Свинтона, которымъ съ ея помощью удалось отыскать ключъ къ чтенію финикійскихъ текстовъ; но большая часть этихъ текстовъ относится къ довольно позднему времени и не проливаетъ свѣта на древнѣйшій періодъ финикійской исторіи. Что же касается до сохранившихся отъ александрійской эпохи нѣсколькихъ отрывковъ финикійскаго писателя Санхуніатона въ греч. переводѣ Филона, то, какъ давно доказано (см. особенно Ewald „Ueber die phoenik. Ansichten von der Weltschöpfung und der geschichtliche Werth Sanchuniathons", Götting. 1851), они несомнѣнно подложны, — впрочемъ, еслибъ и были подлинны, то не пролили бы много свѣта на исторію Финикіи: главный ихъ предметъ не исторія, а космогонія [и теологія. Важнѣе для историка сохраненные Іосифомъ Флавіемъ (въ „Іудейскихъ древностяхъ" и памфлетѣ противъ Аніона) отрывки изъ Менандра и Элія Дія: въ этихъ отрывкахъ, содержаніе которыхъ относится къ тирскимъ царямъ X—VIII вв. (срв. выше стр. 93, прим.), заключается все, что уцѣлѣло отъ финикійской анналистики. Впрочемъ скудость туземныхъ источниковъ въ извѣстной мѣрѣ вознаграждается сообщеніями, разсѣянными въ письменныхъ памятникахъ другихъ древнихъ народовъ,—египтянъ (военныя реляціи фараоновъ и телль-эль-амарнская корреспонденція), ассирійцевъ (царскіе анналы), евреевъ и грековъ (главнымъ образомъ—Геродота, Діодора и Страбона). Въ области финикійской эпиграфики первое мѣсто занимаютъ труды Эвальда (Erklärung der grossen phönizischen Inschrift von Sidon. Götting. 1856), де-Вогюэ (Inscriptions phéniciennes de l'ile de Cypre. Paris. 1868), Сейса, Гиса (Heath, Phoenician inscriptions. Lond. 1873), Лидзбарскаго (Lidzbarsky въ „Ephemeris für Semitische Epigraphik"), Виклера, Клермона-Ганно и др.; разборомъ финикійскихъ монетъ занимался герц. де-Люинь (Numismatique de la Phénicie et des satrapies), а исторія Финикіи,—какъ внутренняя, такъ и внѣшняя,—сперва обработана была Моверсомъ, четырехтомное сочиненіе котораго („Die Phoenizier". Bonn. 1841) по богатству собраннаго въ немъ матеріала, несмотря на устарѣлость и совершенно не оправдавшіяся гипотезы автора, сохранило еще нѣкоторое значеніе и въ настоящее время, а позднѣе, на основаніи новыхъ данныхъ, — Шчманномъ („Gesch. der Phönizier". Berl. 1889; въ сборн. Онкена), Роллинсономъ („Phoenicia". Lond. 1889; въ сборн. „The Story of nations"), кромѣ того въ краткихъ очеркахъ (въ энциклопедіяхъ и т. под. сборникахъ) — Виклеромъ („Финикія" въ „Исторіи человѣчества" Гельмольта), Ландау („Die Phönizier" въ колл. „Der alte Orient" Lpz. 1901), Эд. Мейеромъ („Phoeniciens" въ „Bibl. Encycl." 1902), Гудшмидомъ („Die Phönizier" въ „Kleine Schriften", II) и др. Въ русской литературѣ можно указать слѣдующія сочиненія: Б. А. Тураевъ „Финикія" и др. статьи по финикійской исторіи въ энцикл. словарѣ Брокгауза и Ефрона; его же „Народъ Кефтъ" (Ж. М. Н. Пр. 1893); его же „Вопросъ о финикіянахъ на Балтійскомъ морѣ" (въ „Трудахъ X-го археол. съѣзда въ Ригѣ"); Глаголевъ „Религія финикіянъ" (Богосл. Вѣстн. 1901); Никольскій „Воазъ и Іахинъ" (въ сборникѣ, изданномъ въ честь Ѳ. Е. Корша); В. Ѳ. Коршъ „Нѣсколько словъ о финикійцахъ" (во „Всеобщ. ист. литер.", изданной подъ его редакціей); срв. также отдѣлъ „Сыны Ханаана" въ книгѣ З. А. Ragozinoй „Исторія Ассиріи". По вопросу о торговлѣ древняго міра вообще и финикійской въ частности можно указать на

старинное, но и теперь еще имѣющее научную цѣну сочиненіе Геерена (Ueber den Verkehr und Handel der alten Welt), на характеристику финикійской торговли въ „Исторіи Греціи“ Курціуса (перев. Веселовскаго, М. 1880. I, стр. 28 сл.) и соотвѣтствующіе отдѣлы у Вейса, Энгельмана („Исторія торговли и всемірныхъ сношеній“ въ перев. Телѣгина, 2 изд. 1870) и Бэра („Исторія всемірной торговли“ въ перев. Циммермана, М. 1876). *Ред.*

Естественныя выгоды финикійскаго побережья.

Сама природа предназначила Финикію быть торговымъ центромъ древняго міра: небольшой край этотъ, простиравшійся верстъ на 200 по среднему побережью Сиріи, снабженъ на Средиземномъ морѣ множествомъ превосходныхъ гаваней, сосѣднія Ливанскія горы изобилуютъ желѣзомъ и корабельнымъ лѣсомъ, а скудость почвы издавна побуждала жителей смотрѣть на море, какъ на единственный источникъ пропитанія и богатства. Но, что важнѣе всего, Финикія, находясь въ средоточіи стараго историческаго свѣта, между двумя древнѣйшими культурными центрами, — Египтомъ и тигро-евфратскою областью, — призвана была служить посредницей въ ихъ сношеніяхъ, какъ между собою, такъ и съ прибрежными странами Средиземнаго моря и юго-западной Азіи. Ни одна изъ центральныхъ странъ древняго Востока не могла соперничать въ этомъ отношеніи съ Финикіей: Палестина лишена была хорошихъ гаваней, Египетъ не имѣлъ желѣза и строевого лѣса, а Греція развила свою торговую, какъ и всю культурную, дѣятельность уже гораздо позже. Одна Финикія совмѣщала всѣ удобства, а потому она и могла въ древнѣйшее время сдѣлаться единственной морской державой стараго свѣта.

Народъ и города финикійскіе.

Семитическое населеніе этой земли подобно евреямъ, но только гораздо раньше ихъ, переселилось сюда тоже изъ странъ приевфратскихъ, смѣшавшись здѣсь съ туземцами кушитскаго происхожденія. Когда Авраамъ со своимъ родомъ пришелъ въ эти мѣста, то онъ засталъ уже здѣсь города, между которыми Сидонъ, „первенецъ Ханаана“, какъ называетъ его Библія, былъ древнѣйшимъ въ цѣлой странѣ. Но и Тиръ немного уступалъ ему древностью, а могуществомъ и богатствомъ превзошелъ вскорѣ всѣ города финикійскіе, которыхъ на всемъ побережьѣ было такое множество, что, по свидѣтельству греческихъ писателей, оно представлялось путешественнику какъ бы однимъ сплошнымъ поселеніемъ. Значительнѣйшими изъ нихъ послѣ Сидона и Тира были Библъ, Арадъ, Беритъ, Антарадъ и Триполь.

Торговыя сношенія финикіянъ,—морскія и сухопутныя.

Въ городахъ этихъ очень рано развилась мореходная дѣятельность, состоявшая сначала въ рыболовствѣ и отчасти въ морскихъ разбояхъ, а потомъ и въ мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

Цѣлью такихъ сношеній были конечно прежде всего ближайшіе берега и острова,—Палестина, Египетъ, Кипръ и Родосъ; но съ пріобрѣтеніемъ опытности и богатыхъ барышей возрастала и предпріимчивость финикіянъ, этихъ первыхъ на землѣ торговцевъ-мореплавателей, и они стали простирать свои экспедиціи все далѣе и далѣе на западъ. За полторы тысячи лѣтъ до нашей эры они уже знакомы были со всѣми берегами Средиземнаго моря, посѣщали Малую Азію, Грецію, Критъ, Сицилію, южную Италію, сѣверную Африку и Испанію, а нѣсколько позже ходили черезъ Геркулесовы Столбы въ Атлантическій океанъ, гдѣ на сѣверѣ повидимому достигали до Британіи и нынѣшней Пруссіи, а на югѣ спускались до Гвинейскаго берега. Въ то же время на востокѣ караваны ихъ ходили чрезъ сирійскую пустыню въ Ассирію, Арменію и кавказскія земли, а въ южномъ направленіи — вплоть до Вавилона и Персидскаго залива, откуда предпринимались отважныя плаванія въ Офиръ,—область, лежавшую на устьяхъ Инда. Наконецъ въ началѣ VI стол. до Р. Х. по порученію фараона Нехо они совершили безпримѣрный въ древности подвигъ, объѣхавъ кругомъ весь африканскій материкъ, хотя на счетъ этого путешествія и существуютъ сомнѣнія, высказанныя знаменитымъ географомъ Карломъ Риттеромъ [1]).

Въ предѣлахъ этой то обширной области, отъ Гвинеи до Кавказа и отъ Атлантическаго океана до Инда, вращалась торговая дѣятельность финикіянъ, состоявшая главнымъ образомъ въ обмѣнѣ собственныхъ и чужихъ фабрикатовъ на цѣнныя естественныя произведенія тѣхъ странъ, съ которыми они были въ сношеніяхъ. Такъ сидонскія и тирскія матеріи, пурпуръ, стекло, металлическія издѣлія, золотыя и серебряныя украшенія и сосуды, а также мануфактурные товары Вавилона, Ниневіи и Египта вымѣнивали они на гвинейское золото, испанское серебро, британское олово и прусскій янтарь, на хлѣбъ, вино, масло, кожи, шерсть плодоносныхъ, но тогда еще мало образованныхъ земель, прилегавшихъ къ Средиземному морю, на мѣдь, лошадей, вьючный скотъ и невольниковъ Арменіи и Кавказа, на ароматы Аравіи, на пряности Индіи, ея рѣдкіе плоды, слоновую кость и драгоцѣнные камни, получая при этомъ огромныя выгоды для самихъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ разнося первыя сѣмена матеріальной культуры по отдаленнымъ и полудикимъ краямъ юго-западной Европы и сѣверо-западной Африки.

---

[1]) W. Müller Die Umsegelung Africas d. phön. Schiffer. *Red.*

Колоніи финикіянъ.

Но финикіяне не только занесли въ эти мѣста начатки образованной жизни,—они умѣли и упрочить ихъ заведеніемъ своихъ колоній, гдѣ помѣщали избытокъ населенія ихъ многолюдныхъ городовъ, привлекавшихъ изъ окрестныхъ странъ цѣлыя массы рабочаго народа, а также учрежденіемъ промышленныхъ и торговыхъ факторій для склада товаровъ, для постояннаго торга съ туземцами, для разработки рудниковъ и другихъ мѣстныхъ естественныхъ богатствъ. Тѣ и другія, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, покрывали всѣ берега и острова извѣстныхъ имъ морей, и нѣкоторыя достигли значительной степени могущества и благосостоянія, сдѣлавшись въ свою очередь исходными пунктами самостоятельной колонизаціи или же новой торговой дѣятельности. Такими пунктами были Гадесъ — на южномъ берегу Испаніи или Тартеса, какъ называли эту страну финикіяне,—высылавшій колоніи и торговыя экспедиціи къ берегамъ Атлантическаго океана и съ теченіемъ времени сдѣлавшійся метрополіей около 200 городовъ, Ціонъ-Геберъ — у Аравійскаго залива, откуда предпринимались плаванія въ Офиръ, и Карѳагенъ, основанный за 880 лѣтъ до Р. Х. на сѣверо-африканскомъ берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ берегъ наиболѣе сближается съ Сициліей. Основаніе этого послѣдняго города существенно отличалось отъ другихъ. Огромная партія недовольныхъ правительствомъ, большею частью богатыхъ и знатныхъ фамилій, выселилась сюда изъ Тира со своими сокровищами, съ любовью къ свободѣ и независимости, со своею торговою и политическою опытностью, а потому и отношенія Карѳагена къ метрополіи всегда отличались самостоятельностью, а кругъ его дѣятельности былъ обширнѣе, чѣмъ какой-либо другой изъ финикійскихъ колоній. Но и кромѣ этихъ трехъ главныхъ пунктовъ всѣ берега и острова Средиземнаго моря усѣяны были финикійскими поселеніями, а колоніи карѳагенянъ сосредоточивались главнымъ образомъ въ Испаніи и далѣе по берегамъ Атлантическаго океана, къ сѣверу и югу отъ Столбовъ Геркулесовыхъ. Замѣчательнѣйшими изъ этихъ послѣднихъ были Макара и Панормъ—въ Сициліи, Караль—на островѣ Сардиніи, Адруметъ, Лептисъ, Утика, Иппонъ, Тингисъ, Бизацій—на сѣверномъ берегу Африки, Новый Карѳагенъ—въ Испаніи и др.

Историческія заслуги финикіянъ.

Но этими заслугами, а именно распространеніемъ посредствомъ торговли и колоній первыхъ началъ цивилизаціи по западнымъ странамъ собственно и ограничивается историческая дѣятельность финикіянъ, такъ какъ сдѣланныя ими усовершенствованія по части ткацкаго, красильнаго, литейнаго и юве-

лирнаго искусства составляютъ только дальнѣйшую ступень въ развитіи этихъ промысловъ, возникшихъ въ другихъ болѣе древнихъ образованныхъ странахъ, а именно въ Египтѣ и Халдеѣ. Такъ же точно и звуковой алфавитъ, извѣстный еще прежде въ Египтѣ, финикіяне только упростили до 22 буквъ и затѣмъ распространили его на Западѣ, сначала познакомивъ съ нимъ грековъ, а потомъ чрезъ Грецію и другія европейскія земли [1]). Въ одномъ только искусствѣ кораблестроенія и вообще мореплаванія были они совершенно самостоятельны, послуживъ въ этомъ отношеніи примѣромъ для всѣхъ другихъ народовъ древняго міра. Такъ же точно и всѣ виды торговли,—морская, караванная, мѣновая, транзитная, разносная,—имъ главнымъ образомъ обязаны или своимъ началомъ, или усовершенствованіемъ.

Прочія стороны финикійской культуры.

Такъ какъ финикіяне были народъ мореходный и главнымъ занятіемъ ихъ служило мореплаваніе и торговля, то и всѣ другія стороны ихъ культуры зависѣли отъ этого господствовавшаго въ ихъ жизни интереса.

а) Религія.

Такъ [въ ихъ религіи, состоявшей, какъ у большей части народовъ Передней Азіи, въ поклоненіи стихіямъ природы, а именно — съ одной стороны творящему, активному ея началу (Баалъ), съ другой — началу воспринимающему, пассивному (Баалетъ или Баалтисъ, иначе Астарта), выступаютъ на первый планъ божества звѣзднаго неба (астральныя) и морскія,— первыя, какъ указывающія путь мореходамъ, вторыя, какъ изобрѣтатели и покровители мореходства. Съ развитіемъ городской жизни и возвышеніемъ отдѣльныхъ финикійскихъ городовъ на степень почти самостоятельныхъ государствъ нѣкоторыя изъ этихъ божествъ пріобрѣтаютъ и мѣстное значеніе въ качествѣ „владыкъ“,—что собственно и значитъ слово „баалъ“,—или патроновъ различныхъ городскихъ общинъ. И только за однимъ изъ нихъ утвердилось достоинство общаго, національнаго божества всѣхъ финикіянъ], — и это былъ именно тирскій Мелькартъ, чтимый

---

[1]) Сочиненія, относящіяся къ вопросу о происхожденіи и распространеніи финикійскаго алфавита: De Rougé, Sur l'origine égypt. de l'alphabet phénicien. Paris, 1859; Lenormant, Essai sur la propagation de l'alphabet phénicien dans l'ancien monde. Paris. 1871—73. Есть впрочемъ основаніе думать, что и самое упрощеніе звукового алфавита не было дѣломъ финикіянъ, что алфавитъ, извѣстный подъ именемъ „финикійскаго“, возникъ въ Сиріи,—быть можетъ, въ исходѣ второго тысячелѣтія до Р. Х.,—а оттуда черезъ посредство финикіянъ, которые, стало быть, были собственно только его распространителями, проникъ и на Западъ. Мнѣнію названныхъ выше ученыхъ о египетскомъ источникѣ этого алфавита можно противопоставить другое—объ ассиро-вавилонскомъ его происхожденіи (Deecke). *Ред.*

какъ солнце и вмѣстѣ какъ богъ мореплаванія, колоній и торговли, какъ герой-цивилизаторъ, обошедшій подъ именемъ Геракла всѣ берега Средиземнаго моря до самыхъ Столбовъ, названныхъ его именемъ, насаждая повсюду сѣмена человѣческой культуры [1].

б) Общественное устройство.

Но еще больше эта зависимость замѣтна на общественномъ устройствѣ финикіянъ. Въ средѣ свободныхъ купцовъ и мореходовъ не могли развиться ни деспотизмъ, ни касты, ни теократическое господство жрецовъ. Въ городахъ финикійскихъ, управлявшихся каждый отдѣльно и составлявшихъ союзъ,—въ древнѣйшія времена подъ главенствомъ Сидона, а съ XI стол.—могущественнаго Тира, — существовала, правда, и царская власть, но она была очень ограничена вліяніемъ торговой аристократіи, составлявшей сенатъ, и отчасти жрецами. Такимъ образомъ устройство это скорѣе можно назвать республиканскимъ, нежели монархическимъ, — тѣмъ болѣе, что и сами цари, роды которыхъ принадлежали тоже къ аристократическимъ фамиліямъ, наравнѣ съ подданными участвовали въ торговыхъ предпріятіяхъ. Но, какъ во всѣхъ аристократическихъ республикахъ, участь безправнаго сельскаго населенія и разноплеменнаго рабочаго люда, стекавшагося сюда во множествѣ изъ окрестныхъ странъ и служившаго матеріаломъ для постоянныхъ новыхъ колоній, была весьма тяжела.

Политическая судьба Финикіи.

Наконецъ и самая политическая судьба Финикіи условливалась много ея значеніемъ на моряхъ. Какъ страна, по мѣстности своей со всѣхъ сторонъ открытая, слабая до ничтожества своими сухопутными военными силами и притомъ владѣвшая несмѣтными богатствами отъ своей торговли, она привлекала жадность всѣхъ завоевателей, появлявшихся въ Передней Азіи. Такъ уже въ отдаленной древности вмѣстѣ съ другими землями сирійскаго прибрежья [она вошла въ сферу политическаго и культурнаго вліянія древне-халдейской державы, видѣла въ своихъ предѣлахъ Саргона аккадскаго, снабжала своими произведеніями царей Ура и Лагаша и по всей вѣроятности не избѣжала ни

---

[1]) О религіи финикіянъ наилучшее представленіе даетъ блестящій трактатъ де-Вогюэ (Inscr. phén. de l'île de Cypre); также статьи Мордтманна въ Zeitschr. der deutsch. morgenl. Gesellsch. за 1877 и 1878 г. Tiele Gesch. der Religion im Alterthum. Deutsch. v. C. Gehrich. Gotha. 1898; O. Gruppe Die griech. Kulte u. Mythen in ihren Beziehungen zur oriental. Religion. I. Lpz. 1887. По-русски см. Макса Мюллера „Религія, какъ предметъ сравнительнаго изученія“ въ перев. А. Гилевича (Харьковъ, 1887, стр. 79—90). Глаголевъ ук. соч. *Ред.*

эламскаго завоеванія, ни власти Хаммураби. Когда же звѣзда Вавилона померкла и въ Междурѣчьѣ стали хозяйничать коссеи, Финикія была нѣсколько разъ покоряема оружіемъ фараоновъ и стала въ зависимость отъ Египта]. Время египетскаго господства, тяготѣвшаго надъ нею въ теченіе пяти столѣтій, было вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою процвѣтанія Сидона, который, пользуясь взаимнымъ соперничествомъ другихъ городовъ и поддержкою фараоновъ, дорожившихъ финикійскимъ флотомъ, успѣлъ развить до громадныхъ размѣровъ свои коммерческіе обороты и изъ простой рыбачьей деревушки возвыситься на степень главы финикійскихъ городовъ. Но этотъ періодъ сидонской гегемоніи закончился, лишь только стало ослабѣвать вліяніе Египта въ Сиріи. [Уже со временъ Аменхотепа III, какъ видно изъ телль-амарнской переписки, на Финикію нахлынулъ широкій потокъ новаго племеннаго движенія и произвелъ въ ней важные перевороты. Съ востока на нее шли амореи, съ сѣвера напирали хетты. Враги сѣяли ужасъ и опустошеніе въ странѣ, которая, будучи предоставлена собственнымъ силамъ, не могла имъ дать отпоръ. Между тѣмъ и съ запада стала надвигаться гроза.

Народы арійскаго племени, распространившіеся по малоазійскому материку и островамъ Архипелага и ставшіе извѣстными въ потомствѣ подъ туманнымъ и неопредѣленнымъ названіемъ пеласговъ, сумѣли извлечь для себя изъ сношеній съ финикійскими торговцами ту пользу, что скоро усвоили нѣкоторыя стороны ихъ болѣе высоко развитой культуры и уже за четырнадцать слишкомъ вѣковъ до Р. Х. могли явиться опасными ихъ соперниками на Эгейскомъ морѣ. При Мернептахѣ и Рамзесѣ III они производятъ вторженіе въ предѣлы нильской долины, въ Архипелагѣ ведутъ борьбу съ сидонскими колонистами и мало-по-малу совершенно вытѣсняютъ ихъ, наконецъ успѣваютъ утвердиться на сирійскомъ побережьѣ подъ именемъ филистимлянъ и отсюда одинаково угрожаютъ и Финикіи, и Палестинѣ. Около 1200 г. до нашей эры филистимляне внезапно появились передъ стѣнами Сидона, и этотъ богатый городъ палъ, уступивъ свое первенствующее значеніе среди финикійскихъ республикъ сопернику своему Тиру. Это событіе послужило началомъ новой эпохи въ исторіи финикіянъ. Убѣдившись горькимъ опытомъ въ невыгодахъ разрозненнаго, обособленнаго существованія, дѣлавшаго страну ихъ легкою добычею завоевателей, они обратились къ федеративному устройству, поставивъ Тиръ во главѣ своего союза. Мало того, они постарались войти въ дружескія связи съ сосѣдними израиль-

тянами, ища въ нихъ опоры противъ грознаго врага. Къ этому періоду тирской гегемоніи относится время наибольшаго процвѣтанія финикійской промышленности и торговли,—время, ознаменованное между прочимъ правленіемъ двухъ Хирамовъ (I и II), извѣстныхъ по Библіи союзниковъ Давида и Соломона. Но съ конца VIII стол. для беззащитной на сухомъ пути страны возникли новыя опасности. Вскорѣ послѣ взятія Самаріи Саргономъ,—вѣроятно, уже при сынѣ его Санхерибѣ],—она была покорена ассирійцами, а потомъ вслѣдствіе завоеваній Набукудуруссура подпала подъ власть халдеевъ, причемъ цѣлыя 13 лѣтъ Тиръ выдерживалъ осаду знаменитаго возстановителя Вавилона. Наконецъ еще полвѣка спустя Финикія сдѣлалась персидской провинціей. Цѣлый рядъ несчастій и грабежей въ такое короткое время не только убилъ свободу и благосостояніе Финикіи, но ослабилъ невозвратно и ея морское могущество. Главою ея западныхъ колоній мало-помалу сдѣлался Карѳагенъ; а ея поселеніями на восточномъ берегу и островахъ Средиземнаго моря съ теченіемъ времени совершенно овладѣли греки. Наконецъ основаніе египетской Александріи (подъ конецъ IV стол.), какъ новаго торговаго центра для всего средиземно-морскаго бассейна, когда вообще вся торговля древняго міра пошла по новымъ путямъ, окончательно лишила города финикійскіе ихъ прежняго значенія всемірныхъ рынковъ и складочныхъ пунктовъ для произведеній Востока и Запада.

С. Аріи.

Со временъ Франца Боппа, положившаго въ 1816 г. одною изъ первыхъ своихъ работъ („О системѣ спряженій въ санскритѣ сравнительно съ греческимъ, латинскимъ, персидскимъ и германскими языками") начало наукѣ „сравнительнаго языкознанія", первоначальное родство такъ называемыхъ индо-европейскихъ или арійскихъ народовъ считается несомнѣнно доказаннымъ. Изслѣдованія Боппа вызвали съ одной стороны цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ чисто лингвистическаго характера, съ другой—повели къ разъясненію различныхъ вопросовъ, относящихся къ доисторической культурѣ аріевъ, при помощи данныхъ языка. Такія попытки начинаются уже съ Авг. Вильг. фонъ Шлегеля (въ двадцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія), но первыя серьезныя работы этого рода принадлежатъ Куну и Гримму, и уже по слѣдамъ этихъ ученыхъ женевецъ Пикте взялся въ 1859 г. за составленіе очерка первобытной арійской культуры во всемъ ея объемѣ (Les origines Indo-européennes ou les Aryas primitifs, essai de paléontologie linguistique. Paris, 1856—63; 2-me éd. 1877). За нимъ слѣдовали нѣмцы Юсти („Ueber die Urzeit der Indogermanen", 1863), Максъ Мюллеръ (Essays on comparative Mythology, Oxford, 1856), Генъ (Culturpflanzen u. s. w.) и др. Сводъ всего, что сдѣлано въ этой области на западѣ, представилъ О. Шрадеръ въ переведенномъ

и на русскій языкъ сочиненія: „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія; лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія индогерманской древности“ (Спб. 1886). Съ антропосоціалогической точки зрѣнія (см. стр. 11, прим. 2) разсматриваетъ вопросъ объ арійской культурѣ Vacher de Lapouge (L'Aryen, son rôle social. Paris. 1899). Кромѣ сочиненія Шрадера по-русски имѣются еще: Максъ Мюллеръ „Сравнительная миѳологія“, перев. И. Живаго (М. 1863); Всевол. Миллеръ „Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшею культурою“. (М. 1878). *Ред.*

Арійское племя, давшее начало отрасли индо-европейскихъ народовъ, въ незапамятной древности обитало въ юго-восточномъ углу Турана, къ сѣверу отъ Бактріаны, т.-е. въ той обширной горной странѣ, гдѣ находятся истоки Яксарта, Окса, Инда, Ганга и откуда Гинду-Кушъ, Мустагъ и Гималаи, какъ изъ общаго узла, тянутся въ разныя стороны [1]). Даровитое племя это, бывшее и нашимъ

Разселеніе и развѣтвленіе арійскаго племени по Азіи и Европѣ.

[1]) Если вопросъ объ общемъ происхожденіи народовъ арійскаго корня рѣшенъ окончательно и безповоротно, то отнюдь нельзя считать рѣшеннымъ вопросъ о первоначальной родинѣ арійцевъ. Раньше отчизною индоевропейскаго племени большинство ученыхъ считало Азію; съ половины же минувшаго столѣтія все громче и громче стали подыматься голоса противъ этого мнѣнія. Первый высказался въ такомъ смыслѣ англичанинъ Лэсэмъ (Latham, Elements of comparative philology, Lond. 1862), полагавшій, что прародину арійцевъ слѣдуетъ искать въ Европѣ. Скоро къ нему примкнули Уитни (Whitney), Бенфей, Гейгеръ (Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit, 1871), Куно, Фридрихъ Миллеръ, Шпигель, Пёше, О. Шрадеръ (въ упомян. соч.), Сейсъ, Гиртъ и др. Правда, на сторонѣ прежняго ученія остались такіе выдающіеся лингвисты, какъ Фикъ и Гёферъ, такіе первоклассные ученые, какъ Генъ, Іог. Шмидтъ и Киперть; но нельзя отрицать справедливость нѣкоторыхъ возраженій новой школы, оставшихся непоколебленными. Сущность ихъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: 1) мнѣніе, будто бы санскритъ и зендъ болѣе архаичны, нежели языки европейскіе, а потому и болѣе близки къ колыбели арійскаго племени, не можетъ быть доказано; 2) родство семитическихъ языковъ съ индоевропейскими сомнительно; 3) выводы лингвистической палеонтологіи не даютъ точки опоры для рѣшенія вопроса объ азіатской или европейской родинѣ арійцевъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ; они говорятъ намъ только то, что отчизною этого племени была какая-то сѣверная страна; 4) для рѣзкаго разграниченія индо-иранской вѣтви арійскихъ языковъ отъ вѣтви европейской нѣтъ ни лингвистическихъ, ни культурно-историческихъ основаній; 5) первобытные аріи, насколько о томъ позволяютъ судить языковыя данныя, въ пору, предшествовавшую ихъ раздѣленію, находились на той же степени цивилизаціи, на какой археологія застаетъ древнѣйшихъ обитателей Швейцаріи періода свайныхъ построекъ; 6) въ воспоминаніяхъ индо-европейскихъ народовъ не сохранилось ничего о какихъ бы то ни было переселеніяхъ на западъ, — каждый изъ нихъ всегда считалъ себя автохтономъ своей страны; однако анализъ языка и миѳовъ заставляетъ предполагать, что въ глубокую доисторическую пору переселенія совершались,—и именно въ направленіи съ сѣвера на югъ, отчасти на востокъ; наконецъ 7) можно думать, что еще въ пору своего географическаго единства первобытные аріи представляли многочисленное племя, развившее уже въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ діалектическія особенности и требовавшее для своего пропитанія области, гораздо болѣе обширной, нежели плоскогорье Памира, на которомъ обыкновенно помѣщаютъ ихъ родину. Подробности см. у О. Шрадера (назв. соч.) и І. Шмидта („Die Urheimat der Indogermanen u. d. europäische Zahlsystem“ въ Abhandl. der Berl. Ak. d. Wiss. 1890). Ученые, высказавшіеся въ пользу европейской прародины аріевъ, разошлись однако между собою въ опредѣленіи мѣста этой прародины: Шрадеръ искалъ ее въ юго-восточной Россіи, въ области Поволжья; Сейсъ, Гиртъ и др. — къ югу отъ Балтійскаго моря. *Ред.*

прародителемъ, вѣковъ за 30 до христіанской эры, а можетъ быть и ранѣе, путемъ постепенной завоевательной колонизаціи стало подвигаться въ двухъ направленіяхъ, на югъ и юго-западъ. Южные выселенцы занимали страны, орошаемыя Индомъ и Гангомъ, и стали съ тѣхъ поръ называться индусами, а юго-западные распространились по всему Ирану и образовали господствующее населеніе этой земли. Но колонизація аріевъ не остановилась въ Иранѣ, а двинулась еще далѣе на западъ. Въ Передней Азіи впрочемъ ей сначала утвердиться было нельзя, потому что здѣсь существовали уже въ то время сильныя государства съ весьма развитой и древней цивилизаціей,—Эламъ, Халдея, финикійскій союзъ и др. Поэтому аріи черезъ земли семитовъ перешли въ Европу и подъ именемъ эрако-италійцевъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ мало-по-малу подчинили ее своему господству, покоривъ первобытное туранское населеніе этой части свѣта. Въ Азіи же главнѣйшими народами арійскаго происхожденія остались только индусы и иранцы.

На основаніи выводовъ сравнительнаго языкознанія въ настоящее время считается несомнѣннымъ, что всѣ перечисленные народы происходятъ отъ общаго корня и состоятъ между собою въ кровномъ родствѣ. Это доказывается не только сходствомъ ихъ языковъ, но и множествомъ общихъ чертъ въ ихъ миѳологіи, правѣ и нравственныхъ понятіяхъ. Такими чертами можно считать сознаніе личнаго достоинства и чувство чести, свойственное всѣмъ народамъ этого корня, ихъ пытливый и любознательный духъ и творческій общественный геній, нравственныя основы ихъ семейнаго быта и ихъ болѣе развитыя понятія о собственности, что́ все вмѣстѣ составляетъ такіе задатки высшей духовной культуры, какихъ мы не встрѣчаемъ у народовъ семитическаго происхожденія, а тѣмъ болѣе у другихъ низшихъ породъ человѣческихъ.

1) Индусы.

Источниками для исторіи индусовъ служатъ, во-первыхъ, многочисленныя произведенія ихъ собственной литературы, отчасти переведенныя теперь и на европейскіе языки, во-вторыхъ, монументальные памятники индійскаго искусства, въ третьихъ, свидѣтельства греческихъ писателей,—Геродота, Діодора, Страбона, Арріана и Ктезія (сохранившагося впрочемъ лишь въ отрывкахъ). Научная же разработка исторіи, древностей, языка и литературы Индіи началась только со времени утвержденія англійскаго владычества въ этой странѣ, т.-е. со второй половины прошлаго столѣтія, когда англійскіе ученые Джонсъ, Кольбрукъ, позднѣе Вилькинсонъ и др. стали знакомить съ ними Европу. Первый толчокъ въ

этомъ дѣлѣ исходилъ отъ самого правительства, которое возбудило въ ученомъ мірѣ живѣйшій интересъ къ Индіи изданіемъ свода туземныхъ законовъ въ англійскомъ переводѣ, сдѣланномъ девятью браманами по предписанію тогдашняго остъиндскаго генералъ-губернатора Варрена-Гастингса („A code of Gentoo Law", Lond. 1775). Съ тѣхъ поръ англійская литература не переставала обогащаться обширными и краткими, общими и монографическими сочиненіями по исторіи Индіи. По слѣдамъ науки англійской шла нѣмецкая, обогатившая этотъ отдѣлъ всемірной исторіи важными изслѣдованіями. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должно поставить „Индійскія древности" Лассена (Lassen, Indische Alterthumskunde, Bonn, 1847), затѣмъ составленное по греческимъ и отчасти туземнымъ источникамъ сочиненіе Крузе объ Индіи (Indiens alte Gesch. etc. besonders hinsichtlich des Handels und der Industrie. Leipz. 1856), труды Альбр. Вебера (Indische Studien), Макса Мюллера (History of sanscrit literature) и проч. Съ 1880 г. въ сборникѣ Онкена стала выходить „Исторія древней Индіи" Лефманна (послѣднее изданіе 1890 г.). Изъ французскихъ сочиненій заслуживаютъ вниманія старинныя изслѣдованія Бюрнуфа (преимущественно о буддизмѣ) и болѣе новое сочиненіе Ле-Бона „Les civilisations de l'Inde". Paris, 1889. На русскомъ языкѣ есть также нѣсколько оригинальныхъ трактатовъ, относящихся къ исторіи древней Индіи, и прежде всего — замѣчательная книга проф. Васильева „Буддизмъ, его догматы, исторія и литература" (по китайскимъ и тибетскимъ источникамъ), Спб. 1857, и его-же „Религіи Востока" (Буддизмъ, Конфуцій и др.). Спб. 1873. Далѣе: Рославскій-Петровскій „Очерки древней Индіи" (Харьк. 1871); проф. И. Минаевъ „Новые факты относительно связи древней Индіи съ Западомъ" (Ж. М. Нар. Пр. 1870, CL); его-же „Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г." (Спб. 1876); его-же „Очеркъ важнѣйшихъ памятниковъ санскритской литературы" (въ сборникѣ Корша); Деларю „Опытъ исторіи поэзіи древнихъ индусовъ" (Кіевъ, 1866); „Книга закона Ману" (статья историко-литературнаго содержанія въ „Филол. Зап." 1874, III и IV); три статьи въ сборникѣ Пютца (составленныя по Лассену и Бенфею); отдѣлъ объ индусахъ въ книгѣ Вейса (первая часть перваго тома) и проч. Есть также и переводы нѣкоторыхъ санскритскихъ памятниковъ на русскій языкъ (напр., „Наль и Дамаянти", эпизодъ изъ Магабараты, въ перев. И. Коссовича; М. 1851—52; „Пратимокша-сутра", буддійскій служебникъ, изданный и переведенный проф. И. Минаевымъ; переводы драмъ Калидасы „Васантасена", „Сакунтала" и проч.). *Ред.*

Внѣшняя исторія Индіи.

Судьба Индіи съ древняго времени совершенно отлична отъ исторіи другихъ культурныхъ земель Востока. Съ того времени, какъ аріи заняли бассейны Инда и Ганга, вмѣстѣ съ цѣлымъ полуостровомъ Предгангскимъ подчинивъ своей власти и племена дравидскія и монгольскія, издревле тамъ обитавшія, и до самого исхода древней исторіи, т.-е. въ теченіи 2000 слишкомъ лѣтъ, страна эта, защищенная съ сѣвера непроходимыми Гималайскими горами, а съ запада индійскимъ Пятирѣчьемъ и пустынями южнаго Ирана, ни разу не испытала прочнаго чужеземнаго завоеванія. [Направленныя въ эту сторону завоевательныя попытки персовъ ограничивались лишь кратковременнымъ пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ смежныхъ областей, а] предпріятія греко-македонскихъ царей, имен-

но сирійскихъ Селевкидовъ въ IV и III ст. до нашей эры, не имѣли другихъ послѣдствій кромѣ ближайшаго знакомства съ этимъ малоизвѣстнымъ въ древности краемъ. Сами же индусы никогда не предпринимали наступательныхъ войнъ и не дѣлали внѣшнихъ пріобрѣтеній. Оставались такимъ образомъ одни мирныя, преимущественно торговыя сношенія съ иностранцами,—съ арабами, финикіянами, персами и впослѣдствіи съ греками,—сношенія, путемъ которыхъ Индія могла бы подвергнуться какому-нибудь чужеземному вліянію, но и они затрогивали главнымъ образомъ только приморскія и пограничныя мѣстности и рѣдко проникали въ глубь страны.

Вслѣдствіе такого склада своей внѣшней исторіи Индія сдѣлалась какимъ-то особымъ замкнутымъ міромъ и развила совершенно самородную цивилизацію. Но, прежде чѣмъ сложилась эта цивилизація, цѣлое тысячелѣтіе прошло для индійскихъ аріевъ во внутренней военной дѣятельности,—въ покореніи туземнаго населенія, въ усобицахъ арійскихъ племенъ между собою. И только когда прошелъ этотъ героическій вѣкъ индійской исторіи и племена окончательно усѣлись на мѣстахъ своихъ, образовавъ множество мелкихъ государствъ, на которыя распался весь край и которыя нерѣдко состояли между собою въ отношеніяхъ, отчасти напоминающихъ ленныя отношенія средневѣковой Европы, — тогда лишь установились прочно и формы индійской образованности, самыми замѣчательными сторонами которой были религія, общественное устройство, литература и пластическія искусства.

Религія. Религія индусовъ, какъ и всѣ натуральныя религіи, образовалась подъ вліяніемъ окружавшей ихъ природы; а такъ какъ ни въ одной странѣ азіатскаго Востока природа не отличается такою мощью, такимъ богатствомъ, разнообразіемъ и роскошью своихъ даровъ и силъ, какъ въ области Инда и Ганга, то и не удивительно, что индійскіе аріи съ теченіемъ времени пришли къ обожествленію всей природы и вмѣсто политеизма, какъ у другихъ язычниковъ, создали пантеизмъ. Они думали, что божественная сила разлита во всемъ видимомъ мірѣ, и назвали эту силу Брамой, который-де и есть творецъ и душа вселенной; силѣ же, сохраняющей твореніе, они поклонялись подъ именемъ Вишну; между тѣмъ какъ разрушительная сила той же природы боготворима была ими подъ именемъ грознаго Сивы. Однако само собою разумѣется, что такая сложная форма религіозныхъ представленій, какъ это знаменитое ученіе о Тримурти или индійской троицѣ,

возникшее не безъ вліянія жречества, отнюдь не могла быть первоначальною: она сложилась лишь въ позднѣйшія времена, мало-по-малу совершенно вытѣснивъ болѣе древнія воззрѣнія, [которыя представляются теперь приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

Сначала главными божествами индійскаго пантеона были—Варуна, богъ надзвѣзднаго пространства, Суріа—солнце, Агни—огонь, Митра, богъ свѣта и тепла, близнецы Асвины, братья розовой зари, и др., которымъ всѣмъ индусъ приносилъ въ жертву божественную сому,—опьяняющій сокъ горнаго растенія asclepias acida; но скоро всѣхъ ихъ заслонилъ собою Индра, ставшій во время возникновенія индійскихъ героическихъ пѣсенъ величайшимъ изъ боговъ Индіи,—богомъ боговъ и владыкою неба. Въ качествѣ божества грома онъ является передовымъ борцомъ въ рядахъ небесныхъ воинствъ, побѣдителемъ темной силы Вритры и, такъ сказать, прототипомъ земныхъ героевъ. Такого именно бога нужно было индійскимъ аріямъ въ тотъ шумный военный періодъ ихъ жизни, когда они начинали утверждаться въ бассейнахъ Инда и Ганга. Древнѣйшія стихійныя божества естественно должны были отступить передъ этимъ могучимъ войнолюбивымъ богомъ, воплотившимъ въ себѣ и неукротимую храбрость, и военную хитрость, и государственную мудрость индусскихъ вождей и правителей. Но, какъ только періодъ борьбы закончился блестящею побѣдою арійскаго элемента надъ туземными низшими расами и въ странѣ воцарилось спокойствіе, какъ тотчасъ же съ уменьшеніемъ значенія военной касты уменьшается и значеніе Индры. Наступаетъ новый періодъ,—періодъ преобладанія духовнаго начала надъ началомъ матеріальнымъ. На первый планъ выступаетъ жречество, а съ нимъ вмѣстѣ и культъ Брамы, передъ спокойнымъ величіемъ котораго меркнетъ блескъ Индры. Съ этихъ поръ уже не храбрость и дерзкая отвага, а молитва, покаяніе, подвиги самоотреченія и щедрая жертва стали необходимы человѣку для пріобрѣтенія всякихъ благъ на землѣ и на небѣ, и власть Индры умалилась до того, что передъ чарующею силою заклинаній аскета онъ самъ сталъ совершенно безпомощенъ. Всѣ его функціи мало-по-малу переносятся на новыхъ боговъ — Вишну и Сиву, которые вмѣстѣ съ Брамою и становятся во главѣ индійскаго пантеона].

Въ связи съ философскимъ ученіемъ о Брамѣ, проникающемъ всю природу, стояла вѣра въ безсмертіе души, свойственная впрочемъ всѣмъ арійскимъ народамъ. Но въ Индіи она приняла своеобразный характеръ. Если божественъ и безсмертенъ весь міръ, думали индусы, то безсмертна также и душа человѣка, предназна-

ченная подобно всему сотворенному соединиться съ душею міра, т.-е. съ Брамой; но, чтобы достигнуть такого вожделѣннаго соединенія, она должна подвергнуться метампсихозѣ, т.-е. очиститься отъ грѣховъ, испытавъ на землѣ цѣлый рядъ существованій въ видѣ камней, растеній, животныхъ и людей разныхъ общественныхъ классовъ, такъ какъ всѣ предметы и твари земныя по степени своего проникновенія Брамой образуютъ безконечную лѣстницу, ведущую къ этому чистому и высочайшему духу вселенной.

Жрецы же создали впослѣдствіи и ученіе объ аватарахъ или воплощеніяхъ Вишну на землѣ подъ видомъ разныхъ благодѣтельныхъ героевъ или подвижниковъ божественной правды. Такихъ воплощеній по ученію жрецовъ до сихъ поръ было уже девять, десятое же наступитъ при концѣ міра. Въ борьбѣ своей съ развившейся въ VI стол. человѣчественной проповѣдью Будды браманы выставили аватары, какъ доказательство, что и ихъ религія не ограничивается поклоненіемъ одному божеству, безличному и безстрастному,—Брамѣ въ трехъ его видахъ, но что въ лицѣ охранителя Вишну она принимаетъ и непосредственное участіе въ судьбахъ и бѣдствіяхъ человѣка.

Общественное устройство. Касты.

Такими-то господствующими религіозными вѣрованіями освящено было въ Индіи и строгое раздѣленіе народа на касты, служившее основаніемъ ея общественнаго устройства. Четыре главныя касты,—самая высшая брамановъ или жрецовъ, затѣмъ кшатріевъ или воиновъ, вайсіевъ или всякаго рода промышленниковъ и судровъ или служебныхъ и рабочихъ классовъ, не имѣвшихъ собственности и личныхъ правъ,—возникли и развились въ Индіи совершенно естественно: три высшія — вслѣдствіе долгой внѣшней безопасности, позволившей установиться наслѣдственности занятій и званій, переходившихъ отъ отца къ сыну, а низшая—вслѣдствіе покоренія аріями туземцевъ, обращенныхъ ими въ служилыхъ судровъ. Только люди, принадлежавшіе къ одной изъ этихъ кастъ, несмотря на огромное неравенство правъ, считались гражданами индійскаго государства. Стоявшіе же внѣ кастъ такъ называемые чандалы и паріи, — большею частью потомки тѣхъ туземныхъ племенъ, которыя не покорились арійскому обычаю,—стояли и внѣ всякаго права, т.-е. лишены были покровительства законовъ.

Хотя такимъ образомъ все кастовое устройство, какъ уже замѣчено, развилось само собою, но браманы, занявшіе въ этой общественной іерархіи самое почетное мѣсто, позаботились придать ему незыблемую прочность, обративъ выгодный для нихъ порядокъ

вещей въ религіозный законъ и утверждая, что касты установлены самимъ Брамой для того, чтобы и между людьми существовала такая же строгая классификація достоинства и правъ, какая замѣтна и во всемъ остальномъ мірѣ. Символически это выражалось ученіемъ, что браманы произошли изъ головы Брамы, кшатріи изъ рукъ его, вайсіи изъ чреслъ, а судры изъ ногъ его. Отсюда неподвижность и замкнутость индійскихъ кастъ, какъ закона естественнаго и божескаго; отсюда же—страшная эксплуатація другихъ кастъ браманами, владѣвшими не только богатыми землями, свободными отъ всякихъ повинностей, но и занимавшими всѣ общественныя должности—жрецовъ, ученыхъ, врачей, совѣтниковъ, судей, чиновниковъ, а также имѣвшими исключительное право изъяснять священныя книги (Веды и др.), на авторитетѣ которыхъ покоилось все это устройство. Поэтому образъ правленія индійскихъ государствъ можно назвать въ полномъ смыслѣ теократическимъ, и, хотя въ нихъ встрѣчается и царская власть съ деспотическимъ характеромъ, какъ на всемъ Востокѣ, но она совершенно опутана вліяніемъ могущественнаго жречества. Такъ же точно и общинное устройство, свойственное всѣмъ народамъ арійскаго корня и легшее въ основаніе быта сельскаго населенія и въ Индіи, значительно парализовано было своекорыстной жреческой теократіей.

Литература.

Браманская религія и теократическое устройство индійскихъ царствъ условили собою и характеръ литературы индусовъ. Памятники этой литературы драгоцѣнны для насъ, какъ древнѣйшія произведенія индо-европейской письменности вообще, санскритскій же языкъ, на которомъ написаны произведенія древне-индійской литературы, представляетъ тотъ интересъ, что онъ является древнѣйшимъ образчикомъ языковъ индоевропейскихъ, образчикомъ, еще очень близкимъ къ общеарійскому типу [1]).

По древности происхожденія первое мѣсто между этими памятниками принадлежитъ Ведамъ. Ихъ четыре, — Ригъ, Яджуръ, Сама и Атарва. Это сборники религіозныхъ гимновъ, мо-

[1]) Слово „санскритъ“ (sanskrta) значитъ собственно „составленный“, „сдѣланный“. Этимъ названіемъ обозначается искусственный литературный говоръ, служащій органомъ мысли образованныхъ классовъ Индіи, особенно жреческой касты, которая пользуется имъ и доселѣ. Отъ него слѣдуетъ отличать болѣе поздно и широко развившіеся діалекты: а) пракритъ, встрѣчающійся на памятникахъ, монетахъ и въ литературѣ (въ драмѣ) не раньше III стол. до Р. Х.; в) пали, — священный языкъ буддистовъ Задней Индіи; с) нѣкоторыя нарѣчія, составляющія переходъ къ языкамъ современной Индіи. Отличенъ также отъ санскрита языкъ канонической литературы (Веды и толкованія къ нимъ, такъ назыв. Брагманы). *Ред.*

литвенныхъ призываній, обрядовыхъ формулъ и наставленій. По содержанію нѣкоторыя части Ведъ, особенно первой, восходятъ къ весьма почтенной древности (быть можетъ, вѣковъ за пятнадцать до нашей эры), хотя ихъ нынѣшняя редакція носитъ слѣды очень недавняго происхожденія. Такъ же точно и книга Ману, содержащая въ себѣ законы индійскаго общества, по своей систематической формѣ принадлежитъ позднѣйшему времени, тогда какъ самыя законодательныя постановленія могли получить начало по крайней мѣрѣ за тысячу лѣтъ до Р. Х. То же можно сказать и о Пуранахъ,—сборникахъ древнихъ преданій страны, служащихъ во многихъ случаяхъ толкованіями на Веды и законодательный кодексъ. Но еще больше интереса представляютъ дошедшіе до насъ остатки древне-индійской эпической поэзіи, а именно двѣ поэмы—Магабгарата, изображающая борьбу двухъ царственныхъ родовъ (Куру и Панду), и Рамайана, въ которой воспѣты подвиги божественнаго героя Рамы или воплотившагося въ его образѣ Вишну. Несмотря на свою тоже довольно позднюю окончательную редакцію, это древнѣйшіе на землѣ образчики богатырскаго эпоса, рисующіе предъ нами героическій бытъ индійскихъ аріевъ въ эпоху покоренія ими Индостана и слѣдовавшихъ затѣмъ племенныхъ усобицъ. Древне-индійская литература очень богата также философскими сочиненіями, но возникновеніе шести главнѣйшихъ философскихъ системъ или дарсановъ лишь незадолго предшествовало тому періоду, когда появленіе буддизма, этого перваго протеста противъ ученія брамановъ, вообще возбудило въ индійскомъ обществѣ духъ критики и анализа. Индійская философія путемъ свободнаго мышленія, независимаго отъ авторитета священныхъ книгъ, рѣшала глубочайшіе вопросы метафизики о Богѣ, происхожденіи міра, о природѣ души человѣческой и высочайшемъ критеріи истины или въ пантеистическомъ духѣ, какъ въ дарсанѣ Канады и другихъ мыслителей, или же въ атеистическомъ, какъ въ системѣ „Санкія“ философа Капилы, и только одна „Миманса“ отстаиваетъ Веды и всѣ установленія теократическаго браманизма. Наконецъ въ самое уже позднее время, незадолго до христіанской эры, мы встрѣчаемъ у индусовъ и опыты драматической поэзіи. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ этого рода была драма Калидасы „Сакунтала“.

Драматическимъ же характеромъ облечены отчасти и индійскія басни, собранныя въ книгахъ „Панчатантрѣ“ и „Гитопадесѣ“ и облетѣвшія весь свѣтъ, благодаря персидскимъ и арабскимъ переводамъ и передѣлкамъ.

Пластическія искусства.

Тотъ же религіозный духъ, который создалъ общественное устройство индусовъ и направленіе ихъ древнѣйшей литературы, наложилъ свой отпечатокъ и на ихъ пластическія искусства, между которыми зодчество достигло наибольшаго развитія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ величественыя топы или ступы (каменныя гробницы,—хранилища реликвій Будды и его послѣдователей), пагоды и громадные пещерные храмы, уцѣлѣвшіе и до настоящаго времени въ Эллорѣ, на островахъ Сальсетрѣ и Элефантинѣ и въ другихъ мѣстахъ Индостана. [Древнѣйшіе изъ нихъ восходятъ впрочемъ не дальше III вѣка предъ Р. Х., такъ какъ вообще успѣхи строительной дѣятельности замедлялись въ Индіи теплымъ климатомъ этой страны и ея богатою природою, въ изобиліи снабжавшею человѣка всѣмъ необходимымъ. Что же касается индійскаго ваянія, то и оно развивалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіи. Это доказываютъ многочисленные рельефы, украшающіе стѣны, карнизы и колонны храмовъ и въ исполинскихъ размѣрахъ воспроизводящіе народныя сказанія о богахъ и герояхъ. Впрочемъ, какъ и въ другихъ странахъ древняго Востока, скульптура не поднялась здѣсь на степень самостоятельнаго искусства и, служа цѣлямъ зодчества, отличалась черезчуръ массивными, чисто архитектоническими формами].

Реакція противъ брамаизма. Буддизмъ.

При такомъ одностороннемъ направленіи всего образованія, несмотря на роскошь и изобиліе страны, жизнь индо-арійскаго народа не могла быть счастливою. На каждомъ шагу угнетала его своекорыстная теократія, касты стѣсняли свободное развитіе его способностей, а безжалостная и безучастная религія Брамы не доставляла ему ни утѣшенія, ни отрады. Поэтому противъ браманской религіи и государственнаго строя въ половинѣ VI в. до нашей эры возникла реакція, представителемъ которой явился царевичъ Сиддарта (Siddhartha, „совершенный“) изъ владѣтельнаго рода Гаутамовъ. Подъ именемъ Будды, т.-е. „просвѣщеннаго“, сталъ онъ учить народъ, что жертвы и обряды, которымъ браманы приписывали такъ много значенія, вовсе неважны для человѣка, главное достоинство котораго заключается въ добродѣтели, что отъ загробныхъ наказаній и мученій вѣчной метампсихозы, которыми жрецы пугали воображеніе невѣжественной массы,—можно избавиться посредствомъ нирваны, т.-е. умерщвленія въ себѣ страстей, желаній и вообще душевныхъ способностей и силъ путемъ созерцательной жизни,—что вмѣсто жестокосердаго обращенія съ людьми низшихъ кастъ, для которыхъ даже существовалъ особый кодексъ морали, должно всячески об-

легчать участь ближнихъ, и безъ того очень несчастныхъ въ силу множества естественныхъ бѣдствій, наполняющихъ жизнь, — рожденія, болѣзни, старости, смерти и друг.,—и наконецъ, что, несмотря на различіе кастъ, нравственно всѣ люди равны, такъ какъ всѣхъ одинаково ожидаетъ нирвана или вѣчное уничтоженіе. Затѣмъ для духовныхъ и мірянъ Будда предписалъ особыя правила нравственности, состоявшія въ десяти заповѣдяхъ и другихъ постановленіяхъ, предписывающихъ милосердіе, воздержаніе, чистоту, смиреніе, самоуглубленіе и исканіе правды.

Ученіе это, столь противоположное браманизму, несмотря на его атеистическую философскую подкладку, такъ какъ Будда непризналъ Бога и смотрѣлъ на міръ, какъ на вѣчный и самостоятельный механизмъ, встрѣчено было однакожъ съ большимъ сочувствіемъ и стало быстро распространяться, особенно въ низшихъ, наиболѣе угнетенныхъ слояхъ общества, съ жадностью внимавшихъ столь человѣчественной морали новой религіи. Но такіе успѣхи возбудили зависть и злобу брамановъ, боявшихся потерять свою власть и господствующее положеніе въ обществѣ; ибо, хотя Будда и не нападалъ прямо на касты, какъ на главное учрежденіе, но, отвергнувъ авторитетъ Ведъ, онъ тѣмъ самымъ лишалъ ихъ религіознаго освященія, а выставивъ безполезность обрядовъ, наносилъ жречеству сильный ударъ, дѣлалъ его ненужнымъ для общества.

Поэтому уже тотчасъ по смерти Будды открылись противъ его послѣдователей гоненія, въ виду которыхъ буддисты на нѣсколькихъ синодахъ установили норму своего исповѣданія посредствомъ писаннаго канона ихъ и старались защищаться отъ своихъ преслѣдователей сначала публичными диспутами съ представителями браманизма, а потомъ и открытою силою. Завязалась борьба между двумя религіями, продолжавшаяся нѣсколько столѣтій и кончившаяся изгнаніемъ послѣдователей Будды изъ Передней Индіи. Но за то они распространили свое ученіе на островѣ Цейлонѣ, во всей почти заганской странѣ и по всей восточной и отчасти внутренней Азіи,—сначала въ западномъ Китаѣ, а чрезъ китайцевъ въ Кореѣ и Японіи, утвердивши центръ своей пропаганды въ Тибетѣ, гдѣ съ теченіемъ времени развились и всѣ важнѣйшія буддійскія учрежденія,—іерархія, синоды, миссіонерство, отшельничество, странноприимные дома и богадѣльни, культъ святыхъ буддійской церкви, публичныя покаянія,—явленія, имѣющія многонаружнаго сходства съ христіанскими учрежденіями среднихъ вѣковъ. Самая религія Будды въ этихъ новыхъ странахъ измѣнила

во многомъ свое содержаніе и характеръ, поглотилась обрядностью, наполнилась суевѣріями, а ея основатель изъ образца человѣческихъ добродѣтелей, какой чтили въ немъ его ближайшіе ученики, въ представленіяхъ своихъ позднѣйшихъ послѣдователей превратился въ какое-то сверхъестественное существо, отъ времени до времени возраждающееся на землѣ для возстановленія чистоты своего ученія. Тѣмъ не менѣе буддизмъ продолжалъ дѣлать все новые и новые успѣхи,—особенно въ сѣверномъ направленіи, гдѣ ему подчинились даже нѣкоторые изъ подвластныхъ намъ сибирскихъ инородческихъ племенъ, такъ что въ настоящее время $^2/_5$ всего человѣческаго рода принадлежитъ къ этой религіи, посѣявшей между народами внѣисторической Азіи первыя сѣмена человѣческой нравственности, въ чемъ и состоитъ ея всемірно-историческая заслуга, не смотря на всѣ ея грубыя суевѣрія, скрытый въ сущности ея атеизмъ и бездушную формалистику, въ которую она съ теченіемъ времени превратилась.

2) Иранскіе народы.

Кромѣ барельефовъ историческаго содержанія на памятникахъ и клинообразныхъ надписей, изъ которыхъ самая замѣчательная — большая дарієва надпись, найденная въ Индіи, на горѣ Бегистунѣ, въ окрестностяхъ Экбатаны, и впервые разобранная Ролинсономъ,—персы не оставили никакихъ письменныхъ извѣстій о своей древнѣйшей исторіи, такъ какъ дошедшіе до насъ отрывки Зендъ-Авесты, очень важные для характеристики религіи иранскихъ народовъ, не заключаютъ въ себѣ историческихъ данныхъ, а средневѣковыя сочиненія персидскихъ поэтовъ и историковъ, напр. Мирконда (XV в.) и знаменитая „Шахнамэ“ или „книга царей“ Фирдуси (XI в.), хотя и касаются древнѣйшей судьбы иранскихъ народовъ, но ихъ изложеніе такъ несистематично и опутано такимъ баснословіемъ, что европейскіе ученые давно уже оставили попытки извлечь изъ нихъ какія-нибудь связныя представленія объ этомъ вопросѣ. Затѣмъ остаются свидѣтельства Библіи (особенно книги Эздры, Нееміи и Эсенрь) и извѣстія греческихъ и римскихъ писателей,—Геродота, Ктезія, Ксенофонта („Анабазисъ“ и „Кипедія“), Діодора Сицилійскаго, Страбона, Плинія, Квинта Курція и др. Что же до новѣйшихъ изслѣдованій по этому отдѣлу, то, какъ на лучшее, можно указать на „Исторію ассирійцевъ и иранянъ“ Кругера („Gesch. der Assyrier und Iranier vom XIII bis zum V Jahrh. v. Chr.“ Frankfurt a. M. 1856), представляющую сводъ всего, что до шестидесятыхъ годовъ сдѣлано было европейскими оріенталистами по этой части; далѣе—на вышедшее въ сборникѣ Онкена сочиненіе Ферд. Юсти по исторіи древней Персіи (вплоть до временъ арабскаго завоеванія), на изслѣдованіе Роде (Rhode) о древне-иранской религіи, на „Исторію древности“ Дункера, у котораго Ирану отведенъ объемистый томъ (четвертый), на рядъ работъ Шпигеля („Eranische Alterthumskunde. Lpz. 1871—1878; Die arische Periode und ihre Zustände. 1887), Гюбшмана и пр.

Изученіемъ священныхъ книгъ древнихъ персовъ занимались—Бюрнуфъ, Шпигель (Avesta,—die heiligen Schriften der Perser, Leipz. 1865), Вестергаардъ, Юсти и друг. На русск. яз. кромѣ сочиненія Э. Диллена „Дуализмъ въ Авестѣ“ (Харьк. 1883), „Очерка исторіи древне-персидской или иранской литературы“ К. Залемана (въ сборникѣ Корша), статьи проф. К. Коссовича, посвященной зендскимъ памятникамъ и исторіи ихъ разработки („Четыре ст. изъ Зендав.“ въ „Трудахъ Вост. Отд. Имп. Археол. Общ.“, томъ VIII, 1864), нѣсколькихъ отрывковъ изъ Кругера, Лассена и друг. въ книгѣ Пютца да небольшаго отдѣла объ Иранѣ у Вейса—нѣтъ ничего. *Ред.*

Природа и населеніе древняго Ирана.

Та отрасль аріевъ, которая изъ первобытнаго отечества направилась къ юго-западу, заняла обширные края, названные по ея имени Аріаной или—позднѣе—Ираномъ. Пустынная страна эта только по своимъ гористымъ окраинамъ на западѣ, сѣверѣ и востокѣ представляетъ земли, удобныя для осѣдлаго быта. Оттого въ этихъ мѣстахъ прежде всего и водворились пришельцы: сначала въ Бактріи, какъ странѣ, ближайшей къ первоначальному отечеству аріевъ, и затѣмъ, спустившись далѣе на югъ, — въ Согдіанѣ; а потомъ, переправившись въ западный Иранъ,—сначала опять-таки въ сѣверной его части—Мидіи, затѣмъ въ южной или Персіи. Въ этихъ только пунктахъ Ирана, по своей богатой природѣ особенно благопріятныхъ для успѣховъ культуры, и возникли арійскія государства, изъ которыхъ древнѣйшее—бактрійское восходитъ, можетъ быть, къ началу второго тысячелѣтія до нашей эры.

Древне-иранскій языкъ и религія.

Народы, образовавшіе царства бактрійское, мидійское и впослѣдствіи персидское, жили сначала независимо другъ отъ друга, имѣя только общій языкъ и религію. Древне-иранскій языкъ, состоящій въ ближайшемъ родствѣ съ языкомъ индійскихъ аріевъ—санскритомъ, извѣстенъ подъ именемъ зенда, отчего и самыя племена, его употреблявшія, нѣкоторыми учеными называются зендскими [1]). Религія иранянъ подобно первоначальной индоарійской въ древнѣйшія времена состояла въ поклоненіи свѣту, небу, огню и другимъ стихіямъ, и только въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи,—вѣроятно, въ XIII вѣкѣ предъ Р. Хр.,—перешла въ дуализмъ и въ этомъ уже видѣ приведена была въ систему мудрецомъ Заратуштрою, называвшимся у классическихъ писателей Зороастромъ и жившимъ, какъ думаютъ, немногимъ позже Мои-

[1]) Слово „зендъ“ по объясненію комментаторовъ значитъ „толкованіе“. Зендъ былъ языкомъ восточнаго Ирана, имѣвшаго по всей вѣроятности уже въ VIII стол. до Р. Х. свое письмо, отличное отъ клинообразнаго письма западныхъ иранянъ, языкъ которыхъ, извѣстный намъ по надписямъ, принято обозначать названіемъ „древне-персидскаго“. *Ред.*

сея. Ученіе религіозное, систематизированное Заратуштрою, изложено было въ книгахъ, носящихъ названіе Зендъ-Авесты (т.-е. „истолкованное знаніе"). Изъ 21 книги, въ которыхъ первоначально заключалось это ученіе, дошли до насъ только четыре: a) Вендидадъ, гдѣ изложены древне-иранская миѳологія и вѣроученіе; b) Ясна, сборникъ молитвъ и хвалебныхъ гимновъ богамъ, жертвенныхъ и очистительныхъ формулъ и призываній; c) Виспередъ, меньшее собраніе молитвъ, и d) Іаштъ,—сводъ различныхъ отрывковъ. Знакомствомъ съ этими интересными памятниками древнѣйшей письменности Ирана, хотя уже и въ позднѣйшей ихъ редакціи, Европа обязана французскому писателю второй половины прошлаго вѣка Анкетилю дю Перрону, открывшему и переведшему эти остатки Зендъ-Авесты на французскій языкъ [1]).

По системѣ Заратуштры міръ, обязанный своимъ происхожденіемъ двумъ началамъ,—доброму и злому,—представляется раздѣленнымъ и на два царства, — добра и свѣта, гдѣ властвуетъ Агура-Мазда, называемый въ европейскихъ языкахъ Ормуздомъ, вмѣстѣ съ подчиненной ему іерархіей благодѣтельныхъ духовъ,—амешаспентовъ, язатъ и ферверовъ, — и на царство зла и мрака, повелитель котораго Ангро-Майніа или Ариманъ, тоже съ своими сообщниками, — дэвами и друджами, — вѣчно враждуетъ съ Ормуздомъ, стараясь уничтожить все доброе, чистое и полезное на землѣ. Человѣкъ призванъ участвовать въ этой борьбѣ и содѣйствовать торжеству добраго начала надъ злымъ. Дуализмъ этотъ, развившійся подъ вліяніемъ природы Ирана, исполненной рѣзкихъ контрастовъ плодородія и безплодія, жизни и смерти, въ нравственномъ отношеніи имѣлъ благотворное вліяніе на характеръ народовъ, его исповѣдовавшихъ, такъ какъ имъ вмѣнялось человѣку въ первую обязанность крѣпко стоять за правду и добро. Но такая чистая форма иранскихъ религіозныхъ представленій существовала только въ древнѣйшій бактрійскій вѣкъ исторіи этой страны. Когда владычество аріевъ распространилось и на западномъ Иранѣ, гдѣ они пришли въ столкновеніе съ сосѣдними семитами, то произошелъ обмѣнъ взаимныхъ вліяній между религіями семитическими и зендскою. Семиты заимствовали изъ маздеизма, какъ обыкновенно называютъ ученіе Заратуштры, идею о двойственномъ началѣ міра и борьбѣ этихъ началъ,—идею, которая сообщилась между прочимъ и іудаизму,—а зенды подъ влія-

[1]) Анкетиль-дю-Перронъ переводилъ Зендъ-Авесту не съ подлинника, а съ новоперсидскаго перевода; разобрать же языкъ оригинала удалось впервые только Бюрнуфу (въ началѣ минувшаго стол.). *Ред.*

ніемъ монотеистическихъ элементовъ, свойственныхъ религіямъ семитовъ, развили у себя ученіе о вѣчномъ зерванъ-акеренѣ или о будущемъ примиреніи Ормузда и Аримана, когда вмѣсто двойственности, раздѣляющей міръ, наступитъ вѣчное единство. Кромѣ того не безъ воздѣйствія семитическаго же звѣздопоклонства усилилось затѣмъ въ Иранѣ особенное поклоненіе нѣкоторымъ древнимъ стихійнымъ божествамъ, — именно солнцу, боготворимому впослѣдствіи подъ именемъ Митры, и огню, какъ чистѣйшей эмблемѣ вѣчнаго свѣта. Этотъ послѣдній культъ особенно процвѣталъ въ Мидіи, какъ странѣ, изобилующей неугасимыми и неисчерпаемыми нефтяными источниками. Наконецъ не безъ семитическаго вліянія обошлось, можетъ быть, и позднѣйшее значительное развитіе иранскаго жречества или такъ называемыхъ маговъ,—главныхъ хранителей какъ религіозной мудрости, такъ и научныхъ свѣдѣній, хотя у народовъ Ирана никогда не было ни храмовъ, ни идоловъ, этихъ всегдашнихъ аттрибутовъ сильнаго жреческаго сословія. Маги же, принявъ народную религію въ свое исключительное вѣдѣніе, превратили ее съ теченіемъ времени въ систему сложныхъ и сухихъ обрядовъ, что отразилось и на позднѣйшей редакціи Зендъ-Авесты, т.-е. на томъ ея видѣ, въ какомъ она дошла до насъ.

Внѣшняя исторія Ирана.

Что касается внѣшней исторіи иранскихъ аріевъ, то господствующее въ ней явленіе есть борьба, — на сѣверѣ со скиѳскими и другими кочевниками Турана, а на западѣ съ семитическими государствами и прежде всего съ сосѣднею Ассиріей. Сначала впрочемъ малообразованные, хотя и воинственные аріи должны были уступить семитамъ, превосходившимъ ихъ своею цивилизаціею.

[Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій надъ западною окраиною Ирана (Мидіею) тяготѣло владычество ассирійской державы, свергнутое не раньше начала VII вѣка предъ Р. Х. Подвигъ этотъ преданіе, сохранившееся у греческихъ авторовъ, приписало Дейоку (по надписямъ—Дайакку), который будто-бы сплотилъ дотолѣ разъединенныя силы мидянъ, построилъ укрѣпленную столицу Мидіи Экбатану, лежавшую близъ нынѣшняго Гамадана, и сталъ основателемъ первой національной мидійской династіи. Это преданіе не подтверждается ассирійскими клинообразными надписями, какъ не подтверждается ими и извѣстіе греческихъ же историковъ о завоевательныхъ походахъ ближайшаго преемника Дейока—Фраорта (Фравартисъ)—противъ персовъ и Ниневіи. По всей вѣроятности Фраортъ былъ еще однимъ изъ тѣхъ ничтожныхъ царьковъ, ка-

кихъ во множествѣ встрѣчаемъ мы въ Мидіи при началѣ ея исторіи, и только сынъ его Кіаксаръ (Увакштатара) поднялъ значеніе этой страны на болѣе высокую степень], отразивъ послѣ геройской борьбы опустошительное нашествіе скиѳовъ на Иранъ и Переднюю Азію, — самый ужасный изъ туранскихъ набѣговъ, отъ которыхъ и прежде неоднократно страдали эти земли. Тотъ же самый Кіаксаръ въ союзѣ съ халдеями положилъ потомъ конецъ и ослабленной скиѳскимъ погромомъ ассирійской державѣ, разрушивъ столицу ея Ниневію. Бактрія, Ассирія, Арменія и восточная часть Малой Азіи, входившія нѣкогда въ составъ ассирійскаго царства, достались теперь побѣдителямъ его мидянамъ, между тѣмъ какъ союзники ихъ халдеи овладѣли Месопотаміей и Сиріей, а западная часть Малоазійскаго полуострова до рѣки Галиса (нын. Кизиль-Ирмакъ) составила независимое лидійское царство съ разноплеменнымъ населеніемъ, но съ преобладаніемъ семитическихъ культурныхъ началъ [1]).

---

[1]) Гдѣ бы мы ни искали прародину аріевъ,—у Гиндукуша или же въ средней полосѣ восточной Европы,—Малая Азія одинаково остается естественнымъ мостомъ между азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ, и оттого уже въ самыя отдаленныя времена, до какихъ только въ состояніи проникнуть исторія, мы встрѣчаемъ здѣсь наряду съ семитическимъ населеніемъ и народы несомнѣнно арійскаго происхожденія. Горная природа страны, раздробленной двумя параллельными хребтами (Тавръ и Антитавръ) и ихъ отрогами на небольшія замкнутыя территоріи, конечно способствовала тому, что столпившіяся тутъ племена разбились на множество мелкихъ группъ, изъ которыхъ каждая съ теченіемъ времени выработала свой типъ. Центральную часть полуострова занимали фригійцы,—мирное земледѣльческое племя, создавшее, быть можетъ, слишкомъ вѣковъ за десять до Р. Х. самостоятельное фригійское царство и оставившее намъ нѣсколько еще не вполнѣ разобранныхъ надписей. Племенная,—правда, довольно слабая,—связь соединяла ихъ съ разными мелкими народностями, обитавшими по берегамъ Черноморья (виѳины, маріандины, пафлагонцы и др.), а равно и съ дарданами или троянцами, которые въ сѣверо-западномъ углу М. Азіи (въ т. наз. Троадѣ) образовали царство троянское, не уступавшее по богатству и силѣ фригійскому, а по древности даже превосходившее его. На рубежѣ между этими двумя царствами находились поселенія хищныхъ и воинственныхъ мизянъ, на югѣ подходившія къ мѣстамъ, занятымъ лидянами (евр. Lud, древне-греч. мэонійцы). Превосходя всѣхъ малоазійцевъ дарованіями и энергіей, лидяне развили у себя болѣе высокую цивилизацію и успѣли достигнуть значительной степени политическаго могущества. Ихъ царство процвѣло въ особенности при Мермнадахъ, смѣнившихъ въ VII стол. до Р. Х. древнюю династію Гераклидовъ и простершихъ власть Лидіи на большую часть смежныхъ земель. Къ югу отъ лидянъ, въ утесистыхъ береговыхъ областяхъ Малоазійскаго полуострова и на близъ лежащихъ островахъ Эгейскаго моря, засѣли каряне со своими родичами делегами и ликійцы,—племена, рано и тѣсно сблизившіяся съ финикіянами, которые имѣли на южномъ побережьѣ Малой Азіи свои поселенія, и пустившіяся по ихъ слѣдамъ въ торговлю и морской разбой.—Въ качествѣ лучшихъ пособій для ознакомленія съ древнѣйшею этнографіею Малой Азіи можно рекомендовать: W. J. Hamilton, Researches in Asia minor, Pontus and Armenia, 2 vols. (также въ нѣмец. перев.); Schomburg'a „Reisen in Kleinasien, Pontus und Armenien“ (Leipz. 1843); Ch. Texier, Description de l'Asie Mineure, 3 vols. P. 1849; Курціусъ (Э), „Ист. Гр.“ (первыя двѣ главы перваго тома и примѣч. къ нимъ).—*Ред.*

Таковы были политическія отношенія земель азіатскаго Востока, когда съ половины VI столѣтія предъ Р. Х. господство надъ Ираномъ перешло отъ мидянъ къ персамъ. Виновникомъ этого переворота былъ знатный персъ Киръ (Курушъ) изъ древняго рода Ахеменидовъ. Воспользовавшись ненавистью своихъ соплеменниковъ къ поработившимъ ихъ мидянамъ, онъ возсталъ въ 560 году противъ Кіаксарова преемника Астіага (Ази-Дагакъ) и въ союзѣ съ армянскимъ царемъ Тиграномъ свергнулъ его съ престола, доставивъ такимъ образомъ себѣ и своему народу владычество надъ всѣми землями, составлявшими мидійскую державу. Затѣмъ онъ направилъ соединенныя силы иранскихъ аріевъ къ продолженію того дѣла, которое не успѣли довершить мидійскіе цари, т.-е. къ дальнѣйшему завоевательному движенію на западъ. Въ 546 году завоевано было ими богатое, но слабое лидійское царство съ его столицею Сардами, и послѣдній повелитель независимой Лидіи Крезъ навсегда остался въ исторіи символомъ непрочности земныхъ благъ и матеріальнаго счастія,—а въ 538 году пало отъ ихъ оружія и царство новохалдейское. Послѣ этого подчинились персамъ и завоевавшія отъ Вавилона сирійскія береговыя земли,—Финикія и возстановленная Киромъ Іудея, на которую онъ смотрѣлъ какъ на оплотъ своей державы со стороны юго-запада. На всемъ Востокѣ одинъ Египетъ да Аравія оставались теперь независимыми, такъ какъ смѣлыми походами въ области верхняго Яксарта и Инда онъ подчинилъ своей номинальной власти даже и эти далекія страны; но Киръ не могъ предпринять покоренія Египта, потому что долженъ былъ двинуть свои силы на сѣверъ противъ ископныхъ враговъ иранскаго племени скиѳовъ, въ войнѣ съ которыми и погибъ въ 529 году. Впрочемъ уже при сынѣ его Камбизѣ (Камбуджія) завоеваніе всего Востока все-таки было довершено покореніемъ Египта въ 525 году.

Такимъ образомъ иранскіе аріи, изъ своей первобытной родины подвигаясь все далѣе и далѣе на западъ въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ, дошли наконецъ до береговъ Средиземнаго моря. Но преемникъ Камбиза Дарій (Дарайаваушъ въ иранскихъ текстахъ), сынъ Гистаспа (Виштаспа), возстановивши въ 521 году державу Кира новымъ покореніемъ ея возставшихъ народовъ и утвердивъ на престолѣ свою династію, перешагнулъ даже и за этотъ естественный рубежъ: по случаю новаго похода въ Скиѳію онъ переправился на европейскій берегъ и подчинилъ своей власти Македонію и Ѳракію. Здѣсь, на европейской почвѣ,

персы,—уже властители всего историческаго Востока, имѣвшіе до тѣхъ поръ дѣло только съ одряхлѣвшими и выродившимися семитическими государствами, впервые встрѣтились съ юными ѳрако-италійскими племенами и ихъ даровитѣйшими представителями греками, происходившими отъ тѣхъ же аріевъ, которые были прародителями и иранянъ, но только воспитавшимися при совершенно иныхъ условіяхъ. Между двумя отраслями арійскаго корня, — азіатской и европейской, — завязывается борьба, конечный исходъ которой, состоявшій въ разрушеніи персидскаго царства и въ покореніи всего Востока греческимъ оружіемъ и образованіемъ, зависѣлъ прежде всего отъ характера культуры встрѣтившихся въ этой борьбѣ народовъ. Поэтому очень важно познакомиться теперь ближе съ бытовой исторіей персидской державы.

Внутренняя организація персидской державы.

Персидское государство, составившееся быстрыми завоеваніями Кира и двухъ его первыхъ преемниковъ и обнимавшее за исключеніемъ собственно Индіи весь историческій Востокъ, было второю по времени всесвѣтною монархіей. Отъ первой ассирійской попытки этого рода она отличалась, во-первыхъ, большимъ числомъ покоренныхъ земель и, во-вторыхъ, тѣмъ, что земли эти впервые получили нѣкоторую правильную организацію, болѣе или менѣе однообразное внутреннее устройство. Организація эта придумана была замѣчательнѣйшимъ изъ персидскихъ царей Даріемъ Гистаспомъ и состояла въ томъ, что все царство раздѣлено было первоначально на двадцать [1]) округовъ или сатрапій, правители которыхъ, такъ называемые сатрапы (khshatrapâ) въ качествѣ намѣстниковъ царя соединяли въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть надъ управляемою областью, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ считались даже неограниченными распорядителями жизни и имущества ея жителей. Главною цѣлью всего управленія было съ одной стороны удержаніе завоеванныхъ народовъ въ покорности, съ другой — аккуратный сборъ съ нихъ денежныхъ и натуральныхъ взносовъ въ пользу царской казны. Но, такъ какъ сатрапы такимъ образомъ облечены были властью слишкомъ большою, а, стало быть, располагали и большими средствами, то для надзора за ихъ дѣйствіями и испытанія ихъ вѣрности посылались по временамъ особые чиновники, носившіе названіе царскихъ очей и ушей; для быстрой же

---

[1]) Столько насчитываетъ ихъ Геродотъ (III, 89 и сл.); въ надписяхъ число сатрапій показывается различно,—отъ 23 до 31. *Ред.*

разсылки правительственныхъ распоряженій по провинціямъ учреждены были по главнымъ дорогамъ почты.

Кромѣ этой административной связи между разноплеменными частями государства не было никакой другой. Каждая область оставалась при своей прежней религіи, законахъ, языкѣ и обычаяхъ. Самыя войска персидскія представляли пеструю смѣсь разныхъ народностей съ національными костюмами и оружіемъ, и отряды, насильно согнанные со всѣхъ концовъ государства, не понимали часто ни своихъ начальниковъ, ни другъ друга. Единственнымъ побужденіемъ къ исполненію всякаго долга былъ страхъ, и страхомъ же удерживались въ покорности завоеванные народы. При такомъ устройствѣ государства и при подобныхъ отношеніяхъ его составныхъ частей единство между ними могло поддерживать только сильное правительство. Оттого въ Персіи, какъ державѣ завоевательной, царская власть достигла такого могущества, какого не было нигдѣ на всемъ Востокѣ за исключеніемъ развѣ одной Ассиріи. Арійскому племени вообще чужда была деспотическая форма правленія, и сами персы до временъ Кира жили родовымъ бытомъ, раздѣлялсь на десять колѣнъ съ преобладающимъ значеніемъ благороднаго племени Пасаргадовъ. Но по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ ихъ завоеваній и они входили въ культурныя соприкосновенія съ развитыми деспотіями семитовъ и хамитовъ,—съ Ассиріей, Халдеей, Египтомъ, измѣнялся и ихъ собственный общественный строй. Персидскіе цари, бывшіе нѣкогда только первыми между родовитыми вельможами своего народа, стали мало-по-малу сосредоточивать въ рукахъ своихъ всю полноту власти—патріархальной, какою они пользовались и прежде среди своихъ соплеменниковъ, военной, какъ въ Вавилонѣ и Ниневіи, и религіозной, какъ въ Египтѣ. Особенно много заимствовали они въ этомъ отношеніи у мидянъ, гдѣ строгія формы и церемоніалъ ассирійской военной деспотіи развились при Кіаксарѣ особенно сильно. Даже маги или жрецы не имѣли на дѣла ни малѣйшаго вліянія,—особенно со времени ихъ неудавшейся попытки возвратить мидянамъ по смерти Камбиза, съ которымъ пресѣкся родъ Кира, ихъ прежнее господствующее положеніе. Такъ же точно и самые высшіе сановники персидскаго царства были не болѣе, какъ рабами своего государя. Земля, люди и ихъ имущество считались просто собственностью царя, который, стоя выше всякихъ законовъ, властенъ былъ надъ жизнію и смертью каждаго изъ своихъ подданныхъ. Дворъ царскій, съ необыкновенной пышностью устроенный по

образцу мидійскому и состоявшій изъ 15.000 человѣкъ, являлъ собою подобіе незримаго царства Агура-Мазды съ его іерархической классификаціей чиновъ. Нѣсколько разъ въ годъ мѣнялъ онъ свою резиденцію, переѣзжая изъ Сузы въ Вавилонъ, изъ Вавилона въ Экбатану, а иногда посѣщая и построенный Даріемъ Гистаспомъ Персеполь, священную столицу царства и некрополь его государей. Лучшія произведенія и всѣ сокровища трехъ частей свѣта стекались къ этому двору; десятитысячный корпусъ отборныхъ войскъ, такъ называемыхъ „безсмертныхъ", т.-е. никогда не убывавшихъ въ своемъ числѣ, охранялъ на войнѣ безопасность царя царей, а его особа окружена была такимъ строгимъ церемоніаломъ и такими почти божескими почестями, что приблизиться къ ней можно было не иначе, какъ павши ницъ и притаивъ дыханіе.

Значеніе персидской державы во всемірной исторіи.

Кромѣ этого перваго и грубаго опыта государственной администраціи Персы не создали въ культурномъ отношеніи почти ничего самобытнаго; напротивъ по части наукъ и искусствъ даже заимствовали многое отъ покоренныхъ ими народовъ, особенно отъ семитическихъ, а впослѣдствіи — отъ грековъ. Такимъ образомъ ихъ значеніе во всемірной исторіи ограничивается тѣмъ, что своими завоеваніями они способствовали сближенію восточныхъ историческихъ народовъ между собою и взаимному обмѣну выработанныхъ ими культурныхъ элементовъ, такъ какъ въ своихъ окончательныхъ формахъ образованность всесвѣтной персидской державы представила какъ бы итогъ всего историческаго развитія древняго Востока.

КЛАССИЧЕСКІЕ НАРОДЫ.

А. Греки.

Греки не оставили намъ сочиненій, которыя бы обнимали всю исторію ихъ страны съ древнѣйшихъ временъ,—ихъ исторіографія отличалась частнымъ характеромъ, занималась вопросами болѣе или менѣе спеціальными, да и этого рода произведенія появились во всякомъ случаѣ не раньше второй половины VI стол. до Р. Х.,—слѣдовательно тогда, когда многія событія болѣе отдаленнаго прошлаго либо успѣли совершенно забыться, либо же оставили по себѣ лишь тусклый, неясный слѣдъ въ устномъ преданіи. Но даже и изъ того, чѣмъ была богата древне-греческая исторіографія, до насъ дошло не все: много чрезвычайно важныхъ историческихъ трудовъ безвозвратно утрачено, отъ другихъ сохран-

лись лишь небольшіе отрывки, рѣдкія сочиненія уцѣлѣли во всей полнотѣ. Въ виду этого приходится пополнять пробѣлы греческой исторической литературы посредствомъ комбинаціи всѣхъ данныхъ, какія только можно извлечь изъ того, что вообще уцѣлѣло отъ древности. Источниками для исторіи Греціи служатъ такимъ образомъ не только Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Діодоръ, Плутархъ, Полибій, Арріанъ, фрагменты Эфора, Филохора, Ѳеопомпа, Тимея и другихъ историковъ, не только ораторы, періэгеты, тактики, позднѣйшіе эпитоматоры, схоліасты, лексикографы (напр. Свида, Гарпократіонъ и проч.), но вообще всѣ почти произведенія древне-греческой письменности,—какъ прозаическія, такъ и поэтическія,—такъ какъ врядъ ли есть между ними хоть одно, изъ котораго бы изслѣдователь не былъ въ состояніи добыть хотя бы малое зерно исторической истины. Эта подавляющая масса матеріала увеличивается еще данными языка (діалектологіи), миѳологіи, метрологіи, нумизматики, особенно эпиграфики и папирологіи, свидѣтельствами римскихъ писателей, результатами археологическихъ изысканій. Разумѣется, дѣло исторической критики — опредѣлить относительную цѣну каждаго изъ этихъ источниковъ. Подробно объ этомъ трактуетъ проф. В. П. Бузескулъ во „Введ. въ ист. Греціи“ 2 изд. X. 1904. Срв. также стр. 1, прим.; стр. 17 сл.

Что же касается до ученой разработки греческой исторіи, то на первомъ мѣстѣ здѣсь надобно поставить „History of Greece“ Джорджа Грота (въ 10 томахъ), переведенную также и на нѣмецкій яз. Мейснеромъ (Geschichte Griechenlands, 2-te Aufl. Berl. 1880) и Фишеромъ (въ сокращеніи, подъ загл. „Griechische Mythologie und Antiquitäten“, 4 Bde, Leipz. 1858), и на французскій—Саду (A. L. de Sadous, Paris, 1864—67). Сочиненіе это занимаетъ первое мѣсто не только по основательной критикѣ матеріала и изяществу изложенія, но и по практическому пониманію эллинской жизни, — качество, отличающее преимущественно англійскія книги. Изъ нѣмецкихъ же сочиненій должно указать на греческую исторію Эрнста Курціуса („Griech. Geschichte“, 3 Bde, 4-te Aufl., 1879), переведенную и на русскій языкъ (первые два тома — А. Веселовскимъ, третій — М. Корсакъ, М. 1880), затѣмъ — на вторую половину, названнаго выше труда Дункера (а именно — томы V—IX включ., изъ которыхъ послѣдній посвященъ времени Перикла), на помѣщенную въ энциклопедіи Эрша и Грубера „Gesch. Griechenlands von der Urzeit bis zum Beginn des Mittelalters“ Герцберга (1862) и его же „Gesch. von Hellas und Rom“ (въ сборн. Онкена), на четырехтомную „Griechische Kulturgeschichte“ Буркгардта (Berlin-Stuttgart), наконецъ—на начавшую съ 1886 г. выходить въ свѣтъ компедіарную „Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zum Untergange der Selbstständigkeit des griech. Volkes“ Адольфа Гольма (послѣдній, четвертый томъ появился въ 1900 г. незадолго до смерти автора). Названныя сочиненія однако во многихъ своихъ частяхъ теперь, послѣ великихъ открытій въ области древней исторіи и археологіи, сдѣланныхъ за послѣднія десятилѣтія, уже значительно устарѣли, и немудрено, если именно со времени этихъ открытій ученая литература особенно стала обогащаться новыми обработками общей исторіи Греціи. Сюда относятся, во-первыхъ, книга Георга Бузольта „Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia“ во второмъ дополненномъ и совершенно переработанномъ ея изданіи (Gotha 1893—97),—трудъ, замѣчательный по точности и исчерпывающей полнотѣ матеріала, но вслѣдствіе подавляющей массы примѣчаній и ссылокъ на литературу предмета болѣе удобный для справокъ, нежели для систематическаго изученія. Здѣсь подведенъ итогъ всему, что сдѣлано въ области греческой

исторіи до послѣдняго времени, и какъ пособіе для того, кто желаетъ ориентироваться въ этой области, книга Бузольта незамѣнима, но изложеніе его сухо и не блещетъ новизною пріемовъ. Гораздо интереснѣе и богаче общими точками зрѣнія, новыми комбинаціями, оригинальными взглядами и смѣлыми выводами труды Эдуарда Мейера (Geschichte des Alterthums", тт. II—V. Stuttgart. 1893—1902), Юліуса Белоха (Griechische Geschichte. 2 Bde. Strassb. 1893—97; русск. перев. М. О. Гершензона „Ист. Гр." М. 1897—99) и Пельмана (Grundriss d. griech. Geschichte nebst Quellenkunde. München. 1896). Въ этихъ сочиненіяхъ въ связи съ новѣйшимъ направленіемъ исторической науки (срвн. выше стр. 11 слд.) на первый планъ выдвинуты преимущественно соціально-экономическія отношенія, и жизнь греческихъ политій изображается преимущественно со стороны ея обще-историческаго значенія и интереса. Во французской литературѣ нѣтъ обширныхъ общихъ сочиненій по исторіи Греціи, подобныхъ названнымъ нами нѣмецкимъ, изъ небольшихъ же книгъ по этому отдѣлу можно указать, пожалуй, лишь Seignobos Histoire narrative et descriptive de l'antiquité (Paris. 1902), Boxler Hist. de la Grèce ancienne (P. 1901) и Bouché-Leclercq Leçons de l'histoire grecque (P. 1900). Зато англійская ученая литература богата интересными новинками въ области греческой исторіи. Таковы сочиненія Аббота (Abbot History of Greece. 1888—1900), Бёрри (Bury History of Greece to the death of Alexander the Great. London. 1900), Магаффи (A survey of greek civilisation. Lond. 1897; Greek life and thaught from Alexander to Roman conquest. The empire of the Pfolemies. Lond. 1895) и проч. Лучшій обзоръ источниковъ для греческой исторіи во всей ихъ полнотѣ можно найти у Schäfer'a „Abriss der Quellenkunde der griech. und röm. Gesch." (I Abtheil.) 4 Aufl. 1889, C. Wachsmuth'a Einleitung in das Studium der alten Gesch. (Leipz. 1895) и у Boeckh'a „Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wisssenschaften" hersgb. von Klussmann. Leipz. 1886 (по-русски въ обработкѣ П. И. Аландскаго. Кіевъ. 1879).

На русскомъ языкѣ кромѣ Курціуса существуютъ еще слѣдующія общія сочиненія по исторіи Греціи: Вегнеръ, „Эллада"; картины древ. Греціи, ея развитія, могущества и просвѣщенія (перев. Евстафіева, изд. 2, Спб. 1880), — попопулярная книга, разсматривающая греч. исторію преимущественно съ бытовой стороны; Іегеръ, „Исторія Греціи", Спб. 1894; Зайцевъ, В. „Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія Запада". (Спб. 1881); Герцбергъ, Исторія Греціи, перев. А. Прахова (Спб. 1881); Штоль, „Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ", въ перев. В. Васильевскаго; Спб. 1869; его же „Разсказы изъ исторіи" (часть 3-я, Греція). Спб. 1874—78; переводы сочиненій Белоха и Пельмана (переведено первое изданіе Н. И. Шамониннымъ М. 1890); П. И. Аландскій Ист. Греціи (изд. подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. Козлова. Кіевъ. 1885); Н. Н. Шамонинъ и Д. М. Петрушевскій Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей (въ переводахъ и извлеченіяхъ изъ сочиненій Гильберта, Ранке, Фишера, Гольма, Бѣляева, Дройзена, Магаффи, Зуземиля, Васильевскаго и др.), статья Ѳ. Мищенка „Ист. эллинской цивилизаціи" (Кіевск. Унив. Изв. 1879, VI) и проч.

Указанія на русскія и иностранныя сочиненія по этому отдѣлу, имѣющія болѣе спеціальный характеръ, будутъ сдѣланы ниже, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. *Ред.*

Всемірно-историческое значеніе древней Греціи.

Соединившись политически въ громадной мидо-персидской державѣ, историческій Востокъ со своей и безъ того медленно дви-

гавшейся культурой пришелъ къ окончательному застою. Формы египетской, халдейской, индоарійской и зендской образованности еще задолго до Кира сдѣлались неподвижными,—изобрѣтательный геній народовъ, создавшихъ эти формы, истощился. Положивъ начало всѣмъ отраслямъ и сторонамъ человѣческаго образованія, Востокъ не въ силахъ былъ двигать его далѣе. Причина этого застоя лежала прежде всего въ самой природѣ восточныхъ странъ,—ихъ чрезмѣрномъ изобиліи и разслабляющемъ климатѣ, что̀ парализуетъ дѣятельность человѣка, а съ упадкомъ труда угасаетъ и умственная жизнь; вторая же причина заключалась въ господствовавшихъ на Востокѣ формахъ общественнаго устройства, — теократіи и деспотизмѣ, возникшихъ большею частью вслѣдствіе завоеваній однихъ народовъ другими и своимъ гнетомъ не дававшихъ простора развитію человѣческихъ способностей. Когда такимъ образомъ состарѣвшійся Востокъ оказался неспособнымъ вести далѣе дѣло общечеловѣческаго образованія, на первый планъ съ V ст. предъ Р. Х. выступаетъ новый историческій народъ—греки, которые, принявъ съ Востока начатки возникшей тамъ культуры, развиваютъ ихъ совершенно самостоятельно уже на европейской почвѣ, посреди иныхъ, болѣе благопріятныхъ общественныхъ условій,—и развиваютъ въ такой полнотѣ, разнообразіи, богатствѣ и изяществѣ формъ и въ такомъ человѣческомъ духѣ, что эллинская культура до самаго исхода древней исторіи дѣлается господствующею не только по берегамъ Средиземнаго моря, усѣяннымъ греческими поселеніями, но и на всемъ историческомъ Востокѣ и Западѣ. Сама римская образованность, распространившаяся подъ конецъ древней исторіи по всему міру, была только видоизмѣненіемъ греческой, такъ какъ римляне, усвоивъ себѣ культуру своихъ учителей эллиновъ, собственно очень мало подвинули ее впередъ, а если и развили ее далѣе, то только съ практической или прикладной ея стороны, — напр. со стороны права, государственнаго устройства, администраціи и т. п.

Но греческая образованность не кончила своей дѣятельной роли и послѣ разрушенія древняго міра. Въ средніе вѣка она сдѣлалась школою, въ которой воспитывались новые историческіе народы Европы и Азіи,—германцы, славяне, аравитяне,—у однихъ въ своей византійской формѣ, какъ у арабовъ и славянъ восточныхъ и южныхъ, у другихъ — въ латинской, какъ у германцевъ и славянъ западныхъ. Возрожденіе наукъ, начавшееся въ западной Европѣ съ XV ст., было эпохой непосред-

ственнаго знакомства европейцевъ съ образованностью древней Эллады, и только съ этого времени цивилизація западной Европы начала дѣлать быстрые успѣхи. Греческое образованіе, однимъ словомъ, составило ту почву, въ которой коренится вся духовная жизнь нынѣшней Европы, и наша русская больше, чѣмъ какого-нибудь другого изъ новыхъ историческихъ народовъ. Даже то, что новая Европа заимствовала изъ древне-восточныхъ цивилизацій, дошло до насъ черезъ грековъ и въ греческой формѣ.

Кромѣ того исторія Греціи представляетъ такое правильное, логически послѣдовательное развитіе народной жизни, что до извѣстной степени ее можно принять за норму всякаго подобнаго развитія. Напр. умственная жизнь всей новой Европы въ своемъ теченіи проходила и проходитъ, какъ замѣчаетъ Дрэперъ, тѣ же ступени, по которымъ нѣкогда развивалась эллинская культура. Исторія Греціи, стало быть, и съ этой стороны исполнена глубочайшаго интереса для мыслителя. Наконецъ, ни одинъ народъ не сдѣлалъ столь великихъ открытій по разнымъ отраслямъ знанія, не оставилъ столько образцовыхъ произведеній въ разныхъ родахъ литературы и искусства, ни одинъ не выставилъ столько замѣчательныхъ людей и талантовъ на всѣхъ возможныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, какъ греки. Вотъ всемірно-историческое значеніе эллинской исторіи и культуры и ея права на самое серьезное и подробное изученіе [1]).

I. Географическій очеркъ древней Греціи [2]).

Естественныя преимущества древней Греціи.

Какъ Европа, несмотря на свою относительно малую величину, занимаетъ однако же первое мѣсто между всѣми частями

[1]) См. составленную по Якобсу статью „Всемірно-истор. значеніе грековъ“ въ сборникѣ Пютца; также—„Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра“ (Греція и Римъ) проф. Н. Карѣева (2 изд. Спб. 1886), гл. II (сравнит. характеристика грековъ и римлянъ) и III (античный міръ и цивилизація Востока); Д. Азаревичъ Античный міръ и христіанство (1880); Ѳ. Ф. Зѣлинскій „Древній міръ и мы“. Спб. 1903 (2-е дополн. изд. въ сборн. „Изъ жизни идей“. Спб. 1905). *Ред.*

[2]) Источники: Страбонъ (Γεωγραφικά, въ 17 кн.), особ. кн. VIII, IX, отчасти X—XIV включит. (русск. перев. Ѳ. Мищенка, М. 1879 г.); Павзаній (Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος, въ 10 кн.),—впрочемъ только для материковой Греціи; Скилаксъ Кариандскій (Περίπλους τῆς οἰκουμένης); Помпоній Мела (de Chorographia, въ 3-хъ кн.); Плиній Старшій (Historia naturalis, въ 37 кн.), именно кн. III—VI включ.—Пособія: кромѣ названныхъ выше общихъ сочиненій Форбигера, Киперта и друг.—C. Bursian „Geographie von Griechenland“ (2 Bde. Leipz. 1862—72); Neumann, Physikalische Geographie von Griechenland mit bes. Rücksicht auf das Alterthum. hersgb. von I. Partsch, Bresl. 1885; Krause „Altgriechenland“ (въ энцикл. Эрша и Грубера, 1862 г.); Ernst Curtius. „Peloponnesus“ (2 Bde. Gotha, 1851—1852); A. Philippson Der Peloponnes (Berl. 1892); Lolling Hellenische Landeskunde und Topographie, neu bearb. v. Oberhummer; W. Sieglin Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie (вы-

свѣта по своимъ естественнымъ выгодамъ для развитія успѣшной и прочной образованности, такъ и небольшая Грецiя, пространство которой равнялось только 1.800 квад. милямъ, соединяла въ своей природѣ и географическомъ положеніи такія важныя удобства, какихъ не было ни въ одной изъ культурныхъ странъ стараго свѣта. Подобно Египту и Финикіи, она лежала тоже въ самомъ средоточіи древняго міра, но имѣла предъ первымъ преимущество огромной береговой линіи, относившейся къ сушѣ, какъ 1 къ 10, а отъ второй выгодно отличалась тѣмъ, что была съ суши превосходно защищена почти непроходимою цѣпью Гемуса на сѣверѣ, — обстоятельство, давшее грекамъ возможность пользоваться съ этой стороны весьма долгой и полной безопасностью, такъ какъ доступъ въ Грецію открытъ былъ только съ востока и нападенія могли ей грозить только изъ Азіи, да и то не иначе, какъ съ помощью морскихъ силъ непріятеля. Впрочемъ важность этого условія не ограничивалась тѣмъ, что Грецiя, загражденная съ сѣвера горами, почти недоступна была чужому завоеванію,—оно имѣло еще и другую выгодную сторону: запертые съ сухопутья греки должны были по необходимости обратить свою дѣятельность на море, окружающее греческій полуостровъ съ трехъ остальныхъ сторонъ, — съ востока, юга и запада, — и образующее у береговъ его множество заливовъ, бухтъ и гаваней, могшихъ служить исходными пунктами для легкихъ морскихъ сношеній съ лучшими культурными странами трехъ частей свѣта. Особенно много такихъ пунктовъ представляютъ восточные берега Греціи, обращенные къ Азіи, между тѣмъ какъ утесистый западный ея берегъ доступенъ гораздо менѣе,—особенность, опять-таки указывающая на природное назначеніе этой страны, ближайшей къ азіатскому Востоку, быть проводникомъ древняго восточнаго образованія на европейскую почву. Вотъ отчего Грецiя первая изъ европейскихъ земель получила оттуда начатки культуры и могла образовать себя раньше, чѣмъ вся остальная Европа.

Внутреннія условія этого привилегированнаго природой края тоже чрезвычайно благопріятны. Горы Греціи, изрѣзывающія ее во всѣхъ направленіяхъ, не такъ высоки, чтобы препятствовать сообщеніямъ, но все же онѣ раздѣляютъ ее на множество отдѣльныхъ областей съ весьма различными климатическими и хозяйственными условіями,—областей, въ которыхъ развилось изу-

---

ходитъ съ 1901 г.); Bouillet Dictionnaire universel d'histoire et de géographie, refondu sous la direction de L. Gourraigne. 31 éd. P. 1895. *Ped.*

мительное разнообразіе и богатство формъ эллинской цивилизаціи. Плодородная, но не слишкомъ изобильная почва постоянно призывала здѣсь человѣка къ труду, а слѣдовательно и ко всякимъ успѣхамъ въ жизни. А ясное небо, прозрачный воздухъ и вообще благодатный и теплый климатъ, умѣряемый освѣжающимъ вліяніемъ моря и горныхъ возвышенностей вмѣстѣ съ прелестными ландшафтами окружавшей природы, не лишая его мужественной энергіи и бодрости духа и тѣла, располагалъ въ то же время къ мягкости нравовъ, къ изяществу вкуса, къ человѣчности и художественному творчеству. Какъ сама Греція, однимъ словомъ, представляла образецъ страны умѣренной и гармонической во всѣхъ отношеніяхъ,—страны безъ крайностей и рѣзкихъ контрастовъ,—такъ и развивавшаяся тамъ жизнь народная осталась образцовою въ исторіи по полнотѣ своего содержанія и изяществу своихъ формъ[1]).

Естественное дѣленіе материковой Греціи.

Сама природа раздѣлила материковую Грецію на три части,—сѣверную, среднюю и южную. Каждая же изъ нихъ опять въ свою очередь горными и другими естественными границами дробилась на нѣсколько отдѣльныхъ областей, составлявшихъ большею частью независимыя государства. Природная разорванность территоріи способствовала такимъ образомъ и политической раздробленности страны.

Замѣчательнѣйшими въ историческомъ отношеніи областями въ упомянутыхъ трехъ частяхъ Греціи были слѣдующія.

I. Сѣверная Греція.

1. Сѣверная Греція, простиравшаяся отъ границъ Иллиріи и Македоніи—на сѣверѣ до хребта Эты (Oeta)—на югѣ, состояла изъ двухъ земель, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ Пинда, который сплошною цѣпью прорѣзываетъ эту страну отъ сѣвера къ югу:

a) Эпиръ.

a) Эпира—на западѣ,—съ городами Амбракіей у залива того же имени (нын. Арто), знаменитою своимъ оракуломъ Додоною близъ македонской границы, и Эпидамномъ, называвшимся въ римскія времена Диррахіемъ. Города эти управлялись воинственными племенными князьками большею частью пеласгическаго происхожденія.

b) Θессалія.

b) Θессалія, — страны, орошаемой рѣкою Пенеемъ, что нынѣ Саламврія, и окруженной со всѣхъ сторонъ кромѣ южной

---

[1]) См. Н. Карѣева „Введ. въ курсъ истор. древн. міра“, гл. I (географич. и этнографич. условія); Леонтьева „Историческая Греція“ („Пропилеи“, т. III); Пютца „Характеристики изъ сравнит. землеописанія и этногр.“ (статьи: „положеніе Европы и ея міровое значеніе“; „положеніе и естеств. свойства Греціи по отношенію къ ея исторіи“); Курціуса „Истор. Греціи“, I т., 1-я глава (страна и народъ); Р. Виппера Лекціи по ист. Гр. (гл. I). *Ред.*

отрогами Пинда, сѣверный выступъ котораго Олимпъ имѣетъ историческое значеніе, какъ главное сѣдалище греческихъ боговъ. На югѣ, между подошвою Эты и болотистымъ морскимъ берегомъ, образующимъ здѣсь обширный Пагасійскій заливъ (нынѣшній Воло), лежитъ знаменитое горное ущелье Ѳермопилы, т.-е. „теплыя ворота", названное такъ отъ множества теплыхъ ключей, которыми изобилуютъ здѣшніе утесы. Это единственный проходъ изъ Ѳессаліи въ среднюю Грецію и притомъ проходъ до того узкій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что двѣ встрѣтившіяся повозки съ трудомъ могутъ разъѣхаться. Изъ городовъ здѣсь наиболѣе замѣчательны: Ларисса на Пенеѣ, Іолкъ—у бухты того же имени, наконецъ Фарсалъ и Киноскефалы, знаменитые по происходившимъ здѣсь битвамъ. Города и земли ѳессалійскіе управлялись Алевадами, — родовой знатью, составлявшею боевую конницу и отличавшеюся гостепріимствомъ, умѣньемъ пожить весело, рыцарскимъ духомъ, но по образованію стоявшею довольно низко и мало принимавшею участія въ обще-эллинскихъ интересахъ.

2. Средняя Греція.

2. Средней Греціей или въ тѣсномъ смыслѣ Эллладой называлась часть греческаго полуострова, заключенная между Этой—на сѣверѣ и Коринѳскимъ (нынѣшнимъ Лепантскимъ) заливомъ—на югѣ. Край этотъ во многихъ направленіяхъ прорѣзывается отраслями Эты, изъ которыхъ въ историческомъ отношеніи наиболѣе замѣчательна юго-восточная, образующая горы Парнассъ, Геликонъ и Киѳеронъ и рѣки Ахелой (на западѣ) и Кефисъ (на востокѣ), изливающійся въ приморское озеро Копайское,—главныя водохранилища этихъ мѣстъ. Изъ восьми областей, на которыя распадалась Эллада, важнѣйшими въ историческомъ отношеніи были:

а) Аттика.

а) Аттика, самый восточный изъ греческихъ полуострововъ, который прорѣзывается тоже отрогами Эты,—Пентеликономъ, Гиметомъ и Лавріономъ,—и оканчивается скалистымъ мысомъ Сунійскимъ. На восточномъ берегу этого не очень плодороднаго полуострова расположенъ большой городъ Аѳины, а на западномъ, почти на одной высотѣ съ Аѳинами, лежало знаменитое Мараѳонское поле. Изъ внутреннихъ же городовъ слѣдуетъ упомянуть объ Элевсинѣ, гдѣ совершались религіозныя мистеріи въ честь Деметры и куда изъ Аѳинъ велъ священный путь, украшенный многими памятниками эллинскаго искусства. Насупротивъ Аѳинъ, въ Саронскомъ заливѣ, лежали острова—Саламинъ, прославленный происходившимъ здѣсь морскимъ сраженіемъ, и Эгина, знаменитая въ древности своей торговлей и сильнымъ

флотомъ. Въ цвѣтущее время населеніе этого острова простиралось до полумилліона, слѣдовательно равнялось населенію всей остальной Аттики.

b) Бэотія лежала къ сѣверо-западу отъ Аттики и представляла множество плодоносныхъ равнинъ, весьма удобныхъ для стратегическихъ цѣлей. Древнѣйшимъ изъ городовъ бэотійскихъ былъ Орхоменъ въ землѣ миніевъ, разрушенный во время одного изъ землетрясеній, которымъ такъ часто подвергается этотъ вулканическій край. Остальные 14 бэотійскихъ городовъ [1]) составляли союзъ (τὸ κοινὸν τῶν Βοιωτῶν), во главѣ котораго стояли Ѳивы; изъ нихъ получили историческую извѣстность — Платея, Делій, Коронея, Левктра, Танагра, Галіартъ и Херонея, какъ мѣста знаменитыхъ сраженій. b) Бэотія.

c) Небольшая земля Фокида, лежавшая къ западу отъ Бэотіи, славилась во всемъ греческомъ мірѣ своимъ храмовымъ городомъ Дельфами съ знаменитымъ оракуломъ Аполлона и съ очистительнымъ источникомъ музъ Касталіей. Городъ и храмъ, считавшійся у древнихъ эллиновъ средоточіемъ всей земли, расположены были въ дикой, но живописной мѣстности, на уступахъ Парнасса, имѣвшаго тоже важное религіозное значеніе, какъ любимое обиталище музъ. c) Фокида.

d) Остальныя затѣмъ области Эллады, занимавшія ея западную половину, — маленькая горная Дорида, первобытное гнѣздо суроваго дорійскаго племени, патріархальная и бѣдная Локрида съ знаменитымъ портовымъ городомъ Навпактомъ у Коринѳскаго залива, суровая и полудикая по своей природѣ и обитателямъ Этолія и наконецъ самая западная часть Эллады — Акарнанія, прилегавшая уже къ Іонійскому морю, которое омываетъ здѣсь знаменитый по своимъ историческимъ воспоминаніямъ мысъ Акціумъ,—всѣ эти земли, оставаясь долгое время на самой первоначальной ступени культурнаго развитія, мало принимали участія въ историческомъ движеніи эллинской жизни, и только нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Этолія, играли впослѣдствіи замѣтную политическую роль. d) Остальныя области Эллады.

e) Средняя Греція соединяется съ южной посредствомъ перешейка, называвшагося въ древности Истмомъ. На пути къ этому перешейку, у Коринѳскаго залива, лежала маленькая область Мегарида съ торговымъ городомъ Мегарой; на самомъ же Истмѣ e) Истмъ.

[1]) Число городовъ, входившихъ въ составъ бэотійскаго союза, не было постояннымъ, такъ какъ съ теченіемъ времени многіе изъ нихъ отложились, другіе утратили свою самостоятельность; ко времени пелопоннесской войны это число не превышало семи. *Ред.*

находился знаменитый своимъ искусствомъ и морскимъ могуществомъ Коринѳъ, область котораго прилегала одной стороной къ Саронскому, а другой къ Коринѳскому заливамъ. Неподалеку отъ Истма же находился и торговый городъ Сикіонъ, прославившійся своею школою живописи.

Пелопоннесъ. 3. Наконецъ южная Грецiя или нынѣшній полуостровъ Морея, называвшійся въ древности Пелопоннесомъ, т.-е. островомъ Пелопса, представляла страну еще болѣе гористую, чѣмъ средняя и сѣверная.

a) Аркадія. a) Узелъ пелопоннесскихъ горъ есть плоская возвышенность Аркадія, лежащая въ срединѣ полуострова и дающая начало рѣкамъ Алфею на западѣ и Эвроту на югѣ. Въ этой суровой пастушеской странѣ, весьма отсталой по образованію отъ остальныхъ частей Греціи, въ историческомъ отношеніи замѣчательны города Мантинея и Мегалополь. Отъ аркадской возвышенности расходятся на западъ, югъ и востокъ горные отроги, образующіе нѣсколько полуострововъ, дающихъ всему Пелопоннесу форму пальмоваго листа. Изъ этихъ отроговъ самый значительный южный Тайгетъ, оканчивающійся мысомъ Тенарскимъ, что нынѣ Матапанъ.

b) Лаконія. b) Къ востоку отъ Тайгета, на его суровыхъ и дикихъ отрогахъ, лежала самая замѣчательная въ исторіи Греціи страна Пелопоннеса—Лаконія со своей столицею Спартой или Лакедемономъ на берегахъ Эврота.

c) Мессенія. c) Къ западу же отъ Тайгета находилась Мессенія, своею благодарной почвой составлявшая рѣзкую противоположность съ почти безплодной Лаконіей. Здѣсь кромѣ древней крѣпости Итомы исторически замѣчателенъ еще приморскій городъ Пилосъ, нынѣшній Наваринъ, расположенный противъ пустыннаго острова Сфактеріи.

d) Ахайя. d) Мессенія и Лаконія занимали весь югъ Пелопоннеса; сѣверъ же этого полуострова,—береговая полоса, тянувшаяся вдоль Коринѳскаго залива,—составлялъ Ахайю, область весьма промышленную и густо населенную, 12 городовъ которой издревле образовали союзъ съ Эгіемъ во главѣ. Но занятый своими торговыми интересами и разобщенный ими съ остальнымъ греческимъ міромъ союзъ ахейскій долго держалъ себя въ сторонѣ отъ событій, волновавшихъ Элладу, и только подъ конецъ греческой исторіи принялъ въ нихъ дѣятельное участіе.

e) Арголида. e) Восточную часть Пелопоннеса образуетъ полуостровъ Арголида, скалистый и весь изрѣзанный бухтами. Это одинъ изъ древ-

нѣйшихъ центровъ эллинской культуры, и города здѣшніе—Аргосъ, Микены, Тиринѳъ, Эпидавръ, Немея—имѣли важное значеніе въ начальныя времена греческой исторіи.

f) Наконецъ западный берегъ Пелопоннеса занимала плодоносная и счастливая Элида, пользовавшаяся правомъ вѣчнаго нейтралитета во всѣхъ греческихъ войнахъ и усобицахъ, благодаря священной рощѣ Альтисъ, лежавшей на равнинѣ Олимпіи, по берегу рѣки Алфея, гдѣ каждые четыре года происходили знаменитыя панэллинскія игры. f) Элида.

4. Къ материковой Греціи, какъ по племенному родству, такъ и по историческимъ связямъ, принадлежали и окружающіе ее острова, а именно: 4. Острова.

a) На западномъ или Іонійскомъ морѣ — группа Іоническихъ острововъ, между которыми по величинѣ, плодородію и исторической важности первое мѣсто занимаетъ Керкира, — нынѣшній Корфу, — а затѣмъ Левкадія, Итака, Кефалленія и Закинтъ. a) На Іонійскомъ морѣ,

b) На южномъ или Средиземномъ морѣ—Кивера, у южныхъ береговъ Пелопоннеса, и еще далѣе—большой островъ Критъ, нынѣ Кандія, гористый, но чрезвычайно плодородный, съ весьма древнею образованностью и смѣшаннымъ финикійско-эллинскимъ населеніемъ. Здѣсь было множество людныхъ и богатыхъ городовъ, какъ то — Кидонія, Кноссъ, Гортина, Гіерапитна и др. Наконецъ въ юго-восточномъ углу Средиземнаго моря лежалъ островъ Кипръ, населенный сначала финикійцами и другими сирійцами, а потомъ дорянами, а противъ юго-западнаго угла Малой Азіи—Родосъ, представлявшій нѣкогда тоже дорійскую колонію. Гавань его украшена была колоссальной статуей Геліоса, сажень въ 20 вышиной (такъ наз. „Колоссъ родосскій“). b) на Средиземномъ.

c) Но настоящимъ, исконнымъ поприщемъ островной, береговой жизни греческаго народа и школою его мореплаванія служило море Эгейское (иначе Архипелагъ, т.-е. „море по преимуществу“). Простираясь между западнымъ берегомъ Малой Азіи и восточнымъ берегомъ Греціи, оно до того густо усѣяно большими и малыми островами,—вѣроятно, осколками нѣкогда существовавшаго здѣсь материка, разорваннаго вулканической силой,—что съ незапамятныхъ временъ представляло чрезвычайно удобную дорогу для самыхъ дѣятельныхъ сношеній между Азіей и Европой. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ этихъ острововъ: Эвбея, нынѣшній Негропонтъ, длинный островъ, только узкимъ проливомъ Эврипскимъ отдѣленный отъ береговъ Бэотіи и Аттики, вдоль которыхъ онъ c) на Эгейскомъ.

простирается, — съ торговыми городами Халкидой и Эретріей, игравшими роль и въ греческой исторіи; далѣе въ сѣверной части Эгейскаго моря разбросанно лежатъ острова Тазосъ, Имбросъ, Лемносъ и Самоѳракія, изъ коихъ два послѣдніе извѣстны, какъ мѣста древнѣйшихъ религіозныхъ мистерій греческихъ. Южнѣе ихъ, почти въ самой серединѣ Эгейскаго моря, расположена группа „круговыхъ“ острововъ Кикладскихъ, названныхъ такъ потому, что они образуютъ кругъ около священнаго острова Делоса, имѣвшаго очень важное религіозное значеніе, какъ мѣсто богомолья и народныхъ игръ въ честь Аполлона, который вмѣстѣ съ сестрой своей Артемидой по преданію родился на этомъ островѣ и которому воздвигнутъ былъ здѣсь великолѣпный храмъ. Изъ остальныхъ Кикладскихъ острововъ замѣчателенъ Паросъ—своими ломками бѣлаго мрамора и Наксосъ—въ историческомъ отношеніи. Наконецъ у самыхъ береговъ Малой Азіи тянется рядъ острововъ Спорадскихъ, т.-е. „разсѣянныхъ“. Изъ нихъ наиболѣе важны были въ культурномъ, историческомъ и промышленномъ отношеніи роскошный Лесбосъ съ городомъ Митиленой и торговый, богатый Самосъ, лежавшій противъ средней части западнаго малоазіатскаго берега, въ такъ называемомъ морѣ Икарскомъ.

5. Ѳракія, Македонія и Иллирія.

5. Что касается сѣверныхъ частей Балканскаго полуострова,— Ѳракіи, Македоніи и Иллиріи, расположенныхъ по южнымъ склонамъ Гемуса и примыкающихъ на западѣ къ Іонійскому морю, какъ Иллирія, на югѣ къ Эгейскому, какъ Македонія, а на востокѣ къ Понту Эвксинскому, Босфору (Константинопольскій проливъ), Пропонтидѣ (Мраморное море) и Геллеспонту (Дарданеллы), какъ Ѳракія,—то обширныя страны эти, орошаемыя Гебромъ, или нынѣшней Марицей, и Стримономъ, или нынѣшнимъ Вардаромъ, по причинѣ малодоступной, гористой мѣстности и не вездѣ гостепріимныхъ морскихъ береговъ долго оставались въ полуварварскомъ состояніи, и только одна Македонія, да и то очень поздно, приняла участіе въ греческой исторіи, хотя всѣ онѣ были заселены племенами, родственными эллинамъ по своему происхожденію, а берега Ѳракіи и Македоніи усѣяны были греческими колоніями.

6. Западный берегъ М. Азіи.

6. За то коренной греческой землей должно считать западный берегъ Малой Азіи, хотя отчасти и подвластный разнымъ неэллинскимъ народамъ,—мидянамъ, лидянамъ, карянамъ и др.,— но искони заселенный по всей приморской полосѣ греками. Эта азіатская часть Греціи въ древнѣйшія времена была даже важнѣе европейской, потому что здѣсь, а не въ Европѣ, началась греческая образованность, а стало быть и греческая исторія.

Такимъ образомъ выходитъ, что берега и острова Эгейскаго моря были древнѣйшимъ и долгое время главнымъ поприщемъ эллинской народной жизни и эллинской культуры, и только съ теченіемъ времени греческій народъ вышелъ изъ этихъ тѣсныхъ предѣловъ и посредствомъ основанныхъ имъ между XI и VI стол. колоній распространился мало-по-малу по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и Эвксинскаго Понта, разнося повсюду свой языкъ, обычаи и образованіе.

II. Миѳическія времена греческой исторіи.

Разумѣется, что для изученія миѳической Греціи первымъ источникомъ и служатъ самые миѳы. Они сохранились у поэтовъ (главнымъ образомъ въ эпосѣ и драмѣ), историковъ (особенно у Діодора Сицилійскаго) и позднѣйшихъ миѳособирателей (такъ наз. μυθογράφοι) въ родѣ Аполлодора, составившаго въ александрійскій вѣкъ свою „Библіотеку“ (въ 3 кн.,—русск. перев.: „Аполлодора Аѳинейскаго баснословіе или библіотека о богахъ“. М. 1787), или Гигина (Hyginus), написавшаго при Августѣ свой „Fabularum liber“. Миѳы, записанные этими авторами, разнаго содержанія,—религіознаго, космогоническаго, нравственнаго и историческаго,—такъ какъ они заключаютъ въ себѣ не только сводъ древнѣйшихъ вѣрованій народа, но въ нихъ отпечатлѣваются и представленія его о собственномъ состояніи въ древнѣйшія времена, въ нихъ сказываются и всѣ особенности его характера и направленія: это поэтическій языкъ, которымъ младенчествующій народъ выражалъ въ первобытную пору свое міросозерцаніе. Дошедшія до насъ произведенія греческихъ миѳографовъ собраны въ изданіи Wagner-Sakolowsky-Martini Mythographi graeci (Bibl. Teubneriana).

Важнѣйшимъ средствомъ для объясненія миѳовъ служитъ филологія, но и при помощи этого орудія въ преданіяхъ миѳическаго свойства всегда бываетъ очень трудно открыть настоящее историческое зерно. Поэтому въ наше время уже оставлены попытки на основаніи отрывочныхъ извѣстій столь разнообразнаго содержанія построить древнѣйшую исторію Греціи, и напр. у Грота разборъ миѳовъ составляетъ совершенно самостоятельный отдѣлъ, служащій только введеніемъ къ достовѣрной греческой исторіи. Еще менѣе сторонниковъ имѣетъ теперь нѣкогда бывшая въ большомъ ходу система аллегорическаго толкованія миѳовъ,—система, придуманная александрійскимъ ученымъ Эвгемеромъ и державшаяся во Франціи вплоть до начала минувшаго столѣтія: ея кредитъ палъ съ тѣхъ поръ, какъ было признано, что въ миѳахъ заключается помимо историческихъ воспоминаній народа, облеченныхъ въ поэтическую форму, вся сумма его религіозныхъ и этическихъ воззрѣній,—такъ сказать, весь его умственный и нравственный капиталъ. Этотъ взглядъ сталъ утверждаться въ наукѣ особенно со временъ Карла Отфр. Мюллера. Въ своемъ сочиненіи „Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie“ (Götting. 1825) К. О. Мюллеръ положилъ совершенно новое основаніе для научной разработки греч. миѳологіи, и за нимъ послѣдовала длинная цѣпь ученыхъ, трудившихся въ томъ же духѣ и направленіи. Таковы—Велькеръ, Нитчъ, Гейнр. Дитр. Мюллеръ, Преллеръ (въ Германіи),

Мори, Амперъ, Бреаль (во Франціи) и др. Опредѣлить тотъ минимумъ фактическихъ данныхъ, какой исторія въ состояніи извлечь изъ наличнаго миѳологическаго матеріала, впервые поставилъ своею задачею нѣмецкій ученый Низе („Die Entwickelung der homerischen Poesie", Berl. 1882). Сводъ греческихъ миѳовъ можно найти у Preller-Robert'a, Griechische Mythologie. Berlin. 1894; Roscher Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipz. 1884 слл.; Gruppe Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München. 1897.—Изъ русскихъ ученыхъ занимались греч. миѳологіей—П. Леонтьевъ („О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи", М. 1850; „Миѳическая Греція", въ „Пропилеяхъ", II, изд. 2, М. 1857), проф. Л. Ф. Воеводскій („Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ" Спб. 1874; „Этологич. и миѳологич. замѣтки", 1877; „О занятіяхъ по критикѣ и миѳологіи гомерич. эпоса", 1880; „Введеніе въ миѳологію Одиссеи", 1881 и др.), проф. Н. П. Кондаковъ („Миѳологич. этюды" въ „Филол. Зап." 1872, вып. VI; 1873, вып. I—VI; 1874, вып. I—IV), Ѳ. Г. Мищенко („Божество Промееей въ трагедіи Эсхила", Кіевъ, 1877), проф. Н. И. Новосадскій („Элевсинскія мистеріи". Спб. 1887; „Культъ Кавировъ въ др. Греціи. Варшава. 1891). Популярное изложеніе греческихъ миѳовъ можно найти у Штоля („Миѳы классич. древности", перев. Покровскаго и Медвѣдева, Спб. 1865) и Петискуса („Олимпъ", перев. Евстафіева, изд. 2. Спб. 1873); срв. также Д. Иловайскій, Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи. I. Древній міръ (гл. III. Миѳы о троянской войнѣ). М. 1883; Проф. А. Погодинъ, Боги и герои Эллады. Спб. 1904. Съ исторіей научной разработки греч. миѳологіи знакомитъ Преллеръ (во введеніи къ названному сочиненію) и Hillebrand (въ статьѣ „Etudes sur Otfried Müller et sur l'école historique de la philologie allemande", приложенной къ его-же франц. переводу мюллеровой „Исторіи греч. литературы", Paris, 1866). О миѳахъ, какъ источникѣ для греческой исторіи, см. В. П. Бузескула Введ. въ ист. Гр., стр. 3.—За миѳами въ ряду источниковъ для изученія доисторической Греціи слѣдуетъ поставить далѣе,— правда, очень скудныя, — положительныя свидѣтельства и сообщенія греческихъ историковъ (напр. знаменитое введеніе Ѳукидида къ его исторіи пелопоннесской войны), затѣмъ остатки древнѣйшихъ монументальныхъ сооруженій и наконецъ данныя, обнаруженныя археологическими раскопками въ разныхъ мѣстахъ материковой и островной Греціи. *Ред.*

Характеръ миѳическаго періода.

Достовѣрная исторія Греціи начинается не ранѣе VIII в. предъ Р. Х.; о временахъ же древнѣе этой эпохи до насъ дошли только отрывочныя извѣстія,—большею частью въ формѣ баснословныхъ, нерѣдко очень поэтическихъ сказаній или миѳовъ, отчего и сами древнѣйшія времена эти называются миѳическими. Понятно, что и хронологія даже наиболѣе извѣстныхъ событій такой отдаленной эпохи до крайности шатка и сомнительна: напр. показанія греческихъ логографовъ и историковъ о времени троянской войны и переселеніи дорянъ расходятся на цѣлыя двѣсти лѣтъ [1]). Впрочемъ и въ этомъ миѳическомъ періодѣ, продолжав-

[1]) Каково происхожденіе древнѣйшихъ датъ греческой исторіи, заимствованныхъ нами главнымъ образомъ отъ Эратосѳена,—объ этомъ можно прочитать у Ранке, въ его экскурсѣ „Zur Chronologie des Eusebius" („Weltgesch.", I, 2 Abtg., S. 381 ff.). *Ред.*

шемся, можетъ быть, болѣе тысячелѣтія, за приблизительно достовѣрное можно принять слѣдующее.

Происхожденіе и племенное родство греческаго народа.

Народъ, ставшій извѣстнымъ въ Европѣ подъ именемъ грековъ,—какъ отрасль великаго индо-европейскаго племени, въ глубокой древности переселился изъ Азіи, первобытной родины этого племени, на что указываетъ несомнѣнное родство языка греческаго съ языками другихъ арійскихъ народовъ, особенно съ санскритомъ, а также нѣкоторыя обще-арійскія черты въ греческой миѳологіи и народномъ бытѣ [1]). Полагаютъ также, что одновременно съ поселеніемъ аріевъ на Балканскомъ полуостровѣ другая отрасль того же племени заняла сосѣдній полуостровъ Апеннинскій и дала здѣсь начало разнымъ италійскимъ народамъ, въ томъ числѣ и латинамъ, а слѣдовательно и позднѣйшимъ римлянамъ, отчего и языки обоихъ народовъ, т.-е. греческій и латинскій, состоятъ въ ближайшей между собою связи, такъ что лингвисты обозначаютъ всю эту племенную группу даже общимъ названіемъ греко-италійской.

Его древнѣйшее мѣсто жительства.

Но еще до появленія своего въ Европѣ предки греческаго народа, выдѣлившись изъ среды обще-арійскаго племени, жили долгое время на Малоазійскомъ полуостровѣ, особенно на западныхъ и сѣверо-западныхъ его берегахъ, откуда, быть можетъ, и предпринятъ былъ двумя путями,—сѣвернымъ (черезъ Ѳракію) и южнымъ (черезъ Архипелагъ),—рядъ арійскихъ переселеній на полуостровъ Балканскій.

Пеласги и эллины.

Древнѣйшія массы этихъ переселенцевъ, предавшіяся въ своемъ новомъ отечествѣ мирной, но простой и грубой осѣдлой жизни, стали называться общимъ именемъ пеласговъ, между тѣмъ какъ позднѣйшіе пришельцы того же корня, но уже болѣе развитые и воинственные, то покорившіе, то вытѣснившіе пеласговъ, а большею частью съ ними слившіеся, получили впослѣдствіи общее названіе эллиновъ. Имя это и есть то самое, которымъ греки всегда себя называли и которымъ зовутъ они себя и понынѣ; что же касается до названія „грековъ“, то подъ нимъ извѣстны были они сосѣдямъ и родичамъ своимъ италійцамъ, которые посредствомъ римлянъ и распространили его по всей Европѣ [2]).

---

[1]) См. однако примѣчаніе на стр. 107 и ниже стр. 141, прим. и 151. *Ред.*

[2]) Названіе Γραικοί впервые встрѣчается въ греч. литературѣ только у Аристотеля (meteor. I, 14, 22), который утверждаетъ, будто бы такъ обозначалась въ древнѣйшее время племенная вѣтвь, впослѣдствіи ставшая именовать себя Ἕλληνες; однако показаніе это нельзя принимать на вѣру: самая форма имени Γραικοί не находитъ себѣ аналогіи среди многочисленныхъ греческихъ племенныхъ названій. Вопросъ о пеласгахъ представляетъ также не мало трудностей.

Племена эллинскія.

Съ самаго появленія своего въ исторіи эллинскій народъ является уже раздѣленнымъ на два главныя племени, отличавшіяся одно отъ другого характеромъ, обычаями, діалектомъ и степенью культурнаго развитія. Греки, поселившіеся первоначально на восточныхъ, т.-е. малоазіатскихъ берегахъ Эгейскаго моря, Геллеспонта и Пропонтиды, а потомъ перебравшіеся по морю южнымъ путемъ въ Европу, уже за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. извѣстны были на Востокѣ подъ именемъ яванъ или іонянъ; тѣ же, которые перешли туда сѣвернымъ путемъ, черезъ Ѳракію, заняли сначала горы сѣверной Греціи, утвердивъ центръ своего господства въ Эпирѣ, а потомъ распространились и по нѣкоторымъ областямъ средней и южной и стали мало-по-малу обозначаться названіемъ дорянъ. Первые очень рано познакомились съ началами восточной образованности, выучились у финикіянъ разнымъ искусствамъ и мореплаванію и сдѣлались отважными и смышленными мореходами. Они занимались торговлею, не брезгали при случаѣ и грабежемъ и съ теченіемъ времени усѣяли берега и острова Эгейскаго моря своими поселеніями, вытѣснивъ отсюда финикійскихъ колонистовъ. Вторые же, избравъ мѣстомъ жительства внутреннія области Балканскаго полуострова и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій держась особнякомъ въ своихъ горахъ, почти безъ всякихъ сношеній съ болѣе цивилизованными иноземцами, очень долго сохраняли патріархальную простоту, воинственность, суровые и чистые нравы и привыкли любить родную старину, дѣдовскіе обычаи и учрежденія. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ было въ Греціи и третье племя—эолянъ, которое состояло повидимому изъ пестрой смѣси уцѣлѣвшихъ пеласговъ съ тѣмъ болѣе древнимъ слоемъ арійскихъ

До сихъ поръ мы не можемъ даже считать общепризнаннымъ ихъ арійское происхожденіе, ибо есть ученые (Куперть, Кортюмъ, Вольксмутъ и др.), считающіе ихъ семитами. Всѣ этимологіи, приводимыя для объясненія имени Πελασγοί, изъ арійскихъ и семитическихъ корней, одинаково сомнительны. Повидимому это было племя, занимавшее сѣверныя области Греціи,—Эпиръ и Ѳессалію,—племя, быть можетъ, небольшое и только впослѣдствіи разросшееся до громадныхъ размѣровъ въ представленіи грековъ, заселившихъ имъ весь Балканскій полуостровъ, всѣ прилежащіе острова и даже Италію. Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ Гольмъ, Эд. Мейеръ и др. Но есть и такое мнѣніе, что названіе „пеласги“ было собирательнымъ для всего древнѣйшаго населенія греческихъ земель безъ всякаго отношенія къ различію его племеннаго состава или даже просто обозначало только извѣстную фазу культурнаго развитія греческаго народа, подобно тому какъ позднѣе названіе „ахейцы“ стало обозначать другую его фазу. Наконецъ высказывалось также предположеніе, что пеласги были сродни иллирійцамъ и что одна изъ вѣтвей этого загадочнаго племени (албанцы) дожила и до нашихъ дней. Срв. Вильчекъ-Гельмольтъ „Внутренняя историч. связь между народами средиземнаго побережья“ (Гельмольтъ Исторія человѣчества. т. IV) стр. 7. E. Hesselmeyer Die Pelasgerfrage und ihre Lösbarkeit. Tübingen. 1890. *Ред.*

переселенцевъ, который предшествовалъ водворенію іонянъ въ этой странѣ. Эоляне отличались большею архаичностью своей культуры и жили на восточныхъ берегахъ Греціи, особенно въ приморской Θессаліи и Бэотіи [1]).

Раскопки Генриха Шлимана

[Съ матеріальною обстановкою племенъ и народовъ, составлявшихъ древнѣйшее населеніе островной и материковой Греціи, мы въ настоящее время довольно подробно знакомы, благодаря систематическимъ раскопкамъ, которыя производились въ послѣднія десятилѣтія минувшаго вѣка въ мѣстахъ ихъ обитанія. Раскопки эти начаты были въ 1871 г. знаменитымъ Генрихомъ Шлиманомъ, — богатымъ негоціантомъ, промѣнявшимъ торговлю на ученыя археологическія изслѣдованія и въ короткій срокъ обогатившимъ науку множествомъ необыкновенно важныхъ и интересныхъ находокъ. Шлиманъ предпринялъ свои изысканія перво-

[1]) Общія положенія, заключающіяся въ текстѣ, подробно развиты были впервые Эрнстомъ Курціусомъ въ его сочиненіи „Die Ionier vor der ionischen Wanderung“ (Berl. 1855) и потомъ въ „Ист. Греціи“ (гл. II). Въ настоящее время, впрочемъ, эта „іонійская гипотеза“ Курціуса, сущность которой состоитъ въ томъ, что вся первобытная исторія греческаго народа есть картина взаимодѣйствія между Востокомъ и Западомъ, между греками азіатскими и европейскими, и что позднѣйшая іонійская колонизація представляла лишь возвратъ европейскихъ поселенцевъ на свою азіатскую родину,—насчитываетъ лишь весьма немногихъ приверженцевъ. Повидимому, ближе къ истинѣ былъ Максъ Дункеръ, который полагалъ, что предки грековъ прошли изъ Азіи въ Европу, минуя полуостровъ Малоазійскій,—чрезъ сѣверные берега Чернаго моря и дунайскую долину. Они спустились на югъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ позднѣе шелъ Аларихъ со своими вестготами,—т.-е. вдоль восточнаго побережья Адріатики, по направленію отъ Панноніи и Далмаціи къ Эпиру (см. Duncker, „Gesch. d. Alt.“ V, S. 9. f.). Другіе вносятъ въ эту гипотезу нѣкоторую поправку въ смыслѣ ученія Шрадера о европейской прародинѣ арійцевъ и выводятъ предковъ греческаго народа изъ средней и южной Россіи. Какъ бы то ни было, все повидимому говоритъ въ пользу того предположенія, что исходную точку греческихъ племенныхъ переселеній слѣдуетъ скорѣе искать вообще гдѣ-то на сѣверѣ. Срв. ниже стр. 151. Вопросъ о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ эллинскихъ племенъ также нелегко разрѣшимъ. Правда, рѣзкая противоположность іонизма и доризма проходитъ красною нитью черезъ всю греческую исторію. Въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ доряне и іоняне успѣли выработать столь ясныя типическія черты, отразившіяся и въ ихъ діалектахъ, и въ нравахъ, и въ политическихъ учрежденіяхъ основанныхъ ими государствъ, что нельзя не признать ихъ за двѣ совершенно самостоятельныя племенныя единицы; но зато далеко не такъ опредѣленно понятіе объ эолизмѣ. Сами греки употребляли названіе Αἰολεῖς и въ болѣе узкомъ смыслѣ, обозначая имъ обитателей такъ называемой Эолиды (въ М. Азіи), и въ болѣе широкомъ, относя къ эолянамъ жителей Беотіи, Фокиды, Локриды, Элиды, Аркадіи, Кипра и проч., т.-е. всѣхъ тѣхъ, которыхъ они не причисляли ни къ дорянамъ, ни къ іонянамъ. Въ послѣднее время въ наукѣ начинаетъ преобладать мнѣніе, что вообще дѣленіе греческаго народа на три племенныхъ вѣтви возникло впервые въ М. Азіи, что образованіе ихъ въ связи съ колонизаціей малоазійскаго побережья должно быть отнесено къ концу второго тысячелѣтія до Р. Х., что іонійское племя сложилось здѣсь изъ выходцевъ изъ Аттики и Эвбеи и что отсюда названіе іонянъ, дорянъ и эолянъ было мало-по-малу перенесено и на обитателей собственной Эллады. Нѣкоторый свѣтъ на этнографическія отношенія древней Греціи проливаютъ изслѣдованія въ области греческой діалектологіи. Сюда относятся работы Рих. Мейстера (1882), Коллитца (1885), Гофмана и др. *Ред.*

начально въ области древней Троады, на Гиссарликскомъ курганѣ, гдѣ, по мнѣнію Маклерена, Грота и др., должны были находиться остатки прославленной въ греческихъ народныхъ преданіяхъ Трои. Продолжительныя работы обнаружили въ этомъ мѣстѣ существованіе семи или восьми послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга людскихъ поселеній, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны два,—второе и шестое снизу. Руины перваго изъ нихъ (т.-е. собственно второго снизу), признанныя Шлиманомъ за остатки гомеровскаго Иліона, были покрыты толстымъ слоемъ шлака и краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, что нѣкогда, по меньшей мѣрѣ уже во второй половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х., на Гиссарликѣ былъ расположенъ укрѣпленный, богатый городъ, ставшій впослѣдствіи жертвою какой-то страшной, опустошительной катастрофы. Культура его принадлежала эпохѣ перехода отъ каменнаго вѣка къ бронзовому. Потомъ на его развалинахъ стали громоздиться новыя человѣческія поселенія, и вотъ спустя еще тысячелѣтіе одно изъ этихъ поселеній, по счету шестое, снова возвысилось на степень цвѣтущаго города,—богатаго и многолюднаго,—построеннаго террасами на грудахъ стараго мусора и окруженнаго новыми крѣпкими стѣнами, выступавшими далеко за предѣлы прежней ограды. Эти стѣны были сложены изъ большихъ обтесанныхъ каменныхъ глыбъ; тамъ и сямъ въ нихъ были пробиты широкія, величественныя ворота или устроены монументальныя башни и крѣпкіе выступы. Въ городѣ не было недостатка въ большихъ зданіяхъ съ просторными залами, а въ утвари и оружіи обитателей этихъ чертоговъ употребленіе камня стало уже вытѣсняться употребленіемъ металловъ; не было только желѣза [1]). Въ свою очередь и этотъ городъ былъ также разрушенъ, и развалины его сохранили слѣды бушевавшаго нѣкогда здѣсь истребительнаго пламени. Ничто не мѣшаетъ такимъ образомъ предположить, что именно онъ, а не второй городъ, былъ Троею греческихъ сказаній. И такое предположеніе дѣйствительно существуетъ въ наукѣ. Оно возникло среди ученыхъ, продолжавшихъ послѣ Шлимана изученіе открытой имъ доисторической культуры. Таковы были въ особенности Дёрпфельдъ, Вирховъ, Бюрнуфъ и Фуртвенглеръ.

Но раскопки Шлимана не ограничились областью малоазій-

---

[1]) Отыскать обломокъ предмета, выдѣланнаго изъ желѣза, удалось Шлиману лишь въ 1890 г., и притомъ въ слоѣ второго города, куда, быть можетъ, этотъ обломокъ попалъ случайно изъ какого-нибудь верхняго слоя при послѣдующей перекопкѣ почвы. *Ред.*

ской Троады. Въ 1874 г. Шлиманъ перенесъ свою дѣятельность на европейскую почву и по слѣдамъ народныхъ сказаній, въ которыхъ, какъ онъ не безъ основаній думалъ, таилось смутное воспоминаніе о дѣйствительныхъ фактахъ доисторической древности, предпринялъ раскопки на островѣ Итакѣ, родинѣ Одиссея, и на мѣстѣ древнихъ Микенъ, бывшихъ когда-то столицею сильнаго и богатаго царства Атридовъ. Здѣсь счастливый жребій привелъ его къ результатамъ не менѣе блестящимъ. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ микенскаго акрополя предпріимчивому изслѣдователю удалось открыть на глубинѣ какихъ-нибудь тридцати футовъ пять гробницъ, заключенныхъ въ одномъ каменномъ поясѣ, а въ нихъ остатки труповъ и массу сосудовъ и украшеній. Эти гробницы, къ которымъ въ 1887—1888 гг. раскопки греческаго археологическаго общества присоединили болѣе пятидесяти другихъ, расположенныхъ уже за предѣлами акрополя, свидѣтельствовали о какой-то особой, своеобразной культурѣ, принадлежавшей повидимому, какъ и культура шестого гиссарликскаго города, времени полнаго расцвѣта бронзоваго вѣка.

Доисторическія культуры.

Устройство гробницъ неодинаково. Однѣ изъ нихъ были высѣчены въ скалахъ, другія представляли собою куполообразныя сооруженія съ покрытіями изъ большихъ каменныхъ плитъ, которыя располагались въ видѣ поднимающихся уступами другъ надъ другомъ, постепенно суживающихся кверху концентрическихъ поясовъ, образуя извнутри какъ бы нѣкоторое подобіе свода. Внутреннее ихъ убранство поражало своею сказочною пышностью: блестящая бронзовая облицовка стѣнъ, металлическіе и глиняные сосуды разныхъ формъ и тонкой, художественной выдѣлки, иногда съ хитрою росписью, оружіе, богато изукрашенное фигурною золотою и серебряною насѣчкою, множество цѣнныхъ предметовъ похоронная ритуала и мелкой домашней утвари, янтарь и горный хрусталь въ искусной металлической оправѣ, разнородныя украшенія изъ золота и серебра, — діадемы, ожерелья, серьги, браслеты, кольца, бляхи, маски,— все это свидѣтельствовало о томъ, что недаромъ до позднѣйшихъ временъ греческій народъ сохранялъ память о баснословномъ богатствѣ и могуществѣ микенскихъ царей. Очевидно, здѣсь когда-то развивалась пышная и своеобразная культурная жизнь, оставившая яркій слѣдъ въ открытыхъ Шлиманомъ руинахъ. И въ самомъ дѣлѣ дальнѣйшія изслѣдованія ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ одиночку и обществами въ томъ направленіи, которое было указано Шлиманомъ, привели къ убѣжденію, что второй городъ Гиссарликскаго кургана—съ одной сто-

роны, а Микены (въ болѣе позднихъ слояхъ) и шестой городъ Гиссарлика — съ другой отразили въ себѣ двѣ различныя фазы развитія одной и той же весьма древней культуры, которая оказалась общею не этимъ однимъ, а и многимъ другимъ мѣстностямъ материковой и островной Греціи. Первоначально думали, что средоточіемъ этой культуры былъ исключительно міръ Эгейскаго моря, т.-е. острова Архипелага съ побережьями балканскимъ и малоазійскимъ, и по мѣсту перваго отысканія ея памятниковъ обозначили ее именемъ „микенской". Но мало-по-малу пришлось признать, что географическое распространеніе ея было гораздо шире, такъ какъ ея вещественные слѣды, хотя и принадлежащіе разнымъ эпохамъ ея развитія, встрѣчаются на югѣ— въ Египтѣ (Кагунъ и Гуробъ), на западѣ—въ Сициліи (Матрензе близъ Сиракузъ), на сѣверѣ—въ Болгаріи, южной Россіи (Бѣльцы въ Бессарабіи и Триполье неподалеку отъ Кіева) и Галиціи. Наиболѣе пышнаго расцвѣта достигла она въ Микенахъ, Тиринѳѣ и, какъ показали недавнія раскопки Ивенса (Evans), Пернье и др., въ критскихъ городахъ Кноссѣ и Фестѣ. Купольныя гробницы, подобныя микенскимъ, были найдены кромѣ Пелопоннеса (Амиклы, Навплія), въ Аттикѣ (Элевсинъ, Мениди, Спата), Беотіи (Орхоменъ), Ѳессаліи (Димини-Воло), на нѣкоторыхъ островахъ (Родосѣ, Критѣ и др.). Что же касается до болѣе раннихъ проявленій этой культуры, соотвѣтствующихъ культурѣ второго троянскаго города, то раскопки обнаружили ихъ почти на всѣхъ греческихъ островахъ и во многихъ мѣстностяхъ восточнаго побережья материковой Греціи.

Такимъ образомъ, восходя своими началами къ исходу неолитическаго періода, доисторическая культура, открытая Шлиманомъ и его продолжателями, развивалась въ указанныхъ предѣлахъ на протяженіи многихъ вѣковъ, и формы ея, довольно примитивныя вначалѣ, достигли къ концу второго тысячелѣтія до Р. Х. большой сложности и разнообразія. Въ виду такой продолжительности этого культурнаго процесса въ настоящее время названіе „микенской культуры" пріурочивается обыкновенно только къ позднѣйшей фазѣ ея развитія, характеризуемой укрѣпленными замками, пышными усыпальницами и богатою обстановкой жилья, тогда какъ болѣе раннюю культуру предшествующихъ временъ условились называть „троянскою", „эгейскою", „островною" или же вообще „домикенскою". Съ открытіемъ же колоссальныхъ развалинъ знаменитаго лабиринта и дворца Миноса на Критѣ, предъ которыми блѣднѣетъ все, что досель сохранилось отъ микенской поры въ

другихъ мѣстахъ Греціи, было предложено (Ивенсомъ) переименовать микенскую культуру—въ „миносскую“, а предшествующую ей—въ „доминосскую“. Какому бы впрочемъ изъ этихъ терминовъ мы ни отдали предпочтеніе, онъ все же будетъ имѣть лишь условное значеніе, такъ какъ въ вопросѣ о происхожденіи микенской культуры и о томъ, кто были ея носители, остается еще много спорнаго и неяснаго.

а) «Троянская» культура.

Сравнительное изученіе памятниковъ „троянской“ культуры, найденныхъ въ различныхъ мѣстахъ, показало, что всѣ эти мѣстности,—отъ Трои до Кипра,—представляли единую культурную область, хотя и съ нѣкоторыми локальными отличіями. По своему общему характеру культура эта принадлежитъ эпохѣ перехода отъ каменнаго вѣка къ бронзовому. Изъ металловъ въ употребленіи только золото, серебро и мѣдь,—но и мѣдь еще въ рѣдкость и служитъ скорѣе предметомъ роскоши, чѣмъ обихода; желѣзо вовсе неизвѣстно, а бронза (сплавъ мѣди съ оловомъ) встрѣчается лишь въ позднѣйшихъ слояхъ этого періода.

Орудія выдѣлываются изъ камня либо изъ кости, а сосуды—изъ черной обожженной глины, по большей части еще безъ помощи гончарнаго круга. Первые проблески художественнаго творчества сказываются въ рѣзьбѣ на камнѣ (такъ назыв. „островные камни“, Inselsteine), въ выдѣлкѣ грубыхъ идоловъ и украшеній, въ фигурной формовкѣ сосудовъ, въ ихъ раскрашиваніи и разрисовкѣ незатѣйливымъ орнаментомъ (чаще всего линейнымъ, позже лиственнымъ). Остатки городскихъ стѣнъ свидѣтельствуютъ объ осѣдлой жизни и началахъ общественности, а обычай хоронить мертвецовъ въ шахтахъ и прятать въ гробницахъ различные предметы утвари—о вѣрѣ въ загробную жизнь и о почитаніи мертвыхъ.

Раскопки на о. Θерѣ показали, что троянская культура уже существовала на рубежѣ между третьимъ и вторымъ тысячелѣтіями до Р. Х. и что слѣдовательно начало ея теряется въ третьемъ тысячелѣтіи. Оставаясь въ предѣлахъ Архипелага въ теченіи долгаго времени внѣ сферы культурныхъ вліяній Востока, она развивалась совершенно самостоятельно. Культурныя, главнымъ образомъ торговыя сношенія этихъ мѣстъ съ Востокомъ начались лишь съ появленіемъ въ греческихъ водахъ финикіянъ, этихъ всесвѣтныхъ мореплавателей и торговцевъ, стало быть, не раньше половины второго тысячелѣтія. Но воздѣйствіе Востока на міръ Эгейскаго моря могло распространяться еще и другимъ путемъ,—черезъ М. Азію, въ восточныхъ областяхъ которой,—въ Коммагенѣ и

Каппадокіи,—около того же времени обитали хетты, позднѣе раздвинувшіе предѣлы своихъ поселеній на югъ, въ сѣверную Сирію, вплоть до границъ Палестины, и отсюда грозившіе даже Египту (см. выше стр. 15 и 93). При посредствѣ этихъ-то народовъ мало-по-малу установились живыя культурныя связи между востокомъ и обитателями острововъ и побережій Эгейскаго моря.

Такъ называемые иностранные колонисты.

Въ позднѣйшихъ преданіяхъ грековъ сохранилась память объ этой отдаленной порѣ оживленныхъ сношеній съ восточными странами. Если вѣрить этимъ преданіямъ,] первыя сѣмена образованной жизни принесены были въ Грецію съ Востока, отчего и мѣстомъ древнѣйшихъ государствъ, а слѣдовательно и древнѣйшей цивилизаціи, были восточные берега греческаго материка, какъ ближайшіе къ Азіи. Здѣсь еще въ отдаленной древности возникли города — Микены и Тиринѳъ въ Арголидѣ, Аѳины въ Аттикѣ, Орхоменъ и Ѳивы въ Бэотіи, Іолкъ въ Ѳессаліи. Все это были центры пеласго-эллинской образованности, получившіе свое начало или по крайней мѣрѣ главный импульсъ отъ прибывшихъ изъ-за моря колонистовъ. Такими колонистами-цивилизаторами преданіе называетъ Пелопса изъ Лидіи, сообщившаго свое имя полуострову, на которомъ онъ поселился, египтянъ—Даная въ Арголидѣ и Кекропса въ Аттикѣ и финикійца Кадма. Заморскіе пришельцы эти, въ образѣ которыхъ сага олицетворила, можетъ быть, цѣлый процессъ колонизаціи европейской Греціи сперва финикіянами, приносившими съ собою всѣ плоды и благодѣянія старой восточной культуры, потомъ—выходцами изъ М. Азіи, застали пеласговъ далеко не дикарями. Пеласги уже были знакомы съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, жили родовымъ бытомъ подъ властью своихъ старѣйшинъ и въ разныхъ мѣстахъ Греціи имѣли укрѣпленныя городища, называвшіяся большею частью Лариссами и сложенныя изъ огромныхъ необтесанныхъ камней безъ всякаго цемента такъ прочно, что остатки этихъ построекъ, извѣстныхъ подъ именемъ киклопическихъ, уцѣлѣли и до настоящаго времени [1]). Но это

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать киклоповъ, которымъ народная молва приписывала сооруженіе колоссальныхъ памятниковъ пеласгическаго зодчества, съ описываемыми въ Одиссеѣ одноглазыми великанами. Наши киклопы, названные такъ по своему царю Киклопу, по преданію первоначально обитали во Ѳракіи, откуда потомъ разсѣялись по Ликіи и Криту; царь Прэтъ (Proetus) призвалъ ихъ въ Аргосъ и заставилъ здѣсь укрѣпить города Тиринѳъ и Микены. Остатками киклопическихъ построекъ кромѣ крѣпостныхъ стѣнъ обоихъ названныхъ городовъ считаются знаменитыя „львиныя ворота“ и такъ называемая „атреева сокровищница“ въ Микенахъ (родъ куполообразнаго зданія, служившаго по всей вѣроятности царскою усыпальницею), нѣсколько сооруженій повидимому сакральнаго

была жизнь неподвижная и грубая, лишенная первыхъ условій всякаго развитія, т.-е. закона и безопасности. Произволъ сильнаго тѣснилъ слабыхъ, племенныя усобицы не давали развиваться правильному труду и неразлучному съ нимъ благосостоянію, морскіе разбойники безнаказанно грабили берега беззащитной пеласгической Греціи. И вотъ образованные переселенцы знакомятъ туземцевъ съ лучшими способами земледѣлія и осушки болотныхъ пространствъ, съ разведеніемъ маслины и винограда, съ добываніемъ и обработкою металловъ, съ промыслами, торговлей и мореплаваніемъ, распространяютъ между ними употребленіе мѣръ, вѣсовъ, письменъ, но, — что всего важнѣе, — водворяютъ въ странѣ первый порядокъ и безопасность укрѣпленіемъ старыхъ городовъ и построеніемъ новыхъ, защищенныхъ акрополями или кремлями и дѣлающихся средоточіями небольшихъ государствъ. Такъ возникли Спарта, Аргосъ, Микены, Коринѳъ, Сикіонъ, Аѳины, Орхоменъ, Ѳивы и множество другихъ царствъ первобытной Греціи, а нѣкоторыя изъ нихъ достигли значительной степени богатства и промышленнаго процвѣтанія, какъ Коринѳъ, Сикіонъ и особенно Орхоменъ въ землѣ эолійскихъ миніевъ, славившійся своей торговлей, постройками и казнохранилищемъ. Воспоминаніе объ иностранныхъ строителяхъ акрополей или укрѣпленныхъ городскихъ замковъ сохранилось даже въ ихъ названіяхъ,—напр. Кекропія въ Аѳинахъ и Кадмея въ Ѳивахъ.

Вопросъ объ иностранной колонизаціи въ Греціи кромѣ своего археологическаго интереса имѣетъ и большую научную важность по тѣсной связи своей съ вопросомъ о самобытности греческой культуры вообще. Оттого изслѣдователи, какъ К. О. Мюллеръ, стоявшіе за оригинальность греческаго образованія, старались если не отвергнуть самое существованіе иностранныхъ колоній въ Греціи, то по крайней мѣрѣ уменьшить ихъ размѣры и значеніе; но совершенно отрицать ихъ не могли даже и они, такъ какъ на нихъ указываютъ не только безчисленныя преданія, но и общій ходъ всемірнаго образованія, которое, начавшись на востокѣ, постепенно подвигалось на западъ, такъ что въ этомъ движеніи, переходя изъ Азіи въ Европу, прежде всего должно было коснуться ближайшей сосѣдки Востока —Греціи. Поэтому лучшіе изъ новѣйшихъ ученыхъ,

характера въ южн. Эвбеѣ, стѣны Псофиды (въ Аркадіи), фундаментъ нижней террасы аѳинскаго Пникса и проч. См. Overbeck, „Schriftquellen zur Gesch. d. bildenden Künste bei den Griechen“, S. 1—26; Курціусъ, „Ист. Гр.“ I, стр. 105—110; Проф. А. А. Павловскій, Курсъ исторіи древняго искусства. Одесса. 1905 (стр. 63 слл.); К. Вёрманъ, Ист. искусства всѣхъ временъ и народовъ. Спб. 1904. I. (стр. 236). *Ред.*

занимавшихся греческою древностью, напр. Дункеръ, К. Ф. Германнъ, Бузольтъ, Гольмъ и др., не отвергая совсѣмъ иностранной колонизаціи, ограничивали ее вліяніемъ Финикіи, которое считали несомнѣннымъ, а Курціусъ старался примирить оба мнѣнія тѣмъ, что, допуская культурное вліяніе иностранцевъ на Грецію, не считалъ ихъ однако-же иноплеменниками, а только греческими выходцами изъ разныхъ восточныхъ странъ. [Правда, въ послѣднее время снова заявляетъ о себѣ скептическая точка зрѣнія: существованіе финикійскихъ поселеній на берегахъ Эгейскаго моря отвергается, да и греко-финикійскія сношенія вообще пріурочиваются лишь къ VIII в. до Р. Х. Но это мнѣніе, высказанное Белохомъ и раздѣляемое отчасти англійскимъ историкомъ Бёрри (Bury), стоитъ совершенно особнякомъ. Во всякомъ случаѣ], несмотря на разногласіе, всѣ согласны въ томъ, что, если греки и заимствовали съ Востока начатки своей цивилизаціи, то силою своего генія переработали ихъ все таки въ совершенно оригинальномъ духѣ, что и лишаетъ самый споръ объ иностранныхъ колоніяхъ въ древней Греціи значительной доли его существеннаго значенія.

Племенные герои и царскіе роды.

Изъ племени пришельцевъ происходили и знаменитѣйшіе витязи-богатыри миѳической Греціи,—Данаидъ Гераклъ и потомокъ Кекропса Тезей, племенной герой Аттики, подвиги которыхъ прославлены народной поэзіей. Первый является въ преданіяхъ, какъ герой-цивилизаторъ, очищающій землю отъ разбойниковъ и чудовищъ, карающій насиліе и повсюду возстановляющій справедливость и нравственный законъ; второй же прославленъ въ нихъ, какъ освободитель своего отечества Аѳинъ отъ дани, наложенной критскимъ царемъ Миносомъ, и вмѣстѣ какъ первый устроитель аѳинскаго государства, соединившій 12 отдѣльныхъ поселеній его въ одинъ союзъ. Въ томъ и другомъ нельзя не видѣть миѳическаго олицетворенія живой просвѣтительной и организующей дѣятельности, которую внесли пришельцы въ неподвижный и беззащитный пеласгическій міръ. Отъ пришельцевъ же этихъ пошли и знаменитые царскіе роды въ различныхъ греческихъ государствахъ—Пелопиды въ Лаконіи и Аргосѣ и ѳиванскіе Кадмейоны (Эдипъ и его потомки, извѣстные своею трагической судьбой).

Общія племенныя предпріятія эллиновъ.

Наконецъ пришельцы же впервые собираютъ эллиновъ разныхъ мѣстностей Греціи для общихъ племенныхъ предпріятій. Наиболѣе громкими предпріятіями такими, оставившими долгій отголосокъ въ народной поэзіи и сагѣ, въ миѳическія времена Греціи была охота за каледонскимъ кабаномъ, походъ семи

противъ Θивъ, входящій въ миѳическую исторію эдипова потомства, походъ аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ, затѣянный ѳессалійскимъ витяземъ Ясономъ въ сопровожденіи знаменитѣйшихъ героевъ его времени,—Геракла, Кастора, Полидевка и вдохновеннаго южно-ѳракійскаго пѣвца Орфея,—и наконецъ троянская война, предпринятая цѣлымъ сонмомъ греческихъ царей и героевъ,—Ахилломъ, Патрокломъ, Одиссеемъ, Несторомъ, Аяксомъ и др., подъ главнымъ руководствомъ Пелопидовъ Агамемнона и Менелая,—съ цѣлью разоренія малоазіатской Трои и кончившаяся взятіемъ этого города послѣ десятилѣтней осады. Всѣ эти событія изукрашены до крайности народной фантазіей и заключаютъ въ себѣ очень мало достовѣрнаго, но все же они свидѣтельствуютъ о томъ предпріимчивомъ духѣ и о тѣхъ дѣятельныхъ морскихъ сношеніяхъ и новыхъ связяхъ, какія пробудились въ пеласгической Греціи со времени водворенія въ ней пришлыхъ элементовъ. Особенно же интересны преданія о двухъ послѣднихъ происшествіяхъ, — походѣ аргонавтовъ и троянской войнѣ, — указывающія на смѣлые морскіе набѣги іонійскихъ пиратовъ не только на восточные берега Эгейскаго моря, хорошо имъ знакомые, но даже и на болѣе отдаленныя припонтійскія страны, куда, вѣроятно, они проникли по слѣдамъ финикіянъ.

b) «Микенская» культура.

[Подъ вліяніемъ сношеній съ Востокомъ совершается постепенное преобразованіе „троянской“ культуры въ „микенскую“; хронологическая грань, раздѣляющая эти два культурные слоя между собою, заключается въ предѣлахъ XVI — XV столѣтій до Р. Х., и если одинъ изъ нихъ ближе къ каменному вѣку, то другой уже всецѣло принадлежитъ бронзовому. По сравненію съ троянскою микенская культура отличается замѣтнымъ прогрессомъ техники и яркимъ отпечаткомъ зависимости отъ восточныхъ образцовъ. Эта зависимость не мѣшаетъ ей однако и подъ чужими наслоеніями хранить и развивать старыя, самобытныя черты, унаслѣдованныя отъ предшествующаго періода. О связяхъ съ Востокомъ свидѣтельствуютъ издѣлія изъ стекла, слоновой кости, египетской массы и плавиковаго шпата, восточные мотивы въ искусствѣ,—сфинксы, грифы, львы, пантеры, газели, пальмовыя и лотосовые листья, демоны съ ослиными головами въ стилѣ хеттскихъ памятниковъ и т. п., многіе техническіе пріемы, напр. выкладка бронзовыхъ клинковъ золотою инкрустаціею, рельефная орнаментація въ архитектурѣ и проч., наконецъ такіе предметы, какъ страусовое яйцо или египетскіе скарабеи, найденные въ микенскихъ могилахъ. Съ другой стороны въ устройствѣ жилищъ, въ

сооруженіи дворцовъ, въ кладкѣ городскихъ стѣнъ строители микенской эпохи слѣдуютъ не манерѣ восточныхъ мастеровъ, а старой традиціи, связывающей эту эпоху съ предшествующею, и если все-таки дворцы Тиринѳа или критскихъ городовъ представляютъ болѣе сложности и великолѣпія, чѣмъ троянскій, то въ этомъ сказывается лишь результатъ естественнаго прогресса техники и измѣнившихся условій и потребностей жизни. Все въ микенской культурѣ вообще сложнѣе и богаче, нежели въ троянской. Въ оружіи, въ житейской обстановкѣ и украшеніяхъ мы здѣсь видимъ полное господство бронзы и обиліе драгоцѣнныхъ металловъ. Болѣе развитому художественному вкусу отвѣчаетъ и болѣе совершенное выполненіе. Наряду съ металлическими сосудами по прежнему въ ходу и глиняные, но и они, какъ все остальное, подчинились дѣйствію закона эволюціи: они выдѣланы на гончарномъ кругѣ и покрыты лаковыми красками; въ ихъ орнаментацію кромѣ геометрическихъ фигуръ и растительныхъ мотивовъ входятъ уже и изображенія животныхъ и даже людей. Возникаетъ и стѣнная живопись, фрагменты которой стали извѣстны уже послѣ раскопокъ въ Микенахъ и Тиринѳѣ, теперь же, благодаря новымъ критскимъ находкамъ, значительно возросли въ числѣ. Здѣсь то же сочетаніе заимствованнаго, чужого съ самобытнымъ, своимъ: отсутствіе рельефа и перспективы, условныя краски, какъ на египетскихъ фрескахъ, а въ лицахъ изображенныхъ фигуръ, въ стилѣ рисунка—свои типическія черты, которыхъ мы не находимъ нигдѣ на востокѣ.

Это и многое другое дало право заключить, что микенская культура представляла собою лишь дальнѣйшее развитіе троянской подъ вліяніемъ Востока и что создателями и носителями ея были не финикіяне, какъ думалъ Гельбигъ, и не каряне, какъ полагаетъ Кёлеръ, а племена, связанныя узами кровнаго родства съ позднѣйшимъ греческимъ населеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ нынѣ открыты ея очаги [1]). Быть можетъ, современемъ и будетъ найденъ ключъ къ болѣе опредѣленному рѣшенію этого вопроса:

[1]) Helbig, Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. 3 Aufl. Leipzig. 1892. Его-же, La question micénienne, Paris. 1896. Koehler, Vorgriechisches von den Kykladen (Mittheilungen d. deutsch. archäol. Instituts in Athen. IX. 1884). Kretschmer (Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. 1893) устанавливаетъ для доисторическаго времени въ М. Азіи, на островахъ и греческомъ материкѣ присутствіе населенія, говорившаго на какомъ-то не-греческомъ языкѣ, а Берри (Bury) допускаетъ, что это населеніе было сродни и первобытнымъ обитателямъ Пиринейскаго и Апеннинскаго полуострововъ. Риджвей (Ridgeway, The early age of Greece. I. London. 1901) считаетъ носителями микенской культуры пеласговъ; также думаетъ думаетъ итальянскій ученый о. Де-Кара (Hethei-Pelasgi nelle loro migrazioni dall' Asia in Europa. I. Roma, 1894), отождествляю-

на Критѣ добыты тысячи глиняныхъ плитокъ съ письменами, отчасти представляющими родъ образнаго или, какъ выражается Ивенсъ, „пиктографическаго“ письма, отчасти же приближающимися уже къ буквенной системѣ; но тайна этихъ письменъ пока еще не разгадана, а раскрытіе ея могло бы пролить свѣтъ и на вопросъ о происхожденіи микенской культуры. Остается, стало быть, строить на этотъ счетъ только гипотезы, и вотъ одна изъ нихъ. Раскопки г. Хвойко въ Трипольѣ (близъ Кіева) и проф. Э. Р. фонъ-Штерна въ м. Бѣльцахъ (Бессарабской губерніи) обнаружили въ этихъ мѣстахъ слѣды доисторической культуры, позволяющіе сблизить ее съ начальною фазою троянской культуры. Такимъ образомъ можно предполагать, что исходный пунктъ послѣдней лежалъ гдѣ-то на сѣверѣ, что явилось бы, между прочимъ, и новымъ подтвержденіемъ шрадеровской теоріи о европейской прародинѣ арійцевъ (см. выше стр. 107, прим.). Двинувшись къ Балканскому полуострову, предки греческаго народа здѣсь,—быть можетъ, въ области Чардага,—раздѣлились повидимому на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна направилась къ востоку, къ берегамъ Геллеспонта и дальше черезъ Малую Азію къ предѣламъ Арменіи, другая—къ югу, въ среднюю Грецію и Пелопоннесъ, а отсюда на близъ лежащіе острова Эгейскаго моря. Оставляя повсюду на своемъ пути курганы, разсѣянные и нынѣ по всему Малоазійскому полуострову отъ Троады до Гордія и Ипса, первая группа переселенцевъ образовала впослѣдствіи сильное фригійское царство, вступила въ союзъ съ хеттами, поддерживала ихъ въ борьбѣ съ Египтомъ и распространила свои поселенія вплоть до Кипра. Ея культура — это домикенская культура Гиссарлика и Бозёюка (близъ Бруссы), гдѣ въ недавнее время производилъ свои раскопки Кёрте (A. Körte), которому и принадлежитъ эта гипотеза. Другая, европейская вѣтвь, занявшая Балканскій полуостровъ, также хранила и самостоятельно развивала общія культурныя начала, принесенныя изъ сѣверной прародины, пока въ юго-восточныхъ областяхъ своихъ поселеній не пришла въ соприкосновеніе съ культурою Востока, подъ вліяніемъ которой и создалась смѣшанная микенская культура [1]).

щій впрочемъ пеласговъ съ хеттами. Ср. В. И. Модестовъ, Введеніе въ римскую исторію. Спб. 1902. I, стр. 101. *Ред.*

[1]) Отчеты о раскопкахъ Кёрте въ Бозёюкѣ и Гордіи см. въ Mittheil. des deutsch. archäol. Instituts in Athen. 1901. Ср. Th. Lenschau Jahresber. über die griech. Geschichte (1899—1902) въ Bursian's Jahresber. 1904. Само собою разумѣется, что гипотеза Кёрте перестраиваетъ всѣ доисторическія отношенія греческаго міра сравнительно съ іонійскою гипотезою Курціуса на совершенно новыхъ основаніяхъ. *Ред.*

Микенскій вѣкъ, какъ и предшествовавшій ему вѣкъ троянской культуры, не зналъ еще сожиганія труповъ: ему свойственно погребеніе мертвецовъ въ пещерныхъ и купольныхъ гробницахъ, обыкновенно въ скрюченномъ положеніи и среди той обстановки, которая окружала человѣка при жизни. Особенность похороннаго ритуала составляло употребленіе золотыхъ масокъ, которыми покрывались лица умершихъ. Какихъ-либо изображеній боговъ, если не считать идольчиковъ восточнаго происхожденія, въ микенскихъ слояхъ не найдено, но домашній жертвенникъ занимаетъ уже во дворцѣ микенской эпохи то же мѣсто, что и въ позднѣйшемъ греческомъ домѣ. Что касается общественныхъ и политическихъ отношеній этого времени, то о нихъ можно судить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: памятники свидѣтельствуютъ о развитомъ государственномъ бытѣ и о существованіи обширныхъ и сильныхъ державъ, о твердости монархическаго начала, о богатствѣ и могуществѣ знатныхъ родовъ, наконецъ о многочисленности низшаго класса, доставлявшаго царямъ и вельможамъ въ силу политической или экономической отъ нихъ зависимости всю ту массу рабочихъ рукъ, которая была нужна для возведенія ихъ колоссальныхъ сооруженій [1]).

Но, если пока въ возсозданіи внутренняго состоянія доисторической Греціи въ разсматриваемый періодъ нельзя идти дальше этихъ немногихъ положеній, то для той эпохи общихъ племенныхъ передвиженій, которая пришла на смѣну порѣ микенской культуры, стеревъ слѣды ея былого блеска, но вмѣстѣ и унаслѣдовавъ отъ нея многія черты ея бытового уклада, у насъ есть уже свидѣтельство эпическаго преданія. Въ преданіи этомъ съ

[1]) Литература вопроса о троянско-микенской культурѣ въ настоящее время очень обширна. На первомъ мѣстѣ стоятъ труды Шлимана: „Ilios, Stadt und Land der Trojaner“ (Leipz. 1881), „Troia“ (1884), „Bericht üb. die Ausgrabungen in Troia im Jahre 1890“ (1891), „Mykenae“ (1878), „Orchomenos“ (1881), „Tiryns“ (1886). Общедоступное изложеніе главныхъ результатовъ шлимановскихъ раскопокъ можно найти въ книгахъ Шухардта (Schuchardt, Schliemanns Ausgrabungen. 2 Aufl. Leipz. 1891), Нельсона, (Nelson, Heinrich Schliemann und seine homerische Welt. Leipz. 1901) и Сортé (Sortais, Ilios et Iliade. Paris. 1894). Новѣйшіе общіе труды, кромѣ указанныхъ выше сочиненій Гельбига и Риджвея: Hall, The oldest civilisation of Greece. 1901; Tsountas and Manatt, The mycenaean age. 1903; Busolt, Die älteste Culturepoche Griechenlands (Deutsche Rundschau. 1896). По-русски: Р. Вирховъ. Развалины Трои (Истор. Вѣстн. 1880. 2); К. К. Герцъ. Генрихъ Шлиманъ, его жизнь, раскопки и литературные труды (Русск. Вѣстн. 1882, 2); Тепловъ, „Поѣздка въ Троаду. На раскопкахъ Шлимана“ (Вѣстн. Евр. 1889, 8—9); Ѳ. И. Булгаковъ, Шлиманъ и его археологическая дѣятельность (Истор. Вѣстн. 1891. 2); В. Бузескулъ, О раскопкахъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ (Филол. Обозр. 1891, 2). Б. В. Фармаковскій, Микены и Финикія (Филол. Обозр. 15); его же, Стѣнная живопись микенской эпохи (Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. IX); Тира Соколовская, Микенская керамика. Спб. 1904. *Ред.*

живыми впечатлѣніями болѣе поздней дѣйствительности несомнѣнно смѣшаны и воспоминанія далекаго прошлаго, и такимъ образомъ оно до извѣстной степени воспроизводитъ передъ нами и многія стороны того общественнаго порядка, который утвердился на восточныхъ берегахъ Эллады и Пелопоннеса и на прилежащихъ островахъ еще въ микенскій вѣкъ. Вотъ главнѣйшія особенности жизненнаго строя, съ которымъ знакомитъ насъ греческій эпосъ и который принято обозначать названіемъ быта героическаго [1])].

Героическій бытъ.

Во главѣ каждаго греческаго государства стоялъ царь, совмѣщавшій въ своей особѣ достоинства военачальника (отчего и названіе его—βασιλεύς, „воевода", Herzog), жреца и верховнаго судьи и окруженный доблестнѣйшими мужами своего народа, такъ называемыми героями [2]). Герои эти—ближайшіе сподвижники царя на войнѣ, его постоянные совѣтники и собесѣдники дома; съ ними онъ обсуждаетъ текущія дѣла, съ ними разбираетъ тяжбы своихъ подданныхъ, имъ даетъ важныя дипломатическія порученія. Правда, народъ, т.-е. собственно та его часть, которая пользуется личною свободою и владѣетъ поземельною собственностью, отъ времени до времени созывается на вѣче или сходку, но только для того, чтобы выслушать здѣсь постановленіе или волю царя и, какъ и на нашихъ древнихъ вѣчахъ, крикомъ выразить свое одобреніе или неодобреніе; высказывать же мнѣнія и говорить рѣчи имѣютъ право одни герои. Въ жизни,—общественной и частной,—царитъ патріархальная простота; отношенія между членами общества свободны и естественны, и стѣна, обыкновенно раздѣляющая низшіе и высшіе классы, въ героическомъ государствѣ менѣе высока, нежели въ позднѣйшей Греціи. Точно опредѣленныхъ законовъ еще нѣтъ, но есть постановленія, выработанныя обычаемъ и нравами (δίκη и θέμις) и находящіяся подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ,—постановленія, на которыхъ утверждается право гражданское и международное. Бракъ признается святымъ, и, если и сохраняются, какъ переживаніе, остатки существовавшей когда то полигаміи, то они все же представляютъ явленіе нечастое.

[1]) Вопросъ объ отношеніи троянско-микенской культуры къ гомеровской далеко еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Обыкновенно общественный порядокъ, изображенный въ гомеровскихъ пѣсняхъ, пріурочиваютъ къ X—IX стол. По мнѣнію Белоха греческій эпосъ рисуетъ намъ „бытъ малоазіатскихъ грековъ,—главнымъ образомъ Іоніи,—притомъ въ IX и VIII столѣтіяхъ, но при близкомъ родствѣ гомеровской и микенской культуръ очень многое изъ того, что мы узнаемъ о первой, можно примѣнить и ко второй" (Ист. Гр., русск. перев. I, стр. 17). Рейхель (Ueber homerische Waffen. 2. Wien. 1901) также отождествляетъ гомеровскую культуру съ микенскою, противъ чего однако основательно возражаетъ Ридживей (назв. соч.). *Ред.*

[2]) Слово ἥρως одного происхожденія съ санскр. viras, лат. vir (мужъ). *Ред.*

Женщина занимаетъ свободное и почетное положеніе. Ея жизнь, правда, по большей части проходитъ въ кругу семьи и домашняго хозяйства, но это уединеніе не имѣетъ ничего общаго съ замкнутостью обитательницъ восточныхъ гаремовъ; напротивъ, въ вѣкъ героическій роль женщины даже значительнѣе и виднѣе, нежели въ позднѣйшія историческія времена, когда широкое развитіе общественной жизни съ одной и гетеризма—съ другой стороны все болѣе и болѣе низводитъ ее въ домѣ мужа, постоянно вращающагося внѣ семьи, на степень ключницы и няньки. Въ томъ, что относится къ области матеріальной культуры, замѣтна уже нѣкоторая утонченность. Главнымъ источникомъ благосостоянія продолжаетъ служить скотоводство и земледѣліе, но наряду съ этими занятіями процвѣтаютъ и ремесла,—есть даже зачатки изящныхъ искусствъ,—зодчества и скульптуры; возникаетъ классъ такъ называемыхъ деміурговъ,—людей лично свободныхъ, но безземельныхъ, а потому добывающихъ себѣ хлѣбъ работою на другихъ. Ихъ трудъ цѣнится, и сами они пользуются въ обществѣ уваженіемъ. Зато торговлею въ героической Греціи занимаются мало, предоставляя это дѣло большею частью иностранцамъ, особенно финикіянамъ, которые привозятъ къ грекамъ на своихъ корабляхъ различные фабрикаты культурныхъ странъ Востока, а отъ нихъ получаютъ взамѣнъ сырые продукты ихъ земли и рабовъ.

Вообще города и государства, подчинившіеся героическому обычаю, такъ замѣтно измѣнили къ лучшему свои нравы и жизнь, что стали даже считать себя какимъ-то особымъ племенемъ, именуясь въ отличіе отъ другихъ ахейцами,—названіе, съ которымъ соединялось понятіе особой доблести и благородства [1]). Впрочемъ смягченіе нравовъ и быта, разумѣется, надо считать относительнымъ, такъ какъ въ выгодномъ свѣтѣ оно представляется только по сравненію съ предшествовавшими временами первобытной грубости. Въ сущности и герои Гомера далеко не идеалы человѣчественныхъ качествъ, какіе нерѣдки въ греческой исторіи по-

[1]) Ахейцевъ обыкновенно принято называть на ряду съ дорянами, іонянами и эолянами, какъ четвертое главное племя эллинскаго народа. На это нѣтъ у насъ другого основанія кромѣ мнѣнія о родствѣ героевъ-эпонимовъ Іона и Ахея: мы не знаемъ ни о какомъ либо особомъ ахейскомъ діалектѣ, ни о какихъ-либо спеціально ахейскихъ чертахъ національнаго характера грековъ, ни объ ахейскомъ искусствѣ и проч. Въ историческое время имя ахейцевъ носили обитатели сѣверной части Пелопоннеса и ѳессалійской области Фтіотиды, говорившіе на дорическомъ нарѣчіи. Риджвей (назв. соч.) подъ ахейцами разумѣетъ носителей гомеровской культуры, какъ подъ пеласгами—носителей микенской. Онъ считаетъ ихъ племенемъ кельтскаго происхожденія, нахлынувшимъ въ Грецію съ сѣверо-востока въ эпоху крутыхъ племенныхъ переворотовъ, въ концѣ измѣнившихъ этнографическій составъ населенія Балканскаго полуострова въ XII—XI стол. *Ред.*

слѣдующихъ эпохъ. Это по большей части люди, чувствующіе избытокъ силъ и подъ вліяніемъ страстей то и дѣло злоупотребляющіе ими. Нравственныя начала не настолько еще сильны, чтобы сдерживать порывы бѣшенаго гнѣва, мстительности, безчеловѣчія къ побѣжденому врагу и другіе дикіе инстинкты натуры первобытной: главный герой Иліады Ахиллъ по злобѣ на Атридовъ измѣняетъ общему дѣлу и радуется несчастіямъ соотчичей,—въ перебранкѣ съ Агамемнономъ честитъ его собакой, и „царь мужей“ отвѣчаетъ ему тѣмъ же; несчастный Пріамъ, являясь въ станъ грековъ съ цѣлью выкупить трупъ убитаго сына, встрѣчается градомъ ругательствъ; Одиссей снискиваетъ громкую славу своимъ коварствомъ и хитростью; даже героини—Елена, Навсикая и др.—большею частью руководятся одними естественными инстинктами. Повсюду господствуютъ личныя побужденія, совершенно подавляющія собою слабые интересы общественные: каждый заботится о себѣ самъ и заботится только о себѣ, не думая о другихъ [1]).

Переселеніе дорянъ.

Съ другой стороны никакъ не надо представлять себѣ героическую Грецію страною благоустроенною. По словамъ самаго критическаго изъ греческихъ историковъ, Ѳукидида, безопасности не было еще долго спустя послѣ троянской войны, и набѣги воинственныхъ горныхъ племенъ на болѣе образованныхъ жителей равнины продолжались по прежнему, такъ что еще въ XII стол. до Р. Х. произошло такое сильное передвиженіе племенъ, которое совершенно измѣнило всѣ политическія отношенія героической Греціи. Передвиженіе это называется переселеніемъ дорянъ въ Пелопоннесъ или возвращеніемъ Гераклидовъ и, несмотря на миѳическій туманъ, окружающій это важное событіе, въ главныхъ чертахъ, повидимому, состояло въ слѣдующемъ. Лѣтъ шестьдесятъ спустя послѣ троянской войны въ древнѣйшемъ европейскомъ отечествѣ эллиновъ — Ѳессаліи обнаружилось движеніе: сѣверные горцы этой страны спустились въ равнины Пенея и потѣснили

[1]) Героическій бытъ прекрасно очерченъ у Шеманна (Griech. Alterth. I); исчерпывающее же весь наличный матеріалъ изложеніе этого вопроса можно найти у Бухгольца („Die Homerischen Realien“, Leipz. 1871—75), представившаго въ семи книгахъ не только полный сводъ всего, что относится къ области гомеровскихъ древностей — общественныхъ, частныхъ и религіозныхъ, но и обзоръ этики, психологіи, космографіи, географіи и естественной исторіи, какими эти отрасли человѣческаго вѣдѣнія являются въ гомеровскихъ поэмахъ. Изъ новѣйшей литературы можно указать: Drerup Homer (1903); Cauer Grundfragen der Homerkritik (1895); Noack Homerische Paläste (1903). По-русски: Леонтьевъ (Миѳич. Гр.); Аландскій (Ист. Гр., стр. 73 слѣд.); Р. Виппперъ Лекціи по исторіи Греціи I. М. 1905 (стр. 16—55); „Нравы героическаго періода“ (двѣ лекціи Альфр. Морп въ „Загр. Вѣстн. 1865, т. VI); кромѣ того общіе труды Курціуса, Белоха, Гельмольта (Ист. человѣчества, т. IV, отдѣлъ „Греція“) и проч. *Ред.*

обитавшихъ тамъ эолянъ, которые въ свою очередь бросились далѣе на югъ и овладѣли Бэотіей съ ея древними городами Орхоменомъ и кадмейскими Ѳивами. А еще двадцать лѣтъ спустя жители горной Дориды, соединившись съ этолянами, переправились черезъ Коринѳскій заливъ и за исключеніемъ Аркадіи подчинили своей власти почти весь Пелопоннесъ,—именно: доряне, предводимые Гераклидами Теменомъ, Кресфонтомъ и Аристодемомъ, утвердились въ Лаконіи, Мессеніи, Аргосѣ и на Истмѣ, а этоляне съ племеннымъ вождемъ своимъ Оксиломъ заняли Элиду; прежнее же населеніе этихъ странъ, тѣснимое пришельцами, толпами бѣжало на сѣверный берегъ Пелопоннеса, въ свою очередь вытѣснивъ отсюда іонійскихъ туземцевъ, которые, спасаясь отъ вражескаго нашествія, удалились частью въ Аттику, частью же на западные берега Малой Азіи [1]).

Переселеніе дорянъ было послѣднимъ изъ племенныхъ переворотовъ, которымъ Греція подвергалась въ доисторическое время. Послѣ этого племена ея уже окончательно усѣлись на мѣстахъ своихъ въ томъ видѣ, какъ изложено выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается и героическій вѣкъ, и въ жизни эллинскаго народа, въ которой важную роль начинаютъ играть доряне, выступаютъ новые интересы. Прежде однако, чѣмъ перейдемъ къ изложенію ея дальнѣйшаго развитія, совершавшагося уже больше на памяти исторіи, хотя все еще не свободнаго отъ окружающаго нѣкоторыя стороны этого развитія миѳическаго сумрака, необходимо сказать нѣсколько словъ о героическомъ эпосѣ эллиновъ, такъ какъ онъ получилъ свое начало въ героическій періодъ ихъ исторіи и служитъ лучшимъ его выраженіемъ.

Героическій эпосъ.

Двѣ дошедшія до насъ древне-греческія поэмы,—Иліаду, воспѣвающую главнымъ образомъ ссору Ахилла съ Агамемнономъ во время осады Трои, и Одиссею, описывающую странствованія и приключенія одного изъ героевъ троянской войны Одиссея (лат. Улисса) при возвращеніи на родину,—древность передала намъ подъ именемъ Гомера, и только въ наше время ученые стали сомнѣваться, чтобы эти произведенія вообще могли принадлежать

---

[1]) Въ связи со взглядомъ Белоха на микенскую культуру, которую онъ сближаетъ съ гомеровской почти до полнаго ихъ отождествленія, стоитъ и его взглядъ на переселеніе дорянъ, котораго онъ не признаетъ за историческій фактъ. Основаніемъ для такого взгляда служитъ позднее происхожденіе традиціи, сложившейся, по его мнѣнію, подъ лаконскимъ вліяніемъ лишь въ тѣ времена, когда Спарта, занявъ первенствующее положеніе среди пелопоннесскихъ политій, искала въ историческихъ воспоминаніяхъ опоры для своихъ притязаній на гегемонію въ Пелопоннесѣ. Мысль эта была сперва выражена Белохомъ въ статьѣ „Die Dorische Wanderung“ (Rhein. Museum. 1890), а затѣмъ въ его „Исторіи Греціи“. *Ред.*

одному поэту. Фридр. Авг. Вольфъ въ сочиненіи „Prolegomena ad Homerum“ (1795) первый высказалъ мысль, что обѣ поэмы составились изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, распѣвавшихся народными пѣвцами или рапсодами, въ числѣ которыхъ могъ быть и Гомеръ; а одинъ изъ послѣдователей Вольфа Лахманнъ простеръ этотъ скептицизмъ еще далѣе и самое имя Гомера призналъ нарицательнымъ, обозначающимъ вообще собирателя народныхъ сказаній. [Лахманнъ разчленилъ всю Иліаду на восемнадцать небольшихъ стихотвореній, изъ которыхъ по его предположенію и была составлена эта поэма позднѣйшими діаскевастами. Однако] въ настоящее время сомнѣнія эти уже нѣсколько ограничены, и еще Нитцшъ, Бернгарди, [Бергкъ и др., усматривая въ дошедшемъ до насъ текстѣ Иліады и Одиссеи работу нѣсколькихъ авторовъ, все же считали только одного изъ нихъ—Гомера—подлиннымъ творцемъ обоихъ произведеній, низводя всѣхъ остальныхъ до роли его передѣлывателей и подражателей, а Гротъ полагалъ, что первая изъ названныхъ поэмъ по всей вѣроятности сложилась изъ двухъ отдѣльныхъ стихотвореній,—собственно Иліады и Ахиллеиды, и что во всякомъ случаѣ въ основаніи той и другой лежалъ богатый фондъ народныхъ героическихъ сказаній, переходившихъ изъ устъ въ уста и возникшихъ задолго до того времени, когда были составлены обѣ эпопеи]. Всѣ впрочемъ согласны, во-первыхъ, въ томъ, что въ нынѣшній свой видъ гомеровы пѣсни приведены были въ весьма позднее время,—собраны воедино при Писистратидахъ, а окончательную редакцію получили въ александрійскій періодъ; во-вторыхъ, — что колыбелью этого героическаго эпоса были западные берега М. Азіи и прилежащіе къ нимъ острова, гдѣ утвержденіе европейскихъ іонянъ, выселившихся туда вслѣдствіе завоевательнаго движенія дорическаго племени въ XII в., происходило посреди долгой борьбы съ туземцами и потому развило между колонистами тотъ воинственный духъ, который и послужилъ источникомъ возникшихъ здѣсь героическихъ пѣсенъ; наконецъ въ третьихъ,—что поэмы Гомера по своей художественной красотѣ есть вѣчный и неподражаемый образецъ этого рода поэтическаго творчества, а по живости красокъ и полнотѣ изображенія—лучшій матеріалъ для изученія греческаго быта тѣхъ отдаленныхъ временъ [1]).

[1]) Для ознакомленія съ ученою полемикою, относящеюся къ гомеровскому вопросу, можно рекомендовать книгу проф. Бонитца „Ueber den Ursprung der homerischen Gedichte“ (5-te Aufl. v. Neubauer. Wien. 1881), а по-русски—Магаффи, „Ист. классич. періода греч. литературы“ (перев. А. Веселовской, М. 1882–83), т. I, стр. 19—77; Виппперъ Лекціи по исторіи Греціи, I, стр. 16 слл. *Ред.*

III. Времена полумиѳическія.

Общій характеръ этого періода.

Три столѣтія, протекшія отъ переселенія дорянъ до начала олимпіадъ, т.-е. съ конца XII в. до 776 г. предъ Р. Х., также не имѣютъ ни достовѣрной и связной исторіи, ни точной хронологіи. Хотя множество чрезвычайно важныхъ явленій греческой жизни несомнѣнно возникло или по крайней мѣрѣ развилось въ это время, однако миѳы попрежнему окружаютъ еще ихъ колыбель, почему и періодъ этотъ можетъ быть названъ полумиѳическимъ. Къ тому же самый фондъ данныхъ вполнѣ историческихъ вообще довольно бѣденъ еще: прежнія связи греческихъ государствъ, соединявшія ихъ нерѣдко въ героическую эпоху для общихъ предпріятій, порваны; новыя еще не установились или только-что устанавливаются; Грецiя распадается на множество мелкихъ государствъ, — каждый городъ дѣлается независимымъ государствомъ [1]). Вслѣдствіе почти общаго передвиженія племенъ, произведеннаго завоеваніемъ Пелопоннеса дорянами и Бэотіи и Элиды эолянами, повсюду [устанавливаются новыя отношенія и] утверждаются новыя династіи. [Лишь Аркадія и Акарнанія да отчасти Аттика остаются незатронутыми этимъ племеннымъ переворотомъ и сохраняютъ свое прежнее населеніе, въ другихъ же мѣстахъ оно либо утрачиваетъ политическія права (періэки въ Лаконіи), либо приходитъ въ крѣпостную зависимость отъ побѣдителей (гелоты въ Спартѣ, гимнеты въ Аргосѣ, пенесты въ Ѳессаліи), либо принуждено бѣжать и выселяться въ М. Азію,

---

[1]) Не только въ Греціи, но и на Апеннинскомъ полуостровѣ типическая форма государственной организаціи есть городъ съ его округомъ, какъ самостоятельное государственное тѣло, и если впослѣдствіи отдѣльные города у грековъ и италійцевъ и объединяются въ болѣе крупныя политическія образованія, то это происходитъ обыкновенно въ видѣ федерацій на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Эта любопытная сторона античнаго міра не разъ обращала на себя вниманіе ученыхъ и служила предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій. Сюда относятся работы Фюстель-де-Куланжа „La cité antique“ Paris. 1863 (имѣется три русскихъ перевода), Фаулера (Fowler) The city-state of the Greeks and Romans (A survey introductory to the study of ancient history. London. 1893) и проф. Н. И. Карѣева „Государство-городъ античнаго міра“ (2 изд. Спб. 1905). Заимствуемъ изъ послѣдняго сочиненія (стр. 17) слѣдующую цитату: „Фриманъ („Сравнит. политика“) указываетъ на то, что у классическихъ народовъ образовались государства-города, тогда какъ новые народы положили основаніе государствамъ-національ, т.-е. разница заключается въ томъ, что древніе и особенно греки достигли городского быта очень рано и что онъ получилъ у нихъ такое развитіе, какого у нихъ никогда, наоборотъ, не имѣло національное единство, германцы же прямо перешли отъ племеннаго быта къ національному единству, минуя посредствующую стадію городского быта. Другими словами, у грековъ процессъ образованія государства опередилъ процессъ національнаго объединенія, который у германцевъ шелъ, такъ сказать, рука объ руку съ первымъ процессомъ“. *Ред.*

и только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ во Фліунтѣ, между туземцами и пришлецами устраивается полюбовное соглашеніе. Такимъ образомъ Пелопоннесъ становится почти сплошь дорическимъ, сѣверная Греція и значительная часть средней—почти сплошь эолическою, іоняне же на материкѣ удерживаютъ за собою лишь Аттику и Саламинъ]. Повсюду враждебно стоятъ другъ противъ друга побѣдители и побѣжденные, что подаетъ поводъ съ одной стороны къ установленію по греческимъ государствамъ разнообразнѣйшихъ формъ государственнаго устройства, которыми законодатели пытаются согласить интересы столкнувшихся племенныхъ и политическихъ элементовъ, а съ другой—къ обширной греческой колонизаціи, мало-по-малу охватывающей всѣ берега и острова Средиземнаго моря и Эвксинскаго Понта. Но разрозненный греческій міръ къ концу этого періода начинаетъ однако приходить къ сознанію своего племеннаго и духовнаго единства, выразившагося въ общемъ языкѣ, обычаяхъ и религіи съ порожденными ею учрежденіями, — амфиктіоновыми судами, оракулами и панэллинскими празднествами и играми.

Разсмотримъ теперь особо каждое изъ этихъ явленій.

Главнѣйшія государства этого періода и общій ходъ ихъ политической жизни.

Когда вслѣдствіе общаго племеннаго переворота въ XII—XI в. греческій міръ распался на мелкія государства, углубившіяся каждое въ свои внутреннія дѣла, то значительнѣйшими изъ нихъ оказались: Спарта въ Лаконіи, Аѳины въ Аттикѣ, Коринѳъ и Сикіонъ на Истмѣ, Мантинея въ Аркадіи, Аргосъ въ Арголидѣ, Ѳивы въ Бэотіи, Ларисса и Феры въ Ѳессаліи, Халкида и Эретрія на Эвбеѣ, Кноссъ, Гортина и Кидонія на островѣ Критѣ и множество другихъ.

Общій ходъ постепеннаго развитія политической жизни въ этихъ государствахъ за немногими исключеніями былъ слѣдующій. Сначала мы видимъ вездѣ царскую власть, наслѣдіе героическаго вѣка; но съ половины IX в. и въ теченіи VIII в. она повсюду уступаетъ мѣсто правленію аристократическому. Знатные и богатые роды, какъ напр. эвпатриды въ Аѳинахъ, Бакхіады въ Коринѳѣ, Алевады въ Лариссѣ, всадники въ городахъ эвбейскихъ, космы на островѣ Критѣ,—большею частью потомки героевъ предшествовавшаго періода,—устранивъ военно-патріархальную монархію, дѣлятъ между собою ея власть. Но этотъ порядокъ вещей держится только до тѣхъ поръ, пока, благодаря успѣхамъ промышленнаго труда, не создается классъ зажиточныхъ и образованныхъ людей среди низшихъ сословій,—такъ называемаго демоса,—и не начинаетъ добиваться участія въ обществен-

ныхъ дѣлахъ, оспаривая у аристократовъ ихъ исключительныя права. Однако на первыхъ порахъ такая борьба демотамъ оказывается не подъ силу. Поэтому они выставляютъ противъ родовитой знати, противъ богатыхъ земельныхъ собственниковъ отдѣльныхъ честолюбцевъ изъ ихъ же круга, которые подъ именемъ тирановъ то ловкостью, то силою захватываютъ въ свои руки верховную власть по греческимъ государствамъ и начинаютъ управлять ими въ духѣ примиренія партій, а еще чаще въ интересахъ выдвинувшаго ихъ демоса. Эта вторая ступень развитія греческой общественной жизни относится уже къ концу полумиѳическаго періода, а эпоха полнаго процвѣтанія греческой тиранніи собственно приходится еще позже,—въ VII и даже VI ст. предъ Р. Х. Тиранія въ Греціи сначала вовсе не имѣла того предосудительнаго смысла, какой получила впослѣдствіи. Тиранами называли просто правителей, незаконно присвоившихъ себѣ власть (узурпаторовъ), противополагая ихъ съ одной стороны—басилевсамъ (царямъ), съ другой—эсимнетамъ (αἰσυμνῆται), т.-е. такимъ неограниченнымъ правителямъ, которые по какому либо случаю получили временное полномочіе отъ народа. Дѣятельность тирановъ, напротивъ, была большею частью благодѣтельна: стремясь удержаться на высотѣ похищенной власти, они обыкновенно правили очень льготно, покровительствовали просвѣщенію и искусствамъ, заводили колоніи, поощряли промышленный трудъ, украшали города, свои резиденціи, великолѣпными постройками, желая дать бѣдному люду средства для заработковъ и отвлечь его вниманіе отъ общественныхъ дѣлъ. Таковы были Кипселиды въ Коринѳѣ, Ортагориды въ Сикіонѣ, Поликратъ на островѣ Самосѣ, Діонисій въ Сиракузахъ и Писистратиды въ Аѳинахъ. И только впослѣдствіи, когда окрѣпшій демосъ, не нуждаясь болѣе въ опекѣ тирановъ, сталъ угрожать ихъ власти, правители эти для огражденія своихъ интересовъ начали прибѣгать къ террору; тогда и самое слово „тиранъ“ получило то невыгодное значеніе, съ какимъ оно употребляется въ наше время. Далѣе VI вѣка тиранія впрочемъ не удержалась нигдѣ, и въ слѣдующемъ столѣтіи уже повсемѣстно утверждаются въ Греціи республики, то аристократическія, то демократическія, то смѣшанныя, съ постепеннымъ однако преобладаніемъ демократіи, которая и составила такимъ образомъ третью и послѣднюю ступень развитія греческой общественной жизни. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что означенный ходъ этого развитія встрѣчается во всей своей послѣдовательности не во всѣхъ греческихъ государствахъ, и въ нѣкоторыхъ,

какъ напр. въ Аргосѣ и Аркадіи, переходъ отъ монархіи въ республикѣ совершился прямо въ демократическомъ духѣ, да и самая тиранія не вездѣ возникала изъ борьбы демоса съ аристократами,—не вездѣ даже и были тираны [1]).

Греческія колоніи.

Въ тѣсной связи съ историческимъ ходомъ общественной жизни въ эллинскихъ государствахъ стоитъ развитіе греческой колонизаціи, особенно позднѣйшей, начавшейся съ VIII стол. и направившейся [отчасти] на западную часть Средиземнаго моря, [отчасти же въ сѣверныя области Пропонтиды и Понта Эвксинскаго], тогда какъ болѣе раннія восточныя поселенія, относящіяся къ XII — X вв., главный побудительный толчокъ получили отъ племеннаго переворота, совершившагося въ Греціи въ XII вѣкѣ. Древнѣйшая греческая колонизація обратилась на востокъ, потому что восточные берега Эгейскаго моря искони были извѣстны грекамъ, какъ мѣста, съ которыми они постоянно поддерживали сношенія, да и самый Архипелагъ, усѣянный островами, представлялъ для несовершеннаго первобытнаго мореплаванія пути болѣе безопасные, чѣмъ открытая западная часть Средиземнаго моря. Главныя массы греческихъ выселенцевъ заняли на востокѣ берега Малой Азіи, гдѣ древнѣйшими колоніями на мизійскомъ побережьѣ были эолійско-ахейскія, составившіяся главнымъ образомъ изъ ахейскихъ бѣглецовъ, спасавшихся сюда отъ дорійскаго порабощенія. Главнѣйшимъ изъ этихъ поселеній были Кимы. Вслѣдъ за эолійско-ахейскимъ слоемъ поселенцевъ идутъ іонійскіе эмигранты изъ Аттики, также удалившіеся оттуда подъ напоромъ тѣхъ пелопоннесскихъ племенъ, которыхъ доряне вытѣснили съ юга на сѣверъ. Іонійскіе выходцы эти основали на лидійскомъ берегу 12 городовъ, между коими важнѣйшими сдѣлались Милетъ, Фокея и впослѣдствіи Эфесъ. Наконецъ еще позже и сами доряне основали на карійскомъ, т.-е. юго-западномъ побережьѣ

a) Восточныя.

[1]) По вопросу о формахъ государственнаго устройства древне-греческихъ политій главный источникъ—Аристотель (его „Политика“ переведена на русскій яз. Н. Е. Скворцовымъ, 2 изд. М. 1895), отчасти также Платонъ (въ діалогахъ „Законы“ и „Государство“, по-русски въ перев. В. Оболенскаго и В. Карпова, Спб. 1863); пособія: Schömann-Lipsius, Griech. Alterth. (I-й томъ); G. Gilbert, Handbuch der griech. Staatsalterthümer, 2 Bde. Leipz. 1881—85 (особ. II, стр. 262 слѣд.). Курсы греч. древностей на русскомъ яз.: І. Страшкевичъ „Краткій очеркъ греч. древн.“ (2-е изд. Кіевъ. 1874)“; Бойезенъ „Пособіе къ изученію греч. древн“. (въ перев. К. Земберга. Вильна. 1874); В. В. Латышевъ „Очеркъ греч. древн.“ 2 части. (Изд. 3-е. Спб. 1897). Спеціальныя сочиненія: Oncken, Die Staatslehre des Aristoteles. 2 Bde (Leipz. 1870—75); Кн. Е. Н. Трубецкой, Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историч. значеніи (Вопр. филос. и псих. 1890, кн. 4); Н. И. Карѣевъ, „Государство-городъ античнаго міра“; Б. Н. Чичеринъ, Ист. полит. ученій. М. 1896, ч. I. О тиранахъ—Бауеръ, „Эпоха древней тиранніи въ Греціи“. Спб. 1863. *Ред.*

Малой Азіи свои 6 городовъ съ Галикарнассомъ во главѣ ихъ. Разсѣянные вдоль тѣхъ же западныхъ малоазійскихъ береговъ острова Спорадскіе въ свою очередь были колонизованы соотвѣтственно — Лесбосъ эолянами, Самосъ іонянами, а Родосъ дорянами; [доряне же утвердились и на Критѣ, прежнее населеніе котораго было ими обращено въ крѣпостную зависимость].

Къ восточнымъ же колоніямъ принадлежатъ и тѣ, которыя расположены были по сѣвернымъ берегамъ Эгейскаго моря и Пропонтиды, а равно и всѣ поселенія на Понтѣ. [Возникнувъ въ большинствѣ случаевъ уже на памяти исторіи, они исходили главнымъ образомъ изъ Греціи островной либо малоазійской]. Изъ нихъ замѣчательнѣйшими въ торговомъ и политическомъ отношеніи были Амфиполь, Олинѳъ и Потидея,— всѣ на македонскомъ берегу, и Византія, основанная за 658 лѣтъ до Р. Х. дорійскими выходцами изъ Мегары у пролива Константинопольскаго, который въ древности назывался Боспоромъ Ѳракійскимъ. На Понтѣ же всѣ почти греческія поселенія обязаны своимъ происхожденіемъ Милету, считавшемуся метрополіей восьмидесяти колоній. Важнѣйшими изъ нихъ были Одессъ, Томи и Аполлонія—на западномъ берегу Понта, Гераклея, Синопа и Трапезунтъ—на южномъ, Фазисъ (нын. Поти) и Діоскурія (нын. Сухумъ-Кале)— на восточномъ и, наконецъ, на сѣверномъ, включая сюда и побережье Азовскаго моря, въ древности Мэотійскаго болота,— Танаисъ у устьевъ одноименной съ нимъ рѣки (Дона), Пантикапея у Боспора Киммерійскаго (нын. пролива Таврическаго), Херсонесъ близъ теперешняго Севастополя, Ольвія при устьѣ Гипаниса (Буга) и Тирасъ у устья рѣки того же названія (Днѣстра). Такимъ образомъ приморская полоса нашего новороссійскаго края, донской земли и западнаго Кавказа получила первыя сѣмена своей древнѣйшей культуры отъ этихъ милетскихъ поселенцевъ по крайней мѣрѣ за полторы тысячи лѣтъ до основанія русскаго государства [1]).

---

[1]) Съ исторіей, бытомъ и учрежденіями греческихъ колоній, разсѣянныхъ когда-то по берегамъ южной Россіи, знакомятъ насъ нѣкоторые,—правда, довольно скудные,—памятники, находимые теперь на мѣстахъ этихъ древнихъ поселеній (надписи, развалины, произведенія искусства, утварь и проч.). Цѣлый рядъ русскихъ ученыхъ трудился и продолжаетъ трудиться надъ изученіемъ этихъ памятниковъ. Таковы: Стемпковскій („Изсл. о мѣстоположеніи древ. греч. поселеній на берегахъ Понта Эвкс.“ Спб. 1826 и др.), графъ А. С. Уваровъ, З. Аркасъ, Ф. Брунъ, П. Беккеръ, Б. Кёне, Ив. Бларамбергъ, Г. Спасскій, Н. Мурзакевичъ, Л. А. Стефани, въ позднѣйшее же время акад. В. В. Латышевъ, издавшій отысканныя въ южной Россіи греческія надписи и написавшій обширное „Изслѣдованіе объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи“ (Ж. М. Н. Пр. за 1887 г.), а также проф. И. Помяловскій, составив-

[Второе колонизаціонное движеніе, развившееся на исходѣ полумиѳическаго періода греческой исторіи или, какъ теперь принято выражаться по примѣру Бергка, Эд. Мейера и др., въ концѣ „греческаго средневѣковья“, обусловливалось двумя причинами]. Главнымъ двигателемъ колонизаціи были политическіе перевороты, волновавшіе греческія государства въ VIII и VII столѣтіяхъ,—сначала борьба демоса съ аристократіей, а потомъ господство тирановъ, — перевороты, породившіе въ Греціи множество недовольныхъ, тѣснимыхъ на родинѣ и искавшихъ новыхъ мѣстъ для поселенія на чужихъ берегахъ Средиземнаго моря. [Но не менѣе важнымъ факторомъ являлись и экономическія причины, коренившіяся въ быстромъ приростѣ населенія. При территоріальной ограниченности греческихъ государствъ, особенно островныхъ, приходилось выводить этотъ избытокъ населенія въ другія мѣста, иногда на далекія западныя или сѣверныя окраины древняго міра. Такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ совершалось непрерывное этнографическое и культурное распространеніе греческаго племени далеко за предѣлы Эгейскаго моря. Когда] лучшія мѣста на востокъ отъ Греціи были уже заняты болѣе ранними выселенцами, колонизація обратилась на западъ. То аристократическія правительства греческихъ городовъ высылали сюда излишекъ безпокойнаго бѣднаго населенія, то знатныя фамиліи, тѣснимыя тиранами, искали здѣсь убѣжища, то наконецъ экономическія, торговыя и военныя соображенія заставляли заводить новыя колоніи. Главною колоніальною страною въ этомъ направленіи была Италія, какъ страна, ближайшая къ Греціи и родственная ей по своему племенному составу. Особенно много греческихъ поселеній возникло въ южной части Апеннинскаго полуострова, получившей впослѣд- б) Западныя

шій „Сборникъ греч. и лат. надписей Кавказа“ (Спб. 1881). Сюда же нужно отнести многочисленныя археологическія работы В. Н. Юргевича, акад. Н. П. Кондакова, проф. Э. Р. фонъ-Штерна, проф. Ю. А. Кулаковскаго, Б. В. Фармаковскаго, В. Шкорпила и др. Большая часть названныхъ ученыхъ помѣщала свои произведенія въ „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Имп. Археологической Коммиссіи, въ „Запискахъ“, „Мемуарахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Имп. Русскаго Археологическаго Общества и въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, гдѣ можно найти также и переводы греческихъ авторовъ (Арріана, Скилакса Каріандскаго, Анонима и проч.), важныхъ для изученія древнѣйшей колонизаціи черноморскихъ береговъ. Впрочемъ для ознакомленія съ послѣднимъ теперь незамѣнимымъ пособіемъ является изданіе В. В. Латышева „Scythica et Caucasica. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ“. 2 т. Спб. 1893 слл.—Д. Иловайскій Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи. I. (ст. „Эллино-скиѳскій міръ на берегахъ Понта“); А. Н. Деревицкій „Слѣды древне-греческихъ поселеній и античной культуры на югѣ Россіи“ (сборн. „Художественная Россія“, т. 5. Спб. 1894); В. В. Латышевъ Эпиграфич. данныя о госуд. устройствѣ Херсониса Таврическаго (Ж. М. Н. Пр. 1884. кн. VI); его же „Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства“. Симферополь. 1893; Гр. А. Бобринской Херсонесъ Таврическій. Истор. очеркъ. Спб. 1905. *Ред.*

ствіи отъ латинянъ даже и названіе Великой Греціи. Самыми выдающимися по своему историческому значенію были здѣсь Тарентъ, Сибарисъ, Кротонъ, Локры Эпизефирскіе, Неаполь, а на близъ лежащемъ островѣ Сициліи—Сиракузы, основанныя въ 735 г. дорянами изъ Коринѳа, Агригентъ, Мессана и пр. Изъ другихъ западныхъ колоній важную историческую роль играли—Кирена (на сѣверномъ берегу Африки), Сагунтъ (на восточномъ берегу Испаніи) и Массилія (на южномъ берегу Галліи). Послѣдній городъ, подобно Милету на востокѣ, сталъ исходнымъ пунктомъ своей собственной обширной колонизаціи, распространившейся по сѣверо-западному берегу Италіи и прилежащимъ къ нему островамъ [1]).

Историческое значеніе колоній.

Такъ далеко распространился міръ греческой колонизаціи, а съ ней и греческой образованности. Правда, финикійско-карѳагенскія поселенія простирались еще далѣе, доходя на востокѣ до Персидскаго залива, а на западѣ—до гвинейскаго берега и острововъ британскихъ; но за исключеніемъ одного Карѳагена, сдѣлавшагося сильнымъ государствомъ и развившимъ собственную культуру, большая часть ихъ осталась на степени торговыхъ и промышленныхъ факторій, или же, какъ Новый Карѳагенъ въ Испаніи, просто административныхъ пунктовъ. Да и самая образованность финикійская съ преобладающимъ матеріальнымъ характеромъ мало принесла пользы тѣмъ странамъ и народамъ, куда заходила,—тѣмъ болѣе, что по своей завистливой меркантильной политикѣ финикіяне скрывали свѣдѣнія о земляхъ, съ которыми были въ сношеніяхъ, на самыя же земли эти смотрѣли только, какъ на предметъ эксплуатаціи. Вліяніе греческихъ колоній было и прочнѣе, и благотворнѣе. Во-первыхъ, большая часть ихъ достигла полной политической самостоятельности, а многія сдѣлались могущественными государствами, развившими на обще-эллинскихъ основаніяхъ и собственную богатую образованность въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Таковы были Сиракузы съ ихъ полумилліоннымъ населеніемъ, съ флотомъ, равнявшимся морскимъ силамъ соединенной Эллады, оспаривавшія у карѳагенянъ владычество надъ всею Сициліею. Эсхилъ, Пиндаръ, Платонъ и Архимедъ находили

[1]) Свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ греческихъ колоній можно найти у Гильберта (Handb. d. griech. Staatsalt., II, 135 ff.), который воспользовался всѣмъ доселѣ собраннымъ эпиграфическимъ матеріаломъ, и Бузольта (Griech. Gesch. 2-е изд., гл. 2-я, §§ 8—10, 13). У нихъ же см. и частныя указанія на литературу вопроса. По-русски: В. В. Латышевъ Очеркъ греч. древностей. I. 3-е изд. Спб. 1897 (стр. 71—94); Ѳ. Ѳ. Соколовъ Критич. изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи. Спб. 1865; С. А. Селивановъ Очерки древней топографіи острова Родоса. Казань. 1892. *Ред.*

одно время радушный пріемъ при дворѣ сиракузскихъ тирановъ. Массилія и Родосъ славились во всемъ древнемъ мірѣ своими образцовыми школами. А Кирена уже въ VI стол. сдѣлалась настолько могущественна, что могла вести побѣдоносныя войны съ египетскими фараонами послѣднихъ династій и до временъ римскихъ была одною изъ богатѣйшихъ торговыхъ республикъ древняго міра. О Милетѣ мы уже знаемъ, что это была метрополія всѣхъ почти черноморскихъ колоній греческихъ, а политическое значеніе его было такъ велико, что въ борьбѣ съ персами онъ стоялъ во главѣ всѣхъ греческихъ городовъ Малой Азіи. Такимъ же политическимъ могуществомъ пользовался и Тарентъ въ южной Италіи, отважившійся на войну даже съ римской республикой. Изъ другихъ же колоній древней Греціи Кротонъ славился своею пиѳагорейскою школою и дѣятельностью самого Пиѳагора, нашедшаго здѣсь убѣжище, Сибарисъ—своимъ богатствомъ и роскошью, вошедшими въ пословицу, а Туріи, возникшія на развалинахъ разрушеннаго кротонцами Сибариса, — своимъ отличнымъ законодательствомъ сицилійца Харонда; Локры Эпизефирскіе имѣли тоже своего законодателя въ лицѣ Залевка. А сколько знаменитыхъ представителей эллинской интеллигенціи и искусства родились, воспитались и дѣйствовали въ колоніяхъ греческихъ! Гомеровскій эпосъ развился въ малоазійской Іоніи, Геродотъ былъ уроженецъ Галикарнасса, Ксенофанъ родился въ іонійскомъ Колофонѣ, Ѳалесъ въ Милетѣ, Гиппократъ (врачъ) и Апеллесъ (живописецъ) на островѣ Косѣ, Анакреонъ въ Теосѣ и проч. Вообще, какъ въ политической, такъ и въ умственной жизни колоніи греческія далеко опередили по времени свою метрополію,—собственно Грецію. Раньше развилось у нихъ демократическое устройство, давшее просторъ патріотизму, свободному духу и личнымъ талантамъ, а слѣдовательно раньше расцвѣло тамъ и эллинское образованіе. Іонійскій эпосъ напр. воспиталъ весь греческій міръ; въ малоазіатской же Іоніи появилась и первая греческая философія (Ѳалесъ и іонійская школа), и первая греческая исторіографія (Кадмъ и Гекатей милетскіе). Дальнѣйшее развитіе, какъ философскаго мышленія, такъ и историческаго искусства совершилось также главнымъ образомъ въ колоніяхъ,—перваго въ школахъ Великой Греціи (пиѳагорейской и элеатской), а второго — у малоазіатскихъ дорянъ, гдѣ родился и воспитывался отецъ настоящей исторіи Геродотъ. Основатель греческой октавной музыки Терпандръ изъ Лесбоса принадлежалъ тоже къ кругу колоніальныхъ знаменитостей греческаго образованія.

Во многихъ отношеніяхъ, стало быть, колоніи были учителями собственной Греціи и своимъ примѣромъ возбудительно дѣйствовали, какъ на общественную, такъ и на умственную культуру метрополіи.

Причина такого ранняго развитія греческихъ колоній лежала главнымъ образомъ въ томъ, что выселенцы, не связанные въ новомъ отечествѣ никакими стѣснительными историческими условіями, могли устроиться свободно и согласно съ своими нуждами и желаніями, — тѣмъ болѣе, что и зависимость ихъ отъ метрополіи была сколько-нибудь чувствительна только въ тѣхъ случаяхъ, когда колоніи основывались по распоряженію и на счетъ греческихъ государствъ, съ какими-нибудь промышленными или политическими цѣлями; большею же частію отношенія между колоніями и ихъ метрополіей были совершенно свободныя и уподоблялись древними отношеніямъ взрослаго сына къ родительскому дому, т.-е. ограничивались нравственною связью, выражавшеюся со стороны колоніи поздравительными посольствами и приношеніями по поводу какихъ-нибудь празднествъ въ отечественномъ городѣ, испрошеніемъ у метрополіи предводителя въ случаѣ основанія собственной колоніи и тому подобными знаками уваженія.

Впрочемъ этимъ обратнымъ воспитательнымъ дѣйствіемъ на метрополію не ограничивалось историческое значеніе греческихъ колоній: еще важнѣе было вліяніе ихъ на тѣ страны, среди которыхъ онѣ возникали. Отношеніе греческихъ поселенцевъ къ окружавшимъ ихъ иноплеменнымъ туземцамъ вообще было мягче и человѣчнѣе, чѣмъ напр. завистливыхъ и жадныхъ финикіянъ и карѳагенцевъ, и хотя греки строго отличали себя отъ варваровъ, т.-е. иноплеменниковъ, и туго смѣшивались съ ними, но благотворное дѣйствіе ихъ богатой не только матеріальной, но и духовной культуры все-таки проникало къ окрестнымъ полудикимъ племенамъ и незамѣтно воспитывало ихъ для будущей исторической роли.

Единство греческаго народа.

Но раздробленный политически и географически греческій народъ все же чувствовалъ себя единымъ и цѣльнымъ, противополагая себя варварамъ, людямъ не-эллинской крови и рѣчи. Ни отдаленность отъ родины, ни различіе племенъ и государствъ не могли заглушить въ грекахъ сознанія, что они члены одной великой семьи, связанной общими обычаями, языкомъ и религіей. Отъ Массиліи до Фазиса домашняя и общественная жизнь грека носила общія черты. Такъ точно и языкъ, хотя и раздѣленный на многочисленные діалекты и говоры, былъ понятенъ

каждому эллину. Но особенно могущественнымъ средствомъ сохраненія національнаго единства служила религія съ ея учрежденіями.

Религія.

Зародыши древнѣйшей религіи грековъ несомнѣнно общеарійскіе. Уранъ пеласгическаго вѣка не только по своему основному значенію, но и по самому названію напоминаетъ индійскаго Варуну. Въ періодъ восточныхъ вліяній онъ уступаетъ свое первенствующее мѣсто Кроносу съ его человѣческими жертвоприношеніями, но господство этого свирѣпаго бога непродолжительно: Кроноса въ свою очередь смѣщаетъ Зевсъ, и съ побѣдою его культа наступаетъ періодъ чисто эллинскихъ религіозныхъ представленій. Однако Зевсъ вначалѣ — все еще довольно неопредѣленное стихійное божество неба, и только съ теченіемъ времени онъ болѣе и болѣе индивидуализируется, — всѣ другія стихійныя божества, чтимыя въ разныхъ мѣстностяхъ и у различныхъ племенъ эллинскихъ, приводятся мало-по-малу въ связь съ нимъ, — онъ становится отцомъ боговъ и людей. У него является супруга Гера, два брата—Посейдонъ и Гадесъ, съ которыми онъ дѣлитъ управленіе тремя областями міросданія — небомъ, океаномъ и подземнымъ царствомъ, наконецъ множество дѣтей — Аресъ, Аѳина, Гефестъ, Діонисъ, Гермесъ, Аполлонъ, Артемида и Афродита. Такъ возникаетъ цѣлая семья боговъ, заселяющая Олимпъ и управляемая міродержавнымъ Зевсомъ. Однако въ такой стройный видъ эллинскій политеизмъ приведенъ былъ уже въ относительно позднѣйшее время, когда творческая фантазія поэтовъ установила теогонію, т.-е. ученіе о родословіи боговъ, и заодно съ пластическими искусствами представила ихъ въ изящныхъ человѣческихъ образахъ, приписавъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣческія качества, желанія и страсти. Въ этомъ смыслѣ Геродотъ правъ, сказавши, что Гомеръ и Гезіодъ создали грекамъ боговъ: въ эпоху догомеровскую большая часть греческихъ божествъ имѣла натуральное значеніе, являлась продуктомъ обоготворенія отдѣльныхъ силъ и явленій природы и сохраняла мѣстный характеръ, пользуясь чествованіемъ каждое лишь въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ пунктахъ Греціи. Разнообразіе физическихъ условій страны способствовало и разнообразію пантеона, такъ какъ одни и тѣ же явленія природы въ различныхъ мѣстностяхъ могли представляться различно; кромѣ того не всѣ культы были даже чисто эллинскаго происхожденія, и есть несомнѣнные признаки, что поклоненіе Аполлону, Деметрѣ, Діонису и Афродитѣ развилось въ Греціи подъ сильнымъ воздѣйствіемъ со стороны передне-азіатскихъ куль-

товъ. Правда, эллины успѣли впослѣдствіи придать этому поклоненію національный характеръ, но слѣды восточнаго вліянія сохранились не въ одной чертѣ, — между прочимъ въ такъ называемыхъ мистеріяхъ или таинствахъ, съ которыми были соединены культы нѣкоторыхъ божествъ. Самыми знаменитыми изъ мистерій были элевсинскія въ честь матери-земли Деметры, символически представлявшія періодическое умираніе и возрожденіе природы и въ связи съ этимъ, быть можетъ, преподававшія посвященнымъ (мистамъ) ученіе о загробной жизни. [Впрочемъ о томъ, каково было это ученіе и существовало ли оно вообще въ видѣ строго опредѣленной догмы, судить мудрено. Вѣрно только то, что] въ массѣ господствовали весьма неутѣшительныя представленія о будущей жизни. Большинство представляло себѣ загробное существованіе душъ не иначе, какъ въ видѣ вѣчнаго блужданія и томленія ихъ въ царствѣ Гадеса и Персефоны. Правда, греческая миѳологія учила, что души праведныхъ наслаждаются блаженствомъ Элизія, а нечестивцы испытываютъ муки Тартара, но возмущенная совѣсть древняго эллина мало удовлетворялась наказаніемъ, отнесеннымъ по ту сторону гроба: онъ былъ слишкомъ горячо привязанъ къ земной жизни, полной хотя и кратковременныхъ, но дѣйствительныхъ радостей. [Поэтому вѣра въ Эвменидъ, богинь-карательницъ, преслѣдующихъ отъявленныхъ злодѣевъ здѣсь, на землѣ, прежде чѣмъ они сойдутъ въ царство тѣней, имѣла гораздо болѣе вліянія на народную нравственность, нежели всѣ басни о Радамантѣ, Эакѣ и Миносѣ, совершающихъ судъ надъ умершими людьми, объ адскихъ мученіяхъ Сизифа или Тантала, осужденныхъ за прежнія преступленія, и т. п. [1])].

Впрочемъ, все же греческая религія въ сравненіи съ восточными представляетъ замѣтное отличіе, состоящее главнымъ образомъ въ антропоморфизмѣ греческихъ боговъ. Представивъ божества свои въ идеальныхъ человѣческихъ образахъ и надѣливъ ихъ человѣческими свойствами, греки проложили этимъ путь новымъ отношеніямъ человѣка къ божеству,—отношеніямъ, основаннымъ на любви, а не на страхѣ, какъ это мы видѣли на Востокѣ, хотя съ другой стороны обожествленіе всѣхъ свойствъ человѣческой природы, какое представлялъ греческій пантеонъ въ своемъ

---

[1]) Вѣрованія грековъ въ загробную жизнь служатъ предметомъ замѣчательной книги Эрв. Роде (Rohde) „Psyche“ (1890—94). По-русски имѣется на ту же тему сочиненіе проф. Ю. А. Кулаковскаго „Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ“. Кіевъ. 1899. *Ред.*

дальнѣйшемъ развитіи, и совершенное уподобленіе божества человѣку вело къ господству надъ обществомъ довольно легкой морали, такъ какъ сами боги подавали людямъ примѣръ многочисленныхъ слабостей. Тѣмъ не менѣе у грековъ, какъ и вездѣ, религія принесла много добра, особенно въ первобытныя, полудикія времена. Она смягчала грубые нравы и нерѣдко доставляла слабому защиту отъ произвола сильнѣйшаго. Подъ ея покровительствомъ укрѣпились нѣкоторые благотворные обычаи,—гостепріимство, святость клятвы и т. п. Подъ сѣнію же религіи развились наконецъ и главнѣйшія учрежденія, наиболѣе способствовавшія духовному сближенію и національному единству разрозненныхъ эллиновъ [1]). Такими учрежденіями были, во-первыхъ, амфиктіоніи.

Амфиктіоніи.

Такъ назывались союзы сосѣднихъ греческихъ городовъ и цѣлыхъ племенъ, заключаемые съ цѣлью защиты какого-нибудь храма или святыни. Древнѣйшими амфиктіоніями считались калаврійская, онхестская на островѣ Эвбеѣ и делосская на островѣ Делосѣ, начало которыхъ восходитъ ко временамъ миѳическимъ; а по важности своего значенія первое мѣсто занимала амфиктіонія дельфійская, къ которой принадлежали 12 племенъ сѣверной Греціи и Эллады, группировавшіяся вокругъ аполлонова храма и прорицалища въ Дельфахъ. Союзы эти сначала были чисто религіозные, и только впослѣдствіи примѣшались къ нимъ и цѣли политическія, именно—рѣшеніе общихъ дѣлъ и споровъ между амфиктіонами; особенно такую роль игралъ одно время союзъ дельфійскій, называвшійся нерѣдко, хотя и преувеличенно, общимъ судилищемъ эллиновъ.

Третейскіе суды.

[Нѣкоторое основаніе для столь почетнаго наименованія заключалось впрочемъ въ томъ, что по старому греческому обычаю въ случаѣ возникновенія во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ какихъ-либо дипломатическихъ осложненій, нерѣдко происходившихъ на почвѣ пограничныхъ споровъ или торговаго соперничества, разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ во избѣжаніе войны предоставлялось заинтересованными сторонами международному

---

[1]) Главное пособіе для изученія греческой религіи—указанная выше книга Преллера (Griech. Myth.); кромѣ того—Nägelsbach, Die Homerische Theologie (Nürnberg, 1861); его же Die Nachhom. Theologie (Nürnb. 1857); Alfr. Maury, Hist. des religions de la Grèce antique depuis leurs origines jusqu'à leur complète constitution (Paris, 1857—59); Welcker, Griech. Götterlehre (Götting. 1857—63); Hartung, Die Religion u. Mythologie der Griechen (Leipz. 1865—73). По вопросу о мистеріяхъ классическое произведеніе—Lobeck, Aglaophamus s. de theologiae mysticae Graecorum causis (Königsberg. 1829); по-русски—гр. С. С. Уваровъ. „Изслѣд. объ элевсинскихъ таинствахъ“ („Современникъ“ за 1847 г., т. I); Н. И. Новосадскій назв. соч. *Ред.*

третейскому суду. Въ судьи могли выбираться либо частныя лица, пользовавшіяся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, либо нейтральныя въ спорномъ дѣлѣ государства, либо же какія-нибудь свободныя общественныя или религіозныя организаціи. Такимъ образомъ и на долю дельфійскаго союза выпадала иногда роль третейскаго судьи. Обыкновенно тяжущіяся стороны напередъ обязывались безпрекословно подчиниться рѣшенію такого суда и подкрѣпляли это обязательство представленіемъ денежнаго залога, который потомъ и утрачивался стороною, не признавшею рѣшенія. Если же постановленіе суда удовлетворяло тяжущихся, то судьи получали отъ нихъ оффиціальное изъявленіе благодарности, а иногда и нѣкоторыя привилегіи.

Проксенія. Въ религіозныхъ же вѣрованіяхъ греческаго народа слѣдуетъ искать и происхожденія такъ называемой проксеніи. Это было учрежденіе, при помощи котораго каждому гражданину греческаго государства до нѣкоторой степени обезпечивалось право личной и имущественной неприкосновенности за предѣлами его общины. Государство вступало при этомъ какъ бы въ договоръ съ отдѣльными гражданами другихъ государствъ, которые, получая титулъ проксеновъ, принимали на себя обязательство оказывать гостепріимство, покровительство и заступничество въ своихъ родныхъ городахъ всѣмъ его гражданамъ. Такимъ образомъ проксенія въ сущности развилась изъ отношеній частнаго гостепріимства и подобно ему находилась подъ защитою Зевса-Ксенія (покровителя гостей). Въ тѣ времена, когда весь греческій міръ распадался на множество независимыхъ другъ отъ друга политій, а твердыхъ принциповъ международнаго права выработано еще не было, такое учрежденіе могло въ значительной степени способствовать установленію мирныхъ, дружественныхъ связей и развитію политическихъ и торговыхъ сношеній между отдѣльными гражданскими общинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно нѣсколько сглаживало рѣзкости того крайняго партикуляризма, которымъ были проникнуты всѣ общественныя отношенія въ древней Греціи].

Оракулы. Не менѣе важны [въ смыслѣ объединительнаго вліянія на разрозненный греческій міръ] были оракулы или прорицалища, находившіяся въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи при храмахъ наиболѣе чтимыхъ божествъ. Самымъ древнимъ религіознымъ учрежденіемъ этого рода было прорицалище Зевса въ эпирской Додонѣ, гдѣ жрецы предсказывали будущее по шелесту листьевъ священнаго дуба или же по журчанію источника, тамъ протекавшаго. Со временъ же дорійскаго переселенія первую роль

во всемъ греческомъ мірѣ сталъ играть оракулъ дельфійскій, находившійся при храмѣ Аполлона въ фокидскихъ Дельфахъ. Дѣло въ томъ, что съ преобладаніемъ въ Греціи дорянъ выступаетъ на первый планъ и культъ Аполлона, ихъ племенного бога, поддерживавшаго интересы дорійскаго племени и особенно Спарты; оттого и высокое значеніе оракула продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока первая роль въ Греціи принадлежала дорянамъ, т.-е. до окончанія войнъ персидскихъ. Въ теченіи слишкомъ пятисотъ лѣтъ этихъ дельфійскій оракулъ былъ не только первымъ святилищемъ греческаго міра, но его наставникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ, его публичной совѣстью и общественнымъ мнѣніемъ,— былъ, однимъ словомъ, для него тѣмъ, чѣмъ для новой западной Европы въ средніе вѣка было папство или чѣмъ въ наше время является періодическая и другая печатная литература. Посредствомъ своихъ отвѣтовъ на вопросы, задаваемые стекавшимися сюда богомольцами, вдохновенная божествомъ жрица Пиѳія (или, правильнѣе, жрецы дельфійскіе, объяснявшіе ея загадочныя рѣчи), руководила политическими, религіозными и общественными интересами Греціи. [По преданію], она поддержала Ликурга, сообщивъ его законодательству освященіе; она много способствовала обѣимъ гегемоніямъ Спарты, во время нашествія Ксеркса указала аѳинянамъ на деревянныя стѣны, т.-е. на корабли, какъ на лучшее средство защиты отъ непріятеля, объявила мудрѣйшимъ изъ людей гонимаго и осмѣяннаго Сократа, содѣйствовала успѣхамъ греческой колонизаціи: Сиракузы, Кротонъ, Кирена, Массилія основаны были по ея указанію; наконецъ въ спорныхъ вопросахъ вѣры и нравственности она поддерживала правильность и однообразіе культовъ, нерѣдко защищала слабыхъ и угнетенныхъ, смѣло обличала тирановъ. Въ виду такихъ заслугъ дельфійскаго оракула для дѣла эллинской и всемірной цивилизаціи съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ можно отнестись и къ темнымъ сторонамъ этого учрежденія,— къ систематическому обману, при помощи котораго жрецы эксплуатировали легковѣріе пилигриммовъ, къ продажности, которою они впослѣдствіи нерѣдко пятнали себя, наконецъ къ ихъ замѣчательному пристрастію къ спартанскимъ интересамъ и выгодамъ [1]).

---

[1]) См. Люперсольскаго „Храмовой городъ Дельфы съ оракуломъ Аполлона Пиѳійскаго въ древней Греціи“ (Спб. 1869). О греческой мантикѣ вообще— Буше-Леклеркъ „Вѣдовство въ античномъ мірѣ“ (въ русск. перев. Ѳ. Г. Мищенка). Кіевъ. 1881. Археологическія раскопки на мѣстѣ древнихъ Дельфъ, начатыя еще К. О. Миллеромъ, въ настоящее время почти доведены до конца, благодаря стараніямъ французской школы въ Аѳинахъ (école française d'Athènes). Раскопаны—священная дорога съ расположенными по ней сокровищ-

Общественныя игры.

Общественныя игры древней Греціи развились также подъ сѣнію религіи, хотя конечно своимъ происхожденіемъ онѣ обязаны естественной потребности юнаго, крѣпкаго народа упражнять свои тѣлесныя силы. Кромѣ пиѳійскихъ игръ въ Дельфахъ, немейскихъ въ Арголидѣ, истмійскихъ близъ Коринѳа, величайшую важность для грековъ имѣли игры олимпійскія, съ начала IX в. совершавшіяся каждые четыре года въ Элидѣ, а съ 776 г., когда имена побѣдителей стали записываться, служившія даже основаніемъ лѣтоисчисленія для греческихъ историковъ. Состязанія состояли здѣсь въ бѣганіи, кулачномъ бою, ристаніи на колесницахъ и метаніи диска, но нерѣдко также художники, поэты и историки знакомили на играхъ публику со своими произведеніями, Наградой побѣдителю служилъ обыкновенно простой лавровый вѣнокъ, но получить этотъ вѣнокъ было такою честью, выше которой для грека не существовало ничего. Значеніе игръ состояло, во-первыхъ, въ томъ, что здѣсь эллины разныхъ государствъ и племенъ знакомились и сближались между собою, а во-вторыхъ, въ томъ, что онѣ способствовали благородному соревнованію между ними на разныхъ поприщахъ физическаго и умственнаго труда и поддерживали въ нихъ духъ безкорыстія, честности и патріотизма, такъ какъ грекъ, запятнавшій себя какимъ-либо предосудительнымъ поступкомъ, а тѣмъ болѣе измѣною обще-эллинскимъ интересамъ, не допускался на игры.

Такимъ путемъ мало-по-малу вырабатывалось сознаніе національнаго единства грековъ,—сознаніе, иносказательно выразившееся въ генеалогической сагѣ о происхожденіи эллинскихъ племенъ отъ общаго родоначальника Девкаліона, сына Эллина, и именно отъ двухъ его сыновей Эола и Дора и двухъ внуковъ Іона и Ахея; а въ слѣдующій періодъ гегемонія сначала Спарты, а потомъ Аѳинъ, и общая борьба грековъ съ Персами за народную независимость еще болѣе скрѣпили это единство.

ницами (тесаврами) греческихъ городовъ, нижняя терраса, поддерживавшая храмъ Аполлона, самый храмъ, театръ, стадій и проч. Отчетъ объ этихъ раскопкахъ даетъ обширное изданіе, выходящее подъ редакціей директора школы и главнаго руководителя раскопокъ Омолля: „Fouilles de Delphes, executées aux frais du gouvernement Français par l'Ecole Française d'Athènes sous la direction de Th. Homolle (1892—1901)“. См. В. П. Бузескулъ „Введеніе въ ист. Гр.“, стр. 443 слд. Значительная часть дельфійскихъ надписей обработана русскимъ ученымъ, проф. А. В. Никитскимъ въ его трудахъ „Дельфійскіе эпиграфическіе этюды“ (Одесса. 1894—95), „Изслѣдованія въ области греч. надписей“ (Юрьевъ. 1901) и проч. *Ред.*

IV. Времена историческія.

Ионянъ и дорянъ.

Съ первыми записанными Олимпіадами, т.-е. съ началомъ VIII стол., начинаются для Греціи времена историческія, хотя переходъ къ полной достовѣрности извѣстій и здѣсь совершается не сразу. Дробный греческій міръ, связанный довольно слабыми узами племеннаго и духовнаго единства, представляетъ намъ въ это время два довольно ясно обозначившіяся направленія въ своей государственной и частной жизни, — дорійское и іонійское, — обусловленныя различіемъ и даже противоположностью племеннаго характера дорянъ и іонянъ [1]). Первые — представители аристократическаго начала въ государственной жизни и связаннаго съ нимъ консерватизма; область ихъ господства — на сухомъ пути, на материкѣ Греціи; ихъ главная сила — гоплиты, тяжело-вооруженная пѣхота. У вторыхъ господствующія формы правленія демократическія, открывающія полный просторъ вліянію личныхъ талантовъ и ведущія къ частымъ общественнымъ перемѣнамъ. Настоящая стихія іонійцевъ — море, а главная сила ихъ — флотъ. Различіе это проходитъ затѣмъ и во всѣхъ другихъ сферахъ: въ діалектахъ языка, въ пластическихъ искусствахъ, въ поэзіи и философіи. Главная представительница дорійскаго элемента — Спарта, іонійскаго — Аѳины. Судьба этихъ государствъ служитъ такимъ образомъ какъ бы олицетвореніемъ судьбы цѣлой Греціи; на нихъ слѣдовательно и долженъ сосредоточиться интересъ греческой исторіи съ того времени, какъ она становится достовѣрною [2]).

---

[1]) Вопросъ о различіи направленій въ бытовомъ и государственномъ укладѣ греческихъ политій можетъ быть впрочемъ поставленъ и иначе, — это различіе могло вытекать не изъ этнографической противоположности дорянъ и іонянъ, а изъ различія условій историческаго развитія государствъ приморскихъ и сухопутныхъ. См. Белохъ, Ист. Гр. I, 2 изд., стр. 40. Карѣевъ, Государство-городъ, стр. 76 сл.

[2]) Главными источниками для начальной исторіи Аѳинъ и Спарты служатъ надписи, Геродотъ, Ксенофонтъ (въ „Лакедемонской политіи“), Псевдо-Ксенофонтъ (въ политическомъ памфлетѣ объ аѳинской демократіи), Плутархъ (въ жизнеописаніяхъ Ликурга и Солона) и особенно Аристотель въ своемъ сочиненіи о государствѣ („Политика“), заключающемъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ устройствѣ греческихъ политій, и въ открытомъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ трактатѣ объ аѳинскомъ государственномъ строѣ („Ἀθηναίων πολιτεία“). Число надписей, обнимающее въ настоящее время нѣсколько десятковъ тысячъ и каждогодно возрастающее, увеличивается по направленію отъ древнѣйшихъ временъ къ позднѣйшимъ; до половины V стол. передъ Р. Х. оно довольно скудно. Важнѣйшія собранія надписей: четырехтомный „Corpus Inscriptionum Graecarum“ (началъ издаваться съ 1828 г. при берлинской Академіи Наукъ подъ редакціей Августа Бёка); продолженіе его — „Corpus Inscriptionum Atticarum“ (издавался также берлинской Академіей при участіи многихъ ученыхъ съ 1873 г. по 1895). Кромѣ этихъ двухъ основныхъ сборниковъ существуетъ не мало другихъ, имѣю-

Спарта. Начальная исторія Спарты довольно темна. По раздѣлу Пелопоннеса между завоевавшими его дорянами Лаконія [по преданію] досталась Гераклидамъ Проклу и Эврисѳену, отъ которыхъ [будто бы] и пошли двѣ параллельныя линіи царей спартанскихъ [1]). Такъ какъ число пришедшихъ съ ними мужей дорійскихъ было невелико, — не болѣе пяти или шести тысячъ, — то понятно, что покореніе многочисленнаго ахейскаго населенія должно было затянуться. Прошло сто или полтораста лѣтъ, прежде чѣмъ завоеваніе это было завершено. Тѣ изъ туземцевъ ахейскихъ, которые покорены были силой, составили классъ государственныхъ рабовъ — гелотовъ, другіе подчинились завоевателямъ на условіяхъ и образовали классъ періэковъ, пользовавшихся нѣкоторыми гражданскими правами и личной свободой и могшихъ владѣть земельной собственностью. Сами же доряне составляли господствующую замкнутую аристократію края, присвоившую себѣ лучшія земли и исключительно пользовавшуюся всѣми политическими правами; въ отличіе отъ другихъ они назывались спартіатами.

Легенда о Ликургѣ. Разумѣется, всѣ эти отношенія слагались медленно и постепенно посреди борьбы и злоупотребленій всякаго рода. Спартіаты стремились сдѣлаться тягостной олигархіей для края; подавленные туземцы много разъ пытались выбиться изъ-подъ этого гнета силою; Проклиды и Эврисѳениды спорили за власть; установившагося общественнаго порядка не было, — вотъ въ какомъ приблизительно видѣ должны мы представить себѣ состояніе Спарты, когда [впервые стали раздаваться въ странѣ голоса, требовавшіе установленія твердыхъ принциповъ жизни и кодификаціи обычнаго права. Впослѣдствіи, когда эволюція общественныхъ и государственныхъ учрежденій въ Спартѣ была уже совершенно закончена и жизнь государства застыла въ привычныхъ формахъ, примирившихъ интересы различныхъ классовъ населенія, созданіе этихъ формъ было приписано древнему законодателю Ликургу, который по одному преданію заимствовалъ основы спартанскаго строя отъ критянъ, по другому же — получилъ конституцію Спарты

щихъ уже болѣе или менѣе спеціальный характеръ и обнимающихъ надписи либо областныя (островныя, сѣверно-греческія, малоазіатскія, понтійскія, кавказскія и проч.), либо систематически подобранныя по формѣ или содержанію (діалектическія, метрическія, юридическія, сакральныя и т. п.). См. Аландскій, „Ист. Гр.“, стр. 39 и слѣд. Руководствомъ къ методическому изученію греческой эпиграфики можетъ служить книга І. Франца „Elementa epigraphices graecae“ (Berl. 1840) и Ларфельда „Griechische Epigraphik“ (Leipz. 1898), а пособіями — сборники избранныхъ надписей Гикса (Hicks), Диттенбергера и Мишеля (Michel). *Ред.*

[1]) Обыкновенно эти царскія линіи называются Агидами и Эврипонтидами по имени сына эврисѳенова Агиса и внука проклова Эврипонта. *Ред.*

въ готовомъ видѣ отъ дельфійскаго оракула. Ни о времени жизни Ликурга, ни о его личности мы однако не знаемъ ничего достовѣрнаго. Ксенофонтъ считалъ его современникомъ дорійскаго переселенія, Геллапникъ также относилъ возникновеніе спартанской конституціи еще ко временамъ Прокла и Эврисѳена, а Ѳукидидъ, не связывая впрочемъ порядковъ, утвердившихся въ Спартѣ, опредѣленно съ именемъ Ликурга, свидѣтельствуетъ, что они возникли лѣтъ за четыреста до него, т.-е. приблизительно въ IX стол. Но не подлежитъ сомнѣнію, что] законы, приписываемые Ликургу и носившіе его имя, уже или до этого существовали въ зародышѣ, или же развились впослѣдствіи и притомъ въ теченіе долгаго времени. Оттого еще Карлъ Отфридъ Мюллеръ высказалъ взглядъ на Ликурга, какъ на лицо, такъ сказать, собирательное, т.-е. какъ на личность, въ которой преданіе олицетворило цѣлый періодъ общественнаго развитія. Но Мюллеръ впалъ въ ошибку, принявъ учрежденія, носящія имя ликурговыхъ, за племенныя дорійскія, между тѣмъ какъ ни Коринѳъ, ни Мегара (также дорическія государства) не представили ничего подобнаго, а сходство съ критскими учрежденіями — болѣе поверхностное, чѣмъ существенное. Вотъ почему знаменитый англійскій изслѣдователь греческой исторіи Гротъ считалъ такъ называемыя ликурговы учрежденія частію остатками общественнаго порядка героическихъ временъ, частію же такими установленіями, которыя развились вслѣдствіе особаго положенія, въ какомъ очутились пришлые доряне въ завоеванной странѣ вслѣдствіе своей малочисленности въ виду сильнаго и многочисленнаго ахейскаго населенія Лаконіи. Ликургу же, по предположенію Грота, могла принадлежать только регламентація этихъ естественно развившихся отношеній. [Но и этотъ примирительный взглядъ теперь оставленъ. Большинство современныхъ ученыхъ склоняется, напротивъ, къ мнѣнію, что Ликургъ, котораго въ Спартѣ почитали какъ божество, устраивая въ честь его святилища и празднества, былъ лишь лаконскимъ миѳологическимъ варіантомъ аркадскаго Зевса Ликея, а его знаменитыя „ретры“ или законоположенія, будучи далеко не столь древняго происхожденія, какое имъ впослѣдствіи приписывалось, заключали въ себѣ лишь формулировку того общественнаго устройства, которое слагалось и развивалось на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій [1])].

---

[1]) Существованіе Ликурга отрицали уже Цоэга и Ушольдъ (Ueber d. Entsteh. der Verfassung d. Spart. Amberg. 1843), позже Г. Гильбертъ (въ руководствѣ по греческимъ древностямъ) и Гельцеръ (Neues Rhein. Mus. XXVIII, 1 сл.); Ранке (Weltgesch.) также считалъ его миѳомъ; подробно же развитъ этотъ взглядъ и обставленъ серьезнымъ научнымъ аппаратомъ въ трудахъ Виламо-

Общественное устройство Спарты.

Спартанское общественное устройство, извѣстное подъ именемъ ликургова, носило слѣдующія черты. Во главѣ государства стояли два царя, которые подобно царямъ героическаго вѣка были военачальниками, судьями и верховными жрецами своего народа. Оба они окружены были большими почестями и пользовались одинакими правами. Діархія эта, [происхожденіе которой впрочемъ и до сихъ поръ не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ [1])], была повидимому не только средствомъ уравновѣсить власть одного властію другого, но и единственно возможною сдѣлкою между равными правами двухъ царственныхъ домовъ. Но законодательная власть принадлежала не имъ, а представителямъ 28 спартіатскихъ родовъ, — такъ называемымъ геронтамъ, — и затѣмъ народному собранію, которое созывалось въ каждое новолуніе и рѣшало дѣла, подготовленныя коллегіей геронтовъ—герусіей (senatus); рѣшало оно ихъ однако безъ преній, простымъ да или нѣтъ, какъ это бывало и въ героическія времена. Понятно, что при такомъ устройствѣ вся сила государственной власти лежала собственно въ герусіи, такъ какъ отъ нея зависѣло поставить вопросъ такъ, а не иначе, или и вовсе его не поставить. Наконецъ къ теченіемъ времени возникло еще одно учрежденіе, бывшее представителемъ народныхъ интересовъ, — учрежденіе, въ которомъ народъ искалъ противовѣса тягостной олигархіи геронтовъ: эфоры, сначала простые чиновники царскіе, помогавшіе царямъ въ разныхъ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, мало-по-малу пріобрѣли такую силу, что не только стали контролировать дѣйствія правительства, но даже присвоили себѣ право судить и сажать подъ стражу самихъ царей.

Итакъ въ первоначальномъ своемъ видѣ устройство это представляетъ остатокъ простыхъ общественныхъ формъ героическаго вѣка съ военно-патріархальными царями, съ олигархіей героевъ, съ пассивнымъ народнымъ собраніемъ. Въ такъ называемомъ законодательствѣ Ликурга оно могло получить только бо́льшую опредѣленность, а дальнѣйшее теченіе жизни вызвало эфоратъ,

---

вица-Меллендорфа и Эд. Мейера; однако см. Курціусъ, Ист. Гр. I, стр. 144 слѣд. *Ред.*

[1]) О происхожденіи спартанской діархіи существуютъ различныя гипотезы. Одни напр. полагали, что діархія возникла на почвѣ компромисса между двумя соперничавшими между собою общинами, изъ которыхъ одна была дорійская, другая ахейская (Вакcмутъ), а можетъ быть и обѣ были дорійскими (Дункеръ); другіе, какъ Пёльманъ, думали, что двоевластіе явилось послѣдствіемъ борьбы между царями и знатью, наконецъ третьи пытались объяснить это явленіе раздробленіемъ первоначально единой царской власти (Мейеръ). *Ред.*

какъ народный контроль надъ правительствомъ [1]). Впрочемъ все же и въ этомъ видѣ спартанское государство является типомъ организованной аристократіи съ преобладающимъ военнымъ характеромъ, такъ какъ спартіаты, пользовавшіеся исключительно политическими правами, были вмѣстѣ и военнымъ сословіемъ государства. Законодательство, до малѣйшихъ подробностей регулировавшее ихъ воспитаніе и домашнюю жизнь, старалось развить въ нихъ патріотизмъ, единодушіе и военныя доблести. Съ этою цѣлью юношество спартанское воспитывалось въ постоянныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, а общественные столы или такъ называемыя сисситіи, отъ которыхъ никто не могъ уклоняться, поддерживали въ гражданахъ духъ равенства и товарищества. Такое сильное развитіе военнаго направленія объясняется самымъ положеніемъ немногочисленныхъ спартіатовъ среди враждебнаго имъ туземнаго населенія. Въ виду этой враждебной силы для удержанія своего господства въ странѣ они по необходимости должны были сомкнуться въ тѣсную и стройную дружину. Законоположенія, приписываемыя Ликургу, стало быть, и тутъ не создали ничего новаго, а только регламентировали тотъ военный духъ, который самъ собою развился между лаконскими дорянами вслѣдствіе вѣковой борьбы ихъ съ туземцами. Самая суровость обычаевъ спартанскихъ, можетъ быть, есть порожденіе этого духа, а сисситіи сильно напоминаютъ солдатскія лагерныя артели.

Было наконецъ еще одно учрежденіе, также приписанное Ликургу и также мало ему принадлежавшее,—это дѣлежъ поземельной собственности на равные участки, изъ которыхъ 9000 большихъ розданы были спартіатамъ, а 30000 меньшихъ распредѣлены между періэками съ тою цѣлью, чтобы воспрепятствовать скопленію богатствъ въ однѣхъ фамиліяхъ, — скопленію, которое могло бы нарушить общественное равенство. Но уже Гротъ полагалъ, что въ IX стол. до Р. Х. не могла быть предпринята эта мѣра, такъ какъ по его соображеніямъ число спартіатскихъ семействъ въ то время еще не могло восходить до 9000; самую же мѣру эту относилъ онъ къ позднѣйшему времени, именно—ко времени извѣст-

[1]) По мнѣнію проф. Э. Р. фонъ-Штерна (Zur Entstehung und urspr. Bedeutung des Ephorats in Sparta. Berl. 1894) эфоратъ, какъ учрежденіе, обезпечивавшее права народа отъ посягательствъ царской власти, былъ слѣдствіемъ продолжительной борьбы между народомъ и царскимъ правительствомъ и возникъ изъ договора между ними. Впрочемъ вопросъ объ эфоратѣ принадлежитъ къ числу неясныхъ и спорныхъ, а потому и литература его довольно обширна. Указаніе на нее см. въ курсахъ греч. древностей Германна-Тумзера, Гильберта, Бузольта и др. *Ред.*

ныхъ царей-преобразователей Агиса IV и Клеомена III, т.-е. къ IV ст. до Р. Х., когда для возстановленія нарушеннаго общественнаго равенства потребовалось уравненіе земельной собственности, которое для большей авторитетности и предпринято было тогда, какъ возстановленіе закона, будто бы принадлежавшаго Ликургу. Все, что̀ допускалъ еще Гротъ по отношенію къ этому послѣднему,—это какое-нибудь болѣе равномѣрное распредѣленіе земельной собственности, но распредѣленіе, котораго ни сущность, ни размѣры намъ неизвѣстны.

Оцѣнка т. наз. «ликурговыхъ» учрежденій.

Таково было общественное устройство Спарты, совершенно приспособленное къ тѣмъ особеннымъ обстоятельствамъ и мѣстнымъ условіямъ, среди которыхъ возникло и выросло это дорійское государство. И, если смотрѣть на него съ такой точки зрѣнія, то значительно потеряетъ свою силу и тотъ упрекъ, который еще древніе обращали къ Ликургу, обвиняя его въ томъ, что, стремясь сдѣлать своихъ гражданъ хорошими солдатами, онъ не позаботился сдѣлать ихъ въ то же время людьми, т.-е. не принялъ мѣръ къ развитію ихъ духовныхъ способностей, вслѣдствіе чего по своему образованію Спарта далеко отстала отъ другихъ государствъ греческихъ, особенно отъ своей политической соперницы—Аѳинъ. Зато отличная боевая организація и воинственный духъ спартанцевъ, развившіеся у нихъ исторически и закрѣпленные ихъ законодательствомъ, доставили имъ вскорѣ славу первой военной націи во всемъ греческомъ мірѣ; а послѣ того, какъ въ концѣ VIII и началѣ VII стол. въ двухъ упорныхъ войнахъ была покорена ими сосѣдняя Мессенія [1]), [а затѣмъ принуждены были уступить силѣ спартанскаго оружія также и другія пелопоннесскія государства,] они пріобрѣли рѣшительное политическое первенство или гегемонію на всемъ Пелопоннессѣ. [Тогда подъ ихъ главенствомъ пелопоннесскія политіи въ цѣляхъ внѣшней обороны сплотились въ военный союзъ, скоро превратившійся въ сильную политическую организацію и распространившій свое вліяніе и на всю остальную Элладу. Привилегированное положеніе Спарты среди союзныхъ городовъ, пользовавшихся, правда, автономіею, но мало-по-мало подчинившихся далѣе и во внутренней своей жизни ея политическому руководству, обезпечивалось съ одной стороны ея постоянною боевою готовностью и тою несокрушимою дисциплиною, которою держался ея государственный строй, съ другой—ея

Гегемонія Спарты.

[1]) М. Мандесъ Мессенскія войны и возстановленіе Мессеніи. Исторія и традиція. Одесса, 1898 (отзывъ проф. Э. фонъ Штерна объ этой книгѣ въ Зап. Им. Новорос. Унив. 1899). *Ред.*

покровительственнымъ отношеніямъ къ святынямъ и празднествамъ Олимпіи, которую она искусно сумѣла сдѣлать какъ бы религіознымъ средоточіемъ союза, сообщивъ такимъ образомъ послѣднему и внутреннее, духовное единство. Въ случаѣ войны всѣ союзные города обязаны были поставлять въ союзное войско и флотъ свои отряды и корабли и участвовать по разверсткѣ во всѣхъ военныхъ расходахъ. Степень этого участія опредѣлялась частными договорами отдѣльныхъ городовъ со Спартою и рѣшеніями союзныхъ сеймовъ; предводительство же всѣми сухопутными и морскими силами эллиновъ принадлежало спартанскимъ царямъ.

Аѳины.

Но быть представительницею и охранительницею интересовъ всей Эллады Спарта, сильная главнымъ образомъ только на сушѣ, могла лишь до тѣхъ поръ, пока обстоятельствами не былъ выдвинутъ на первый планъ въ военномъ дѣлѣ вопросъ о флотѣ и не потребовалась организація новаго, на этотъ разъ преимущественно морского союза, во главѣ котораго стали Аѳины. Произошло же это тогда, когда греческій міръ пришелъ во враждебное столкновеніе съ могущественною персидскою державою, и отъ исхода борьбы, перенесенной на море, была поставлена въ зависимость судьба всей эллинской цивилизаціи. Борьба съ персами возвысила политическое значеніе Аѳинъ, которыя дотолѣ уже по самому положенію своему въ далекомъ углу суровой Аттики не играли видной роли ни въ торговомъ, ни въ политическомъ отношеніи].

Населеніе Аттики.

Не очень плодородная Аттика мало привлекала завоевателей. Оттого во время общаго передвиженія племенъ въ XII—XI вв. край этотъ не только остался при прежнемъ своемъ коренномъ іонійскомъ населеніи, но, напротивъ, относительная безопасность, которою онъ наслаждался, привлекла сюда толпу новыхъ іонійскихъ переселенцевъ изъ сѣвернаго Пелопоннесса; да и вообще лучшіе люди изъ разныхъ мѣстностей Греціи охотно искали здѣсь убѣжища отъ столь частыхъ въ тѣ времена общественныхъ смутъ и переворотовъ. Эти-то какъ туземныя, такъ и пришлыя зажиточныя фамиліи и образовали съ теченіемъ времени мѣстную аристократію такъ называемыхъ эвпатридовъ, т.-е. благородныхъ, владѣвшихъ лучшими землями Аттики и пользовавшихся полными политическими правами, между тѣмъ какъ остальная масса населенія, состоявшая изъ геоморовъ, или мелкихъ земельныхъ собственниковъ, и деміурговъ, или [людей промышленнаго и торговаго классовъ], образовала демосъ, стоявшій къ эвпатридамъ въ отношеніяхъ то экономической, то моральной зависимости. [Такому дѣленію жителей Аттики по происхожденію, занятіямъ и степени

обезпеченности на соціальныя группы отвѣчало повидимому и территоріальное ихъ распредѣленіе по различнымъ частямъ этой области: болѣе плодородная равнинная полоса была захвачена педіэями (πεδιεῖς), въ которымъ принадлежали родовитые представители поземельной знати; у моря, по берегу, жили параліи (παράλιοι, πάραλοι), т.-е. промышленные и торговые предприниматели, искавшіе наживы и заработка въ сферѣ коммерческихъ отношеній большого порта; здѣсь же ютились конечно и низшіе элементы рабочаго пролетаріата, — поденщики, рыбаки, матросы, лодочники и т. п., а въ горахъ обитали суровые и свободолюбивые діакріи (διάκριοι),—горцы, составлявшіе самую бѣдную часть населенія. Терпя большой недостатокъ въ удобной землѣ, эти бѣдняки либо брали въ аренду чужую землю и за то обязывались ея владѣльцамъ отдавать пять шестыхъ всего сбора, отчего ихъ называли гектеморіями или „шестидольниками“, либо же шли къ болѣе зажиточнымъ людямъ въ батраки, и тогда носили названіе ѳетовъ (θῆτες). Но наряду со всѣми этими классовыми подраздѣленіями, основанными на имущественномъ и соціальномъ неравенствѣ, въ Аттикѣ существовала и иная группировка ея обитателей, въ основѣ которой лежала старая родовая организація и которая такимъ образомъ восходила своими корнями въ очень глубокую древность. Все населеніе аттической земли въ этомъ смыслѣ дѣлилось на четыре филы или колѣна, каждая фила — на три фратріи, фратріи въ свою очередь на роды (по 30 въ каждой), а роды—на семьи (также по 30 въ каждомъ). Оставляя въ сторонѣ нѣкоторую искусственность этой схемы, испытавшей на себѣ повидимому вліяніе теоретическихъ построеній позднѣйшаго времени [1]), слѣдуетъ признать, что первоначальною ячейкою, изъ которой развились перечисленныя группы со всѣми ихъ генеалогическими взаимоотношеніями, былъ естественный, физическій родъ. Роды возникали изъ семей и въ свою очередь слагались въ болѣе крупныя племенныя организаціи, объединенныя общимъ культомъ предковъ. По преданію, вся Аттика когда-то состояла изъ такихъ племенныхъ общинъ, жившихъ поселками (κατὰ κώμας) и управлявшихся племенными вождями, изъ которыхъ каждый въ своей области былъ и военачальникомъ, и судьею, и жрецомъ. Полити-

Родовое устройство.

[1]) Иначе изображаетъ происхожденіе этого схематизма проф. Н. И. Карѣевъ. По его мнѣнію, землевладѣльческая знать въ эпоху образованія греческихъ городскихъ общинъ „давала себѣ правильную и даже симметричную организацію, стремясь къ тому, чтобы каждая составная часть, бывшая когда-то самостоятельнымъ цѣлымъ, была равносильна другой по числу своихъ родовъ“ („Государство-городъ“, стр. 31). *Ред.*

ческой централизаціи не было, городской, промышленно-торговой жизни—также. Главнымъ занятіемъ жителей было земледѣліе и скотоводство, но общиннаго землевладѣнія исторія въ Аттикѣ уже не застаетъ,—земля находилась въ частной собственности и распредѣлялась между отдѣльными семьями довольно неравномѣрно, отчего элементы соціальнаго неравенства существовали въ каждой общинѣ. Многоземельныя семьи возвышались надъ малоземельными и, тяготѣя другъ къ другу въ силу близости матеріальныхъ интересовъ, соединялись въ болѣе крупныя группы, за которыми естественно закрѣплялась и вся власть въ общинѣ. Внѣ родовой организаціи стояли пришлые люди, чужаки, эмигранты или метэки. Классъ этотъ, значеніе котораго не могло быть велико, пока крѣпки были родовыя связи, особенно развился съ переходомъ отъ сельскаго быта къ городскому и отъ натуральнаго хозяйства къ денежному.

Царская власть

Независимыхъ общинъ въ Аттикѣ при Кекропсѣ, миѳическомъ ея героѣ-цивилизаторѣ, насчитывалось двѣнадцать, т.-е. столько же, сколько впослѣдствіи въ Аѳинахъ было фратрій; объединеніе же или синэкизмъ (συνοικισμός) всей страны преданіе приписало другому мѣстному герою — Ѳесею, съ именемъ котораго оно связало также и возвышеніе Аѳинъ на степень военнаго, политическаго и культурнаго центра Аттики. Со времени этого возвышенія началось здѣсь разложеніе стараго родового строя въ связи съ постепеннымъ переходомъ отъ патріархальной монархіи къ республикѣ. Царская власть, бывшая наслѣдственнымъ достояніемъ рода Нелидовъ, была упразднена. Мѣстное поэтическое сказаніе пріурочило это событіе къ геройскому подвигу послѣдняго ея представителя Кодра, добровольно пожертвовавшаго жизнью для спасенія отечества при нашествіи дорянъ въ XI стол., послѣ чего благодарный народъ замѣнилъ будто бы власть царей пожизненною властью архонтовъ, не считая кого-либо изъ сыновей Кодра достойнымъ наслѣдовать столь великодушному царю [1]). Но Аристотель, сочиненіе котораго объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ служитъ для насъ въ вопросѣ о древнѣйшихъ судьбахъ Аѳинъ главнымъ источникомъ [2]), скорѣе побуждаетъ ду-

---

[1]) К. Я. Люгебиль „Аѳинскій царь Кодръ и отмѣна царской власти въ Аѳинахъ“ (въ „Историко-филологическихъ изслѣдованіяхъ“, Спб. 1868). De Sanctis Ἀτθίς. Storia della Republica Ateniese dalle origine alle riforme di Clistene. Roma. 1898. U. U. Wilamowitz Die lebenslänglichen Archonten („Hermes“ 1898). *Ред.*

[2]) Трактатъ Аристотеля „Ἀθηναίων πολιτεία“, упомянутый выше (стр. 173, прим. 2), повидимому есть только часть обширнаго труда, заключавшаго въ себѣ обозрѣніе особенностей строя не менѣе 158 государствъ,—греческихъ и варвар-

мать, что упраздненіе царской власти произошло не вслѣдствіе формальной ея отмѣны или какого-нибудь внезапнаго переворота, а путемъ постепеннаго превращенія ея въ простую магистратуру. Сперва по неспособности нѣкоторыхъ царей къ военному дѣлу въ помощь имъ стали избирать особаго военачальника, полемарха; потомъ и въ дѣлахъ внутренняго управленія у нихъ явился помощникъ, такъ назыв. архонтъ; наконецъ судебная власть отъ нихъ также была отнята, и съ учрежденіемъ для судопроизводства коллегіи изъ шести θεσμοθετовъ за царями осталось лишь завѣдываніе дѣлами государственной религіи и культа. Сохраняя еще наименованіе „басилевса“ (царя), но лишь какъ почетный титулъ, они такимъ образомъ были низведены въ сущности на положеніе второстепенныхъ сановниковъ, первое же мѣсто въ должностной іерархіи мало-по-малу перешло къ архонту, который и дѣйствительно въ мирное время сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю полноту власти.

Переходъ отъ монархіи къ аристократіи.

Хронологически этотъ процессъ развивался на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій. Съ половины VIII в. всѣ должности, бывшія до того времени пожизненными, были превращены въ десятилѣтнія, а еще сорокъ лѣтъ спустя достоинство „басилевса“, сохранявшееся дотолѣ исключительно въ родѣ Кодра, сдѣлалось доступно и для другихъ знатныхъ родовъ. Въ 683 г. десятилѣтній срокъ, установленный для высшихъ государственныхъ должностей, былъ замѣненъ годичнымъ. Тогда же повидимому впервые учреждена

скихъ. Какъ думаютъ, трудъ этотъ, которымъ еще пользовались Плутархъ, лексикографы Поллуксъ, Гарпократіонъ и др., былъ утраченъ между VI и IX вв.—изъ него сохранились лишь въ цитатахъ у другихъ писателей немногіе фрагменты. Но въ началѣ 1890 г. въ числѣ папирусовъ, пріобрѣтенныхъ англичанами въ Египтѣ, оказалась и рукопись одной изъ аристотелевскихъ „Политій“, именно аѳинской. Открытіе это составило эпоху въ изученіи древне-греческой исторіи. Текстъ трактата былъ немедленно изданъ библіотекаремъ Британскаго Музея Ф. Г. Кеніономъ (1891 г.; 3 изд. 1892 г.), а вслѣдъ за нимъ Herwerden'омъ и Leeuwen'омъ, Kaibel'емъ, Wilamowitz'омъ, Blass'омъ, Sandys'омъ и др., появился цѣлый рядъ изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ о подлинности трактата, о его принадлежности Аристотелю, о времени его составленія, о его достовѣрности и источникахъ, о томъ, что новаго внесъ онъ своими извѣстіями въ историческую науку. Оказалось, что новаго внесъ онъ не мало: многіе отдѣлы греческой исторіи, особенно въ начальномъ ея періодѣ, предстали въ иномъ освѣщеніи, обнаружились нѣкоторые ранѣе неизвѣстные факты, другіе, казалось, твердо установленные, подверглись сомнѣнію или были опровергнуты. Ученая литература по этому вопросу быстро росла и приняла обширные размѣры. Важнѣйшія изъ относящихся сюда общихъ сочиненій принадлежатъ ф. Виламовицу-Мёллендорфу („Aristoteles u. Athen“ 2 Bde. Berlin. 1893) и проф. В. П. Бузескулу („Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.“. Харьковъ. 1895). См. также В. Бузескулъ Введеніе въ ист. Гр. стр. 163 слл. На русскомъ языкѣ есть два перевода аристотелевскаго трактата,—Н. Я. Шубина (въ Жур. Мин. Нар. Просв. и въ отдѣльномъ оттискѣ) и А. М. Ловягина (Спб. 1895). *Ред.*

была и упомянутая выше коллегія θесмоθетовъ, которой, какъ въ Римѣ децемвирамъ, поручено было собственно, по словамъ Аристотеля, „записать законы и хранить ихъ для суда надъ преступниками“. Такимъ образомъ число правителей или „архонтовъ“, какъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ стали съ этихъ поръ обыкновенно называть, увеличилось до девяти, и послѣдніе слѣды монархической власти исчезли. Введеніе годичныхъ магистратуръ естественно повело къ тому, что старая царская дума, превратившаяся теперь въ органъ родовой, землевладѣльческой знати и носившая названіе „ареопага“, понемногу распространила свою компетенцію на всѣ стороны внутренняго управленія и пріобрѣла огромное значеніе. Этому немало способствовала несмѣняемость ея состава. Ареопагъ пополнялся бывшими архонтами, которые, отслуживъ свой срокъ въ этой должности, становились его пожизненными членами. А такъ какъ и самое избраніе высшихъ должностныхъ лицъ принадлежало ареопагу, то ему было легко придать всему государственному строю Аѳинъ вполнѣ олигархическій характеръ. Онъ имѣлъ высшій надзоръ за исполненіемъ законовъ, каралъ нарушителей установленнаго порядка и былъ хранителемъ государственной традиціи. Господство эвпатридовъ, въ теченіи долгаго времени постепенно прибиравшихъ власть къ рукамъ, окончательно вылилось такимъ образомъ въ форму аристократической республики.

Начало внутренней борьбы классовъ.

А между тѣмъ съ успѣхами промышленнаго труда, съ накопленіемъ богатствъ въ рукахъ промышленнаго класса и съ повышеніемъ общаго культурнаго уровня] стали измѣняться и прежнія патріархальныя отношенія демоса къ его благороднымъ патронамъ. Съ одной стороны явилось стремленіе къ большей общественной самостоятельности, съ другой — противодѣйствіе этой эмансипаціи посредствомъ кривосудія и разныхъ притѣсненій. [Началась внутренняя борьба, приведшая къ коренному перевороту въ соціальной и экономической жизни аѳинскаго государства. Такая борьба происходила впрочемъ въ VII вѣкѣ почти повсемѣстно въ Греціи и вездѣ обусловливалась одинаковыми причинами. Постепенное возрастаніе колонизаціоннаго движенія въ греческомъ мірѣ, расширивъ предѣлы морскихъ сношеній, сопровождалось открытіемъ новыхъ странъ, а слѣдовательно и новыхъ рынковъ и источниковъ торговли,—оно усилило обмѣнъ и дало толчокъ развитію промышленности. Жители деревень въ разсчетѣ на лучшій заработокъ потянулись въ города и, мало-по-малу отрываясь отъ земли, которая имъ обезпечивала дотолѣ хотя и скудное, но вѣрное существованіе, стали превращаться въ городскихъ рабочихъ. Въ городахъ же они

попадали въ зависимость отъ работодателей, отъ неумолимаго экономическаго закона спроса и предложенія, отъ неизбѣжныхъ въ экономической жизни промышленныхъ кризисовъ, а впослѣдствіи, когда потребность въ рабочихъ рукахъ вызвала широкое примѣненіе рабскаго труда,—отъ конкурренціи. Рабскій трудъ былъ дешевле, и это отзывалось на трудѣ свободномъ, понижая цѣну послѣдняго и, стало быть, подрывая матеріальное благосостояніе рабочаго класса, который все болѣе и болѣе бѣднѣлъ. Но не только на городскомъ рабочемъ, а и на крестьянинѣ сказывалось вліяніе рабскаго труда: продукты крестьянскаго хозяйства на рынкѣ не могли выдерживать конкурренцію съ болѣе дешевыми произведеніями рабской обработки земли, и крестьянское хозяйство падало. Невыгоды земледѣльческаго труда, нѣкогда столь почетнаго, а теперь столь неблагодарнаго и почти унизительнаго, возросли еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ богатыя плодородными землями колоніи стали экспортировать свой хлѣбъ. Мелкіе землевладѣльцы не могли справиться съ затрудненіями и либо входили въ долги, либо бросали свои поля и отправлялись въ городъ, гдѣ увеличивали собою и безъ того многочисленную толпу празднаго и бѣдствующаго городского населенія. Постепенно развивалось скопленіе поземельной собственности и богатствъ въ рукахъ немногихъ лицъ и, какъ естественное послѣдствіе этого явленія, общее обѣднѣніе остальной массы народа. Между тѣмъ созданіе огромнаго рынка благодаря колоніямъ и усиленіе обмѣна, вызванное ростомъ промышленности, требовало участія новаго экономическаго фактора,—денегъ. Съ развитіемъ международной торговли не всегда можно было, какъ прежде, непосредственно мѣнять товаръ на товаръ или, подобно гомеровскимъ героямъ, пользоваться, какъ мѣриломъ цѣнности, скотомъ или металлами, — нуженъ былъ болѣе удобный мѣновой знакъ, и такимъ знакомъ стала чеканная монета, сперва лидійская, потомъ эгинская и еще позже эвбейская. Вначалѣ денежное обращеніе ограничивалось лишь болѣе тѣсною сферой заморской торговли, но мало-по-малу оно стало проникать и въ область внутреннихъ торговыхъ сношеній. Начался переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, и это отозвалось на положеніи сельскаго класса новымъ тяжелымъ ударомъ. Денежное хозяйство требуетъ либо оборотнаго капитала, либо кредита. Но кредитъ былъ дорогъ, а долговое право безпощадно сурово]. Заимодавецъ могъ лишить своего несостоятельнаго должника не только собственности, но и личной свободы, могъ даже продать семью его въ рабство. Огромная часть бѣднаго аттическаго демоса томилась въ силу этого въ

безвыходной кабалѣ у эвпатридовъ. [На поляхъ Аттики повсюду торчали камни съ залоговыми записями, свидѣтельствовавшими о томъ, что тѣ или другіе участки земли находились въ залогѣ за долги. Эти земельныя и долговыя отношенія волновали народъ] и порождали ропотъ и недовольство, грозившіе зажиточнымъ классамъ большими опасностями. [Особенно тягостно было отсутствіе писанныхъ законовъ, открывавшее широкій просторъ для жестокаго произвола въ судебныхъ дѣлахъ и отдававшее бѣдный людъ всецѣло во власть правящаго сословія [1]).

Покушеніе Килона.

И вотъ во второй половинѣ VII в.] одинъ знатный честолюбецъ Килонъ, [опираясь на помощь своего тестя, мегарскаго тиранна Θеагена], вздумалъ было воспользоваться общественной смутой и захватить въ свои руки тираннію [2]), но народъ не поддержалъ его, [и онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ], а его приверженцы были вѣроломно перебиты вооружившимися эвпатридами, [которые въ пылу партійнаго ожесточенія не остановились при этомъ даже передъ поруганіемъ святыни]. Тогда демосъ потребовалъ изгнанія убійцъ [и въ томъ числѣ главнаго виновника святотатства архонта Мегакла, происходившаго изъ знатной фамиліи Алкмеонидовъ]. Аристократы не согласились на это требованіе, и столкновеніе между партіями могло бы кончиться страшнымъ кровопролитіемъ, [но внутреннюю распрю, повидимому, на время остановила борьба съ внѣшнимъ врагомъ. Θеагенъ, желая отмстить за Килона, пошелъ на аѳинянъ войною. Война эта имѣла для нихъ неблагопріятный исходъ и кончилась утратою о. Саламина. Саронической заливъ оказался такимъ образомъ въ рукахъ мегарянъ, и непріятельскія суда держали въ блокадѣ лучшія гавани Аттики], отчего разомъ прекратилась торговля, а съ нею пропитаніе многочисленнаго рабочаго люда. [Вслѣдствіе этого снова усилилось недовольство въ народной массѣ, демосъ требовалъ реформъ, и эвпатридамъ пришлось уступить. Рѣшено было положить конецъ безправію одной части гражданъ и произволу другой изданіемъ писан-

---

[1]) Guiraud, La propriété en Grèce. Paris. 1893. Эд. Мейеръ, Рабство въ древности. Спб. 1899. Кеннингемъ, Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Древній міръ. Спб. 1902. М. И. Ростовцевъ, Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ (Русск. Мысль. 1900, мартъ). *Ред.*

[2]) Прежде обыкновенно относили покушеніе Килона къ болѣе позднему времени, чѣмъ законодательство Драконта. На ошибочность такой хронологіи впервые указалъ Бузольтъ, и сдѣланная имъ поправка блистательно подтвердилась свидѣтельствомъ аристотелевской Ἀθην. πολ.—О „килоновомъ грѣхѣ“ см. А. Н. Щукаревъ „Κυλώνειον ἄγος и Ἀθηναίων πολιτεία“ (въ сборникѣ Στέφανος, изданномъ въ честь проф. Ѳ. Ѳ. Соколова (Спб. 1895). *Ред.*

ныхъ законовъ, составленіе которыхъ поручено было θесмоθету Драконту (621 г.).

Драконтъ. Сущность драконтовой конституціи однако извѣстна намъ весьма недостаточно. Свидѣтельства нашихъ источниковъ о ней неясны и противорѣчивы. По Аристотелю (Ἀθην. πολ. 4) Драконтъ не только былъ кодификаторомъ обычнаго права, главнымъ образомъ въ области уголовныхъ законовъ, какимъ рисуется онъ у Плутарха, но и смѣлымъ политическимъ реформаторомъ, впервые будто бы установившимъ при замѣщеніи государственныхъ должностей тимократическій принципъ и допустившимъ къ участію въ правленіи всѣхъ тѣхъ аѳинскихъ гражданъ, которые могли отправлять военную службу въ вооруженіи за собственный счетъ. Но тотъ же Аристотель въ другомъ мѣстѣ (въ „Политикѣ“) представляетъ дѣло иначе, и большинство современныхъ изслѣдователей продолжаетъ держаться того мнѣнія, что только организацію уголовнаго судоустройства и судопроизводства и можно приписать Драконту съ полною достовѣрностью [1]). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Драконтъ не уврачевалъ главнаго недуга страны,—онъ не разрѣшилъ вопроса объ экономическомъ угнетеніи бѣднаго люда состоятельными классами и не произвелъ реформы аграрнаго строя]. А формулированное имъ обычное право Аттики оказалось до того потворствующимъ интересамъ аристократіи и отличалось такою жестокостью, что этотъ первый юридическій опытъ аѳинянъ рушился самъ собою, и неудовольствія усилились еще болѣе. [Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, демосъ сталъ требовательнѣе, новое броженіе народныхъ массъ грозило на этотъ разъ уже кореннымъ переворотомъ государственнаго строя, быть можетъ, даже кровавою революціею. Но дѣло опять имѣло мирный исходъ, такъ какъ] примирителемъ между враждующими партіями явился мудрѣйшій изъ аѳинянъ—Солонъ.

Законодательство Солона. Солонъ, какъ личность, есть уже фигура вполнѣ историческая; мы знаемъ множество обстоятельствъ его жизни,—его происхожденіе отъ благородной крови Кодридовъ, его путешествіе

---

[1]) Не только достовѣрность, но и самая подлинность 4-ой главы трактата Ἀθην. πολ. сомнительна. Эта глава представляетъ собою, по всей вѣроятности, интерполяцію и явно происходитъ изъ тенденціознаго источника,—быть можетъ, изъ какого-либо политическаго памфлета эпохи тридцати тирановъ, написаннаго съ цѣлью подкрѣпить олигархическіе планы правительства мнимо-историческими основаніями. Литература этого вопроса довольно обширна. Ср. Бузескулъ, „Аѳинская политія Аристотеля“, стр. 309 слл. Blass, Die sogenannte Drakontische Verfassung (Jahrbücher f. Philol. 1895). Впрочемъ нѣтъ недостатка и въ соображеніяхъ, приводимыхъ въ защиту „политіи Драконта“ (Кеніонъ, проф. Э. Р. ф.-Штернъ и мн. др.). *Ред.*

по Криту, Египту и Малой Азіи съ цѣлью изученія общественныхъ порядковъ тѣхъ земель; до насъ дошло нѣсколько его прекрасныхъ патріотическихъ элегій, ибо кромѣ высокаго ума и образованія онъ обладалъ и поэтическимъ талантомъ. Но исторія Солона, какъ дѣятеля общественнаго, все еще не свободна отъ вліянія саги, и преданіе и здѣсь приписало ему, своему любимому герою, много такихъ учрежденій, которыя возникли гораздо позже. Эту догадку въ общихъ чертахъ высказывалъ уже К. О. Мюллеръ, а Гротъ довелъ ее своими изслѣдованіями до степени несомнѣннаго положенія, [нашедшаго полное подтвержденіе и въ открытіяхъ позднѣйшаго времени [1])].

Этотъ то замѣчательный человѣкъ въ самомъ началѣ VI стол. явился въ Аѳинахъ сначала примирителемъ столкнувшихся общественныхъ интересовъ, а потомъ и устроителемъ своего отечества. Прежде всего онъ убѣдилъ эвпатридовъ предать суду виновниковъ килонова грѣха и тѣмъ успокоить народъ. Знатная фамилія Алкмеонидовъ, на которую главнымъ образомъ падала вся тяжесть преступленія, была поэтому приговорена къ вѣчному изгнанію изъ города. [Съ ея удаленіемъ городъ подвергся торжественному религіозному очищенію, и граждане впервые вздохнули свободно. Снятъ былъ наконецъ гнетъ суевѣрнаго страха, давившій всѣхъ тяжелымъ предчувствіемъ божественной кары за содѣянное преступленіе, и Солону не стоило большого труда, воспользовавшись наступившимъ подъемомъ духа, склонить народъ къ предпріятію, о которомъ дотолѣ и поминать было запрещено. Онъ уговорилъ аѳинянъ возобновить попытку возвратить себѣ отнятый мегарянами Саламинъ. Такія попытки дѣлались и раньше, но безуспѣшно; на этотъ же разъ походъ, предпринятый аѳинянами подъ личнымъ

---

[1]) По русски есть составленная по Гроту статья П. Леонтьева „Историческая Грецiя“, въ которой говорится о законодательствѣ Ликурга и Солона (Пропилеи, III). Спеціальное сочиненіе о Солонѣ принадлежитъ О. Гордіевичу („Солонъ и его стихотворенія“ въ „Варшав. Университ. Извѣстіяхъ“ за 1877 г., кн. 1—3). .П—Теперь однако, послѣ открытія аристотелевской Ἀθ. πολ. и новыхъ стихотворныхъ фрагментовъ Солона, все это устарѣло. Изъ болѣе новой литературы можно указать: F. Cauer, Parteien u. Politiker in Megara u. Athen. Stuttg. 1892; B. Keil, Die Solonische Verfassung in Aristoteles' Verfassungsgeschichte Athens. Berl. 1892: Э. Р. фонъ-Штернъ, Солонъ и дѣленіе аттическаго гражданскаго населенія на имущественные классы (въ Χαριστήρια, сборн. въ честь Ѳ. Е. Корша. М. 1896); М. Гершензонъ „Аѳинская политія Аристотеля и жизнеописанія Плутарха“. М. 1895; кромѣ того соотвѣтствующія мѣста во всѣхъ вообще новѣйшихъ изложеніяхъ исторіи Греціи,—Белоха, Бузольта, Э. Мейера, Де-Санктисъ, Берри, Свободы (H. Swoboda, Griechische Geschichte. Samml. Goschen. Leipz. 1901), Р. Ю. Виппера, Н. И. Карѣева (Госуд.-гор. античн. міра) и др., а также въ историко-критической литературѣ, посвященной вопросу объ аристотелевскомъ трактатѣ Ἀθ. πολ. *Ред.*

начальствомъ самого Солона, увѣнчался полнымъ успѣхомъ, Саламинъ былъ отбитъ и аттическія воды были снова очищены отъ непріятельскихъ судовъ [1]). Столь же удачный исходъ имѣла и священная война съ Крисою, иниціаторомъ которой былъ тотъ же Солонъ, а участниками кромѣ аѳинянъ и другіе члены дельфійской амфиктіоніи. Начатая по благочестивымъ побужденіямъ, въ защиту священнаго города Дельфъ, война эта имѣла важное нравственное значеніе, а та роль, которую въ ней игралъ Солонъ, какъ нельзя болѣе способствовала возвышенію его авторитета, и нѣтъ ничего удивительнаго, что вскорѣ именно на него согласнымъ рѣшеніемъ враждебныхъ партій была возложена трудная задача дальнѣйшаго внутренняго умиротворенія государства путемъ проведенія коренныхъ реформъ, необходимость которыхъ всѣми одинаково сознавалась. Въ 594 г. Солонъ былъ избранъ первымъ архонтомъ съ неограниченными полномочіями ѳсимнета или „посредника“ (διαλλακτής), какъ его назвали современники по тому нейтральному положенію, которое онъ занялъ среди всѣхъ группъ аттическаго населенія].

Солонъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе и цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, извѣстныхъ подъ именемъ сисахѳіи (σεισάχθεια), т.-е. „снятія бремени“, прежде всего уладилъ запутанныя долговыя отношенія. По его законамъ освобождены были всѣ лишенные за долги личной свободы, а проданные въ рабство въ другія земли выкуплены на общественный счетъ; явилось постановленіе, по которому впредь никто не могъ потерять свободу по долговымъ обязательствамъ; [что же касается старыхъ долговъ, какъ частнымъ лицамъ, такъ и казнѣ, то они были прощены и вовсе. Съ заложенныхъ земельныхъ участковъ сняты были всѣ каменные столбы (ὅροι) съ долговыми записями, а въ цѣляхъ предотвращенія на будущее время скопленія земель въ рукахъ немногихъ была установлена максимальная норма владѣнія. Существовавшая дотолѣ свобода вывоза пищевыхъ продуктовъ была ограничена, и это повело за собою пониженіе рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ, облегчивъ положеніе бѣдняковъ. Съ другой стороны въ интересахъ торгово-промышленныхъ классовъ предприняты были измѣненія въ монетной системѣ въ связи съ преобразованіемъ си-

---

[1]) Борьба изъ-за Саламина съ Мегарою этимъ впрочемъ еще не кончилась,—сосѣдская распря между аѳинянами и мегарянами продолжалась и при Писистратѣ, при которомъ третейскимъ судомъ Спарты право на обладаніе Саламиномъ окончательно было утверждено за Аѳинами. *Ред.*

стемы мѣръ и вѣсовъ: взамѣнъ тяжелой эгинской монеты введены были менѣе крупныя эвбейскія денежныя и вѣсовыя единицы, бывшія въ ходу преимущественно на греческомъ востокѣ, среди островныхъ и малоазійскихъ грековъ, съ которыми поэтому Аѳины естественно и должны были съ этихъ поръ вступить въ болѣе близкія коммерческія сношенія. Вслѣдствіе перехода отъ эгинской монетной системы къ эвбейской номинальная цѣнность монеты увеличилась на цѣлыхъ 27% [1]).

Всѣми этими мѣропріятіями Солону удалось добиться устраненія остраго экономическаго кризиса]. Это было настоящее освобожденіе и возрожденіе аѳинскаго демоса. Благодарный народъ готовъ былъ предложить верховную власть своему избавителю, но Солонъ отклонилъ тираннію, которой ему теперь такъ легко было бы достигнуть, и тѣмъ снискалъ еще большее довѣріе гражданъ, [позволившее ему довершить начатыя реформы начертаніемъ новаго государственнаго устройства].

Государственное устройство Аѳинъ.

Солонъ началъ съ того, что раздѣлилъ всѣхъ гражданъ аѳинскихъ по имуществу на четыре класса,—пентакосіомедимновъ, собиравшихъ со своихъ полей не менѣе 500 медимновъ [2]) сель-

---

[1]) Представляла ли солоновская сисахѳія полную отмѣну долговыхъ обязательствъ, или лишь нѣкоторое облегченіе долгового бремени,—рѣшить этотъ вопросъ сдѣлалось возможнымъ только въ наши дни, съ открытіемъ „Аѳинской политіи“ Аристотеля. Сисахѳія, какъ теперь оказывается, принадлежала къ радикальнѣйшимъ мѣропріятіямъ, на какія когда-либо отваживались государственные люди, и состояла въ полной долговой амнистіи (χρεῶν ἀποκοπή). Дѣйствительно, долговыя отношенія, которыя пришлось улаживать Солону, были настолько ненормальны, что никакія полумѣры дѣла не поправили бы, и Солону ничего не оставалось, какъ, пользуясь своими неограниченными полномочіями и, по собственному его выраженію, „согласуя насиліе съ законностью“ (βίαν τε καὶ δίκην συνορμόσας), однимъ рѣшительнымъ ударомъ уничтожить старую систему долгового права со всѣми практическими послѣдствіями, къ которымъ она привела. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещеніе займовъ „подъ залогъ тѣла“ (δανείζειν ἐπὶ τοῖς σώμασι) дѣлало возвращеніе къ прежнему положенію на будущее время уже невозможнымъ. Такъ представлялъ себѣ это дѣло кромѣ Аристотеля и Филохоръ. Наоборотъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ аттидографовъ съ Андротіономъ во главѣ, подъ сисахѳіей слѣдуетъ понимать не отмѣну долговыхъ обязательствъ, а лишь то облегченіе должниковъ, которое вытекало изъ монетной реформы: при переходѣ отъ эгинской денежной системы къ эвбейской общая сумма долговъ должна была уменьшиться на 27%. Кромѣ того, по мнѣнію тѣхъ же писателей, Солономъ были зачислены въ погашеніе долговъ внесенные кредиторамъ проценты. Что касается ученой литературы новаго времени, то до знакомства съ трактатомъ Аристотеля въ ней преобладало также пониманіе сисахѳіи, основанное на толкованіи Андротіона, теперь же можно считать общепризнаннымъ, что монетная реформа не находилась съ нею въ органической связи и была предпринята въ чисто коммерческихъ видахъ. *Ред.*

[2]) Медимнъ — хлѣбная мѣра, стоимость которой, какъ обыкновенно полагаютъ, приравнена была Солономъ къ стоимости одной драхмы (серебряная монета,—на наши деньги около 23 коп.). Однако можно теперь считать доказаннымъ, что это уравненіе имѣло лишь условное значеніе,—оно примѣнялось лишь въ области культа и означало, что при жертвоприношеніяхъ вмѣсто медимна хлѣба

скихъ произведеній, всадниковъ,—не менѣе 300, зевгитовъ,—не менѣе 200, и ѳетовъ,—менѣе двухсотъ медимновъ,—и сообразно съ этимъ раздѣлилъ между ними обязанности и права. Первый классъ несъ самую тяжелую общественную повинность (или такъ называемую литургію), — постройку кораблей для государства, второй отправлялъ военную службу во всадникахъ, третій въ гоплитахъ, а четвертый въ легковооруженной пѣхотѣ; но всѣ безъ различія несли эту службу на собственный счетъ. Въ случаѣ временныхъ денежныхъ сборовъ, такъ какъ постоянныхъ податей еще не было, первые вносили въ пользу государства извѣстный процентъ со всего своего имущества, вторые тотъ же процентъ только съ $^5/_6$ его, третьи уже только съ $^5/_9$, а ѳеты совершенно свободны были отъ всякихъ денежныхъ взносовъ. Но за то и преимущества между классами были распредѣлены соотвѣтственно ихъ жертвамъ. Такъ званіе архонта доступно было только для пентакосіомедимновъ, т.-е. самыхъ богатыхъ гражданъ, и только три первые класса могли занимать общественныя должности и быть членами сената, такъ что за ѳетами оставалось только право голоса въ народныхъ собраніяхъ и участія въ судопроизводствѣ. Такимъ образомъ въ основаніе своего общественнаго устройства Солонъ хотя и положилъ тимократію, т.-е. господство богатыхъ, но, такъ какъ богатыми въ то время были большею частью все таки эвпатриды, владѣвшіе почти всей поземельной собственностью Аттики, то и это устройство въ сущности осталось аристократическимъ [1]). Важенъ однако былъ здѣсь самый принципъ, устра-

---

принималась драхма денегъ. Wilamowitz Arist. u. Athen. I, стр. 81; проф. ф. Штернъ, Солонъ и дѣленіе аттич. гражд., стр. 81, прим. 71. Какъ и на основаніи какого именно уравненія полевого сбора съ доходами отъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій распредѣлялись по солоновскимъ классамъ граждане, не имѣвшіе земельной собственности, намъ неизвѣстно. *Ред.*

[1]) Вопросъ о дѣленіи гражданъ аѳинскаго государства на имущественные классы представляетъ много неясностей, и по отношенію къ нему среди ученыхъ существуетъ большое разногласіе. Де Санктисъ думаетъ, что Солону принадлежало только установленіе размѣровъ ценза, названіе же классовъ онъ заимствовалъ изъ обиходнаго языка, въ которомъ эти названія служили лишь для приблизительнаго опредѣленія имущественнаго положенія (стр. 225 слл.). По мнѣнію Бёрри (Bury) дѣленіе аттическихъ гражданъ по тимократическому принципу существовало уже до Солона,—оно возникло около половины VII стол. на почвѣ компромисса между эвпатридами и демосомъ (стр. 176 сл.). Проф. ф. Штернъ (назв. соч.) также полагаетъ, что имущественные классы не были учреждены Солономъ, что это были въ сущности сословные классы, имѣвшіе по своему происхожденію самую тѣсную связь съ военнымъ устройствомъ, и что уже при Драконтѣ къ нимъ была пріурочена раскладка государственныхъ повинностей. Проф. Виппперъ („Лекціи“), не отрицая самаго существованія четырехъ классовъ (τέλη), видитъ въ нихъ однако старыя бытовыя дѣленія, главный смыслъ которыхъ составляло различіе въ отношеніи вооруженія и военной повинности, и не только не ставитъ ихъ въ связь съ тимократической системой, будто бы установ-

нявшій исключительныя преимущества породы и крови и открывавшій дорогу къ почестямъ и людямъ неродовитымъ, если только они умомъ и бережливостью успѣвали добиться извѣстнаго имущественнаго положенія.

На основаніи этой классификаціи гражданъ организовано было и общественное управленіе. Во главѣ государства по прежнему стояли девять архонтовъ, завѣдывавшіе разными частями администраціи и руководившіе судопроизводствомъ, но избраніе ихъ предоставлено было уже не ареопагу, какъ прежде, а всему народу, причемъ Солономъ установлена была двухстепенная система выборовъ и впервые введено примѣненіе жребія: каждая изъ четырехъ филъ голосованіемъ намѣчала по десяти кандидатовъ, и уже между ними кидался жребій. Власть архонтовъ], какъ и другихъ чиновниковъ, подчинена была контролю совѣта четырехсотъ (βουλή), который и былъ высшимъ административнымъ и совѣщательнымъ учрежденіемъ государства. Совѣтъ наблюдалъ за общественною безопасностью, представлялъ и охранялъ интересы государства въ его внѣшнихъ сношеніяхъ и составлялъ проекты новыхъ законовъ, которые потомъ получали окончательную санкцію рѣшеніемъ народнаго вѣча. Сенатъ этотъ, бывшій въ сущности учрежденіемъ аристократическимъ, такъ какъ бѣдные граждане не имѣли къ нему доступа, рѣдко собирался въ полномъ своемъ составѣ, а текущими дѣлами завѣдывали по очереди по 100 членовъ изъ каждой филы, жившіе во время отправленія своей должности въ общественномъ зданіи, пританіи, и содержавшіеся на счетъ государства. Инициатива государственной жизни принадлежала такимъ образомъ аристократіи, такъ какъ ни одинъ законъ не могъ обсуждаться народнымъ собраніемъ, если онъ не былъ предложенъ и предварительно одобренъ совѣтомъ 400. Однако все же окончательное рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ принадлежало народу, сходки котораго, такъ называемыя экклесіи, состоявшія изъ всѣхъ безъ различія совершеннолѣтнихъ гражданъ, и представляли собою настоящую законодательную власть въ государствѣ. Отъ спартанскаго вѣча онѣ отличались уже большею свободой: здѣсь допускались пренія и рѣчи отдѣльныхъ гражданъ, но очередные пританы и тутъ руководили совѣщаніями вѣча. Связанное такимъ сильнымъ вліяніемъ аристократіи вѣче еще болѣе было связано нравственнымъ

вленной Солономъ, но и вообще сомнѣвается въ самомъ установленіи такой системы (стр. 99 слл., 170). *Ред.*

контролемъ ареопага, учрежденія уже вполнѣ аристократическаго, такъ какъ ареопагитами могли быть только архонты, достойно закончившіе свою годичную дѣятельность, слѣдовательно только граждане перваго класса. Ареопагъ облеченъ былъ чрезвычайной властью: онъ судилъ преступленія противъ религіи и нравственности, каралъ злоупотребленія, могъ требовать къ отвѣту сановниковъ и даже имѣлъ право отмѣнять рѣшенія народнаго собранія, если находилъ ихъ несогласными съ благомъ и достоинствомъ государства. Притомъ приговоры свои ареопагъ произносилъ безконтрольно и безапелляціонно и произносилъ ихъ не по законамъ, а по совѣсти. Это была, однимъ словомъ, высшая моральная цензура аѳинскаго государства и главная опора консервативнаго аристократическаго духа противъ нововведеній, къ которымъ такъ склонна демократія.

Изъ всего этого видно, какъ ошибочно было бы считать Солона основателемъ аѳинской демократіи. Онъ далъ народу правъ лишь настолько, чтобы избавить его отъ рабства и нищеты, но дѣйствительная власть осталась по прежнему въ рукахъ людей богатыхъ и знатныхъ, управлявшихъ теперь государствомъ только подъ другими именами и въ иныхъ формахъ. Единственнымъ чисто демократическимъ учрежденіемъ, нашедшимъ мѣсто въ солоновой конституціи, былъ судъ народный,—такъ называемая геліэя [1]). Ежегодно архонты избирали по жребію по 1000 человѣкъ изъ каждой филы безъ различія классовъ, и эти выборные, подъ руководствомъ ѳесмоѳетовъ, въ своихъ очередныхъ комитетахъ или дикастеріяхъ въ послѣдней инстанціи рѣшали судебныя дѣла, ревизовали дѣйствія другихъ судовъ и за исключеніемъ ареопага могли требовать отчета отъ всѣхъ должностныхъ лицъ и административныхъ учрежденій, тогда какъ особый комитетъ тѣхъ же геліастовъ, свѣдущихъ въ правѣ (такъ называемыхъ номоѳетовъ), пересматривалъ проекты законовъ, заготовленные сенатомъ,—и только съ ихъ одобренія проекты эти могли быть представлены народному собранію. Многія изъ этихъ правъ по всей вѣроятности развились уже позже Солона; но тѣмъ не менѣе геліэя даже и въ первоначальномъ своемъ видѣ была тѣмъ зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи выросло господство демократіи въ Аѳинахъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ устройство аѳинской республики въ солоновы времена. Что въ этомъ устройствѣ принадлежало Со-

---

[1]) Ἡλιαία—портикъ въ Аѳинахъ, въ которомъ происходили засѣданія верховнаго судилища геліастовъ (ἡλιασταί). *Ред.*

лону и что развилось послѣ него,—отличить чрезвычайно трудно, такъ какъ позднѣйшіе аѳиняне приписывали этому законодателю начало почти всѣхъ своихъ свободныхъ учрежденій. Въ солоновомъ законодательствѣ, аристократическомъ по преимуществу, будущность аѳинскаго демоса имѣла, правда, нѣкоторые исходные пункты для дальнѣйшаго своего развитія: [по мнѣнію Аристотеля, на первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить отмѣну долговой кабалы, право всѣхъ и каждаго вступаться за обиженныхъ, привлекая къ суду обидчиковъ, и право апелляціи въ „дикастеріи“; къ этому слѣдуетъ прибавить] народный выборъ чиновниковъ, контроль геліастовъ надъ ихъ дѣйствіями, наконецъ выкупъ мелкой поземельной собственности, создавшей въ Аѳинахъ совершенно обезпеченный средній классъ гражданъ. Но, какъ слабы были еще эти демократическіе задатки, видно изъ того, что еще при жизни Солона демосъ долженъ былъ въ тираніи искать спасенія отъ новыхъ притѣсненій родовитой знати [1]).

Тиранния Дамасія.

[Уже на пятый годъ послѣ изданія солоновыхъ законовъ новыя смуты помѣшали произвести избраніе архонта, и въ странѣ воцарилась анархія. Черезъ четыре года повторилось то же самое. Солона въ это время въ Аѳинахъ не было: убѣдившись, что его реформы, задуманныя и проведенныя въ духѣ примиренія противоположныхъ интересовъ, но далекія отъ потворства вожделѣніямъ какой-либо изъ крайнихъ партій, въ сущности не удовлетворили никого, онъ предпочелъ на время удалиться изъ города и предпринялъ путешествіе на Востокъ. Между тѣмъ среди аттическаго населенія сложились и рѣзко обозначились три враждебныхъ политическихъ направленія. Представители крупнаго землевладѣнія и родовитой знати, такъ называемые педіэи (πεδιεῖς или πεδιακοί), никакъ не могли примириться съ тѣмъ уономъ, который нанесла ихъ имущественному положенію солонова сисахѳія, — они тянули къ дореформенному порядку вещей и въ этихъ видахъ желали ниспроверженія солоновой конституціи. Недовольны были реформою и радикально настроенные жители горъ, діакріи (διάκριοι), также мечтавшіе о коренномъ переворотѣ, но связывавшіе съ нимъ надежду на передѣлъ земли, на полное соціальное равенство и т. п. Въ сторонѣ какъ отъ реакціонеровъ-педіэевъ, такъ и отъ радикаловъ-діакріевъ стояла третья общественная группа, — жители

[1]) Пособія (на русск. яз.): В. Шефферъ Аѳинское гражданство и народное собраніе (М. 1891); В. А. Маклаковъ Избраніе жребіемъ въ аѳинскомъ государствѣ. М. 1894; Н. Гольдинъ Аѳинскій совѣтъ. Исторія, организація, вѣдомство. Харьковъ 1904; В. В. Латышевъ Очеркъ греч. древностей. I. *Ред.*

морского побережья, параліи (παράλιοι), по большей части не принадлежавшіе къ земельнымъ собственникамъ, бывшіе скорѣе людьми промышленнаго труда, капиталистами-предпринимателями, и хотя, быть можетъ, и въ свою очередь не вполнѣ удовлетворенные солоновскими преобразованіями, но понимавшіе, что для ихъ классовыхъ интересовъ всего необходимѣе миръ, а потому и болѣе осмотрительные и умѣренные въ своихъ стремленіяхъ. Къ параліямъ по всей вѣроятности примкнули мелкіе землевладѣльцы, для которыхъ порядокъ, установленный Солономъ, былъ особено выгоденъ. И вотъ первымъ, кто на противоположности между этими партіями вздумалъ основать свое возвышеніе, былъ нѣкій Дамасій, избранный архонтомъ въ 583/2 году. Вопреки конституціи онъ пробылъ въ этой должности два года и два мѣсяца и былъ лишенъ власти силою. А такъ какъ съ паденіемъ этого тиранна снова вспыхнула смута, грозившая анархіею, то партіи пошли на компромиссъ, и вмѣсто одного архонта избрали коллегію изъ десяти лицъ, въ составъ которыхъ вошли представители отъ каждой изъ нихъ. Впрочемъ новая система эта держалась недолго, и политическое броженіе не прекратилось [1])].

Писистратъ и Писистратиды.

Въ 560 г., опираясь на недовольный народъ, одинъ ловкій честолюбецъ, по имени Писистратъ, овладѣлъ верховною властью въ Аѳинахъ и посреди борьбы съ аристократами, два раза его изгонявшими, сумѣлъ не только удержать ее до самой смерти, но и передать сыновьямъ своимъ Гиппію и Гиппарху, которые подобно отцу правили сначала къ удовольствію народа и даже сдѣлали много добра для Аѳинъ,—поощряли промыслы, украсили городъ постройками, покровительствовали поэтамъ и художникамъ. Но когда заносчивый сластолюбецъ Гиппархъ былъ убитъ на панаѳинейскомъ празднествѣ двумя оскорбленными имъ юношами,—Гармодіемъ и Аристогитономъ, то Гиппій по чувству мести и въ видахъ собственной безопасности сталъ позволять себѣ такія притѣсненія и жестокости, что возмутившійся народъ въ 510 году выгналъ его изъ города и возстановилъ солонову республику. Но республика эта въ прежнемъ своемъ видѣ уже существовать не могла: опытъ пятидесятилѣтней тиранніи Писистратидовъ показалъ аристократамъ, что ради собственной безопасности надо сдѣлать

---

[1]) Повидимому, образованная сообща всѣми партіями коммиссія должностныхъ лицъ, въ составъ которой отъ эвпатридовъ вошло пять членовъ, отъ агрэковъ—три и отъ деміурговъ—два, учреждена была не вмѣсто всей прежней коллегіи девяти архонтовъ, а лишь вмѣсто спорной должности архонта-эпонима, бывшей главнымъ предметомъ соперничества (срв. Arist. Ἀθ. πολ., 13). *Ред.*

новыя уступки демосу. Поэтому уже тотчасъ по изгнаніи Гиппія Алкмеонидъ Клисѳенъ, опираясь на расположеніе къ нему народной массы [и на поддержку дельфійскаго оракула, что для него, какъ члена запятнанной святотатствомъ фамиліи, было особенно важно], предпринялъ реформу солонова законодательства въ болѣе демократическомъ духѣ.

Реформа Клисѳена.

Перемѣна состояла въ томъ, что вмѣсто старинныхъ четырехъ филъ или племенныхъ союзовъ, въ которыхъ главное значеніе имѣла земельная аристократія, аттическій народъ раздѣленъ былъ на десять новыхъ, по мѣсту пріуроченныхъ къ различнымъ административнымъ округамъ, отчего далеко не во всѣхъ филахъ преобладала теперь родовитая знать. [Всѣхъ такихъ округовъ было тридцать. Изъ нихъ одна треть приходилась на Аѳины съ пригородами, другая занимала береговую полосу, а третья—центральную часть материка и нагорье. Эти округа, носившіе названіе триттій, были распредѣлены по жребію между десятью новыми филами, по три на каждую, причемъ всѣ три триттіи, входившія въ составъ филы, должны были принадлежать къ различнымъ территоріальнымъ группамъ. Триттіи въ свою очередь подраздѣлялись на демы, общее число которыхъ въ Аттикѣ, повидимому, не всегда было одинаково и впослѣдствіи возросло почти до 200]. Сообразно съ этимъ [новымъ дѣленіемъ] и сенатъ аѳинскій получилъ новую организацію. Число членовъ его опредѣлено было въ 500, — по 50 человѣкъ изъ каждой филы, такъ что пританы чередовались теперь чрезъ каждые 36 дней въ теченіи года. [Ежедневно изъ притановъ избирался эпистатъ или настоятель, которому съ этихъ поръ стало принадлежать предсѣдательство какъ въ совѣтѣ, такъ и въ народномъ собраніи. То же дѣленіе на филы послужило основой и для военной организаціи страны: каждая фила должна была снарядить одинъ полкъ пѣхоты и одинъ эскадронъ конницы]. Метэкамъ, т.-е. переселенцамъ изъ другихъ греческихъ государствъ, и вольноотпущенникамъ Клисѳенъ даровалъ права гражданства, чѣмъ значительно увеличилъ силу аѳинскаго демоса; расширены были также права и геліэи, а введеніемъ „черепичнаго суда“ или остракизма дано народу право удалять въ почетное изгнаніе гражданъ, опасныхъ для общественной свободы по своему вліянію, честолюбію или талантамъ [1]).

---

[1]) Литература о Писистратѣ и Клисѳенѣ: Бауеръ Эпоха древней тираніи въ Греціи. Спб. 1863. Francotte L'organisation de la cité athénienne et la reforme de Clisthènes. Paris et Bruxelles. 1893. Haussoulier La vie municipale en Attique. Paris. 1884. М. С. Куторга Критич. розысканія о законодательствѣ

Дальнѣйшее развитіе аѳинской демократіи.

Но на этомъ не остановились успѣхи аѳинской демократіи. Въ слѣдующемъ столѣтіи Аристидъ открылъ доступъ къ архонтству, какъ и ко всѣмъ другимъ общественнымъ должностямъ, всѣмъ безъ различія гражданамъ; а послѣ персидскихъ войнъ общественное равенство дошло уже до того, что нѣкоторыя государственныя должности замѣщались просто по жребію; наконецъ при Периклѣ съ отмѣною права ареопага кассировать рѣшенія народныхъ собраній уничтоженъ и послѣдній памятникъ аристократическаго порядка въ Аѳинахъ. Съ этимъ постепеннымъ развитіемъ демократическихъ началъ открылся, разумѣется, все большій и большій просторъ талантамъ, заслугамъ и соревнованію отдѣльныхъ гражданъ, что и было одною изъ главныхъ причинъ какъ быстраго возвышенія Аѳинъ между другими греческими государствами, такъ и того множества замѣчательныхъ людей, которыхъ онѣ выставляли на разныхъ поприщахъ дѣятельности [1]).

Отличительныя черты греческаго государства вообще.

Таково было устройство двухъ важнѣйшихъ въ Греціи республикъ,—суровой, воинственной, аристократической и неподвижной Спарты и живыхъ, измѣнчивыхъ, демократическихъ Аѳинъ. Какъ ни различны однако обѣ конституціи по своему характеру, есть между ними и общія черты, которыя можно считать отличительными чертами греческихъ государствъ вообще. Таковы: 1) цѣль государства—оно само, т.-е. его безопасность, величіе и благосостояніе; интересы отдѣльныхъ гражданъ исчезаютъ совершенно въ виду этого общаго верховнаго интереса; 2) только граждане пользуются защитой и заботами государства и имѣютъ долю въ общественной власти; остальное населеніе, живущее на территоріи государства, какъ бы оно ни было многочисленно, не имѣетъ никакого значенія и никакихъ правъ; 3) греческое государство состоитъ обыкновенно изъ городской общины съ ея земельнымъ округомъ, и только немногія, какъ напр. Аѳины и Спарта, обнимаютъ цѣлую страну; 4) разнообразнѣйшія формы греческихъ конституцій могутъ быть приведены къ шести главнымъ видамъ:

Алкмеонида Клисѳена" (въ „Пропилеяхъ" т. III и въ „Собраніи сочиненій Мих. Сем. Куторги". Спб. 1894); его же „Колѣна и сословія аттическія" Спб. 1838 (и въ собр. соч.). Р. Х. Лепер Къ вопросу о демахъ Аттики (Ж. М. Нар. Пр. 1891, кн. 3). *Ред.*

[1]) См. J. Schwarcz, „Die Demokratie". Leipz. 1882 и сл. По-русски: Васильевскій. „Взглядъ Грота на исторію аѳинской демократіи" (Ж. М. Н. Пр. 1867, т. CXXXIV); М. Куторга, „Ист. аѳинской республики" Спб. 1848; Ѳ. Мищенко, „Ист. эллинской цивилизаціи" (Кіев. Унив. Изв. 1879, № 6); К. Ѳ. Страшкевичъ, „Краткій очеркъ греческихъ древностей" (изд. 2-е Кіевъ. 1874); Фюстель-де-Куланжъ, „Гражданская община античнаго міра", въ перев. Е. Корша. М. 1867 (то-же сочиненіе въ перев. Н. Бабкина, Спб. 1867; въ перев. Спиридонова, 2 изд. М. 1903). *Ред.*

къ тремъ нормальнымъ,—монархіи, аристократіи и демократіи,— и къ тремъ искаженіямъ этихъ нормъ,—тираніи, олигархіи и охлократіи (господство черни); впрочемъ большею частью типы эти встрѣчаются въ различныхъ комбинаціяхъ, смѣшанными.

V. Персидскія войны.

Изъ греческихъ писателей главнѣйшимъ источникомъ для исторіи персидскихъ войнъ служитъ Геродотъ, извѣстія котораго о нашествіи Ксеркса отличаются какъ полнотой, такъ и достовѣрностью; къ сожалѣнію нельзя того же сказать о тѣхъ частяхъ его сочиненія, которыя излагаютъ исторію дарієва предпріятія противъ грековъ: онѣ носятъ часто баснословный характеръ. За Геродотомъ по степени своей важности слѣдуетъ Плутархъ въ жизнеописаніяхъ Ѳемистокла, Аристида и Кимона, затѣмъ Діодоръ и Корнелій Непотъ. Пособія: М. Куторга „Персидскія войны“ (Спб. 1858); его-же актовая рѣчь въ петербургскомъ унив „Объ исторіи аѳинской республики въ эпоху персидскихъ войнъ“ (1861); Рославскій-Петровскій „Греко-персидскія войны“ (Ж. М. Н. Пр. 1871, CLIV); М. И. Мандесъ Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора. Отношеніе Діодора къ Геродоту и Ѳукидиду (Одесса. 1901).

Причины персидскихъ войнъ.

Персидская держава, распространившаяся на весь почти историческій Востокъ, уже при Кирѣ пришла въ первое столкновеніе съ греческимъ міромъ. Съ покореніемъ персами мало-азійскихъ греческихъ колоній посѣяна была вражда между двумя народами, не умолкавшая потомъ въ теченіи столѣтій. А завоеваніе Даріемъ Македоніи и Ѳракіи поставило персовъ лицомъ къ лицу и съ греками европейскими. Но пріобрѣтеніе сѣверной части Балканскаго полуострова было для Дарія только первымъ шагомъ къ задуманному имъ покоренію Греціи и южной Италіи. Держава Кира достигла при немъ своего полнаго развитія и силы, а политическая дробность греческаго міра, ослабленнаго шедшею въ немъ тогда борьбою между партіями аристократической и демократической, казалось, еще болѣе должна была облегчить персамъ такое предпріятіе. Тѣснимые во многихъ мѣстахъ аристократы и тираннн греческіе искали сначала опоры въ Спартѣ, когда же съ усиленіемъ Аѳинъ явилась и для ихъ противниковъ могущественная поддержка, обратились къ персидскому царю и посредствомъ разныхъ изгнанниковъ,—въ томъ числѣ и Гиппія аѳинскаго,—завели съ нимъ сношенія, надѣясь съ его помощью одолѣть ненавистный имъ демосъ. Такимъ образомъ Дарій могъ повидимому разсчитывать на нѣкоторое содѣйствіе и въ самой Греціи. По крайней мѣрѣ его увѣряли въ томъ эмигранты, проживавшіе при его дворѣ. Въ открывшейся борьбѣ съ персами рѣшались слѣдовательно для

Греціи два вопроса величайшей важности: вопросъ о народной независимости,—во-первыхъ, и о судьбѣ ихъ юной демократіи или, что тоже, общественной свободѣ, тѣсно связанной съ господствомъ этого принципа,—во-вторыхъ.

Поводъ къ нимъ.

Поводъ къ началу войнъ персидскихъ подали малоазійскіе греки, возстаніе которыхъ въ самомъ началѣ V стол., имѣвшее цѣлью сверженіе персидскаго владычества и поставленныхъ персами тирановъ, не имѣло никакого успѣха и кончилось разрушеніемъ Милета, стоявшаго во главѣ всего движенія. Но въ борьбѣ малоазійскихъ іонянъ съ ихъ притѣснителями приняли участіе и два европейскихъ греческихъ государства, — эвбейскій городъ Эретрія и Аѳины, — пославшія на помощь своимъ азіатскимъ соплеменникамъ 25 кораблей. Случай этотъ и подалъ Дарію поводъ начать войну съ греками европейскими,—войну, и безъ того неизбѣжную.

Предпріятіе Дарія Гистаспа.

Первое предпріятіе Дарія противъ европейскихъ грековъ не достигло своей цѣли, такъ какъ флотъ, отправленный имъ туда въ 492 г., потерпѣлъ крушеніе у Аѳонскаго мыса, а сухопутное войско, сильно пострадавъ отъ нападеній ѳракійскихъ горцевъ, возвратилось домой, не видавъ настоящаго непріятеля. Послы же персидскіе, требовавшіе именемъ царя земли и воды, т.-е. подданства отъ государствъ греческихъ, хотя и получили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи эти знаки покорности, но за то въ Спартѣ и Аѳинахъ поплатились жизнію за свое дерзкое требованіе. Такія неудачи и особенно оскорбленіе, нанесенное гордости азіатскаго владыки, сильно раздражили Дарія, и чрезъ два года онъ снарядилъ новую морскую экспедицію въ Грецію, ввѣривъ начальство надъ ней мидійскому вельможѣ Датису и родственнику своему Артаферну. Объявленная цѣль похода состояла въ наказаніи Эретріи и Аѳинъ,—но несомнѣнно, что въ случаѣ успѣха персы не ограничились бы этимъ, а покорили бы и всю Грецію. Флотъ Датиса, наученный недавнимъ бѣдствіемъ у Аѳона, поплылъ прямо Архипелагомъ и, покоривъ Киклады, явился передъ Эретріей, которая послѣ геройскаго сопротивленія была взята измѣною и разрушена. Очередь была теперь за Аѳинами. Но вмѣсто того, чтобы идти прямо на этотъ городъ, флотъ Датиса, по указанію Гиппія, при немъ находившагося, пристalъ къ восточному берегу Аттики, гдѣ, на марафонской равнинѣ, весьма удобной для дѣйствія кавалеріи, и высадилъ свой десантъ. Какъ велики были силы, выставленныя здѣсь персами, опредѣлить довольно трудно; надо полагать,—отъ 70 до 80 тысячъ, въ томъ числѣ нѣсколько тысячъ конницы. И

если правда, что конечная цѣль похода состояла въ покореніи всей Греціи, то незначительность этой арміи показываетъ, какими ничтожными противниками считалъ Дарій тогдашнихъ грековъ. Да и сами греки недалеки были отъ такого мнѣнія: при вѣсти объ участи Эретріи, о близости непріятеля, въ Аѳинахъ распространился паническій страхъ. Изъ другихъ государствъ греческихъ кромѣ Платеи никто не двинулся съ мѣста. Аѳиняне одни стояли въ виду страшнаго непріятеля. Но нашлись между ними люди, съумѣвшіе одушевить согражданъ, — Аристидъ, Ѳемистоклъ и особенно Мильтіадъ, близко знакомый съ обычаями и строемъ варваровъ по своимъ долгимъ сношеніямъ съ ними въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ, гдѣ онъ былъ прежде тираномъ. Ему-то поручили стратеги аѳинскіе главное начальство надъ войскомъ въ день битвы. Аѳиняне могли выставить въ поле не болѣе 10 тысячъ гоплитовъ и ни одного всадника, и съ этими ничтожными силами предстояло отразить въ семь или восемь разъ сильнѣйшаго врага. При такихъ условіяхъ вся надежда могла быть только на патріотизмъ и мужество воиновъ и на искусство ихъ вождей. Въ послѣднемъ отношеніи мараѳонская битва весьма замѣчательна. Она въ первый разъ блистательно выказала превосходство эллинскаго генія предъ грубой тактикой варваровъ. Весь успѣхъ своей стратегіи Мильтіадъ основалъ на томъ, что выждалъ день, когда непріятельская кавалерія ушла на фуражировку, и построилъ аѳинянъ въ порядкѣ совершенно обратномъ тому, какой былъ принятъ у варваровъ: сильно укрѣпилъ крылья и съ умысломъ ослабилъ центръ своей линіи. Поэтому, когда армія грековъ сошлась съ непріятельской, то отборный центръ персовъ тотчасъ смялъ и погналъ предъ собою слабый центръ греческій; но тогда сильныя крылья грековъ легко одолѣли слабыя крылья варваровъ и, соединившись, разбили потомъ и возвращавшійся съ погони центръ вражескаго войска. Растерявшіеся варвары бросились къ своимъ кораблямъ, оставивъ на полѣ битвы богатую добычу и 6000 убитыхъ. Потеря эта однако была еще не столь значительна, чтобы не сдѣлать попытки овладѣть Аѳинами врасплохъ. Поэтому Датисъ, поспѣшно обогнувъ Сунійскій мысъ, явился со своимъ флотомъ предъ самымъ городомъ, разсчитывая на измѣну аристократовъ. Но Мильтіадъ и тутъ предупредилъ его. Гоплиты его почти бѣгомъ достигли Аѳинъ, и персы, увидѣвъ тутъ на берегу своихъ мараѳонскихъ побѣдителей, уплыли обратно въ Азію.

Такой неожиданный и блестящій успѣхъ высоко поднялъ народный духъ эллиновъ, впервые познавшихъ свое превосходство

надъ варварами, и вмѣстѣ разомъ возвысилъ значеніе Аѳинъ между греческими государствами. Въ такой же степени, разумѣется, была уязвлена гордость властителей азіатскихъ, дотолѣ не встрѣчавшихъ достойныхъ себѣ противниковъ. Но настоящая опасность, настоящая борьба съ нею и настоящіе подвиги были для грековъ еще впереди.

Нашествіе Ксеркса.

Уже Дарій замыслилъ новый общій походъ всѣхъ вооруженныхъ силъ своего царства на Грецію, но умеръ въ 486 г., не успѣвъ привести въ исполненіе этого плана. За то преемникъ его Ксерксъ сталъ немедленно готовиться къ этой священной войнѣ и послѣ четырехлѣтнихъ громадныхъ сборовъ успѣлъ снарядить армію, какой до него еще никогда не видывалъ историческій Востокъ. Ибо, хотя и можно усомниться въ показаніяхъ Геродота, опредѣляющаго численность сухопутнаго ксерксова войска въ 1.700,000 человѣкъ, но по самымъ осторожнымъ соображеніямъ современныхъ изслѣдователей количество его все же должно было простираться до 800,000; да кромѣ того заготовлено было 1207 военныхъ триремъ, поставленныхъ большею частью финикійцами, [египтянами, кипрянами] и малоазійскими іонянами, не считая огромнаго множества транспортныхъ судовъ [1]). Всѣ средства къ обезпеченію кампаніи были предусмотрѣны заранѣе: понтонные мосты на Геллеспонтѣ, провіантскіе магазины во Ѳракіи, каналъ для обхода Аѳонскаго мыса. Это была уже не простая война, а цѣлое организованное нашествіе, для котораго персидское царство исчерпало всѣ свои силы. Когда Ксеркъ при переправѣ черезъ Геллеспонтъ, продолжавшейся цѣлыя семь сутокъ, обозрѣвалъ свои полчища, то дѣйствительно могъ мечтать о покореніи съ ними не только Греціи, но и всей Европы.

Въ виду этой грозы греки приняли свои мѣры: на Истмѣ съѣхались депутаты греческихъ государствъ и положили прекратить всѣ домашнія распри ради общей защиты; послали просить помощи у аргосцевъ, въ Керкиру и Сиракузы. Но раздробленный греческій міръ неспособенъ былъ дѣйствовать дружно даже въ минуту такой опасности. Аргосцы изъ ненависти къ Спартѣ отка-

---

[1]) Число сухопутнаго войска персовъ въ 800 т. опредѣлялъ и Ктесій. Въ послѣднее время было однако немало попытокъ низвести это число до меньшей цифры: по Мейеру войско Ксеркса могло заключать въ себѣ не болѣе 100 т. воиновъ, по Дельбрюку (H. Delbrück Gesch. der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. I. Das Alterthum. Berl. 1900; его же Perserkriege u. Burgunderkriege. Berl. 1887)—всего лишь 70—75 т.; по Монро (Munro Some observations on the Persian wars. Journ. of Hell. Studies. 1899) и Берри (назв. соч.)—около 180 т., но всѣ эти числа, выведенныя путемъ теоретическихъ комбинацій, весьма гадательны и, вѣроятно, много ниже дѣйствительности. *Ред.*

зались участвовать въ общей оборонѣ; керкиряне медлили и хитрили, а Гелонъ, тиранъ сиракузскій, соглашался подать помощь только тогда, если греки въ предстоящей войнѣ признаютъ его своимъ гегемономъ, что тѣ съ негодованіемъ отвергли. Изъ государствъ материковой Греціи далеко не всѣ готовы были отважиться на борьбу съ могущественнымъ врагомъ. Ѳессалійскіе Алевады и нѣкоторыя племена Средней Греціи заранѣе изъявили царю покорность,—дали ему землю и воду. Даже государства, ополчившіяся на борьбу съ персами, не могли согласиться въ планахъ общей защиты, и пелопоннесцы напр. со Спартою во главѣ постоянно думали только о собственныхъ интересахъ. При такой разрозненности интересовъ и чувствъ одни аѳиняне явились истинными патріотами въ общеэллинскомъ смыслѣ. Несмотря на то, что гегемонія, т.-е. политическое первенство и военное предводительство, принадлежала Спартѣ, морально они были главными предводителями во всей этой славной для Греціи борьбѣ, и имъ же принадлежитъ въ ней главнѣйшая заслуга и слава,—особенно тѣмъ мужамъ, которые руководили въ то время аѳинскимъ народомъ,—Ѳемистоклу и Аристиду. Первый сдѣлалъ Аѳины сильной морской державой, положивъ основаніе аѳинскому флоту и обширной пирейской гавани, а второй, уступая сопернику своему въ геніальности, явилъ своимъ согражданамъ такой примѣръ неподкупной честности и самаго совершеннаго патріотизма, который одушевилъ ихъ на великія дѣла.

Нашествіе Ксеркса открылось въ 482 г. движеніемъ его полчищъ вдоль южнаго берега Ѳракіи; параллельно двигался и флотъ. Когда же первыя наводнили Ѳессалію, то и морская армада повернула на югъ, не разрывая связей своихъ съ сухопутнымъ войскомъ. Переправа въ Среднюю Грецію предстояла теперь черезъ узкій проходъ горы Эты, тянувшійся вдоль морскаго берега и называвшійся Ѳермопильскимъ ущельемъ. Въ этомъ то проходѣ рѣшено было противопоставить персамъ первую преграду. Спартанскій царь Леонидъ съ 300 спартіатовъ и съ нѣсколькими тысячами союзниковъ, слѣдовательно со средствами совершенно ничтожными, такъ какъ главныя свои силы пелопоннесцы приберегали для собственной защиты, укрѣпился въ немъ еще до прибытія Ксеркса, чтобы какъ можно дольше задерживать здѣсь его движеніе, пока Греція праздновала олимпійскія игры и не могла думать ни о чемъ другомъ. Геройская защита Ѳермопилъ и геройская смерть Леонида, обойденнаго въ тылъ, благодаря позорной измѣнѣ грека Эфіальта, указавшаго персамъ обходную тропинку, произвели сильное впечатлѣніе на варваровъ, но не

помѣшали имъ вторгнуться въ Элладу. Между тѣмъ флотъ персидскій достигъ Эвбейскаго пролива и увидѣлъ его загражденнымъ греческой эскадрой изъ 270 союзныхъ кораблей подъ начальствомъ спартанца Эврибіада. При видѣ необозримой армады Ксеркса греческими моряками овладѣлъ такой страхъ, что они хотѣли уже оставить свою позицію и бѣжать далѣе къ югу, какъ вдругъ поднялась буря, свирѣпствовавшая нѣсколько дней и потопившая около 400 непріятельскихъ кораблей, такъ что, благодаря этой случайности, ободренному Эврибіаду открылась возможность помѣряться силами съ частью сильно пострадавшаго персидскаго флота у мыса Артемисія, въ сѣверной части Эвбейскаго пролива. Въ происшедшей здѣсь двухдневной битвѣ перевѣса не достигла ни одна сторона,—но важно было уже и то, что греки устояли противъ превосходныхъ силъ непріятеля.

Ближайшею цѣлью Ксеркса было отмщеніе аѳинянамъ и спартанцамъ, главнымъ своимъ врагамъ. Поэтому, ворвавшись въ Элладу, онъ прямо направился чрезъ Бэотію въ Аттику, отрядивъ къ западу только отдѣльный корпусъ для наказанія племенъ, отказавшихъ ему въ покорности, и для разграбленія дельфійскаго храма, извѣстнаго своими сокровищами,—корпусъ, который только отчасти достигъ своей цѣли, такъ какъ подъ Дельфами онъ испыталъ неудачу, которую греки объяснили заступничествомъ самого божества.

Аѳинамъ грозила теперь неминуемая бѣда. Напрасно умоляли они спартанцевъ идти къ нимъ на выручку со всѣми пелопоннесскими силами. Тѣ, думая только о собственной защитѣ, давно уже составили планъ укрѣпиться на Истмѣ, чтобы не пустить къ себѣ варваровъ, остальную же Грецію предавали имъ на жертву. Только флотъ, въ которомъ находилось до 200 аѳинскихъ кораблей, послѣ дѣла при Артемисіи, пришелъ въ Саронскія воды и занялъ позицію въ Саламинскомъ проливѣ, усиленный до 400 кораблей присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ союзныхъ контингентовъ. Беззащитнымъ съ сухопутья аѳинянамъ не оставалось ничего другого, какъ оставить городъ, перевезши свои семейства и имущество на сосѣдніе острова. Ксерксъ вступилъ въ опустѣлыя Аѳины и сжегъ ихъ, перебивъ немногихъ укрѣпившихся въ акрополѣ. Все спасеніе Греціи зависило теперь отъ флота; но Ѳемистоклу стоило неимовѣрныхъ усилій удержать этотъ флотъ при Саламинѣ и не дать ему уйти къ Истму, какъ того изъ эгоистическихъ разсчетовъ требовали пелопоннесцы. Въ случаѣ такого отступленія союзныя эскадры непремѣнно разошлись бы по домамъ

для защиты родныхъ своихъ городовъ. Не успѣвъ подѣйствовать на спартанцевъ убѣжденіями, Ѳемистоклъ долженъ былъ наконецъ хитростью заставить персидскихъ адмираловъ вступить здѣсь съ греками въ битву, пока послѣдніе не успѣли еще разсѣяться. Онъ тайно послалъ извѣстить персовъ, что греки собираются бѣжать и что они упустятъ единственный случай истребить всѣхъ непріятелей вмѣстѣ, если позволятъ имъ уйти изъ Саламинскаго пролива, послѣ чего персы тотчасъ же заперли изъ него выходъ, и Эврибіадъ волей-неволей долженъ былъ принять сраженіе. Происшедшая здѣсь морская битва, совершавшаяся предъ глазами самого царя, который смотрѣлъ на нее съ высокаго аттическаго берега, кончилась полнымъ пораженіемъ персидскаго флота, не могшаго развернуть своихъ силъ въ узкомъ проливѣ и устоять противъ искусства и отчаяннаго мужества грековъ. Изъ 800 кораблей, участвовавшихъ въ саламинскомъ бою, только 200 успѣли спастись въ Азію; остальные были потоплены, повреждены или же взяты побѣдителями. Послѣ этого Ксерксу оставалось только поспѣшить отступленіемъ, такъ какъ грозила опасность, что торжествующій непріятель, погнавшійся за остатками его армады, разрушитъ мосты на Геллеспонтѣ и тогда совсѣмъ нельзя будетъ воротиться въ Азію. Поэтому, оставивъ въ Греціи 300,000 отборнаго войска подъ начальствомъ зятя своего Мардонія, царь съ остальными поворотилъ назадъ и послѣ 40-дневнаго бѣдственнаго похода достигъ азіатскаго берега, Мардоній же остался на зимовку въ Бэотіи и окрестныхъ областяхъ и весною слѣдующаго года, испытавъ неудачу въ тайныхъ переговорахъ съ аѳинянами, предпринятыхъ имъ съ цѣлью отвлечь ихъ отъ обще-эллинскаго союза, снова двинулся на Аѳины и предалъ ихъ вторичному разгрому.

Между тѣмъ сорокатысячная армія спартанскихъ гоплитовъ и ихъ союзниковъ спокойно стояла на Истмѣ, по прежнему защищая только Пелопоннесъ. Ѳемистоклу опять стоило неимовѣрныхъ усилій вызвать ее изъ этого бездѣйствія и привлечь на равнины Бэотіи, куда отступили персы послѣ вторичнаго разоренія Аѳинъ. Здѣсь къ пелопоннесцамъ, предводительствуемымъ спартанскимъ царемъ Павсаніемъ, присоединились аѳиняне, находившіеся подъ начальствомъ Аристида, и нѣсколько союзныхъ контингентовъ, такъ что составилась восьмидесятитысячная греческая армія, которая и расположилась у города Платеи, ставъ въ виду мардоніевыхъ полчищъ, несмотря на зимнія потери все еще считавшихъ въ рядахъ своихъ болѣе 200,000 человѣкъ. Мужество, искусство и патріотизмъ грековъ одолѣли и здѣсь.

Разбитые на голову варвары, лишившись вождя своего, павшаго въ битвѣ, разсѣялись въ дикомъ бѣгствѣ, и только небольшіе остатки ихъ успѣли добраться въ Азію. Въ тотъ же самый день, когда одержана была платейская побѣда, начальники греческаго флота,—спартанецъ Леотихидъ и аѳинянинъ Ксантиппъ,—настигли у милетскаго берега Малой Азіи остатки персидскаго флота, уцѣлѣвшіе отъ саламинскаго погрома и, несмотря на то, что корабли эти вытащены были на сушу и защищались стотысячнымъ персидскимъ корпусомъ, сожгли ихъ у мыса Микале съ помощью возставшихъ іонянъ, разбивъ при этомъ и сухопутное войско царя.

Продолженіе персидскихъ войнъ.

Послѣ этого греческій флотъ сталъ владычествовать на водахъ Эгейскаго и Средиземнаго моря, освободилъ отъ власти варваровъ греческіе острова и ѳракійскія колоніи, а десять лѣтъ спустя вслѣдствіе двойной побѣды аѳинянина Кимона надъ послѣдними остатками морскихъ и сухопутныхъ силъ персовъ въ устьяхъ рѣки Эвримедонта, т.-е. у южнаго берега М. Азіи, въ 467 г.. освободились фактически и малоазіатскіе греческіе города, хотя и подлежитъ большому сомнѣнію, что между Кимономъ и персидскимъ правительствомъ состоялся тогда договоръ, признавшій ихъ независимость и извѣстный у нѣкоторыхъ писателей подъ именемъ кимонова мира. По крайней мѣрѣ непріязненныя отношенія между греками и персами еще долго не прекращались впослѣдствіи [1]).

Причины успѣха грековъ.

Если принять во вниманіе неравенство силъ боровшихся въ этой войнѣ сторонъ, то естественно возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить изумительный успѣхъ грековъ, неожиданный для нихъ самихъ? Первая причина его лежала безъ сомнѣнія въ превосходствѣ греческаго военнаго искусства, какъ это мы видѣли на примѣрѣ мараѳонской битвы,—въ лучшемъ ихъ вооруженіи, болѣе строгой дисциплинѣ и особенно въ патріотическомъ одушевленіи и томъ кровномъ интересѣ—защищать родной кровъ, женъ и дѣтей, какой греки вносили въ борьбу съ непріятелемъ, правда, многочисленнымъ, но разноплеменнымъ, плохо вооруженнымъ и еще хуже предводимымъ, шедшимъ въ бой изъ-подъ палки. Вторая причина—это гористая мѣстность Греціи, весьма затруднявшая движеніе большихъ массъ непріятеля, подтвержденіе чего представляютъ Ѳермопилы и обѣ морскія битвы. Третья заклю-

---

[1]) М. Стасюлевичъ. Защита Кимонова мира. Критико-историческое разсужденіе. Спб. 1852. *Ред.*

чается въ ошибкахъ самого Ксеркса, дѣйствовавшаго неосторожно и слишкомъ самонадѣянно, какъ это было напр. при Саламинѣ, гдѣ онъ такъ грубо попался въ сѣти, разставленныя ему Ѳемистокломъ. Наконецъ много помогла грекамъ и сама судьба, посылавшая имъ въ критическія минуты разныя благопріятныя случайности,—бурю при Артемисіи, поспѣшность, съ какою начатъ былъ саламинскій бой,—поспѣшность, не позволившую пелопоннесцамъ исполнить задуманную ими ретираду, и т. п.

Послѣдствія персидскихъ войнъ и ихъ всемірно-историческое значеніе.

Среди такихъ то разнообразныхъ условій сложилось историческое событіе, имѣвшее громадное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу Европы и Азіи. Для персидской державы это былъ ударъ, отъ котораго она никогда уже не могла оправиться и который рано или поздно долженъ былъ сдѣлать ее добычею эллинскаго оружія и образованія, сознавшаго теперь свою силу и превосходство предъ варварскимъ. Для самихъ же грековъ персидскія войны были событіемъ, упрочившимъ не только ихъ народную независимость, но и общественную свободу. Аристократическія партіи и остатки тираній, втайнѣ разсчитывавшія на помощь великаго царя, были предоставлены теперь ихъ собственной участи. Демократическія Аѳины, оказавшія столько услугъ Греціи въ этой великой борьбѣ, возвысились теперь на степень первенствующей державы и приняли подъ свою защиту демократическіе интересы во всемъ греческомъ мірѣ. А вмѣстѣ съ общественной свободой разцвѣло во всемъ блескѣ и греческое образованіе, воспитавшее потомъ весь древній историческій міръ. Въ общемъ же ходѣ всемірной исторіи персидскія войны были тѣмъ его поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начинается преобладаніе Европы надъ Азіей.

VI. Цвѣтущая пора греческой жизни.

Гегемонія Аѳинъ. Вѣкъ Перикла.

Изъ греческихъ историковъ главнѣйшимъ источникомъ для изученія этой эпохи служитъ Ѳукидидъ, котораго „Исторія пелопоннесской войны“ заключаетъ въ себѣ также мастерскую характеристику времени, предшествовавшаго этой войнѣ, и особенно близко касается Аѳинъ перикловa вѣка; не менѣе важенъ и Плутархъ въ своемъ жизнеописаніи Перикла. Что касается пособій, то изъ болѣе старыхъ сочиненій можно указать на книги А. Шмидта „Das Perikleische Zeitalter“ (2 Bde. Iena. 1877—79; въ русск. перев. А. Хаханова „Периклъ и его время“. Новоузенскъ. 1890), Filleul'я „Hist. du siècle de Periclès (Paris. 1873; нѣм. перев. Döhler'a въ двухъ томахъ; Leipz. 1874 — 75), Онкена „Athen u. Hellas“ (Leipz. 1865 — 66), а на русскомъ языкѣ статью „Изъ исторіи

Греціи Грота" (въ „Русск. Словѣ" за 1862 г.), заключающую въ себѣ превосходную характеристику государственнаго устройства Аѳинъ въ вѣкъ Перикла; далѣе, — статью М. Куторги „Периклъ" (въ „Современ." 1850 г. XIX), соч. П. Люперсольскаго „Очеркъ государств. дѣятельности Перикла" (1878), М. Стасюлевича „Аѳинская гегемонія" (Спб. 1849), Бауера „Аѳинская гегемонія" (Спб. 1858); Э. Курціуса „Ист. Греціи", русск. перев., т. II, стр. 170 слл. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ заслуги Перикла находятъ должную оцѣнку, и на его личность и дѣятельность высказывается въ общемъ взглядъ положительный, не чуждый иногда даже нѣкоторой идеализаціи. Но съ появленіемъ книги Мюллеръ-Штрюбинга „Aristophanes u. die historische Kritik" (1873) и въ особенности въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ ученой литературѣ обнаруживается наоборотъ стремленіе развѣнчать Перикла, дѣятельность его подвергается переоцѣнкѣ, и надъ нею нерѣдко изрекается суровый приговоръ. Этотъ новый, отрицательный взглядъ на великаго государственнаго дѣятеля Аѳинъ мы встрѣчаемъ у Макса Дункера въ двухъ послѣднихъ томахъ его „Исторіи древняго міра" (Gesch. d. Alterthums, N. F. I, II), Pflugk-Harttung'a (Perikles als Feldherr. Stuttg. 1884), Белоха (Die attische Politik seit Perikles. Leipz. 1884) и Юл. Шварца (Die Demokratie. I. 2 Ausg. 1901). Подробную критику его представилъ проф. В. П. Бузескулъ въ своемъ обширномъ, ставшемъ, къ сожалѣнію, библіографическою рѣдкостью, трудѣ „Периклъ. Историко-критич. этюдъ" (Харьк. 1889). Изъ общихъ трудовъ по исторіи Греціи здѣсь слѣдуетъ особенно отмѣтить четвертый томъ „Gesch. des Alterthums" Э. Мейера. О характерѣ аѳинской жизни въ вѣкъ Перикла съ пользою можно прочесть въ статьяхъ Ордынскаго „Занятія молодого аѳинянина" („Пропилеи", I) и „Внѣшняя обстановка домашней жизни древняго грека" (Отеч. Зап. 1850, т. 73). Характеристику греческой образованности этого времени представилъ Т. Н. Грановскій въ ст. „О чтеніяхъ Нибура" (Полн. собр. соч. т. II).

Причины возвышенія Аѳинъ послѣ персидскихъ войнъ.

По окончаніи борьбы съ Ксерксомъ политическое первенство въ Греціи и военное предводительство въ дальнѣйшей войнѣ съ персами стало мало-по-малу переходить отъ Спарты къ Аѳинамъ. Переходу этому способствовали многія обстоятельства: блестящая роль Аѳинъ во время персидскихъ войнъ и ихъ великія заслуги общему дѣлу эллинской независимости и свободы; необыкновенный нравственный авторитетъ и таланты государственныхъ людей аѳинскихъ — Мильтіада, Ѳемистокла, Аристида, Кимона, — снискавшихъ своему отечеству общее довѣріе и уваженіе грековъ; политическое и военное усиленіе Аѳинъ вслѣдствіе укрѣпленія города каменными стѣнами, покоренія ѳракійскихъ колоній и многихъ острововъ Эгейскаго моря и заведенія обширнаго флота; характеръ дальнѣйшей войны съ персами, происходившей главнымъ образомъ на морѣ, гдѣ аѳинянамъ, а не спартанцамъ принадлежали и искусство, и сила; богатство Аѳинъ, развившееся отъ персидской добычи, отъ пріобрѣтенія колоній, отъ оживившейся торговли и промысловъ; наконецъ упадокъ нравственнаго обаянія Спарты со времени измѣны ихъ знаменитаго полководца Павсанія,

уличеннаго въ предательскихъ сношеніяхъ съ персами съ цѣлью порабощенія Греціи. Все это вмѣстѣ выдвинуло на первое мѣсто Аѳины, которыя стали теперь во главѣ союза морскихъ греческихъ государствъ, возникшаго по иниціативѣ неподкупнаго Аристида. Союзныя государства обязались поставлять военные корабли для общей войны съ персами и нести въ пользу общаго дѣла извѣстныя денежныя повинности, избравъ островъ Делосъ казнохранилищемъ и мѣстомъ союзныхъ собраній. При такихъ условіяхъ Спарта, ослабленная страшнымъ землетрясеніемъ, возстаніемъ гелотовъ и новою десятилѣтнею мессенскою войной, сама должна была уступить гегемонію Аѳинамъ, быстро отстроившимся послѣ персидскаго разгрома и въ вѣкъ Перикла имѣвшимъ уже болѣе 180 т. жителей.

Начало борьбы со Спартою за гегемонію.

Не довольствуясь своимъ первенствомъ на моряхъ, послѣ того какъ побѣждена была Эгина, старинная морская соперница Аѳинъ, завоеваны и заселены аѳинскими колонистами Эвбея, Самосъ, Херсонесъ Ѳракійскій и множество острововъ эгейскихъ, аѳиняне стали стремиться къ такому же первенству и на материкѣ самой Греціи: вошли въ сношенія съ аргосцами, заклятыми врагами Спарты, ввели демократію въ Локридѣ, Фокидѣ и Бэотіи, лишивъ Ѳивы ихъ древней гегемоніи надъ бэотійскими городами, тѣснили союзную Спартѣ Мегару. Но успѣхи ихъ остановлены были двумя побѣдами спартанцевъ и ѳиванскихъ аристократовъ надъ аѳинскимъ войскомъ при Танагрѣ и Коронеѣ въ 456 и 447 гг. Къ этимъ неудачамъ присоединилась еще несчастная экспедиція въ Египетъ, куда аѳиняне ходили на помощь туземному возстанію противъ персидскаго владычества, такъ что въ 445 г. они должны были заключить со Спартою договоръ, называемый по имени его главнаго виновника перикловымъ миромъ и состоявшій въ томъ, что соперничавшія державы согласились раздѣлить между собой гегемонію: аѳиняне удержали первенство между островными и береговыми государствами, преимущественно іонійской крови, а спартанцамъ предоставлено главенство между государствами дорическаго происхожденія, преимущественно сухопутными; Ѳивамъ же возвращена гегемонія надъ Бэотіей.

Вѣкъ Перикла.

Съ этого времени начинается кратковременная, но блестящая эпоха общественнаго, умственнаго, художественнаго и экономическаго процвѣтанія Аѳинъ, извѣстная въ исторіи подъ именемъ периклова вѣка, такъ какъ этотъ талантливый и высокообразованный государственный человѣкъ былъ ея главнымъ двигателемъ и лучшимъ олицетвореніемъ,—эпоха высшаго развитія эллинской

жизни и образованія, какого они когда либо достигали. Разносторонняя дѣятельность Перикла, нераздѣльно управлявшаго государствомъ аѳинскимъ съ 445 г. до начала пелопоннесской войны, представляетъ апогей всего этого богатаго развитія, а самъ Периклъ—свѣтлый и благороднѣйшій типъ эллина лучшихъ временъ греческой исторіи. Счастливая наружность, увлекательный даръ слова, снискавшій ему почетное прозвище Олимпійскаго, высокое образованіе, руководителемъ котораго былъ философъ Анаксагоръ, разносторонніе таланты,—военные, административные, государственные,—тонкій художественный смыслъ, развитый дружбой съ великими греческими мастерами—Фидіемъ и Полигнотомъ, съ даровитой и прекрасной Аспазіей милетской,—словомъ все, что по понятіямъ грековъ составляло идеалъ человѣка, гармонически развитого, соединялось въ этой геніальной личности. Послѣдовательно занималъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ должность стратега, [въ то время весьма вліятельную и почетную, съ обширною компетенціею, захватывавшею область не только внутренней, но и внѣшней политики, однако] не оффиціальное его положеніе, не богатство и знатное родство съ Алкмеонидами, а просто сила производимаго имъ обаянія доставила ему ту власть надъ умами согражданъ, которою онъ пользовался исключительно для блага и величія Аѳинъ. Перикла можно назвать демагогомъ, т.-е. вожатымъ народной массы, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, такъ какъ онъ всегда держалъ себя съ достоинствомъ, никогда не льстилъ толпѣ, но властвовалъ надъ нею ради ея же собственныхъ здраво понятыхъ интересовъ.

Аѳинская политика при Периклѣ:

Внутренняя и внѣшняя политика периклова времени была дальнѣйшимъ развитіемъ мысли дальновиднаго Ѳемистокла: достиженіе полной демократической свободы въ Аѳинахъ и ихъ нераздѣльнаго владычества на моряхъ было девизомъ этой политики. Первая цѣль достигалась рядомъ общественныхъ преобразо-

а) внутренняя,

ваній, измѣнившихъ клисѳеново устройство республики въ смыслѣ окончательнаго господства демократіи, чего требовало и время, когда аѳинскій демосъ достигъ образованія и богатства, которыя дѣлали его способнымъ къ полной общественной свободѣ, и самая справедливость, такъ какъ въ трудную эпоху персидскихъ войнъ всѣ безъ различія классы общества несли въ пользу государства одинаково тяжелыя жертвы и слѣдовательно достойны были и одинаковыхъ правъ. [Среди этихъ преобразованій и по времени, и по степени важности стоитъ на первомъ мѣстѣ реформа послѣдняго оплота аристократической партіи — ареопага, у котораго по

предложенію даровитаго сподвижника Перикла Эфіальта въ 462 г. была] отнята моральная цензура и право отмѣнять рѣшенія народныхъ собраній. [Не безъ борьбы досталась демосу эта важная побѣда: въ защиту ареопага отъ дерзкаго посягательства на его освященный традиціею авторитетъ поднялись всѣ приверженцы старины съ Кимономъ во главѣ, — Аѳинамъ пришлось пережить бурное время тяжелаго внутренняго разлада, но дѣло кончилось пораженіемъ Кимона и его партіи. Самъ онъ былъ остракизмомъ осужденъ на изгнаніе, и, хотя и Эфіальтъ палъ отъ руки тайнаго убійцы, тѣмъ не менѣе ареопагъ навсегда лишился того политическаго значенія, какое въ особенности пріобрѣлъ онъ, по свидѣтельству Аристотеля, послѣ персидскихъ войнъ. Вся совокупность его правъ была распредѣлена между экклесіею съ одной стороны, совѣтомъ пятисотъ и геліэею—съ другой, осталась же за нимъ лишь уголовная юрисдикція, да и та съ урѣзками и ограниченіями [1]). Естественно, что и компетенція архонтовъ сведена была къ возможному минимуму. Въ томъ же демократическомъ духѣ предприняты были и другія преобразованія: 1) съ расширеніемъ вѣдомства совѣта онъ сталъ центральнымъ органомъ внутренняго управленія и высшаго правительственнаго надзора за дѣйствіями должностныхъ лицъ]; 2) бѣднымъ гражданамъ было назначено жалованье за посѣщеніе народныхъ собраній, за участіе въ судопроизводствѣ [и въ совѣтѣ], а также за сухопутную и морскую военную службу съ цѣлью привлечь къ общественной жизни и массу народную, думающую единственно о насущномъ хлѣбѣ. Мало того,—бѣднякамъ государство выдавало особыя деньги, такъ называемое θεωρικόν, на посѣщеніе театровъ и другихъ образовательныхъ зрѣлищъ съ тѣмъ, чтобы и ихъ сдѣлать способными наслаждаться облагораживающими душу искусствами и цѣнить ихъ [2]). 3) Преобразовано было и судебное устройство государства, и солонова геліэя получила теперь болѣе значительное вліяніе и обширнѣйшій кругъ дѣятельности: она была разбита на 10 дикастерій по 500 жеребьевыхъ членовъ въ каждой, гдѣ рѣшались всѣ уголовныя и гражданскія дѣла. Чиновники же, завѣдывавшіе прежде судебною властью, здѣсь только излагали дѣла, адвокаты говорили pro и contra, а дикасты, игравшіе роль нынѣшнихъ присяжныхъ, про-

[1]) Сообщаемое Аристотелемъ извѣстіе объ участіи Ѳемистокла въ эфіальтовой реформѣ ареопага (Arist. Ἀθ. πολ. 25) отвергается ученою критикою. Срв. В. Н. Бузескулъ Ѳемистоклъ и эфіальтова реформа ареопага. Ж. М. Нар. Пр. 1891, кн. 7. *Ред.*

[2]) Н. Розовъ О зрѣлищныхъ деньгахъ въ Аѳинахъ. Ж. М. Нар. Пр. 1893, кн. 5. *Ред.*

износили приговоръ. 4) Эта постоянная практика въ судебныхъ и общественныхъ дѣлахъ сдѣлала народъ до того политически развитымъ и практически образованнымъ, что всѣ безъ различія солоновыхъ классовъ граждане могли быть теперь допущены къ общественнымъ должностямъ, а многія изъ этихъ должностей замѣщались даже по жребію, что не влекло за собою тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какихъ можно было бы ожидать отъ такого порядка во всякомъ другомъ менѣе развитомъ обществѣ.

Но при столь широкомъ развитіи демократіи въ периклово время поставлены были и преграды ея злоупотребленіямъ: предварительное обсужденіе новыхъ законовъ комитетомъ номоѳетовъ, т.-е. компетентныхъ въ знаніи права геліастовъ, защита старыхъ постановленій, подлежащихъ отмѣнѣ, коллегіей другихъ правовѣдовъ—номофилаковъ, наконецъ установленіе судебной отвѣтственности за предложеніе народу вредныхъ законовъ (γραφὴ παρανόμων). Аѳинское устройство получило такимъ образомъ сдержки, охранявшія его отъ легкомысленныхъ нововведеній, но дававшія однакожъ каждому гражданину полную возможность упражнять и развивать свои способности на поприщѣ общественной дѣятельности. Оттого Аѳины въ короткое время сдѣлались академіей политическихъ знаній для всей Эллады, школою юристовъ, государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей всякаго рода; а политическое могущество республики, достигшее въ это время своего зенита, необыкновенно расширило ея вліяніе и умственный кругозоръ людей, управлявшихъ дѣлами.

b) внѣшняя. Основою политическаго могущества Аѳинъ былъ делосскій союзъ, въ которомъ имъ принадлежала гегемонія. Но первоначальныя равноправныя отношенія членовъ этого союза къ ихъ гегемонамъ мало-по-малу замѣнились подданническими. Аѳины вмѣсто того, чтобы предводительствовать островными и береговыми городами Эгейскаго моря, стали надъ ними властвовать,—взяли на себя всѣ военныя повинности союза, поставляли для него корабли, но за то взыскивали съ союзниковъ опредѣленные денежные взносы, перенесли союзную казну въ Аѳины и распоряжались ею безотчетно и произвольно. Они судили союзниковъ въ своихъ судахъ, требовали отъ нихъ повиновенія, наказывали ослушныхъ. Союзъ превратился, словомъ, въ союзное аѳинское государство. Около 2000 верстъ береговой линіи Эгейскаго моря и до 40 острововъ его, — всего болѣе 15000000 населенія,—принадлежали къ этому государству. Это была организованная сила, достаточно ограждавшая Грецію отъ всякихъ внѣшнихъ

враговъ съ сѣвера и востока и, пока она поддерживалась, Грецiя могла быть спокойна на счетъ своей независимости и свободы. Къ сожалѣнiю въ самой организацiи этой лежали уже причины ея упадка. Онѣ заключались, во-первыхъ, въ страшномъ неравенствѣ правъ гегемоновъ и подчиненныхъ имъ союзниковъ: какiя-нибудь 20000 полноправныхъ аѳинскихъ гражданъ властвовали не только надъ полумилльоннымъ населенiемъ Аттики, состоявшимъ изъ метэковъ и рабовъ, но и надъ 15 милльонами союзниковъ, превратившихся въ подданныхъ; а во-вторыхъ, — въ томъ, что этотъ малочисленный, но самодержавный аѳинскiй демосъ, занятый теперь исключительно государственными дѣлами и заботами правительственными и жившiй въ совершенномъ довольствѣ на счетъ своихъ подвластныхъ, совершенно отвыкъ отъ промышленнаго труда, предоставивъ его подданнымъ, отчего величiе, власть и самое существованiе его зависѣли единственно отъ успѣха и прочности эллинской политики. Двѣ-три неудачи въ этомъ отношенiи повлекли отпаденiе угнетенныхъ союзниковъ-подданныхъ, и этого было довольно, чтобъ рушилось благосостоянiе Аѳинъ и ихъ высокая цивилизацiя и самая демократiя. Пока живъ былъ Периклъ, своими мудрыми совѣтами онъ отвращалъ отъ своей родины возможность такихъ неудачъ. Политика, которую онъ постоянно внушалъ согражданамъ, состояла въ томъ, чтобы удерживать внѣшнiй status quo республики, не давать союзникамъ возможности отложиться отъ нея, но и ни подъ какимъ видомъ не расширять ея владѣнiй, которыхъ она была бы не въ силахъ удержать за собой, въ особенности же избѣгать всякихъ столкновенiй съ союзомъ пелопоннесскимъ, предоставляя Спартѣ на сушѣ безспорную гегемонiю на точномъ основанiи трактата 445 г. При легкомыслiи и непостоянствѣ заносчиваго аѳинскаго демоса, вполнѣ сознававшаго свою силу, ему конечно весьма трудно было оставаться въ предѣлахъ уже сдѣланныхъ прiобрѣтенiй и не покуситься на новыя; еще труднѣе было избѣжать столкновенiй со Спартою при общей въ тогдашней Грецiи борьбѣ партiй, причемъ аристократы постоянно обращались за поддержкой къ спартанцамъ, а демократiя искала заступничества Аѳинъ. Но Периклъ умѣлъ держаться этой консервативной программы въ теченiи цѣлыхъ 15 лѣтъ, — до самой пелопоннесской войны, и время это было счастливѣйшимъ въ въ жизни Аѳинъ и цѣлой Эллады: раздоры партiй сдерживались повсюду установившимся равновѣсiемъ силъ между вооруженными союзами аѳинскимъ и пелопоннесскимъ; аѳинская симмахiя достаточно ограждала внѣшнюю безопасность Грецiи отъ всякихъ за-

Счастливѣйшее время Аѳинъ и цѣлой Грецiи.

воевательныхъ попытокъ со стороны Азіи; а сильно возбужденный славною борьбою съ персами народный геній явилъ прекраснѣйшіе образцы художественнаго творчества въ искусствѣ и литературѣ. Средоточіемъ этого блестящаго художественнаго развитія опять-таки стали Аѳины, сдѣлавшіяся для Греціи законодательницею изящнаго вкуса такъ точно, какъ были онѣ для нея и школой общественной свободы. Нигдѣ не было такихъ красивыхъ и великолѣпныхъ зданій: парѳенонъ, одеонъ, пропилеи, академія возбуждали удивленіе всей Греціи [1]). Живописецъ Полигнотъ и царь ваятелей Фидій, творецъ олимпійскаго Зевса и колоссальной статуи Паллады-Аѳины, одежда которой была вся вылита изъ чистаго золота, жили и дѣйствовали въ этомъ городѣ. Нигдѣ не было такихъ блестящихъ и многочисленныхъ празднествъ, нигдѣ произведенія Софокла и другихъ драматурговъ не давались такъ художественно и съ такой роскошной постановкой, какъ на аѳинскомъ театрѣ; нигдѣ жизнь не кипѣла такой полнотой и разнообразіемъ интересовъ и изяществомъ наслажденій, какъ здѣсь. Какъ эллины по своему высокому образованію были учителями для всего древняго міра, такъ аѳиняне временъ Перикла—учителями для самихъ эллиновъ.

VII. Пелопоннесская война. Упадокъ Греціи.

Источники: Ѳукидидъ, — „Ист. Пелопон. войны“, доведенная только до 21-го года этой войны; продолжатель его—Ксенофонтъ, изъ сочиненій котораго сюда относятся: „Эллинская исторія“ (доведена до мантинейской битвы), „Похвала Агесилаю“ и „Анабасисъ“ (отступленіе 10 т. грековъ); Діодоръ Сицилійскій (въ его „Библіотекѣ“ исторіи Греціи посвящены книги XI—XX); Плутархъ (біографіи Никія, Алкивіада, Лисандра, Агесилая, Пелопида); Аристофанъ, въ комедіяхъ котораго встрѣчается много важныхъ политическихъ намековъ, и нѣкоторые др.—Пособія: Sievers, „Gesch. Griechenlands vom Ende des peloponn. Krieges bis zur Schlacht bei Mantinea“ (Kiel. 1840); K. H. Lachmann, „Gesch. Griechenlands vom Ende des peloponn. Krieges bis zum Regierungsantritt Alexanders d. Gr.“ (Leipz. 1840); Scheibe „Die oligarchische Umwälzung zu Athen zu Ende des peloponn. Krieges u. das Archontat des Euklеides“ (Leipz. 1841); но всѣ эти сочиненія теперь уже устарѣли. Изъ новѣшей литературы на первомъ мѣстѣ нужно поставить Ed. Meyer Gesch. d. Alterthums, IV (стр. 273—661), V; его же

---

[1]) См. К. Ѳ. Страшкевичъ, „Аѳины въ отношеніи мѣстности и важнѣйшихъ памятниковъ искусства“. Кіевъ. 1873. А. А. Малининъ, „Изслѣдованія по топографіи аѳинской агоры“. Спб. 1904; его же „Гдѣ находился храмъ Евклеи въ Аѳинахъ?“ (Ж. М. Н. Пр. 1896). В. Вегнеръ Эллада (перев. П. Евстафьева). 2 изд. Спб. 1880. *Ред.*

Forschungen zur griech. Gesch. II; J. B. Bury Hist. of Greece (p. 390—737); J. Kaerst Gesch. des Hellenismus. I. (Leipz. 1901); H. Delbrück Gesch. der Kriegskunst im Rahmen der polit. Gesch. Bd. I. Das Alterthum. (Berlin. 1900); J. Kromayer Antike Schlachtfelder in Griechenland. Bd. I. (Leipzig. 1903); Ed. Lange Athen im Spiegel der Aristophanischen Komödie. Изъ русскихъ сочиненій можно упомянуть: И. Бабстъ „Государств. мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія“ (М. 1851); В. Ведровъ „Походъ аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ“ (Спб. 1857); его же „Жизнь аѳинскаго олигарха Критія“; (Спб. 1848) В. Милютинъ „Жизнь Алкивіада по новѣйшимъ о ней изслѣдованіямъ“ („Современникъ“ 1855, кн. I, II, IX); Д. Иловайскій „Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи“, ч. I. Древній міръ. М. 1883; А. Косминскій „Первый аѳинскій союзъ“ (Варш. унив. изв. 1886—87); Н. Н. Шамонинъ и Д. М. Петрушевскій „Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны“. Сборн. статей. Вып. I, М. 1896.

Причины и поводы пелопоннесской войны

Съ половины V в., когда миновала опасность персидскаго завоеванія, одинаково грозившая всѣмъ эллинамъ, Греція является окончательно раздѣленною на два враждебныхъ стана: союзъ аѳинскій съ демократическимъ устройствомъ своихъ городовъ и съ сильнымъ флотомъ, господствующимъ на греческихъ моряхъ,— къ нему тянутъ и въ немъ ищутъ опоры демократическія партіи во всѣхъ греческихъ государствахъ;—и союзъ пелопоннесскій съ аристократическою партіей во главѣ: къ нему принадлежатъ кромѣ дорійскихъ государствъ южной Греціи эолійскія племена Эллады, особенно Бэотія, но точно также аристократическія партіи и всѣхъ другихъ государствъ Греціи сочувствуютъ ему и стоятъ съ нимъ въ связи; главная сила его — въ многочисленномъ сухопутномъ войскѣ. Периклевъ миръ установилъ, правда, нѣкоторое равновѣсіе между ними, но противоположные интересы ихъ переплетались слишкомъ тѣсно и часто, и поводовъ къ столкновеніямъ представлялось такъ много, что на прочный миръ въ Греціи разсчитывать было чрезвычайно трудно. Несмотря на все благоразуміе и осторожность Перикла, уже къ концу его жизни возникло нѣсколько важныхъ затрудненій, грозившихъ нарушеніемъ общаго спокойствія. Дорійская Мегара, исключенная изъ аѳинскихъ рынковъ, жаловалась на это притѣсненіе Спартѣ; коринѳская колонія Потидея (на македонскомъ берегу) тѣснима была аѳинянами; въ распрѣ между Коринѳомъ и Керкирой изъ-за колоніи послѣдней Эпидамна интересы Спарты и Аѳинъ опять столкнулись враждебно, — и это послѣднее столкновеніе было уже такъ чувствительно, что задѣтая за живое Спарта предложила своей политической соперницѣ невыполнимыя требованія: снять запретъ съ Мегары, оставить въ покоѣ Потидею, не мѣшаться въ керкиро-

коринѳскія дѣла и наконецъ, самое главное, освободить всѣхъ союзниковъ. Послѣднее требованіе, грозившее распаденіемъ всему союзному аѳинскому государству, равнялось для него самоубійству. Послѣ этого кромѣ войны не было уже другого исхода изъ затрудненій. Самъ осторожный Периклъ долженъ былъ совѣтовать ее аѳинянамъ, хотя и предостерегалъ ихъ, что они тогда только могутъ разсчитывать на успѣхъ въ ней, если ограничатся защитой существующихъ уже выгодъ и владѣній республики.

Первые годы войны до никіева мира.

Война началась въ 431 г. Въ первые годы, пока аѳиняне твердо слѣдовали совѣту Перикла—охранять status quo государства, ихъ противникамъ не удалось получить замѣтнаго перевѣса, несмотря на постигшее Аѳины несчастіе,—страшную моровую язву, жертвой которой въ 429 г. сдѣлался и самъ Периклъ,— и военныя дѣйствія ограничивались сначала взаимными ежегодными опустошеніями воевавшихъ сторонъ. Правда, ѳиванцы вмѣстѣ съ спартанцами безчеловѣчно разрушили Платею, и аѳиняне не въ силахъ были помочь этой вѣрной своей союзницѣ; но зато имъ посчастливилось завоевать важный по своему стратегическому значенію Пилосъ и захватить въ плѣнъ на островѣ Сфактеріи около 500 спартанскихъ гоплитовъ. Но, какъ только они вышли изъ предѣловъ охранительной политики и покусились на Бэотію и Мегару, пелопоннесцы съ ѳиванцами нанесли имъ пораженіе при Деліонѣ, а даровитый спартанскій полководецъ Брасидъ напалъ на ихъ ѳракійскія колоніи и овладѣлъ средоточіемъ ихъ Амфиполемъ. Вслѣдствіе неудачъ этихъ въ Аѳинахъ получила перевѣсъ партія мира съ Никіемъ во главѣ и въ 421 г. настояла на заключеніи 30-лѣтняго перемирія на основаніи status quo ante bellum: аѳиняне обязались выдать плѣнныхъ гоплитовъ, а спартанцы—возвратить имъ Амфиполь; прочія владѣнія аѳинянъ оставлялись неприкосновенно за ними. Но только одни аѳиняне исполнили условія трактата, Амфиполя же обратно не получили, и вообще никіевъ договоръ не рѣшилъ ни одного изъ спорныхъ вопросовъ борьбы и потому справедливо заслужилъ названіе гнилого мира. Такой миръ не могъ быть конечно прочнымъ и дѣйствительно продлился только четыре года.

Алкивіадъ.

Но въ это время въ Аѳинахъ произошли важныя перемѣны. Въ средѣ аѳинскихъ гражданъ возвысился племянникъ Перикла Алкивіадъ. Подобно своему великому дядѣ молодой человѣкъ этотъ соединялъ въ себѣ всѣ преимущества,—красоту, богатство, знатность, природные таланты и отличное образованіе, но далеко уступалъ ему возвышенностью чувствъ и безкорыстіемъ побужденій. По

легкости своей морали, неоглядному эгоизму и личному славолюбію Алкивіадъ представляетъ образчикъ уже вырождающагося эллинскаго типа. Вліяніе такого человѣка на легкомысленный и подвижной аѳинскій демосъ могло быть только пагубнымъ. Дѣйствительно, ему принадлежитъ мысль роковой экспедиціи въ Сицилію въ 415 г. съ цѣлью завоеванія Сиракузъ, а можетъ быть и цѣлаго острова, извѣстнаго своимъ плодородіемъ и богатствомъ. Предпріятіе это, поводъ къ которому подали жалобы леонтинцевъ на притѣсненія сиракузянъ, уже по своей идеѣ и характеру было фатальнымъ, такъ какъ затѣвалось единственно изъ жадности и властолюбія, не говоря уже о томъ, что вообще представлялось мало вѣроятностей удержать это пріобрѣтеніе даже въ случаѣ удачнаго исхода. Но еще болѣе гибельнымъ оказалось оно по своему концу и тѣмъ страшнымъ послѣдствіямъ, которыя имѣло для Аѳинъ. Вполнѣ довѣрившись Алкивіаду, сулившему золотыя горы отъ экспедиціи, аѳиняне снарядили для нея свои лучшія силы — бо́льшую часть своего флота и пятитысячную армію гоплитовъ, ввѣривъ начальство надъ ними Алкивіаду и Никію. Но еще необдуманнѣе поступили они, отозвавъ съ дороги Алкивіада, обвиненнаго врагами въ оскорбленіи святыни и привлеченнаго за это къ суду. Гордый честолюбецъ, не зная за собою никакой вины и видя въ этомъ недостойную интригу, рѣшился отомстить неблагодарнымъ согражданамъ и вмѣсто того, чтобъ явиться въ Аѳины на судъ, бѣжалъ въ Спарту, которой и предложилъ три равно гибельные для аѳинянъ совѣта: занять въ Аттикѣ крѣпкую позицію въ Декелеѣ, откуда постоянно можно было бы угрожать Аѳинамъ, послать на помощь дорійскимъ и, стало быть, роднымъ Сиракузамъ войско подъ начальствомъ искуснаго Гилиппа и завести собственный флотъ. И когда все это было исполнено, Аѳины очутились въ величайшей опасности. Гилиппъ вмѣстѣ съ сиракузскимъ полководцемъ Гермократомъ дѣйствовалъ противъ неосторожнаго Никія такъ удачно, что аѳиняне лишились въ Сициліи всѣхъ своихъ кораблей и всего дессантнаго войска. При первой вѣсти объ этомъ несчастіи отъ Аѳинъ тотчасъ отложились всѣ ихъ союзники. Аѳинское государство рушилось. Самый городъ остался почти беззащитнымъ. Но, исполнивъ мѣру своего мщенія, Алкивіадъ, разсорившійся между тѣмъ и со спартанцами, опять поспѣшилъ на помощь погибающей родинѣ.

Исходъ войны.

При содѣйствіи малоазійскаго сатрапа Тиссаферна, довѣренность котораго онъ успѣлъ пріобрѣсть, ему удалось съ остатками аѳинскаго флота разбить спартанцевъ при Кизикѣ и снова

завоевать для Аѳинъ ихъ прежнія владѣнія на Геллеспонтѣ, а четыре года спустя, именно въ 406 г., аѳиняне напрягли послѣднія силы и съ новымъ наскоро снаряженнымъ флотомъ нанесли спартанскому адмиралу Калликратиду страшное пораженіе при Аргинузскихъ островахъ, вблизи Лесбоса. Но это были уже послѣднія удачи изнемогающихъ Аѳинъ, гдѣ съ несчастіями снова проснулся патріотизмъ и прежній геройскій духъ ихъ гражданъ. Въ слѣдующемъ году спартанскій полководецъ Лисандръ, истребивъ остатки аѳинскаго флота при Эгосъ-Потамосѣ, т.-е. при Козьей рѣкѣ, у Геллеспонта, обложилъ Аѳины съ моря и съ суши, и беззащитный городъ долженъ былъ сдаться на милость и немилость побѣдителя: укрѣпленія его разрушены, корабли за исключеніемъ 12 отобраны, а вмѣсто демократическаго правленія поставлено 30 олигарховъ съ неограниченною властью. Правда, честному патріоту Ѳрасибулу удалось вскорѣ низвергнуть это правительство такъ называемыхъ 30 тирановъ и возстановить умѣренную демократію, но значеніе Аѳинъ пало уже невозвратно, такъ какъ гегемонія, а съ нею и первенствующая роль въ Греціи не только на сушѣ, но и на морѣ перешла теперь къ Спартѣ. Но спартанское владычество не возвратило свободы эгейскимъ городамъ и островамъ, какъ они того ожидали, а напротивъ подчинило ихъ еще болѣе суровому рабству. Эксплуатируя, а подчасъ и угнетая своихъ союзниковъ, аѳиняне по крайней мѣрѣ дѣлали ихъ участниками своего образованія; спартанцы же напротивъ еще хуже тѣснили своихъ подвластныхъ, вводили у нихъ повсюду олигархію, давали ей въ помощь своихъ грубыхъ военныхъ приставовъ—гармостовъ, а нерѣдко и вооруженную силу, но взамѣнъ подавленной свободы не могли дать рѣшительно ничего. Поэтому паденіе Аѳинъ Гротъ справедливо считалъ большимъ несчастіемъ для Греціи, такъ какъ Аѳины по своему высокому развитію были единственнымъ государствомъ, которое способно было питать обще-эллинскія чувства и принимать къ сердцу обще-эллинскіе интересы, что нерѣдко доказывали онѣ и въ эпоху персидскихъ войнъ, и въ теченіе своей кратковременной гегемоніи. Послѣ того ни Спарта, ни Ѳивы, тоже державшія въ рукахъ своихъ гегемонію, уже неспособны были къ такой роли, а дѣйствовали исключительно въ своихъ эгоистическихъ интересахъ. Полный политическій партикуляризмъ, столь свойственный эллинскому характеру, овладѣлъ съ того времени Греціей, чѣмъ и открытъ былъ легкій путь иноземному завоеванію. Не прошло и 50 лѣтъ послѣ паденія Аѳинъ, какъ уже разрозненная Греція подпадаетъ

Слѣдствія пелопоннесской войны и ея всемірно-историч. значеніе.

власти македонянъ; съ потерею народной независимости и общественной свободы истощается и творческій геній Эллады, создавшій столь высокое образованіе на пользу всему человѣчеству.

Время упадка Греціи.

Послѣдній періодъ греческой исторіи, т.-е. тѣ 50 лѣтъ, которыя протекли отъ конца пелопоннесской войны до потери народной независимости, слагается изъ двухъ эпохъ,—второй спартанской гегемоніи и эфемерной гегемоніи Ѳивъ; но въ обѣихъ одинаково обнаруживается политическій и нравственный упадокъ Греціи [1]).

1) Вторая гегемонія Спарты.

Новая гегемонія Спарты, начавшаяся съ паденія Аѳинъ, наполнена явленіями, свидѣтельствующими о быстромъ вырожденіи эллинизма. Это — картина грабежей, насилій, продажности и грубаго эгоизма спартанцевъ, нѣкогда славившихся строгостію нравовъ: они выгнали самосцевъ съ ихъ острова, присвоивъ себѣ ихъ имущества, вѣроломно перебили демократовъ въ Милетѣ, отняли у хіосцевъ ихъ корабли, ограбили священную Элиду, подавляли вездѣ свободныя учрежденія, въ возобновившейся же войнѣ съ персами жертвовали интересами Греціи своимъ личнымъ выгодамъ.

а) Отступленіе 10 тысячъ.

Непріязненныя отношенія къ персамъ возобновились по слѣдующему поводу. Въ 401 г. намѣстникъ Малой Азіи Киръ Младшій вздумалъ отнять престолъ у брата своего Артаксеркса II и, навербовавъ до 10,000 греческихъ наемниковъ, двинулся съ ними и съ огромнымъ собственнымъ войскомъ къ Евфрату, гдѣ у Кунаксы, близъ Вавилона, произошла встрѣча съ войсками царя. Греки по обыкновенію разбили здѣсь варваровъ, но, такъ какъ самъ Киръ лишился въ сраженіи жизни, то имъ пришлось отступить. Отступленіе это, совершенное подъ предводительствомъ аѳинянина Ксенофонта и имъ описанное, есть одинъ изъ величайшихъ подвиговъ эллинскаго мужества и военнаго искусства и вмѣстѣ новое доказательство ихъ неизмѣримаго превосходства надъ варварами, такъ какъ грекамъ на походѣ къ Понту пришлось преодолѣвать безчисленные труды и опасности и въ тоже время отбиваться отъ многочисленнаго непріятеля, ихъ преслѣдовавшаго, и тѣмъ не менѣе все таки они достигли цѣли, т.-е. благополучно воротились въ Ви-

---

[1]) Срв. E. v. Stern, Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea. Dorp. 1884. *Red.*

зантію, прошедши болѣе 3000 верстъ по дикимъ и малоизвѣстнымъ краямъ.

b) Походъ Агесилая въ Малую Азію и анталкидовъ миръ.

Раздраженные этимъ вмѣшательствомъ грековъ въ ихъ внутреннія дѣла персы стали тѣснить іонійскіе города М. Азіи, платившіе въ то время дань Спартѣ, которая послала имъ на выручку царя своего Агесилая съ пелопоннесскимъ войскомъ. Этотъ доблестный полководецъ, возбуждавшій въ то развратное время общее удивленіе своимъ безкорыстіемъ и древней простотой своихъ нравовъ, легко побѣдивъ малоазійскаго сатрапа Тиссаферна при Сардахъ, готовъ былъ уже перенести войну во внутреннія провинціи персидскаго государства, что, быть можетъ, цѣлымъ полувѣкомъ ускорило бы завоеваніе греками исторической Азіи, какъ въ самой Греціи, благодаря золоту и интригамъ персовъ, составился противъ Спарты союзъ: бэотійцы, коринѳяне, аргосцы и аѳиняне, столько разъ уже оскорбленные и униженные высокомѣріемъ и деспотизмомъ Спарты, обрадовались случаю отомстить своей притѣснительницѣ и, если можно, поколебать ея могущество. Въ 395 г. соединенными силами они разбили при Галіартѣ спартанцевъ, предводимыхъ самимъ знаменитымъ Лисандромъ, потерявшимъ здѣсь свою славу и жизнь, такъ что для спасенія родины Агесилай долженъ былъ отказаться отъ своихъ блестящихъ видовъ на покореніе Азіи и поспѣшить въ Грецію. Ему удалось, правда, въ слѣдующемъ году возстановить честь спартанскаго оружія побѣдой надъ союзниками при Коронеѣ, но за то морскія силы Спарты были при островѣ Книдѣ истреблены соединеннымъ греко-финикійскимъ флотомъ подъ начальствомъ аѳинянина Конона, возстановителя стѣнъ и укрѣпленій аѳинскихъ. Въ виду этого опаснаго соединенія союзническихъ силъ съ персидскими Спарта для спасенія своего колеблющагося преобладанія не задумалась и тутъ пожертвовать общими интересами Греціи. Въ 387 г. она заключила съ персами договоръ, извѣстный по имени посла, объ немъ хлопотавшаго, подъ названіемъ анталкидова мира. Вслѣдствіе этой позорной сдѣлки всѣ греческіе города въ Азіи и островъ Кипръ отданы были персамъ; Спарта же выговорила себѣ то выгодное условіе, чтобъ на будущее время не допускать въ Греціи никакихъ союзовъ, предоставивъ каждому государству полную самостоятельность, причемъ сама надѣялась между отдѣльными и разрозненными греческими общинами все таки играть роль сильнѣйшей державы. Царь персидскій кромѣ пріобрѣтенія малоазійскихъ городовъ въ союзѣ со Спартою сдѣлался еще такимъ образомъ и въ самой Греціи блюстителемъ

того порядка вещей, который установленъ былъ анталкидовымъ договоромъ, — тотъ самый царь, подгнившій тронъ котораго еще такъ недавно чуть не ниспровергнутъ былъ однимъ счастливымъ походомъ Агесилая.

c) Война олинѳская и ѳиванская.

Также эгоистично дѣйствовали спартанцы и по отношенію къ халкидскому союзу съ Олинѳомъ во главѣ, который по своему положенію на сѣверныхъ предѣлахъ Греціи могъ бы служить ей защитой отъ македонянъ. Изъ зависти Спарта запретила этотъ союзъ, ссылаясь на постановленіе анталкидова мира, и, когда Олинѳъ отказался исполнить ея требованіе, силою достигла его расторженія. Въ тоже время она позволила себѣ и другое возмутительное насиліе. Когда въ 380 г. спартанское войско возвращалось съ олинѳской войны, то по приглашенію ѳиванскихъ аристократовъ заняло Кадмею и, подавивъ въ Ѳивахъ демократію, утвердило тамъ олигархическое правленіе. Но это уже переполнило мѣру спартанскихъ притѣсненій. Во всей Греціи стала противъ нихъ обнаруживаться реакція. Она началась съ того, что ѳиванскіе изгнанники-патріоты, нашедшіе убѣжище въ Аѳинахъ, произвели въ отечественномъ городѣ возстаніе, кончившееся низверженіемъ олигарховъ и изгнаніемъ спартанскаго гарнизона изъ Кадмеи. Слѣдствіемъ этого была война Спарты съ Ѳивами, въ которой въ пользу послѣднихъ приняли участіе и аѳиняне, больше впрочемъ изъ собственныхъ выгодъ, такъ какъ, истребивши спартанскій флотъ у Наксоса, они тотчасъ же помирились со Спартою, когда та согласилась признать снова ихъ гегемонію на морѣ; ѳиванцы же въ дальнѣйшей войнѣ со Спартою предоставлены были ихъ собственнымъ силамъ.

Эпаминондъ и Пелопидъ.

Но въ Ѳивахъ въ это время возвысились два замѣчательныхъ общественныхъ дѣятеля — Эпаминондъ и Пелопидъ, ревнители свободы, патріоты и отличные полководцы. Первый далъ новый толчекъ военному искусству изобрѣтеніемъ косого строя и усовершенствованной тактики; а второй изъ восторженной ѳиванской молодежи учредилъ священный отрядъ (ἱερὸς λόχος), одушевленный стремленіемъ къ политической свободѣ и славѣ. Эпаминондъ кромѣ того оказался и дальновиднымъ государственнымъ мужемъ, на общей ненависти къ деспотизму Спарты построивши планы возвышенія своего собственнаго отечества. Эти то два героя, связанные между собою тѣсной дружбой, основанной на полномъ единомысліи и общности интересовъ, встрѣтили въ 371 г. спартанское войско, вторгнувшееся въ Бэотію, у города Левктры и нанесли ему такое страшное пораженіе, какого еще никогда не

испытывали спартанцы. Левктрійская побѣда разомъ измѣнила положеніе Греціи. Она была сигналомъ для цѣлаго ряда переворотовъ во всѣхъ почти греческихъ государствахъ, подавленныхъ спартанскимъ гнетомъ. Демократія вездѣ подняла голову; олигархія и аристократическія партіи въ свою очередь подверглись теперь гоненіямъ. Первую роль въ Греціи начали играть Ѳивы.

2) Ѳиванская гегемонія.

Всѣ усилія Эпаминонда были направлены къ тому, чтобы обезсилить окончательно Спарту, но не дать возвыситься и Аѳинамъ. Съ этою цѣлью предпринималъ онъ четыре похода въ Пелопоннесъ, возстановилъ тамъ независимость Мессеніи, содѣйствовалъ развитію союзно-демократическаго государства въ Аркадіи съ Мегалополемъ во главѣ, вошелъ въ союзъ съ Аргосомъ, со всѣхъ сторонъ стараясь окружить Спарту домашними врагами. Затѣмъ съ помощью персовъ заставилъ аѳинянъ отказаться отъ пріобрѣтенной гегемоніи на морѣ и кончилъ свое славное военное поприще въ 362 г. блестящей побѣдой при Мантинеѣ, гдѣ разбиты были имъ соединенныя силы спартанцевъ, аѳинянъ и аркадскихъ аристократовъ, и самъ онъ палъ смертью героя. Не задолго предъ тѣмъ и Пелопидъ лишился жизни въ войнѣ съ ѳессалійскими династами, хищными и опасными сосѣдями ѳиванцевъ. Со смертію этихъ двухъ замѣчательныхъ людей рушилось и эфемерное преобладаніе Ѳивъ между греческими государствами, послѣ чего стало ясно, что и самая гегемонія эта была дѣломъ ихъ личныхъ талантовъ, а не качествъ и способностей народа, къ которому они принадлежали и который вообще не отличался даровитостью.

Общее состояніе Греціи въ эпоху упадка.

Послѣ кратковременной ѳиванской гегемоніи ни одно изъ государствъ Греціи не было уже способно объединить силы и интересы окончательно раздробленной Греціи. Политически-больная Спарта страдала страшнымъ упадкомъ нравовъ, давно уже превратившимъ ликурговы учрежденія въ одну мертвую букву. Огромныя богатства, стекавшіяся сюда отъ военной добычи, грабежей и подкуповъ ея государственныхъ людей и полководцевъ, нарушили древнюю простоту жизни и равенство гражданъ, непомѣрно возвысивъ нѣкоторыя фамиліи и значеніе эфоровъ въ ущербъ власти царской. Такое же вырожденіе общественной и частной жизни видимъ мы и въ Аѳинахъ. Послѣ того какъ злоупотребленія демократіи привели ихъ въ пелопоннесскую войну къ такой плачевной участи, аѳиняне нѣсколько разъ мѣняли свою конституцію то въ болѣе, то въ менѣе демократическомъ духѣ, но ни одна изъ этихъ перемѣнъ не возвратила древней доблести ея гражда-

намъ, такъ какъ распущенность нравовъ, ябедничество въ судахъ и продажность сановниковъ не могли составить почвы для публичной свободы; а система наемничества въ военной службѣ, развитая Ификратомъ, организаторомъ легко-вооруженной пѣхоты, отучивъ гражданъ отъ оружія, сдѣлала ихъ и политически безсильными. Ѳивы по смерти Эпаминонда и Пелопида впали въ прежнее ничтожество и апатію. Въ остальныхъ государствахъ греческихъ по старому ожесточенно боролись партіи, безплодно губя свои силы. Въ такомъ состояніи засталъ Грецію македонскій завоеватель и взялъ ее, какъ легкую добычу.

VIII. Македонская пора греческой исторіи.

Источниками для исторіи македонскаго періода греческой жизни кромѣ рѣчей аттическихъ ораторовъ, въ которыхъ ярко обрисовываются отношенія, установившіяся въ половинѣ IV стол. до Р. Х. между Грецією и полуварварскою Македоніею, служатъ главнымъ образомъ историки—Діодоръ, Страбонъ, Плутархъ (въ жизнеописаніяхъ Фокіона, Демосѳена и Александра), Арріанъ (Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου въ семи кн.), Квинтъ Курцій („De rebus gestis Alexandri Magni",—сочиненіе, трижды переведенное на русскій яз.,—въ первый разъ по повелѣнію Петра В. въ 1709 г., во второй—съ дополненіями Фрейнсгейма Ст. Крашенинниковымъ въ 1750—51 г., наконецъ въ третій—А. Мартосомъ въ 1819 г.), и многіе недошедшіе до насъ цѣликомъ т. наз. „историки Александра" (Alexandrih istoriarum scriptores), о которыхъ см. Сапре въ „Philologus" (IV, стр. 111 слѣд.) и фрагменты которыхъ изданы К. Мюллеромъ.—Пособія: классическое сочиненіе G. Droysen'a „Geschichte des Hellenismus", первая часть котораго носитъ и отдѣльное заглавіе „Gesch. Alexander's d. Grossen" (Hamb. 1833; есть и новое отдѣльное изданіе, одной этой части вышедшее въ 1880 г.; все сочиненіе переиздано въ 1877/78 г.г. и переведено подъ ред. Буше-Леклерка на франц. яз. съ дополненіями автора (1883—85), а съ французскаго перевода на русскій яз. М. Шелгуновымъ (М. 1891) и на новогреческій яз., въ коллекціи „Βιβλιοθήκη Μαρασλῆ" 1898—1903); B. Niese „Gesch. d. griech. u. maked. Staaten seit d. Schlacht bei Chaeronea" (въ коллекціи Пертеса, Gotha. 1893); Kaerst назв. соч.; A. Holm Griech. Gesch. Bd. IV (Berl. 1894); A. Schaefer Demosthenes u. seine Zeit. 2 изд. (Leipz. 1885); Fr. Blass Die attische Beredsamkeit in dem Zeitraum von Alexander bis auf Augustus. Berl. 1865; Mahaffy Greek life and thought from Alexander to Roman conquest; его же Problems in greek history (Lond. 1892); его же The empire of the Ptolemies (1895). По русски—Грановскаго „Лекціи объ Алекс. В." (полн. собр. соч. т. I); Стасюлевича „Ликургъ аѳинскій" (Спб. 8151); его же „Критич. изслѣдованіе о рѣчи Иперида противъ Демосѳена" („Соврем." 1850, т. XX); Н. Астафьева „Македонская гегемонія и ея приверженцы" (Спб. 1856); Н. М. Благовѣщенскаго „Взглядъ Нибура и Грота на Александра В." („Русск. Слово". 1-80, I); ст. Бабста „Димитрій Поліоркетъ" („Отеч. Зап." 1853, т. 89); ст. А. Г. Фесенко-Навроцкаго „Борьба Демосѳена съ Эсхиномъ" въ Ж. М. Н. Пр." за 1874 (XII)—75 г. (I, II); Д. А. Тарасова „Александръ Великій, царь

македонскій" (Спб. 1891); В. Г. Васильевскаго „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка" (Спб. 1869); Ѳ. Ѳ. Соколова „Третье стол. до Р. Х." (Ж. М. Н. Пр. 1886, кн. 6); его же „Въ области древней исторіи" (рядъ статей въ Ж. М. Н. Пр. за 1897, 1902—1905 г.г.); С. А. Жебелева „Изъ исторіи Аѳинъ" (229—31 годъ до Р. Х.) (Спб. 1898); Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго „Ист. Гр. со врем. полит. войны", вып. 1 и 2 (М. 1896).

Македонія до Филиппа.

Суровый, горный край, лежавшій къ сѣверу отъ Греціи,— Македонія издревле населена была полудикими племенами разнаго происхожденія, въ томъ числѣ и нѣкоторыми греко-пеласгійскими. Сами цари ея производили родъ свой отъ аргосскихъ Гераклидовъ и, какъ Пердикка II и Архелай, старались о распространеніи греческаго образованія между своими подданными. Но это вліяніе греческой культуры ограничивалось однимъ внѣшнимъ лоскомъ и коснулось только высшаго сословія, до извѣстной степени ограничивавшаго патріархальную царскую власть. Нравы же простого народа оставались первобытно грубыми: война, охота и скотоводство были его главными занятіями. Политическая исторія этой страны до временъ Филиппа не представляетъ никакого общаго интереса, и древнѣйшая ея судьба даже и извѣстна довольно мало [1]). Во время перваго дарієва похода въ Европу она вмѣстѣ съ другими прибалканскими странами подпала власти персовъ; но ловкій царь ея Александръ, игравшій весьма двусмысленную роль во время нашествія Ксеркса на Грецію, съумѣлъ однако воспользоваться побѣдами грековъ, чтобъ доставить своей родинѣ независимость. Послѣдующее затѣмъ время македонской исторіи до половины IV в. наполнено явленіями разныхъ нестроеній общественныхъ и раздоровъ въ царскомъ семействѣ,—явленіями, свидѣтельствующими о крайней слабости этого государства, чуть не завоеваннаго одно время силами халкидскаго союза и спасеннаго только эгоистическимъ вмѣшательствомъ Спарты.

Филиппъ Македонскій.

Посреди такихъ обстоятельствъ престолъ Македоніи въ 360 г. достался Филиппу. Этотъ даровитый правитель провелъ свою юность заложникомъ въ Ѳивахъ, гдѣ усвоилъ себѣ греческое образованіе, изучилъ тактику Эпаминонда и имѣлъ случай познакомиться съ слабыми сторонами тогдашней Греціи, ея политическимъ безсиліемъ, упадкомъ патріотизма и нравственности, вырожденіемъ воен-

[1]) Гельмольтъ „Ист. человѣчества" (русск. пер., т. IV: К. Г. Брандисъ „Древніе народы по побережьямъ Чернаго и восточной части Средиземнаго морей", стр. 79 сл.). *Ред.*

ной доблести, замѣнившейся теперь системой наемничества. Въ виду этихъ благопріятныхъ условій хитрый и дальновидный Филиппъ составилъ планъ овладѣть гегемоніею въ Греціи, остававшеюся праздной послѣ мантинейской битвы. Онъ началъ съ того, что по примѣру ѳиванскаго военнаго строя образовалъ отличное войско, основаніемъ котораго служила фаланга, т.-е. густая пѣхотная колонна, вооруженная длинными копьями, мечами и большими щитами. Затѣмъ покореніемъ Олинѳа, Потидеи и Амфиполя онъ лишилъ защиты сѣверную границу Греціи и ждалъ только удобнаго случая вмѣшаться въ ея внутреннія дѣла. Случай этотъ доставили ему вскорѣ „священныя войны“, открывшіяся въ Элладѣ. Первая такая война началась изъ-за покушенія Ѳивъ на свободу и независимость сосѣдней Фокиды; предлогомъ же къ ней послужило то, что фокеяне захватили нѣкоторые земельные участки, принадлежавшіе аполлонову храму, за что амфиктіоны въ силу своей обязанности присудили ихъ къ наказанію, какъ святотатцевъ. Приговоръ этотъ съ радостью взялись исполнить ѳиванцы; но такъ какъ въ начавшейся войнѣ они не могли одолѣть фокеянъ, овладѣвшихъ Дельфами и нанявшихъ большое войско на разграбленныя храмовыя сокровища, то и призвали на помощь Филиппа. Филиппу, разумѣется, ничего не стоило побѣдить фокидскихъ наемниковъ, а въ благодарность за эту услугу онъ сдѣланъ былъ членомъ амфиктіонова союза вмѣсто исключенныхъ изъ него фокеянъ. Однако этимъ онъ не удовольствовался, а занялъ Ѳессалію и Ѳермопилы, утвердившись такимъ образомъ у самыхъ воротъ Греціи. Такое угрожающее положеніе македонянъ, которыхъ греки все же считали варварами, возбудило наконецъ серьезныя опасенія патріотовъ. Во главѣ ихъ явился въ Аѳинахъ величайшій ораторъ древности Демосѳенъ, въ своихъ превосходныхъ рѣчахъ („Филиппикахъ“) разоблачившій передъ гражданами замыслы Филиппа на независимость Греціи. Но при страшномъ упадкѣ нравовъ, господствовавшемъ въ то время, македонскому золоту легко удалось пріобрѣсть дѣлу Филиппа нѣсколько другихъ вліятельныхъ лицъ въ Аѳинахъ, каковы были между прочимъ ораторы Демадъ и знаменитый соперникъ Демосѳена Эсхинъ. Продажнымъ демагогамъ этимъ тѣмъ легче было парализовать вліяніе Демосѳена, что большинство аѳинянъ, въ то время уже изнѣженныхъ и отвыкшихъ отъ оружія, принадлежало къ партіи мира, на сторонѣ которой стоялъ и честный, но недальновидный Фокіонъ. Поэтому въ новой священной войнѣ, открывшейся по поводу похищенія амфисскими Локрами священнаго поля, посвящен-

наго Аполлону, Филиппъ опять получилъ отъ амфиктіоновъ порученіе наказать святотатцевъ и на этотъ разъ, исполнивъ приговоръ, захватилъ Византію, — ключъ всѣхъ эвксинскихъ колоній, обнаруживая почти уже явное намѣреніе поработить и остальную Грецію. Тогда только увидѣли справедливость пророческихъ рѣчей Демосѳена. Подъ вліяніемъ проснувшагося патріотизма и общей опасности два сильнѣйшія государства Греціи,—Аѳины и Ѳивы,—составили союзъ, выставивъ въ Бэотіи свои соединенныя военныя силы. Но здѣсь, при Херонеѣ, въ 338 г. войска эти, состоявшія большею частью изъ наемниковъ, предводимыхъ бездарнымъ Харесомъ, были на голову разбиты Филиппомъ, наведшимъ ужасъ на беззащитную теперь Грецію. Подъ вліяніемъ распространившейся паники собрались на Истмѣ депутаты отъ греческихъ государствъ и провозгласили Филиппа общимъ верховнымъ стратегомъ эллиновъ въ предполагавшейся священной войнѣ съ персами, которую македонскій завоеватель уже замыслилъ въ то время. Одна только Спарта отказалась признать эту чужую гегемонію, но Филиппъ оставилъ ее въ покоѣ. Прежде однако, чѣмъ планъ завоеванія греческими силами Азіи, родившійся въ головѣ Филиппа, могъ быть имъ приведенъ въ исполненіе, самъ онъ въ 336 г. погибъ отъ руки убійцы.

Александръ Великій.

Но независимость Греціи уже пала навсегда.

Филиппу наслѣдовалъ 21-лѣтній сынъ его Александръ. О личности и дѣяніяхъ этого великаго историческаго дѣятеля существуютъ въ наукѣ два главныя мнѣнія. Въ сороковыхъ годахъ [прошлаго] вѣка Дройзенъ издалъ объ немъ обширную монографію, гдѣ изобразилъ его какъ благороднѣйшую и возвышенную натуру, воплотившую въ себѣ лучшія свойства и черты эллина, а дѣятельность его—какъ благодѣтельную для человѣчества и для всемірнаго прогресса попытку сліянія Востока и Запада, европейской и азіатской образованности. Взглядъ этотъ и теперь еще остается преобладающимъ въ нѣмецкой исторической литературѣ. У насъ распространилъ его покойный Грановскій своей извѣстной публичной лекціей объ Александрѣ. Въ новѣйшее же время Гротъ въ своей исторіи Греціи представилъ другую характеристику македонскаго героя, далеко не столь идеальную. На его взглядъ, сходный съ мнѣніемъ, которое высказывалъ уже Ролленъ, Александръ—эллинъ только по внѣшнему лоску своего образованія, веденнаго величайшимъ ученымъ и мыслителемъ Греціи Аристотелемъ; по крови же и природнымъ инстинктамъ онъ всегда оставался настоящимъ варваромъ и, когда его таланты и

счастіе доставили ему всемірное могущество, тотчасъ же превратился въ азіатскаго деспота. Не возвышеніе варваровъ до степени эллинскаго развитія, а напротивъ низведеніе эллиновъ до уровня раболѣпныхъ азіатовъ сдѣлалось тогда его стремленіемъ и мечтой. Что же касается эллинизированія Азіи, которое Дройзенъ считаетъ его главной заслугой, то процессъ этотъ развился естественно, самъ собою, и при томъ уже гораздо позже, — при его преемникахъ, Діадохахъ. Наконецъ и самое завоеваніе персидскаго царства съ относительно ничтожными средствами не представится такимъ изумительнымъ подвигомъ, если мы вспомнимъ, что держава эта въ то время уже разваливалась сама собою.

Завоеваніе персидскаго царства.

Хотя подавленная Греція по смерти Филиппа и признала его сына верховнымъ стратегомъ своимъ въ предстоявшей войнѣ противъ персовъ, однако при одномъ ложномъ слухѣ о гибели Александра въ войнѣ съ хищными балканскими горцами вспыхнуло въ ней возстаніе. Но своимъ внезапнымъ появленіемъ въ Элладѣ и страшнымъ наказаніемъ Ѳивъ, разрушенныхъ имъ до основанія, причемъ 30,000 ѳиванцевъ продано было въ рабство, юный Александръ разомъ положилъ конецъ покушенію на независимость; но затѣмъ съ остальными возставшими обошелся милостиво. Вообще подобно отцу своему Александръ ласкалъ грековъ, самъ любилъ казаться и слыть за эллина, такъ сказать, щеголялъ своимъ эллинизмомъ. И тотъ, и другой хорошо понимали, что только греческими силами могутъ они достигнуть великихъ результатовъ въ своей честолюбивой политикѣ. Въ настоящемъ случаѣ, желая польстить національному чувству побѣжденнаго народа, Александръ объявилъ, что предстоящая война есть возмездіе варварамъ за совершенное ими нѣкогда разореніе греческихъ городовъ и храмовъ; но тѣмъ не менѣе сильная македонская армія подъ начальствомъ Антипатра предназначена была наблюдать за Греціей во время отсутствія царя. Затѣмъ весною 331 г. самъ Александръ съ отборнымъ 38-тысячнымъ войскомъ и въ сопровожденіи лучшихъ своихъ полководцевъ — Парменіона, Клита, Гефестіона, Антигона и Птолемея — чрезъ Геллеспонтъ переправился въ Азію.

a) Приготовленіе къ походу.

Исторія персидскаго царства при преемникахъ Ксеркса, особенно со временъ Артаксеркса II, т.-е. съ начала IV ст., представляетъ картину постепеннаго разложенія и упадка. Причины его лежали какъ въ самомъ составѣ и организаціи этой державы, такъ и въ общемъ характерѣ всѣхъ азіатскихъ царствъ, возникшихъ путемъ завоеваній. Всѣ они сначала обнаруживали большую силу

b) Состояніе персидскаго царства.

и быстрый полетъ, но по мѣрѣ того, какъ слабѣла энергія завоевателей среди роскошной природы и тунеядной жизни на счетъ побѣжденныхъ, падало и ихъ политическое могущество. Тоже случилось и съ персами. Что же касается организаціи государства, то разноплеменность его состава, чисто механическая связь частей, смѣшеніе военной и административной власти въ лицѣ сатраповъ, деспотизмъ и грабежи правительства, ненависть побѣжденныхъ къ своимъ угнетателямъ—все это представляло достаточно условій для его внутренней слабости. Оттого возстанія покоренныхъ областей, интриги сераля, кровавыя распри и злодѣйства въ царской семьѣ, бунты намѣстниковъ, экономическое истощеніе края характеризуютъ исторію послѣднихъ временъ царства персидскаго. А изъ этого и видно, какую нетрудную добычу представляло оно для предпріимчиваго и отважнаго македонскаго рыцаря.

c) Походы Александра.

Покореніе громаднаго персидскаго царства совершено Александромъ въ теченіи не болѣе пяти лѣтъ. Завоевательный походъ свой онъ началъ съ сѣверо-западнаго берега М. Азіи, гдѣ впервые одолѣлъ персидскія силы при рѣкѣ Граникѣ, впадающей въ Пропонтиду. Греческіе города по западному малоазійскому берегу, какъ и негреческія племена этой части полуострова, — лидяне, карійцы и проч.,—покорились ему почти безъ сопротивленія, благодаря дальновидной политикѣ, съ самаго же начала принятой Александромъ, — щадить законы, религію и всю народность побѣжденныхъ. Только Галикарнассъ пробовалъ защищаться, но взятъ былъ приступомъ. Послѣ этого власти побѣдителя при Граникѣ покорились точно также и области по южному малоазійскому берегу, по которому онъ прошелъ до самой сирійской границы. Здѣсь при городѣ Иссѣ встрѣтилъ его самъ царь персидскій Дарій Кодоманъ съ несмѣтными силами. Но и эта главная армія царя была здѣсь на голову разбита. Самъ Дарій бѣжалъ въ восточныя провинціи своего царства, а семейство его попало въ плѣнъ къ побѣдителю, который вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать бѣжавшаго. весьма предусмотрительно рѣшился сначала обезпечить свой тылъ покореніемъ Сиріи и Египта. Финикія и Палестина, давно уже тяготившіяся игомъ персовъ, легко поддались ему, — за исключеніемъ Тира, выдержавшаго упорную семимѣсячную осаду и затѣмъ взятаго приступомъ и разрушеннаго; а Египетъ, ненавидѣвшій огнепоклонниковъ персовъ, прямо встрѣтилъ его, какъ своего избавителя, такъ какъ и здѣсь, какъ и вездѣ, Александръ показалъ полное уваженіе къ религіи и народности побѣжденныхъ, что и доставило ему сочувствіе самаго

вліятельнаго сословія страны—жреческаго класса. Сочувствіе это жрецы и выразили провозглашеніемъ Александра сыномъ солнечнаго божества Аммона (у грековъ—Зевсъ аммонскій), ко храму котораго въ Сивахскомъ оазисѣ онъ предпринималъ путешествіе изъ Мемфиса. Такіе неудержимые успѣхи завоевателя, его героизмъ, счастіе, обаяніе его симпатичной личности и вмѣстѣ тонкая разсчетливость его политики заставили Дарія прійти къ убѣжденію, что съ нимъ нельзя бороться открытою силой, а потому по совѣту грека Мемнона онъ попробовалъ отвлечь вниманіе и силы своего противника, возбудивъ возстаніе у него дома. Дѣйствительно подъ вліяніемъ персидскаго золота Спарта и нѣкоторыя другія государства Пелопоннеса поднялись противъ македонскаго владычества; но въ рѣшительной битвѣ при Мегалополѣ силы ихъ сокрушены были Антипатромъ.

Между тѣмъ Александръ, утвердивъ свою власть въ Египтѣ, направилъ снова походъ свой во внутреннія области царства и, переправившись чрезъ Евфратъ и Тигръ, встрѣтилъ Дарія съ новымъ огромнымъ войскомъ, въ двадцать разъ превосходившимъ его собственное, на равнинахъ Арбеллы, близъ древней Ниневіи, и здѣсь то окончательно рѣшена была участь кировой монархіи. Разбитый совершенно Дарій бѣжалъ къ самымъ восточнымъ предѣламъ своего царства, гдѣ и убитъ былъ измѣнившимъ ему бактрійскимъ сатрапомъ Бессомъ. Занятіе Вавилона, Сузъ, Экбатаны и Персеполя съ ихъ несмѣтными сокровищами было плодомъ арбелльской побѣды, а послѣдній городъ, священная столица персидской державы, былъ даже сожженъ Александромъ въ возмездіе, какъ онъ объявилъ, за сожженіе греческихъ храмовъ. Затѣмъ Александръ направилъ походъ свой въ сѣверо-восточныя страны, покорилъ Бактрію, Аріану и побѣдоносно прошелъ до горъ нынѣшняго Авганистана; а отсюда уже, переправившись чрезъ недоступныя вершины Гинду-Куша, сталъ спускаться къ югу, чтобъ завоевать Индію. Политическая раздробленность страны этой и взаимная вражда туземныхъ династовъ значительно облегчили ему это смѣлое предпріятіе, хотя здѣсь въ борьбѣ съ народомъ независимымъ онъ встрѣтилъ отпоръ гораздо энергичнѣе того, какой представляли ему доселѣ порабощенныя персами племена. Завоеванія Александра въ этой части Азіи ограничились впрочемъ только страной индійскаго Пятирѣчья, такъ какъ солдаты его, изнуренные безпрерывными и трудными походами, рѣшительно отказались идти далѣе въ страны Ганга, какъ это предполагалъ ихъ неутомимый и славолюбивый предводитель. Поэтому Гифазисъ, послѣдній

изъ восточныхъ притоковъ Инда, и былъ тѣмъ крайнимъ предѣломъ, до котораго достигло македонское завоеваніе Азіи. Поставивъ здѣсь 12 жертвенныхъ алтарей для обозначенія этого отдаленнѣйшаго рубежа своей державы, Александръ повернулъ отсюда назадъ и, посадивъ часть своей арміи на суда, отправилъ ее съ Неархомъ внизъ по Инду съ тѣмъ, чтобы изслѣдовать берега южнаго океана; самъ же съ главными силами предпринялъ бѣдственный походъ къ Евфрату по пустынямъ Гедрозіи, гдѣ отъ голода и климата погибли три четверти его войска. Съ такими потерями достигъ онъ наконецъ Вавилона, назначеннаго имъ столицей своей громадной державы.

Всемірно-историческое значеніе александровыхъ завоеваній.

Такъ возникло греко-македонское государство, представляющее третью въ исторіи попытку всемірной монархіи, захватившей въ объемъ свой еще болѣе странъ, чѣмъ двѣ первыя, такъ какъ кромѣ земель, подвластныхъ персамъ, въ составъ ея вошли также области по Оксу и Яксарту и Передняя Индія—на востокѣ и весь почти Балканскій полуостровъ—на западѣ. Но не только обширностью своихъ предѣловъ, новая всемірная держава отличалась отъ прежнихъ еще и тѣмъ, что народы, вошедшіе въ составъ ея, приведены были въ связь не одною лишь силою меча и общею для всѣхъ властью завоевателей, но и единствомъ духовнаго образованія, между ними распространившагося. Это образованіе было эллинское, видоизмѣнившееся подъ вліяніемъ восточной культуры, съ которою оно пришло теперь въ тѣснѣйшее соприкосновеніе. Передняя и особенно Малая Азія, правда, еще и прежде довольно близко познакомилась съ нимъ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ греками и множества греческихъ колоній въ этихъ мѣстахъ, но во внутреннія и восточныя области исторической Азіи оно проникло теперь впервые. Центрами этого измѣненнаго на восточный ладъ эллинизма сдѣлались здѣсь города, основанные Александромъ и большею частью носившіе его имя. Такъ въ областяхъ Окса и Яксарта основаны были имъ четыре Александріи, изъ которыхъ двѣ еще существуютъ и теперь подъ именемъ Герата и Кандагара; также точно возникла Александрія на Тигрѣ, а по теченію Инда и его притоковъ построены были имъ Букефала, Никея и Паттала. Но главнымъ средоточіемъ и разсадникомъ греческаго образованія на Востокѣ сдѣлалась Александрія на Нилѣ, гдѣ преимущественно выработался тотъ оріентализмъ, та смѣшанная греко-восточная культура, которая въ слѣдующія столѣтія стала господствующею на Востокѣ и отчасти въ самой Греціи. Конечно города эти основаны были

Александромъ прежде всего въ торговыхъ и стратегическихъ видахъ, но самою силою вещей они сдѣлались впослѣдствіи и тѣми исходными пунктами, откуда эллинизмъ распространился по всему Востоку.

Распаденіе державы Александра Великаго послѣ его смерти.

Александръ умеръ въ 323 г., омрачивъ свою славу жестокостями и произволомъ азіатскаго деспота, въ какого онъ превратился въ послѣдніе годы своей жизни. Такъ какъ послѣ него въ семьѣ его не осталось способнаго къ управленію преемника, то между его полководцами началась ожесточенная 20-лѣтняя вражда за наслѣдство его колоссальной монархіи. Въ кровавой распрѣ этой погибъ весь родъ Александра,—его мать, братъ, жена и двое малолѣтнихъ сыновей. Честолюбіе Антигона, знаменитѣйшаго изъ сподвижниковъ Александра, стремившагося овладѣть всѣмъ наслѣдіемъ послѣ его смерти, было главной причиной этой многолѣтней усобицы, такъ какъ противъ Антигона и его сына, отважнаго авантюриста Димитрія Поліоркета, вооружились прочіе полководцы Александра, большею частью намѣстники завоеванныхъ имъ земель, — Птолемей, Селевкъ и другіе. Въ 301 г. борьба эта рѣшилась наконецъ большою битвою у финикійскаго города Ипса, гдѣ союзникамъ удалось окончательно одолѣть Антигона, нашедшаго здѣсь свой конецъ. За этимъ уже слѣдовалъ рѣшительный дѣлежъ монархіи Александра Великаго между его преемниками (Діадохами): a) Македонія съ Греціей составили особое царство, въ которомъ утвердилось потомство Антигона въ лицѣ внука его Антигона Гоната; b) Азія отъ Геллеспонта до Инда сдѣлалась также особой державой подъ властію Селевкидовъ и подъ именемъ сирійскаго царства; c) Египетъ также въ качествѣ независимаго государства достался потомкамъ Птолемея; наконецъ d) отъ Сиріи отдѣлились впослѣдствіи Пергамъ и Виѳинія въ Малой Азіи, Парѳія, — къ сѣверо-востоку отъ Евфрата, и наконецъ Іудея. Всѣ они равнымъ образомъ существовали нѣкоторое время въ видѣ самостоятельныхъ государствъ. Всесвѣтная монархія Александра Великаго распалась такъ же быстро, какъ и возникла. Греческій духъ, искони наклонный къ общественному партикуляризму, не умѣлъ создать и на Востокѣ прочнаго политическаго единства, какъ не умѣлъ создать его и у себя дома.

Судьба государствъ македонскихъ. a) Греція.

Судьба главнѣйшихъ государствъ греко-македонскихъ, возникшихъ изъ развалинъ александровой монархіи, въ общихъ чертахъ была слѣдующая.

Со временъ Гоната Греція оставалась въ большей или мень-

шей зависимости отъ Македоніи еще около полутораста лѣтъ, т.-е. до половины II ст., когда ее покорили римляне. Все это время наполнено безплодными попытками нѣкогда великаго, но теперь уже нравственно выродившагося народа возвратить себѣ потерянную самостоятельность и политическое значеніе. Самою замѣчательною изъ этихъ попытокъ была та, которую въ половинѣ III в. предпринялъ ахейскій союзъ, основанный доблестнымъ сикіонянином Аратомъ и получившій въ это время большое значеніе не только въ Пелопоннесѣ, но и въ остальной Греціи. Одна Спарта не только не хотѣла признать гегемонію союза, средоточіемъ котораго былъ Коринѳъ, но напротивъ сама стремилась возродить свою павшую силу коренными реформами своей государственной жизни. Реформы эти предприняты были царями-патріотами Агисомъ IV и Клеоменомъ III и состояли въ томъ, что вмѣсто олигархическаго правленія и безграничной власти эфоровъ, избиравшихся изъ круга той же олигархіи, возстановлено было древнее политическое и имущественное равенство гражданъ; эфоратъ уничтоженъ, а [такъ называемая] ликургова дисциплина и строгость нравовъ снова примѣнены къ жизни во всей ихъ древней простотѣ и суровости. Но козни и даже прямое вмѣшательство македонянъ помѣшали какъ развитію ахейскаго союза, такъ и успѣху спартанскихъ реформъ. Македонское правительство сначала помогло союзу побѣдить возрожденную Спарту, а потомъ по смерти Филопэмена, стоявшаго послѣ Арата во главѣ ахейскаго союза и прозваннаго за свой патріотизмъ и гражданскія доблести „послѣднимъ грекомъ“, путемъ интригъ и постоянныхъ въ Греціи раздоровъ парализовало и самый союзъ.

[Подобно ахейскому на югѣ Греціи вскорѣ послѣ смерти Александра В. возникъ въ сѣверныхъ частяхъ Эллады не менѣе сильный союзъ этольскій. Суровые, воинственные, свободолюбивые этоляне, не игравшіе дотолѣ никакой роли въ историческихъ судьбахъ Греціи, выдвигаются впервые въ качествѣ защитниковъ обще-эллинскаго дѣла въ такъ называемой ламійской войнѣ, предпринятой ими въ союзѣ съ аѳинянами противъ македонскаго владычества, лишь только пронеслась вѣсть о кончинѣ Александра. Попытка, правда, не удалась, но она завоевала до тѣхъ поръ мало обращавшему на себя вниманіе горному племени симпатіи греческихъ патріотовъ, и вотъ къ этолянамъ около 290 года (до Р. Х.) примкнули западные локры, потомъ фокеяне съ Дельфами во главѣ, акарнаняне, бэотійцы, жители южной Ѳессаліи и даже многіе пелопоннесскіе и островные города, такъ что образовалась могу-

щественная федерація, довольно стройно организованная, — съ союзнымъ сеймомъ и властями, — имѣвшая въ своемъ распоряженіи немалую казну и большое войско. Къ сожалѣнію силы эти были растрачены по мелочамъ. Несчастный антагонизмъ между Пелопоннесомъ и Элладою не преминулъ сказаться въ той розни, которая скоро раздѣлила оба союза, — этольскій и ахейскій, — на два враждебныхъ лагеря и заставила ихъ упорно бороться другъ съ другомъ вмѣсто того, чтобы за-одно обратить свое оружіе противъ общаго врага—македонянъ. Напротивъ, этого общаго врага греки снова, какъ сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, привлекли къ участію въ своей братоубійственной распрѣ, которая теперь вконецъ обезсилила и безъ того измученную и ослабленную непрерывными войнами страну. Овладѣть ею послѣ этого для римлянъ не представляло большой трудности [1])].

b) Сирійское царство.

Царство Селевкидовъ называлось сирійскимъ, потому что средоточіемъ его была Сирія, хотя счастливыми войнами основатель династіи Селевкъ Никаторъ успѣлъ расширить его предѣлы далеко на Востокъ,—до Инда и Окса. Египетскіе Птолемеи оспаривали, правда, у первыхъ преемниковъ Никатора владычество надъ средиземнымъ побережьемъ, но господство ихъ надъ Финикіей и Палестиной было непродолжительно. Изъ послѣдующихъ Селевкидовъ самымъ замѣчательнымъ былъ Антіохъ III Великій, извѣстный своими походами въ Бактрію и Индію и въ началѣ II в. своей несчастной борьбою съ римлянами, которые съ этого времени начали подчинять Азію своему владычеству. Селевкидамъ принадлежитъ заслуга настоящаго эллинизированія исторической Азіи, особенно западной ея половины, гдѣ построено было ими множество греческихъ городовъ. Самыми цвѣтущими изъ нихъ сдѣлались Антіохія въ Сиріи и Селевкія на Тигрѣ, основанныя еще первымъ Селевкомъ. Изъ этихъ то центровъ распространялись на востокъ греческій языкъ, образованіе и нравы, хотя образованіе это, какъ прививное и внѣшнее, не дало азіатскимъ народамъ существенныхъ и прочныхъ благодѣяній: оно не принесло имъ ни общественной свободы, ни матеріальнаго благосостоянія, такъ какъ то и другое было подавлено страшнымъ деспотизмомъ чужеземнаго правительства, а нравы общества пали еще глубже отъ вторженія тогда уже испорченныхъ эллинскихъ обычаевъ.

---

[1]) Brandstätter „Die Gesch. d. ätolischen Landes, Volkes u. Bundes“ (1884); Schorn „Gesch. Griechenlands von der Entstehung des ätol. u. achäisch. Bundes bis auf die Zerstörung Korinths“ (Bonn. 1883); Freeman, „History of federal government“ (London. 1883.). По-русски: Васильевскій „Политич. реформа и соціальн. движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка“ (Спб. 1869). *Ред.*

c) Египетъ.

Тотъ же почти результатъ получился и отъ эллинизированія Египта, гдѣ утвердилась династія Птолемея Лаги, положившаго начало временному величію и блеску этой страны: заведеніемъ сильной арміи и флота, устройствомъ правильной администраціи и податной системы и основаніемъ „Музея“, знаменитѣйшаго во всемъ тогдашнемъ мірѣ ученаго учрежденія, Лаги далъ своимъ преемникамъ всѣ средства къ разностороннимъ успѣхамъ. Удачнѣе всего воспользовался ими третій Птолемей Эвергетъ, завоевавшій у Селевкидовъ Финикію, Іудею, Родосъ и югозападную часть М. Азіи, а съ другой стороны распространившій свое владычество въ Африкѣ къ западу до Кирены и къ югу до Абиссиніи. При немъ то Александрія окончательно сдѣлалась центромъ всемірной торговли, какъ при отцѣ его Филадельфѣ стала она средоточіемъ всемірной образованности [1]). Государственные доходы Египта простирались въ это время до 14.000.000 рублей на наши деньги. Но этотъ кратковременный блескъ Птолемеевъ сталъ меркнуть уже съ конца III в., когда Антіохъ Великій отнялъ у нихъ ихъ азіатскія завоеванія, а съ началомъ слѣдующаго столѣтія Египетъ начинаетъ мало-по-малу подчиняться вліянію Рима. Тогда-то и оказалось, что, какъ престолъ, такъ и вся дѣятельность Птолемеевъ, съ виду столь благодѣтельная для края, не имѣли никакой опоры въ массахъ туземнаго населенія, всячески эксплуатируемаго въ пользу завладѣвшихъ имъ иностранцевъ—грековъ и отчасти іудеевъ.

d) Меньшія государства, возникшія изъ состава александровой монархіи.

Изъ меньшихъ государствъ, выдѣлившихся съ теченіемъ времени изъ состава александровой державы, обще-историческое значеніе имѣютъ только Іудея и царство парѳянское, такъ какъ небольшія малоазіатскія царства Виѳинія и Пергамъ, процвѣтавшія во II ст. предъ Р. Хр., замѣчательны только тѣмъ, что и они въ извѣстной мѣрѣ способствовали распространенію и утвержденію эллинизма въ этихъ мѣстахъ.

a) Іудея.

Долго спорная между Египтомъ и Сиріей Іудея со временъ Антіоха Великаго окончательно подпала подъ власть Селевкидовъ, и тогда начались притѣсненія іудейской народности и религіи, сдѣлавшіяся особенно невыносимыми со временъ преемника названнаго правителя—Антіоха Эпифана. Этотъ сумасбродный деспотъ, задавшись мыслію, во что бы то ни стало, эллинизировать Іудею, посягнулъ даже на національное служеніе Іеговѣ съ тѣмъ,

---

[1]) А. Н. Деревицкій Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи (въ журн. „Вѣра и Разумъ“ 1890, ноябрь, кн. 1); его же „О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи“ (Харьковъ, 1891). *Ред.*

чтобы водворить въ странѣ греческій политеизмъ, чѣмъ и вызвалъ въ народѣ такое озлобленіе, что подъ руководствомъ вождей-патріотовъ,—братьевъ Маккавеевъ, сыновей первосвященника Маттаѳіи, онъ возсталъ противъ сирійскаго правительства съ силою отчаянія и въ половинѣ II в. успѣлъ даже добиться совершенной политической самостоятельности, такъ что Симонъ Маккавей съ саномъ первосвященника могъ уже соединить достоинство владѣтельнаго князя, а одинъ изъ его преемниковъ Аристобулъ принялъ даже титулъ царя. Независимая Іудея опять стала играть видную роль на сирійскомъ побережьѣ, обогатилась промыслами и торговлей, покорила сосѣднюю Идумею. Но это послѣднее пріобрѣтеніе сдѣлалось для нея фатальнымъ. Въ концѣ I ст. ловкій и жестокій идумеянинъ Иродъ, свергнувъ династію Маккавеевъ, утвердилъ свою власть въ странѣ подъ покровительствомъ римлянъ и въ качествѣ ихъ подручника. Въ правленіе его родился въ Виѳлеемѣ Христосъ Спаситель.

Палестина такимъ образомъ была единственной страной въ западной Азіи, которая противопоставила успѣшный отпоръ распространившемуся эллинизму. Душею этой національной реакціи послужила религія истиннаго Бога, сдѣлавшаяся основаніемъ возникшаго здѣсь вслѣдъ затѣмъ христіанства.

β) Парѳія.

Такую же реакцію эллинизму, какъ Іудея на западѣ, представило царство парѳянское на востокѣ исторической Азіи. Хищные наѣздники парѳяне, обитавшіе въ нынѣшней Бухаріи, подъ предводительствомъ смѣлаго вождя своего Арсака въ половинѣ III в. тоже пріобрѣли независимость отъ слабаго сирійскаго правительства, а сто лѣтъ спустя держава ихъ обнимала уже всѣ земли между Евфратомъ и Индомъ. Возстановивъ въ восточной Азіи религію Заратуштры и связанные съ нею древніе обычаи, держава эта подъ управленіемъ Арсакидовъ образовала силу, могшую успѣшно бороться какъ съ наплывомъ эллинизма въ эти мѣста, такъ и со всесвѣтнымъ завоеваніемъ римлянъ.

IX. Греческая образованность.

Для ознакомленія съ различными сторонами частной жизни древнихъ грековъ можно рекомендовать слѣдующія пособія: а) алфавитные сборники статей по греч. древностямъ,—Aug. Pauly „Real-Encyclopädie der classisch. Alterthumswissenschaft“ (закончена по смерти Паули Хр. Вальцемъ и Тейффелемъ; 6 томовъ. Stuttgart. 2 изд. 1862— 66; съ 1894 г. эта энциклопедія стала выходить въ новой обработкѣ при участіи многихъ первоклассныхъ спеціалистовъ, подъ общею редакціею марбургскаго профессора Георга Виссова, но къ сожалѣнію съ обычною для такихъ обширныхъ ученыхъ изданій медленностью: до сихъ поръ вышло въ свѣтъ 12 полутомовъ, размѣрами до полуторы тысячи столбцовъ каждый, и

изложеніе не доведено и до половины алфавита); Daremberg et Saglio „Dictionnaire des antiquités grecques et romaines“ (Paris, 1873 et suiv.; изданіе не доведено до конца; вышло въ свѣтъ 38 вып.); Friedr. Lübker „Reallexicon der class. Alterthümer für Gymnasien“ (есть два русскихъ перевода; изъ нихъ одинъ изданъ подъ ред. членовъ общ. классич. филол. и педагог. въ Спб. въ 1885 г., другой подъ ред. и съ дополн. В. И. Модестова. Спб. 1887); A. Baumeister Denkmäler des klass. Alterthums (lexikalisch bearbeitet). Münch.-Leipz. 1884—88 и проч.; b) сочиненія по исторіи нравовъ: Limbourg-Brouwer „Hist. de la civilisation morale et religieuse des Grecs“ (Groningen. 1883—38); Leop. Schmidt „Ethik der alten Griechen“ (Leipz. 1880); W. A. Becker „Charicles“. Bilder altgriechischer Sitten zur genaueren Kenntniss des griech. Privatlebens (послѣднее изд. обработано Göll'емъ; по-русски переведенъ только первый томъ—Спб. 1876); Th. Ziegler Ethik der Griechen und Römer. Bonn. 1886; Mahaffy A survey of greek civilisation. 1897; J. Girard Le sentiment religieux en Grèce d'Homère à Eschyle. 2-me éd. P. 1879; Erw. Rohde Psyche. 1890—94; И. Корсунскій Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи Х. 1884—1890; А. Н. Деревицкій Изъ исторіи греч. этики. Х. 1886; Ю. А. Кулаковскій Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древн. грековъ. Кіевъ. 1899; Ѳ. Ф. Зѣлинскій Изъ жизни идей. Спб. 1905; Ж. Уссингъ. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ (пер. Федоровой. Спб. 1899); c) сочиненія по исторіи внѣшняго быта: Guhl u. Koner „Das Leben der Griechen und Römer nach antiken Bildwerken dargestellt“ (Berlin, 6-te vollständig neu bearb. Aufl. hrsg. v. R. Engelmann. Berl. 1893); Guiraud La vie privée et la vie publique des Grecs. P. 1900 (русск. перев. „Частн. и обществ. жизнь грековъ“. 1897); Вейсъ „Внѣшній бытъ народовъ“, т. I, ч. II; Велишскій „Бытъ грековъ и римлянъ“ (перев. съ чешскаго подъ ред. Н. Ростовцева; Прага, 1878); Магаффи „Древне-греч. жизнь“ (перев. съ англ. М. Стратилатова. Спб. 1879); d) изъ сочиненій по исторіи наукъ и литературы кромѣ общихъ, каковы: Дреперъ „Ист. умств. развитія Европы“, перев. Пыпина (Спб. 1865—66); В. Уэвелль „Ист. индуктивныхъ наукъ“ (перев Антоновича и А. Пыпина, Спб. 1867—68); Б. Н. Чичеринъ, „Ист. политич. ученій“ ч. I. Древность и средніе вѣка (М. 1869); Ю. Липпертъ Ист. культуры (Спб. 1894), а также образцовыхъ въ свое время, но теперь устарѣлыхъ трудовъ К. О. Мюллера (Gesch. d. griech. Litteratur bis auf das Zeitalter Alexanders; 3 т.; есть переводы,—французскій Гилльбранда и англійскій Льюиса съ добавленіями Дональдсона) и Бергарди (Grundriss d. griech. Litteratur), лучшими должно считать слѣдующія: Th. Bergk Gr. Litteraturgesch. (4 т. Berl. 1872 сл.); K. Sittl Gesch. d. griech. Litteratur bis auf Alex. d. Gross. (3 т. 1887 сл.); W. Christ Gesch. d. griech. Litter. (въ коллекціи Iw. Müller'a; 3 изд. 1898); A. et M. Croiset Hist. de la littér. grecque (5 т. 1887 — 1899); Th. Gomperz Griechische Denker. Leipz. 1893 сл.; F. Baumgarten, F. Poland u. R. Wagner Die hellenische Kultur (Leipz. 1905 f.); A. Döring Gesch. der griech. Philosophie (gemeinverständlich nach den Quellen) Leipz. 1905; L. Milhaud Leçons sur les origines de la science grecque. P. 1893; по-русски — Джеббъ Ист. греч. литературы. 2 изд. М. 1896; Виндельбандъ Ист. древней философіи, перев. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго (Спб. 1893; есть 3-е изд.); Таннери Первые шаги греч. науки. Спб. 1902; В. Ѳ. Коршъ „Ист. греч. литературы“ (въ изданномъ имъ сборникѣ); Магаффи „Ист. классич. періода греч. литературы“ (въ перев. А. Веселовской, М. 1882—83); e) сочиненія по исторіи искусства: Perrot et Chipiez Hist. de l'art dans l'antiquité (изъ восьми томовъ этого со-

чиненія исторіи греч. искусства посвящены три послѣдніе). P. 1882—1904; Wörmann Gesch. d. Kunst aller Zeit u. aller Völker. I. 1900 (русск. перев. подъ ред. А. И. Сомова. Спб. 1903); M. Zimmermann Kunstgesch. des Alterthums u. des Mittelalters bis zum Ende der romanischen Epoche. Leipz. 1897; Springer-Michaelis Handbuch der Kunstgesch. 7-te Aufl. Leipz. 1904 (по русски есть въ сокр. излож. проф. С. А. Жебелева. Спб. 1902); W. Klein Gesch. der griech. Kunst. Leipz. 1904; Байе Ист. искусствъ (перев. подъ ред. проф. Г. Г. Павлуцкаго. Кіевъ. 1904); проф А. А. Павловскій Курсъ исторіи древняго искусства. Одесса, 1905; Ип. Тэнъ Чтенія объ искусствѣ. Вып. 3. Искусство въ Греціи (перев. А. Чудинова). Воронежъ. 1874; Ад. Розенбергъ Ист. искусства (перев. подъ ред. проф. А. А. Павловскаго, въ прилож. къ журн. „Міръ Божій“ 1905 сл.). Художественно-историческіе атласы: Kunstgeschichte in Bildern. I. Alterthum, bearb. v. Fr. Winter. Leipz. 1900; Kunsthistorische Bilderbogen. Handausgabe. I. Die Kunst des Alterthums. Leipz. 1898; Brunn-Bruckmann Denkmäler griechischer u. römischen Sculptur (fortgesetzt v. Arndt). *Ред.*

Періоды развитія греческой образованности.

Греческая образованность, послужившая непосредственнымъ основаніемъ для всей современной міровой культуры, въ своемъ историческомъ развитіи прошла три главныя ступени: 1) вѣкъ начинаній и попытокъ всякаго рода, простирающійся съ дальнѣйшихъ временъ до персидскихъ войнъ; [начинанія эти, восходящія къ третьему тысячелѣтію до Р. Х. и сперва самобытныя, долго испытывали сильное воздѣйствіе культурныхъ странъ Востока, вліяніе которыхъ] замѣтно на всѣхъ отрасляхъ духовной жизни грековъ въ этомъ періодѣ; важнѣйшими же пунктами этого ранняго развитія служили [сперва острова Архипелага и восточное побережье материковой Греціи, позднѣе же] преимущественно колоніи,— особенно малоазійская Іонія и Великая Греція; 2) вѣкъ искусства, лучшее время греческой жизни, — отъ персидскихъ войнъ до потери народной независимости; это—блестящая пора высшаго процвѣтанія всѣхъ родовъ греческаго искусства, главнѣйшимъ же центромъ этого богатаго художественнаго развитія были Аѳины; 3) вѣкъ науки, начинающійся съ македонскихъ временъ и постепенно умирающій уже въ эпоху римской имперіи; важнѣйшимъ средоточіемъ научнаго развитія служила египетская Александрія.

[Хотя археологическими разслѣдованіями послѣднихъ десятилѣтій были постепенно открыты многія изъ недостающихъ звеньевъ въ той длинной цѣпи культурныхъ связей и отношеній, которою эпоха болѣе поздняго развитія духовной жизни эллинскаго народа скована съ первыми проблесками этой жизни въ его доисторическомъ прошломъ, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ лежитъ еще рѣзкая грань между до-дорійскою культурою Греціи и культурою, сложившеюся послѣ переселенія дорянъ въ Пелопоннесъ. Исторію

греческой цивилизаціи поэтому и принято еще доселѣ начинать собственно съ этого момента, — съ момента, когда всѣ стороны греческой жизни пересоздаются заново, зарождается и развивается письменность, вырабатываются новыя формы общественныхъ отношеній, пробуждается философская мысль и расцвѣтаетъ образцовое для всѣхъ временъ и народовъ, „классическое“ греческое искусство].

I. Вѣкъ начинаній. Общій характеръ этого періода.

Время до персидскихъ войнъ можетъ быть названо вѣкомъ вѣры. [Антропоморфическая религія проникала своими вліяніями и настроеніями въ эту пору всѣ проявленія духовнаго творчества грековъ]. Образовательныя искусства, — зодчество и ваяніе, въ своихъ начаткахъ и древнѣйшихъ памятникахъ обнаруживаютъ такъ называемый гіератическій (священный, жреческій) стиль [1]). Логографія, какъ древнѣйшій опытъ историографическаго искусства, переполнена миѳическими сказаніями и, стало быть, тоже носитъ на себѣ преобладающій религіозный характеръ [2]). Поэзія, бывшая господствующею формою тогдашней письменности, запечатлѣна большею частью тѣмъ же характеромъ, и даже философія въ своихъ первыхъ попыткахъ еще далеко не свободна отъ вліянія восточныхъ космогоническихъ, т.-е. опять таки религіозныхъ ученій и вѣрованій.

а) Искусство.

[Въ начаткахъ греческаго искусства зависимость отъ художественныхъ формъ Востока чувствуется еще много времени спустя послѣ того, какъ глубокій племенной переворотъ, произведенный дорійскимъ вторженіемъ въ Пелопоннесъ, повидимому, остановилъ ходъ мирнаго культурнаго взаимодѣйствія между Востокомъ и Греціею, характеризующаго микенскій вѣкъ. Эта зависимость сказывается преимущественно въ орнаментикѣ, въ издѣліяхъ мелкой промышленности (рѣзные камни, глиняные сосуды и т. п.), въ нѣкоторыхъ пріемахъ художественной техники. Но эллинская самобытность мало-по-малу пробивается живою струею сквозь сферу чужеплеменныхъ вліяній, и сперва на островахъ Эгейскаго моря,

---

[1]) Благовѣщенскій „О гіератикѣ въ древнемъ греч. искусствѣ“ („Пропилеи“ I); П. Леонтьевъ „Эгинскіе мраморы мюнхенской глиптотеки“ (тамъ же); его же „О различіи стилей въ греч. ваяніи“ (тамъ же); А. В. Праховъ О композиціи фронтонныхъ группъ эгинскаго храма Аѳины. Спб. 1871; В. К. Мальмбергъ Къ вопросу о композиціи эгинскихъ фронтоновъ (Уч. зап. Юрьев. унив. 1895); Н. Н. Трескинъ Эгинская школа ваятелей („Русск. Обозр.“ 1896); проф. А. А. Павловскій Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ. Одесса. 1896. *Ред.*

[2]) О логографіи см. у Ѳ. Г. Мищенка въ указанныхъ выше (стр. 2, прим.) сочиненіяхъ. В. Клингеръ Сказочные мотивы въ исторіи Геродота. Кіевъ. 1903. *Ред.*

а потомъ и на греческомъ материкѣ быстро расцвѣтаетъ свободное отъ чуждыхъ примѣсей, національное эллинское искусство. Вначалѣ оно бѣдно и содержаніемъ, и формами, и техническими средствами. Пышные дворцы микенской эпохи, блиставшіе нѣкогда металлическою обшивкою и пестрою росписью стѣнъ, постепенно отходятъ въ область преданій. Стѣны гомеровской Трои, по описанію поэта, сложены частью изъ дерева, частью изъ земли, вынутой изъ окружающаго ихъ рва. Въ храмовой архитектурѣ находятъ широкое примѣненіе дерево и необожженный кирпичъ, металлическая облицовка замѣнена терракоттою. Лишь въ VII в. входитъ въ общее употребленіе, какъ строительный матеріалъ, поросъ (скважистый камень); еще позднѣе появляется мраморъ. Въ скульптурѣ также долго царитъ деревянная техника, древнѣйшими образчиками которой служатъ т. наз. ксоаны (ξόανα) или неподвижные, мертвенные человѣкообразные истуканы, грубо вытесанные изъ дерева, съ едва замѣтнымъ расчлененіемъ фигуры. Какъ памятникъ древняго вѣрованія ксоаны долго составляютъ предметъ благоговѣйнаго почитанія и хранятся въ святилищахъ. Ихъ культовое значеніе настолько велико, что и съ переходомъ отъ дерева къ поросу и мрамору мастера не сразу рѣшаются отступить отъ этихъ священныхъ образцовъ и переносятъ на новый матеріалъ стиль и пріемы старой скульптурной техники. Но вотъ находятся смѣльчаки, которые пытаются открыть глаза слѣпымъ божествамъ, вдохнуть движеніе и жизнь въ оцѣпенѣлыя ихъ позы, отдѣлить приросшія къ бокамъ руки и раздвинуть сомкнутыя ноги. Старые идолы оживаютъ, и это чудо,—плодъ совокупныхъ усилій многихъ поколѣній, — приписано преданіемъ художнику Дедалу, знаменитому строителю критскаго лабиринта. Изъ ксоановъ рождаются новые типы художественныхъ изваяній, — мужской (типъ такъ назыв. „Аполлона“) и женскій (типъ „коры“). Характеръ архаическаго схематизма свойственъ еще тому и другому, но оба таятъ уже въ себѣ зародыши дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. А рядомъ съ созданіемъ новыхъ скульптурныхъ типовъ быстро прогрессируетъ и техника,—самосскіе художники Рэкъ и Θеодоръ изобрѣтаютъ искусство отливки бронзы, Главкъ изъ Хіоса находитъ способъ сплавлять разнородные металлы, критяне Дипэнъ и Скиллидъ впервые примѣняютъ въ отдѣлкѣ статуй золото и слоновую кость („хрисоэлефантинная техника“), Дибутадъ изъ Коринѳа вводитъ въ употребленіе рельефную скульптуру и т. д. И вотъ къ концу періода различныя артистическія школы, работающія въ главнѣйшихъ художественныхъ цен-

трахъ Греціи, — въ малоазійской Іоніи, Хіосѣ, Самосѣ, Коринѳѣ, Сикіонѣ, Аргосѣ, Эгинѣ и Аттикѣ,—доводятъ греческое искусство до того формальнаго совершенства, лучшіе образцы котораго въ знаменитыхъ „корахъ“ аѳинскаго акрополя, въ „эгинскихъ мраморахъ“ храма Афэи, въ надгробной стелѣ Аристіона и др. многочисленныхъ памятникахъ греческой „архаики“ дошли и до насъ, какъ свидѣтельство самобытнаго греческаго художественнаго генія].

б) Поэзія. Древнѣйшимъ родомъ поэтическаго творчества грековъ былъ героическій эпосъ, возникшій въ малоазійской Іоніи, гдѣ богатырскій духъ сильно возбужденъ былъ продолжительною борьбою эллинскихъ колонистовъ съ туземцами, и достигшій полнаго своего развитія въ произведеніяхъ, носящихъ имя Гомера,—„Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“ [1]). Каково бы ни было различіе ученыхъ мнѣній о происхожденіи и способѣ передачи этихъ поэмъ позднѣйшему времени, когда онѣ были записаны и приведены въ ихъ настоящій видъ, несомнѣнно то, что онѣ навсегда останутся недосягаемымъ образчикомъ совершенства въ этомъ родѣ поэзіи. Даже непосредственные, ближайшіе подражатели Гомера, такъ называемые **киклическіе поэты**, изъ школы тѣхъ же іонійскихъ рапсодовъ, къ которымъ принадлежалъ и самъ Гомеръ, и заимствовавшіе свои сюжеты изъ круга тѣхъ же троянскихъ сказаній, уже далеко уступали ему силою и свѣжестью природнаго генія. Когда же лѣтъ сто спустя возникла эпическая поэзія и въ собственной Греціи, то она явилась здѣсь уже съ дидактическимъ содержаніемъ и сильнымъ религіознымъ оттѣнкомъ. Такова была

---

[1]) Обѣ поэмы не разъ стихами и прозою, цѣликомъ и по частямъ переводились на русскій языкъ. Если не считать отрывковъ, переведенныхъ изъ Иліады шестистопнымъ ямбомъ еще Ломоносовымъ, то старѣйшіе изъ этихъ переводовъ принадлежатъ Петру Екимову (1776—78) и Ермилу Кострову (1787); изъ другихъ (см. П. И. Прозоровъ „Указатель“, стр. 27 сл.) здѣсь можно назвать лишь нѣкоторые, какъ то: прозаическій переводъ всего Гомера въ сборникѣ Ив. Мартынова („Греч. классики, переведенные съ греч. языка“. 26 томовъ. Спб. 1827 слѣд.); „Иліада“ въ переводѣ Гнѣдича (первое изд. 1830 г.); отрывокъ изъ той же поэмы въ перев. Б. Ордынскаго (Отеч. Зап., 1853 г.; попытка переводить Гомера языкомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ); „Иліада“ въ перев. Минскаго (Спб. 1896); Жуковскій „Одиссея“ въ перев. съ греч. въ стихахъ размѣромъ подлинника, съ прим. переводчика и рисунками Флаксмана (Спб. 1840); то же въ перев В. А. Жуковскаго (1-е изд. 1849 г.); то же въ прозаич. перев. Вл. Краузе (только I—VI пѣсни; Казань. 1883); обѣ поэмы въ изложеніи Лукаса Коллинза (перев. съ англ. Резенера подъ загл. „Древніе классики для русскихъ читателей“ Спб. 1876 сл.). R. Knötel Homeros der Blinde v. Chios u. seine Werke. 2 Bde. Leipz. 1895; — Джеббъ Гомеръ. Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Спб. 1892; проф. С. П. Шестаковъ О происхожденіи поэмъ Гомера. I. Происхожденіе Одиссеи. Казань. 1892. II. Происхожденіе Иліады. Каз. 1896; Э. Каммеръ Эстетическія толкованія на Иліаду Гомера. Перев. С. Николаева („Гимн. “1892); А. Деревицкій Изъ комментарія къ Иліадѣ. Харьковъ, 1893; Л. Ф. Воеводскій Введеніе въ миѳологію Одиссеи. Одесса. 1881; А. Деревицкій Гомерическіе гимны. Анализъ памятника въ связи съ исторіей его изученія. Хар. 1889. *Ред.*

школа бэотійскихъ пѣвцовъ, во главѣ которой стоялъ Гесіодъ и изъ круга которой вышли двѣ извѣстныя дидактическія поэмы— „Труды и дни“ и „Θеогонія“, приписываемыя тому же Гесіоду [1]). Но вотъ военно-патріархальный бытъ Греціи царскаго періода сталъ смѣщаться повсемѣстно республиканскими формами, открывшими большой просторъ для личной дѣятельности гражданъ, и поэзія грековъ изъ объективной, эпической, стала переходить въ лирику, выражающую личныя ощущенія пѣвца. Переходъ этотъ начался съ VII ст., а въ VI-мъ всѣ роды греческой лирики—элегія, ямбъ или сатирическая пѣсня, эпиграмма или надпись, пэанъ или славословіе, диѳирамбъ, басня, гномическая (нравственно-наставительная) и эротическая (любовная) поэзія—достигли уже полнаго развитія и совершенства въ произведеніяхъ Тиртея, Архилоха, Симонида, Анакреонта, Алкея, Сапфо, Бакхилида, Пиндара [2]) и друг. А съ высокимъ развитіемъ лирики усовершенствовалась и тѣсно связанная съ нею музыка, хотя объ успѣхахъ послѣдней у грековъ мы, понятно, можемъ имѣть весьма мало точныхъ свѣдѣній [3]). Лирическое творчество грековъ, начавшись тоже въ М. Азіи и на островахъ, проникло потомъ и въ собственную Грецію.

в) Философія.

Такъ же точно и греческая философія началась съ малоазійской Іоніи, гдѣ Θалесъ, одинъ изъ семи мудрецовъ греческихъ, положилъ основаніе іонійской философской школѣ. Главнымъ предметомъ изслѣдованій этой школы былъ внѣшній міръ, его происхожденіе, сущность и первичное начало. Самъ Θалесъ принималъ за такое начало воду, между тѣмъ какъ соотечественникъ его Анаксименъ и его послѣдователь Діогенъ учили, что первобытная субстанція есть воздухъ, который и можно считать душою міра, а Гераклитъ и Анаксимандръ принимали за первичное начало міра первый—огонь, а второй—хаосъ, изъ котораго и выдѣлились всѣ предметы природы. Наконецъ Анаксагоръ училъ, что неизмѣняемая и вѣчная вселенная со своимъ

---

[1]) Л. Коллинзъ Гесіодъ и Θеогнидъ. Перев. Л. Воеводскаго. Спб. 1876. Г. Властовъ Гесіодъ. Спб. 1885. *Ред.*

[2]) Изданіе греческихъ лириковъ принадлежитъ Th. Bergk'y: „Poëtae lyrici Graeci“ (Lips. ed. III. 1886 sq.); общее соч. по этому вопросу — Flach „Gesch. der griech. Lyrik“ (Tübingen. 1884). Лучшее, что имѣется изъ греческой лирики въ русскомъ переводѣ, можно найти въ сборникѣ В. Алексѣева Древнегреческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1895. А. Ѳ. Семеновъ Спмонидъ Кеосскій, его жизнь и поэзія. Кіевъ. 1903. *Ред.*

[3]) См. о греч. музыкѣ R Westphal „Gesch. der alten u. mittelalterlichen Musik“ (Bresl. 1865); Л. А. Саккети О музыкальной художественности древнихъ грековъ (Ж. М. Нар. Просв. 1894); его же Очеркъ исторіи музыки (3 изд. Спб. 1902); Доммеръ Ист. музыки (въ перев. Желябужской. Спб. 1891). *Ред.*

порядкомъ и стройностью не можетъ имѣть началомъ какую-либо вещественную субстанцію, а потому считалъ устрояющимъ началомъ міра первобытный разумъ. Эти юношески-смѣлыя попытки разомъ объяснить начало и сущность вещей, начавшіяся въ VII в. въ іонійскихъ колоніяхъ, въ слѣдующемъ столѣтіи мы встрѣчаемъ и въ Южной Италіи, гдѣ Пиѳагоръ (въ Кротонѣ) тоже рѣшалъ вопросъ о міроустройствѣ, признавая основаніемъ его число; а младшій современникъ его, глава философской школы въ Элеѣ Ксенофанъ, думалъ примирить разногласіе своихъ предшественниковъ, признавъ божественнымъ весь міръ и положивъ такимъ образомъ начало философскому пантеизму. Одинъ же изъ учениковъ его Эмпедоклъ, философствуя въ томъ же примирительномъ духѣ, создалъ извѣстное ученіе о четырехъ основныхъ стихіяхъ вселенной,—водѣ, воздухѣ, огнѣ и землѣ,—ученіе, долго державшееся потомъ и въ средневѣковой Европѣ. Италійская философія впрочемъ не ограничилась изслѣдованіемъ физическаго міра, но впервые коснулась также и духовной природы самаго человѣка, и, если философы іонійскіе своими изслѣдованіями о природѣ положили первое начало греческой астрономіи, физикѣ, механикѣ и вообще естествознанію, то пиѳагорейцы не только занимались математикой, но и нравственной философіей или этикой, а элеаты выдвинули на первый планъ логику, какъ главнѣйшее орудіе философскаго мышленія. Вообще философія грековъ въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ заключала въ зародышѣ всѣ впослѣдствіи выдѣлившіяся изъ нея науки, представляла какъ бы энциклопедію всѣхъ ихъ познаній. Оттого начальнымъ философамъ этимъ приписываются нѣкоторыя научныя открытія и изобрѣтенія,—Ѳалесу напр. вычисленіе лунныхъ затменій и солнечнаго года въ 365 дней, Пиѳагору—открытіе математической теоремы, названной его именемъ, Анаксимандру—изобрѣтеніе солнечныхъ часовъ и ландкартъ, а также первыя понятія о шаровидности земли. Но на всѣхъ этихъ философскихъ и научныхъ попыткахъ первыхъ греческихъ мыслителей замѣтно еще сильное вліяніе Востока, съ особенною отчетливостью проявившееся въ ученіи Пиѳагора и въ аскетической морали его послѣдователей. Впрочемъ, начавшись въ малоазійскихъ и италійскихъ колоніяхъ и получивъ первый толчокъ съ Востока, философская работа греческой мысли не остановилась на этой зачаточной ступени развитія и послѣ персидскихъ войнъ перешла уже и въ собственную Грецію, гдѣ плодомъ ея было ниспроверженіе того авторитета, которымъ до сихъ поръ пользова-

лись народныя сказанія о богахъ и ихъ славныхъ дѣяніяхъ. Вѣкъ вѣры близится къ своему концу [1]).

II. Вѣкъ искусства. Его общій характеръ.

Счастливыя войны съ персами пробудили въ грекахъ такое сознаніе полноты своихъ силъ и способностей, которое не только въ общественной дѣятельности, но и въ области духовнаго развитія искало себѣ достойнаго выраженія и по свойству греческой натуры нашло его въ художественномъ творчествѣ. Изящныя искусства сдѣлались такимъ образомъ господствующей формой духовной жизни Греціи въ то время, и очень естественно, что Аѳины, бывшія главною руководительницею грековъ въ ихъ славной борьбѣ съ Азіей, сдѣлались и главнымъ центромъ художественнаго полета, какъ слѣдствія этой борьбы. Дѣйствительно, въ періодъ времени отъ конца персидскихъ войнъ до упадка греческой независимости здѣсь преимущественно процвѣли и достигли полнаго развитія всѣ роды образовательнаго, тоническаго и словеснаго искусства, какъ равно и греческой науки, являвшейся и теперь еще все въ той же формѣ философскихъ системъ и ученій. Такимъ образомъ лучшая пора греческой образованности вполнѣ совпадаетъ съ цвѣтущимъ временемъ аѳинскаго государства,—съ эпохой „Олимпійскаго“ Перикла.

а) Искусства образовательныя.

Остановимся сначала на искусствахъ образовательныхъ,—зодчествѣ, ваяніи и живописи.

Зодчество греческое въ порѣ полнаго своего развитія выражалось въ трехъ главныхъ орденахъ или стиляхъ,—дорическомъ, іоническомъ и коринѳскомъ,—имѣвшихъ каждый свой особый характеръ. [Дорическій стиль, постепенно развившійся, какъ можно думать, изъ полукирпичной-полудеревянной архитектуры болѣе ранней эпохи, отличался нѣкоторою строгостью и тяжеловатостью своихъ формъ, но производилъ впечатлѣніе солидности и суровой простоты. Въ іоническомъ стилѣ заключалось больше

---

[1]) Лучшее сочиненіе по исторіи древней философіи—Zeller „Die Philosophie der Griechen“ (Leipz. 3—5 Aufl. 1879—1902.). По-русски есть переводы курсовъ А. Швеглера (подъ ред. проф. П. Юркевича. М. 1864), Бауэра (подъ ред. М. Антоновича, Спб. 1866), Льюиса (подъ ред. В. Спасовича и Невѣдомскаго, 2-е изд. Спб. 1885; то же въ перев. В. Чуйко. Спб. 1889), Вебера (пер. И. Линниченко и В. Подвысоцкаго подъ ред. проф. Козлова. Кіевъ. 1882), Ибервега (въ перев. и съ дополн. Н. Фоккова; т. I, ч. 1,—до Сократа), Браша („Развитіе философской мысли“, т. I. Спб. 1885), Виндельбанда Ист. древней философіи. Перев. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 3 изд. Спб. 1902,—и проч.; изъ оригинальныхъ сочиненій слѣдуетъ указать М. Каткова „Очерки древнѣйшаго періода греч. философіи“, М. 1853; Н. А. Любимова Греч. философія въ ея отношеніи къ физикѣ (Ж. М. Нар. Пр. 1892); Н. Н. Страхова Очеркъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Изд. 2. Харьк. 1893; С. Н. Трубецкого Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. *Ред.*

разнообразія и легкости, его формы были тоньше и изящнѣе, а пропорціи мягче]. Что касается коринѳскаго ордена, то онъ былъ только видоизмѣненіемъ дорическаго и отличался отъ него большимъ обиліемъ и роскошью украшеній [особенно въ капители, которая представляла собою подобіе корзины, обвитой листьями аканѳа [1])]. Въ одномъ изъ этихъ стилей или же при гармоническомъ ихъ сочетаніи строились всѣ знаменитѣйшія общественныя зданія въ Греціи, каковы были напр. въ Аѳинахъ—академія (гимназія, окруженная садомъ) и стоя или крытая галлерея, построенная Кимономъ, затѣмъ парѳенонъ или храмъ Аѳины въ акрополѣ, пропилеи или колоннада, къ нему ведшая, [эрехѳіонъ или смѣшанное святилище, посвященное культамъ нѣсколькихъ божествъ, между прочимъ Посейдона-Эрехѳея] и одеонъ или ротонда для музыкальныхъ состязаній,—всѣ возникшіе въ вѣкъ Перикла; не менѣе замѣчательны были древніе храмы Зевса Олимпійскаго въ Аѳинахъ [и въ Олимпіи, Артемиды] въ Эфесѣ, [Аѳіи на о. Эгинѣ, Геры на о. Самосѣ и въ Олимпіи, Аполлона въ Дидимахъ и Бассахъ и проч.] Остатки греческаго зодчества и дошли до насъ только въ развалинахъ всѣхъ этихъ храмовъ и другихъ общественныхъ зданій въ Сициліи, южной Италіи и самой Греціи.

Ни одна отрасль образовательнаго искусства не достигла однако въ Греціи такого совершенства, какъ ваяніе, въ которомъ ни прежде, ни послѣ въ исторіи не превосходилъ грековъ никто. Причина такого высокаго развитія пластики у грековъ заключалась какъ въ антропоморфизмѣ ихъ религіи, такъ и въ особенностяхъ ихъ костюма и общемъ обычаѣ гимнастики: какъ то, такъ и другое постоянно давало имъ случай наблюдать формы человѣческаго тѣла. Въ свое цвѣтущее время скульптура ихъ представила недосягаемые образцы высокаго, изящнаго и граціознаго стилей [2]) въ произведеніяхъ [Мирона, автора дошедшихъ до насъ въ копіяхъ статуй дискобола (метателя диска) и Марсія, полныхъ жизни и движенія, — геніальнаго] Фидія, главы аттической скульптурной школы, творца Зевса Олимпійскаго, Аѳины-дѣвственницы и Аѳины-воительницы, — Поликлета, [создавшаго школу въ Пелопоннесѣ] и извѣстнаго своею статуей Геры, Скопаса, прославив-

---

[1]) Г. Г. Павлуцкій Коринѳскій архитектурный орденъ. Кіевъ 1891; Н. Султановъ Ист. архитектуры у народовъ древняго міра (лекціи). Спб. 1878; Ордера греческіе и римскіе въ системѣ пропорціональности. Изд. Имп. Акад. Худ. Спб. 1872; А. Парландъ Храмы древней Греціи (лекціи). Спб. 1890. *Ред.*

[2]) „О различіи стилей въ греч. ваяніи", ст. П. Леонтьева (въ „Пропилеяхъ", I). *Ред.*

шагося изображеніями Аполлона-кіѳарэда и Вакханки, Праксителя, изваявшаго многочисленныя статуи Афродиты, и Лисиппа, знаменитаго своими фигурами Геракла и Александра Великаго. Но вообще отъ этихъ величайшихъ художниковъ древности дошло до насъ очень немного произведеній (отъ Фидія напр. уцѣлѣли только барельефы), которыми были украшены фронтоны и метопы парѳенона [да нѣсколько позднихъ репликъ его Аѳины и Зевса, отъ Праксителя—же найденная въ олимпійскихъ раскопкахъ статуя Гермеса съ младенцемъ Діонисомъ на рукахъ да, быть можетъ, мантинейскіе фрагменты рельефной сцены состязанія Аполлона съ Марсіемъ], такъ что огромное количество античныхъ статуй, наполняющихъ нынѣшніе музеи и глиптотеки Европы, принадлежитъ уже позднѣйшему періоду греческаго искусства. Напр. знаменитая Венера Медицейская и не менѣе знаменитый Аполлонъ Бельведерскій относятся по своему происхожденію ко II в. предъ Р. Хр. и слѣдовательно были только художественнымъ подражаніемъ геніальнымъ мастерамъ прежняго времени, создавшимъ какъ типы, такъ и технику искусства [1]).

Наконецъ живопись грековъ служитъ какъ бы отраженіемъ ихъ пластики, воспроизводя преимущественно фигуры и группы фигуръ, плоды, цвѣты и вообще nature morte, но вовсе не касаясь пейзажа. Изъ греческихъ живописцевъ самыми замѣчательными считались Полигнотъ—аѳинянинъ, Зевксидъ и Паррасій—эфесцы и Апеллесъ—сикіонянинъ, признанный величайшимъ художникомъ Греціи, но мы можемъ судить о нихъ только по отзывамъ древнихъ, такъ какъ изъ произведеній ихъ не дошло до насъ почти ничего,—тѣмъ болѣе, что масляной живописи они не знали, а писали водяными или же восковыми красками, наряду съ которыми употреблялась и мозаика, и только картины этого послѣдняго вида да еще изображенія на глиняныхъ вазахъ и могли сохраниться до нашего времени. [Впрочемъ этою „вазовою живописью“, давшею благодаря многочисленнымъ керамическимъ находкамъ послѣднихъ десятилѣтій богатѣйшій матеріалъ для исторіи греческаго искусства, отчасти восполняется утрата крупныхъ живо-

[1]) Ѳ. Буслаевъ „Женскіе типы въ изваяніяхъ греч. богинь“; П. Леонтьевъ „Венера Таврическая“; А. Н. „Венера Милосская“ (всѣ статьи въ „Пропил.“ I). А. В. Праховъ Изслѣдованія по исторіи греч. искусства. Спб. 1871; Шарп Древняя скульптура. Спб. 1889; Г. Г. Павлуцкій Фидій. Кіевъ. 1890; В. Аппельротъ Великіе греч. ваятели 4-го вѣка. I. Пракситель. М. 1893; его же Мантинейскіе рельефы (Филол. Обозр. 1895, т. VIII); С. Рейнахъ Книдская Венера (Вѣстн. изящн. иск. 1888); В. К. Мальмбергъ Метопы древне-греч. храмовъ. Каз.-Дерпт. 1872; его же По поводу рельефовъ изъ Мантиней (Ж. М. Нар. Пр. 1895). *Ред.*

писныхъ произведеній, такъ какъ въ ней весьма часто мы вправѣ видѣть ремесленное отраженіе художественныхъ замысловъ и техническихъ пріемовъ великихъ греческихъ мастеровъ кисти [1]).]

b) Словесныя искусства.

Такъ же точно словесныя искусства грековъ,—драматическая поэзія, исторіографія и краснорѣчіе,—достигли тоже полнаго своего развитія въ періодъ времени отъ персидскихъ войнъ до македонскаго владычества.

Начало греческой драмы скрывается въ религіозныхъ обрядахъ, употреблявшихся при служеніи Діонису. Вначалѣ это былъ просто пѣсенный хороводъ въ честь этого бога, но съ теченіемъ времени изъ хора выдѣлились дѣйствующія лица, а во времена Перикла театръ въ Аѳинахъ не только образовался окончательно, но въ немъ уже ставились въ полномъ смыслѣ слова образцовыя произведенія въ трагическомъ, а нѣсколько позже и въ комическомъ родѣ [2]). Къ сожалѣнію отъ трехъ знаменитыхъ трагиковъ греческихъ,—Эсхила, Софокла и Эврипида [3]) дошла до насъ

---

[1]) Paul Girard La peinture antique. P. 1892; K. Wörrmann Gesch. der Malerei. I. Bd. Leipz. 1879; Rayet et Collignon Hist. de la céramique grecque P. 1888; A. Furtwängler u. Reichhold Griechische Wasenmalerei. 1900 слл; по русски основное сочиненіе—Б. В. Фармаковскій Аттическая вазовая живопись и ея отношеніе къ монументальному искусству въ эпоху непосредственно послѣ гр.-перс. войнъ. Спб. 1902; кромѣ того многочисленныя прекрасныя работы проф. Э. Р. ф. Штерна, А. Н. Шварца, ст. А. М. Миронова „Греч. расписныя вазы“ (въ „Вѣстн. изящн. иск. 1890), его же „Картины загробной жизни въ греч. живописи на вазахъ“ (М. 1895) и проч. *Ред.*

[2]) П. Тихоновичъ „Театръ у древнихъ грековъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1869, XII); „О древне-греч. театрѣ“, ст. Б. Ордынскаго (въ „Соврем.“ 1851, т. XXV); С. Цыбульскій Таблицы для наглядnаго преподаванія и изученія греч. и рим. древностей. XII—XIII. Греческій театръ. Варш. 1891; его же Объяснит. текстъ къ таблицамъ. Ц.-Село. 1891; Г. Эмихенъ Греч. и римскій театръ (перев. И. Семенова). М. 1894; В. В. Латышевъ Очеркъ греч. древн., ч. 2-ая. Изслѣдованія Дерпфельда въ области архитектуры греческаго театра пролили совершенно новый свѣтъ на его устройство и исторію. Результаты этихъ изслѣдованій собраны имъ въ книгѣ о греч. театрѣ, написанной въ сотрудничествѣ съ Рейшемъ (W. Dörpfeld u. Reisch Das griechische Theater. Athen. 1896). *Ред.*

[3]) Лучшее изданіе греч. сценическихъ произведеній—Guilelmi Dindorfii „Poëtarum scenicorum Graecorum fabulae superstites et deperditarum fragmenta“ (ed. V Lips. 1869). Изъ общихъ сочиненій о греческой драмѣ можно упомянуть: Klein Gesch. d. Dramas; Patin Etudes sur les tragiques grecs (3 vol.); Chaignet La tragédie grecque; Гарусовъ Очерки литературы древн. и нов. народовъ. I. Поэзія драматическая. 2 изд. Спб. 1890; акад. П. В. Никитинъ Къ исторіи аѳинскихъ драматич. состязаній Спб. 1882; Ѳ. Г. Мищенко Очеркъ исторіи греч. драмы (Кіев. Унив. Изв. 1884, кн. 4); его же Женскіе типы античной трагедіи (Русск. Мысль. 1893 кн. 4); его же Отношеніе трагедій Софокла къ современной поэту дѣйствительной жизни въ Аѳинахъ. Кіевъ 1874; В. Семченковъ Изслѣдованіе начала драмы у древнихъ грековъ. Пермь. 1887; Каррьеръ Историч. очерки развитія драмы („Педагогич. сборн.“ 1893); И. Анненскій Античная трагедія (публ. лекція). Спб. 1902; С. Шестаковъ „Софоклъ и его значеніе въ греч. трагедіи“ („Проп.“ II); П. Аландскій „Объ изображеніи душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла“ (Кіевъ, 1876); его же „Филологич. изученіе произведеній Софокла“ („Кіев. Унив. Изв.“ 1877); Д. Бѣляевъ „Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида“ (Казань. 1878); Р. Орбинскій Эврипидъ и его значеніе въ исторіи

только самая незначительная часть ихъ твореній (напр. изъ 113 софокловыхъ драмъ мы имѣемъ теперь только семь). Такъ же точно и отъ Аристофана, творца греческой комедіи, дошло до насъ только 11 изъ 54-хъ піэсъ, имъ написанныхъ [1]). Но и эти немногіе образчики даютъ понятіе о высокомъ совершенствѣ драматическаго искусства у грековъ.

Греки же оставили намъ прекрасные образцы и всѣхъ главныхъ видовъ историографическаго искусства. Сочиненіе Геродота [2]) для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ послужило образчикомъ описательной исторіи, твореніе Θукидида [3]) — прагматической, а Ксенофонтъ [4]) внесъ въ историографію элементъ нравственно-поучительный. Что же касается краснорѣчія,—какъ политиче-

---

греч. трагедіи (Ж. М. Нар. Пр. 1853). „Сборникъ древнихъ классиковъ въ изложеніи для русскихъ читателей": Эсхилъ (въ изложеніи Л. Колланза, перев. П. И. Вейнберга); Софоклъ (тоже); Эврипидъ (тоже). Спб. 1877. Русскіе переводы греч. трагиковъ довольно многочисленны; изъ болѣе новыхъ назовемъ переводы Ап. Григорьева („Антигона" Софокла), С. Д. Шестакова, В. И. Водовозова, П. Д. Шестакова, Н. Котелова, В. Г. Аппельрота, А. Н. Майкова („Кассандра", отрыв. изъ эсхиловой „Орестіи"), Д. Мережковскаго, И. Анненскаго, В. Алексѣева и проч. (см. указатель П. И. Прозорова). *Ред.*

[1]) Объ Аристофанѣ см. статью Б. Ордынскаго въ „Отеч. Зап." 1849 (LXII)—50 г. (LXX, LXXIII); также Θ. Г. Мищенко, „Историко-литературное значеніе комедіи Аристофана „Облака". Кіевъ. 1872. Изъ комедій его существуютъ русскіе переводы „Облаковъ" (И. Муравьева-Апостола и Е. Карновича), „Птицъ" (М. Скворцова), „Лягушекъ" (К. Нейлисова), „Всадниковъ" (А. Станкевича) и др. *Ред.*

[2]) Кромѣ указаннаго (на стр. 2) перевода Θ. Мищенка, лучшаго и новѣйшаго, въ русской литературѣ имѣются и другіе, сдѣланные И. Мартыновымъ (въ сборн. греч. класс.), Андр. Нартовымъ (Спб. 1763—64), и *С.С.* (М. 1876—77; вып. I, II). О Геродотѣ см. Hauvette Hérodote, historien des guerres Médiques. P. 1894; по-русски: П. Рѣдкинъ „Геродотъ и его повѣствованія" (въ „Нов. библ. для воспит." Спб. 1847); Ф. Дьячанъ „Геродотъ и его музы" (Варш. 1877); Θ. Мищенко (op. cit.). См. также Надеждинъ „Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями" („Зап. Од. общ. ист. и древ." I, стр. 3—114; 1844); „Сборникъ древнихъ классиковъ для русск. читателей": Геродотъ, въ изложеніи Георга Суэна (перев. А. Н. Пыпина) Спб. 1877; А. Тиховъ Гомеръ и Геродотъ (Гимн. 1888); проф. В. П. Бузескулъ Введеніе въ ист. Греціи, стр. 51 слл. *Ред.*

[3]) Лучшія изданія греческаго текста—Poppo, Krüger'a, Classen'a, Croiset; Θукидидъ въ перев. Θ. Мищенка съ предисл., примѣч. и указателемъ, 2 т. М. 1887 сл.; его же „Θукидидъ и его сочиненіе". М. 1887—88; его же „Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи". Кіевъ. 1881; проф. В. П. Бузескулъ Периклъ (2-ая глава); его же Введ. въ ист. Гр., стр. 78 слл.; М. И. Мандесъ Опытъ историко-критич. комментарія въ греч. ист. Діодора. Отношеніе Діодора къ Геродоту и Θукидиду. Одесса. 1901. *Ред.*

[4]) Изъ полныхъ изданій греч. текста можно указать на изданіе Зауппе (Лейпц. 1867 слл.) и Диндорфа (Оксфордъ, 1853). Общія сочиненія: Croiset Xenophon, son caractère et son talent. P. 1873; Edm. Lange Xenophon, sein Leben, seine Geistesart u. seine Werke. Gütersloh. 1900. Сочиненія Ксенофонта переведены по русски Г. А. Янчевецкимъ (2 изд. Ревель. 1896). Въ „Сборникѣ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей" Ксенофонту (въ изложеніи А. Гранта, перев. съ англ. М. В. Прахова. Спб. 1876) посвященъ пятый томъ. В. П. Бузескулъ. Введ. въ ист. Гр. стр. 120 слл. *Ред.*

скаго, такъ и судебнаго,—то эта отрасль словеснаго искусства, благодаря свободному общественному устройству греческихъ государствъ и гласности ихъ судопроизводства, достигла въ Греціи такого совершенства, какого потомъ не встрѣчаемъ мы уже нигдѣ до самаго новѣйшаго времени. Сначала свободный даръ природы,—со временъ Исократа краснорѣчіе сдѣлалось искусствомъ, которое изучалось подъ именемъ реторики. Величайшими ораторами Греціи въ эпоху ея упадка были Демосѳенъ и политическій соперникъ его Эсхинъ [1]).

Философія.

Искусство во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ является такимъ образомъ господствующимъ интересомъ въ жизни эллинскаго народа въ этомъ періодѣ. Но рядомъ со всестороннимъ его развитіемъ продолжается однако и работа философскаго мышленія, начавшаяся въ колоніяхъ и перешедшая теперь въ Аѳины, какъ въ главный центръ всей духовной жизни Эллады. Сюда теперь стеклись и здѣсь слились, какъ въ общемъ фокусѣ, философскія ученія іонянъ, пиѳагорейцевъ и элеатовъ, и плодомъ этого столкновенія противоположныхъ системъ и теорій было ихъ взаимное уничтоженіе: явились люди, отрицавшіе всякую философію и науку, доказывавшіе невозможность какого бы то ни было несомнѣннаго, безотносительнаго знанія и въ подтвержденіе своихъ ученій бравшіеся доказывать и опровергать съ одинаковымъ успѣхомъ одни и тѣ же положенія. Такъ же точно отрицали они религію и нравственность, уча, что единственная цѣль въ жизни есть наслажденіе и что право состоитъ только въ силѣ. Такіе учителя назывались софистами и при глубокомъ упадкѣ нравовъ въ эпоху пелопоннесской войны находили большое сочувствіе въ Греціи [2]). Но въ концѣ V ст. аѳинянинъ Сократъ противопоставилъ этимъ лжеученіямъ свою возвышенную нравственную философію, душою которой была послѣдовательно развиваемая имъ въ живой бесѣдѣ съ учениками мысль о тождествѣ добродѣтели

[1]) Лучшія сочиненія: Fr. Blass „Die attische Beredtsamkeit von Gorgias bis auf Lysias“ (Leipz. 1868); A. Schäfer „Demosthenes u. seine Zeit“ (Leipz. 1856—58); А. Морилло и Г. Дебенъ Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ (Юридич. библ. кн. 7). Изд. 2-ое. Спб. 1895; Р. Фолькманъ Реторика грековъ и римлянъ (пер. Н. Веригина. „Гимн.“ 1891); А. Т. Тимофѣевъ Очерки по ист. краснорѣчія Спб. 1899; “Сборн. древн. класс. для русск. чит.“: Демосѳенъ, въ изл. Л. Колланза. Спб. 1876. Есть два русскихъ перевода олинѳскихъ рѣчей и филиппикъ—Вл. Краузе („Греч. классики въ рус. переводѣ“ Казань. 1886) и Ѳ. Г. Мищенко („Рѣчи Демосѳена“. I. М. 1903). *Ред.*

[2]) А. И. Гиляровъ Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи. М. 1888; Ѳ. А. Зеленогорскій „Греч. трагики и софисты“ („Вѣра и раз.“ 1889); Т. Брентано Древніе и современные софисты (пер. Я. Новицкаго). Спб. 1886; М. Демковъ Греч. софисты („Гимн“. 1893). *Ред.*

и знанія. Эта мысль приводила къ тому практическому выводу, что добродѣтели можно научиться, можно усвоить себѣ ее посредствомъ упражненія и что слѣдовательно ей свойственъ универсальный общечеловѣческій характеръ. Отвинувъ въ сторону всякія попытки доискаться первоосновы всего существующаго, Сократъ считалъ единственною сообразною съ достоинствомъ человѣка цѣлью его стремленій самопознаніе, самоуглубленіе, и на этомъ пути пришелъ къ тому убѣжденію, что умъ человѣческій представляетъ частицу ума божественнаго. Такимъ образомъ онъ приписывалъ Божеству непосредственное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ, признавая его вездѣсущіе, всемогущество и благость. Ученіе свое великій философъ этотъ оправдалъ какъ жизнью, представлявшею образецъ нравственности, такъ и мученическою кончиной: обвиненный врагами въ безбожіи, онъ приговоренъ былъ къ смерти и мужественно выпилъ ядъ, не переставая до послѣдней минуты вести философскій разговоръ со своими учениками [1]).

У Сократа было много послѣдователей, впослѣдствіи ставшихъ также родоначальниками различныхъ философскихъ ученій. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ Платонъ, основатель идеалистической философіи, которая процвѣтала въ Аѳинахъ въ первой половинѣ IV вѣка и школу свою имѣла въ академіи. Сущность платонова ученія состоитъ въ томъ, что надъ міромъ вещественнымъ, преходящимъ и измѣнчивымъ, есть еще міръ сверхчувственный, идеальный, состоящій изъ типовъ, по которымъ созданы всѣ предметы природы. Типы эти суть чистыя сущности,—они вѣчны и неизмѣнны, и сумма ихъ составляетъ Божество, которое такимъ образомъ есть абсолютная идея. Человѣкъ, стоя на рубежѣ двухъ міровъ этихъ, принадлежа безсмертной душой своей области духовной, а тѣломъ—чувственной, составляетъ связующее между ними звено. Душѣ человѣческой присущи поэтому врожденныя

---

[1]) Сократъ ничего не писалъ, и съ сущностью его ученія знакомятъ насъ главнымъ образомъ сочиненія Ксенофонта („Memorabilia“, „Symposion“) и отчасти Платона. Krohn. Sokrates u. Xenophon (1875); Joël Der echte u. der Xenophontische Sokrates. Berl. 1893—1901. Пособія на русск. яз.: А. Великановъ „О реформѣ, какую произвелъ Сократъ въ философіи, ея причинахъ и слѣдствіяхъ“ (Одесса. 1842); „Значеніе Сократа, какъ философа-педагога“ ст. въ Ж. М. Н. Пр. (1871, т. CLIV); Блекки „Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, христіанство, утилитаризмъ“ (М. 1878); А. Поспишиль Очеркъ древнегреч. философіи. Сократъ-Платонъ. (Сборн. статей по класс. древн. Вып. 2. Кіевъ, 1885); В. Сиповскій Сократъ и его время (изд. „Посредника“). М. 1896; А. Ждановъ Сократъ какъ педагогъ. Харьк. 1892; Н. Марковъ Педагогъ древняго классич. міра—философъ Сократъ. Черниговъ. 1894; А. Салоникіо „О жизни и ученіи Сократа („Гимн.“ 1894); Л. Снегиревъ, „Жизнь и смерть Сократа, разсказанныя Ксенофонтомъ и Платономъ“. М. 1895. *Ред.*

понятія, которыя суть не что иное, какъ воспоминанія того ея состоянія, когда она была частичкой чистаго мірового духа, съ которымъ предназначена нѣкогда опять соединиться. Высшее благо, а вмѣстѣ и цѣль жизни именно и состоитъ въ раскрытіи этихъ понятій путемъ философствованія,—въ отрѣшеніи духа отъ чувственныхъ побужденій и желаній, въ стремленіи къ полной побѣдѣ надъ тѣломъ, приковывающимъ насъ къ грубому матеріальному міру [1]).

Изъ прочихъ сократиковъ наиболѣе вліятельныя ученія создали Антисѳенъ, основатель школы киниковъ, и Аристиппъ, создавшій школу киренскую. Первая проповѣдывала презрѣніе къ другимъ, равнодушіе къ семьѣ и обществу, словомъ—полное самоудовлетвореніе и ограниченіе своихъ потребностей лишь самымъ необходимымъ; вторая единственною цѣлью жизни ставила наслажденіе. Но, какъ кинизмъ, такъ и киренаизмъ стали знаменитыми ученіями лишь съ того времени, когда были преобразованы—первый въ IV в. Зенономъ, а второй въ III стол. Эпикуромъ [2]). Зенонъ открылъ свою школу въ аѳинской стоѣ, отчего она и получила названіе стоической. Отбросивъ крайности кинизма,—его самоотреченіе и забвеніе всякихъ приличій, граничившее съ

---

[1]) G. Grote Plato and the others companions of Socrates. Lond. 1865—67; Ch. Bénard Platon, sa philosophie précedée d'un aperçu de sa vie et de ses écrits. P. 1892; Ch. Huit La vie et l'oeuvre de Platon. P. 1893. По русски сочиненія Платона переведены В. Карповымъ (4. т. Изд. 2. Спб. 1863); кромѣ того есть переводы отдѣльныхъ діалоговъ: „Философ. бесѣды Платона“ въ перев. А. Клеванова (Евтифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ. М. 1861); „Критонъ“ въ пер. Аристова (Кіевъ. 1870); „Апологія Сокр.“ въ перев. А. Елинскаго (Спб. 1875); „Филебъ“ въ перев. П. И. Менщикова („Пропилеи“, IV); „Лахетъ“ въ перев. В. Краузе (Спб. 1893) и Н. Виноградова (М. 1890); „Федонъ“ въ перев. Лебедева и нѣк. др. Е. Орловъ Платонъ, жизнь и философская дѣятельность. Спб. 1896. Въ „Сборн. древн. классиковъ въ изложеніи“ Лукаса Коллинса Платонъ занимаетъ VI томъ. Въ области спеціальной литературы можно отмѣтить: Виндельбандъ Платонъ (перев. А. Громбаха) Спб. 1900; А. Н. Гиляровъ Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ 1891; его же Платонизмъ какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія. М. 1887; Н. А. Любимовъ „Изученіе природы въ древности и въ новое время“ (Русск. Вѣстн. 1891); его же „Ист. физики“ (кн. 3); Е. Н. Трубецкой Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историч. значеніи („Вопр. фил. и пед.“ 1889); А. Клевановъ Обозрѣніе философской дѣятельности Платона и Сократа (по Целлеру). М. 1891; Д. И. Писаревъ Идеализмъ Платона (собр. соч.). *Ред.*

[2]) „Діогенъ киникъ“ ст. Гёттлинга („Пропилеи“ IV); Ѳ. А. Зеленогорскій Циники („Вѣра и Раз.“ 1891); С. Говоровъ Моральная философія стоиковъ въ отношеніи къ христіанству („Вѣра и Раз.“ 1888); Ив. Ивановъ Забытые предшественники XVIII вѣка (эпикурейство и стоицизмъ); О. Ѳ. Базинеръ Эпикуреизмъ и его отношенія къ новѣйшимъ теоріямъ естественныхъ и философскихъ наукъ. Одесса. 1889; Ю. А. Кулаковскій Философъ Эпикуръ и вновь открытыя его изреченія. Кіевъ. 1889; В. И. Модестовъ. Эпикуреизмъ и современный интересъ къ нему (Русск. Мысль. 1890); Н. А. Любимовъ Физич. ученіе Эпикура по изложенію Лукреція („Ист. физики“, кн. 4). *Ред.*

безстыдствомъ, онъ сталъ учить, что жизнь человѣка должна быть согласна съ разумомъ или, что тоже, съ природой, такъ какъ природа есть воплощеніе верховнаго разума; поэтому мудрецъ долженъ быть равнодушенъ ко всему случайному,—къ страданію и къ наслажденію, а какъ вся жизнь есть рядъ такихъ случайностей, то равнодушенъ и къ самой жизни. Эпикуръ напротивъ, исходя изъ той мысли, что истинное знаніе вообще недостижимо для человѣка, а, стало быть, незачѣмъ и добиваться его,—совѣтовалъ наслаждаться жизнью, но наслаждаться разумно, умѣренно и благородно, притомъ—ища въ ней не однихъ чувственныхъ, но и духовныхъ удовольствій. Только впослѣдствіи эпикуреизмъ отклонился отъ этой умѣренной формы своего основателя и отождествился съ необузданною чувственностью и даже распутствомъ.

Такъ разошлись мыслители греческіе въ основныхъ взглядахъ своихъ на жизнь. Понятно, что въ виду разногласія ихъ по самымъ существеннымъ вопросамъ нравственности и философскаго умозрѣнія многіе стали приходить къ убѣжденію, что на землѣ вообще нѣтъ никакого критерія истины, а если нѣтъ критерія истины, то нѣтъ и достовѣрнаго знанія, нѣтъ науки и остается одно сомнѣніе. Это и высказалъ Пирронъ, основатель школы скептиковъ, которая возникла въ началѣ IV в. Нравственная философія грековъ кончилась такимъ образомъ сомнѣніемъ въ истинѣ, какъ предъ тѣмъ физическая кончилась ея отрицаніемъ [1]).

III. Вѣкъ науки. Его общій характеръ.

Когда завоеванія Александра доставили грекамъ господство надъ исторической Азіей, умственный горизонтъ ихъ быстро расширился. Разомъ познакомились они съ массою новыхъ явленій физическихъ и общественныхъ, съ далекими землями и морями, съ невѣдомыми дотолѣ народами и формами быта. Эллинскій народъ возмужалъ и умудрился многостороннею опытностью, собственною и чужою. Творческій геній его искусства изсякнулъ вмѣстѣ съ отлетѣвшею юностью; настала пора воспоминаній, сравненій, повѣрки, анализа, критики,—насталъ вѣкъ разума. Мечтательныя умозрѣнія Платона, одностороннія нравственныя теоріи Зенона и Эпикура не удовлетворяли болѣе. Греки почувствовали потребность положительнаго знанія и создали науку. Это новое направленіе греческой образованности развилось преимущественно въ Александріи, со временъ Птолемеевъ сдѣлавшейся не только средоточіемъ всемірной торговли, но и всемірнаго образованія. Древняя слава Аѳинъ въ томъ и другомъ отношеніи теперь

[1]) См. по исторіи скептицизма ст. Э. Л. Радлова въ Ж. М. Н. Пр. (1887, II сл.). *Ред.*

меркнетъ, и этотъ послѣдній въ исторіи эллинской культуры періодъ по справедливости называется александрійскимъ [1]).

Аристотель.

Въ преддверіи александрійскаго вѣка греческой образованности стоитъ величайшій мыслитель эллинскаго и всего древняго міра Аристотель, творецъ эмпирической философіи, истинный основатель европейской науки. Благодаря покровительству и щедрости своего царственнаго питомца Александра Великаго, человѣкъ этотъ имѣлъ случай обогатить свой умъ самыми разносторонними свѣдѣніями и, хотя воспитывался въ платоновой академіи, но усвоилъ себѣ направленіе, совершенно противоположное тому, какому слѣдовалъ его учитель. Направленіе это было опытное, а методъ его—аналитическій. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ выходитъ изъ непосредственнаго наблюденія частностей, изучаетъ идеи не иначе, какъ въ ихъ конкретномъ проявленіи, и уже отъ особеннаго заключаетъ къ общему. Многочисленныя сочиненія Аристотеля обнимаютъ почти всѣ отрасли человѣческихъ знаній; онъ положилъ твердое научное основаніе логикѣ съ метафизикой, реторикѣ съ поэтикой (по нынѣшнему—теоріи словесности), этикѣ или ученію о нравственности, психологіи, политикѣ или обществовѣдѣнію и физикѣ или наукѣ о природѣ въ обширномъ смыслѣ, въ особенности же естественной исторіи, для основательной разработки которой онъ располагалъ обширнымъ матеріаломъ изъ естественныхъ коллекцій, доставленныхъ ему при содѣйствіи и по распоряженію Александра. Такимъ образомъ вполнѣ справедливо называть его отцомъ европейской науки. Его философскіе трактаты, переведенные потомъ на сирійскій, арабскій и латинскій языки, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ были единственной здравой умственной пищей и высочайшимъ авторитетомъ для культурныхъ народовъ Азіи и Европы. Для александрійскихъ же ученыхъ, непосредственно слѣдовавшихъ за Аристотелемъ, основанная имъ въ аѳинскомъ лицеѣ философская школа перипатетиковъ (отъ περιπατεῖν прохаживаться) сдѣлалась исходнымъ пунктомъ всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ трудовъ [2]).

---

[1]) Susemihl Gesch. d. griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit. 2 Bde. Leipz. 1891—92; Couat La poésie alexandrine sous les trois premiers Ptolemées. P. 1882; А. Н. Деревицкій О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древн. Греціи. Харьк. 1891; В. И. Бузескулъ Введеніе въ ист. Гр., стр. 223 слл. *Ред.*

[2]) Изъ сочиненій Аристотеля его логическій трактатъ „О категоріяхъ“ переведенъ по русски М. И. Касторскимъ (Спб. 1859), „Поэтика“—Б. Ордынскимъ (М. 1854) и В. Аппельротомъ (М. 1893), „Политика“—Н. Скворцовымъ (Изд. 2. М. 1893), „Этика“—Э. Радловымъ (въ Ж. М. Н. Пр. за 1884—86 гг.), „Объ истолкованіи“—имъ же (Ж. М. Нар. Пр. 1891), „Первая аналитика“—Н. Н. Ланге (Спб. 1894), „Риторика“—Н. Н. Платоновою (Спб. 1894), „Мета-

Счастливое положеніе Александріи въ самомъ средоточіи древняго историческаго міра, разрушеніе Тира и упадокъ Аѳинъ, которыя могли соперничать съ ней въ этомъ отношеніи, мудрая политика первыхъ Птолемеевъ, превосходная гавань, богатство страны и роскошь мѣстной природы,—все это сдѣлало городъ Александра Великаго, ставшій также и мѣстомъ его погребенія,—центромъ всемірныхъ сношеній въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій предъ Р. Х., и даже въ римскія времена она долго еще не утрачивала своего блеска и значенія. Въ цвѣтущее время ея пестрое населеніе, состоявшее изъ смѣси туземцевъ, грековъ, евреевъ, сирійцевъ, простиралось, говорятъ, до милліона. Вмѣстѣ съ представителями всѣхъ народовъ древняго міра и произведеніями всѣхъ странъ сюда стеклись всевозможные религіозные культы и разнообразнѣйшія философскія ученія. Плодомъ такого сліянія въ одномъ фокусѣ столь многоразличныхъ элементовъ былъ пантеизмъ въ религіи и эклектизмъ въ философіи и наукѣ. Выраженіемъ перваго служилъ культъ Сераписа, введенный Птолемеями; органомъ и разсадникомъ втораго явился основанный ими музей. Здѣсь, стало быть, могли быть подведены итоги всему предшествовавшему развитію греческаго духа, могло быть обсужено, взвѣшено и расклассификовано все неисчерпаемое богатство его твореній,—говоря другими словами, здѣсь только могла развиться настоящая греческая наука. Значеніе Александріи.

Средоточіемъ всего литературнаго, философскаго и научнаго движенія въ Александріи, какъ сказано, былъ музей, возникшій при первомъ Птолемеѣ и окончательно развившійся при сынѣ его Филадельфѣ. Это было громадное зданіе, соединенное съ царскимъ дворцомъ. Здѣсь помѣщалась, во-первыхъ, знаменитѣйшая въ древности библіотека, состоявшая по однимъ изъ 400, а по другимъ изъ 700 тысячъ свитковъ; далѣе—естественно-историческая коллекція, обсерваторія и анатомическая школа; кромѣ того при музеѣ находился звѣринецъ и ботаническій садъ. Одно время работало здѣсь, говорятъ, до 14 т. ученыхъ; многіе изъ нихъ имѣли здѣсь помѣщеніе и содержались на царскомъ иждивеніи. Ни прежде, ни послѣ не было въ древности подобнаго учрежденія, Музей.

физика“—В. Первовымъ и В. Розановымъ (Ж. М. Н. Пр. 1893—95), „Аѳинская политія“ Н. Шубинымъ (Спб. 1891) и А. Ловягинымъ (Спб. 1895). Кромѣ того слѣдуетъ назвать: Ѳ. А. Зеленогорскаго „Ученіе Аристотеля о душѣ“; В. И. Захарова „Поэтика Аристотеля“ (Варшава. 1885); А. Карнѣева „Къ вопросу объ истолкованіи поэтики Аристотеля“ (Ж. М. Н. Пр. 1887, CCL); Е. Литвиновой Аристотель (библ. Павленкова); А. П. Казанскаго Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса. 1891; П. Э. Лейкфельда Логич. ученіе объ индукціи. I. Аристотель (Ж. М. Нар. Пр. 1895). *Ред.*

да и нигдѣ потомъ не представлялось такихъ средствъ и такого богатаго матеріала для научныхъ занятій. Литераторы, филологи, антикваріи, философы, натуралисты разныхъ направленій и спеціальностей толпились здѣсь, обмѣниваясь другъ съ другомъ своими свѣдѣніями и идеями. Все, что было знаменитаго въ наукѣ и литературѣ александрійскаго времени, вышло изъ стѣнъ музея или группировалось вокругъ него.

Александрійская ученость.

Въ музеѣ или подъ его вліяніемъ разрабатывались слѣдующія науки:

1) Грамматика и поэзія.

Грамматика, подъ именемъ которой разумѣли въ Александріи не только ученіе о языкѣ, но и весь тотъ кругъ знаній, который въ настоящее время извѣстенъ подъ именемъ филологіи въ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. критику и герменевтику, метрику, археологію, миѳологію и проч. Знаменитѣйшими грамматиками музея были Зенодотъ, Аристофанъ Византійскій, Аристархъ и Каллимахъ. Они очистили, провѣрили, оцѣнили и расклассифицировали произведенія древней греческой словесности; въ установленныхъ ими редакціяхъ дошли эти произведенія и до насъ. Послѣдній изъ названныхъ ученыхъ считался кромѣ того и самъ знаменитымъ поэтомъ, хотя его гимны и особенно эпиграммы при всей ихъ тщательной отдѣлкѣ и рѣдкой эрудиціи автора не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ художественнаго творчества. Впрочемъ и вся изящная литература александрійскаго времени имѣетъ вообще ученый и искусственный характеръ, какъ это видно на двухъ самыхъ прославленныхъ поэтахъ этого вѣка— Аполлоніи родосскомъ и Ѳеокритѣ сиракузскомъ, извѣстномъ своими идилліями, т.-е. стихотвореніями, въ идеализированныхъ краскахъ воспѣвавшими сельскій и пастушескій бытъ [1]). За то филологамъ музея обязано человѣчество сохраненіемъ и сравнительно болѣе исправной передачей литературныхъ твореній цвѣтущей поры греческой жизни, а христіанскій міръ кромѣ того и переводомъ Священнаго Писанія В. Завѣта съ еврейскаго на греч. яз., извѣстнымъ подъ именемъ перевода семидесяти толковниковъ и возникшимъ въ половинѣ III вѣка, при Птолемеѣ Филадельфѣ.

2) Историіографія.

Если въ лучшую пору греческой жизни въ лицѣ Геродота и Ѳукидида исторія была своего рода искусствомъ, требовавшимъ тоже извѣстнаго творчества, то въ александрійское время она представляетъ уже попытки сдѣлаться предметомъ науки. Такъ

[1]) См. „Идиліи“ Ѳеокрита въ перев. Янчевецкаго („Фил. Зап.“ 1875, V; 76, IV); В. В Латышевъ „Изъ греч. поэтовъ“. Спб. 1896.

Эвгемеръ предпринялъ во II в. опытъ разумнаго (раціоналистическаго) объясненія миѳовъ,—опытъ конечно весьма грубый, по которому выходило, что греческіе боги были не болѣе, какъ божественные люди, и вся миѳологія—аллегорическій разсказъ объ ихъ дѣйствительныхъ приключеніяхъ и подвигахъ; но все же Эвгемеръ былъ первый, который посмотрѣлъ на это дѣло съ научной точки зрѣнія. Такъ же точно халдейскій жрецъ Берось и египетскій—Манеѳонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о древнѣйшей исторіи своего отечества, т. е. Вавилоніи и Египта, пытаются уже относиться критически къ дошедшимъ до нихъ преданіямъ и памятникамъ. Наконецъ знаменитый энциклопедистъ александрійскаго вѣка Эратосѳенъ своими изысканіями о времени важнѣйшихъ событій положилъ основаніе научной хронологіи.

3) Географія.

Тотъ же Эратосѳенъ можетъ считаться и основателемъ научной географіи. Въ своемъ обширномъ трудѣ, посвященномъ этому предмету, онъ первый раздѣлилъ ее на математическую, физическую и историческую и постарался воспользоваться всѣми тѣми новыми открытіями и свѣдѣніями, которыми обогатили науку завоеванія и походы Александра Великаго и его сирійскихъ преемниковъ. Онъ же составилъ и новую карту всего извѣстнаго тогда міра, а его наблюденія въ области географіи физической даже изумительны для того времени. Такъ онъ изслѣдовалъ положеніе и очертаніе континентовъ, уровень океана, возвышеніе дна морского, а равно и слѣды геологическихъ переворотовъ на земной поверхности. Онъ первый отрѣшился отъ миѳическихъ представленій Гомера, указалъ на недостатки его географическихъ сообщеній и даже додумался до признанія шарообразной формы земли, не допуская лишь ея подвижности [1]).

4) Астрономія и математика.

Успѣхи географіи въ сильной степени условливались успѣхами астрономіи и вообще наукъ математическихъ. Знаменитые астрономы Александріи были вмѣстѣ и основателями научнаго землевѣдѣнія: это—тотъ же Эратосѳенъ и Птолемей. Первому астрономія обязана научнымъ опредѣленіемъ главныхъ математическихъ линій земного шара—экватора, параллелей, меридіановъ, оси и проч., а сочиненіе второго,—„Синтаксисъ“ или математическое построеніе неба, представляетъ сводъ всего, что сдѣлано было по этой части древне-восточными и греческими учеными. Въ теченіи среднихъ вѣковъ сочиненіе это служило для европейскихъ народовъ почти единственнымъ источникомъ ихъ по-

[1]) H. Berger Gesch. der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig. (1894). *Ред.*

нятій о механизмѣ и феноменахъ вселенной, а переведенное на арабскій языкъ подъ именемъ „Альмагеста“ такое же значеніе пріобрѣло и для магометанскаго средневѣкового міра. „Синтаксисъ“ или „Альмагестъ“ уже весьма точно представляетъ движеніе планетъ по ихъ орбитамъ, равно какъ и вращеніе луны около земли со всѣми происходящими отъ того явленіями. Однако, служа вмѣстѣ съ птолемеевой же географіей, въ которой описаны земли отъ Канарскихъ острововъ до границъ Серики (Китая) и отъ экватора до Каледоніи, главнымъ руководствомъ въ европейскихъ школахъ вплоть до XV ст., это сочиненіе немало способствовало и тому заблужденію, господствовавшему въ средніе вѣка, въ силу котораго земля представлялась неподвижною въ пространствѣ вселенной, а солнце, луна и планеты—вращающимися около этого центра.

Вообще александрійская астрономія не имѣла еще вѣрнаго представленія о механизмѣ вселенной. Даже величайшій изъ астрономовъ этого времени Гиппархъ, составитель точныхъ солнечныхъ и лунныхъ таблицъ, изобрѣтатель астролябіи, діоптра и планиглоба, подобно Птолемею и другимъ астрономамъ вѣка видѣлъ въ механизмѣ этомъ не болѣе, какъ одну геометрическую фикцію. Да и главное орудіе астрономіи—математика, сдѣлавшая, правда, большіе успѣхи, въ сущности только начала развиваться Въ области геометріи Эвклидъ создалъ ту систему, по которой теперь преподается эта наука, лѣтъ за 300 до Р. Х.; Гиппарху извѣстна была уже плоская и сферическая тригонометрія, а Аполлоній пергскій оставилъ намъ трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ. Но величайшимъ математикомъ эпохи былъ безъ сомнѣнія сиракузянинъ Архимедъ, жившій въ концѣ III в., одинаково знаменитый какъ въ чистой, такъ и прикладной области этой науки. Ему принадлежитъ нѣсколько капитальныхъ открытій въ геометріи, но истинную его славу составили заслуги въ области физики и особенно механики, гдѣ онъ открылъ и изслѣдовалъ основные законы статики и гидростатики и гдѣ имя его увѣковѣчено изобрѣтеніемъ винта, рычага, сложныхъ блоковъ, зажигательныхъ зеркалъ и проч.

5) Естествознаніе и медицина.

Благодаря великолѣпнымъ естествоиспытательнымъ учрежденіямъ музея—лабораторіямъ, звѣринцу, ботаническимъ садамъ и разнымъ коллекціямъ, александрійская ученость плодотворно коснулась и разныхъ отраслей естествовѣдѣнія,—химіи, зоологіи и ботаники,—труды Діоскорида напр. въ области послѣдней науки считаются ея рудиментами,—хотя съ другой стороны въ

александрійскихъ же школахъ развились и тѣ тайныя знанія,— алхимія, астрологія, магія,—начало которыхъ должно искать на древнемъ Востокѣ и которыя потомъ были въ такомъ ходу въ средневѣковомъ обществѣ Европы и Азіи. Даже такіе ученые, какъ Птолемей, не были свободны отъ этихъ суевѣрій. Наконецъ большіе успѣхи сдѣлала въ Александріи также и медицина, научное основаніе которой еще въ эпоху пелопоннесской войны положилъ Гиппократъ [1]). Теперь эта отрасль значительно усовершенствовалась, благодаря ревностнымъ занятіямъ анатоміей, усердно практиковавшимся въ александрійскихъ школахъ, гдѣ мѣстный обычай бальзамированія труповъ безпрестанно подавалъ случай ко вскрытіямъ человѣческаго тѣла, а, стало быть, и къ изученію его внутренняго строенія.

6) Философія.

За то гораздо менѣе продуктивна была философія разсматриваемой эпохи. Правда, философскія школы, возникшія въ IV стол., продолжали еще существовать и имѣли многихъ замѣчательныхъ представителей, но изъ нихъ ни одинъ не сравнился съ великими мыслителями предшествующаго періода и не выставилъ какой-либо новой, оригинальной системы,—большинство тратило силы и время въ безплодной полемикѣ другъ съ другомъ. Сообразно съ практическимъ направленіемъ вѣка главный интересъ философовъ александрійскаго времени сосредоточился на этикѣ, и оттого выдающуюся роль стали разыгрывать школы стоическая и эпикурейская, приведшія философію въ наиболѣе тѣсную связь съ жизнью. Со стоиками вела ожесточенную борьбу академія, въ которой при ближайшихъ преемникахъ Платона (Спевсиппѣ, Ксенократѣ и др.) его возвышенное ученіе объ идеяхъ должно было уступить пиѳагорейской доктринѣ о числахъ, а въ началѣ III стол., при Аркесилаѣ, и позднѣе, при Карнеадѣ, сталъ господствовать въ нѣсколько подновленномъ видѣ скептицизмъ Пиррона. Эта преобразованная или, какъ обыкновенно ее называютъ, новая академія, отрицая подобно древнѣйшимъ скептикамъ существованіе объективнаго критерія истины и слѣдовательно возможность достовѣрнаго знанія, создала ученіе о вѣроятности (τὸ πιθανόν), рекомендовавшее въ области нравственности отдавать предпочтеніе тѣмъ положеніямъ, для которыхъ является возможнымъ подыскать наиболѣе основаній. Впрочемъ, спустя два столѣтія послѣ Аркесилая, въ римскія времена, платонова школа

---

[1]) „Объ Ипократѣ и его ученіи, съ переводомъ на русск. яз. трехъ главнѣйшихъ и подлинныхъ его книгъ". Прагматич. соч. Семена Вольскаго. Спб. 1840. *Ред.*

еще разъ подверглась реорганизаціи: во главѣ ея стали Филонъ изъ Лариссы и Антіохъ изъ Аскалона, дѣйствовавшіе въ примирительномъ духѣ и возвратившіеся къ прежнему догматизму. Что же касается школы перипатетиковъ, то она всегда оставалась вѣрна принципамъ своего великаго основателя. Начиная съ его непосредственныхъ преемниковъ,—Эвдема и Θеофраста [1])—она не переставала развивать далѣе систему Аристотеля, обращая при этомъ больше вниманія на эмпирическую, нежели на умозрительную ея сторону, что вполнѣ соотвѣтствовало тому широкому научному движенію, которое характеризуетъ александрійскій періодъ греческой жизни.

Заключеніе. Вотъ въ главныхъ чертахъ кругъ явленій, который протекла греческая образованность въ своемъ историческомъ развитіи; но и этого краткаго очерка достаточно, чтобы видѣть всю важность ея всемірно-историческаго значенія, такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ литературы, искусства и науки греческому генію принадлежитъ слава или непосредственнаго почина, или дальнѣйшаго усовершенствованія. Вотъ почему эллинская культура по всѣмъ правамъ можетъ считаться основаніемъ и исходнымъ пунктомъ всего нынѣшняго духовнаго развитія Европы.

B. Римляне.

Для западныхъ народовъ, историческое развитіе которыхъ стоитъ непосредственно на почвѣ римской культуры, изученіе древняго Рима имѣетъ ближайшій интересъ и важность. Поэтому, какъ только возникла тамъ серьезная историческая наука, стали появляться и первыя изслѣдованія въ области римской исторіи. Но разъясненіе древнѣйшей исторіи Рима по самому свойству нашихъ источниковъ представляетъ почти неодолимыя трудности. Источники эти состоятъ большею частью изъ народныхъ преданій или сагъ, записанныхъ позднѣйшими собирателями. Правда, были у римлянъ и болѣе достовѣрные и положительные историческіе памятники,—анналы понтификовъ, городскія и фамильныя хроники, магистратскіе списки,—но памятники эти врядъ ли восходили до временъ царей, да и самое письмо стало извѣстно въ Римѣ не ранѣе эпохи Тарквиніевъ, т.-е. VI стол. предъ Р. Х. [2]). При томъ же древнѣйшіе изъ такихъ документовъ по всей вѣроятности погибли во время галльскаго разгрома, и даже римскіе анналисты (Фабій Пикторъ, Порцій Катонъ, Корнелій Сизенна и др.), жившіе и писавшіе не прежде 2-й пунической войны,

---

[1]) Б. Ордынскій „Характеры Θеофраста“ („Соврем.“ 1850, т. XXIII); Θеофрастъ Характеристики (перев. В. Алексѣева) Изд. 2. Спб. 1893. *Ред.*

[2]) Однако В. И. Модестовъ въ своей книгѣ „Римская письменность въ періодъ царей“ (Казань, 1868) доказываетъ, что латинскій алфавитъ возникъ въ Лаціи задолго до основанія Рима и что въ періодъ царей римляне уже обладали письменностью, какъ свѣтскою, такъ и духовною. *Ред.*

едва ли пользовались ими. Такимъ образомъ римская исторія трехъ или даже четырехъ первыхъ столѣтій представляетъ рядъ сказаній,—чѣмъ древнѣе, тѣмъ менѣе достовѣрныхъ,—цѣликомъ перешедшихъ въ сочиненія тѣхъ историковъ, которые за утратою произведеній болѣе раннихъ анналистокъ остаются теперь для насъ главными авторитетами. Таковы Ливій, Цицеронъ, Полибій, Діонисій Галикарнасскій, Плутархъ,—почти всѣ относящіеся уже къ весьма поздней порѣ, ко временамъ императорскимъ. Конечно среди столь ненадежнаго матеріала есть и нѣсколько твердыхъ пунктовъ, фактическихъ и хронологическихъ, какъ напр. договоръ Тарквинія II-го съ Габіями, торговый договоръ съ Карѳагеномъ, заключенный въ первомъ году республики, и нѣкоторые др.; но такихъ документальныхъ точекъ опоры весьма немного,—не болѣе семи или восьми. При этихъ условіяхъ построить хотя приблизительно достовѣрную древнѣйшую исторію Рима, извлечь изъ баснословныхъ преданій заключающіяся въ нихъ историческія зерна, объяснить составныя части и самое происхожденіе миѳовъ—задача чрезвычайно трудная. Надъ разрѣшеніемъ ея съ самаго начала нашего вѣка трудились лучшіе критическіе таланты Германіи. Первымъ изъ нихъ былъ Б. Г. Нибуръ, видѣвшій въ извѣстныхъ сказаніяхъ объ основаніи Рима и первыхъ царяхъ не болѣе, какъ народный эпосъ, выданный позднѣйшими писателями за настоящую исторію и переданный ими потомству уже въ реторической формѣ, съ примѣсью нѣкоторыхъ заимствованій изъ греческихъ преданій и собственныхъ искаженій. Цѣлью своей критики Нибуръ поставилъ прежде всего разложеніе ливіанскихъ разсказовъ на ихъ составныя части, оцѣнку этихъ частей, выдѣленіе изъ нихъ приблизительно достовѣрнаго матеріала и затѣмъ возсозданіе по этимъ обломкамъ и съ помощью аналогій изъ исторіи другихъ народовъ всего процесса происхожденія, внутренняго устройства и древнѣйшей судьбы римскаго государства. Большая часть положительныхъ выводовъ Нибура въ наше время потеряла уже кредитъ, но отрицательная сторона его работы, т.-е. доказанная имъ несостоятельность Ливія, какъ и вообще долго принимавшихся на вѣру разсказовъ о древнѣйшей исторіи Рима, а равно созданный имъ критическій методъ остались вѣчными пріобрѣтеніями науки [1]).

Но, доказавъ миѳическій характеръ всей начальной римской исторіи, Нибуръ оставилъ безъ объясненія самое происхожденіе этихъ миѳовъ. За это дѣло въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка взялся другой нѣмецкій ученый Швеглеръ, филологъ и богословъ по профессіи. Швеглеръ видитъ въ сохраненныхъ Ливіемъ преданіяхъ рядъ этіологическихъ миѳовъ, т.-е. такихъ, которые возникли [изъ попытокъ генетическаго объясненія существующихъ обычаевъ, обрядовъ, учрежденій, памятниковъ, мѣстныхъ и личныхъ названій и т. п.]. Допускаетъ онъ, правда, и нѣкоторое вліяніе греческихъ сказаній, но въ большинствѣ случаевъ миѳы эти — чисто мѣстнаго происхожденія и создались подъ сильнымъ вліяніемъ топографическихъ условій и элементовъ, заимствованныхъ изъ языка [2]).

---

[1]) Niebuhr „Römische Geschichte“ (Berl. 1811—32. 3 Bde). По русски имѣется только помѣщенный въ 30-хъ годахъ въ „Москов. Телеграфѣ“ переводъ рецензіи А. В. Шлегеля, въ которой онъ пытался доказать, что вся легендарная исторія древнѣйшаго Рима заимствована изъ греческихъ сказаній, такъ что въ сущности это—греческій романъ. Біографическій очеркъ, посвященный Нибуру, можно найти у Грановскаго (въ „Соч.“ и въ „Отеч. Зап.“ за 1841 г., т. XIV, 1). [См. также „Нибуръ, его жизнь и дѣятельность“,—перев. съ нѣм. Л. Вейнберга. М. 1894]. **II.**

[2]) Schwegler „Röm. Gesch.“ (Tübing. 1853—58; fortgeführt v. Clason, Berl. 1873). Русскую публику съ сочиненіемъ Швеглера познакомили статьи К. у-

Наконецъ въ 50-хъ годахъ появился новый капитальный нѣмецкій трудъ по этому предмету,—„Римская исторія“ Т. Моммзена, переведенная и на русскій

дрявцева („Отеч. Зап.“ 1854) и Рославскаго-Петровскаго (Ж. М. Н. Пр. 1856). Чтобы дать понятіе о пріемахъ его тонкаго и сложнаго анализа, приведемъ предложенное имъ объясненіе ромуловой саги. Сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ. Въ латинскомъ городѣ Альбѣ Лонгѣ царствуютъ потомки троянца Энея—Нумиторъ и Амулій. Послѣдній свергаетъ съ престола старшаго брата, убиваетъ сына его, а дочь Рею-Сильвію отдаетъ въ весталки. Но Сильвію въ Луперкальской пещерѣ застаетъ богъ Марсъ, и она родитъ отъ него двухъ близнецовъ,—Ромула и Рема. Амулій велитъ ихъ всѣхъ, т.-е. мать и ея сыновей, бросить въ Тибръ, но тутъ малютокъ, выкинутыхъ волнами на берегъ, находитъ у руминальской смоковницы волчица и кормитъ ихъ своимъ молокомъ, пока пастухъ Фавстулъ и жена его Акка Ларенція не даютъ имъ пріюта. Тутъ выростаютъ они смѣлыми пастухами и, узнавъ отъ Фавстула тайну своего происхожденія, собираютъ дружину такихъ же, какъ они, удальцовъ, убиваютъ своего гонителя Амулія и возвращаютъ дѣду Нумитору альбанскій престолъ. Въ благодарность за это они получаютъ отъ него позволеніе на берегу Тибра, на холмѣ Палатинскомъ, мѣстѣ ихъ чуднаго спасенія въ дѣтствѣ, построить городъ, который и названъ по имени Ромула Римомъ. При основаніи города Ремъ убитъ братомъ, а Ромулъ дѣлается его первымъ царемъ, даетъ ему древнѣйшее устройство и послѣ успѣшныхъ войнъ съ сосѣдями безслѣдно исчезаетъ. Римляне обожествили его подъ именемъ Квирина. Вотъ содержаніе мнѣа. Отбросивъ всякія аллегорическія объясненія вродѣ того, что напр. Марсъ означаетъ здѣсь воинственный духъ народа, незаконность рожденія близнецовъ—сбродный характеръ первоначальнаго населенія Рима, пастухи—намекъ на прежнее занятіе римлянъ скотоводствомъ, Швеглеръ рѣшилъ, что въ сагѣ этой нѣтъ ничего историческаго, что это—чистый вымыселъ, и объяснилъ процессъ ея возникновенія слѣдующимъ образомъ. Во 1-хъ, преданіе говоритъ, что названіе города Roma произошло отъ имени его основателя—Romulus; но этому противорѣчатъ всѣ законы языка, такъ какъ производное отъ Romulus имя было бы Romulea или Romulia, а никакъ не Roma. Очевидно, здѣсь случилось наоборотъ, т. е. имя Romulus произошло отъ названія Roma; слѣдовательно прежде существовалъ городъ Roma, а потомъ придумали его основателя, котораго и назвали именемъ города. Что же касается до этимологіи этого слова, то Швеглеръ возводитъ его къ корню ru, откуда происходятъ rumo, rumino, ruma, ruminus, ruminalis. По этому словопроизводству Ruma или Roma—то же, что „питательница“, а Rumulus или Romulus—„питомецъ“, „сосущій молоко“. Вотъ это-то значеніе и подало, вѣроятно, поводъ къ мнѣу о вскормленіи Ромула сосцами (ruma), а что именно сосцами волчицы, то на это могло навести то обстоятельство, что волчица была посвящена Фавнѣ Луперкѣ, древне-латинской богинѣ рожденія и питанія; ей же посвящено было, какъ символъ плодородія, и фиговое дерево, играющее роль въ ромуловой сагѣ. Быть можетъ, даже самая статуя волчицы, еще въ глубокой древности стоявшая по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ у руминальской смоковницы, противъ пещеры Луперкаля, подала жрецамъ мысль составить это сказаніе и ввести въ него всѣ эти имена и мѣстности. Подробности саги, разумѣется, сложились не вдругъ, а развивались постепенно,—можетъ быть, въ теченіи долгаго времени. Дальнѣйшій процессъ этого образованія могъ быть приблизительно такой. Близнецы, которыхъ народная вѣра считала основателями Рима, были конечно почитаемы и какъ лары, т. е. боги хранители города и государства, и, такъ какъ Акка Ларенція считалась матерью ларовъ, то вотъ причина, почему сага называетъ ее воспитательницей Ромула и Рема; тогда какъ родная мать Рея Сильвія заимствована и привлечена уже сюда изъ греческихъ сказаній объ Энеадахъ, поселившихся въ Лаціи, такъ какъ Рея было троянское божество. Разумѣется, всѣ эти объясненія очень гадательны, и самъ Швеглеръ не выдавалъ ихъ ни за что другое. Вообще фигура миѳическаго Ромула представлялась ему въ двоякомъ видѣ: есть въ его легендарной исторіи фиктивная, т. е. чисто выдуманная сторона (сюда относятся сказанія о его дѣятельности, какъ перваго царя и основателя государства, гдѣ на него перенесены всѣ обычные аттрибуты основателей государствъ), и сторона миѳическая, возникшая естественнымъ путемъ изъ круга религіозныхъ обычаевъ и понятій подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и данныхъ языка (такова вся исторія его чуднаго рожденія и дѣтства). II.

языкъ [1]). Трудъ Моммзена принадлежитъ уже новѣйшей школѣ современной исторіографіи, мало интересующейся темными эпохами миѳической древности, но за то стремящейся сблизить исторію съ дѣйствительною жизнью, уяснить ею господствующіе интересы современности. Поэтому подобно Гроту Моммзенъ почти вовсе не вдается въ объясненіе миѳовъ классической древности, а строитъ начальную исторію Рима на географическихъ, филологическихъ и экономическихъ соображеніяхъ, руководствуясь аналогіями нынѣшней живой дѣйствительности. Но понятно, что такія точныя основанія весьма трудно приложимы ко временамъ миѳическимъ, столь бѣднымъ положительными данными. Поэтому древнѣйшій періодъ римской исторіи разработанъ у Моммзена только гипотетически, да и проходитъ онъ его весьма быстро и кратко. За то историческія времена, наступившія вполнѣ съ объединенія Италіи подъ главенствомъ Рима, представлены со всей желательной полнотой и жизненностью, со смѣлымъ критическимъ талантомъ. На складъ римской исторіи Моммзенъ смотритъ тоже совершенно оригинально: для него это не исторія города Рима, какою преимущественно является она въ сочиненіяхъ прежнихъ изслѣдователей, а исторія Италіи или италійскихъ племенъ, объединившихся подъ вліяніемъ Рима и въ немъ олицетворившихся, какъ въ общемъ своемъ представителѣ. Поэтому и все содержаніе римской исторіи состоитъ у него только изъ двухъ большихъ періодовъ: изъ исторіи Италіи и исторіи всемірнаго владычества Италіи. II.

Изъ болѣе новыхъ сочиненій по исторіи Рима заслуживаютъ упоминанія еще слѣдующіе труды: обширная, чрезвычайно тщательно обработанная и снабженная художественными иллюстраціями, хотя и не отличающаяся большою оригинальностью „Ист. римлянъ“ академика Виктора Дюрюи (Hist. des Romains depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'invasion des barbares. Nouv. éd. Paris 1881—85); доведенная авторомъ до императорской эпохи критическая „Ист. Рима“ Вильгельма Ине („Röm. Gesch.“ v. W. Ihne. 8 Bde. Berl. 1868—90); 2-й и 3-й томы „Всемірной исторіи“ Ранке; помѣщенная въ сборникѣ Онкена „Gesch. v. Hellas u. Rom“ Герцберга; вышедшая еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія (1834—44), съ тѣхъ поръ постоянно переиздаваемая шеститомная „Ист. Рима“ Вильг. Друманна (Gesch. Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, oder Pompejus, Cäsar, Cicero u. seine Zeitgenossen. Neue Aufl. v. Groebl. 1903); лекціи берлинскаго профессора К. В. Нитцша по исторіи римской республики, изданныя послѣ его смерти однимъ изъ его слушателей (K. W. Nitzsch Gesch. d. röm. Republik, nach. Vorlesungen hrsg. v. Thouret. 2 Bde. 1881 f.); Karl Peter Gesch. Roms. 3 Bde. 4 Aufl. Halle. 1881 (по направленію примыкаетъ къ школѣ Нибура, изложеніе разсчитано на широкій кругъ читателей); Ben. Niese Grundriss der. röm. Gesch. 2 Ausg. 1897 (въ сборн. Ив. Мюллера; книга эта переведена и на русскій языкъ слушательницами Спб. высшихъ женскихъ курсовъ подъ ред. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго и М. Н. Ростовцева подъ загл. „Очерки римской исторіи и источниковѣдѣнія“. Спб. 1899); E. Pais Storia di Roma dai tempi più antichi (составляющая часть общаго сочиненія по исторіи Италіи). Torino 1894 sqq.; E. Meyer Gesch. d. Alterth II (1893); J. Myres A history of Rome. L. 1903; Юл. Юнгъ Италія и всемірное господство Рима (въ

[1]) Theod. Mommsen „Römische Geschichte“ (3 Bde. Berl. 1854 f.; 8 Ausg. 1888 f.; пятый томъ вышелъ въ 1885 году). Русск. перев. С. Д. Шестакова (только 2 тома, въ „Библ. историч. писат.“, изд. А. Станкевичемъ); новѣйшій перев. изданъ Солдатенковымъ (т. I и II переведенъ Н. Ахшарумовымъ, т. III—А. Веселовскимъ, т. V—Невѣдомскимъ. М. 1880—86). *Ред.*

четвертомъ томѣ „Ист. человѣчества“ Гельмольта); Бизлей Разсказы изъ римской исторіи. М. 1900. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть существующія въ русск. перев. небольшія сочиненія Вегнера („Римъ“,—начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи римлянъ. Спб. 1865; 3-е исправл. изданіе подъ ред. проф. В. И. Модестова; 2 т. Спб. 1902) и Оск. Іегера („Ист. Рима“. Спб. 1876). Кромѣ того есть цѣлый рядъ курсовъ римскихъ древностей, могущихъ служить руководствами для изученія римскихъ государственныхъ учрежденій въ ихъ историческомъ развитіи. Таковы: L. Lange Römische Alterthümer. 3 Bde. 3 Aufl. (Berl. 1876—79); Madvig Die Verfassung u. Verwaltung des röm. Staates (Leipz. 1881—82); Herzog Gesch. u. System d. röm. Staatsverfassung. 2 Bde. (Leipz. 1884—91); Willems Le droit public Romain jusqu'à Justinien. 5 éd. (Louv. 1883; есть и русскій переводъ подъ ред. П. Бодянскаго въ двухъ вып. Кіевъ 1888—90); Bouché-Leclercq Manuel des institutions romaines (Paris. 1886); I. Marquardt u. Th. Mommsen Handb. d. röm. Alterthümer; 2 u. 3 Aufl. Leipz. 1884—87 (въ этомъ обширномъ сборникѣ руководствъ по разнымъ отдѣламъ римскихъ древностей Марквардту принадлежатъ части, трактующія объ устройствѣ римскаго государства, о финансовомъ управленіи (новое изданіе въ обработкѣ Дессау и Домашевскаго), о древностяхъ религіозныхъ (въ обраб. Виссова) и частныхъ (въ обраб. Мау), Моммзену же весь отдѣлъ римскаго государственнаго права); H. Schiller Röm. Staats- u. Rechtsalterthümer (Iw. Müllers Handb. IV², 1893); M. Voigt Röm. Privatalterthümer u. Kulturgeschichte (ibid.). По русски изъ числа книгъ послѣдней категоріи кромѣ компендіарныхъ курсовъ Шаффа (М. 1839), Конна (2 изд. М. 1873), Бойэзена (въ передѣлкѣ И. Коссовича, Варш. 1875), А. Зиновьева (М. 1884) и упомянутаго уже соч. Велишскаго имѣются въ переводѣ И. Семенова „Римскія государственныя и правовыя древности“ М. Целлера (М. 1893) и обширный оригинальный трудъ проф. И. В. Нетушила „Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей“ (Харьк. 1895 слл.). *Ред.*

Всемірно-историческое значеніе Рима.

Несмотря на всѣ свои высокія дарованія и заслуги въ области искусствъ и наукъ, греки неспособны были создать большое, прочное государство, политически объединить не только другіе народы, но и самихъ себя, — и греческій міръ даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, напр. при македонскомъ владычествѣ, постоянно оставался раздробленнымъ на множество мелкихъ политическихъ сферъ. Такая дробность имѣла много невыгодныхъ сторонъ. Она мѣшала развитію великихъ политическихъ идей, возможныхъ только въ большихъ міровыхъ государствахъ съ широкимъ политическимъ горизонтомъ, при столкновеніи и взаимодѣйствіи самыхъ разнообразныхъ, многочисленныхъ и сложныхъ интересовъ. Духъ общественнаго партикуляризма проникъ даже и въ македонскую всемірную монархію, которая распалась такъ же быстро, какъ и возникла. Вошедшіе въ составъ ея народы, связанные только внѣшнимъ господствомъ одной общей духовной культуры, безъ всякой общественной организаціи, т.-е. общихъ законовъ и учрежденій, не могли долго поддерживать све эфемерное единство, а слѣдовательно не могли и двигать общими

силами дѣло человѣческаго образованія. Наконецъ, что важнѣе всего, раздробленная Греція не была въ состояніи защитить даже свою независимость, а съ нею и свою прекрасную культуру, которая легко могла бы погибнуть для человѣчества, еслибы сосѣдній народъ не принялъ ея въ свои руки для того, чтобы сохранить это сокровище и обогащенное дальнѣйшими пріобрѣтеніями передать будущимъ вѣкамъ и новымъ племенамъ историческимъ. Народъ этотъ были римляне. Этимъ сохраненіемъ, распространеніемъ и обогащенной передачей эллинскаго образованія новымъ народамъ опредѣляется главнѣйшимъ образомъ всемірно-историческое значеніе Рима. Такую задачу выполнилъ онъ, создавши стройное, долговѣчное государство, охватившее собою весь древній историческій міръ, и сливъ его народы въ одинъ колоссальный общественный организмъ сначала оружіемъ, а потомъ силою разумнаго всечеловѣческаго права и водвореніемъ у нихъ общей греко-римской культуры. Эта четвертая попытка всемірной монархіи оказалась поэтому самою прочною и успѣшною изъ всѣхъ доселѣ являвшихся въ исторіи. Римская исторія и съ этой стороны, стало быть, представляетъ большой интересъ для изученія.

Итакъ—завоеванія, развитіе общечеловѣческаго права, сохраненіе и распространеніе эллинской культуры и созданіе всемірнаго государства—вотъ что составляетъ главные моменты исторіи Рима.

I. Географія и этнографія древней Италіи.

Литература: К. Паули „Первобытное населеніе Апеннинскаго полуострова“ (въ IV-мъ томѣ „Ист. человѣчества“ Гельмольта); H. Nissen „Italische Landeskunde“. I (1883); Jung „Geographie von Italien u. den römischen Provinzen“ (въ „Handb. d. klass. Alterthumsw“. hrsg. v. I. Müller); Ed. Meyer „Gech. d. Alterth“. II (1893); Beloch „Campanien“ 2 Ausg. 1890; Helbig „Beiträge zur altital. Kultur u. Kunstgesch“. I (1879); Theob. Fischer „Beiträge zur physichen Geographie der Mittelmeerländer“ (Leipz. 1877); d'Arbois de Jubainville „Les premiers habitants de l'Europe“. 2 vol. 2 éd. (P. 1889—1894); O. Montelius La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux. Stockholm., 1895; его же Der Orient und Europa (Stockholm. 1899); рядъ статей проф. В. И. Модестова въ Журн. Мин. Нар. Пр., какъ то: „Фалиски“ (1895), „Образованіе римской расы и условія римскаго величія“ (1896), „О происхожденіи сикуловъ“ (1897), „О томъ, откуда пришли и кто были латиняне“ (1898), „Еще о сикулахъ, умбрахъ и латинянахъ“ (1899) и др.; его же „Введеніе въ римскую исторію“ (Вопросы доисторич. этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима). 2 части. Спб. 1902—1904. *Ped.*

Естественныя преимущества Италіи.

Великой роли, которую сыгралъ народъ римскій во всемірной исторіи, много способствовало положеніе и свойства страны,

бывшей его отечествомъ. Апеннинскій полуостровъ, образовавшійся изъ длиннаго отрога Альпъ, глубоко вдающихся въ Средиземное море въ юго-восточномъ направленіи, занимаетъ срединное положеніе въ этомъ обширномъ водномъ бассейнѣ. Во времена древнѣйшія, пока главнымъ центромъ историческаго движенія была передняя Азія, первую роль играли ближайшія къ ней приморскія страны,— Египетъ, Финикія, Греція; но, когда движеніе это перешло въ Европу и образованность распространилась по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря сначала посредствомъ финикійскихъ, а потомъ греческихъ колоній, потребовался и новый культурный центръ для раздвинувшагося такимъ образомъ историческаго міра. Центромъ этимъ стала подъ конецъ древней исторіи срединная на Средиземномъ морѣ Италія. Благодатный по климату и природѣ край этотъ, омываемый съ запада Тирренскимъ, а съ востока Адріатическимъ и Іоническимъ морями, и доступный не только съ этихъ сторонъ, но и съ суши,—такъ какъ Альпы, заграждающія его на сѣверѣ, не могутъ считаться непроходимыми,— необходимо долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ всемірныхъ сношеній и въ качествѣ такового совмѣстить въ себѣ всѣ разнообразные элементы древней цивилизаціи.

Дѣленіе материковой Италіи и ея острова.

Узкій и длинный полуостровъ этотъ естественно раздѣляется на три части, — сѣверную, среднюю и южную, отличающіяся климатическими и естественными условіями.

1) Сѣверная Италія состоитъ изъ обширной равнины, орошаемой рѣкою По (Padus), и изъ гористой приморской области Лигуріи на западѣ; такъ какъ господствующее населеніе здѣсь было кельтское, то и весь край этотъ назывался у римлянъ Галліей Предъ-альпійской въ отличіе отъ Галліи За-альпійской или нынѣшней Франціи. Рѣка По въ свою очередь раздѣляетъ его на двѣ половины—сѣверную, Gallia Transpadana, и южную, Gallia Cispadana. Въ историческое время, т.-е. съ покоренія сѣверной Италіи римлянами, въ ней возникли города: Genua въ Лигуріи, Mediolanium (нын. Миланъ), Augusta Taurinorum (нын. Туринъ), Verona и Mantua на сѣверныхъ берегахъ По, Bononia и Ravenna — къ югу отъ этой рѣки и Patavium (Падуа) и Aquileja—въ сторонѣ Адріатики.

2) Затѣмъ средняя Италія, населенная уже собственно италиками, — умбрами, сабеллами, латинами, и есть настоящій театръ италійской исторіи. Апеннины раздѣляютъ эту часть полуострова на болѣе широкій и отлогій западный берегъ, прилегающій къ Тирренскому морю и орошаемый рѣками Арномъ

и Тибромъ (Tiberis), и на узкій, гористый берегъ восточный или адріатическій. Понятно, что историческая жизнь должна была по преимуществу сосредоточиться на первомъ, какъ на поприщѣ, болѣе удобномъ для всякой культурной дѣятельности. Здѣсь то, на западѣ, и лежали самыя знаменитыя въ историческомъ отношеніи области Италіи—Этрурія, Лаціи (Latium) и Кампанія, представляющія три значительныя и плодородныя равнины средней Италіи, съ единственной судоходной рѣкой ея Тибромъ; здѣсь же находились и важнѣйшіе историческіе города: Veji, Tarquinii, Caere, Volsinii, Clusium, Perusia—въ Этруріи; Roma (Римъ) съ гаванью своей Остіей (Ostia), Alba-Longa, Tusculum, Tibur, Ardea, Gabii—въ Лаціи; Cumae (Кумы), Bajae (Байи), Neapolis, Herculanum, Pompei, Capua, Nola—въ Кампаніи. Что же касается восточныхъ областей—Умбріи, Пицена (Picenum) и Самнія (Samnium), то земли эти за исключеніемъ послѣдней никогда не играли видной роли въ италійской исторіи. Изъ городовъ въ этихъ суровыхъ и полудикихъ мѣстностяхъ замѣчательны: приморская Ancona въ Пиценѣ и Corfinium въ Самніи.

3) Наконецъ южная Италія, состоящая изъ двухъ раздѣльныхъ полуострововъ, по двумъ отрогамъ Апеннинскаго хребта, разошедшагося здѣсь на юго-востокъ и юго-западъ, хотя и населена была въ древности иллирійскимъ племенемъ іапиговъ, но племя это весьма рано подпало подъ власть выходцевъ изъ сосѣдней Греціи, основавшихъ здѣсь многочисленныя колоніи, и поэтому значительно эллинизировалось, такъ что и весь горный край этотъ извѣстенъ былъ болѣе подъ именемъ Великой Греціи. По различнымъ отраслямъ коренного или туземнаго населенія онъ дѣлился на четыре области: Апулію и Калабрію на востокѣ и Луканію съ Бруттіемъ (ager Bruttius) на западѣ. Кромѣ греческихъ городовъ, намъ уже извѣстныхъ, замѣчательными мѣстами здѣсь были Brundisium, Cannae (Канны) и Paestum, извѣстный теперь своими знаменитыми развалинами греческаго храма. У греческихъ поселенцевъ эта часть Апеннинскаго полуострова слыла подъ именемъ Энотріи (земли вина) и позже — Италіи или „страны быковъ“ [1]). Это послѣднее названіе распространилось потомъ и на весь полуостровъ Апеннинскій.

Такъ же точно прилежащіе къ Италіи острова — Сицилія, Сардинія, Корсика, Ильва (Эталія) весьма рано колонизованы

[1]) Уже Гелланикъ производилъ названіе Italia отъ Vitulia, а это послѣднее отъ vitulus. Тимей еще не распространялъ этого имени на сѣверную часть полуострова. *Ред.*

были финикійскими, а потомъ греческими выходцами и усѣяны финикійскими, карѳагенскими и эллинскими городами.

Этнографія древней Италіи.

[Населеніе Апеннинскаго полуострова и примыкающаго къ нему островного района всегда отличалось большою пестротою своего этнографическаго состава, но, пока наука не располагала другимъ матеріаломъ кромѣ литературныхъ свидѣтельствъ древности, по большей части весьма недостаточныхъ и ненадежныхъ, до тѣхъ поръ возстановленіе хотя бы приблизительно вѣрной картины прежнихъ племенныхъ отношеній этой страны являлось задачею, предъ которою изслѣдователю приходилось отступать въ сознаніи полнаго своего безсилія. Правда, нѣкоторый свѣтъ на эту темную область должны были пролить] скудные остатки древнеиталійскихъ языковъ и нарѣчій въ надписяхъ и немногихъ идіотизмахъ у классическихъ писателей, [но и сравнительно-лингвистическій анализъ этихъ остатковъ уже по самой ихъ разрозненности и отрывочности самъ по себѣ не могъ привести къ твердымъ выводамъ, и только въ послѣднее время, благодаря успѣхамъ доисторической археологіи и антропологіи, удалось нѣсколько отчетливѣе разобраться въ этомъ запутанномъ и трудномъ вопросѣ. Раскопки выяснили, что Апеннинскій полуостровъ былъ обитаемъ еще въ дилювіальную эпоху, что его древнѣйшее населеніе находилось въ близкомъ, если не этническомъ, то культурномъ сродствѣ съ народами сѣверной Африки и что на переходѣ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому оно стало отступать подъ напоромъ новыхъ племенъ, пришедшихъ въ Италію съ сѣвера, съ верхнедунайской низменности. Въ тѣ незапамятныя времена Италія представляла собою страну, покрытую дремучими лѣсами, а по низинамъ топкими болотами. Климатъ ея былъ суровѣе нынѣшняго, больше выпадало зимою снѣга, а лѣтомъ дождя, и рѣки были полноводнѣе, а разливы ихъ шире. Даже еще въ концѣ перваго столѣтія до Р. Х. Тибръ былъ доступенъ для тяжелыхъ грузовыхъ судовъ въ своемъ верхнемъ теченіи, въ области Перузіи, а корабельная верфь находилась въ Римѣ у Марсова поля. Слѣды древнѣйшихъ слоевъ человѣческаго пребыванія на Апеннинскомъ полуостровѣ сохранились въ разныхъ мѣстахъ въ природныхъ пещерахъ и искусственныхъ гротахъ, въ „копанкахъ“ („хижинахъ-ямахъ“), могильникахъ и дольменахъ. Жителямъ рѣчныхъ долинъ и озерной области приходилось устраивать свои поселенія на сваяхъ, и остатки этихъ свайныхъ сооруженій, такъ называемыя „палафитты“ и „террамары“ уцѣлѣли въ большомъ числѣ и до нашихъ дней въ центральной и западной Лом-

бардіи и къ сѣверу отъ нея. Первобытными обитателями страны были по всей вѣроятности тѣ, быть можетъ, родственныя между собою народности, которыхъ позднѣйшая традиція зазнала подъ именемъ иберовъ и лигуровъ. Когда же съ сѣвера нахлынули на Италію волны новаго племенного потока, прежнее населеніе должно было передъ ними отступить и частью перебралось на ближніе острова, гдѣ впослѣдствіи были извѣстны двѣ его вѣтви,— сикулы и сиканы, съ которыми столкнулись въ Сициліи греческіе колонисты. Племена, явившіяся съ сѣвера, были уже несомнѣнно арійскаго происхожденія. Съ ихъ прибытіемъ Италія вступила въ новую культурную фазу, — они принесли съ собою знакомство съ употребленіемъ металловъ и вмѣсто бывшаго здѣсь въ обычаѣ трупопогребенія впервые стали примѣнять трупосожженіе. Но передовой отрядъ этихъ пришельцевъ, занявшій сперва своими поселеніями долину р. По, былъ, повидимому, въ свою очередь вытѣсненъ отсюда новыми переселенцами изъ за-альпійскихъ странъ и двинулся по берегу Адріатическаго моря на югъ, въ Пиценъ, и далѣе на западъ, въ долину Тибра. Это были латины и ихъ ближайшіе родичи фалиски. На покинутыхъ же ими стоянкахъ въ сѣверо-восточномъ углу Апеннинскаго полуострова размѣстились племена умбро-сабелльскія. Отсюда мелкія отрасли этого племенного ствола частью распространились въ срединныхъ частяхъ полуострова (марсы, пелигны. герники, эквы и др.), частью перевалили черезъ Апеннины и овладѣли нынѣшнею Тосканою, примкнувъ такимъ образомъ съ сѣвера къ фалискамъ и латинамъ, частью утвердились на берегахъ Адріатики (френтаны, давны, самниты и проч.). Колонизація Италіи этимъ однако не завершилась. Разновременно и разными путями, съ суши и съ моря, сюда проникли и другіе насельники,—во-первыхъ, этруски, народъ азіатскаго происхожденія, захватившій землю между Тибромъ и Арномъ и подчинившій себѣ прежнихъ обитателей этой области—умбровъ, затѣмъ нѣкоторыя иллирійскія племена, какъ то іапиги на югѣ и венеты въ сѣверо-восточномъ углу Апеннинскаго полуострова, наконецъ кельты въ альпійскомъ предгорьѣ и греки, заселившіе и эллинизировавшіе Сицилію и всю южную Италію отъ Кампанскаго побережья до береговъ Тарентскаго залива].

Такимъ образомъ настоящіе италики безпримѣсно уцѣлѣли только въ средней части полуострова, гдѣ они развѣтвились на двѣ главныя группы: а) умбро-сабелловъ на восточной сторонѣ Апеннинъ и б) латиновъ—на западной; [къ послѣднимъ близко

примыкали съ сѣвера поселенія этрусковъ, чуждыхъ однако италикамъ по племени, враждебныхъ имъ по духу, долго и упорно боровшихся съ ними за пребладаніе въ странѣ и съ трудомъ поддававшихся романизаціи]. Языкъ умбро-сабелльскихъ племенъ, извѣстный иначе подъ именемъ осскаго, и языкъ латиновъ съ ихъ мелкими отраслями такъ близки между собой, что ихъ можно считать діалектами одного и того же языка италійскаго; только языкъ этрусскій или тусскій, какъ языкъ народа [иного корня] значительно разнился отъ чисто-италійскихъ нарѣчій [1]). Важнѣйшую роль въ исторіи Рима играли латины, сабины, — представители умбро-сабелльской группы,—и этруски, такъ какъ изъ этихъ элементовъ составилась римская народность.

1. Латины.

1. Латины. Племя это составляетъ главный корень римской народности и образованія. Отечествомъ его былъ Лаціи, приморская равнина не болѣе 35 кв. миль пространствомъ, простиравшаяся отъ Тибра на югъ до Вольскихъ горъ и на востокъ—до Альбанскихъ. Земедѣльческій народъ, здѣсь поселившійся, жилъ сначала отдѣльными волостями или родами съ общимъ землевладѣніемъ каждый; затѣмъ сосѣдніе роды стали составлять общественные союзы, средоточіями которыхъ сдѣлались небольшія крѣпостцы или огороженныя мѣста, гдѣ совершались жертвы и служеніе богамъ, гдѣ собиралась сходка представителей родовъ, гдѣ укрывалось имущество, жены и дѣти при нападеніи непріятеля. Эти то

[1]) Эпиграфическій матеріалъ, имѣющій такое важное значеніе и для историка, и для филолога, желающаго познакомиться съ италійскими нарѣчіями, собранъ въ различныхъ коллекціяхъ, изъ которыхъ назовемъ важнѣйшія: a) коллекціи латинскихъ надп.: Ritschl Priscae latinitatis monumenta epigraphica (Berl. 1862); Mommsen, Hübner, Zangemeister, Schöne и др.: „Corpus inscriptionum Latinarum“ (изданіе было предпринято по порученію берлинской академіи наукъ въ 1863 г.; съ тѣхъ поръ вышло 15 обширныхъ томовъ съ дополненіями, которыя частью изданы, частью подготовляются къ печати; публикація текущаго эпиграфическаго матеріала производится въ спеціальныхъ органахъ періодической печати, какъ то „Ephemeris epigraphica“, „Mittheil. d. deutsch. archäol. Inst. zu Rom“, „Archäologisch-epigr. Mittheil. aus Oesterreich“ и проч.); b) надп. осскія: R. Lepsius Inscriptiones Umbricae et Oscae (Leipz. 1841); Fabretti Corpus inscriptionum Italicarum et glossarium Italicum. 1867 (3 suppl. 1872—1878); П. Цвѣтаевъ Sylloge inscriptionum Oscarum (2 voll. Petropoli—Lips. 1878); его же Сборникъ осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологіи и глоссаріемъ (Кіевъ, 1877); его же Inscrr. Italiae Mediae dialecticae. 2 voll. (Lips. 1884—85); его же Inscrr. Italiae interioris dialecticae (Mosquae, 1886); c) надп. этрусскія: Vermiglioni Le antiche iscrizioni Perugine (2 ed. Perugia 1834); Connestabile Iscrizioni etrusche e etrusco-latine del museo di Firenze 1858). Кромѣ того ожидается „Corpus inscr. Etruscarum“ въ изданіи Даніэльсона и Паули. Есть также сборники избранныхъ надписей, разсчитанные на болѣе широкій кругъ занимающихся исторіею, а именно: Wilmans Exempla inscriptionum latinarum. 2 vol. 1873; Dessau Inscriptiones latinae selectae. I. Berlin. 1892. Подробныя указанія на литературу, относящуюся къ римск. эпиграфикѣ, можно найти у Э. Гюбнера „Römische Epigraphik“ („Handb. d. klass. Alterthumhswiss.“ hrsgb. v. Iw. Müller. I, 2). *Ред.*

кремли,—капитоліи, arces,—и послужили зародышами, зернами латинскихъ городовъ, число которыхъ впослѣдствіи простиралось до 30. Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ изъ нихъ была Альба-Лонга, лежавшая въ самой здоровой и неприступной гористой мѣстности, могущей считаться ядромъ всего Лаціа. Города эти составляли какой-то союзъ, во главѣ котораго стояла Альба, но объ организаціи котораго мы почти ничего не знаемъ; есть только поводъ думать, что союзъ этотъ былъ скорѣе выраженіемъ племенного и религіознаго единства латиновъ, нежели политическаго, и что альбанцамъ принадлежало въ немъ почетное представительство.

2. Сабины. Другая отрасль италиковъ, — умбро-сабелльская, усѣлась окончательно въ среднихъ областяхъ адріатическаго берега и въ Апеннинахъ, особенно въ той части этого кряжа, гдѣ онъ раздѣляется на двѣ вѣтви. Горная область эта извѣстна подъ именемъ Самніа, а жители ея назывались самнитами (собств. Sabinites), сабинами и сабеллами. Условія гористой мѣстности постоянно мѣшали этому племени достигнуть какого-нибудь политическаго единства, и оно жило большею частью разъединенными волостями. Только въ Самніи успѣло оно образовать родъ плотнаго союза, объ организаціи котораго мы тоже почти ничего не знаемъ, но который однако былъ довольно силенъ, чтобы одно время оспаривать у римлянъ господство надъ Италіей. Отъ этихъ главныхъ центровъ сабелльскаго населенія пошли многочисленныя мелкія развѣтвленія—вольски, марсы, герники и др., бывшіе въ древнѣйшее время сосѣдями и врагами Рима. Жизнь сабелльскаго племени была гораздо проще и неподвижнѣе, чѣмъ у латиновъ. Городовъ у него почти не было. Торговыя сношенія затруднялись гористой мѣстностью. Нравы были чисты, но грубы и воинственны. Земледѣліе и скотоводство составляли единственный экономическій рессурсъ этого патріальнаго быта. На римское государство сабины имѣли значительное вліяніе, такъ какъ въ составъ его вошла цѣлая сабинская община тиціевъ, а позже туда переселился знаменитый сабинскій родъ Клавдіевъ; но вліяніе это, какъ мы увидимъ, было болѣе нравственное, чѣмъ политическое, т.-е. отразилось болѣе на характерѣ римскаго народа, нежели на его учрежденіяхъ. 2. Сабины.

3. Этруски. Народъ этотъ весьма рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ, населявшихъ Италію, — латиновъ, сабелловъ, грековъ и кельтовъ. Изображенія на этрусскихъ вазахъ и другихъ памятникахъ свидѣтельствуютъ, что онъ не былъ похожъ на нихъ даже и наружнымъ видомъ, а остатки его языка, сохранившіеся въ 3. Этруски.

надписяхъ и названіяхъ мѣстностей и божествъ, указываютъ на совершенно чуждое племя, которое едва-ли можно причислить къ арійскому корню. Поэтому о происхожденіи этрусковъ было много спору въ наукѣ [1]). Нибуръ считалъ ихъ смѣсью „тирренскихъ пеласговъ", автохтоновъ Италіи, съ народомъ, спустившимся съ Ретійскихъ Альпъ и называвшимъ себя „разенами" (Rasenae). К. О. Мюллеръ принималъ ту же смѣсь тирренскихъ пеласговъ съ разенами, но только считалъ первыхъ не автохтонами, а переселенцами изъ Лидіи. Швеглеръ, признавая кореннымъ населеніемъ Этруріи умбровъ, допускалъ двойственное завоеваніе ихъ тирренскими пеласгами и разенами, въ которыхъ онъ видѣлъ одинъ и тотъ же народъ, пришедшій изъ Ретіи, но въ разное время и съ разными степенями культурнаго развитія. Что касается Моммзена, то онъ относился довольно равнодушно къ этому трудно разрѣшимому, а потому спорному вопросу, считая его не довольно существеннымъ для римской исторіи и довольствуясь тѣми данными объ этрускахъ, которыя считалъ уже не подлежащими никакому сомнѣнію, а именно: что народъ этотъ пришелъ въ Италію не моремъ, а спустился изъ Ретіи; далѣе, — что самъ себя онъ называлъ „разенами" и что въ долинахъ Арна перемѣшался съ какимъ-то туземнымъ населеніемъ, конечно италійскаго корня. [Однако археологическія открытія послѣдняго времени показали, что ближе всѣхъ къ истинѣ былъ К. О. Мюллеръ,—что этруски несомѣнно были тѣсно связаны происхожденіемъ и культурою съ Переднею Азіею, что они, по всей вѣроятности, прибыли въ Италію съ моря и водворились на мѣстахъ своего позднѣйшаго обитанія не сразу и не безъ борьбы, что это были смѣлые мореходы и завоеватели, распространившіе нѣкогда свое господство по всему западному побережью Апеннинскаго полуострова отъ Арна до Силара и основавшіе здѣсь сильную морскую державу, что наконецъ подъ ихъ культурнымъ вліяніемъ совершились глубокія измѣненія въ бытѣ и обстановкѣ и тѣхъ народовъ Италіи, съ которыми они пришли въ соприкосновеніе. Историческая традиція знаетъ впрочемъ этрусковъ лишь съ того времени, какъ они окон-

---

[1]) Литература вопроса объ этрускахъ весьма обширна, и мы укажемъ здѣсь лишь на самыя крупныя работы въ этой области. Таковы: K. O. Müller Die Etrusker. Neu bearb. v. W. Deecke. Stuttgart. 1878; Deecke Etruskische Forschungen. Stuttg. 1875—84; Helbig Sopra la provenienza degli Etruschi (Annali dell' Inst. di corrisp. acheol. 1884); его же Die Italiker in der Poebene. Lpz. 1879; Martha L'art étrusque. P. 1880; В. И. Модестовъ Введ. въ рим. ист. (2-я часть); его же Этрусскій вопросъ (Ж. Мин. Н. Пр. 1903, кн. 8; его же La questione Etrusca (Rivista d'Italia, f. 6). *Ред.*

чательно] утвердились въ нынѣшней Тосканѣ, гдѣ построили 12 городовъ, важнѣйшими изъ коихъ были — Вейи, ближайшій сосѣдъ и врагъ Рима, затѣмъ Цере, Тарквиніи, Клузіи и др. Эти двѣнадцать городовъ составляли союзъ, служившій выраженіемъ лишь племенного и религіознаго единства этрусковъ, тогда какъ въ политическомъ отношеніи города были самостоятельны, подъ управленіемъ своихъ царей-жрецовъ Лукумоновъ. Этрусская религія носила мрачный, фантастическій характеръ, а могущественное жречество напоминало Востокъ. Съ Римомъ у этрусковъ были повидимому весьма раннія и частыя сношенія: сага упоминаетъ даже о цѣлой этрусской колоніи на Целійскомъ холмѣ, — стало быть, въ виду самаго города: послѣдніе цари римскіе были тоже несомнѣнно этрусскаго происхожденія,—и если вліяніе этого народа не коснулось коренныхъ основъ общественной жизни латиновъ, то все же оно сказалось и въ области религіи и культа, напр. въ гадательномъ искусствѣ, и въ стилѣ первоначальнаго зодчества и ваянія, и во внѣшнихъ аттрибутахъ царскаго и жреческаго сана, и въ денежной системѣ, и въ календарѣ и т. д.

4. Греки. Такъ же точно весьма древни въ римской исторіи культурныя вліянія грековъ. Греческій колоніальный міръ въ Италіи своими крайними сѣверо-западными поселеніями подходилъ къ самымъ предѣламъ Лація. Преданіе упоминаетъ о римскомъ посольствѣ въ Дельфы еще подъ конецъ періода царей, говоритъ о религіозныхъ сношеніяхъ Рима съ кампанскими Кумами; въ законодательствѣ, носящемъ имя Сервія Туллія, есть слѣды греческихъ военныхъ учрежденій. Все это свидѣтельствуетъ о весьма раннемъ вліяніи эллинизма на римскую жизнь со стороны общественной, религіозной и промышленной, хотя и это вліяніе вначалѣ вообще нельзя считать значительнымъ. 4. Греки.

[5. Кельты. Что касается кельтскихъ или галльскихъ племенъ, то они появились впервые на южныхъ склонахъ Альпъ въ концѣ VII стол. до Р. Х. Занявъ альпійское предгорье и отчасти долину рѣки По своими поселеніями, изъ которыхъ важнѣйшими были Медіоланъ, столица инсубровъ, и Бононія, главный городъ боіевъ, они не разъ предпринимали отсюда разбойничьи набѣги на южныя земли, доходя иногда до средне-италійскихъ областей, а однажды успѣвъ овладѣть даже Римомъ и проникнуть вплоть до страны іапиговъ (IV в.). Римлянамъ пришлось вести съ этими воинственными варварами долгую и упорную борьбу, закончившуюся лишь въ III ст. окончательнымъ ихъ покореніемъ и затѣмъ постепенною полною ихъ романизаціею]. 5. Кельты.

Лаціи. Ни одна область Италіи не заключала въ себѣ столько благопріятныхъ условій для развитія культурной, т.-е. исторической жизни, какъ Лаціи. Небольшая зёмля эта, во-первыхъ, пользуется выгодами срединнаго положенія на западномъ, т.-е. по преимуществу культурномъ берегу Италіи; Тирренское море, омывающее ее съ запада, открываетъ ей легкій путь ко всемірнымъ сношеніямъ. Во-вторыхъ, по сѣверной окраинѣ Лаціи протекаетъ Тибръ, единственная судоходная рѣка средней Италіи и, стало быть, единственная ея торговая дорога. Наконецъ, въ-третьихъ, Лаціи есть вмѣстѣ и этнографическое средоточіе Италіи, такъ какъ въ этомъ пунктѣ сходились почти всѣ народности, ее населявшія: на сѣверѣ, за Тибромъ, сидѣли этруски, на сѣверо-востокѣ довольно близко подходили къ Лацію передовыя галльскія племена, восточныя и юго-восточныя горы заняты были сосѣдними сабелльскими народцами, а на югѣ, въ Кампаніи, начинались греческія поселенія. Такимъ образомъ латинское племя, окруженное со всѣхъ сторонъ представителями италійскихъ народностей, какъ бы призвано было къ тому, чтобы объединить ихъ политически и культурно.

Начало Рима. Съ другой стороны понятно, что первенство между латинскими городами могъ пріобрѣсти только городъ на Тибрѣ и, хотя въ древнѣйшее время мы видимъ во главѣ латинскаго союза Альбу, занимающую центральное положеніе въ этой странѣ, но, по мѣрѣ того, какъ Тибръ оживлялся промышленнымъ и торговымъ движеніемъ, сталъ возвышаться Римъ, находящійся въ трехъ миляхъ отъ его устьевъ и имѣющій такимъ образомъ значеніе эмпорія, торговаго выхода для всего Лаціи, да кромѣ того играющій роль еще какъ важный стратегическій пунктъ на границѣ латинскаго и этрусскаго племени. Ученѣйшій изъ римскихъ археологовъ Варронъ, жившій въ исходѣ временъ республиканскихъ, вычислилъ годъ основанія Рима: въ переводѣ на нашу эру онъ совпадаетъ съ 753 г. предъ Р. Хр.; но вычисленіе это есть безъ сомнѣнія лишь приблизительное и важно для насъ только потому, что сами римляне считали годъ этотъ своей эрой, вели отъ него свое лѣтоисчисленіе. На самомъ же дѣлѣ есть всѣ основанія думать, что еще задолго до половины VIII ст. на Палатинскомъ и сосѣднихъ съ нимъ холмахъ лѣваго берега Тибра существовали уже поселенія или родовыя волости рамновъ, тиціевъ и луцеровъ, изъ союза которыхъ вокругъ общаго кремля или капитолія возникъ вѣчный городъ. Былъ ли онъ построенъ выходцами изъ Альбы, или же возникъ самъ собою вслѣдствіе естественныхъ потребностей мѣстности, но во всякомъ случаѣ объ основаніи его въ томъ

смыслѣ, въ какомъ представляетъ его установившееся преданіе, не можетъ быть и рѣчи. Да и самое преданіе о Ромулѣ, какъ основателѣ Рима, сложилось уже впослѣдствіи, когда разныя мѣстныя названія и религіозныя представленія подали къ нему поводъ. Спорнымъ здѣсь является только вопросъ о томъ, къ какому племени принадлежали тѣ три земельныя общины—рамновъ, тиціевъ, луцеровъ, — изъ которыхъ образовалось римское государство. Нибуръ считалъ ихъ представителями трехъ главныхъ народностей средней Италіи, столкнувшихся въ этомъ пунктѣ,—латинской, сабинской и этрусской (теорія этническаго синэкизма). Но Швеглеръ, находя въ латинскомъ языкѣ только два составные элемента,—латинскій и сабелльскій, видѣлъ и въ трехъ упомянутыхъ начальныхъ общинахъ только латинскихъ и сабелльскихъ поселенцевъ, считая вліяніе этрусковъ позднѣйшимъ и притомъ незначительнымъ. Моммзенъ прямо признавалъ рамновъ и луцеровъ чисто латинскими волостями; что же касается тиціевъ, то, хотя, по его мнѣнію, они и могли быть сабиняне, но такъ какъ сабеллы въ то древнѣйшее время по языку, обычаямъ и степени развитія стояли еще очень близко къ латинамъ, то примѣсь эта и не могла существенно измѣнить характера римскаго народа. [Во всякомъ случаѣ, по Моммзену, это были первоначально независимыя другъ отъ друга общины, которыя лишь мало-по-малу слились въ одно цѣлое и образовали городъ съ укрѣпленіемъ на капитоліи (теорія политическаго синэкизма). Были однако попытки и вовсе отрицать существованіе этихъ древнихъ волостей (напр. Низе и Борманъ [1]) относили названія рамновъ, тиціевъ и луцеровъ къ дѣленіямъ всадническаго сословія) или же, какъ Энманъ [2]), по различію условій пользованія городскими участками, пахотною землею и лѣсными угодьями пріурочивать ихъ къ аграрно-хозяйственной организаціи древняго Рима. Наконецъ есть предположеніе, — и оно, повидимому, больше отвѣчаетъ общему ходу соціальной эволюціи, — что тѣ общественныя группы, изъ союза которыхъ возникъ вѣчный городъ, по аналогіи съ дѣленіемъ на колѣна, встрѣчающимся до сихъ поръ у первобытныхъ народовъ, стояли подобно греческимъ филамъ въ связи съ родовымъ

---

[1]) Bormann Die älteste Gliederung Roms (Eranos Vindobonensis. Wien. 1893); Niese въ Histor. Zeitschr. N. F. 23 (1888). *Ред.*

[2]) А. Энманъ Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе. Спб. 1896. *Ред.*

устройствомъ и бытомъ вообще (родовая теорія) [1])]. Такимъ образомъ по современнымъ изслѣдованіямъ съ самаго же начала Римъ является въ исторіи не colluvies gentium, — сбродомъ разныхъ племенъ, какимъ представляли его нѣкогда,—а чисто италійскимъ государствомъ, съ такимъ органическимъ и цѣлостнымъ правомъ, религіей и государственными учрежденіями, какихъ не могло бы развиться у сбродной толпы разноплеменниковъ. А если это городъ съ италійскими или даже частнѣе—почти съ чисто латинскими задатками, представитель по преимуществу латинской народности, то естественно, что на него же должна была перейти и вся историческая роль Лаціи, роль политическаго и культурнаго объединенія Италіи [2]).

II. Время царей.

Общій характеръ періода.

Два съ половиною вѣка, протекшіе отъ основанія Рима до учрежденія республики, съ 753 до 509 г., т.-е. весь древнѣйшій періодъ исторіи римской, представляютъ весьма мало точно опредѣленныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ явленій. Римомъ управляютъ въ это время цари, и преданіе насчитываетъ ихъ семь: Ромулъ, Нума Помпилій, Туллъ Гостилій, Анкъ Марцій, Тарквиній Древній, Сервій Туллій и Тарквиній Гордый,—приписывая каждому изъ нихъ извѣстныя дѣянія внутреннія и внѣшнія. Мы не имѣемъ никакого права отвергать дѣйствительность большей части этихъ именъ и лицъ, хотя для первыхъ четырехъ изъ нихъ не только не имѣемъ документальныхъ свидѣтельствъ, но, что касается напр. Ромула, то критика заподозриваетъ даже самое существованіе его, какъ основателя города. Только послѣдніе три царя много болѣе принадлежатъ исторіи: но и объ нихъ можно сказать тоже, что и объ ихъ древнѣйшихъ предшественникахъ, т.-е., что все таки нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, что всѣ приписанныя имъ дѣянія дѣйствительно совершены ими, а напротивъ большую вѣроятность имѣетъ предположеніе, высказанное Нибуромъ, что въ дошедшихъ до насъ именахъ царей сага олицетворила цѣлыя эпохи историческаго развитія народной и государственной жизни и что кромѣ этихъ могли быть и другіе

---

[1]) Fustel de Coulange La cité antique (русскіе переводы указаны на стр. 196); Н. И. Карѣевъ Гос.-гор. антич. міра; И. В. Нетушилъ Римскія три трибы (Ж. Мин. Нар. Пр. 1903). *Ред.*

[2]) Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ началѣ отдѣла, см. Lewes Untersuchungen üb. die Glaubwürdigkeit d. altröm. Gesch., übersetzt v. Liebrecht. Hannover. 1858; Ю. А. Кулаковскій Къ вопросу о началѣ Рима. Кіевъ. 1888. *Ред.*

цари, память о которыхъ утратилась въ преданіи. Такъ съ именемъ Ромула народъ римскій соединилъ представленіе о началѣ не только своего города, но и своихъ государственныхъ учрежденій,—сената, комицій, военной организаціи и проч. Въ образѣ мудраго и благочестиваго Нумы олицетворена эпоха учрежденія и устройства государственной религіи. Воинственные Туллъ Гостилій и Анкъ Марцій представляютъ время политическаго возвышенія Рима среди другихъ городовъ Лація и переходъ къ нему первенства въ латинскомъ союзѣ отъ Альбы Лонги; Тарквиній Древній—это персонификація поры этрусскаго вліянія [а можетъ быть—и господства], поры знаменитыхъ сооруженій въ расширившемся и обогатившемся городѣ,—капитолія, большой клоаки, древнѣйшаго цирка и форума. Затѣмъ Сервій Туллій изображаетъ эпоху государственной реформы, основанной на введеніи общей для всѣхъ сословій военной повинности. Наконецъ Тарквиній Гордый—это представитель злоупотребленій царской власти, вызвавшихъ переворотъ 509 г., который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ [какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, освобожденіе отъ этрусскаго ига, а по ходячей римской традиціи]—учрежденіе республики [1]).

Разсмотримъ теперь подробнѣе важнѣйшіе изъ этихъ моментовъ начальной исторіи Рима.

1) Государственное устройство

Древнѣйшее государственое устройство Рима, приписанное преданіемъ Ромулу, представляло слѣдующія главныя черты.

Первообразомъ этого устройства была семья. Семья по латинскимъ понятіямъ составляла нераздѣльное цѣлое, представителемъ и главою котораго былъ отецъ, имѣвшій надъ членами семьи неограниченную власть, могшій ихъ даже продать и казнить. Но за порогомъ дома дѣти считались уже равными отцу и въ отношеніи къ государству имѣли съ нимъ одинаковыя права и обязанности. Такіе главы семействъ называли себя patres, т.-е. законными отцами, и patricii, т.-е. отцовскими дѣтьми. Такіе только коренные, родовитые обыватели Рима считались его полноправными гражданами. Но, какъ въ торговомъ и промышленномъ городѣ, жило въ немъ много и разнаго пришлаго люда,—купцовъ, иностранцевъ и заѣзжихъ гостей. Народъ этотъ конечно не имѣлъ уже никакихъ правъ гражданства и для того, чтобы пользоваться

[1]) Проф. И. В. Нетушилъ Къ начальной исторіи Рима (Филол. Обозр. II); его же Легенда о близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ (Ж. М. Нар. Пр. 1902); его же Руминальская смоковница и волчица братьевъ Огульніевъ (Фил. Об. XVI); его же О пиѳагореизмѣ Нумы (Фил. Об. IX); его же Значеніе римскихъ нонъ (Ж. М. Нар. Пр. 1900, кн. 3 и 11); его же Нынѣшняя Капитолійская волчица (Фил. Об. 1900); А. Энманъ Могила Ромула (Ж. М. Н. Пр. 1901). *Ред.*

личной безопасностью и владѣть имуществомъ, долженъ былъ поступать подъ защиту какого-нибудь римскаго дома, глава котораго представлялъ и отстаивалъ его интересы предъ государствомъ. Такіе подзащитные люди назывались клієнтами, а покровители ихъ—патронами, т.-е. чтимыми какъ отцы. Члены размножившейся семьи съ теченіемъ поколѣній [удерживали, какъ признакъ своего единства, лишь имя общаго предка (nomen gentilicium)], и тогда развѣтвившееся семейство превращалось въ родъ (gens). Въ каждомъ родѣ считалось обыкновенно 10 семействъ одного происхожденія; въ свою очередь 10 родовъ составляли „товарищество“ или курію [1]), а 10 курій—„часть“ или трибу. Наконецъ изъ 3-хъ трибъ,—рамновъ, тиціевъ и луцеровъ,—слагалось государство. Конечно дѣйствительный составъ населенія далеко не соотвѣтствовалъ такому идеальному дѣленію, но эта числовая схема тѣмъ не менѣе признавалась нормальною и положена была въ основаніе всего древнѣйшаго общественнаго устройства Рима.

Во главѣ государства стоялъ царь, облеченный въ отношеніи гражданъ такою же неограниченною властью, какую отецъ имѣлъ надъ членами своего семейства. Единственное ограниченіе царскаго полновластія состояло въ томъ, что онъ могъ только исполнить законъ, но не измѣнить его, а также въ томъ, что онъ былъ выборный монархъ. Каждый римскій гражданинъ обязанъ былъ ему безусловнымъ повиновеніемъ, но въ нравственномъ отношеніи считалъ себя равнымъ ему, ибо и самъ имѣлъ право быть избраннымъ въ цари. Въ этомъ заключается существенное различіе царской власти въ Римѣ и на Востокѣ, гдѣ авторитетъ царя считался божественнымъ. Такая аналогія римскаго государства съ семействомъ простирается и далѣе. Какъ отецъ въ важныхъ случаяхъ нравственно обязанъ былъ спрашивать совѣта у всѣхъ мужескихъ членовъ своего дома, такъ и царь, когда ему предстояли важныя рѣшенія, обязывался обычаемъ спросить мнѣніе старѣйшинъ или представителей родовъ, коллегія которыхъ называлась сенатомъ, но могъ этого и не сдѣлать,—такъ точно, какъ могъ принять или не принять мнѣніе сенаторовъ. Такимъ образомъ вліяніе сената было скорѣе моральное, нежели политическое, и нисколько не ограничивало царскаго полновластія. Нормальное число сенаторовъ было 300 по числу родовъ римскаго государства. По той же причинѣ его вооруженная сила состояла первоначально изъ

[1]) Наиболѣе правдоподобною кажется этимологія, по которой слово curia слагается изъ co-cu (=cum) и корня ves (vas)=жить и означаетъ „сожитіе“ (Corssen). *Ред.*

300 всадниковъ и 3000 пѣхотинцевъ,—отъ каждаго семейства по ратнику [1]). Общественныя права и обязанности гражданъ были совершенно одинаковы. Ни семейное старшинство, ни богатство, ни различіе по трибамъ и куріямъ не нарушали ихъ полноправности; ни кастъ, ни даже привилегированнаго дворянства не могло быть поэтому въ Римѣ. Всѣ граждане на равныхъ правахъ участвовали въ народномъ вѣчѣ и несли военную службу. Вѣче (comitia) въ древнѣйшее время собиралось по куріямъ и состояло, стало быть, изъ однихъ патриціевъ. Эти comitia curiata не имѣли права ни разсуждать, ни спрашивать, а только отвѣчали на вопросы, предложенные правительствомъ, но все же имъ только въ послѣдней инстанціи принадлежала законодательная власть, ибо царь не могъ ни измѣнить законъ, ни отступить отъ него безъ согласія этихъ собраній. Что же касается повинностей, то главною была военная служба, такъ какъ только граждане имѣли право носить оружіе и въ этомъ смыслѣ назывались quirites, „соратниками“ [2]), и populus (populare—опустошать). Устройство это развилось постепенно и естественно изъ общихъ началъ общественной жизни латиновъ; но по своему обыкновенію сага представила это развитіе въ конкретномъ образѣ миѳическаго Ромула.

2) Религія.

Религіозныя представленія древнихъ италиковъ, подобно греческимъ, имѣютъ корень свой въ обще-арійскихъ вѣрованіяхъ. Тѣ же стихійныя божества свѣта, огня, молніи и другихъ силъ и явленій природы, которымъ поклонялись аріи въ Индіи, Иранѣ, Греціи, Германіи и на славянскомъ востокѣ Европы, видимъ мы и у различныхъ племенъ италійскихъ съ тою только разницей, что мѣстная природа и условленный ею бытъ населенія сообщили имъ особый оттѣнокъ. Такъ сабинскіе горцы,—болѣе воинственные пастухи, чѣмъ мирные земледѣльцы,—поклонялись своду небесному, солнцу, лунѣ, звѣздамъ, огню, молніи, также Маворсу или Марсу, богу войны, а изъ земледѣльческихъ божествъ мы встрѣчаемъ у нихъ только Сатурна и жену его Опсъ, между тѣмъ какъ у земледѣльческихъ домовитыхъ латиновъ преобладаютъ и божества земледѣльческія, домашнія и общественныя: Terminus—межевой, граничный богъ, Веста—богиня домашняго очага, Лары—покровители семей, родовъ и государства, Янусъ—божество временъ года и кругового вращенія жизни, наконецъ Юпитеръ—богъ

---

[1]) По поводу симметричности этой организаціи срв. сказанное выше о родовомъ дѣленіи аттическаго населенія (стр. 180). См. также И. В. Нетушилъ Основная территорія римской общины (Ж. М. Н. Пр. 1902). *Ред.*

[2]) Названіе quirites этимологически сближается съ curia. *Ред.*

свѣтозарнаго неба и молніи. Только религія этрусковъ, какъ народа смѣшаннаго по происхожденію и промышленнаго по образу жизни, представляетъ весьма сложную и довольно темную миѳологическую систему, гдѣ первую роль игралъ Тина (Юпитеръ), стоявшій подобно греческому Зевсу во главѣ 12 сильнѣйшихъ боговъ (такъ наз. Consentes) и гдѣ обширная классификація низшихъ божествъ и геніевъ, добрыхъ и злыхъ, съ преобладающимъ таинственнымъ и мрачнымъ характеромъ, обнимала всѣ отрасли жизни и дѣятельности человѣка. Огромное значеніе въ этой религіи имѣло искусство угадывать волю боговъ по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и по другимъ признакамъ и разными священными обрядами низводить на людей ихъ милости или же отклонять гнѣвъ ихъ,—искусство, составлявшее тайну могущества этрусскихъ жрецовъ (гаруспиковъ). Всѣ эти божества и культы латинскіе, сабинскіе и отчасти этрусскіе перешли и въ Римъ, какъ пунктъ органическаго сліянія средне-италійскихъ народностей, а стало быть, и свойственныхъ имъ религій.

Но на этой первоначальной ступени древне-римская религія оставалась недолго. Въ историческое время мы уже видимъ древне-италійскія народныя божества оттѣсненными на задній планъ господствомъ эллинскихъ религіозныхъ представленій, занесенныхъ ближайшимъ образомъ изъ Великой Греціи. Нашедши въ Италіи много родственныхъ обще-арійскихъ религіозныхъ элементовъ, греческіе боги мало по малу отожествляются съ италійскими: эллинскій Зевсъ сливается съ латинскимъ Юпитеромъ, Гера превращается въ Юнону, Деметра въ Цереру, Гефестъ въ Вулкана, Гадесъ въ Плутона, Посейдонъ въ Нептуна, Гестія въ Весту,— и даже такія греческія божества, которыя не нашли себѣ соотвѣтственныхъ у италиковъ, являются на италійской почвѣ большею частью подъ мѣстными, туземными именами: Гермесъ подъ именемъ Меркурія, Афродита подъ именемъ Венеры, Артемида дѣлается Діаной и т. д.; только немногія, какъ напр. Аполлонъ и Вакхъ, переходятъ въ Италію не только со своими аттрибутами и характеромъ, но и со своими эллинскими именами. Такимъ образомъ древнія божества италиковъ, удержавъ свои имена, такъ сказать, эллинизируются, а вмѣстѣ съ тѣмъ кромѣ своего прежняго характера обожествленной природы, семьи и быта, — сельскаго, семейнаго и общественнаго, пріобрѣтаютъ и высшее нравственное значеніе, свойственное богамъ Олимпійскимъ.

Наконецъ съ самыхъ древнихъ временъ римская миѳологія усложнилась еще обожествленіемъ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ

идей и качествъ, напр. Вѣрности, Счастья, Согласія, культъ и храмы которыхъ уже весьма рано встрѣчаются въ Римѣ.

Вотъ элементы, изъ которыхъ составилась государственная религія римлянъ, — ихъ sacra publica, регулировавшія всю ихъ общественную жизнь, какъ sacra privata условливали весь домашній бытъ ихъ. Организацію этой религіи преданіе приписываетъ Нумѣ, второму царю, который будто бы учредилъ нѣсколько греческихъ орденовъ или коллегій, какъ то: саліевъ, жрецовъ Марса, феціаловъ или герольдовъ, весталокъ, дѣвственныхъ жрицъ Весты, хранительницъ ея неугасающаго огня, фламиновъ или жрецовъ отдѣльныхъ божествъ, авгуровъ, завѣдывавшихъ гаруспицииою и авспиціями, т.-е. истолковывавшихъ волю боговъ по разнымъ знаменіямъ, — по внутренностямъ животныхъ, по полету птицъ и другимъ примѣтамъ, наконецъ понтификовъ, которые вмѣстѣ съ предсѣдателемъ своимъ „верховнымъ жрецомъ“ (Pontifex maximus) стояли во главѣ всѣхъ религіозныхъ учрежденій государства, наблюдая за правильностью обрядовъ и церемоній, устроенныхъ большею частью по этрусскимъ образцамъ, тогда какъ ордена или общества греческія по своимъ формамъ могли организоваться подъ вліяніемъ пиѳагорейцевъ южной Италіи. Вообще и здѣсь образъ Нумы, какъ царя-устроителя государственной религіи, очевидно, только конкретное олицетвореніе цѣлой эпохи правильнаго установленія религіозныхъ культовъ [1]).

3) Гегемонія Рима въ Лаціи.

Невозможно даже приблизительно опредѣлить ходъ завоеваній Рима въ Лаціи и постепеннаго расширенія римской области,— покоренія Фиденъ, Габій и наконецъ священной метрополіи всего Лація Альбы, — процессъ, вѣроятно, весьма продолжительный, но связанный преданіемъ съ именами только двухъ римскихъ царей,

---

[1]) Для знакомства съ римскою религіею: Preller Römische Mythologie (3 Aufl. 1881—83); Klausen Aeneas u. die Penaten. Die ital. Volksreligion unter dem Einfluss der griechischen (Hamburg u. Gotha. 1893 — 40); H. Studing Griechische u. römische Mythologie (Stuttgart. 1893); Wissowa Religion. u. Kultur der Römer (Hdb. d. klass. Alterthumsw. v. Iw. Müller. Bd. V, 4. 1903); Aust Die Religion der Römer. Münster in W. 1899); G. Boissier La religion romaine d'Auguste aux Antonins (Paris. 1874. Въ русск. перев. М. Корсакъ, М. 1878); Ж. Ревилль Религія въ Римѣ при Северахъ (пер. подъ ред. Линда. Спб. 1899); Фюстель де Куланжъ Гражд. общ. антич. міра; П. Леонтьевъ „Миѳич. Италія“ („Пропилеи“, II); Бутковскій „Весталки, римскія непорочныя дѣвы“ (М. 1862); Ив. Турцевичъ „Культъ Весты“ (Кіевъ, 1887); П. Тихоновичъ „Римскіе авгуры“ (Ж. М. Н. Пр. т. LXIII); П. Бодянскій „Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI в. отъ осн. города“ (Кіевъ, 1882); И. В. Нетушилъ Очеркъ рим. госуд. древн. I § 335 слл. (Жрецы римск. республики); М. Крашенинниковъ Римскіе муниципальные жрецы и жрицы. Спб. 1891; его же Августалы и сакральное магистерство. Спб. 1895; О. Зееманъ Миѳологія грековъ и римлянъ (перев. Гіацинтова. М. 1894); Дютшке Олимпъ. Миѳологія древн. грековъ и римлянъ (пер. М. Коршъ. Спб. 1891). *Ред.*

Тулла Гостилія и Анка Марція. Героическія преданія, которыми народная фантазія украсила паденіе Альбы, свидѣтельствуютъ о важности этого событія, такъ какъ съ нимъ связанъ былъ переходъ латинской гегемоніи къ Риму. Но, унаслѣдовавъ отъ Альбы первенство въ латинскомъ союзѣ, Римъ не ограничился уже однимъ почетнымъ предсѣдательствомъ, а придалъ своей гегемоніи болѣе дѣйствительное значеніе. Напрасно латинскіе города, не довѣряя силѣ и богатству Рима, ревниво обезпечивали формальнымъ договоромъ свое внутреннее самоуправленіе и выговаривали своему союзу равныя права съ Римомъ: одинаковое число депутатовъ римскихъ и латинскихъ на союзномъ сеймѣ, очередное предводительство союзнымъ войскомъ римскими и латинскими полководцами, равный дѣлежъ завоеваній между Римомъ и союзомъ и проч. Гегемонія Рима въ латинскомъ союзѣ все болѣе и болѣе переходила въ господство, а формальное равенство латинскихъ городовъ — въ фактическое подчиненіе. Такой перемѣнѣ отношеній въ латинскомъ союзѣ много способствовала централизаціонная политика, изначала принятая Римомъ по отношенію къ завоеваннымъ пріобрѣтеніямъ: покоренные города и общины латинскія инкорпорировались, вводились въ составъ римскаго государства, все болѣе и болѣе увеличивая его силу. Немногія фамиліи приняты были въ патриціатъ, т. е. получили права римскаго гражданства; большинство же завоеваннаго населенія, какъ переселеннаго въ Римъ, такъ и оставшагося на старыхъ мѣстахъ жительства, лишенное гражданскихъ правъ, образовало многочисленный классъ плебеевъ. Плебсомъ, т. е. толпою, массою, назывались въ Римѣ эти люди для обозначенія ихъ безправности, какъ бы политической безличности, такъ какъ въ юридическомъ отношеніи они стояли наравнѣ съ кліентами,—съ тою только разницею, что послѣдніе находились обыкновенно подъ защитою какого-нибудь частнаго гражданина, представлявшаго его интересы предъ государствомъ, плебеи же становились большею частью подъ покровительство царя, какъ своего верховнаго патрона, дѣлались такимъ образомъ какъ бы государственными кліентами. Но впослѣдствіи различіе это исчезаетъ, и римское кліентство окончательно сливается съ плебсомъ. Впрочемъ и независимо отъ присоединенія древнихъ кліентовъ плебсъ наросталъ очень быстро. Тогда какъ римскій патриціатъ скорѣе численно уменьшался отъ частыхъ войнъ, ведшихся его силами, классъ плебеевъ распространялся все болѣе и болѣе отъ наплыва иностранцевъ, стекавшихся сюда по дѣламъ торговымъ, отъ наплыва латинянъ изъ другихъ городовъ, жившихъ здѣсь въ силу союзнаго права, отъ возрастающаго

Плебеи.

числа вольноотпущенниковъ. Очень естественно, что съ умноженіемъ числа своихъ членовъ и съ развивающимся сознаніемъ своей силы плебейская община стала находить свое зависимое положеніе тягостнымъ, а свою политическую безправность несправедливою тѣмъ болѣе, что въ средѣ ея было много людей достаточныхъ и нѣкогда пользовавшихся въ отечественныхъ городахъ всѣми правами и почестями. Такое недовольство большинства римскаго населенія и такія неестественныя отношенія его къ патриціанскому меньшинству требовали реформы въ государственномъ устройствѣ, и первый шагъ къ ней сдѣланъ былъ въ сервіанское время, т. е. въ VI ст. предъ Р. Хр.[1]).

4) Сервіанская реформа.

Трудно рѣшить, — были-ли преобразованія, извѣстныя подъ именемъ реформы Сервія Туллія, личнымъ дѣломъ этого царя, или же ее потребовали патриціи; вѣроятно только, что не плебеи, такъ какъ новое государственное устройство, наложивъ на нихъ не мало обязанностей, не дало имъ никакихъ новыхъ правъ. Цѣль преобразованія, очевидно, состояла только въ томъ, чтобы увеличить силы государства привлеченіемъ къ военной и денежной повинности, падавшей доселѣ исключительно на патриціевъ, всѣхъ осѣдлыхъ обывателей Лація безъ всякаго различія,—граждане они или не граждане. Для этого преобразователь раздѣлилъ всѣхъ жителей государства по имуществу на пять классовъ, обязанныхъ выставлять извѣстное число ратниковъ. Такъ обыватели перваго класса, т. е. богатые землевладѣльцы, ставили 80 сотенъ тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ, да изъ нихъ же большею частью набирались и 18 сотенъ или центурій всадниковъ; слѣдующіе три класса, какъ менѣе состоятельные, давали только по 20 сотенъ уже легче вооруженной пѣхоты; пятый классъ затѣмъ доставлялъ всего 28 центурій легковооруженныхъ; наконецъ вовсе неимущій людъ, такъ называемые пролетаріи (proletarii — „дѣтоводы"), поставляли только ремесленниковъ и музыкантовъ для войска. Такимъ образомъ военныя силы Рима простирались въ это время почти до 20.000 человѣкъ, что предполагаетъ уже населеніе по крайней мѣрѣ въ 80.000 способныхъ носить оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ для легкости и правильности наборовъ городъ, т. е. родовитые граждане, раздѣленъ былъ на 4 новыя мѣстныя трибы или части, а

[1]) Въ русской литературѣ главный трудъ по этому вопросу—Д. Азаревичъ „Патриціи и плебеи въ Римѣ" (историко-юридич. изсл. 2 т. Спб. 1876); см. также Д. Л. Крюкова „Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи" („Пропилеи", IV; тоже сочиненіе издано на нѣмецкомъ языкѣ подъ псевдонимомъ Pellegrino); Ефимовъ Лекціи ист. римскаго права. *Ред.*

плебейское населеніе образовало въ свою очередь 30 сельскихъ трибъ съ правомъ имѣть свои сходки, comitia tributa, для совѣщаній о собственныхъ нуждахъ, но никакъ не для рѣшенія обще-государственныхъ дѣлъ, по прежнему принадлежавшихъ вѣдѣнію куріальныхъ, т. е. патриціанскихъ собраній.

Изъ всего этого ясно, что реформа, приписываемая Сервію, никакъ не имѣла въ виду расширенія плебейскихъ правъ, хотя косвенно и вела къ нему, ибо теперь по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, напр. при наступательныхъ войнахъ, царь спрашиваетъ мнѣнія центурій, а слѣд. и плебеи подаютъ уже голосъ наравнѣ съ патриціями; а это опять дало плебсу толчекъ добиваться у государства и дальнѣйшихъ правъ. Собственно же сервіанское устройство имѣло въ виду чисто военныя цѣли, причемъ нельзя не видѣть въ немъ замѣтнаго эллинскаго вліянія, шедшаго конечно изъ южной Италіи: римскій легіонъ, состоящій изъ 6 рядовъ по 500 человѣкъ каждый, съ тяжело вооруженными впереди, сильно напоминалъ построеніе греческихъ гоплитовъ, да и самое слово classis, главный терминъ во всей этой военной организаціи, несомнѣнно греческаго происхожденія.

III. Республика.

Характеръ и смыслъ внутренней исторіи римской республики.

Внутренняя исторія Рима съ того времени, какъ она становится болѣе достовѣрною, т. е. съ установленія республики въ исходѣ VI ст., и до ея паденія не задолго передъ Р. Хр., представляетъ картину почти не умолкающей борьбы составныхъ элементовъ римскаго общества. Сначала борятся граждане со всемогуществомъ правительственной власти, представляемой царями, консулами и другими чиновниками, стараясь ограничить ее, но такъ однакожъ, чтобъ отъ этого не потерпѣла цѣлость и сила государства. Едва эта цѣль достигнута, какъ съ половины V в. на цѣлое столѣтіе завязывается борьба плебеевъ съ патриціями, оканчивающаяся уравненіемъ ихъ правъ. Затѣмъ на цѣлыя полтораста лѣтъ внутренняя борьба стихаетъ, чтобъ уступить мѣсто страшному напряженію силъ, которыя римское государство должно развернуть сначала для завоеванія и политическаго объединенія Италіи, а потомъ и сосѣднихъ странъ. Но, лишь только этотъ героическій періодъ Рима сталъ близиться къ концу, какъ съ половины II ст. внутри римскаго общества опять подымается новая и еще болѣе ожесточенная борьба, — съ одной стороны латиновъ и другихъ италиковъ съ римскими гражданами за одинаковыя съ ними права,

съ другой въ средѣ самаго гражданства римскаго—борьба земледѣльческаго, а потомъ и городскаго пролетаріата съ достаточными классами за болѣе равномѣрное распредѣленіе богатствъ, борьба, на этотъ разъ оканчивающаяся паденіемъ республиканскихъ учрежденій и установленіемъ постоянной народной диктатуры, носящей названіе имперіи. Вотъ весь смыслъ внутренней исторіи республиканскаго Рима въ теченіи пяти послѣднихъ до-христіанскихъ столѣтій. Послѣ этого понятно, почему при такомъ ея складѣ исторія эта выработала преимущественно юридическую сторону римской жизни,—тѣ разумныя и точныя опредѣленія римскаго права, которыми и могло быть только приведено въ согласіе столько противоположныхъ интересовъ, враждебно сталкивавшихся въ обществѣ римскомъ, и которыя сдѣлались потомъ вѣчнымъ достояніемъ всего человѣчества.

Эпохи исторіи республиканскаго Рима.

Такимъ образомъ въ исторіи римской республики довольно ясно обозначаются три послѣдовательныя эпохи: а) время борьбы гражданъ съ правительственною властью и плебеевъ съ патриціями за права, в) періодъ завоеваній и с) эпоха гражданскихъ и экономическихъ революцій.

а) Время борьбы гражданъ съ правительствомъ и плебеевъ съ патриціями.

Уничтоженіе царской власти.

Уничтоженіе царской власти преданіе объясняетъ тираніей послѣдняго царя Тарквинія Гордаго, одинаково угнетавшаго, какъ патриціевъ, такъ и плебеевъ, а ближайшимъ поводомъ къ перевороту 509 г. называетъ оскорбленіе однимъ изъ царскихъ сыновей добродѣтельной Лукреціи. Въ извѣстныхъ изукрашенныхъ разсказахъ объ этомъ событіи, создавшихся несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ преданій о Писистратидахъ, пожалуй, можно допустить долю исторической истины; но и безъ такихъ побужденій отмѣна царской власти въ Римѣ легко объясняется ходомъ естественнаго развитія римской общественной жизни, неизбѣжно приведшимъ къ тому же результату, къ какому привелъ онъ около этого времени и въ другихъ латинскихъ городахъ, а равно въ сосѣдней и родственной Греціи.

Далѣе преданіе широко распространяется о попыткахъ изгнаннаго царя возвратить себѣ утраченное положеніе сначала посредствомъ заговора въ самомъ Римѣ, а потомъ съ помощью сосѣдей—этрусковъ и латиновъ. Всѣ эти событія сага опять украсила геройскими подвигами Юнія Брута, Муція Сцеволы и Горація Коклеса. Ничего такого исторически доказать нельзя,

да и разсказъ о всѣхъ этихъ событіяхъ носитъ слишкомъ баснословный характеръ. Гораздо важнѣе самый характеръ переворота 509 г. и тѣ перемѣны, которыя произвелъ онъ въ государственномъ устройствѣ.

Перемѣны въ государственномъ устройствѣ.

Хотя отмѣна царской власти была повидимому дѣломъ обоихъ сословій,—какъ патриціевъ, тяготившихся ея произволомъ, такъ и плебеевъ, надѣявшихся отъ республики добиться еще большихъ правъ,—однако плоды переворота достались преимущественно патриціямъ. Не нарушая полноты верховной власти, имъ удалось сдѣлать ее изъ пожизненной и единоличной—годичною и представляемою двумя чиновниками—консулами („товарищами"), которые были избираемы народомъ и при равенствѣ правъ своихъ повѣряли и ограничивали другъ друга. Первыми консулами римской республики были виновники ея учрежденія Юній Брутъ и Тарквиній Коллатинъ,—лица вполнѣ историческія. Новые правители подобно царямъ прежняго времени были точно также верховными жрецами, судьями, а на войнѣ главными вождями государства. Но возможность произвола съ ихъ стороны ограничена была не только ихъ двойственнымъ числомъ, а и правомъ аппеляціи къ народу (provocatio ad populum) на ихъ приговоры,—правомъ, которое по закону Валерія предоставлено было каждому обывателю государства: каждый могъ теперь искать у согражданъ защиты своей жизни, свободы и имущества; кромѣ того по истеченіи срока своей дѣятельности консулы дѣлались отвѣтственны предъ народомъ и могли быть судимы имъ. Неудобства же раздвоенія государственной власти устранялись тѣмъ, что въ случаяхъ крайней нужды или опасности централизація ея могла быть возстановлена избраніемъ диктатора, т.-е. такого неограниченнаго правителя, авторитетъ котораго временно уничтожалъ всѣ другія власти въ государствѣ, но который однакожъ не могъ захватить тираннію, такъ какъ срокъ его дѣятельности ограниченъ былъ всего лишь шестью мѣсяцами. Кромѣ того консулы, избираемые только изъ патриціевъ, обязаны были во всѣхъ важныхъ случаяхъ спрашивать мнѣнія сената, учрежденія по преимуществу патриціанскаго, ибо, хотя въ него допускались и плебейскіе члены подъ именемъ „приписныхъ"—conscripti, отчего и произошло названіе полнаго сената patres conscripti [1]), но члены эти играли въ немъ зависимую и подчиненную роль. Сенатъ же захватилъ въ свои руки и весьма важную отрасль государственной

[1]) См. однако Нетушилъ Оч. р. госуд. древн. I, стр. 240. *Ред.*

администраціи—управленіе финансами посредствомъ особыхъ ему подвѣдомыхъ чиновниковъ.

Такими путями и средствами удалось патриціямъ ограничить древнее всемогущество правительства. Конечно ограниченіе это они обратили только въ пользу своего класса, но имъ впослѣдствіи воспользовались и плебеи, когда добились равенства правъ. Въ эпоху возстановленія республики о такомъ равенствѣ сословій не могло быть еще и рѣчи. Плебеи, правда, наравнѣ съ патриціями пользовались правомъ провокаціи и въ военной службѣ имѣли одинаковыя съ ними права; центуріатскія комиціи, въ которыхъ участвовали плебеи, избирали, правда, чиновниковъ, принимали или отвергали новые законы и рѣшали дѣла по аппеляціямъ; но гарантіи эти окажутся крайне недостаточными, если вспомнимъ, что проекты законовъ составлялись сенатомъ, что окончательное утвержденіе ихъ зависѣло по преимуществу отъ курій, что консулы, жрецы и всѣ чиновники избирались только изъ патриціевъ, съ которыми плебеи не имѣли даже права брачныхъ союзовъ (jus connubii), наконецъ,—что общественными полями и пастбищами (ager publicus) пользовались тоже одни патриціи.

Борьба сословій за права. а) Господство патриціевъ.

Такимъ образомъ учрежденная въ 509 г. республика была въ сущности не что иное, какъ господство патриціевъ, образовавшихъ родъ замкнутой аристократіи, которая владѣла всѣми средствами вліянія,—сенатомъ, комиціями, магистратурой, богатствомъ, образованіемъ и религіей. Въ виду этого полноправнаго и своекорыстнаго гражданства стоялъ многочисленный plebs, состоявшій большею частію изъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ и сельскаго пролетаріата, несшій тяжкую военную повинность на собственный счетъ, разоренный безпрерывными походами, обремененный долгами. Въ ряду плебеевъ были, правда, и зажиточныя фамиліи, имѣвшія даже доступъ въ сенатъ, но по общности интересовъ онѣ тянули къ патриціямъ и участвовали въ ихъ правительственныхъ злоупотребленіяхъ,—уклонялись отъ податей, наживались откупами, безчеловѣчно пользовались жестокимъ долговымъ правомъ того времени, когда заимодавцу позволялось взять несостоятельнаго должника къ себѣ въ кабалу или продать его и семью его въ рабство, наконецъ вмѣстѣ съ патриціями исключительно и незаконно пользовались казенными землями. Самый плебсъ распадался такимъ образомъ на двѣ партіи,—плебейскую аристократію и плебейскій пролетаріатъ. Угнетеннымъ, а потому и недовольнымъ собственно былъ только послѣдній. Но даже и пролетаріатъ этотъ не требовалъ сначала ничего другого,

какъ матеріальнаго обезпеченія и справедливаго управленія. Но именно ни того, ни другаго не находилъ онъ у патриціанскаго правительства. Особенно страдалъ онъ отъ долговыхъ законовъ, въ силу которыхъ большая часть его членовъ томилась въ тюрьмахъ и кабалѣ у патриціевъ. Наконецъ мѣра народнаго терпѣнія переполнилась, и [по преданію, сохраненному младшими анналистами,] въ 494 г. плебейское восемнадцатитысячное войско, побѣдоносно воротившись изъ похода, вмѣсто того, чтобъ войти въ городъ, гдѣ его опять ожидали кабала и цѣпи, остановилось въ полутора миляхъ отъ Рима на холмѣ, названномъ поэтому Sacer, и показывало видъ, будто хочетъ здѣсь строить новый городъ. Патриціи стали бояться за судьбу опустѣвшаго города и сдѣлались податливѣе; они вступили въ переговоры съ недовольными, и въ результатѣ состоявшагося вслѣдъ затѣмъ между обѣими сторонами соглашенія явилось кромѣ временнаго облегченія отъ долговыхъ тягостей учрежденіе такъ называемаго народнаго трибуната, т.-е. чиновниковъ, которые должны были защищать интересы плебеевъ. Трибуны, которыхъ сначала было два, потомъ пять, а впослѣдствіи и десять, облечены были властью, которая не уступала консульской, но отличалась отъ нея тѣмъ, что имѣла болѣе отрицательный характеръ,—именно трибуны могли только силою своего veto („запрещаю“) останавливать рѣшенія чиновниковъ, клонящіяся ко вреду плебса, и требовать къ своему суду даже самихъ консуловъ; въ случаѣ неуваженія къ ихъ протесту они имѣли право остановить наборъ войска и взиманіе податей, но положительныхъ распоряженій не могли дѣлать никакихъ. Учрежденіе это, конечно, не могло доставить бѣднымъ людямъ того, въ чемъ они прежде всего нуждались, т.-е. земельной собственности, какъ средства пропитанія, но все же оно возвысило политическое значеніе плебса и облегчило ему достиженіе равныхъ съ патриціями правъ; оно съ самаго начала было органомъ римскаго народа въ противовѣсъ сословнымъ притязаніямъ аристократіи и, стало быть, уже съ самаго начала носило въ себѣ зародышъ будущаго своего великаго значенія,—зародышъ демократической диктатуры, пять столѣтій спустя убившей патриціанскую республику.

b) Удаленіе плебеевъ на Священную гору и учрежденіе трибуната.

Съ основанія трибуната завязывается въ Римѣ ожесточенная борьба между сословіями, такъ какъ институтъ этотъ подавалъ поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ между ними. Изъ первыхъ сорока лѣтъ этой борьбы мы знаемъ только отдѣльные эпизоды. Такова исторія Коріолана, совѣтовавшаго сенату

c) Первыя сорокъ лѣтъ борьбы.

воспользоваться случившимся голодомъ, чтобы уничтожить трибунатъ, позваннаго за это на судъ трибуновъ, но бѣжавшаго къ вольскамъ и за отказъ взять съ ними Римъ ими убитаго; таково выселеніе патриціанскаго рода Фабіевъ въ Этрурію; таково ночное убійство трибуна Генуція, яраго поборника народныхъ правъ; такова трагическая судьба консула Спурія Кассія, свергнутаго патриціями съ Тарпейской скалы за впервые предложенный имъ законъ о раздѣлѣ общественныхъ полей между бѣдными гражданами. Законъ этотъ палъ вмѣстѣ съ нимъ; но съ этого времени вопросъ аграрный все чаще и чаще сталъ подыматься въ Римѣ, пока въ ожесточенной борьбѣ партій, за него сражавшихся, не погибла и сама республика.

d) Децемвиры и законы XII таблицъ.

Такое анархическое состояніе стало наконецъ тягостнымъ для обѣихъ сторонъ, и въ 461 г. трибунъ Терентилій Гарса предложилъ составить писанные законы, чтобъ положить конецъ какъ произволу судебной власти, такъ и безпрестаннымъ жалобамъ плебеевъ на ихъ несправедливыя рѣшенія. Патриціи согласились на эту мѣру, кажется, въ той надеждѣ, что писанное законодательство сдѣлаетъ излишнимъ ненавистный имъ трибунатъ. Послѣ десятилѣтнихъ споровъ и предварительнаго посольства въ Грецію для изученія тамошнихъ законодательствъ назначена была наконецъ комиссія изъ десяти мужей, „децемвировъ“, съ неограниченной властью для начертанія новыхъ законовъ. На время ея занятій консульство, трибунатъ и всѣ другія власти въ государствѣ были отмѣнены. Децемвиры эти въ теченіи двухъ лѣтъ составили такъ называемые законы XII таблицъ большею частью по мѣстнымъ обычаямъ, съ примѣсью заимствованныхъ греческихъ законоположеній,—законы, послужившіе первымъ памятникомъ и основаніемъ писаннаго римскаго права. Законодатели повидимому дѣйствительно имѣли въ виду устраненіе трибуната, такъ какъ рѣшеніямъ плебейскихъ собраній по трибамъ (plebiscita) предоставлена была теперь сила обязательнаго для всѣхъ закона, и слѣдовательно плебсъ могъ этимъ путемъ защищать свои интересы, не прибѣгая къ трибунамъ. Все остальное затѣмъ,—права сословій, долговые законы,—осталось по старому. Но плебеи поняли опасность потерять живую охранительную силу трибуната и взамѣнъ ея удовольствоваться мертвой буквой закона; поэтому, когда по окончаніи работы децемвиры подъ разными предлогами не хотѣли сложить своей власти, они возстали противъ правительства, воспользовавшись, какъ предлогомъ, низкимъ поступкомъ вліятельнѣйшаго изъ децемвировъ Аппія Клавдія съ одной плебейской

красавицей Виргиніей. Децемвиры были низвергнуты, трибунатъ возстановленъ. Но то была уже послѣдняя попытка патриціевъ противъ этого учрежденія,—попытка, кончившаяся еще большимъ расширеніемъ его правъ, такъ какъ трибуны получили съ этого времени право останавливать рѣшенія сената, а особа ихъ объявлена священною и неприкосновенною (potestas sacrosancta).

в) Уравненіе сословій.

Успѣхи трибуната въ борьбѣ съ аристократіей могли быть нерѣшительными до тѣхъ поръ, пока плебейская аристократія оставалась на сторонѣ родового патриціата; но, какъ только нашла она выгоднымъ порвать эту связь и когда такимъ образомъ плебсъ собралъ всѣ свои силы, исходъ борьбы не могъ быть болѣе сомнительнымъ. Какъ беззащитенъ оказался патриціатъ въ виду своихъ усилившихся противниковъ, видно изъ того, что уже четыре года спустя по уничтоженіи децемвирата патриціи должны были отказаться отъ двухъ существенныхъ своихъ привилегій: отъ исключительнаго права браковъ между собою и отъ исключительнаго обладанія магистратурой. По закону Канулея браки между патриціями и плебеями признаны были законными, а вслѣдъ затѣмъ вмѣсто консуловъ учреждены военные трибуны съ консульскою властью (tribuni militum consulari potestate), къ званію которыхъ, какъ и ко всѣмъ офицерскимъ должностямъ, могли быть допущены плебеи.

Еслибы римскій патриціатъ имѣлъ довольно государственной дальновидности и патріотизма, онъ теперь уже долженъ былъ бы согласиться на совершенное и формальное уравненіе правъ; но узкій корпоративный духъ заставилъ его продлить безполезную и безславную борьбу еще почти на цѣлое столѣтіе. Такъ, чувствуя близкую потерю консульской власти, онъ отдѣлилъ отъ нея сначала цензуру, т. е. перепись гражданъ съ ихъ имуществомъ и надзоръ за нравами, а потомъ квестуру, т. е. финансовую администрацію, — и обѣ дѣятельности сдѣлалъ исключительнымъ достояніемъ своего сословія. Нѣсколько разъ пытался онъ также возстановить консульство и временно успѣвалъ въ этомъ. Но плебеи неутомимо продолжали борьбу. Главнымъ двигателемъ въ этой борьбѣ была плебейская аристократія, пользовавшаяся народнымъ трибунатомъ, какъ орудіемъ для достиженія полнаго равенства съ патриціями, причемъ однако насущные соціальные вопросы, болѣе всего интересовавшіе массы бѣдныхъ гражданъ, — раздѣлъ общественныхъ полей и реформу долговыхъ законовъ, — она отрицательно обходила, такъ какъ для нея, богатой плебейской знати, было невыгодно ихъ затрогивать. За то и плебейскій пролетаріатъ,

поглощенный прежде всего заботами о насущномъ хлѣбѣ, недостаткомъ земельной собственности да долговыми тягостями, въ свою очередь слабо поддерживалъ своихъ богатыхъ односословниковъ въ ихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ къ достиженію общественныхъ должностей наравнѣ съ патриціями. И пока продолжалось это различіе интересовъ въ двухъ главныхъ слояхъ плебейскаго сословія,—высшемъ и низшемъ,—ни тотъ, ни другой порознь не могли достигнуть своихъ цѣлей. Только въ половинѣ IV в. ясно поняли они это, соединили свои усилія, и тогда плодомъ союза плебейской аристократіи съ плебейскимъ пролетаріатомъ явились законы Лициніи и Секстія (въ 366 г.). Законы эти, открывшіе собою эпоху окончательнаго уравненія правъ сословій, были слѣдующіе: 1) консульская власть возстановляется съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ консуловъ былъ отнынѣ непремѣнно изъ плебеевъ; 2) никто не имѣетъ права пасти на общественныхъ лугахъ болѣе 100 штукъ крупнаго и 500 штукъ мелкаго скота; никто не можетъ имѣть въ наслѣдственной арендѣ болѣе 500 югеровъ общественной земли; землевладѣльцы обязаны держать на своихъ поляхъ не только рабовъ, но и свободныхъ работниковъ; 3) взнесенные проценты должны быть зачтены въ капиталъ, а остающіяся за этимъ вычетомъ долговыя суммы уплачены въ три годичные срока. Постановленіями этими съ одной стороны удовлетворялось честолюбіе богатыхъ и знатныхъ плебейскихъ фамилій, допущенныхъ теперь къ высшей магистратурѣ, а съ другой—съ массы бѣдныхъ гражданъ снимался гнетъ его долговыхъ тягостей, а допущеніемъ ея къ участію въ общественныхъ поляхъ и работѣ на земляхъ богатыхъ владѣльцевъ успокаивались ея самыя насущныя нужды [1]).

Нелегко разставались патриціи со своими древними привилегіями и старались сначала вознаградить себя за потерю исключительнаго консульства отдѣленіемъ отъ него судебныхъ обязанностей, предоставленныхъ теперь особымъ магистратамъ, преторамъ, и присвоеніемъ этой должности исключительно своему сословію. Мало по малу однако плебеи отвоевали и послѣднія сословныя прерогативы своихъ противниковъ. Въ теченіи менѣе чѣмъ 40 лѣтъ со времени изданія лициніевыхъ законовъ они получили доступъ къ цензурѣ, диктаторству, претурѣ, квестурѣ и эдилитству, т. е. высшему полицейскому управленію; а по закону Огульнія (въ самомъ уже исходѣ IV ст.) допущены къ участію и

[1]) См. П. Леонтьевъ „Судьбы земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ“ (университетская рѣчь). М. 1861; И. М. Гревсъ Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (Ж. М. Нар. Пр. 1897). *Ред.*

въ жреческихъ коллегіяхъ авгуровъ и понтификовъ. Съ другой стороны законъ Публилія въ 339 г. отнялъ у курій право принимать или отвергать рѣшенія центуріальныхъ собраній. Съ паденіемъ этихъ послѣднихъ привилегій патриціанское сословіе, какъ политическое учрежденіе, перестало существовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и вѣковая борьба между классами общества. Новая эпоха исторіи, эпоха дружнаго и единодушнаго дѣйствія всѣхъ государственныхъ силъ, устремленныхъ на внѣшнія дѣла, на войны и завоеванія, открывалась теперь предъ Римомъ.

Внѣшняя исторія.

Внѣшняя исторія Рима въ этомъ первомъ періодѣ республики долго ограничивалась мелкими, но безпрестанными войнами съ этрусками на сѣверѣ, эквами и вольсками на югѣ и сабелльскими горцами на востокѣ. Наиболѣе рѣзкими чертами обрисована въ преданіи та война съ Этруріей, которую римляне должны были выдержать вскорѣ послѣ изгнанія царей и героемъ которой явился Порсенна, царь клузійскій и вейентинскій. Послѣ этого враждебныя отношенія къ Этруріи продолжались почти постоянно. Только въ началѣ IV ст. удалось римлянамъ завоеваніемъ города Вей положить основаніе своему владычеству въ этой странѣ. Потеря названнаго города была тяжкимъ ударомъ для разъединенной Этруріи,—тѣмъ болѣе, что въ то же самое время съ сѣвера стали тѣснить ее кельты, а ея кампанскія колоніи, оставшіяся беззащитными съ того времени, какъ сиракузяне уничтожили морское могущество этрусковъ, разорены были сабеллами. Десятилѣтняя осада и взятіе Вей Фуріемъ Камилломъ представляется въ преданіяхъ великимъ политическимъ и военнымъ событіемъ, сильно поднявшимъ народный духъ римлянъ. Но успѣхъ этотъ не могъ спасти ихъ отъ совершенно случайной катастрофы, вслѣдъ затѣмъ на нихъ обрушившейся. Въ 390 г. толпы сеннонскихъ галловъ, истребивши римское войско на берегу рѣчки Аллія у этрусской границы, врасплохъ напали на Римъ, разграбили и сожгли его; но, не могши взять капитолія, защищаемаго М. Манліемъ, удовольствовались богатой добычей и откупомъ и ушли во свояси. Погромъ этотъ, какъ ни былъ онъ тяжелъ и опустошителенъ, не имѣлъ однакожъ никакого существеннаго вліянія ни на ходъ общественнаго развитія Рима, стремившагося тогда къ окончательному уравненію сословій, ни на его начинавшееся политическое могущество. Однако въ преданіяхъ взятіе Рима галлами обставлено такими подробностями, которыя ясно указываютъ на то, что случай этотъ, сильно поразивъ умъ и фантазію народа, сдѣлался однимъ изъ сюжетовъ его героическаго эпоса и въ такомъ видѣ занесенъ былъ въ исторію.

b) Періодъ завоеваній.

Объединеніе Италіи.

150-лѣтній періодъ завоеваній, составляющій какъ бы героическій вѣкъ римской исторіи, начался съ покоренія Этруріи, Лація, Кампаніи и Самнія, чѣмъ и положено прочное основаніе политическому объединенію Италіи.

a) Покореніе южной Этруріи.

Покореніе южной Этруріи, начатое еще до галльскаго нашествія завоеваніемъ Вей, продолжалось и по возобновленіи разрушеннаго Рима, причемъ ближайшія мѣстности по Тибру непосредственно вошли въ составъ государства, получивъ право полнаго римскаго гражданства, а жители городовъ болѣе отдаленныхъ, напр. Церe, сдѣлались гражданами безъ права голоса (cives sine suffragio). Пріобрѣтеніе это довершено ровно въ половинѣ IV вѣка.

b) Покореніе Лація.

А десять лѣтъ спустя началось формальное покореніе Лація. Латинскій союзъ давно уже недоволенъ былъ своимъ предсѣдателемъ Римомъ. Несмотря на обѣщанное равенство съ союзниками, римляне явно стремились къ совершенному господству надъ ними: присвоили себѣ исключительную команду надъ союзнымъ римско-латинскимъ войскомъ, исключительное пользованіе общими завоеваніями. Для открытой борьбы со своими поработителями латинскіе города выжидали только какихъ-нибудь благопріятныхъ внѣшнихъ условій. Такія условія представились въ 342 г., когда римляне впервые пришли во враждебное столкновеніе съ самнитами, господство которыхъ въ это время простиралось не только на Кампанію, но и на всю южную Италію, но которые однако далеко уступали римлянамъ прочностью общественной организаціи этихъ обширныхъ владѣній. Самнитскія поселенія, разсѣянныя по Апуліи, Луканіи, Бруттію и Кампаніи, не только не стояли ни въ какой тѣсной связи со своей метрополіей, горнымъ Самніемъ, но напротивъ часто относились къ ней даже враждебно,— тѣмъ болѣе, что греческая культура, среди которой они жили, заставляла ихъ скоро забывать старые родные обычаи и преданія. Такія именно отношенія обнаруживались съ половины IV в. между капуанскими самнитами и ихъ горными одноплеменниками, и изнѣженные, эллинизировавшіеся капуанцы, не въ силахъ будучи защищаться отъ своихъ воинственныхъ родичей, отдались въ подданство Риму. Тогда римляне явились въ Кампанію защищать своихъ новыхъ подданныхъ и, встрѣтивъ горныхъ самнитянъ близъ Кумъ, разбили ихъ, послѣ чего готовы уже были вторгнуться въ самнитскія горы, какъ въ самомъ Луціи поднялось противъ нихъ враждебное движеніе союзныхъ городовъ, нашедшихъ эту минуту

благопріятною для возстановленія своихъ попранныхъ правъ. Тогда римляне поспѣшили заключить съ самнитами миръ, удержавъ за собой кампанскія пріобрѣтенія, и затѣмъ обратили всѣ свои силы противъ латинскихъ городовъ. Несмотря на рѣшительныя побѣды консуловъ Деція Муса при Везувіи и Манлія Торквата при Минтурнахъ или Трифанѣ, война съ латинами продолжалась около трехъ лѣтъ и кончилась только въ 337 г. совершеннымъ покореніемъ Лація. Латинскій союзъ распался. Побѣжденные города его, смотря по силѣ оказаннаго сопротивленія, получили и различныя степени правъ. Вольски и герники, старинные враги римскаго государства, такъ долго безпокоившіе его своими набѣгами, окончательно приведены въ покорность. Капуа и вся кампанская равнина присоединены къ римскимъ владѣніямъ.

c) Самнитскія войны.

Эти новыя пріобрѣтенія на югѣ открывали римлянамъ свободный путь въ Великую Грецію, гдѣ они опять неизбѣжно должны были столкнуться съ самнитами, издавна боровшимися тамъ то съ греческими городами и могущественнѣйшимъ изъ нихъ Тарентомъ, то съ апулійцами и другими народами этой части Италіи. У римлянъ, стало быть, уже готовы были здѣсь естественные союзники. Самниты же, хотя и властвовали надъ Луканіей и располагали силами разныхъ мелкихъ сабелльскихъ народцевъ,—марсовъ, пелигновъ, эквовъ, — но на помощь ихъ, равно какъ и на содѣйствіе свободныхъ этрусковъ и порабощенныхъ латиновъ, въ открывшейся борьбѣ съ Римомъ не могли твердо разсчитывать, такъ какъ все несчастіе италіковъ состояло главнымъ образомъ въ отсутствіи между ними единодушія и взаимной поддержки въ виду общей для всѣхъ опасности со стороны римлянъ. Поводомъ къ открывшейся въ 325 г. войнѣ послужило основаніе на границахъ Самнія римской военной колоніи Фрегеллы. Самнитяне, справедливо увидѣвъ въ этомъ угрозу своей независимости, поднялись противъ Рима и начали съ нимъ ту достопамятную борьбу, которая съ небольшимъ перерывомъ продолжалась 35 лѣтъ и кончилась совершеннымъ порабощеніемъ народовъ средней Италіи. Начало войны было впрочемъ довольно счастливо для самнитянъ. Въ Кавдинскомъ ущельѣ имъ удалось окружить неосторожныхъ консуловъ Ветурія и Постумія и заставить ихъ сдаться на позорную капитуляцію; но полководецъ ихъ Понцій сдѣлалъ большую ошибку, ограничившись договоромъ, по которому римляне обязались не вступаться въ дѣла южной Италіи. Сенатъ не призналъ этого договора и выдалъ головою виновниковъ его самнитянамъ. Такимъ образомъ упущенъ былъ единственный благопріятный моментъ, когда, заполо-

нивъ всю римскую армію, можно было прямо идти на беззащитный Римъ и поднять противъ него всѣхъ недовольныхъ латиновъ, этрусковъ, кампанцевъ. Минута эта потомъ никогда уже не повторилась. Напротивъ въ слѣдующіе годы происходили только отдѣльныя движенія самнитскихъ союзниковъ противъ Рима, но эти разрозненныя попытки не могли имѣть успѣха. Одной битвы у Вадимонскаго озера достаточно было, напр., чтобъ подавить независимую часть Этруріи, поднявшуюся противъ Рима; такая же участь постигла эквовъ, марсовъ и др. сабелльскія племена, послѣ чего и самимъ самнитянамъ не оставалось ничего болѣе, какъ просить у римлянъ мира. Миръ этотъ, дарованный имъ въ 303 г., не принесъ, правда, римлянамъ никакихъ значительныхъ пріобрѣтеній территоріальныхъ, но важно было моральное впечатлѣніе 20-лѣтней борьбы, имъ оконченной. Какъ самимъ римлянамъ, такъ и народамъ Италіи борьба эта показала, что теперь уже никто изъ нихъ не въ состояніи спорить съ Римомъ за господство надъ всѣмъ Апеннинскимъ полуостровомъ. По крайней мѣрѣ съ этого времени римляне начинаютъ явно стремиться къ этому господству, подчиняютъ себѣ всю Кампанію и Апулію, проводятъ по этимъ областямъ военную дорогу, унизанную цѣпью римскихъ крѣпостей и военныхъ колоній. Самнитяне, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, разобщенные со своими прежними италійскими союзниками, увидѣли теперь, что такой миръ хуже войны и, шесть лѣтъ спустя, снова начали съ Римомъ отчаянную борьбу. Но и эти послѣднія усилія героическаго народа не повели ни къ чему и послѣ несчастной для самнитянъ битвы при Сентинѣ кончились въ 290 г. совершеннымъ подчиненіемъ Самнія римскому владычеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно покорились Риму и всѣ племена италійскія, искавшія до сихъ поръ въ самнитахъ опоры своей независимости [1]).

d) Война съ тарентинцами и Пирромъ.

Распространенію римскаго господства на всю южную Италію могли препятствовать теперь только греческіе города этой части полуострова и особенно могущественнѣйшій изъ нихъ Тарентъ, славный своимъ богатствомъ, торговлей и флотомъ, какъ и своей образованностью, могшій кромѣ сильнаго военнаго флота противопоставить врагу до 30000 наемниковъ. Но раздробленный эллинскій міръ и тутъ оказался несостоятельнымъ въ виду организован-

[1]) Въ традиціонной исторіи самнитскихъ войнъ много темнаго и загадочнаго, и попытки разобраться въ противорѣчіяхъ традиціи привели даже нѣкоторыхъ ученыхъ (Моммзена, Низе) къ отрицанію первой самнитской войны. См. И. В. Нетушилъ Начало міровой политики римской республики и конецъ Лаціи (Ж. М. Нар. Пр. 1904). *Ред.*

ной силы римлянъ. Вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать заодно противъ общаго врага, значительная часть городовъ южной Италіи,— Кротонъ, Ѳуріи, Локры,—заключили съ римлянами договоръ, когда въ 281 г. дѣло дошло у нихъ до войны съ Тарентомъ. Оставленные своими соплеменниками тарентинцы, не надѣясь на собственныя средства, должны были искать защиты внѣ Италіи. Они нашли ее у воинственнаго авантюриста эпохи — эпирскаго царя Пирра, вышедшаго изъ школы Александра Великаго. Благодаря своей фалангѣ и боевымъ слонамъ, Пирръ успѣлъ два раза поразить римлянъ,—при Гераклеѣ и Аскулѣ; но, когда римляне попривыкли къ чуждому для нихъ строю и тактикѣ новаго непріятеля, то въ 275 г. въ свою очередь разбили его при Беневентѣ, послѣ чего эпирскій царь долженъ былъ оставить Италію, а три года спустя имъ покорился Тарентъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ другія греческія государства южной Италіи [1]).

Военное и административное искусство римлянъ.

Политическое объединеніе средней и южной Италіи, бывшее слѣдствіемъ этихъ полувѣковыхъ войнъ, достигнуто было римлянами не только мужествомъ, настойчивостью и патріотизмомъ, украшавшими ихъ въ эту пору ихъ исторической жизни, но и необыкновенными успѣхами военнаго и административнаго искусства, безъ которыхъ всѣ подвиги и самоотверженіе Манліевъ, Деціевъ, Фабіевъ и Куріевъ никогда не дали бы такихъ прочныхъ и блестящихъ результатовъ. Военное дѣло римлянъ, развившееся въ это время вполнѣ, далеко превосходило все, сдѣланное по этой части какъ восточными народами, такъ и греками. Такъ римскій легіонъ (состоявшій въ это время изъ 4200 человѣкъ) соединялъ въ себѣ всѣ выгоды греческой фаланги, но имѣлъ предъ нею то преимущество, что могъ дѣйствовать не только массою, но и членораздѣльно; вооруженіе римскаго войска, заключавшееся главнымъ образомъ въ метательномъ копьѣ (pilum) и мечѣ, давало ему возможность сражаться издали и вблизи; обычай укрѣплять лагерь, гдѣ только останавливалось войско, хотя бы на самое короткое время, представлялъ удобства какъ для наступательныхъ, такъ и для оборонительныхъ дѣйствій, а высоко развитое осадное искусство, система резервовъ и правильное продовольствіе армій довершали достоинства этой отличной организаціи. Но еще болѣе обязанъ Римъ своими успѣхами тому замѣчательному искусству, съ которымъ онъ умѣлъ упрочивать за собой сдѣланныя завоеванія. Цѣль эта достигалась двумя путями,—устройствомъ

[1]) K. Schubert Gesch. des Pyrrhus, neu untersucht und nach den Quellen zusammengestellt. Königsberg. 1894. *Ред.*

пріобрѣтенныхъ городовъ и земель и ихъ постепенной романизаціей. Покоренныя общины, какъ латинскія, такъ и другихъ италиковъ, получали отъ римлянъ неодинаковыя права: однѣ прямо введены были въ составъ государства, инкорпорированы Римомъ, получивъ и права полнаго римскаго гражданства; другимъ даровано было только такъ называемое латинское право (jus Latii или jus Latinorum), т.-е. внутреннее самоуправленіе и въ случаѣ переселенія въ Римъ права полнаго гражданства, у себя же онѣ пользовались этими правами уже съ нѣкоторыми ограниченіями, напр. не имѣли права голоса (cives sine suffragio). Это была ближайшая ступень къ римскому гражданству, которое постоянно комплектовалось изъ этихъ источниковъ. Третьи, удержавъ собственное внутреннее управленіе по мѣстнымъ обычаямъ, не пользовались на родинѣ правами римскаго гражданства, въ случаѣ же переселенія въ Римъ могли пріобрѣтать тамъ имущество, но не права гражданъ, напр. не имѣли голоса въ комиціяхъ, не могли достигать государственныхъ должностей и т. д. Такія общины назывались муниципіями. Но и не всѣ муниципіи надѣлены были одинаковыми правами: тѣ изъ нихъ, гдѣ судопроизводство вѣдалось не собственными чиновниками, а римскимъ префектомъ и по римскимъ законамъ, назывались префектурами; если же въ муниципіи водворялось извѣстное число римскихъ поселенцевъ съ семействами для того, чтобъ они составляли тамъ родъ гарнизона и служили корнемъ поколѣнію преданныхъ гражданъ, то такія общины назывались колоніями. Но и тутъ различались coloniae civium, если поселенцами были римскіе граждане, и coloniae Latinorum, — если это были выходцы изъ городовъ латинскихъ. Тѣ и другія впрочемъ имѣли почти одинаковое устройство, отличавшееся отъ муниципальнаго тѣмъ, что здѣсь и учрежденія, и судъ, и чиновники — все было организовано по римскимъ образцамъ и законамъ и что для колонистовъ отбиралась у жителей третья часть ихъ земель. Эта градація правъ въ различныхъ завоеванныхъ мѣстностяхъ выгодна была въ томъ отношеніи, что она поддерживала въ покоренныхъ духъ разъединенія, нерѣдко даже зависти и взаимной вражды, и слѣдовательно коренное правило римской политики „divide et impera“ могло найти здѣсь полное примѣненіе. Съ другой же стороны распространеніе въ завоеванныхъ земляхъ римскихъ поселенцевъ и особенно римскаго права посредствомъ колоній и муниципій вело къ неизбѣжной романизаціи этихъ земель, къ постепенному расширенію предѣловъ римской національности и римскаго гражданства. Но такая клас-

сификація правъ принята была римлянами главнымъ образомъ для закрѣпленія за собой покоренныхъ италійскихъ племенъ; греческимъ же городамъ южной Италіи оставлялось сначала ихъ прежнее устройство и законы,—только они теряли политическую независимость, ставили для римлянъ корабли и войско и платили трибутъ. Такіе города и племена назывались союзническими (socii, foederati), но на самомъ дѣлѣ превратились потомъ въ настоящихъ подданныхъ республики.

Внѣ-италійскія завоеванія Рима.

Какъ только Римъ подчинилъ своей власти южную Италію, то естественно онъ долженъ былъ наслѣдовать и всѣ политическіе интересы греческихъ государствъ, имъ здѣсь покоренныхъ, а значительныя морскія силы этихъ государствъ, особенно Тарента, дали ему возможность расширить свои завоевательные виды и на ближайшія сосѣднія страны на Средиземномъ морѣ,—Сицилію, Карѳагенъ и Грецію, съ которыми теперь впервые завязываются у него дѣятельныя сношенія. Ближайшимъ шагомъ на пути открывавшихся теперь передъ Римомъ внѣ-италійскихъ завоеваній была сосѣдняя Сицилія, давнишняя житница Италіи. За обладаніе этимъ прекраснымъ островомъ жарко спорили въ то время сильнѣйшая изъ греческихъ колоній края Сиракузы и могущественнѣйшая изъ колоній финикійскихъ Карѳагенъ. Римлянамъ надо было вмѣшаться въ эту уже нѣсколько столѣтій продолжавшуюся борьбу, чтобъ добыть себѣ въ ней львиную долю. Самымъ опаснымъ претендентомъ на Сицилію былъ Карѳагенъ, и съ нимъ-то прежде всего предстояло имъ помѣряться силами [1]).

Карѳагенъ.

Основанный въ началѣ IX в. тирскими аристократами Карѳагенъ, по-финикійски Карѳада, процвѣлъ чрезвычайно быстро, благодаря богатству, связямъ и коммерческой опытности тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя сюда переселились, а еще болѣе благодаря плодородію края и счастливому положенію въ самомъ выгодномъ торговомъ пунктѣ либійскаго берега, на полуостровѣ, который вмѣстѣ съ противолежащей Сициліей составляетъ раздѣльную линію между восточнымъ и западнымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Подчинивъ себѣ туземныя земледѣльческія и кочевыя племена либійскія и обративъ ихъ въ рабочую и военную для себя силу, Карѳагенъ пріобрѣлъ вскорѣ первенство и между прочими финикійскими поселеніями этихъ мѣстъ. Утика, Гадруметъ, обѣ Лептиды подчинились его господству и стали платить ему дань,

---

[1]) Meltzer Gesch. der Karthager. 2 B-de. Berl. 1896. Генр. Шурцъ Сѣверная Африка („Ист. человѣчества“ Гельмольта, т. IV). *Ред.*

поставлять для него корабли и войско. Мало того: древнія финикійскія колоніи Испаніи, Сициліи, Мелиты и острововъ Балеарскихъ мало-по-малу также перешли въ его власть. Флотъ карѳагенянъ владычествовалъ въ западномъ Средиземномъ морѣ, вытѣсняя изъ этихъ водъ сиракузянъ и массаліотовъ. Нѣсколько разъ пытались они овладѣть всею Сициліей, и только Сиракузы останавливали здѣсь ихъ напоръ, а въ 480 г. нанесли имъ даже тяжкое пораженіе при Гимерѣ въ то самое время, когда греки побѣдили при Саламинѣ персовъ, номинальныхъ властителей Карѳагена. Но это не помѣшало однако карѳагенянамъ прочно утвердиться впослѣдствіи во всей западной половинѣ оспариваемаго острова и покорить себѣ многіе греческіе города этихъ мѣстностей. Вообще V и IV стол. представляютъ апогей карѳагенскаго могущества и торговаго процвѣтанія, когда не только всѣ берега и острова западной части Средиземнаго моря усѣяны были ихъ факторіями, но цѣпь ихъ поселеній тянулась и по берегамъ Атлантическаго океана далеко на сѣверъ и на югъ отъ столбовъ Геркулеса, когда Карѳагенъ считался богатѣйшимъ государствомъ въ мірѣ, а его капиталисты дошли уже до многихъ пріемовъ нынѣшняго финансоваго и торговаго дѣла,—страхованія, коммерческихъ займовъ, банковыхъ билетовъ въ формѣ кожаныхъ знаковъ и проч. Но это блестящее развитіе имѣло и свои темныя стороны. Онѣ заключались, во-первыхъ, въ общественномъ устройствѣ Карѳагена, гдѣ власть принадлежала земельной и денежной аристократіи и гдѣ подавленная масса народа, а тѣмъ болѣе порабощенныя племена и города не питали ни привязанности, ни интереса къ этому купеческому государству; во-вторыхъ, въ ненадежности военныхъ силъ Карѳагена, состоявшихъ исключительно изъ наемниковъ и рабовъ, и, въ-третьихъ, въ исключительно матеріальномъ характерѣ карѳагенской жизни, лишенной духовнаго содержанія, не знавшей ни искусства, ни литературы, ни какихъ-либо высшихъ нравственныхъ интересовъ и наполненной однѣми заботами о наживѣ и пріобрѣтеніяхъ.

Первая пунійская война.

Таковы были карѳагеняне или пуны (Poeni), какъ называли ихъ италійцы искаженнымъ греческимъ именемъ финикіянъ. Болѣе 300 лѣтъ боролись они уже съ Сиракузами за обладаніе Сициліей и ея греческими колоніями, какъ въ 264 г. вмѣшались въ эту борьбу римляне, взявъ подъ свою защиту разбойниковъ мамертиновъ, засѣвшихъ въ Мессанѣ и осажденныхъ здѣсь сиракузскимъ тираномъ Гіерономъ. Поводъ былъ ничтожный и даже нечестный. Но опасеніе какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій со стороны карѳагенянъ, которыхъ тоже призывала часть мамерти-

новъ и которые, утвердившись въ Мессанѣ, могли угрожать оттуда Таренту и другимъ римскимъ союзникамъ южной Италіи, а равно и желаніе завладѣть прекраснымъ и плодороднымъ островомъ, заставили римлянъ пренебречь предписаніями обыденной морали и послать въ Сицилію войско. Это и было началомъ первой пунійской войны. Война эта, затянувшаяся на цѣлые 23 года, продолжалась такъ долго потому, что она происходила не только на сушѣ, но и на морѣ, гдѣ римляне были еще новичками, такъ какъ и военный флотъ свой завели они только въ эту войну. Карѳагенъ же былъ тогда первой морской державой, а его несмѣтное богатство давало ему возможность легко заглаживать пораженія вербовкой новыхъ наемниковъ и постройкою новыхъ флотовъ. Отчасти же продолжительность войны объясняется еще тѣмъ, что обѣ стороны дѣйствовали съ необыкновеннымъ упорствомъ, какъ бы чувствуя, что это первая фаза той ожесточенной борьбы, которая могла кончиться только совершеннымъ уничтоженіемъ одного изъ противниковъ, и что отъ такого или иного начала зависятъ успѣхи и всѣхъ дальнѣйшихъ событій.

Ходъ войны былъ такой [1]). Не могши устоять въ полѣ противъ превосходства римскихъ легіоновъ, скоро принудившихъ Гіерона сиракузскаго отказаться вовсе отъ участія въ войнѣ, пуны заперлись въ своихъ приморскихъ крѣпостяхъ, что и заставило римлянъ построить флотъ, съ помощью котораго только и можно было овладѣть ими. Но первая морская побѣда при Милахъ у Липарскихъ острововъ неожиданно измѣнила планъ войны. Ободренные успѣхомъ римляне рѣшились кончить ее однимъ ударомъ, сдѣлавши высадку въ Африку; но отправленный туда консулъ Регулъ погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ, а два новые римскіе флота, выставленные республикой, послѣ кратковременныхъ успѣховъ вслѣдъ затѣмъ истреблены были бурями. За то на сухомъ пути, въ Сициліи, римляне вездѣ почти вытѣснили карѳагенянъ,

---

[1]) Источниками для исторіи пунійскихъ войнъ отчасти остаются тѣ же писатели, изъ которыхъ главнымъ образомъ принуждены мы черпать и наши свѣдѣнія о начальномъ періодѣ римской исторіи, т.-е. Полибій, Титъ Ливій, Діонисій Галикарнасскій, отчасти же служатъ остатки сочиненій Аппіана (именно 6, 7 и 8 кн. его „Ῥωμαϊκὴ Ἱστορία“) и Діона Кассія (преимущественно въ извлеченіи Іоанна Зонары, византійскаго хрониста временъ Комниновъ). Одно изъ лучшихъ, хотя и устарѣлыхъ пособій—Haltaus „Gesch. Roms im Zeitalter d. punischen Kriege, aus den Quellen geschöpft und dargestellt“ (Leipz. 1846). Новѣйшая литература вопроса довольно обширна: K. Neumann, Das Zeitalter der punischen Kriege (1883); Hennebert Histoire d'Annibal. 3 vol. P. 1870—72; Streit Zur Geschichte des zw. pun. Krieges in Italien nach d. Schlacht bei Cannae (Berl. Stud. VI. 1887); J. Fuchs Der zweite punische Krieg u. seine Quellen. Wiener-Neustadt. 1893. *Ред.*

и только необыкновенные военные таланты ихъ полководца Гамилькара Барка позволили имъ еще долго держаться въ неприступномъ Эриксѣ, Дрепанѣ и Лилибеѣ. Наконецъ уже четвертому римскому флоту, построенному на частныя средства патріотическихъ гражданъ, подъ начальствомъ Лутація Катула, удалось рѣшительной побѣдой при Эгатскихъ островахъ въ 241 г. принудить пуновъ къ уступкѣ всей подвластной имъ Сициліи, чѣмъ и кончилась война.

Первыя провинціи и провинціальное управленіе.

Завоеванная пунійская Сицилія сдѣлалась первою римскою провинціей. Но вскорѣ пріобрѣли римляне и вторую, овладѣвъ Корсикой и Сардиніей въ то время, когда ослабленные тяжкой войной и страшнымъ трехлѣтнимъ бунтомъ своихъ наемниковъ карѳагеняне не въ силахъ были отстоять эти древнія финикійскія колоніи. Затѣмъ, отнявъ у морскихъ разбойниковъ иллирійцевъ островъ Керкиру и нѣсколько укрѣпленныхъ ихъ гаваней, они вступили въ 20-хъ годахъ III-го столѣтія въ ожесточенную борьбу съ кельтскими племенами верхней Италіи и, покоривъ всю страну ихъ по обоимъ берегамъ р. По, обратили ее въ третью римскую провинцію подъ именемъ Цизальпинской Галліи, чѣмъ и расширили свое господство на Апеннинскомъ полуостровѣ до его естественныхъ границъ, т.-е. Альпъ.

Если городскія общины средней Италіи съ различными степенями предоставленныхъ имъ правъ представляли постепенную школу для воспитанія и пополненія римскаго гражданства, то племена и земли не италійскаго происхожденія, лежавшія за предѣлами Италіи, обращаемы были прямо въ римскихъ подданныхъ и дѣлались предметомъ финансовой и экономической эксплуатаціи. Такія не-италійскія или же внѣ-италійскія завоеванія назывались провинціями и управлялись по римскимъ законамъ и римскими чиновниками, — проконсулами и пропреторами, — имѣвшими въ своемъ распоряженіи извѣстное число римскихъ же легатовъ, т.-е. подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ особыхъ порученій, и квесторовъ, завѣдывавшихъ мѣстными финансами. Проконсулы облечены были неограниченною властью надъ жителями края, имѣли „imperium“ съ правомъ жизни и смерти. Въ рукахъ ихъ было не только гражданское, но и военное управленіе, т.-е. какъ администрація и судопроизводство, такъ и начальство надъ мѣстными военными силами, расположенными въ крѣпостяхъ и военныхъ колоніяхъ, которыми завоеванный край удерживался въ покорности и постепенно романизовался посредствомъ распространявшагося отсюда римскаго права, языка и обычаевъ. Цѣль про-

винціальнаго управленія состояла въ извлеченіи возможно большихъ доходовъ для обогащенія римской государственной казны. Доходы эти обыкновенно отдавались на откупъ спекулянтамъ изъ римскихъ гражданъ, т. наз. публиканамъ. Затѣмъ мѣстнымъ обычаямъ, религіи и языку побѣжденныхъ оказывалась полная терпимость. Правители требовали только денегъ и покорности и съ этою цѣлью запрещали провинціаламъ носить оружіе и служить въ римскомъ войскѣ. Такая система была дѣйствительно сносною только вначалѣ, въ III и II ст., пока въ самомъ римскомъ обществѣ поддерживалась древняя честность и простота нравовъ; когда же обширныя завоеванія и пріобрѣтеніе несмѣтныхъ сокровищъ, бывшее слѣдствіемъ ихъ, привели къ упадку общественной нравственности въ Римѣ, проконсулы и ихъ чиновники стали позволять себѣ грабежъ и всякія злоупотребленія, и гнетъ надъ провинціями усилился тѣмъ болѣе, что, хотя обиженнымъ и предоставлялось право жаловаться на своихъ правителей по истеченіи срока ихъ дѣятельности, но эти жалобы рѣдко находили удовлетвореніе въ сенатѣ, состоявшемъ большею частію изъ того же класса богатыхъ и именитыхъ гражданъ, изъ котораго обыкновенно назначались проконсулы и пропреторы [1]).

Вторая пунійская война.

Испытавъ силу Рима въ 23-лѣтней войнѣ, карѳагенскіе патріоты поняли, что, сдѣлавшись обладателемъ Италіи и ея острововъ, онъ неизбѣжно будетъ стремиться и ко владычеству надъ Средиземнымъ моремъ, а потому смотрѣли на договоръ 241 г. только какъ на перемиріе, за которымъ все-таки предстоитъ новая борьба, и считали своимъ долгомъ заранѣе готовить къ ней надежныя средства. Во главѣ этихъ патріотовъ стояла фамилія Барка—„Молнія“, тогдашній представитель которой Гамилькаръ пріобрѣлъ такую славу въ недавней сицилійской войнѣ. Но партія Барка не пользовалась поддержкой правительственной олигархіи родного города и, опираясь только на сочувствіе народа, сама должна была заботиться о возвышеніи и усиленіи потрясеннаго отечества. И вотъ, сдѣлавшись по требованію народа главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ республики въ трудную годину возстанія наемниковъ и умиротворивъ взволнованный ими край, Гамилькаръ на собственный страхъ предпринялъ завоеваніе Испаніи и въ короткое время покорилъ карѳагенской власти всю южную

[1]) См. Ешевскій „Центръ римскаго міра и его провинціи“ (въ Собр. соч. т. I); также: „Провинціал. бытъ древняго Рима“, ст. И. А. (въ „Соврем.“ 1852, т. XXXIV); П. Куль Провинціальныя собранія у римлянъ. Харьковъ 1898. М. И. Ростовцевъ Исторія государственнаго откупа въ римской имперіи (отъ Августа до Діоклеціана). Спб. 1899 *Ред.*

часть этой страны до рѣки Hiberus (нын. Эбро), а зять его Гасдрубалъ, наслѣдовавшій ему во власти, упрочилъ это богатое пріобрѣтеніе основаніемъ на южномъ берегу его Новаго Карѳагена и устройствомъ правильной разработки его естественныхъ богатствъ. Оба они имѣли уже замыслы начать отсюда борьбу съ ненавистнымъ Римомъ, но замыслы эти суждено было привести въ исполненіе только сыну гамилькарову Ганнибалу, соединявшему въ себѣ таланты государственнаго человѣка и замѣчательный полководческій геній съ непримиримою ненавистью къ Риму. Разрушеніемъ въ 218 г. союзнаго римлянамъ греческаго города Сагунта на восточномъ берегу Испаніи онъ открылъ вторую пунійскую войну, которую правильнѣе можно было бы назвать „ганнибаловой“, такъ какъ не только онъ былъ въ ней главнымъ героемъ, но и велъ ее самъ, при весьма слабомъ содѣйствіи своего правительства. Понимая, что сокрушить Римъ можно только въ Италіи, Ганнибалъ рѣшился прямо перенести войну за Пиринеи и Альпы и основалъ планъ ея на томъ, чтобы поднять противъ римлянъ всѣ покоренныя ими италійскія племена и общины. Съ этою цѣлью съ отборнымъ 60-тысячнымъ испанско-африканскимъ войскомъ переправился онъ черезъ снѣговыя вершины Малаго С.-Бернарда и, хотя съ большими потерями при этомъ гибельномъ переходѣ, явился въ Лигуріи и падуанской равнинѣ съ тѣмъ, чтобъ возбудить здѣсь противъ римлянъ только что покоренную ими Цизальпинскую Галлію. Разсчетъ этотъ оказался вѣренъ. Кельтскія племена верхней Италіи тотчасъ приняли его сторону и усилили его войско. Легко поразивъ двухъ римскихъ консуловъ при Тицинѣ и Требіи, двинулся онъ отсюда чрезъ Апеннины въ Этрурію, гдѣ при Тразименскомъ озерѣ разбилъ главныя силы римскія подъ начальствомъ консула Фламинія. Дорога къ Риму была теперь для него открыта; но вмѣсто того, чтобъ идти на Римъ, отлично защищенный своими стѣнами и отчаяннымъ мужествомъ своихъ гражданъ, карѳагенскій вождь повернулъ къ берегамъ Адріатическаго моря, все преслѣдуя свою главную цѣль—возстаніе италійскихъ народовъ и надѣясь, что съ его появленіемъ умбры, самниты, греки южной Италіи поднимутся противъ Рима. Ожиданія эти однако не сбылись. Италійцы крѣпко стояли противъ чужеплеменниковъ, и кромѣ кельтовъ къ Ганнибалу не присталъ до сихъ поръ никто. А между тѣмъ римляне напрягали всѣ усилія и выставили 80-тысячную армію. Отборныя войска эти находились сначала подъ командой диктатора Фабія Кунктатора („Медлителя“); но, такъ какъ его осторожная тактика не удовлетворяла

народной гордости, то въ 216 г. начальство поручено было двумъ консуламъ Павлу Эмилію и Теренцію Варрону, которые и были на голову разбиты Ганнибаломъ при Каннахъ въ Апуліи. Римская армія была здѣсь почти вся истреблена. Самъ Павелъ Эмилій потерялъ въ этомъ сраженіи жизнь. Только послѣ такого погрома нѣкоторые греческіе союзники Рима, въ томъ числѣ Капуа и Тарентъ, пристали къ его врагамъ. Въ первомъ городѣ Ганнибалъ рѣшился даже провести зиму, что сильно деморализовало его войска, такъ какъ Капуа отличалась изнѣженностью и легкомысліемъ своихъ жителей.

Величіе римскаго народнаго духа обнаружилось въ несчастіи самымъ блистательнымъ образомъ. Спасеніе погибающей республики принялъ въ свои руки сенатъ и, съ необыкновенной энергіей снарядивъ новыя войска, поручилъ начальство надъ ними даровитому Марцеллу. И, тогда какъ ослабленный потерями и роскошной зимовкой Ганнибалъ не смѣлъ предпринять ничего рѣшительнаго, Марцеллъ въ 212 г. завоевалъ Сиракузы, защищаемыя сильнымъ гарнизономъ и изобрѣтательнымъ геніемъ Архимеда, а вслѣдъ затѣмъ римляне покорили и жестоко наказали отложившіеся Капую и Тарентъ. Для выручки перваго города Ганнибалъ пробовалъ даже подступить къ самому Риму. Но его появленіе подъ стѣнами вѣчнаго города не произвело ожидаемаго дѣйствія, и „Hannibal ante portas“—было для жителей его скорѣе предметомъ любопытства, нежели страха. Послѣ этихъ неудачъ, потерявъ надежду на италіковъ, карѳагенскій герой заперся въ горахъ Бруттія и отсюда завязалъ дѣятельныя сношенія съ Испаніей, Македоніей и Карѳагеномъ, чтобы составить изъ этихъ силъ коалицію противъ Рима и напасть одновременно съ трехъ сторонъ,—съ запада, востока и юга. Но Филиппъ VIII македонскій колебался и хитрилъ, карѳагенская олигархія безучастно оставляла погибать ненавистнаго Барка, и только изъ одной Испаніи двинулся на помощь Ганнибалу братъ его Гасдрубалъ, но приведенная имъ въ Италію армія прежде, чѣмъ достигнуть южной Италіи, истреблена была римлянами при рѣкѣ Метаврѣ, въ Умбріи. Но и послѣ потери этой послѣдней надежды цѣлые пять лѣтъ оставался еще непреклонный карѳагенянинъ въ Бруттіи, тщетно умоляя свое отечество о помощи, такъ что римлянамъ пришлось употребить диверсію, чтобъ выжить его изъ Италіи. Сначала они подъ предводительствомъ Публія Корнелія Сципіона напали на Испанію и отняли у карѳагенянъ ихъ тамошнія владѣнія, а потомъ сдѣлали высадку и въ самую Африку. Тогда для защиты родного города долженъ

былъ туда переправиться и Ганнибалъ, но въ сраженіи при Замѣ, въ Нумидіи, въ 202 г. былъ совершенно разбитъ Сципіономъ, получившимъ отнынѣ прозвище Африканскаго. Беззащитный Карѳагенъ долженъ былъ принять тяжкія условія предписаннаго ему мира: уступить римлянамъ всѣ свои внѣ-африканскія владѣнія, выдать имъ всѣ свои корабли, уплатить огромную контрибуцію и не начинать ни съ кѣмъ войны безъ ихъ позволенія. Союзникъ римскій, нумидійскій царь Массинисса, зорко слѣдилъ отнынѣ за всѣми движеніями Карѳагена.

Ганнибалова война была послѣдней серьезной пробой для силы римскаго государства. Выдержавъ такъ блистательно это тяжкое испытаніе, — упрочивъ свое владычество въ Италіи, какъ бы вторично имъ покоренной во время пунійскаго нашествія, пріобрѣвши въ свое владѣніе обширную и богатую Испанію, составившую четвертую римскую провинцію, оно безпрепятственно могло устремиться отнынѣ на путь всемірныхъ завоеваній.

Завоеваніе Македоніи, Греціи, Малой Азіи и Карѳагена.

Первымъ шагомъ на этомъ пути было завоеваніе Македоніи и Греціи, вторымъ — покореніе Малой Азіи и Карѳагена.

Война съ Филиппомъ македонскимъ началась тотчасъ по окончаніи второй пунійской. Она была естественнымъ результатомъ этой послѣдней, такъ какъ поводомъ къ ней послужили недавнія сношенія Филиппа съ Ганнибаломъ. Консулъ Фламининъ, возбудивши грековъ къ возстанію противъ македонскаго владычества, рѣшилъ кампанію одною битвою при Киноскефалахъ, въ Ѳессаліи. Разбитый здѣсь на голову царь Македоніи обязался признать независимость Греціи, уплатить огромную контрибуцію и выдать римлянамъ весь военный флотъ свой. Но независимая Греція скоро почувствовала однако, что у ней только перемѣнились правители и что римское покровительство въ сущности есть тягостное господство. Тогда этоляне и нѣкоторыя другія племена эллинскія завязали сношенія съ Антіохомъ III сирійскимъ, — звали его на помощь; Антіохъ явился, но, скоро вытѣсненный изъ Греціи, былъ настигнутъ и совершенно разбитъ у города Магнезіи (въ Малой Азіи) Луціемъ Корнеліемъ Сципіономъ, извѣстнымъ подъ именемъ Азіатскаго. Уплатою огромной контрибуціи и уступкою всей Малой Азіи до Тавра долженъ онъ былъ купить теперь миръ у римлянъ. Отнятыя у Антіоха земли сначала раздѣлены были между союзниками римлянъ, Пергамомъ и Виѳиніей, отчасти же объявлены независимыми, но уже въ 124 г. весь этотъ край обращенъ въ римскую провинцію подъ именемъ Азіи. Македонія и Греція тоже недолго удерживали свою независимость. Первая сна-

чала обезсилена была новой войной преемника филиппова Персея, разбитаго консуломъ Павломъ Эмиліемъ при Пиднѣ (168 г.), а 20 лѣтъ спустя (въ 148 г.) и совершенно обращена Меттеломъ въ пятую римскую провинцію. Два года послѣ этого, въ 146 г., та же участь постигла и Грецію, когда возстаніе ахейскаго союза противъ римлянъ кончилось разрушеніемъ Коринѳа Мумміемъ и невозвратнымъ порабощеніемъ всей страны. Покоренная Греція составила шестую римскую провинцію подъ именемъ Ахайи [1]).

Въ тоже самое время, именно въ 146 г., кончилъ и Карѳагенъ свое независимое существованіе. Придравшись къ войнѣ, самовольно объявленной карѳагенянами злѣйшему и давнишнему врагу ихъ Массиниссѣ, римляне сначала коварно отобрали у нихъ оружіе и корабли, а потомъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе, полководецъ ихъ Сципіонъ Эмиліанъ Африканскій младшій до основанія разрушилъ и самый городъ. Земля карѳагенская объявлена римской провинціей подъ именемъ Африки. Это была седьмая провинція Рима. Восьмую же, какъ сказано, въ 124 г. составила Азія.

Причины быстрыхъ успѣховъ римскаго оружія.

Таковъ былъ первый кругъ внѣшнихъ римскихъ завоеваній, охватившій всѣ ближайшіе къ Италіи берега и острова Средиземнаго моря. Легкость и быстрота, съ какими сдѣланы были всѣ эти громадныя пріобрѣтенія въ теченіи какого-нибудь полувѣка, объясняется не однимъ превосходствомъ военнаго искусства римлянъ, дѣйствительно достигшаго въ это время такого возможнаго совершенства, что даже самъ Ганнибалъ послѣ первыхъ встрѣчъ своихъ съ римскими легіонами въ верхней Италіи преобразовалъ свою побѣдоносную армію по римскому образцу,— онѣ объясняются также и той дальновидной политикой сената, съ какою онъ умѣлъ всегда изолировать враговъ Рима, разстраивать ихъ союзы, пользоваться ихъ промахами, а послѣ побѣды постепенно и осторожно пріучать ихъ къ римскому господству, обращая ихъ сначала въ кліентовъ и союзниковъ Рима, а потомъ уже въ настоящихъ подданныхъ, хотя, прибавить надо, политика эта бывала часто весьма двулична и вообще безнравственна. Но главная причина успѣховъ Рима заключалась все таки въ слабости, въ политическомъ и нравственномъ упадкѣ его про-

---

[1]) Пособія для изученія римскаго періода греч. исторіи: Finlay „Hist. of Greece under the Romans“ (2 ed. Lond. 1857; русск. перев. С. Никитенко, М. 1876); Hertzberg „Griechenland unter der Herrschaft der Römer“ (Halle. 1866—74). *Ped.*

тивниковъ. Кто станетъ отрицать напр., что Карѳагенъ приведенъ былъ къ погибели меркантильнымъ эгоизмомъ своего олигархическаго правительства, или что причина порабощенія Греціи коренилась главнымъ образомъ въ ея политической раздробленности и въ тогдашнемъ глубокомъ растлѣніи ея нравовъ?

c) Вѣкъ революцій.

Источниками для внутренней и внѣшней исторіи Рима въ вѣкъ революцій являются, во-первыхъ, пять книгъ невполнѣ дошедшаго до насъ сочиненія Аппіана (именно 13—17,—лучшее изъ всего, что отъ него сохранилось), затѣмъ нѣкоторыя біографіи Плутарха (братья Гракхи, Сулла, Марій, Серторій, Помпей, Цезарь, оба Катона, Крассъ, Лукуллъ, Антоній, Брутъ), сочиненія Саллюстія („Югуртинская война“ и „Заговоръ Катилины“), Цицерона, Ю. Цезаря, фрагменты Діона Кассія и нѣкот. друг. Пособіями при изученіи этого отдѣла могутъ служить кромѣ названныхъ выше общихъ сочиненій по исторіи Рима—C. Neumann „Gesch. Roms während des Verfalles der Republik“ (hrsgbn. v. E. Gothein. Bresl. 1881); K. W. Nitzsch „Die Gracchen u. ihre nächsten Vorgänger“ (Berl. 1847); Drumann „Gesch. Roms in seinem Uebergange von der republikanischen bis zur monarchischen Verfassung“; H. Alcroft and F. Mason Rome under the oligarchy. A history of Rome 202—133 b. C. (Lond. 1895); тѣхъ же авторовъ—The decline of the oligarchy. A hist. of Rome 133—78 b. C. (Lond. 1895); что касается другихъ болѣе спеціальныхъ сочиненій,—какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ,—то указанія на нихъ см. ниже. *Ред.*

Вліяніе римскихъ завоеваній на нравы и общественный бытъ.

Еще Нибуръ высказалъ мысль, что Римъ былъ бы гораздо счастливѣе и нравственно чище, еслибы ограничился однимъ господствомъ надъ Италіей, а не стремился ко всемірному владычеству. Дѣйствительно, съ завоеваніемъ обширныхъ и богатыхъ странъ, сосѣднихъ Средиземному морю, начинается нравственный упадокъ Рима и вырожденіе его гражданскихъ доблестей: ослабѣваютъ нѣкогда святыя семейныя узы, отъ наплыва чужеземныхъ сокровищъ исчезаетъ древняя простота жизни, а вторженіе развратныхъ эллинскихъ обычаевъ и еще болѣе развратнаго эллинскаго риторства и софистики колеблютъ прадѣдовскую религію и мораль. Но таково было свойство древняго человѣчества, что ни одинъ изъ его завоевательныхъ народовъ не могъ быть во время остановленъ на пути своихъ пріобрѣтеній. Древній міръ не зналъ системы равновѣсія, гарантирующей въ наше время независимость отдѣльныхъ государствъ, какъ членовъ общаго международнаго союза. Поэтому и Римъ, какъ прежде персы и македоняне, по самой роковой необходимости все далѣе и далѣе долженъ былъ простирать свои завоеванія, такъ какъ каждый народъ и государство, оставшіеся еще свободными, могли быть ему только врагами.

Но перемѣны, произведенныя обширной системой завоеваній, не ограничились одной только нравственной стороной,—онѣ глубоко потрясли также и самое общественное устройство республики. Устройство это всегда носило преобладающій аристократическій характеръ,—даже и тогда, когда лициніевы и другіе законы повидимому уравнили права сословій,—такъ какъ уравненіе это было болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, и клонилось къ выгодамъ одной плебейской знати, получившей теперь доступъ къ высшимъ должностямъ и почестямъ. Масса же плебеевъ, весь мелкопомѣстный плебсъ и сельскій пролетаріатъ только временно облегчены были въ своихъ долговыхъ тягостяхъ, правильнаго же надѣла ихъ общественными полями добиться не могли все-таки; ибо 500 югеровъ, которыми ограничено было для всѣхъ пользованіе казенными землями, были слишкомъ высокой нормой, чтобы могло много остаться свободной земли для раздачи бѣднымъ гражданамъ. Конечно пріобрѣтеніе обширныхъ внѣ-италійскихъ владѣній, начавшееся послѣ второй пунійской войны, въ теченіи еще цѣлаго столѣтія давало римскому пролетаріату возможность получать содержаніе въ войскахъ; но съ постепеннымъ расширеніемъ правъ римскаго гражданства на латиновъ и нѣкоторыхъ другихъ италиковъ съ одной стороны увеличивался римскій пролетаріатъ, а съ другой уменьшались средства пристраивать его земельными надѣлами въ Италіи. А при необезпеченности экономической и его политическое значеніе должно было ограничиваться одними номинальными правами. Такъ напр. въ центуріальныхъ собраніяхъ 98 голосовъ изъ 195 принадлежали богатымъ гражданамъ перваго класса, которые такимъ образомъ всегда имѣли обезпеченное за собой большинство, и слѣдовательно въ сущности они, эти богатые граждане, утверждали законы и избирали чиновниковъ. Оттого люди бѣдные и незначительные трудно и рѣдко достигали высшихъ должностей, и такъ какъ сенатъ, эта высшая правительственная коллегія государства, составлявшая проекты законовъ, ведшая дипломатическія сношенія, завѣдывавшая провинціями и финансами и особенно возвысившаяся въ эпоху завоеваній, состояла главнымъ образомъ изъ должностной аристократіи, изъ бывшихъ консуловъ, преторовъ, эдиловъ и другихъ курульныхъ магистратовъ, то бѣдный гражданинъ никогда почти не попадалъ и въ сенаторы. Такъ мало-по-малу въ теченіи II стол. образовалась въ Римѣ новая аристократія,—аристократія не родовая, какъ прежде, не крови и происхожденія, а богатства и почестей, аристократія денежная и чиновная, состоявшая изъ двухъ классовъ,—

фамилій сенаторскихъ или курульныхъ и всадническихъ, такъ какъ гражданская конница превратилась теперь въ почетную гвардію республики. Первыя забрали въ свои руки высшую магистратуру, сенатъ и управленіе провинцій,—вторыя овладѣли торговлей, откупами и всѣми выгодными денежными спекуляціями. И какъ эта аристократія, пользовавшаяся даже нѣкоторыми внѣшними почетными преимуществами, напр. особымъ костюмомъ и правомъ имѣть изображенія предковъ (jus imaginum), роднилась только между собою, то въ ея замкнутый кругъ рѣдко удавалось проникнуть людямъ новымъ (homines novi), т.-е. простымъ, бѣднымъ гражданамъ. Въ противоположность этому, если не юридическому, то фактическому дворянству, такъ наз. оптиматамъ, стоялъ плебсъ, подъ которымъ разумѣли въ то время массу народную или чернь, имѣвшую одинаковыя права съ оптиматами, но не могшую ими пользоваться по своей бѣдности, по экономической зависимости отъ богатыхъ. Постепенное же обѣднѣніе римскихъ крестьянъ зависѣло отъ многихъ причинъ,—отъ долговъ, малоземельности или безземельности ихъ, а болѣе всего отъ гибельнаго вліянія внѣ-италійскихъ завоеваній на римское сельское хозяйство. Завоеванія эти наводнили Италію и Римъ милліонами чужеземныхъ рабовъ, даровой трудъ которыхъ и огромные привозы дешеваго хлѣба изъ Сициліи, Сардиніи и Африки убили римское земледѣліе. Мелкимъ земельнымъ собственникамъ стало невыгодно заниматься хлѣбопашествомъ, не окупавшимъ теперь ни потраченнаго труда, ни издержекъ производства, и они за безцѣнокъ сбывали земли свои богачамъ, въ рукахъ которыхъ опять скопилась такимъ образомъ вся земельная собственность. Но и въ крупныхъ помѣстьяхъ (латифундіяхъ) о земледѣліи почти не думали, а обращали земли въ луга, рощи, сады, огороды, служившіе роскоши богачей. Такъ мало по малу Италія осталась безъ собственнаго хлѣба, и міродержавный городъ пришелъ въ полнѣйшую экономическую зависимость отъ подвластныхъ ему провинцій и современемъ долженъ былъ дорого поплатиться за это. Вотъ почему къ концу II стол. такъ страшно развился въ Римѣ сельскій, а потомъ и городской пролетаріатъ, послужившій источникомъ и матеріаломъ всѣхъ революцій и гражданскихъ войнъ послѣдующаго времени.

Такимъ образомъ во второй половинѣ II вѣка республиканское устройство Рима и его экономическія отношенія оказывались уже несостоятельными въ слѣдующихъ чертахъ: 1) государствомъ управлялъ собственно сенатъ, какъ органъ

господствующей олигархіи оптиматовъ, и управленіе это, разумѣется, клонилось къ выгодамъ одной этой партіи; 2) органъ же самодержавія римскаго народа—комиціи, въ которыхъ теперь участвовали сотни тысячъ гражданъ, уже по самой многочисленности своихъ членовъ и малообразованности огромнаго ихъ большинства, а съ другой стороны по сложности интересовъ разросшагося до громадныхъ размѣровъ государства, неспособны были управлять республикой; 3) скопленіе земельной собственности въ немногія большія помѣстья—latifundia, даровой трудъ цѣлыхъ полчищъ рабовъ и даровой хлѣбъ изъ провинцій убили римское земледѣліе и способствовали страшному размноженію сельскаго, а потомъ и городскаго пролетаріата; 4) подчиненныя Риму италійскія племена и общины, извѣстныя подъ общимъ именемъ союзниковъ,—socii,—съ возрастаніемъ внѣшняго могущества республики начинаютъ добиваться правъ римскаго гражданства, т.-е. участія во всѣхъ тѣхъ благахъ, которыя доставляли теперь римскимъ гражданамъ ихъ обширныя завоеванія; 5) въ то же время размножившіеся рабы, низведенные на степень рабочихъ животныхъ, готовы требовать себѣ по крайней мѣрѣ правъ человѣческихъ и отъ времени до времени поднимаютъ бунты противъ своихъ безчеловѣчныхъ повелителей, а начавшійся грабежъ провинцій посредствомъ откупщиковъ и деспотической администраціи все чаще и чаще побуждаетъ провинціаловъ къ возстанію противъ правительства, первый примѣръ котораго подала въ 133 г. испанская Нуманція, и постепенно ведетъ государство къ полному экономическому истощенію; 6) вторженіе иноземныхъ обычаевъ и культовъ,—сначала греческихъ, а потомъ и восточныхъ,—и наплывъ награбленныхъ со всего міра сокровищъ исподволь разрушаютъ нравы, религію, патріотизмъ и древнія гражданскія доблести римлянъ.

Вотъ тѣ нестроенія общественныя, которыя наполняютъ послѣдній вѣкъ существованія республики, служатъ причиной безпрерывныхъ волненій и смутъ этого бурнаго времени и противъ которыхъ безплодно ратуютъ благомыслящіе люди и патріоты падающаго Рима [1]).

---

[1]) Wallon Hist. de l'esclavage dans l'antiquité. 2 éd. P. 1879; П. Леонтьевъ. О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ („Проп."); А. И. Кронебергъ „Богатства древ. Рима и знакомство его съ Греціею и Востокомъ" (Соврем. 1849, т. XIV); И. А. „Состояніе богатства въ древ. Римѣ" (двѣ ст. тамъ же; 1851, т. XXX, 1 и 2); „Невольничество у древ. римлянъ" (Отеч. зап. 1857. т. CXIV; см. также Ешевскій, Собр. соч. т. I); И. М. Гревсъ Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія. Спб. 1899; Эд. Мейеръ Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ подъ ред. М. О. Гершензона. Спб. 1898; его же „Рабство въ древнемъ

Первыми по времени изъ такихъ политическихъ дѣятелей были братья Гракхи. Старшій изъ нихъ Тиберій въ званіи народнаго трибуна потребовалъ въ 133 г. возстановленія пришедшихъ тогда въ забвеніе лициніевыхъ аграрныхъ законовъ, съ той только перемѣной, что богачамъ-узурпаторамъ предоставлялось владѣть теперь не болѣе 1000 югеровъ казенной земли; весь же излишекъ противъ этой высшей нормы надлежало у нихъ отобрать и раздѣлить участками между бѣдными гражданами. Въ то же время была назначена и особая коммиссія для немедленнаго и точнаго исполненія этого закона. Оптиматы, интересы которыхъ были задѣты самымъ существеннымъ образомъ, успѣли погубить смѣлаго патріота. Во время одной схватки на площади Тиберій былъ убитъ ими вмѣстѣ съ 300 своихъ приверженцевъ; но предложенную имъ мѣру все-таки нужно было исполнить. Исполненіе однако шло туго и уклончиво, а потому 10 лѣтъ спустя братъ Тиберія даровитый Гай Гракхъ возобновилъ его попытку, но только уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Сдѣлавшись трибуномъ, онъ не только потребовалъ болѣе справедливаго раздѣла общественныхъ полей, но и раздачи бѣднымъ гражданамъ казеннаго хлѣба по дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ и привлекъ въ городъ такія массы бѣдняковъ, что съ того времени возникаетъ въ Римѣ особый городской пролетаріатъ, долженствовавшій служить опорой какъ самому Гаю, такъ и послѣдующимъ демагогамъ. Опираясь на эту силу, пылкій реформаторъ задумалъ преобразовать все общественное устройство: вырвать у оптиматовъ ихъ исключительную власть и проложить дорогу демократической диктатурѣ. Съ этою цѣлью онъ отнялъ у сената политико-судебную власть и предоставилъ ее сословію всадниковъ, которымъ также отдалъ и откупа. Денежная аристократія отдѣлилась такимъ образомъ отъ аристократіи сенаторской и стала къ ней во враждебныя отношенія. Въ то же время плебсъ получилъ разныя льготы, — сокращеніе сроковъ военной службы, 12 новыхъ внѣ-италійскихъ колоній на 36 тысячъ бѣдняковъ, жеребьевую, а не очередную подачу голосовъ въ центуріяхъ, право избирать въ трибуны однихъ и тѣхъ же лицъ, пока они угодны народу, и проч. Самъ Гай, надѣявшійся сдѣлаться безсмѣннымъ трибуномъ и съ помощью преданной ему черни властвовать надъ Римомъ, повидимому ясно понималъ, что

Гракхи.

міръ“ (въ перев. Вихорскаго); Г. Кеннингемъ Западная цивилизація съ экономич. точки зрѣнія. I. Древній міръ (перев. П. Когана). М. 1902; Ш. А. Рабство въ древнемъ Римѣ (изд. „Русск. Мысли“); М. Вольскій Рабская обработка земли. Одесса. 1869. *Ред.*

въ прежнихъ своихъ формахъ республика существовать не можетъ и что, такъ какъ ни олигархія, ни чернь сами по себѣ неспособны къ управленію государствомъ и при существующихъ порядкахъ между ними возможна только борьба, то лучше всего сосредоточить верховное управленіе въ рукахъ одного лица, замѣнить народовластіе монархіей. Восемьдесятъ лѣтъ спустя римское общество дѣйствительно и пришло къ этому исходу. Но въ то время идея эта была еще слишкомъ нова и ненавистна для гражданъ, такъ долго пользовавшихся политической свободой, и силы боровшихся партій слишкомъ еще свѣжи и велики, чтобы могло между ними возникнуть соглашеніе въ этомъ смыслѣ. Поэтому и Гай Гракхъ поплатился жизнію за свою попытку. Аристократы обвинили его въ стремленіи къ царской власти, а народъ не поддержалъ его, потому что, желая усилить еще болѣе свою партію, онъ неосторожно задѣлъ и его интересы, предложивъ дать всѣмъ италійскимъ союзникамъ права римскаго гражданства. На этотъ разъ въ уличной схваткѣ вмѣстѣ съ Гракхомъ перебито было уже 3000 римскихъ гражданъ. Восторжествовавшая олигархія опять забрала власть въ свои руки, а вмѣстѣ съ ней возвратились и старыя злоупотребленія.

Но путь насильственныхъ переворотовъ былъ уже открытъ, а Гракхи указали для нихъ задачи и руководящія идеи. Только неудача попытокъ ихъ показала ненадежность средствъ, ими выбранныхъ,—ненадежность, измѣнчивость и безсиліе черни, на которую они опирались. Поэтому отнынѣ вожди обѣихъ партій, какъ олигархической, такъ и народной, въ дальнѣйшей ихъ борьбѣ будутъ искать опоры въ войскахъ, вслѣдствіе чего и самая борьба приметъ болѣе широкіе размѣры, превратится на долго въ цѣлыя гражданскія войны [1]).

Марій и Сулла. Первая гражданская война.

Немногія изъ нововведеній Гракховъ уцѣлѣли послѣ ихъ погибели. Но подавленный народъ искалъ себѣ новыхъ вождей и ждалъ только случая возвратить разъ добытыя права. Случай этотъ скоро представила война съ нумидійскимъ царемъ Югуртою, въ которой сенатъ, полководцы и сановники запятнали себя такою наглою продажностью, что римское войско потерпѣло позорное пораженіе отъ ничтожнаго либійскаго царька, а государство чуть не лишилось всѣхъ своихъ африканскихъ владѣній. Тогда негодующій народъ выбралъ консуломъ одного выслужившагося просто-

[1]) О Гракхахъ см. въ Собр. соч. Грановскаго и въ книгѣ В. Запольскаго „Братья Гракхи и ихъ законоположенія“; „Гракхи, ихъ жизнь и общественная дѣятельность“ (біографич. библ. Павленкова). Спб. 1894. *Ред.*

людина Марія и поручилъ ему окончаніе нумидійской войны. Марій разбилъ и плѣнилъ Югурту, а царство его привелъ въ зависимость отъ Рима. Но это было только началомъ военной славы этого человѣка. Вскорѣ открылся ему случай оказать республикѣ дѣйствительно важную услугу, отразивъ напоръ германскихъ племенъ на ея сѣверные предѣлы. Въ двухъ рѣшительныхъ битвахъ при Секстіевыхъ водахъ или нынѣшнемъ Эксъ (въ Провансѣ) и на Падійской равнинѣ, близъ Вероны, въ верхней Италіи, нанесъ онъ страшное пораженіе тевтонамъ и кимврамъ, какъ назывались эти сѣверные варвары, и тѣмъ остановилъ ихъ завоевательное движеніе на Италію. При этомъ Марій вопреки принятому порядку четыре года сряду оставался консуломъ; но благодарный народъ и по окончаніи войны въ 101 году облекъ его снова консульской властью.

Такъ одно за другимъ падали сами собою вѣковыя учрежденія республики, когда одно и то же лицо могло теперь 6 лѣтъ сряду оставаться во главѣ государственнаго управленія и побѣдоноснаго войска, чего прежде никогда не допустили бы въ Римѣ. Любимецъ черни, ненавистникъ аристократовъ, грубый, но честный Марій какъ нельзя болѣе способенъ былъ стать народнымъ вождемъ и снова поднять вопросы, поставленные Гракхами,—тѣмъ скорѣе, что кромѣ народнаго сочувствія и поддержки въ рукахъ у него была такая сила, о какой не могли и мечтать прежніе демагоги: то была преданная ему армія,—армія уже не гражданская, т.-е. случайная и временная, какъ бывало прежде, но постоянная, набранная не только изъ гражданъ, но и изъ вольноотпущенниковъ, не только изъ римлянъ, но также изъ италійцевъ и даже провинціаловъ. Такая армія мало обращала вниманія на учрежденія и законы государства, а знала только своего вождя, преслѣдовала свои особые интересы.

Марій однако сначала далекъ былъ отъ всякихъ насилій и думалъ достигнуть своихъ цѣлей конституціоннымъ путемъ. Онъ даже распустилъ своихъ солдатъ и предоставилъ дѣло народа трибуну Сатурнину, который старался осуществить два главнѣйшіе плана младшаго Гракха,—устроить въ обширныхъ размѣрахъ заморскую эмиграцію для бѣдныхъ гражданъ и допустить къ этой эмиграціи союзниковъ наравнѣ съ римлянами, предоставивъ всѣмъ колонистамъ право римскаго гражданства. Главнымъ же образомъ имѣлось въ виду пристроить такимъ образомъ маріевыхъ солдатъ, теперь распущенныхъ по домамъ. Но Сатурнинъ и его клевреты проводили законы эти такими насильственными мѣрами, что всѣ

порядочные люди отшатнулись отъ нихъ, „всадники“, т.-е. купцы и капиталисты, тоже ихъ оставили, и даже самъ Марій долженъ былъ отъ нихъ отказаться, послѣ чего демагоги эти со множествомъ чернаго народа были перебиты оптиматами во время площадной схватки. Но аристократія и соединившіеся съ нею капиталисты торжествовали свою побѣду такъ неумѣренно, и раздраженіе обманутаго въ своихъ надеждахъ народа было такъ велико, что каждую минуту можно было ожидать новаго столкновенія. Тогда въ средѣ самихъ оптиматовъ нашелся человѣкъ, который рѣшился явиться посредникомъ между партіями. То былъ Ливій Друзъ. Предложенія Друза были въ сущности возобновленіемъ гракховыхъ законовъ, такъ какъ онъ тоже требовалъ раздѣла казенныхъ полей и казеннаго хлѣба между бѣдными гражданами, основанія для нихъ заморскихъ колоній и права гражданства для италиковъ; но, чтобы вознаградить и аристократовъ за эти уступки, онъ желалъ возвратить сенату отнятую у него Гаемъ Гракхомъ политико-судебную власть. Народъ съ энтузіазмомъ примкнулъ къ смѣлому вождю своему, но въ минуту своего торжества вождь этотъ былъ убитъ неизвѣстной рукой, вѣроятно, направленной оптиматами. Планы его, разумѣется, рушились вмѣстѣ съ его смертью. Тогда италики, опять обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, взялись за оружіе, чтобы или совсѣмъ освободиться отъ власти Рима, или силою добиться обѣщаннаго равенства правъ. Такъ въ 90 году вспыхнула союзническая война, въ которой самниты, марсы, пелигны и другія италійскія племена, составивъ союзъ италійскій и избравъ столицей его Корфиніи, родъ анти-Рима, въ теченіи двухъ лѣтъ ожесточенно боролись за свои права, пока наконецъ Римъ принужденъ былъ предоставить имъ свое гражданство, ограничивъ его впрочемъ въ отношеніи права голоса и достиженія высшихъ должностей. Латины же, этруски и умбры, остававшіеся вѣрными во время этой истребительной войны, получили за то полное римское гражданство, между тѣмъ какъ транспаданскимъ кельтамъ дано было право латинское. Съ этого времени всемірное владычество принадлежало не одному Риму, но и юридически объединенной вокругъ него Италіи.

Что касается Марія, то, потерявъ популярность въ народѣ, онъ разошелся также и съ аристократами, смотрѣвшими на него презрительно, какъ на выскочку; а его вялыя дѣйствія въ началѣ союзнической войны, подавшія олигархіи поводъ обвинять его въ неспособности, привели его къ окончательному разрыву съ этимъ сословіемъ. Съ тѣхъ поръ искалъ онъ случая отмстить своимъ

врагамъ. Случай этотъ представился въ открывшейся въ 80 году войнѣ съ Митридатомъ, царемъ понтійскимъ, этимъ вторымъ Ганнибаломъ римской исторіи, напоминавшимъ великаго карѳагенца какъ по отличнымъ военнымъ и государственнымъ способностямъ, такъ и по заклятой враждѣ и ненависти къ Риму, не встрѣчавшему потомъ никогда уже врага опаснѣе и сознательнѣе этого человѣка. Митридатъ составилъ планъ ниспровергнуть римское владычество во всей передней Азіи и Греціи и разомъ поднять противъ него всѣхъ его враговъ на востокѣ, всѣхъ задавленныхъ тиранствомъ римской администраціи и ограбленныхъ римскими откупщиками и сборщиками податей. Въ одинъ ужасный день 80,000 римскихъ подданныхъ было избито въ Азіи вслѣдствіе заранѣе составленнаго заговора; митридатовы войска явились въ Греціи и подняли тамъ противъ Рима этолянъ, бѣотійцевъ, аѳинянъ. Римлянамъ грозила опасность потерять весь Востокъ, да къ тому же въ то самое время, какъ на республику напалъ сильный врагъ съ этой стороны, въ самомъ Римѣ народная партія подъ руководствомъ трибуна Сульпиція снова подняла дѣло Гракховъ и могла быть усмирена только новымъ страшнымъ кровопролитіемъ, въ которомъ было перебито опять 10,000 народа. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ сенатъ поручилъ веденіе митридатовой войны Корнелію Суллѣ, истому аристократу—по крови, убѣжденію и привычкамъ, но обладавшему замѣчательными военными и государственными талантами и ставшему теперь во главѣ аристократической партіи. Однако народъ не призналъ этого назначенія и, побуждаемый Сульпиціемъ и другими демагогами, провозгласилъ полководцемъ для предстоявшей въ Азіи кампаніи Марія. Сулла вмѣсто того, чтобъ уступить команду сопернику, повелъ преданную ему армію прямо на Римъ, выгналъ оттуда демагоговъ и самого Марія, поставилъ консуломъ маріанца Цинну и, обязавъ его не нарушать порядка въ его отсутствіе, съ войсками своими переправился въ Грецію. Но, лишь только у демократовъ развязались руки, какъ Цинна съ одной стороны, а Марій—съ другой съ шайками навербованныхъ ими головорѣзовъ подступили къ Риму и, принудивъ его къ сдачѣ, произвели въ немъ страшное пятидневное избіеніе и грабежъ аристократовъ. Заставивъ затѣмъ народъ въ седьмой разъ провозгласить себя консуломъ и возстановивъ сульпиціевы законы, Марій, утомленный кровавою местью надъ своими врагами, умеръ въ 86 году.

Между тѣмъ Сулла счастливо окончилъ войну съ Митрида-

томъ, возстановилъ римское господство въ Передней Азіи, страшно наказалъ отложившихся аѳинянъ и другихъ грековъ, взялъ съ понтійскаго царя и его союзниковъ 20,000 талантовъ (30 милліоновъ рублей) военной контрибуціи и въ 83 г. возвратился въ Италію. Теперь роли перемѣнились. Настала очередь и для аристократовъ отплатить врагамъ своимъ кровавымъ возмездіемъ. Истребивъ силы маріанской партіи въ кровавой битвѣ предъ воротами Рима, Сулла велѣлъ безпощадно переколоть въ циркѣ 8000 сдавшихся ему въ плѣнъ самнитянъ и для того, чтобъ терроризировать и въ конецъ подавить ненавистную ему демократію, обнародовалъ проскрипціи, т.-е. списки уцѣлѣвшихъ еще маріанцевъ, которыхъ каждый могъ теперь безнаказанно убить и ограбить. Затѣмъ, провозгласивъ себя безсмѣннымъ диктаторомъ, онъ упрочилъ торжество аристократіи изданіемъ такъ называемыхъ корнеліевыхъ законовъ, по которымъ законодательство, администрація и судопроизводство сосредоточены были въ сенатѣ, у комицій отнято было право апелляцій, а у трибуновъ ограничена до ничтожества ихъ прежняя запретительная власть. Установивъ этотъ порядокъ и раздавъ своимъ ветеранамъ земли и богатыя награды, Сулла добровольно сложилъ съ себя диктатуру и, окруженный почти царскими почестями, въ 78 г. умеръ частнымъ человѣкомъ въ своемъ помѣстьѣ.

Такъ кончилась эта первая гражданская война, стоившая Италіи болѣе 100,000 человѣческихъ жизней, поколебавшая до основанія всѣ древнія республиканскія учрежденія и показавшая совершенно ясно, что отнынѣ дальнѣйшую судьбу Рима будутъ рѣшать войска и что какой-нибудь ловкій и счастливый ихъ предводитель сдѣлается повелителемъ государства. Вопросъ былъ только во времени, да еще въ томъ, изъ какого класса общества выйдетъ этотъ побѣдоносный генералъ-повелитель,— изъ аристократіи-ли, изъ капиталистовъ, или изъ черни. Шансы повидимому были сначала на сторонѣ сенаторской знати. Но аристократія не долго наслаждалась господствомъ, доставшимся ей въ силу конституціи Суллы. Съ конца 70-хъ годовъ послѣдняго до-христіанскаго вѣка стала возвышаться въ Римѣ новая военная знаменитость Кней Помпей [1]).

Кней Помпей.

Человѣкъ этотъ своимъ политическимъ и военнымъ воспитаніемъ обязанъ былъ Суллѣ, въ партіи котораго игралъ уже замѣтную роль. По смерти всесильнаго диктатора онъ оказался

[1]) H. Alcroft The making of the monarchy. A history of Rome 78—9 b. C. London. 1894. *Ред.*

однимъ изъ лучшихъ генераловъ римской арміи, и сенатъ, надѣясь найти въ немъ опору своей власти, поручилъ ему кончить войну въ Испаніи, гдѣ бѣжавшіе изъ Италіи маріанцы собрались вокругъ отважнаго и благороднаго Серторія и, склонивъ на свою сторону туземное населеніе, интересы котораго они свято уважали, думали основать здѣсь независимую республику. Сначала серторіанцы отбивались отъ войскъ правительства весьма успѣшно, но неожиданная гибель вождя ихъ, убитаго однимъ изъ своихъ завистливыхъ сообщниковъ, облегчила Помпею полную побѣду надъ ними и вторичное покореніе Испаніи. Затѣмъ, когда Помпей въ 72 г. возвращался со своими побѣдоносными легіонами изъ Испаніи, ему суждено было нанести послѣдній ударъ и другому врагу господствующаго порядка, — возмутившимся рабамъ, которые въ числѣ 70,000 возстали въ это время противъ тиранства своихъ повелителей и подъ предводительствомъ отважнаго оракійца Спартака грозили Риму большими опасностями. Правда, Л. Крассъ, первый богачъ эпохи, состояніе котораго простиралось до 12,000,000 рублей на наши деньги, въ званіи консула почти совершенно истребилъ уже инсургентовъ вмѣстѣ съ ихъ героическимъ вождемъ, такъ что Помпею пришлось добить только небольшіе ихъ остатки, пробравшіеся въ верхнюю Италію; но честь окончанія и этой войны какъ будто принадлежала ему. Войска обоихъ побѣдителей, Помпея и Красса, подошли теперь къ Риму и расположились подъ его стѣнами. Помпей былъ сильнѣе, Крассъ богаче; оба добивались первой роли въ республикѣ; ни тотъ, ни другой не хотѣлъ распустить своей арміи. Сенатъ, чувствуя, что власть готова уйти изъ рукъ его, примкнулъ къ слабѣйшему изъ двухъ претендентовъ, какъ менѣе опасному; но тогда Помпей соединился съ демократами и съ помощью ихъ достигъ почти полнаго ниспроверженія сулланскихъ законовъ: значеніе комицій и народныхъ трибуновъ, раздача бѣднымъ земель и хлѣба — все опять пошло по старому, какъ при Гракхахъ. Еслибъ Помпей имѣлъ болѣе рѣшительности, онъ теперь уже овладѣлъ бы диктатурой, опираясь на войско и чернь, но его честолюбіе далеко превосходило его характеръ, и, не желая дѣлать шага, который ему казался рискованнымъ, онъ распустилъ войска и возвратился въ частную жизнь. Крассъ тоже послѣ этого стушевался, такъ какъ Помпей, самъ отступивъ передъ властью, никогда не допустилъ бы къ ней кого-либо другаго.

Если такая посредственность въ военномъ и полная бездарность въ политическомъ отношеніи, какою въ сущности былъ Помпей, могла играть уже столь властительную роль, то это былъ

вѣрный признакъ, что Римъ нуждался въ монархѣ и что дни республики были уже сочтены. Вскорѣ дѣйствительно представился случай, когда человѣкъ этотъ облеченъ былъ такой неограниченной властью, какой до сихъ поръ не достигалъ въ Римѣ еще никто.

Морскіе разбойники, гнѣздившіеся на южныхъ берегахъ М. Азіи, пользуясь внутренними смутами Рима и временнымъ упадкомъ его морскихъ силъ, давно уже грабили берега Средиземнаго моря, не щадя и самой Италіи. У нихъ была своя военная организація, свои крѣпости и корсарскій флотъ, простиравшійся до 2000 кораблей, и съ такими силами имъ легко было одолѣвать всѣ предпринимавшіяся противъ нихъ правительственныя экспедиціи. Наконецъ въ 67 г. трибунъ Габиній предложилъ народу принять противъ этого зла самыя рѣшительныя и чрезвычайныя мѣры, именно облечь Помпея береговой и морской диктатурой надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ, его берегами и островами, вручивъ ему на три года неограниченную власть надъ всѣми прибрежными провинціями, главное начальство надъ 120-тысячной арміей и флотомъ изъ 500 военныхъ кораблей, а также безконтрольное распоряженіе государственными финансами и 10 мил. рублей на наши деньги въ видѣ единовременнаго фонда. Такихъ силъ и средствъ было болѣе чѣмъ достаточно дли успѣха всего предпріятія, и Помпей въ 3 мѣсяца совершенно очистилъ Средиземное море отъ пиратовъ, разоривъ и самыя ихъ гнѣздилища въ Малой Азіи и на островѣ Критѣ, изъ котораго онъ образовалъ девятую римскую провинцію. Но едва кончена была эта морская война, какъ полновластный повелитель Средиземнаго моря по закону Манилія облеченъ былъ такимъ же неограниченнымъ полномочіемъ и надъ всѣмъ подчиненнымъ Риму Востокомъ, гдѣ горѣла въ то время вторая митридатская война: непреклонный Митридатъ опять составилъ планъ уничтожить римское владычество въ Малой Азіи и, какъ и въ первый разъ, опять началъ съ избіенія римскихъ гражданъ въ той провинціи. Войну съ нимъ велъ сначала извѣстный богачъ Рима, по своей роскоши вошедшій даже въ пословицу, Лукуллъ, и велъ ее весьма успѣшно. Разбивъ на голову Митридата при городѣ Кизикѣ, въ Малой Азіи, Лукуллъ заставилъ его уйти въ свое понтійское царство; когда же и это было покорено побѣдителемъ, несчастный бѣжалъ подъ защиту зятя своего, армянскаго царя Тиграна. Римскій полководецъ преслѣдовалъ его однако и въ эту гористую страну и, разбивъ въ двадцать разъ сильнѣйшее войско армянское у самой столицы царства Тигранокерты, готовился уже завоевать всю

Арменію, какъ легіоны, наскучивъ продолжительнымъ труднымъ походомъ, частію же по интригамъ недоброжелателей Лукулла, отказались повиноваться вождю своему. Лукуллъ, оставленный такимъ образомъ въ самый моментъ своего полнаго торжества, долженъ былъ возвратиться въ частную жизнь, а преемникомъ его власти въ Азіи сдѣлался счастливецъ Помпей, которому еще разъ довелось пожать лавры, пріобрѣтенные другими. Одной побѣды на берегахъ Евфрата было достаточно, чтобъ окончательно сломить уже обезсиленнаго Тиграна и заставить самого Митридата искать исхода въ самоубійствѣ. Послѣ этого побѣдитель самовластно распорядился Востокомъ. Положивъ въ 63 г. конецъ царству Селевкидовъ въ Сиріи, онъ обратилъ этотъ богатый край вмѣстѣ съ принадлежавшей ему Финикіей въ десятую римскую провинцію, а изъ Малой Азіи и нѣкоторыхъ бывшихъ владѣній Митридата образовалъ еще двѣ новыя провинціи: одиннадцатую—Виѳинію и двѣнадцатую—Киликію. Арменія и Іудея хотя и удержали національныхъ правителей, но правители эти сдѣлались теперь подручниками Рима.

Моментъ этотъ былъ апогеемъ помпеева могущества и счастія. На Востокѣ онъ слылъ царемъ царей; побѣжденный Тигранъ повергся ницъ передъ нимъ, какъ предъ божествомъ, моля о пощадѣ, и даже въ Римѣ ослѣпленный его славою народъ прозвалъ его „Великимъ“. Стоя на такой высотѣ, Помпею ничего не стоило теперь упрочить за собой въ государствѣ верховную власть, которою онъ уже фактически пользовался. Сенатъ со времени диктатуры лишился своего значенія. Крассъ, Лукуллъ, даже Цезарь, начавшій выдвигаться въ это время, не могли въ эту минуту и думать о какомъ нибудь явномъ соперничествѣ. Они могли только интриговать противъ него, и то втихомолку. Такимъ тайнымъ и косвеннымъ замысломъ противъ всемогущества Помпея былъ въ 62 г. заговоръ одного промотавшагося и развратнаго аристократа по имени Катилины. Человѣкъ этотъ, набравши шайку подобныхъ себѣ сообщниковъ и тайно, какъ думаетъ Моммзенъ, подстрекаемый Крассомъ и Цезаремъ, составилъ планъ государственнаго переворота, цѣлью котораго была рѣзня и разграбленіе богачей и насильственный захватъ верховной власти. Тогдашній консулъ Цицеронъ, знаменитый ораторъ и отличный писатель, но, какъ человѣкъ и гражданинъ, достоинствъ весьма сомнительныхъ, успѣлъ, правда, во время уличить злодѣя и разстроить его замыселъ, но то обстоятельство, что приготовленія къ этому громадному разбою шли почти открыто, что заговорщики вели себя съ изумительною

дерзостью и никто не осмѣливался остановить ихъ,—показало еще разъ безсиліе гражданскихъ властей и сената и необходимость военной диктатуры для поддержанія въ Римѣ не только общественнаго порядка, но даже простой безопасности [1]).

Сама судьба такимъ образомъ толкала Помпея къ верховной власти. И кто могъ бы ему противодѣйствовать, когда онъ располагалъ рѣшающей силой тогдашняго времени—войсками? Ужъ конечно не раздавленная и выродившаяся аристократія съ вождемъ своимъ младшимъ Катономъ, стоявшимъ со своими древними добродѣтелями и показнымъ стоицизмомъ какимъ-то анахронизмомъ въ тогдашнемъ обществѣ, и не сенатъ со своимъ двуличнымъ, безхарактернымъ и суетнымъ ораторомъ Цицерономъ. Одна демократія могла бы еще серьезно поспорить съ войскомъ, а слѣдовательно и съ Помпеемъ за власть, тѣмъ болѣе, что въ Юліи Цезарѣ, вышедшемъ изъ школы Марія и принадлежавшемъ къ его семейству, она имѣла даровитаго, ловкаго, предпріимчиваго и чрезвычайно честолюбиваго вождя; но въ ту минуту Цезарь былъ еще не болѣе, какъ обанкротившійся, развратный искатель приключеній, а народъ, хотя и возбужденный уже противъ диктатора интригами своихъ демагоговъ и происками аристократовъ, все еще ослѣпленъ былъ счастіемъ и славою своего недавняго любимца. И несмотря на то у Помпея опять не хватило духу сдѣлать рѣшительный шагъ. Вмѣсто того, чтобъ смѣло вступить въ борьбу, воротившись въ Италію, онъ распустилъ войска и тотчасъ же поплатился за свою нерѣшительность. Сенатъ, видя его безоружнымъ, сталъ дѣлать затрудненія относительно раздачи земель его ветеранамъ и не хотѣлъ утвердить его распоряженій на Востокѣ. Тогда Помпей увидѣлъ необходимость все таки захватить произвольную власть, но, упустивъ случай присвоить ее себѣ одному, долженъ былъ теперь подѣлиться ею съ другими на нее претендентами,—Цезаремъ и Крассомъ.

Первый тріумвиратъ.

Такъ возникъ въ 60 году первый тріумвиратъ, союзъ трехъ сильнѣйшихъ людей Рима, располагавшихъ всѣми военными и финансовыми средствами государства. Противъ такой коалиціи обнаружилось уже полное безсиліе сената, который долженъ былъ уступить не только всѣмъ ихъ требованіямъ, но и пожертвовать своими коноводами—Цицерономъ, осужденнымъ теперь на изгнаніе,

[1]) О заговорѣ Катилины см. у И. К. Бабста „Саллюстій и его сочиненія“ (Пропилеи, т. I); также: Гастонъ Буассье „Цицеронъ и его друзья“ (перев. М. Корсакъ. М. 1880); П. Н. Ардашевъ Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. М. 1890; О. Гордіевичъ Главнѣйшія черты практической этики Цицерона. Кіевъ. 1899. *Ред.*

и Катономъ, который удаленъ былъ изъ Рима съ порученіемъ обратить островъ Кипръ въ тринадцатую римскую провинцію. Послѣ этого всѣ желанія Помпея относительно Востока и ветерановъ были исполнены, и тріумвиры подѣлили между собой владѣнія республики: Крассъ взялъ себѣ въ управленіе Востокъ, Цезарь—обѣ Галліи, по сю и по ту сторону Альпъ, а Помпей—Испанію и Африку, властвуя въ то же время надъ Италіей и Римомъ, гдѣ онъ утвердилъ свою постоянную резиденцію [1]).

Судьба этихъ трехъ произвольныхъ властителей Рима была весьма различна. Между тѣмъ какъ Помпей посреди роскошной жизни и раболѣпныхъ ласкательствъ, предъ нимъ расточаемыхъ, мало по малу далъ завянуть побѣднымъ лаврамъ своимъ и терялъ свою популярность, а Крассъ погибъ за Евфратомъ въ безславномъ походѣ противъ парѳянъ, Цезарь составлялъ себѣ въ Галліи блестящую военную и политическую карьеру. Какъ человѣкъ высокаго государственнаго ума, онъ понималъ совершенно ясно, что добиться первой роли въ Римѣ, къ которой стремилось его честолюбіе, можно было только при двухъ условіяхъ,—снискавши народную любовь и образовавши преданную себѣ армію. Но расположеніе тогдашней черни римской пріобрѣталось, во первыхъ, военной славой, а во вторыхъ—посредствомъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ и всякихъ другихъ задариваній народа; что же касается легіоновъ, то снискать преданность ихъ можно было только побѣдами, дѣлежомъ земель и добычи, наградами и льготами по окончаніи похода. Цезарю, однимъ словомъ, нужны были двѣ вещи,—счастливая война и много денегъ, или, правильнѣе, одна война, такъ какъ славная компанія приноситъ обыкновенно и деньги. Вотъ почему взялъ онъ себѣ въ управленіе Галлію, такъ какъ заальпійскую часть ея, т.-е. нынѣшнюю Францію, надо было напередъ завоевать еще почти всю, ибо владѣнія римлянъ въ этой странѣ ограничивались въ то время однимъ юговосточнымъ угломъ ея съ нижнимъ Роданомъ (Роною).

Галльская война.

Цезарю, посвятившему на это завоеваніе цѣлыхъ восемь лучшихъ лѣтъ своей жизни, приходилось имѣть дѣло съ племенами воинственными, свободолюбивыми, борьба съ которыми представляла превосходную боевую школу, какъ для него самого, такъ и для его легіоновъ. То были кельты заальпійской Галліи и Британіи и зарейнскіе германцы. Кельты принадлежали къ тому же великому

[1]) W. Fowler Caesar and the foundation of the Roman imperial system. 1893; Ch. Merivale Hist. of the Romans under the empire. London. 1850—62. Л. Штюрмеръ „Римъ до и во время Ю. Цезаря“. *Ред.*

индо-европейскому семейству народовъ, часть котораго составляли также сосѣди ихъ германцы и народы греко-римскаго корня, но въ Европѣ они были повидимому самыми ранними изъ арійскихъ поселенцевъ той части свѣта. На это указываетъ и географическое ихъ положеніе на крайнемъ европейскомъ западѣ. Самыя густыя массы кельтскихъ переселенцевъ изъ первобытной арійской родины легли въ нынѣшней Франціи, откуда уже съ теченіемъ времени заняли они Британскіе острова, сѣверную Испанію, Гельвецію или нынѣшнюю Швейцарію и верхнюю Италію, простирая свои воинственные набѣги до странъ придунайскихъ и даже до Малой Азіи, гдѣ во внутренности полуострова была заселена ими цѣлая область Галатія. Народъ этотъ не оставилъ намъ почти никакихъ собственныхъ историческихъ памятниковъ,—даже отъ древняго языка кельтскаго уцѣлѣли только обломки, и мы знаемъ о кельтахъ лишь по разсказамъ классическихъ писателей, особенно римскихъ. Записки самого Цезаря о галльской войнѣ представляютъ въ этомъ отношеніи самый подробный и дѣйствительно достопримѣчательный источникъ. Въ своихъ знаменитыхъ комментаріяхъ завоеватель галловъ рисуетъ ихъ какъ племя чрезвычайно даровитое и воинственное, но легкомысленное, подвижное и лишенное всякаго общественнаго генія, которымъ такъ выдаются ихъ младшіе въ Европѣ арійскіе братья, особенно эрако-италійцы и германцы. Оттого своими смѣлыми и часто разрушительными набѣгами галлы потрясли всѣ древнія европейскія государства, но своего собственнаго прочнаго государства не создали ни одного, какъ не создали и собственной культуры, и, такъ сказать, безслѣдно мелькнули въ исторіи[1]).

Къ счастью для римскаго полководца галлы никогда не составляли одного политическаго цѣлаго, и даже союзы, отъ времени до времени возникавшіе между отдѣльными ихъ племенами, были непрочны и эфемерны. Пользуясь этимъ раздробленіемъ непріятельскихъ силъ, только и могъ Цезарь подчинить этотъ безпокойный народъ римскому владычеству, и то при необыкновенныхъ и многолѣтнихъ усиліяхъ. Такъ сначала покорена была югозападная часть Галліи послѣ побѣды надъ гельветами при Бибрактѣ, вслѣдствіе которой эти хищные горцы должны были удалиться обратно въ свои прежнія жилища въ нынѣшней Швейцаріи. Затѣмъ освобождены были отъ чужеплеменнаго господства и восточныя кельт-

[1]) О галлахъ см. у А. И. Георгіевскаго „Галлы въ эпоху К. Ю. Цезаря“ (М. 1865); Фюстель де Куланжъ Исторія обществ. строя древней Франціи, въ перев. подъ ред. П. М. Гревса. I. Римская Галлія. Спб. 1901. *Ред.*

скія племена по Рейну, гдѣ властвовалъ германскій конунгъ Аріовистъ. Побѣдивъ Аріовиста при Безансонѣ (древ. Vesontio), Цезарь прогналъ его за Рейнъ, а подчиненную ему страну присоединилъ къ римскимъ владѣніямъ. Такъ же точно на западѣ и сѣверѣ нынѣшней Франціи послѣ упорной борьбы и многократныхъ экспедицій покорены были племенные союзы венетовъ и бельговъ. А чтобы обезпечить эти новыя пріобрѣтенія отъ нападеній хищныхъ сосѣдей съ запада и востока, легіоны два раза переправлялись въ Британію и дважды же вносили опустошеніе въ Зарейнскую Германію. Наконецъ въ 52 г. Цезарю удалось подавить общее возстаніе всѣхъ покоренныхъ имъ кельтскихъ племенъ, побѣдивъ при городѣ Алезіи героическаго вождя этого возстанія Верцингеторига. Съ того только времени покореніе Трансальпійской Галліи могло считаться оконченнымъ. Римъ пріобрѣлъ въ этой тогда полудикой странѣ свою четырнадцатую провинцію, а всемірная образованность—новое поприще для своихъ будущихъ успѣховъ. Для настоящей же минуты война эта важна была тѣмъ, что въ ней выросъ блестящій военный геній Цезаря, какъ въ смутахъ и гражданской борьбѣ предшествовавшихъ лѣтъ развились его государственныя способности. Если прежде человѣкъ этотъ извѣстенъ былъ только какъ отличный ораторъ и ловкій интриганъ-политикъ, то теперь это былъ государственный мужъ и полководецъ, которому не было равнаго въ тогдашнемъ Римѣ. Слава и популярность „Великаго“ Помпея разомъ померкла передъ новой восходящей звѣздой. Напрасно Помпей, завистливо слѣдя за соперникомъ и чуя его угрожающую силу, сблизился съ сенатомъ и аристократической республиканской партіей, представляемой Катономъ: на сторонѣ завоевателя Галліи были двѣ могущественнѣйшія силы эпохи,—войско и народъ. Подкупленные имъ демагоги въ родѣ трибуновъ Антонія и Куріона и тайные агенты его во всѣхъ слояхъ общества неутомимо работали въ его пользу. Народныя игры, празднества, великолѣпныя постройки, денежныя раздачи бѣднякамъ,—все было пущено ими въ ходъ, чтобы привлечь къ нему чернь, отбивъ ее у Помпея, уронившаго себя въ глазахъ народа уже одною связью съ аристократами. Наконецъ вліяніе цезаріанцевъ возросло въ Римѣ до такой степени, что Помпей рѣшился сдѣлать рискованный шагъ. Посредствомъ покорнаго ему сената онъ предложилъ Цезарю распустить свои войска. Но тогда Куріонъ и Антоній потребовали, чтобы и Помпей отказался отъ власти и, когда ихъ стали за это преслѣдовать, бѣжали въ лагерь къ Цезарю, который такимъ обра-

зомъ получилъ благовидный предлогъ начать открытую борьбу съ аристократами, какъ съ нарушителями народныхъ правъ.

Вторая гражданская война.

Съ преданной ему арміей онъ быстро двинулся изъ верхней Италіи и переходомъ черезъ пограничную съ Этруріей рѣчку Рубиконъ (49 г. до Р. Х.), отдѣлявшую его провинціи отъ собственной Италіи, надъ которой властвовалъ Помпей, подалъ сигналъ къ новой, уже второй гражданской войнѣ. Помпеянцы, застигнутые врасплохъ, вмѣстѣ съ растерявшимся вождемъ своимъ поспѣшно бѣжали въ Эпиръ, а Цезарь, провозгласивши себя въ Римѣ диктаторомъ и консуломъ и овладѣвши тамъ государственной казной, сначала обезпечилъ тылъ свой побѣдами надъ помпеевыми легатами въ Испаніи, а затѣмъ переправился чрезъ Іонійское море вслѣдъ за бѣжавшими и въ 48 году на поляхъ Фарсальскихъ въ Ѳессаліи встрѣтился съ Помпеемъ, успѣвшимъ стянуть сюда со всего Востока огромныя военныя силы, вдвое превосходившія армію Цезаря. Происходившая здѣсь генеральная битва имѣла роковыя послѣдствія для старой римской республики. Изнѣженные помпеянцы и нестройныя полчища Востока, защищавшія въ этотъ день въ сущности чуждое имъ дѣло аристократической республики, были совершенно разбиты суровыми галльскими легіонами Цезаря, потерявъ 15 тысячъ одними убитыми. Самъ Помпей бѣжалъ съ немногими своими сторонниками въ Египетъ, но здѣсь былъ убитъ по приказанію Птолемея XII, желавшаго этимъ подслужиться побѣдителю.

Цезарь сдѣлался единственнымъ повелителемъ римскаго государства. Впрочемъ еще цѣлые три года послѣ того долженъ онъ былъ добивать остатки республиканской и помпеевой партіи. Такъ сначала упрочено было имъ римское вліяніе въ Египтѣ возведеніемъ на престолъ обольстительной Клеопатры, сестры послѣдняго Птолемея, чарами которой, какъ и жестокой борьбой съ египетскимъ народомъ, Цезарь на цѣлые девять мѣсяцевъ прикованъ былъ къ этой странѣ. Но вслѣдъ затѣмъ собравшіеся въ большомъ числѣ въ Нумидіи республиканцы отвлекли его вниманіе въ эту сторону и были совершенно истреблены имъ въ битвѣ при Тапсѣ, гдѣ побѣдители насчитали 50 тысячъ непріятельскихъ тѣлъ, покрывшихъ поле сраженія. Здѣсь нашли свой конецъ почти всѣ лучшіе люди этой партіи, въ томъ числѣ и Катонъ, пощаженный мечомъ непріятеля, но послѣ сраженія собственноручно убившій себя въ Утикѣ. Завоеванная же Цезаремъ Нумидія составила пятнадцатую римскую провинцію. Далѣе слѣдуетъ быстрое торжество Цезаря надъ митридатовымъ сыномъ Фарнакомъ, царемъ

боспорскимъ, по примѣру отца волновавшимъ противъ Рима Востокъ и бывшимъ кліентомъ Помпея,—торжество, достопамятное еще по извѣстному лаконическому донесенію объ немъ побѣдителя—„veni, vidi, vici“. Наконецъ въ страшномъ сраженіи при Мундѣ въ Испаніи уничтожены были Цезаремъ и послѣднія надежды республиканцевъ, бившихся здѣсь отчаянно подъ начальствомъ сыновей помпеевыхъ.

Когда послѣ этихъ побѣдъ и славныхъ походовъ Цезарь возвратился въ Римъ, то посреди великолѣпныхъ тріумфовъ уничиженный сенатъ поднесъ ему титулъ безсмѣннаго диктатора, ликующій народъ провозгласилъ его своимъ постояннымъ трибуномъ, а армія — императоромъ, т. е. верховнымъ вождемъ своимъ. Впослѣдствіи и всѣ другія высшія магистратуры, — консульство, цензорство, верховный понтификатъ, — перенесены были на его особу и сдѣлались постоянными аттрибутами его власти. Но изъ всѣхъ этихъ титуловъ императорскій, обозначавшій прежде просто санъ главнокомандующаго, но получившій теперь болѣе обширное значеніе представителя верховной государственной власти, чаще всего употреблялся Цезаремъ, какъ близко характеризующій его новую роль полновластнаго главы государства. Какъ бы впрочемъ ни называли новаго властелина, по сущности и объему своего авторитета онъ былъ уже монархъ въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя, щадя народную щекотливость, онъ и избѣгалъ ненавистнаго для римлянъ имени „rex“.

Реформы и учрежденія Юлія Цезаря.

На высотѣ этихъ почестей ему суждено было оставаться недолго, — не болѣе пяти лѣтъ, но и за это короткое время онъ успѣлъ положить такія твердыя основанія для новаго порядка вещей въ римскомъ обществѣ, что оно жило имъ потомъ цѣлые пять вѣковъ. Въ цѣлесообразности этого порядка и обнаружилась въ особенности та сторона цезарева генія, которая была въ немъ преобладающею, — именно его всеобъемлющій практическій государственный умъ. Реформы и учрежденія Цезаря стремились къ одной цѣли, — ко всестороннему возрожденію римскаго государства, а вмѣстѣ съ нимъ и всей греко-римской культуры, такъ глубоко потрясенныхъ въ то время во всѣхъ отношеніяхъ. Средства же и въ его глазахъ были тѣ же большею частью, на которыя давно уже указывали благомыслящіе государственные люди Рима, начиная съ младшаго Гракха. Это — смягченіе долговыхъ тягостей, заморская колонизація, постепенное уравненіе правъ всѣхъ италійскихъ, а потомъ и внѣ-италійскихъ народовъ, независимость исполнительной власти отъ сената, облегченіе участи про-

винцій и возвышеніе демократической диктатуры надъ всѣми другими властями государства. Все это были руководящія идеи въ преобразовательной дѣятельности Цезаря, коснувшейся всѣхъ сторонъ народнаго государственнаго быта. Такъ сенатъ низведенъ былъ имъ на степень простого государственнаго совѣта, какимъ онъ былъ нѣкогда при царяхъ; къ древней родовой знати присоединено множество новыхъ фамилій, отчего римская аристократія превратилась мало-по-малу въ преданное императорскому престолу дворянство; высшіе сановники республики, — консулы, преторы, цензоры, эдилы и трибуны, — превратились также въ простыхъ администраторовъ, кругъ дѣятельности которыхъ ограниченъ однимъ городомъ Римомъ, а назначеніе стало зависѣть теперь отъ усмотрѣнія императора, такъ какъ народные выборы въ комиціяхъ и утвержденіе ими новыхъ законовъ сдѣлались одною формальностью. Намѣстничествами въ провинціяхъ распоряжался также самъ Цезарь, а равно и государственной казной, которою онъ управлялъ посредствомъ своихъ отпущенниковъ, какъ управлялъ войскомъ посредствомъ своихъ легатовъ. Наконецъ званіе верховнаго жреца и члена трехъ высшихъ жреческихъ коллегій давало ему господствующее вліяніе на государственную религію. Это было, однимъ словомъ, возстановленіе древней монархіи царей, но монархіи уже не выборной, а наслѣдственной, хотя и уважавшей такъ же точно права и достоинства гражданъ и слѣдовательно такъ же точно далекой отъ восточнаго деспотизма; ибо и эта новая монархія, какъ нѣкогда древняя, была только верховнымъ представительствомъ самодержавнаго римскаго народа.

Но, сосредоточивъ всю государственную власть опять въ лицѣ одного, въ своей собственной особѣ, Цезарь направилъ ее всецѣло къ достиженію высшей своей цѣли — всесторонняго возрожденія общества, къ уврачеванію тѣхъ недуговъ, отъ которыхъ оно страдало. И прежде всего предпринятъ рядъ мѣръ противъ размноженія пролетаріата, — правильный выводъ бѣдныхъ гражданъ въ многочисленныя заморскія колоніи, ограниченіе хлѣбной раздачи, столько способствовавшей распложенію въ Римѣ тунеядной и безпокойной черни, смягченіе долговыхъ законовъ и тягостей,—рядъ экономическихъ постановленій, клонившихся къ поднятію падавшаго въ Италіи земледѣлія, организація надежной городской и торговой полиціи, проведеніе новыхъ дорогъ и каналовъ, сооруженіе общеполезныхъ построекъ,—какъ въ Римѣ, такъ и по другимъ городамъ Италіи,—ограниченіе разумными законами роскоши богачей. Далѣе, — улучшено судо-

производство и финансовое право: уничтожены откупа провинціальныхъ прямыхъ налоговъ, установлена апелляція къ особѣ императора по всѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Участь провинцій облегчена кромѣ того строгимъ надзоромъ за намѣстниками, неумолимымъ преслѣдованіемъ злоупотребленій, уменьшеніемъ и болѣе правильнымъ сборомъ податей и повинностей, а цизальпинскимъ галламъ даровано полное римское гражданство. Границы государства обезопасены цѣлою цѣпью крѣпостей и военныхъ колоній по линіи Евфрата, Дуная и отчасти Рейна. Обезпечено положеніе солдатъ сокращеніемъ срока службы, удвоеннымъ жалованьемъ и правильной раздачей земельныхъ участковъ выслужившимъ ветеранамъ [1]). Наконецъ по распоряженію Цезаря въ 45 г. александрійскимъ астрономомъ Созигеномъ исправленъ календарь введеніемъ солнечнаго года въ 365 дней вмѣсто прежняго луннаго. Это тотъ самый юліанскій календарь, который восточная церковь употребляетъ еще и понынѣ.

Смерть Цезаря.

Но, какъ ни благодѣтельна была эта всеобъемлющая дѣятельность Цезаря, конечнымъ результатомъ которой должно было быть національное и духовное единство громадной и разноплеменной державы, она не могла примирить общества ни съ нимъ самимъ, ни съ созданнымъ имъ новымъ порядкомъ вещей. Партіи не могли простить ему, что онъ не исполнилъ исключительныхъ ожиданій ни одной изъ нихъ. Не говоря уже о понятной ненависти аристократовъ, вслѣдствіе побѣды надъ которыми онъ и возвысился, даже демократія и войско, которымъ онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, недовольны были имъ, какъ человѣкомъ, который, достигши верховной власти, желалъ пользоваться ею не въ интересахъ одной народной партіи или одной арміи, а для блага всего государства, который способныхъ людей всѣхъ убѣжденій и партій одинаково призывалъ къ общей дѣятельности. На почвѣ этого почти общаго неудовольствія и ропота составился заговоръ, жертвою котораго сдѣлался Цезарь въ 44 г. Нѣсколько мечтателей-республиканцевъ, люди все большею частію близкіе къ Цезарю и имъ облагодѣтельствованные, и между ними честные, но близорукіе фанатики Брутъ и Кассій, предательски убили его въ полномъ собраніи сената.

Такъ погибъ величайшій герой, какого только могла создать римская исторія, — такой же полный представитель римскаго народнаго типа, какимъ былъ Периклъ для міра эллинскаго, — пред-

[1]) О раздачѣ земель ветеранамъ см. соч. проф. Ю. А. Кулаковскаго „Надѣлъ ветерановъ землей и военныя поселенія въ римской имперіи“ (Кіевъ. 1881). *Ред.*

ставитель, соединившій въ себѣ въ самой высокой степени двѣ господствующія черты римскаго характера, — государственный геній и военную доблесть [1]).

Послѣдніе годы республики. Второй тріумвиратъ.

Богачи, аристократы, вообще образованные классы общества торжествовали смерть Цезаря, какъ возвратъ гражданской свободы; но пролетаріи, чернь, ветераны, вольноотпущенники, союзники, провинціалы, — всѣ тѣ, кому нужна была не политическая свобода, а порядокъ, спокойствіе и обезпеченный кусокъ хлѣба, а такихъ было огромное большинство, оплакивали катастрофу 44 г., какъ величайшее несчастіе. Поэтому порывъ республиканскихъ увлеченій въ Римѣ скоро прошелъ, и народъ опять сталъ искать лицо, отъ котораго можно было бы ожидать благоденствія, только что начавшагося было съ правленіемъ погибшаго императора. Такое лицо могло выйти только изъ круга цезаріанцевъ. И дѣйствительно, эту роль взялъ на себя сначала Антоній, одинъ изъ друзей и военныхъ товарищей Цезаря. Расположивъ въ свою пользу войска и народъ, онъ первый открыто возсталъ противъ партіи сената, явно принявшаго сторону заговорщиковъ и раздавшаго имъ нѣкоторыя провинціи. Когда же сенаторскія войска разбили его при Мутинѣ (нынѣшней Моденѣ) и онъ долженъ былъ бѣжать подъ защиту Лепида, намѣстника Трансальпинской Галліи, тоже рѣшительнаго цезаріанца, мстителемъ за смерть Цезаря выступилъ его девятнадцатилѣтній внучатный племянникъ Октавіанъ, усыновленный покойнымъ императоромъ и слѣдовательно наслѣдникъ его имени и громаднаго состоянія. Цезаревы ветераны, обожавшіе память любимаго вождя и благодѣтеля, тотчасъ же собрались подъ его знамя, и, когда къ нему пристали и Антоній съ Лепидомъ, заключивъ съ нимъ въ 43 г. союзъ противъ республиканцевъ, извѣстный подъ именемъ второго тріумвирата, ему уже никто не въ силахъ былъ противиться въ Италіи.

Новые тріумвиры начали свою месть, обнародовавъ обширныя проскрипціи аристократовъ; 300 опальныхъ сенаторовъ и болѣе 2000 всадниковъ опять перебито было въ Римѣ и въ Италіи по этимъ произвольнымъ приговорамъ. Въ числѣ погибшихъ аристократовъ былъ и Цицеронъ; остальные республиканцы бѣжали въ Македонію, гдѣ и собрались вокругъ вождей своихъ, Брута и Кассія. Но, управившись въ Италіи, тріумвиры послѣдовали за

---

[1]) См. характеристику Ю. Цезаря въ „Лекціяхъ“ Грановскаго („Время“ за 1862 г.). — „Ист. Юлія Цезаря“, соч. Наполеона III (перев. М. Стасюлевича. Спб. 1865—67); „Ист. Ю. Цезаря“ (его войны), соч. Наполеона I-го, диктованное имъ на о. Св. Елены Г. Маршану (перев. съ фр. М. 1865). П.

ними и туда и, настигши у города Филиппъ, въ жестокомъ бою почти совершенно истребили эти послѣдніе остатки республиканской партіи. Большая часть вождей ея погибла, — въ томъ числѣ Брутъ и Кассій, которые, отчаявшись въ спасеніи свободы, сами наложили на себя руки. Побѣдители же подѣлили между собой римское государство. Антоній получилъ въ управленіе Востокъ, Октавіанъ Западъ. Ничтожному Лепиду дали сначала Африку, потомъ лишили его и этой провинціи, и онъ сошелъ съ политическаго поприща съ званіемъ верховнаго жреца. Полновластными повелителями государства остались Антоній и Октавіанъ, и такимъ образомъ тріумвиратъ превратился въ дуумвиратъ.

Дѣятельность и судьба дуумвировъ въ послѣднія 12 лѣтъ существованія республики были столь же различны, какъ различенъ характеръ странъ, доставшихся имъ въ управленіе. Выродившійся Востокъ обуялъ вскорѣ Антонія своимъ древнимъ развратомъ, изнѣженностью и роскошью при дворѣ безнравственной Клеопатры, гдѣ онъ проводилъ большую часть своего времени [1]), между тѣмъ какъ исторически юный, энергическій и дѣятельный Западъ воспитывалъ въ неумѣломъ, неопытномъ Октавіанѣ будущаго повелителя міра и, когда насталъ моментъ рѣшительной борьбы за нераздѣльное обладаніе этимъ міромъ, приготовилъ ему надежныя для нея средства. Моментъ этотъ,—минута рѣшительнаго разрыва съ Антоніемъ, — наступилъ въ 30 г. до Р. Хр., когда Антоній безславнымъ походомъ противъ парѳянъ и самовольной раздачей римскихъ владѣній сыновьямъ Клеопатры далъ своему сопернику поводъ огласить его измѣнникомъ государства и начать съ нимъ войну. Война эта рѣшена была одной морской битвой у акарнанскаго мыса Акція, гдѣ огромныя, но нестройныя силы Антонія были разсѣяны искуснымъ адмираломъ Агриппою, Антоній и Клеопатра бѣжали въ Александрію, когда же побѣдитель появился передъ воротами этого города, сами лишили себя жизни. Октавіанъ обратилъ Египетъ въ шестнадцатую римскую провинцію и, довершивъ тѣмъ второй кругъ римскихъ завоеваній, охватившихъ теперь всѣ береговыя страны Средиземнаго моря отъ Кавказа до столбовъ Геркулеса, сдѣлался единовластнымъ повелителемъ этой громадной державы [2]).

---

[1]) A. Stahr Kleopatra. Berlin. 1864; И. К. Бабстъ „Антоній и Клеопатра“ (Пропилеи, IV). *Ред.*

[2]) По исторіи Египта подъ римскимъ владычествомъ можно указать: М. Ростовцевъ Новыя данныя по исторіи финансоваго управленія греко-римскаго Египта (Ж. Мин. Нар. Пр. 1900, кн. 3); М. Хвостовъ Развитіе внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ. Казань. 1905. *Ред.*

IV. Имперія.

Для первыхъ временъ имперіи главными источниками служатъ Діонъ Кассій (вплоть до правленія Александра Севера) и Корнелій Тацитъ („Annales", „Historiae", „Vita Agricolae"), затѣмъ Свѣтоній Транквиллъ („Vitae XII imperatorum", — отъ Цезаря до Домиціана), оба Плинія (Старшій и Младшій), отчасти также Плутархъ (біографіи Гальбы и Отона); для исторіи позднѣйшихъ періодовъ императорскаго Рима важны такъ наз. Scriptores historiae Augustae (произведенія шести авторовъ, извѣстныхъ теперь подъ этимъ общимъ названіемъ, обнимаютъ время отъ Гадріана до Діоклеціана), греческій писатель Геродіанъ (Τῆς μετὰ Μάρκον βασιλείας ἱστορίαι), Эвтропій („Breviarium historiae romanae"), Аврелій Викторъ („De Caesaribus",—отъ Августа до Юліана), особенно же Амміанъ Марцеллинъ (изъ его сочиненія „Rerum gestarum libri XXXI", обнимавшаго исторію римской имперіи отъ Нервы до Валента, уцѣлѣли лишь послѣднія 18 книгъ), Евсевій и др. Драгоцѣнный матеріалъ для историка представляютъ также надписи и монеты императорской эпохи, нерѣдко дающія точку опоры для болѣе надежныхъ хронологическихъ опредѣленій. Что же касается бытовой исторіи Рима временъ имперіи, то не мало данныхъ для нея находится въ произведеніяхъ поэтовъ, философовъ и реторовъ, — римскихъ и греческихъ, — а равно у компиляторовъ (въ родѣ Авла Геллія), географовъ и даже лексикографовъ. Изъ числа научныхъ пособій, относящихся къ настоящему отдѣлу, можно ограничиться указаніемъ слѣдующихъ: Ch. Merivale Hist. of the Romans under the empire (Lond. 1850 – 62; есть нѣм. переводъ, Leipz. 1866—72; Herm. Schiller „Gesch. der Römischen Kaiserzeit" (Gotha. 1883—87); Sievers „Studien zur Geschichte der röm. Kaiserzeit" (Berl. 1870); G. Grupp Kulturgesch. der römischen Kaiserzeit. I. Untergang der heidnischen Kultur. Münch. 1903; O. Seeck Gesch. des Untergangs der antiken Welt. Berlin. 1895; J. Asbach Römisches Kaiserthum u. Verfassung bis auf Traian. Köln. 1896; Friedländer „Darstellungen aus d. Sittengeschichte Roms in der Zeit von Augustus bis zum Ausgang der Antonine" (Leipz. 1862—71; въ русск. переводѣ Спб. 1873); C. Dezobry „Rome au siècle d'Auguste ou voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque d'Auguste et pendant une partie du régne de Tibère" (5 éd. Paris. 1886). На русскомъ языкѣ кромѣ „Исторіи упадка и разрушенія римской имперіи" Эдуарда Гиббона (въ перев. В. К. Невѣдомскаго, М. 1883—86) можно указать: Э. Гриммъ Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. 2 т. Спб. 1901; Тома Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры (перев. Я. Руднева). Спб. 1899; А. С. Милюковъ Римская имперія (сборн. статей). М. 1900; М. С. Корелинъ Паденіе античнаго міросозерданія. Культурный кризисъ въ римской имперіи. Спб. 1901; Гастонъ Буассье Очерки древне-римской жизни. Оппозиція во времена цезарей (перев. Догена). Спб. 1896. *Ред.*

Переходъ къ монархіи.

Въ столѣтней борьбѣ улеглась ярость партій, и общество до того устало отъ смутъ, что даже и не геніальному, а только ловкому, умному и осторожному Октавіану удалось утвердить въ немъ тотъ порядокъ, котораго не могъ упрочить геніальный Цезарь. Творческія идеи этого монархическаго порядка и весь его планъ

былъ уже начертанъ Цезаремъ. Его преемнику осталось только развить ихъ и укрѣпить.

Подобно своему великому предшественнику Октавіанъ оставилъ нетронутыми республиканскія формы и имена, а только сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ древнія государственныя должности и всѣ отрасли управленія. Въ сенатѣ онъ былъ только princeps, первенствующій членъ этой коллегіи, но, какъ цензоръ и нравоблюститель (praefectus morum), держалъ его въ своихъ рукахъ, имѣя право назначать и исключать сенаторовъ; какъ консулъ и преторъ, онъ завѣдывалъ администраціей и судомъ, какъ проконсулъ — провинціями; постоянная трибунская власть давала ему право считаться верховнымъ представителемъ народа и располагать комиціями, верховное жречество — распоряжаться религіей, а званіе безсмѣннаго императора—командовать всѣми военными силами государства. Впрочемъ, будучи на самомъ дѣлѣ безграничнымъ владыкою этой номинальной республики, онъ дѣлалъ все не иначе, какъ именемъ сената и народа, и показывалъ видъ, что онъ только ихъ уполномоченный и что его полновластіе есть нѣчто временное, родъ диктатуры, установленной потрясеннымъ обществомъ для водворенія въ немъ спокойствія и порядка. Вообще переходъ къ монархіи велъ онъ осторожно и пользовался своей властью чрезвычайно умѣренно,—не принялъ ни сана царскаго, ни его внѣшнихъ отличій и держалъ себя доступно, какъ простой гражданинъ: предоставилъ даже сенату завѣдываніе внутренними провинціями и взялъ себѣ въ управленіе только пограничныя (отсюда раздѣленіе римскихъ провинцій на pr. senatoriae и pr. Caesaris); главную казну тоже раздѣлилъ на императорскую, называвшуюся фискомъ, и собственно государственную, aerarium: послѣднею могъ онъ распоряжаться только посредствомъ сената. Почетное имя Августа, т. е. „освященнаго“, принялъ онъ тоже по желанію сената и народа, обыкновенно же назывался только princeps senatus или просто Цезаремъ по усыновленію отъ дѣда, — и лишь впослѣдствіи имя это сдѣлалось уже оффиціальнымъ титуломъ его преемниковъ. Это былъ, однимъ словомъ, монархъ-гражданинъ, который управлялъ, но не царствовалъ.

И тѣмъ не менѣе не кто иной, какъ именно Августъ, положилъ начало деспотизму послѣдующихъ императоровъ, учредивъ въ Римѣ преторіанскую гвардію, т. е. постоянный отлично дисциплинированный гарнизонъ, тяготѣвшій надъ городомъ, и поставивъ оскорбленіе лица императора наравнѣ съ государственнымъ преступленіемъ,—хотя главной причиной тиранніи столь

многихъ изъ его преемниковъ было все таки нравственное вырожденіе самого общества римскаго, утратившаго какъ потребность свободы, такъ и способность къ ней [1]).

Правленіе Августа.

44-лѣтнее правленіе Августа послѣ столь долгихъ смутъ представляется эпохой внѣшняго могущества и внутренняго мирнаго процвѣтанія римскаго государства. Богатѣйшія и образованнѣйшія земли трехъ частей свѣта, составляющія бассейнъ Средиземнаго моря, пранадлежали къ его составу. Владѣнія эти раздѣлены были теперь окончательно на 25 провинцій, ибо кромѣ новыхъ пріобрѣтеній, напр. Мавретаніи въ Африкѣ, Паннонія и Мэзіи, т. е. нынѣшней Венгріи и Болгаріи, на Дунаѣ, а также по-рейнскихъ земель,—Винделиціи, Реціи и Норика,—нѣкоторыя старыя провинціи подверглись подраздѣленіямъ. 25 легіоновъ, т. е. около 150000 постояннаго войска [2]), расположеннаго большею частію на границахъ, и многочисленный флотъ охраняли эту всемірную державу отъ внѣшнихъ враговъ. Да сильныхъ враговъ въ это время у Рима уже и не было: на востокѣ хищные парѳы тревожили иногда своими набѣгами евфратскую границу, на Рейнѣ и Дунаѣ шла постоянная мелкая война съ безпокойными германскими племенами,—но ни тѣ, ни другіе не могли серьезно угрожать цѣлости и безопасности имперіи. Внутреннее спокойствіе, установившееся въ государствѣ съ единовластіемъ Августа, отличныя военныя дороги, соединявшія провинціи со столицей и уцѣлѣвшія въ своихъ остаткахъ до настоящаго времени, быстрое превращеніе стараго кирпичнаго Рима въ Римъ мраморный, возстановленіе порядка въ судопроизводствѣ и финансахъ, правильный сборъ налоговъ, ограничившій грабежъ и насилія проконсуловъ и публикановъ,—все это подняло уровень общаго благосостоянія, промышленность и торговлю тѣмъ болѣе, что разрушеніе или упадокъ такихъ древнихъ промышленныхъ центровъ, какими были Коринѳъ, Карѳагенъ и Александрія, сдѣлали средоточіемъ торговыхъ сношеній всего историческаго міра Италію и особенно Римъ. А сильное развитіе образованности и

---

[1]) В. Герье „Августъ и установленіе римской имперіи“ („Вѣстн. Евр.“ 1877, VI, VII). Beulé „Die römischen Kaiser aus dem Hause des Augustus und dem flavischen Geschlecht“ (deutsch. v. Döhler. Halle. 1872—74); O. Gardthausen Augustus u. seine Zeit. 2 Bde. Leipzig. 1896. O. Seeck Kaiser Augustus. Berl. 1903; E. Shuckburgh Augustus. The life and times of the Roman empire. London. 1903. *Ред.*

[2]) При Суллѣ и Цезарѣ въ римскомъ легіонѣ числилось около 6000 воиновъ, и это количество удержалось и въ императорскую эпоху. *Ред.*

литературы, достигшей при Августѣ своего „золотаго вѣка", сообщало его времени и съ этой стороны блескъ и славу.

Эту общую картину благоденствія успокоеннаго Рима смущаетъ одно только событіе,—гибель римскихъ легіоновъ, предводимыхъ проконсуломъ Варомъ, въ Тевтобургскомъ лѣсу (близъ нынѣшняго Детмольда). Въ 9 г. послѣ Р. Хр. они были истреблены здѣсь германцами подъ начальствомъ племеннаго вождя херусковъ Арминія или Германа, вслѣдъ зачѣмъ вся западная часть Зарейнской Германіи, покоренная пасынками императора Друзомъ и Тиберіемъ, была римлянами утрачена и такимъ образомъ распространенію римскаго владычества въ эту сторону данъ первый рѣшительный отпоръ [1]). Конечно въ слѣдующее царствованіе сынъ Друза Германикъ своими славными походами успѣлъ въ этихъ краяхъ возстановить честь римскаго оружія; однако въ странѣ между Рейномъ и Эльбою римляне никогда уже прочно утвердиться не могли, и германцы, сохранивъ свою враждебную независимость, могли сдѣлаться впослѣдствіи опасными сосѣдями имперіи [2]).

Въ царствованіе же Августа произошло и другое событіе,—правда, прошедшее совершенно незамѣтно для современниковъ, но тѣмъ не менѣе послужившее исходнымъ пунктомъ той великой всемірно-исторической силы, которая впослѣдствіи преобразила весь строй древняго общества: при немъ родился Спаситель въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, пострадавшій крестною смертью при его преемникѣ [3]).

Четыре главныя эпохи римской имперіи.

Римская имперія, окончательно утвержденная Августомъ, существовала на западѣ цѣлые 5 вѣковъ. По характеру перемѣнъ, которымъ въ теченіе этого времени подвергалось ея государственное устройство, исторія ея представляетъ четыре главныя

---

[1]) E. Meyer Untersuchungen über die Schlacht im Teutoburger Walde. Berlin. 1893. *Ред.*

[2]) См. ст. М. Н. Петрова „Германикъ" (сцены по Тациту) въ его книгѣ „Очерки изъ всемірной исторіи" (4 изд. Спб. 1903). *Ред.*

[3]) Эдершеймъ „Жизнь и время Іисуса Мессіи" (перев. съ англ. М. Ѳивейскаго 2 т. М. 1899); Ф. В. Фарраръ „Жизнь Іисуса Христа" (перев. Ѳ. Матвѣева М. 1876; перев. Лопухина. Спб. 1890); Дидонъ „Іисусъ Христосъ". 3 т. Спб. 1891; К. Гейкн „Жизнь и ученіе Христа" (перев. М. Ѳивейскаго). М. 1893; его же Святая земля и Библія (подъ ред. Ф. С. Комаровскаго). 2 т. Спб. 1894. Знаменитое сочиненіе Э. Ренана „Жизнь Іисуса Христа" также имѣется теперь какъ въ полномъ, такъ и въ нѣсколькихъ сокращенныхъ переводахъ на русск. яз. *Ред.*

эпохи: 1) періодъ принципата, обнимающій два первыхъ христіанскихъ вѣка, — до смерти Коммода, когда общественная жизнь имперіи вращалась еще въ формахъ, установленныхъ Цезаремъ и Августомъ, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ отъ нихъ отступала, т. е. когда власть императоровъ опиралась столько же на военныя силы, сколько и на гражданскія учрежденія, когда по принятой теоріи правительственная власть все еще считалась принадлежащею сенату, какъ представителю самодержавнаго римскаго народа, цезари же были только principes, предсѣдатели сената, чѣмъ и поддерживался еще призракъ республики. 2) Вѣкъ военнаго деспотизма, — съ конца II-го до конца III-го в., до временъ Діоклеціана. Тутъ уже гражданскій строй общества падаетъ совершенно, уступая мѣсто необузданному владычеству солдатъ. 3) Эпоха императоровъ-товарищей, обнимавшая сорокъ лѣтъ, т. е. промежутокъ отъ Діоклеціана до Константина В. Это — время превращенія имперіи въ мертвый бюрократическій механизмъ, а императорской власти — въ открытую восточную деспотію, причемъ какъ сама имперія, такъ и верховная власть ея, сохраняя номинальное единство, дѣлятся между нѣсколькими ея представителями-товарищами. 4) Періодъ христіанскихъ императоровъ, отъ Константина В. до паденія западной половины имперіи въ 476 году, представляетъ картину внутренняго разложенія римскаго государства и внѣшняго разрушенія его варварами.

а) Періодъ принципата.

Недостатки августовой монархіи.

Какъ ни искусно старался Августъ незамѣтно упрочить абсолютную монархію, скрывъ ее подъ скромными формами и республиканскими именами, все же установленная имъ правительственная система имѣла два важныхъ недостатка: монархіи этой недоставало законности и правильнаго престолонаслѣдія. Самъ основатель имперіи конечно могъ быть еще спокоенъ за свою власть; его ограждали его великія заслуги, усталость общества послѣ страшныхъ волненій и тонкая его политика. Но положеніе его преемниковъ было ужасное. Каждый изъ нихъ, получалъ ли престолъ по усыновленію отъ предшественника, провозглашаемъ ли былъ преторіанцами и легіонами, въ глазахъ общества являлся все таки узурпаторомъ, власть котораго держалась одной матеріальной силой. Оттого ближайшіе преемники Августа, принадлежавшіе къ его фамиліи, — Тиберій, Калигула, Клавдій и Неронъ, — и ведутъ себя какъ узурпаторы. Терроромъ и шпі-

онствомъ ограждаютъ они свою безопасность, задариваютъ народъ деньгами, хлѣбомъ и зрѣлищами, заискиваютъ въ войскахъ, балуютъ преторіанцевъ, казнятъ и грабятъ аристократовъ и богачей, такъ какъ въ высшихъ, достаточныхъ классахъ шевелилось еще старое чувство свободы, сильно заглохшее въ народѣ,—и такими средствами доходятъ до страшнаго деспотизма.

Тиберій (14—37 по Р. Х.).

Начало этому деспотизму положилъ уже Тиберій [цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, представлявшихъ въ сущности дальнѣйшее развитіе установленнаго Августомъ принципата. Продолжая по примѣру своего предшественника осторожно прибирать къ рукамъ всѣ функціи правительственной власти, онъ отнялъ у народныхъ собраній право выбирать высшихъ государственныхъ сановниковъ, сдѣлавши это право достояніемъ пассивнаго и запуганнаго сената, присвоилъ собственнымъ эдиктамъ и сенатскимъ постановленіямъ силу для всѣхъ обязательнаго закона, сообщилъ городской полиціи стройную и могущественную организацію, сосредоточилъ по совѣту жестокаго и вѣроломнаго временщика Элія Сеяна разсѣянныя по городу кагорты преторіанцевъ въ одномъ общемъ хорошо укрѣпленномъ лагерѣ,—что незамедлило впослѣдствіи повести къ господству солдатчины въ Римѣ, — наконецъ въ качествѣ самаго страшнаго орудія своей тиранніи сталъ пользоваться возобновленнымъ при Августѣ закономъ Аппулея объ оскорбленіи величества (lex Appuleia de majestate). Политическій процессъ сдѣлался отнынѣ излюбленнымъ средствомъ устраненія тѣхъ лицъ, которыхъ знатность, умъ, честолюбіе, независимый образъ мыслей или богатства способны были возбудить зависть или опасеніе въ подозрительномъ императорѣ. Явился цѣлый классъ низкихъ доносчиковъ (accusatores, delatores), готовыхъ изъ личной выгоды взвести на кого угодно какое угодно обвиненіе, и скоро дѣло дошло до того, что за нарушеніе аппулеева закона стали наказывать даже женщинъ и дѣтей, и среди людей, занимавшихъ видное положеніе, естественная смерть сдѣлалась рѣдкостью.

Однако, обладая уже всею полнотою верховной власти, Тиберій все еще находилъ нужнымъ подобно Августу играть въ республику. Онъ продолжалъ сохранять лишенныя теперь всякаго значенія прежнія республиканскія формы, любилъ оставаться въ тѣни, довольствуясь фактическою силою и предоставляя внѣшній блескъ консуламъ, преторамъ и прочимъ магистратамъ, не принялъ ни одного изъ тѣхъ почетныхъ титуловъ, которыми готовъ былъ осыпать его раболѣпный сенатъ, и въ частной жизни отличался удивительною простотою. Политика притворства доведена

была имъ до полнаго совершенства. Мрачный, сухой, жестокій,— Тиберій всегда дѣйствовалъ съ разсчетомъ и, когда требовалось, умѣлъ даже казаться сострадательнымъ и великодушнымъ: принося въ жертву своему произволу десятки человѣческихъ жизней, онъ любилъ разыгрывать роль благодѣтеля въ отношеніи къ осиротѣлымъ семействамъ лицъ, имъ же самимъ казненныхъ, а людямъ, пострадавшимъ отъ какого-либо общественнаго бѣдствія, щедрою рукою разсыпалъ пособія и вспомоществованія.

Новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ царствованіе Тиберія сдѣлано не было никакихъ, но за то власть Рима въ предѣлахъ громадной августовой державы окончательно упрочена, и во всѣхъ частяхъ государства водворено спокойствіе. Отличаясь неутомимою дѣятельностью и рѣдкими административными способностями, императоръ успѣлъ въ войскахъ возстановить строжайшую дисциплину, въ провинціяхъ — небывалый до того времени порядокъ; лихоимство намѣстниковъ, продажность судей, жестокость публикановъ, роскошь и распутство выродившейся аристократіи—все это находило въ немъ непримиримаго врага и карателя; не обременяя народъ новыми налогами, онъ значительно улучшилъ состояніе государственныхъ финансовъ, энергично боролся съ разбоями, отъ которыхъ страдала общественная безопасность, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства противъ дороговизны жизненныхъ припасовъ, ложившейся тяжелымъ гнетомъ на бѣдные классы; въ то же время не упускалъ онъ изъ виду и духовныхъ интересовъ,—окружалъ себя учеными и литераторами, даже самъ писалъ стихи по-латыни и по-гречески, а въ области религіи заявилъ себя строгимъ охранителемъ отечественныхъ учрежденій противъ вреднаго вліянія вторгавшихся въ Римъ чужеземныхъ культовъ.

Преемники Тиберія.

Этихъ хорошихъ чертъ, которыя уживались въ Тиберіи вмѣстѣ съ отталкивающими свойствами его натуры и вслѣдъ за Веллеемъ Патеркуломъ подкупили въ его пользу и нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей [1]), совершенно уже недоставало его преемникамъ—Гаю Цезарю Калигулѣ, Клавдію и Нерону, послѣдовательно управлявшимъ римскою имперіею въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ]. Они довели тираннію до сумасбродства и безцѣльныхъ, капризныхъ жестокостей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ безчисленные примѣры, приводимые Светоніемъ и Тацитомъ, и,

[1]) Таковы: Adolf Stahr „Tiberius“ (Leben, Regierung, Charakter). 2 Aufl. Berl. 1855; Schiller „Gesch. d. röm. Kaiserzeit“; Драгомановъ „Императоръ Тиберій“ (Кіевъ. 1864). *Ред.*

несмотря на то, все же ни одинъ изъ нихъ не умеръ естественною смертью, — такъ велики были опасности, ихъ окружавшія, такъ шатко было ихъ положеніе. Впрочемъ, чтобы правильно относиться къ звѣрствамъ Калигулы или безумствамъ Нерона, не слѣдуетъ забывать, что самая неопредѣленность и непрочность ихъ какъ будто похищенной власти требовала крутыхъ мѣръ, а во-вторыхъ, — что исторія ихъ значительно искажена аристократическими писателями, подобными Тациту, такъ какъ по самому происхожденію и характеру своей диктатуры императоры были естественными вождями и покровителями народной партіи противъ аристократіи. Къ тому же тиранніи цезарей августова дома, которой во всякомъ случаѣ отрицать нельзя, много объясняется еще и тѣмъ сервилизмомъ самого общества, который всегда наступаетъ послѣ продолжительныхъ революцій, какъ реакція противъ необузданной свободы. Когда же эта реакція ослабѣла и въ римлянахъ опять проснулись гражданскія чувства, а между тѣмъ буйный духъ и крамолы были уже подавлены, мы опять видимъ на императорскомъ престолѣ рядъ достойныхъ и кроткихъ правителей, а въ государствѣ господство законности и даже умѣренной свободы [1]).

Флавіи и Антонины.

Рядъ этихъ достойныхъ и благодѣтельныхъ цезарей открываетъ собою Веспасіанъ, вступившій на престолъ въ 70 г. по Р. Хр., послѣ двухлѣтней усобицы между различными претендентами на порфиру,—Гальбою, Отономъ и Виттеліемъ, которыхъ по пресѣченіи дома Августа со смертью Нерона (68 г.) возводили и низвергали преторіанцы и пограничные легіоны. Съ Веспасіаномъ на тронѣ цезарей на короткое время утвердился домъ Флавіевъ, такъ какъ преемниками его послѣдовательно были два его сына,—кроткій Титъ, „любовь и утѣшеніе человѣчества“, и жестокій, своенравный Домиціанъ, съ которымъ и прекратилось веспасіаново потомство. Затѣмъ Нерва, избранный уже сенатомъ (96 г.), послѣ кратковременнаго царствованія передалъ правленіе въ руки усыновленнаго имъ испанца Траяна, родоначальника дома Антониновъ, хотя преемники Траяна—Гадріанъ (117—138), Антонинъ Благочестивый (138—161) и Маркъ Аврелій Философъ (161—180)—и получали престолъ также по праву усыновленія своими предшественниками за исключеніемъ Коммода, который прямо наслѣдовалъ своему отцу Марку Аврелію.

[1]) О Неронѣ см. монографію Шиллера „Gesch. des röm. Kaiserreichs unter der Regierung Nero's“ (Berl. 1872); также Lehmann „Claudius u. Nero u. ihre Zeit“ (Bd. I. Gotha. 1858). По русски—П. Кудрявцевъ „Римскія женщины по Тациту“ (Пропилеи, I, II, III, V; также въ отд. изд. М. 1887); Оскаръ Піо Жизнь римскихъ императрицъ (перев. Н. Попова). Спб. 1896. *Ред.*

Въ теченіи двухъ столѣтій мы видимъ такимъ образомъ въ римской имперіи четыре различные способа престолонаслѣдія: провозглашеніе преторіанцами и легіонами, избраніе сенатомъ, усыновленіе и прямое наслѣдство, что одно уже показываетъ, какъ мало обезпечено было спокойствіе государства при такой неопредѣленности преемства верховной власти. Съ другой стороны отсутствіе всякихъ твердыхъ законовъ, на которыхъ бы утверждалось государственное устройство, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что счастіе и несчастіе имперіи зависѣли почти исключительно отъ характера и качествъ лица, занимавшаго престолъ, иначе—отъ случая. Отсюда тѣ крутые и рѣзкіе переходы отъ умѣренной монархіи къ необузданному деспотизму и наоборотъ, какіе намъ такъ часто представляетъ исторія римской имперіи и какъ это было также и теперь, когда послѣ благодѣтельнаго Тита вдругъ является во главѣ государства такое чудовище деспотизма, какъ Домиціанъ, или когда послѣ цѣлаго ряда блестящихъ и славныхъ царствованій четырехъ Антониновъ престолъ переходитъ къ сумасбродному извергу Коммоду, и тотъ самый сенатъ, который при Веспасіанѣ, Гадріанѣ и Маркѣ Авреліи былъ такой достойной правительственной коллегіей, доходитъ до того, что разсуждаетъ о формѣ блюда, на которомъ слѣдовало поднести императору какую-то диковинную рыбу.

За исключеніемъ впрочемъ этихъ двухъ безобразныхъ правленій вѣкъ Флавіевъ и Антониновъ представляетъ безспорно самое счастливое время имперіи, благодаря заслугамъ и достоинствамъ правителей, носившихъ въ это время порфиру. Кромѣ плодотворной государственной дѣятельности двое изъ нихъ—Веспасіанъ и Траянъ — прославились также и своими завоеваніями: при первомъ Агрикола покорилъ римскому владычеству Британію до горъ Каледонскихъ или Шотландскихъ, а сынъ императора Титъ разрушеніемъ Іерусалима положилъ конецъ іудейскому царству, со временъ Помпея сохранявшему еще тѣнь самостоятельности,—вслѣдствіе чего и самый народъ іудейскій разсѣялся мало по малу по всему свѣту [1]). Завоеванія же Траяна направлены были въ страны за-дунайскія и за-евфратскія. За Дунаемъ онъ покорилъ Дакію, т.-е. нынѣшнюю Румынію, а за Евфратомъ отнялъ у парѳянъ Месопотамію и Арменію; кромѣ

[1]) М. Ремезовъ Іудея и Римъ (картины античн. міра по Ренану). М. 1896; A. Berliner Geschichte der Juden in Rom. 2 Bde. Frankfurt a. M. 1893/94; E. v. Starck Palästina u. Syrien vom Anfang der Geschichte bis zum Siege des Islam. Berl. 1894. *Ред.*

того занята была страна между верховьями Рейна и Дуная, т.-е. область нынѣшняго Шварцвальда, и подъ именемъ десятиннаго поля (Ager Decumanus), названнаго такъ потому, что галльскіе и германскіе поселенцы этихъ мѣстъ платили десятину въ государственную казну, присоединена къ владѣніямъ имперіи. Но всѣ эти новыя пріобрѣтенія императоровъ II вѣка, составившія третій кругъ римскихъ завоеваній, какъ болѣе удаленныя отъ береговъ Средиземнаго моря, настоящаго поприща римскаго владычества, были уже за исключеніемъ одной Британіи кратковременны, и римское господство, какъ и греко-римская культура, прочно здѣсь утвердиться не могло. Такъ уже преемникъ Траяновъ Гадріанъ, консерваторъ во всей своей политикѣ, возвратилъ парѳянамъ заевфратскія завоеванія своего предшественника; сѣверная Дакія была имъ тоже отчасти оставлена, да и впослѣдствіи край этотъ весьма рано былъ оторванъ отъ римскихъ владѣній при общемъ напорѣ на нихъ германцевъ въ слѣдующемъ столѣтіи,—такъ точно, какъ и десятинное поле.

Такимъ образомъ въ Азіи—Евфратъ, въ Европѣ—Рейнъ и Дунай и въ Африкѣ — Атласскія горы можно считать тѣми постоянными предѣлами, гдѣ прочно господствовалъ Римъ и гдѣ надолго утвердилъ онъ свое право, языкъ и обычаи. Второй вѣкъ христіанской эры былъ апогеемъ внутренняго благосостоянія имперіи, — ея золотымъ вѣкомъ. Она имѣла въ это время 200 т. квадратныхъ миль пространства со 120 милліонами населенія, если вѣрить Гиббону, и не менѣе 83 мил., если слѣдовать приблизительному исчисленію французскаго статистика Моро де-Жоннеса [1]). Въ одномъ Римѣ было около $2^1/_2$ мил. жителей. Военныя силы государства состояли изъ 400 т. сухопутнаго войска и 2000 боевыхъ кораблей, а цвѣтущіе финансы, отличные пути сообщенія и развитіе всякихъ промысловъ, искусствъ и торговли подняли общее благосостояніе римскаго общества до той высоты, на какой оно еще никогда не стояло. Правда, колоссальная держава эта страдала разноплеменностью своего состава и страшнымъ неравенствомъ правъ своихъ обитателей. Въ ней считалось болѣе 40 мил. однихъ рабовъ, не считая вольноотпущенниковъ и союзниковъ, пользовавшихся неполными гражданскими правами. Въ этомъ заключалась ея слабая сторона. И вотъ императоры разсматриваемаго времени принимаютъ всѣ мѣры къ сліянію разныхъ народностей, имъ подвластныхъ, въ общую историческую жизнь,

[1]) Moreau de Jonnès Statistique des peuples de l'antiquité. 2 vols. Paris. 1851. *Ред.*

къ сглаженію племенныхъ, религіозныхъ и гражданскихъ отличій своихъ подданныхъ посредствомъ водворенія по всей имперіи однообразнаго греко-римскаго образованія и значительнаго улучшенія, внесеннаго въ административное, экономическое и податное положеніе провинцій. Это много способствовало примиренію покоренныхъ народовъ съ римскимъ владычествомъ и цивилизаціей, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, напр. галлы, къ концу этого періода совершенно романизовались. Вообще цезари заботились о провинціяхъ гораздо болѣе, чѣмъ республика, ибо видѣли въ нихъ опору своей власти противъ свободолюбивыхъ стремленій и гордыхъ воспоминаній Италіи и Рима.

Типъ этой мирной цивилизаторской дѣятельности императоровъ золотаго вѣка, клонившейся къ сліянію, къ политическому и духовному уравненію разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось всесвѣтное римское государство, представляетъ Гадріанъ, — ученый, философъ, художникъ, правовѣдъ и мистикъ, цѣлые 13 лѣтъ своего правленія пропутешествовавшій по всему Востоку и Западу для удовлетворенія своей любознательности и для личнаго ознакомленія съ нуждами своихъ подданныхъ, ревностный насадитель греко-римскаго образованія и греко-римскихъ культовъ по всему пространству имперіи, стремившійся водворить въ ней кромѣ единства цивилизаціи и религіи еще и единство юридическое изданіемъ такъ называемаго „постояннаго эдикта“, edictum perpetuum, которымъ устанавливался однообразный и неизмѣнный порядокъ судопроизводства. Оба слѣдующіе Антонина,— Благочестивый и Философъ,—слѣдовали той же уравнительной политикѣ, а послѣдній особеннымъ покровительствомъ стоическому ученію, котораго онъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ, и его повсемѣстнымъ распространеніемъ думалъ даже достигнуть и единства нравственныхъ началъ, которыя бы господствовали надъ обществомъ [1]).

Такова внѣшняя блестящая сторона золотаго вѣка имперіи, дающая ему весьма важное мѣсто въ общемъ ходѣ исторіи, такъ

---

[1]) Francke „Zur Gesch. Trajan's u. seiner Zeitgenossen“ (2 Aufl. Quedlinburg. 1840); Gregorovius „Gesch. des Kaisers Hadrian“ (Königsberg. 1851); St. Gsell Essai sur la régne de l'empereur Domitien. Paris. 1894; Грановскій „Состояніе Рима и римскихъ провинцій при первыхъ императорахъ“ („Время“, 1862); В. Кожевниковъ „Нравств. и умств. развитіе римскаго общества во II в. по Р. Х.“ (1874); К. Арсеньевъ „Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адріанѣ“ (Вѣстн. Европы. 1875. XII); Ѳ. Дыдынскій Императоръ Адріанъ. Историко-юридич. изсл. Варшава. 1896; М. Стасюлевичъ „Александръ Авонотихитъ и его время“ (Ж. М. Н. Пр. 1865. XC); „Маркъ Аврелій“, лекція Эрн. Ренана (Еженед. Нов. Вр. 1880. VI). *Ред.*

какъ ему въ особенности обязана Европа прочнымъ водворепіемъ на своей почвѣ греко-римскаго образованія и гражданственности, а человѣчество—духовнымъ сближеніемъ между собою самыхъ разноплеменныхъ и далекихъ народовъ стараго свѣта. Но, всматриваясь глубже въ эту эпоху, нельзя не замѣтить и ея темныхъ сторонъ. И во-первыхъ,—она почти вовсе не коснулась рабства, этого кореннаго недуга, погубившаго древній міръ; во-вторыхъ, она нисколько не обезпечила будущности имперіи, такъ какъ ни опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія, ни самая законность монархіи все таки не были установлены: оффиціальная теорія, въ силу которой Римъ считался республикой, а императоръ — представителемъ власти самодержавнаго народа, все еще продолжала господствовать. Такимъ образомъ Антонины по прежнему оставались лишь фактическими обладателями верховной власти, хотя знаменитые правовѣды, ихъ окружавшіе,—между ними Гай и Ульпіанъ,—и старались дать авторитету императоровъ разумное юридическое основаніе. Судьба государства по прежнему зависѣла отъ личности правителя, отъ преторіанцевъ и войска,—тѣмъ болѣе, что продолжительное спокойствіе, роскошь, распущенность нравовъ и подозрительная политика цезарей совершенно отучила гражданъ отъ оружія и предала ихъ въ руки солдатъ. Оттого мы и видимъ, что, когда сумасбродное правленіе Коммода окончательно избаловало преторіанцевъ, то наглость ихъ доходитъ до того, что они по смерти его продаютъ престолъ съ молотка. Но такое самоуправство возбуждаетъ зависть легіоновъ, которые тоже выставляютъ своихъ генераловъ претендентами на порфиру. Самому храброму изъ нихъ Септимію Северу удается наконецъ въ 193 г. одолѣть соперниковъ и прочно утвердить на тронѣ себя и даже свое потомство.

b) Вѣкъ военнаго деспотизма.

Септимій Северъ и его ближайшіе преемники

Обязанный своимъ возвышеніемъ арміи и самъ истый и грубый солдатъ,—Септимій основалъ свое господство исключительно на силѣ войска и явился истиннымъ представителемъ военнаго деспотизма, тяготѣвшаго потомъ надъ имперіей цѣлые 100 лѣтъ, разорившаго ее и ослабившаго. Теорію этого новаго порядка вещей онъ отчетливо формулировалъ въ слѣдующемъ наставленіи своимъ дѣтямъ: „будьте солдатами“, говорилъ онъ имъ, „окружите себя солдатами, обогащайте солдатъ,—и затѣмъ можете презирать все остальное“. Послѣ этого, само собою разумѣется, идея республики и сенатъ, ея древній выразитель, съ которыми все еще

церемонились прежніе императоры, потеряли всякое значеніе. [Авторитетъ сенаторскаго сословія палъ окончательно,—онъ перешелъ теперь къ начальнику гвардіи (praefectus praetorio), который не только сосредоточилъ въ своихъ рукахъ центральное управленіе военными силами государства, но и присвоилъ себѣ право высшей уголовной и гражданской юрисдикціи, верховный надзоръ за дѣйствіями всѣхъ императорскихъ чиновниковъ и рѣшающій голосъ въ царскомъ совѣтѣ,—словомъ возвысился на степень всемогущаго министра. Фискъ сдѣланъ государственною казною, что способствовало низведенію эрарія до уровня муниципальной кассы города Рима, а такъ называемыя provinciae senatoriae фактически подчинены вѣдѣнію самого императора. Такимъ образомъ долгая борьба цезарей съ республиканскими тенденціями завершена полнымъ уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ діархіи, лежавшей въ основаніи римскаго государственнаго устройства. Многочисленные легіоны,—сильная опора трона,—расквартированы по разнымъ городамъ Италіи, и даже въ виду самой столицы, на Альбанской горѣ, водружены ихъ значки].

Старшій сынъ Септимія Каракалла, наслѣдовавшій власть этого военнаго деспота вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гетою, равно какъ и родственникъ ихъ, сирійскій жрецъ солнца Элагабалъ, вслѣдъ затѣмъ занимавшій престолъ, пошли еще далѣе въ томъ же направленіи: они уже не стѣснялись не только сенатомъ, но и ничѣмъ вообще,—ни общественнымъ мнѣніемъ, ни религіей, ни обычаями народными. Они превратили римскую имперію въ восточное государство, сдѣлавъ ее жертвою безграничнаго и грубаго произвола. Такъ Каракалла, убивши своего брата и соправителя, велѣлъ знаменитому правовѣду того времени Папиніану юридически оправдать это преступленіе и, когда тотъ нашелъ невозможнымъ сдѣлать это, отдалъ приказаніе казнить его. Сиріецъ по матери и африканецъ по отцу,—онъ не ставилъ ни во что интересы и чувства римлянъ и для того, чтобы сбирать больше податей, далъ всѣмъ свободно-рожденнымъ жителямъ имперіи права полнаго гражданства. Такимъ образомъ вѣковой процессъ постепеннаго юридическаго уравненія всѣхъ свободныхъ членовъ общества, наполняющій всю исторію республики, кончился только теперь, въ началѣ III христіанскаго вѣка, когда званіе римскаго гражданина, столь почетное и выгодное когда-то, ради котораго шла такая долгая борьба и пролито было столько крови, не давало уже никакихъ политическихъ правъ, а напротивъ налагало много податныхъ и другихъ финансовыхъ тягостей. Что

же касается другого сирійца—Элагабала, то никто, быть можетъ, кромѣ его и полуумнаго Калигулы не издѣвался такъ нагло надъ всѣмъ, что когда то въ Римѣ считалось уважаемымъ и священнымъ,—религіей, нравами, семейными и гражданскими отношеніями. Все его шестилѣтнее властвованіе, разорившее и разстроившее государство, есть одна пьяная, безумная оргія, господствующимъ характеромъ которой было отвратительное безстыдство. Оба эти азіатскіе деспота,—Каракалла и Элагабалъ,—были наконецъ убиты взбунтовавшимися солдатами, которые возвели на престолъ послѣдняго изъ представителей септиміева дома—Александра Севера (222 г.).

Кроткое и достойное правленіе новаго государя въ духѣ древне-римскихъ принциповъ является лишь кратковременной передышкой глубоко потрясеннаго общества посреди ужасовъ этой тяжелой эпохи. [Александръ Северъ поспѣшилъ очистить Палатинъ,—мѣсто нахожденія императорскаго двора (Palatium, aula),—отъ толпы евнуховъ, брадобрѣевъ, плясуновъ и прочихъ отребьевъ, которыми любилъ окружать себя его предшественникъ, и подъ руководствомъ матери своей Юліи Маммеи и славнаго юриста Ульпіана, ставшаго правою его рукою, энергично принялся за государственныя дѣла. Мечтатель и идеалистъ,—онъ поставилъ своею задачею возвратить имперіи то благоденствіе, которымъ она пользовалась при Антонинахъ, а сенату—то значеніе и ту власть, которыхъ эта правительственная коллегія совершенно лишилась уже при Септиміи. Водвореніе порядка въ финансовомъ управленіи, ограниченіе буйнаго произвола солдатъ, возстановленіе древне-римской государственной религіи, превратившейся подъ скрещивающимися вліяніями различныхъ національностей въ безобразную амальгаму самыхъ разнородныхъ вѣрованій и обрядовъ, утвержденіе законности и права въ судахъ—вотъ главные моменты благодѣтельнаго царствованія Александра, продолжавшагося тринадцать лѣтъ.

За то же и ни одинъ изъ монарховъ этого времени не возбуждалъ такого ропота и недовольства въ средѣ необузданныхъ легіонеровъ, успѣвшихъ отвыкнуть отъ прежней дисциплины и не безъ основанія усматривавшихъ въ преобразовательной дѣятельности императора торжество принциповъ, враждебныхъ системѣ военнаго деспотизма. Дикіе мятежи безпрестанно вспыхиваютъ въ различныхъ частяхъ войска, и въ концѣ концовъ послѣдній Северъ падаетъ подъ ударами солдатскихъ мечей]. Тогда за обладаніе верховной властью въ имперіи между различными честолюб-

цами и хищниками, которыхъ выставляютъ войска, начинается такая ожесточенная борьба, что въ теченіи 50 лѣтъ, протекшихъ отъ смерти Александра до воцаренія Діоклеціана, 27 императоровъ и столько же претендентовъ были возведены и низвергнуты преторіанцами и легіонами посреди безпрерывной усобицы. Между этими правителями были конечно и люди достойные, желавшіе государству добра и пользы, каковъ напр. былъ въ 70-хъ годахъ III-го вѣка Авреліанъ, завоеватель богатаго пальмирскаго царства въ Сиріи и возстановитель города Рима, который онъ счелъ уже нужнымъ укрѣпить обводными стѣнами; но дѣятельность его и ему подобныхъ цезарей уже не могла спасти расшатавшагося государства, требовавшаго новыхъ основаній и устройства для того, чтобъ удержаться если не съ прежнимъ могуществомъ и благосостояніемъ, то по крайней мѣрѣ въ прежнемъ составѣ, — тѣмъ болѣе, что на восточныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ имперіи произошли въ половинѣ этого столѣтія такія важныя перемѣны, которыя могли грозить даже ея независимости и цѣлости [1]).

Отношеніе Рима къ восточнымъ и сѣвернымъ варварамъ. а) Персы.

На востокѣ персы разрушили парѳянское царство и положили основаніе ново-персидской державѣ. Со своей воинственной династіей Сассанидовъ во главѣ и съ фанатизмомъ истыхъ огнепоклонниковъ они явно стали стремиться къ возстановленію величія предковъ и ихъ завоевательной политики. Въ противоположность эллинизированнымъ Арсакидамъ Ардеширъ Бабеганъ, первый представитель названной династіи, открыто заявилъ себя охранителемъ старо-персидскихъ традицій и врагомъ Запада и скоро, управившись съ домашними затрудненіями, оказался въ состояніи начать неизбѣжную борьбу съ Римомъ, на азіатскія владѣнія котораго смотрѣлъ, какъ на достояніе своихъ предковъ. Правда, Александру Северу успѣшнымъ походомъ въ Азію удалось на нѣкоторое время отсрочить моментъ рѣшительнаго столкновенія, но лишь близорукій, погрязшій въ бездѣйствіи сенатъ, назначившій побѣдителю торжественный тріумфъ, могъ полагать, что грозившую имперіи опасность легко было устранить одною счастливою кампаніею. Уже сынъ Ардешира Шапуръ, воинственностью и предпріимчивостью превосходившій отца, снова поднялъ оружіе противъ римлянъ и въ теченіи 30 лѣтъ безнаказанно тревожилъ ихъ пограничныя области своими дерзкими набѣгами [2]).

[1]) Höfner Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers L. Septimius Severus und seiner Dynastie. Giessen. 1872 ff. *Ред.*

[2]) См. Justi Gesch. d. alt. Persiens; Nöldeke Gesch. der Perser u. Araber zur Zeit der Sassaniden. Leyden. 1879. *Ред.*

Въ то же время стали измѣняться отношенія имперіи и къ германскому міру, издавна облегавшему съ сѣвера ея рейнскія и дунайскія границы.

б) Германцы.

Германцевъ, подобно другимъ аріямъ выселившихся изъ центральной Азіи, исторія застаетъ въ обширной, но въ древности суровой и полудикой странѣ между Рейномъ, Дунаемъ, Вислою и океаномъ, а также на полуостровахъ Кимврскомъ (Ютландскомъ) и Скандинавскомъ. Самыя раннія извѣстія объ нихъ оставилъ намъ Цезарь, а полтораста лѣтъ спустя послѣ него Тацитъ, посвятившій особое сочиненіе описанію быта и нравовъ Германіи („de situ, moribus et populis Germaniae"). Тацитъ насчитываетъ до 50 мелкихъ германскихъ народцевъ, обитавшихъ въ означенной части средней Европы,—народцевъ, большею частью враждовавшихъ другъ съ другомъ, но иногда соединявшихся и въ союзы, какими были напр. во времена Августа свевскій союзъ въ странахъ прирейнскихъ и маркоманскій—на Дунаѣ. Союзы эти были впрочемъ кратковременны и случайны; обыкновенно же германцы жили разрозненно, отдѣльными волостями, и вовсе не знали городской жизни. Нравы ихъ были просты и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже грубы, но отличались чистотою. Римскій историкъ, негодуя на современное ему растлѣніе цивилизованнаго міра, съ особеннымъ уваженіемъ отзывается о строгости ихъ семейныхъ связей, о высокихъ добродѣтеляхъ ихъ женщинъ, объ ихъ гостепріимствѣ, мужествѣ и любви къ свободѣ; но бытовая картина Германіи, представленная Тацитомъ, чтобы быть совершенно вѣрною, очевидно, нуждается и въ тѣневой сторонѣ, такъ какъ кромѣ наклонности къ пьянству и праздной жизни на счетъ труда рабовъ и женщинъ, чего не скрываетъ даже и Тацитъ, германцамъ нечужды были и другіе пороки, свойственные полудикимъ народамъ,—вѣроломство, хищность и звѣрская жестокость съ непріятелемъ. Средства къ жизни доставляла имъ война, охота, скотоводство и довольно слабо развитое земледѣліе. Религія германцевъ, какъ и другихъ арійцевъ, состояла въ поклоненіи силамъ природы,—какъ благодѣтельнымъ, такъ и враждебнымъ. Одинъ—воздухъ, Циу—небо, Торъ—громъ, Герта—земля и другія божества или Азы, которыми былъ заселенъ германскій Олимпъ Асгардъ, пользовались особеннымъ почетомъ у большей части племенъ, хотя въ стройную систему сложилась германская миѳологія у однихъ только скандинавовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ два дошедшіе до насъ миѳологическіе памятника, такъ наз. Эдды,—большая и малая,—которыя, правда, по формѣ

принадлежатъ позднѣйшему времени (XI—XII в.), но по содержанію относятся къ весьма глубокой древности. [Храмовъ эта религія природы не знала: любимыми мѣстами молитвенныхъ собраній служили глухія чащи лѣсовъ, — священныя рощи, куда человѣкъ въ знакъ совершенной своей зависимости отъ божества осмѣливался вступать не иначе, какъ связаннымъ. Культъ отличался мрачнымъ характеромъ: богамъ приносили въ жертву не только различныхъ животныхъ, но и людей; однако сильнаго жречества, которое бы подобно галльскимъ друидамъ оказывало рѣшительное вліяніе на дѣла, мы въ Германіи не находимъ]. Въ позднѣйшее время у нѣкоторыхъ племенъ были въ употребленіи какія-то таинственныя письмена, называвшіяся рунами, за которыми признавалось магическое свойство исцѣлять болѣзни, открывать будущее, вызывать и прекращать бурю и проч. и изобрѣтеніе которыхъ приписывалось Одину. Вообще всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о древне-германскомъ бытѣ и особенно полное отсутствіе у германцевъ въ это время личной земельной собственности даютъ право заключить, что народъ этотъ даже во II стол. христіанской эры былъ еще на переходѣ отъ непосредственнаго состоянія номадовъ къ жизни осѣдлой и гражданской.

Такой же полуразвитой характеръ носятъ на себѣ и его общественныя учрежденія, точное представленіе которыхъ такъ важно для правильнаго пониманія устройства новыхъ государствъ западно-европейскихъ въ его историческомъ развитіи.

Общественное устройство древне-германскихъ племенъ было общинное, а самой простой первичной формой его можно считать „gau“ или „волость“, т. е. добровольный общественный союзъ извѣстнаго числа сосѣднихъ семействъ, жившихъ на общей землѣ или маркѣ и рѣшавшихъ свои дѣла на волостныхъ вѣчахъ. Вѣча эти опредѣляли миръ и войну, постановляли законы, избирали старшинъ—графовъ, завѣдывавшихъ волостнымъ судомъ, и герцоговъ или предводителей волостныхъ ополченій. Населеніе волости состояло, во-первыхъ изъ людей свободныхъ, владѣвшихъ участками общинной земли и имѣвшихъ голосъ на сходкахъ; каждый изъ нихъ на своей землѣ пользовался неограниченною властью надъ всѣми, кто жилъ на ней, — дѣтьми, прислугой и домочадцами, — и могъ быть судимъ только своими перами (pares), т. е. равными ему по положенію. Впрочемъ изъ среды этого свободнаго класса рано выдвинулась почетная аристократія, такъ наз. адалинги, т. е. семейства, отличавшіяся родовитостью и богатствомъ. Изъ нихъ обыкновенно выбирались

графы и герцоги, а нерѣдко, какъ это было у нѣкоторыхъ племенъ, и наслѣдственные правители — конунги, власть которыхъ нисколько не уничтожала однако общиннаго, т. е. республиканскаго устройства. Второй или нисшій классъ состоялъ изъ полусвободныхъ или литовъ и собственно рабовъ. Литы, сидя на землѣ свободнаго владѣльца, находились отъ него въ нѣкоторой фактической и юридической зависимости, несли въ пользу его разную службу и, хотя на судѣ могли обходиться безъ патрона, однако въ дѣлахъ общественныхъ лишены были всякой доли участія; рабы же, не имѣя никакихъ личныхъ правъ и собственнаго хозяйства, были просто крѣпостными дворовыми людьми своихъ хозяевъ. Впрочемъ участь этого класса у германцевъ была гораздо сноснѣе и легче, нежели у римлянъ, гдѣ рабъ считался просто вещью своего владѣльца и не только не имѣлъ никакой собственности, но даже и дѣти его принадлежали не ему, а его господину.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ учрежденіи въ древне-германскомъ обществѣ, которому ученые прошлаго столѣтія, напр. Эйхгорнъ и отчасти Гизо, приписывали чрезвычайную важность,—о дружинѣ или гелейтѣ. Это были военныя товарищества людей свободныхъ, составлявшіяся около какихъ нибудь именитыхъ герцоговъ или конунговъ и служившія имъ добровольно въ войнѣ и мирѣ ради славы, добычи, веселой и разгульной жизни при ихъ дворахъ, а также и ради получаемаго отъ нихъ содержанія. Разумѣется, въ такомъ видѣ, — существуя болѣе, какъ обычай, нежели какъ учрежденіе, дружина нисколько не нарушала земскаго, общиннаго устройства, а напротивъ была подчинена ему; въ земскомъ же ополченіи она играла только роль передоваго, избраннаго отряда. Вотъ почему нѣкоторые изслѣдователи нѣмецкой старины (Вайтцъ, Ротъ и др.) не признаютъ за дружинами никакого самостоятельнаго, а тѣмъ болѣе преобладающаго значенія въ древне-германскомъ быту, какое признавала за ними старая историческая школа, и думаютъ, что дружины у германцевъ были вообще немногочисленны и рѣдки и что завоеванія римскихъ областей совершались впослѣдствіи вовсе не дружинами, какъ это долго воображали себѣ историки, а народными или земскими ополченіями.

Ихъ первыя наступательныя движенія.

Таково приблизительно было состояніе германскаго міра въ эпоху Тацита (во II стол.). Отношенія его къ имперіи со временъ Августа, когда римлянамъ не удалось утвердиться по ту сторону Рейна, были постоянно враждебны, но рейнская и дунайская гра-

ницы были такъ хорошо защищены крѣпостями, многочисленными легіонами и собственными раздорами германскихъ племенъ, что римское государство долго еще могло не только считать себя съ этой стороны безопаснымъ, но даже пользоваться значительнымъ вліяніемъ внутри самой Германіи и получать оттуда отличныхъ наемниковъ для своихъ собственныхъ армій. Такъ было до половины III стол. Когда неурядицы и гнетъ военнаго деспотизма разстроили силы имперіи, отношенія эти измѣнились къ худшему, — тѣмъ болѣе, что къ тому же времени и сама Германія мало по малу совершенно измѣнила свой прежній политическій видъ. Вмѣсто множества мелкихъ народцевъ въ разныхъ мѣстахъ ея возникаютъ большіе военные союзы, — саксовъ, по морскому берегу отъ Эльбы до Рейна, франковъ, на нижнемъ Рейнѣ, алемановъ на среднемъ и готовъ на Дунаѣ.

Причина образованія этихъ союзовъ заключалась въ напорѣ сѣверныхъ германскихъ племенъ, — саксовъ и готовъ, жившихъ прежде у Балтійскаго моря, на племена среднія и южныя, вслѣдствіе чего и эти послѣднія тоже должны были сплотиться въ большія народныя массы (франки и алеманы), какъ для отпора пришельцамъ, такъ и для борьбы съ римской имперіей, къ предѣламъ которой они были теперь потѣснены. При тогдашнихъ неустройствахъ въ имперіи римская провинція Бельгійская Галлія (Belgica) къ исходу III стол. мало по малу была занята франками, десятинное поле — алеманами, а Дакія готами. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ это время воинственные варварскіе народы громаднымъ полукругомъ обхватываютъ имперію съ сѣвера и востока и, какъ бы по данному сигналу, разомъ начинаютъ на нее съ этихъ сторонъ наступленіе [1]).

с) Императоры-товарищи.

Діоклеціанъ (284—305).

Въ виду такихъ трудныхъ обстоятельствъ, когда имперіи грозило формальное распаденіе и отъ честолюбія буйныхъ и избалованныхъ генераловъ, изъ которыхъ каждый стремился къ

---

[1]) См. Waitz Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. I; 2-te Aufl. Kiel. 1865; Wietersheim Geschichte der Völkerwanderung (1881); Arnold Deutsche Urzeit; F. Dahn Urgeschichte der romanischen u. germanischen Völker; М. Куторга, Политическое устройство древнихъ германцевъ (Спб. 1837); „Міръ римскій и міръ варварскій въ 1—5 вѣкахъ отъ Р. Х.“ (Отеч. Зап. 1852. LXXXI—II); Лавровскій Германская миѳологія (Русск. Слово. 1860. IX); Н. Карѣевъ Религія древнихъ германцевъ по Тациту (Фил. Зап. 1874. VI); С. Моравскій Германцы до великаго переселенія народовъ (въ „Кн. для чтенія по ист. среднихъ вѣковъ“, составл. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. I. 3 изд. М. 1904); В. Розановъ Религія германцевъ (тамъ же). *Ред.*

верховной власти, и отъ натиска варваровъ съ сѣвера и востока, нужны были чрезвычайныя мѣры и коренныя преобразованія, способныя устранить два главныя зла, отъ которыхъ болѣе всего страдало государство—незаконность монархіи, опиравшейся дотолѣ лишь на одной силѣ, и неопредѣленность престолонаслѣдія.

Первая попытка такихъ преобразованій была предпринята Діоклеціаномъ, который, одолѣвъ соперниковъ, въ 284 г. достигъ верховной власти. Діоклеціанъ, своими талантами и счастіемъ возвысившійся до порфиры изъ низменной доли далматскаго раба, честолюбивый, подобно всѣмъ выскочкамъ, именно поэтому способенъ былъ болѣе всякаго другого облечь императорскую власть тѣмъ недоступнымъ величіемъ и законнымъ, священнымъ характеромъ, котораго ей недоставало. Такъ онъ первый изъ римскихъ цезарей формально и открыто принялъ титулъ государя и назывался уже не princeps, consul, imperator и проч., а dominus, [причемъ все, что относилось къ его особѣ, стало обозначаться эпитетами „sacrum“ и „sacratissimum“]. Окружавшіе его юристы не замедлили подыскать для этого новаго сана подходящія основанія въ правѣ, перенесши на монарха, какъ верховнаго и единственнаго представителя имперіи, всю ту безграничную власть, которую по понятіямъ древнихъ имѣло государство надъ каждымъ изъ своихъ отдѣльныхъ членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Діоклеціанъ окружилъ себя пышнымъ церемоніаломъ, напоминавшимъ дворы восточныхъ деспотовъ, и ввелъ обычай привѣтствовать императора не салютаціей, т.-е. простымъ поклономъ, какъ было прежде, а адораціей или паденіемъ ницъ предъ его особой [1]). Для того же, чтобы успѣшнѣе защищать государство отъ внѣшнихъ враговъ, на него напиравшихъ, и установить какую-нибудь правильность въ наслѣдованіи верховной власти, имперія раздѣлена была имъ между четырьмя правителями,—двумя августами и цезарями: „августомъ“ Востока и вмѣстѣ верховнымъ главою всего государства сдѣлался самъ Діоклеціанъ, утвердившій столицу свою въ виѳинскомъ городѣ Никомедіи, а управленіе иллирійскими провинціями поручившій своему „цезарю“ — Галерію, между тѣмъ какъ военный товарищъ его Максиміанъ назначенъ былъ августомъ Запада, а подчиненный ему цезарь Констанцій Хлоръ управлялъ Галліей. Цезари, усыновленные августами, должны были черезъ 20 лѣтъ поступить на ихъ мѣсто, усыновивъ себѣ новыхъ цезарей; но собственные сыновья правителей

[1]) Beurlier Le culte impérial, son histoire et son organisation, depuis Auguste jusqu'à Justinien. Thorin. 1891. *Red.*

устранены были отъ правъ наслѣдованія,—конечно для того, чтобы успокоить честолюбіе генераловъ, открывъ имъ законный путь къ достиженію верховной власти. Власть эта по идеѣ оставалась впрочемъ единою и нераздѣльною и только имѣла четырехъ представителей, но такихъ однако, изъ коихъ каждый имѣлъ право дѣлать распоряженія въ области своихъ товарищей.

Какъ ни искусственна была эта система, но, благодаря твердости Діоклеціана, умѣвшаго держать всѣ нити ея въ своихъ желѣзныхъ рукахъ, она все таки на время спасла распадавшееся государство. Спокойствіе было въ немъ возстановлено, и натиску внѣшнихъ враговъ положенъ предѣлъ,—у персовъ даже вновь отнята была захваченная ими Месопотамія. Но, когда по прошествіи 20 лѣтъ Діоклеціанъ дѣйствительно отказался отъ власти, заставивъ сдѣлать то же и другого августа—Максиміана, а на ихъ мѣсто вступили цезари Галерій и Констанцій, усыновивъ себѣ новыхъ цезарей, Севера и Максимина, то наслѣдственность, лежащая въ природѣ всякой монархіи, проложила и тутъ себѣ дорогу и насильственно возстановила свои права: сынъ Констанція Хлора Константинъ отнялъ Галлію у Максимина, а сынъ Максиміана Максенцій вытѣснилъ изъ Италіи Севера. Основной принципъ діоклеціановой тетрархіи былъ такимъ образомъ нарушенъ, а вслѣдъ затѣмъ рушился и весь установленный имъ порядокъ, когда между новыми правителями возгорѣлись междоусобія, исходъ которыхъ доставилъ торжество Константину, одолѣвшему сперва Максенція, а потомъ правителя Востока Лициніа и сдѣлавшемуся въ 325 г. опять единодержавнымъ повелителемъ всей имперіи.

d) Христіанскіе императоры.

Константинъ Великій (325—337).

Діоклеціану безспорно принадлежитъ заслуга возстановленія спокойствія и силы имперіи посредствомъ тѣхъ новыхъ основаній, на которыхъ онъ утвердилъ верховную власть, посредствомъ огражденія границъ и прекращенія постоянныхъ узурпацій со стороны своевольныхъ войскъ и ихъ честолюбивыхъ генераловъ. Правда, замѣна прямой наслѣдственности искусственнымъ усыновленіемъ и раздѣленіе верховной власти между многими правителями скоро погубили его систему; но задуманная имъ реформа заключала въ себѣ столько цѣлесообразнаго, что основными началами ея воспользовался и Константинъ Великій для коренного и окончательнаго преобразованія всего государственнаго устройства имперіи, устранивъ конечно тѣ слабыя

стороны, которыя помѣшали дѣлу Діоклеціана упрочиться на долгое время.

Прежде всего Константинъ позаботился поэтому о возстановленіи единства и нераздѣльности верховной власти, которую думалъ сдѣлать наслѣдственною въ своемъ потомствѣ; затѣмъ, сохранивъ самодержавный характеръ діоклеціановой монархіи, сталъ искать для нея опоры не въ однихъ отвлеченныхъ опредѣленіяхъ права и не въ однихъ войскахъ, а въ новой созданной имъ администраціи. Онъ уничтожилъ окончательно сенатъ, какъ высшее правительственное мѣсто, и сосредоточилъ все государственное управленіе въ своемъ дворцѣ, поручивъ отдѣльныя отрасли его особымъ министрамъ, которые занимали также и разныя придворныя должности. Такъ оберъ-камергеръ его (praepositus sacri cubiculi) былъ вмѣстѣ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта (consistorium principis); comes sacrarum largitionum, завѣдывавшій расходами двора, былъ въ то же время и министромъ финансовъ; magister officiorum, служившій главнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ императора съ подданными, исполнялъ обязанности министра внутреннихъ дѣлъ; quaestor, заготовлявшій бумаги для подписи императору, былъ чѣмъ-то въ родѣ государственнаго канцлера. Каждый изъ этихъ сановниковъ (такъ наз. dignitates Palatinae) въ свою очередь окруженъ былъ огромнымъ штатомъ низшаго чиновничества разныхъ наименованій и степеней съ опредѣленнымъ содержаніемъ, титуломъ, кругомъ дѣйствій и—по духу времени—со строгою іерархическою субординаціею на военный ладъ.

Провинціальное управленіе тоже было совершенно преобразовано. Въ основаніе этого преобразованія легло отдѣленіе гражданской власти отъ военной, соединявшейся прежде въ рукахъ проконсуловъ и другихъ областныхъ правителей. Затѣмъ вся имперія въ административномъ отношеніи раздѣлена была на четыре префектуры (Италія, Иллирикъ, Востокъ и Галлія), и каждая ввѣрена особому намѣстнику, называвшемуся praefectus praetorio. Префектуры въ свою очередь дѣлились на діоцезы, управлявшіяся викаріями, а діоцезы опять подраздѣлялись на меньшіе административные округа — провинціи, подчиненныя корректорамъ. Всѣхъ діоцезъ считалось въ имперіи 12, а всѣхъ провинцій 116.

Но только судъ и администрація находились въ вѣдѣніи этихъ чиновниковъ, военное же управленіе имперіи сосредоточивалось въ рукахъ особаго высшаго начальника, называвшагося

magister utriusque militiae и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи еще двухъ главныхъ начальниковъ,—magister peditum для пѣхоты и magister equitum для конницы. Отдѣльныя же части войскъ состояли подъ командою 35 подчиненныхъ имъ генераловъ, которые именовались duces и comites. Число легіоновъ было значительно увеличено, а ихъ объемъ въ пять разъ уменьшенъ; кромѣ того взамѣнъ упраздненныхъ при Константинѣ преторіанскихъ когортъ учреждена привилегированная дворцовая гвардія, дѣлившаяся на три части (scholares, domestici и protectores) и представлявшая первый образчикъ тѣхъ парадныхъ войскъ, которыя возвышаютъ великолѣпіе и блескъ современныхъ намъ европейскихъ дворовъ [1])

Содержаніе этого огромнаго штата военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ стоило государству очень дорого. Высшіе придворные и государственные чины получали жалованье по сту фунтовъ золота и болѣе, а генералы были обставлены такъ богато, что могли держать по 200 человѣкъ прислуги и столько же лошадей. Сверхъ того сильная армія, пышность двора, наполненнаго цѣлыми толпами разной челяди, десять тысячъ шпіоновъ, называвшихся curiosi и разсѣянныхъ по всему государству,—все это требовало такихъ издержекъ, которыхъ не могли уже покрыть прежніе доходы имперіи. И вотъ Константинъ вводитъ новую финансовую систему, весьма обременительную, какъ по количеству разныхъ сборовъ, такъ и по способу ихъ взиманія. Особенно тяжела была подать indictio, падавшая на все движимое и недвижимое имущество гражданъ и собиравшаяся каждые 15 лѣтъ по кадастральнымъ переписямъ особыми чиновниками (censitores) съ такою жестокостью, что христіанскій писатель IV в. Лактанцій уподобляетъ мѣстность, посѣщенную этими сборщиками, городу, испытавшему всѣ бѣдствія непріятельскаго приступа. Но кромѣ этой было много и другихъ податей—поголовщина, подать съ ремеслъ, такъ назыв. добровольныя приношенія и проч. [2]).

Для довершенія своей государственной реформы Константинъ

---

[1]) Съ различными степенями іерархической лѣстницы, установившимися при Діоклеціанѣ, Константинѣ В. и позднѣйшихъ императорахъ, знакомитъ насъ важный памятникъ V вѣка „Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium, quam militarium, in partibus Orientis et Occidentis“. Это родъ статистическихъ таблицъ, заключающихъ въ себѣ обзоръ должностной дѣятельности высшихъ и низшихъ чиновниковъ имперіи, описаніе внѣшнихъ знаковъ ихъ служебнаго достоинства, объясненіе подробностей почтоваго устройства и т. п. *Ред.*

[2]) См. Savigny „Ueber die römische Steuerverfassung unter den Kaisern“ (во 2-мъ томѣ его „Vermischte Schriften“). *Ред.*

и самую столицу имперіи перенесъ изъ Рима въ древнюю Византію, начавшую съ того времени называться Константинополемъ. Кромѣ выгоднаго торговаго положенія этого пункта и его близости къ сѣверо-восточнымъ предѣламъ государства, наиболѣе угрожаемымъ варварами, императоръ руководился при этомъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь республиканскія воспоминанія, которыхъ такъ много было въ Римѣ, не могли уже стѣснять его бюрократической монархіи и вредить установленной имъ новой правительственной системѣ.

Христіанство.

Наконецъ, какъ глубокій политикъ и дальновидный государственный человѣкъ, Константинъ призвалъ къ содѣйствію своимъ преобразованіямъ и ту великую нравственную силу, которая до тѣхъ поръ была презираема, а нерѣдко даже и гонима въ имперіи,—христіанство.

Проповѣдь Спасителя помимо божественности возвѣщенныхъ Имъ истинъ и возвышеннаго нравственнаго своего содержанія имѣла предъ всѣми языческими ученіями то преимущество, что посреди величайшаго общественнаго неравенства, эгоизма сильныхъ и тяготѣвшаго надъ всѣми гнета она даровала людямъ утѣшительную религію любви и приняла подъ свое особенное покровительство всѣхъ слабыхъ, бѣдныхъ и угнетенныхъ,—а какъ такихъ въ то время было огромное большинство, то вотъ первая и главная историческая причина необыкновенно быстраго распространенія христіанства. Вторая же заключалась во всеобщемъ, всечеловѣческомъ характерѣ этой религіи, не связанной ни съ какимъ временемъ, мѣстомъ или народностью, какъ всѣ натуральныя религіи древности, и потому по своему содержанію одинаково доступной всѣмъ народамъ, а по своей простотѣ—всѣмъ классамъ общества. Оттого то мы видимъ, что уже при ближайшихъ ученикахъ Спасителя Евангеліе разносится не только по всѣмъ почти областямъ имперіи, особенно восточнымъ, но, какъ свидѣтельствуютъ преданія, по торговымъ путямъ проникаетъ и за ея предѣлы,—въ Скиѳію, Парѳію, Индію, Аравію и Эѳіопію. Особенныя заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ двумъ первоапостоламъ новой вѣры Павлу и Петру. Первый былъ главнымъ организаторомъ христіанскихъ общинъ въ восточной половинѣ имперіи,—въ Греціи, Македоніи и Сиріи, второй же сдѣлалъ христіанство всемірной религіей, порвавши исключительную связь его съ іудействомъ (обрѣзаніе), и затѣмъ, насадивши Евангеліе въ самомъ Римѣ, сдѣлался тамъ, если вѣрить католической легендѣ, основателемъ ду-

ховнаго престола, которому суждено было впослѣдствіи имѣть столь важное вліяніе на судьбы человѣчества [1]).

Несмотря на все это, образованное римское общество и правительство отнеслись къ новой религіи сначала равнодушно, а потомъ недовѣрчиво и враждебно,—какъ потому, что религія эта, требуя отъ человѣка нравственной чистоты и самоотреченія, слишкомъ противорѣчила ихъ вкусамъ и наклонностямъ, такъ и потому, что ея послѣдователи, не отрицая установленныхъ властей и всего существующаго порядка, держали себя однако въ сторонѣ отъ мірскихъ дѣлъ, ставя цѣлью своей жизни не царство земное, какъ преходящее и полное всякой неправды, а вѣчное царство Божіе. Да и самымъ образомъ своей жизни, — простой, труженической, посвященной милосердію и любви, слишкомъ были они противоположны тогдашнему развратному и пресыщенному обществу, поглощенному исключительно матеріальными интересами, чтобы снискать его сочувствіе. Поэтому уже со временъ Нерона начинаются на христіанъ гоненія въ имперіи,—сначала мѣстныя и случайныя, а потомъ общія и сознательныя. Такихъ гоненій исторія христіанской церкви насчитываетъ десять, но только послѣднее изъ нихъ (діоклеціаново) проникнуто было полнымъ сознаніемъ всей непримиримости новой религіи съ цѣлымъ строемъ римско-языческаго міра и потому отличалось особенною жестокостью и безпощаднымъ преслѣдованіемъ христіанства во всѣхъ частяхъ государства. Христіанъ лишали всѣхъ правъ, какими они пользовались въ качествѣ римскихъ гражданъ, и даже самой свободы, если адептами Христова ученія оказывались вольноотпущенники; ихъ храмы разрушались до основанія, а за-одно съ храмами зачастую предавались опустошенію и цѣлыя населенныя мѣстности. Однако, несмотря на это, послѣ каждаго гоненія число вѣрующихъ увеличивалось, какъ возрастала и твердость ихъ новой религіи, и кровь мучениковъ, по справедливому выраженію Тертулліана, была сѣменемъ, изъ котораго выростали сотни и тысячи новыхъ ревнителей: такъ дорога уже была для массы эта религія, своими обѣтованіями составлявшая единственное ея утѣшеніе въ ту безотрадную эпоху! Гоненія такимъ образомъ только способствовали успѣхамъ христіанства,—тѣмъ болѣе, что гонимые, спасаясь отъ преслѣдованія, разносили Евангеліе все далѣе и далѣе. Въ этомъ смыслѣ и разрушеніе Іерусалима въ 70-мъ г. имѣетъ важное значеніе въ исторіи новой вѣры, такъ какъ разсѣявшіеся оттуда по

[1]) Ф. В. Фарраръ Жизнь и труды Св. ап. Павла (перев. А. П. Лопухина). Спб. 1887. *Ред.*

разнымъ странамъ христіане тоже много способствовали распространенію евангельской проповѣди [1]).

Но не одни матеріальныя преслѣдованія,—юному христіанству пришлось выдержать еще болѣе трудную духовную борьбу съ древнимъ политеизмомъ имперіи и философскими ученіями вѣка. Центромъ этой борьбы, начавшейся со II ст., сдѣлалась Александрія, бывшая въ то время главною представительницею греко-римской образованности. Сводная или эклектическая философія александрійская, называвшаяся также неоплатонизмомъ, потому что представляла смѣсь древняго платонова ученія съ восточными теософическими системами, силилась также ввести въ свой составъ и христіанскую религію, примирить или по крайней мѣрѣ амальгамировать ее съ древнимъ полетеизмомъ, для чего знаменитѣйшіе неоплатоники III в. Плотинъ, Лонгинъ, Порфирій при помощи разныхъ произвольныхъ толкованій и натяжекъ старались отыскать въ древнихъ миѳахъ, мистеріяхъ и культахъ то какой-то глубокій аллегорическій смыслъ, то всеобщую идею единобожія, будто бы всѣмъ имъ присущую, то наконецъ такую возвышенную мораль, которая бы поставила ихъ наравнѣ съ евангельскими идеалами [2]). Мало того, философія эта часто вторгалась въ ученіе самой христіанской церкви и въ формѣ разныхъ ересей усиливалась извратить его смыслъ. Къ числу самыхъ опасныхъ еретиковъ принадлежали гностики въ II и манихейцы въ III вѣкѣ. Тѣ и другіе вносили въ христіанскую доктрину значительныя измѣненія подъ вліяніемъ различныхъ религій Востока, особенно же древне-персидскаго маздеизма, съ которымъ хотѣли привести ее въ согласіе. Для того, чтобы успѣшно, т. е. равнымъ оружіемъ, бороться съ этими чуждыми покушеніями, церковь должна была впервые облечь

[1]) V. Schulze Gesch. des Untergangs des griechisch-römischen Heidenthums. 2 B. de. Jena. 1887—92; E. Renan Les origines du christianisme; его же Les Evangiles et la seconde génération chretienne. P. 1877; W. Addis Christianity and the Roman empire. London. 1893; E. Hardy Christianity and the Roman government. L. 1894; Gaston Boissier La fin du paganisme. P. 1891 (русск. перев. подъ ред. М. Корелина подъ загл. „Паденіе язычества". 2 т. М. 1893); O. Grupp назв. соч.; O. Seeck Gesch. des Untergangs der antiker Welt; H. v. Arneth Das klassische Heidenthum u. die christliche Religion. 2 Bde. Wien. Въ русской литературѣ: М. П. Петровъ „Евангеліе въ исторіи" (въ „Очеркахъ изъ всем. ист."); Ешевскій „Очерки язычества и христіанства" (Собр. соч." т. I); А. Лебедевъ „Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ В." (М. 1885); Е. Лебедевъ Гоненія на христіанъ въ римской имперіи до Константина В. Спб 1899; А. Н. Муравьевъ „Первые четыре вѣка христіанства" (Изд. 3-е. Спб. 1866); Архим. Хрисанеъ „Религія древ. міра въ ихъ отношеніи къ христіанству" (Спб. 1872 сл.) и мн. др. *Ред.*

[2]) О неоплатонизмѣ см. М. Владиславлева „Философія Плотина, основателя неоплатоновой школы" (Спб. 1868); Bigg Neoplatonism. L. 1895. *Ред.*

свои простыя и вѣчныя истины въ философскую форму и выставить съ своей стороны ученыхъ писателей, которые бы защитили чистоту и независимость христіанскаго ученія и установили правильный смыслъ его. Изъ религіи сердца, проповѣданной нѣкогда рыбаками и плотниками, христіанство сдѣлалось наукой, знаменитѣйшіе представители которой,—такъ наз. Отцы Церкви,—создали христіанскую догматику. Это были Іустинъ, Оригенъ, Климентъ Александрійскій, Василій Великій, Григорій Назіанзинъ—на Востокѣ, Амвросій Миланскій, св. Іеронимъ и бл. Августинъ—на Западѣ [1]).

Наконецъ посреди преслѣдованій общественныхъ и духовной борьбы съ языческимъ образованіемъ развились и первыя учрежденія христіанской церкви,—отдѣленіе отъ мірянъ клира или духовенства, какъ особаго сословія, установленіе іерархіи и монашество, развившееся впрочемъ не ранѣе временъ Авреліана, когда св. Антоній положилъ ему начало на Востокѣ, на Западъ же проникшее лишь при Константіи, когда одинъ изъ его легіонеровъ Мартинъ основалъ въ Галліи первый монастырь. Клиръ и его іерархія способствовали не только сближенію всѣхъ христіанъ во имя общихъ духовныхъ интересовъ, но и болѣе тѣсному и организованному союзу ихъ между собою для защиты, распространенія и внутренняго устройства церкви,—союзу, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи и значительныя денежныя средства. Выходитъ, стало быть, что, съ какой стороны ни посмотрѣть, христіанство къ концу III-го вѣка было уже въ имперіи силой, которая морально властвовала надъ народными массами и которую правительство не могло долѣе игнорировать; а подозрѣніе въ заговорѣ, павшее при Діоклеціанѣ на христіанъ, будто бы замышлявшихъ государственный переворотъ съ цѣлью доставить себѣ господствующее положеніе въ имперіи, показываетъ, какъ опасна была эта сила уже и въ политическомъ отношеніи,—тѣмъ болѣе, что она выросла и развилась независимо отъ государства и во многихъ отношеніяхъ была ему совершенно противоположна и даже враждебна.

И вотъ Константинъ вмѣсто того, чтобы преслѣдовать христіанство и безполезно стараться подавить его, какъ дѣлали это столь многіе изъ его предшественниковъ, поставилъ своей задачей

---

[1]) Творенія свв. Отцовъ Церкви и вообще древнихъ христіанскихъ писателей по большей части существуютъ въ русскихъ переводахъ, изданныхъ главнымъ образомъ московскою духовною академіею. Ф. В. Фарраръ Жизнь и труды свв. Отцовъ и учителей Церкви. Очерки церковной исторіи въ біографіяхъ (перев. А. П. Лопухина. Спб. 1891). *Ред.*

привлечь его на сторону имперіи, дать ему законное мѣсто и даже воспользоваться имъ для своихъ государственныхъ цѣлей. Не одно лишь усердіе къ вѣрѣ, но и политическій разсчетъ руководилъ имъ въ этомъ случаѣ. Правда, благодаря своему біографу, кесарійскому епископу Евсевію, Константинъ, какъ человѣкъ и правитель, долгое время представлялся потомству нѣсколько въ идеализованномъ свѣтѣ равноапостольнаго ревнителя новой вѣры; но современная критическая исторія знаетъ его также и какъ дальновиднаго монарха, покровительствовавшаго христіанамъ не изъ одного лишь сочувствія къ нимъ,—сочувствія, столь естественнаго въ ученикѣ Лактанція и сынѣ св. Елены,—но и потому, что онъ видѣлъ въ нихъ силу, способную поддержать и укрѣпить созданный имъ новый порядокъ вещей. Въ такомъ видѣ напр. изображаетъ его дѣятельность Буркгардтъ, пришедшій къ тому заключенію, что Константинъ, какъ политикъ, сначала былъ довольно равнодушенъ къ религіознымъ различіямъ, имѣя скорѣе въ виду установить какія то среднія примирительныя формы культа, и только въ самые послѣдніе годы своего правленія рѣшительно склонился на сторону христіанъ, принявъ святое крещеніе почти уже на смертномъ одрѣ. Христіанская вѣра сдѣлалась такимъ образомъ господствующею въ римской имперіи самою силою вещей, Константину же принадлежитъ та заслуга, что онъ понялъ направленіе этой силы и во-время предъ нею преклонился.

Тѣмъ не менѣе при Константинѣ Великомъ церковь получила такую организацію, основныя черты которой удержались и понынѣ и которая сдѣлала ее могущественной корпораціей съ огромными матеріальными и нравственными средствами. На христіанское духовенство перенесены были многія привилегіи языческихъ жрецовъ,—право собственнаго суда, богатое содержаніе отъ государства (земли и десятины), свобода отъ податей и военныхъ повинностей, право получать всякіе вклады, приношенія и наслѣдства; христіанскимъ храмамъ дано право убѣжища, а епископамъ—значительная судебная власть даже въ дѣлахъ гражданскихъ. Благотворительныя учрежденія и воспитаніе юношества поставлены тоже подъ надзоръ духовенства; неприкосновенность же догмы или самаго ученія церкви ограждена правительствомъ, которое стало смотрѣть теперь на всякое отъ нея уклоненіе, на всякую ересь, какъ на преступленіе государственное. Наконецъ по образцу служебно-гражданскаго чиноначалія окончательно развита и церковная іерархія, такъ какъ епископы главныхъ городовъ имперіи,—Рима, Константинополя, Александріи, Антіохіи и

Іерусалима,—съ титулами митрополитовъ получили первенствующее положеніе въ средѣ духовенства и родъ административнаго контроля надъ другими епископами.

Но, вошедши въ составъ государства и получивъ отъ него такое могущество и столько средствъ собственнаго вліянія, церковь наравнѣ съ мірскими учрежденіями подчинилась государству, пришла отъ него въ нѣкоторую зависимость, съ чѣмъ впрочемъ согласовался и древній основной принципъ христіанства, учившаго, что всякая власть происходитъ отъ Бога. Имперія Константина В. нашла, стало быть, въ церкви ту нравственную опору, которой именно ей не доставало,—опору общественнаго мнѣнія огромнаго большинства,—и, благодаря этому, могла просуществовать еще на Западѣ полтораста лѣтъ, а на Востокѣ болѣе тысячи. Впрочемъ, лишь только христіанство сдѣлалось оффиціальной, государственной религіей, то и сама церковь получила въ имперіи такую сильную поддержку, что отнынѣ спокойно могла смотрѣть на будущее. Такъ, только благодаря этой поддержкѣ, удалось ей еще въ константиново время избавиться отъ страшной опасности, грозившей основному догмату христіанства,—ученію о божественности Христа. Пресвитеръ Арій подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ гностическихъ представленій, бывшихъ въ Александріи, да и на всемъ Востокѣ, въ такомъ ходу, сталъ учить, что Спаситель не равенъ, а только подобенъ Богу Отцу, и притомъ сотворенъ имъ. Христіане низводились, слѣдовательно, на степень язычниковъ, поклонявшихся твари наравнѣ съ Творцемъ, и живая вѣра замѣнялась тонкими философскими умствованіями, недоступными для большинства. Для рѣшенія этого капитальнаго вопроса Константинъ В. созвалъ въ 325 г. первый вселенскій соборъ въ Никеѣ, на которомъ присутствовало 318 епископовъ и который подъ предсѣдательствомъ самого императора и подъ главнымъ вліяніемъ св. Аѳанасія Великаго не только осудилъ аріанизмъ, какъ ересь, но, чтобъ и на будущее время отвратить возможность подобныхъ заблужденій и смутъ, составилъ извѣстный символъ нашей вѣры или нормальное ея исповѣданіе, обязательное для всѣхъ православныхъ христіанъ, формулировавъ такимъ образомъ окончательно все предшествовавшее развитіе христіанской догматики [1]).

---

[1]) См. Burckhardt „Die Zeit Konstantin's des Grossen“ (Basel. 1853); Keim „Konstantin's Uebergang zum Christenthum“ (Zürich. 1862); Lasaulx „Der Untergang des Hellenismus und die Erziehung seiner Tempelgüter durch die christlichen Kaiser“ (München. 1854); Duc de Broglie „L'Eglise et l'empire romain au

Преемники Константина В. Христіанство.

[Миръ внѣшній и внутренній, дарованный римскому государству мудрымъ правленіемъ Константина, снова нарушился съ его смертью. Между многочисленными членами царскаго дома возникли раздоры и смуты, и жертвами кровавой усобицы стали двое родныхъ братьевъ и шесть племянниковъ покойнаго императора, не говоря уже о множествѣ лицъ изъ числа родовой и служебной знати. Правда, скоро состоялось между оставшимися въ живыхъ тремя сыновьями Константина соглашеніе, въ силу котораго каждый изъ нихъ получилъ въ управленіе извѣстную часть громадной римской державы, но и это соглашеніе продолжалось недолго: не прошло и трехъ лѣтъ, какъ старшій изъ братьевъ Константинъ II погибъ въ борьбѣ съ младшимъ — Константомъ, а еще черезъ десять лѣтъ и Констанъ былъ умерщвленъ однимъ изъ собственныхъ генераловъ Магненціемъ, дерзко присвоившимъ себѣ порфиру и земли убитаго. Тогда послѣдній изъ сыновей константиновыхъ Констанцій II ополчился противъ узурпатора, и снова въ теченіи слишкомъ двухъ лѣтъ пришлось имперіи испытывать всѣ ужасы междоусобной войны, пока наконецъ Магненцій, стѣсненный своимъ противникомъ и покинутый всѣми сообщниками, не лишилъ самъ себя жизни и нарушенное тринадцатилѣтнею тріархіею единодержавіе опять не было возстановлено (353 г.).

Впрочемъ государство мало отъ того выиграло: въ противоположность своему великому родителю Констанцій,—и какъ человѣкъ, и какъ правитель,—былъ полнымъ ничтожествомъ. Недалекій отъ природы, подозрительный, слабохарактерный и жестокій,—онъ позволилъ толпѣ шпіоновъ и доносчиковъ, его окружавшихъ, опутать себя сѣтью недостойныхъ интригъ и уже оказался не въ состояніи противодѣйствовать ни все сильнѣе и сильнѣе разгоравшейся борьбѣ христіанъ съ аріанами, ни новому натиску персовъ на восточные предѣлы имперіи, ни наконецъ возстанію галльскихъ легіоновъ, вдругъ отказавшихъ ему въ повиновеніи и провозгласившихъ „августомъ“ его двоюроднаго брата Юліана. Посреди нерѣшительныхъ и вялыхъ приготовленій къ войнѣ съ соперникомъ онъ умеръ на сорокъ пятомъ году, очистивъ такимъ образомъ ему путь къ престолу и не ознаменовавъ своего царствованія ничѣмъ кромѣ ряда казней и тайныхъ убійствъ.

IV siècle“; C. Schmidt „Sur la societé civile dans le monde romain et sur sa transformation par le Christianisme“ (Strasb. 1863; нѣм. перев. Рихарда); Baur „Das Christenthum u. die christliche Kirche der drei ersten Jahrhunderte“ (2 Aufl. Tübing. 1860); см. также литературныя указанія на стр. 351. *Ред.*

Юліанъ Отступникъ (361—368).

Преемникомъ Констанція оказался человѣкъ совершенно иного пошиба: По своимъ вкусамъ и склонностямъ Юліанъ былъ скорѣе ученымъ, нежели государственнымъ мужемъ,—скорѣе мечтателемъ, нежели политикомъ. Неоплатоникъ по образованію и страстный поклонникъ языческой древности,—государь этотъ вздумалъ-было воспользоваться доставшеюся ему верховною властью, чтобы возстановить древній политеизмъ. Дѣйствуя не столько открытою силою, сколько то обольщеніемъ, то ученой полемикой, то искусственнымъ подновленіемъ выдохшагося язычества на манеръ александрійскихъ эклектиковъ, онъ тотчасъ по вступленіи на престолъ предпринялъ упорную борьбу съ христіанствомъ. Онъ отнялъ у церкви дарованныя ей Константиномъ В. привилегіи, запретилъ христіанскимъ учителямъ преподавать въ школахъ, закрылъ для христіанъ доступъ къ общественнымъ должностямъ. Всѣ эти мѣры однако не повели ни къ чему: благодаря своей твердой организаціи и огромному общественному вліянію, ею обусловленному, церковь уже могла не бояться преслѣдованій, обличавшихъ въ императорѣ полное непониманіе духа времени и обстоятельствъ. Всѣ начинанія Отступника, какъ прозванъ былъ Юліанъ своими противниками, являлись анахронизмомъ и потому рушились съ его гибелью въ несчастномъ походѣ противъ персовъ [1])]. А немного лѣтъ спустя, въ исходѣ IV стол., Ѳеодосій Великій доставилъ уже христіанству полное и окончательное торжество въ имперіи подавленіемъ аріанъ, въ отличіе отъ которыхъ послѣдователи никейскаго исповѣданія стали теперь чаще и чаще обозначаться именемъ католиковъ въ смыслѣ православныхъ, далѣе—запрещеніемъ подъ страхомъ строгихъ наказаній приносить жертвы языческимъ богамъ и повсемѣстнымъ разрушеніемъ ихъ храмовъ, наконецъ возвеличеніемъ авторитета церкви, примѣръ сыновняго уваженія къ которой подалъ онъ самъ, смиренно подчинившись эпитиміи, наложенной на него архіепископомъ миланскимъ Амвросіемъ. Съ этого времени общественное положеніе христіанства могло считаться упроченнымъ. Хотя языческіе культы и суевѣрія

---

[1]) Источниками для ознакомленія съ дѣятельностью Юліана кромѣ его собственныхъ писемъ служатъ сочиненія Кирилла Александрійскаго, Созомена, Эпифанія, Ѳеодорита, Либанія, особенно же Амміана Марцеллина, бывшаго товарищемъ военныхъ подвиговъ императора, и Эвнапія, его энкоміаста. Новѣйшая литература, сюда относящаяся, очень богата. Указанія на нее см. у H. Rendall'я „The Emperor Julian, paganism and Christianity“ (Cambridge. 1879); болѣе новая работа—A. Gardner Julian, philosopher and emperor, and the last struggle of paganism against Christianity. (1895). Ю. Кулаковскій и А. Сонни Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Перев. съ лат. Вып. I. Кіевъ 1906. *Ред.*

долго еще жили въ простонародьѣ, скрываясь отъ преслѣдованій правительства и духовенства по селамъ и захолустьямъ, но теперь въ насмѣшку ихъ называли уже паганизмомъ, т.-е. деревенщиной.

Недостатки новой организаціи имперіи

Но христіанство, примиренное съ имперіей и какъ бы органически привитое къ ней Константиномъ В. и его преемниками, обновивъ нравственныя силы римскаго общества, не исцѣлило однако двухъ коренныхъ соціальныхъ золъ, которыми страдала его новая организація,—деспотизма правительства, убившаго въ немъ всякую самодѣятельность, и его экономическаго истощенія,—и эти то два недуга и сдѣлались впослѣдствіи главными причинами его политической смерти, послѣдовавшей полтора вѣка спустя послѣ Константина.

а) Государственная централизація и бюрократія.

Всепоглощающая государственная централизація и правительственная бюрократія, созданныя Константиномъ В., уничтожили послѣдніе остатки гражданской свободы, а съ нею и мѣстнаго самоуправленія, самопочина и самодѣятельности гражданъ. Съ того времени, какъ сенатъ сдѣлался только высшимъ судебнымъ мѣстомъ имперіи, вся правительственная власть очутилась въ рукахъ іерархически-организованнаго, формалистическаго и жаднаго чиновничества, равно тяготѣвшаго надъ всѣми сословіями и учрежденіями,—патриціатомъ или почетнымъ монархическимъ дворянствомъ, появившимся со временъ Константина, куріалами или членами муниципальныхъ сенатовъ, называвшихся куріями, колонами или мелкими земельными собственниками и арендаторами, городскою чернью или плебсомъ, состоявшимъ изъ мелочныхъ промышленниковъ и пролетаріевъ, и рабами, на долю которыхъ приходилась половина всего населенія имперіи. Не говоря уже о рабахъ, которые и за людей то не считались, даже тѣ классы общества, коимъ законъ предоставлялъ извѣстныя права, не могли ими пользоваться, такъ какъ права эти ничѣмъ не были ограждены отъ произвола хищной и самоуправной администраціи. Такъ же точно и учрежденія. Господствующей формой общественнаго быта у римлянъ была городская жизнь, такъ наз. муниципіи, которыми въ обширномъ смыслѣ въ послѣднее время стали именоваться уже всѣ города, различавшіеся прежде своими правами, какъ колоніи, муниципіи, префектуры и проч. Устройство ихъ теперь было въ главныхъ чертахъ одинаковое и извѣстно подъ

общимъ именемъ „муниципальнаго“. Вездѣ муниципіями управляла курія или мѣстный совѣтъ, члены котораго и избираемые ими чиновники составляли городскую правительствующую аристократію. Но при Константинѣ вся распорядительная власть въ городахъ перешла въ руки императорскихъ провинціальныхъ чиновниковъ,— префектовъ, викаріевъ, корректоровъ, и городское самоуправленіе исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и благосостояніе, которымъ въ лучшія времена имперіи наслаждалась большая часть муниципій. О колонахъ же или свободномъ сельскомъ населеніи и говорить нечего: не имѣя для своихъ правъ даже и той номинальной опоры, какую давали горожанамъ муниципальныя учрежденія, они совершенно преданы были на жертву грабежа и произвола чиновниковъ [1]).

b) Экономическое исчощеніе.

Такимъ образомъ производительные классы общества лишены были необходимѣйшихъ условій успѣшнаго производства,— свободы труда и обезпеченности добытаго ими достатка. Отсюда — постепенное обѣднѣніе и численное уменьшеніе этихъ классовъ. Въ IV вѣкѣ въ Италіи и провинціяхъ было уже такое множество пустопорожнихъ земель, что государство принуждено было вызывать и селить на нихъ германскихъ и другихъ варварскихъ колонистовъ. Но и этотъ колонатъ, никогда впрочемъ не бывшій многочисленнымъ, истощался и исчезалъ очень быстро. Другая причина всеобщаго обѣднѣнія — это тяжкіе налоги, падавшіе на жителей имперіи временъ константиновой реформы, — и чѣмъ бѣднѣе становилось населеніе, тѣмъ больше возрастали эти налоги, такъ какъ увеличивались и военныя нужды государства, и расточительность двора, и штатъ чиновниковъ. Дошло до того, что въ Галліи цѣлый юго-восточный край этой страны возсталъ противъ этихъ нестерпимыхъ насилій и вымогательствъ, и правительству пришлось вести съ тамошними багодами или партизанскими шайками истребительную войну. Съ другой стороны по городамъ обнаружились не менѣе зловѣщіе признаки. Такъ какъ куріалы своимъ имуществомъ отвѣчали за исправный взносъ податей цѣлой муниципіи, то, спасаясь отъ неминуемаго разоренія, они всячески стараются ускользнуть изъ этого почетнаго сословія,—поступаютъ въ духовное званіе, записываются въ солдаты, тогда какъ колоны и городской рабочій людъ по тѣмъ же побужденіямъ толпами бѣгутъ къ варва-

---

[1]) М. Бѣлоруссовъ Колонатъ. Очеркъ возникновенія римскаго крѣпостного права. Варшава. 1903. М. И. Ростовцевъ Происхожденіе колоната („Филол. Обозр.“ XIX. 1900). *Ред.*

рамъ за Рейнъ и Дунай. Напрасно правительство рядомъ законодательныхъ мѣръ силится прикрѣпить куріала къ городу, земледѣльца къ землѣ: села и города пустѣютъ съ каждымъ годомъ, а оставшіеся несутъ тягости и за себя, и за бѣглыхъ и въ конецъ изнемогаютъ подъ этимъ бременемъ. Число рабовъ, — этой почти единственной рабочей силы въ государствѣ, такъ какъ промышленный трудъ считался унизительнымъ для гражданина, — также быстро уменьшалось отъ страшной смертности, отъ дурного содержанія и обращенія, отъ частыхъ побѣговъ къ варварамъ, а внѣшнія войны не доставляли уже, какъ прежде, все новыхъ и новыхъ милліоновъ этого живаго товара [1]).

И вотъ императоры второй половины IV в., какъ бы испугавшись распространяющагося запустѣнія и безлюдья, сами начинаютъ давать городамъ и сельскому населенію разныя льготы, призывать ихъ опять къ самоуправленію, отъ котораго они вѣками уже отвыкли. Колоны получаютъ право становиться подъ покровительство какихъ-нибудь сильныхъ и вліятельныхъ патроновъ, которые бы защищали ихъ отъ варваровъ и чиновниковъ, — внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, а города — избирать себѣ съ тою же цѣлью дефенсоровъ съ правомъ жаловаться на притѣсненія администраціи непосредственно самому императору и даже составлять съ сосѣдними городами оборонительные союзы, представительныя собранія которыхъ могли принимать мѣры для общей безопасности и благосостоянія. Но всѣ эти охранительныя мѣры пришли уже слишкомъ поздно, чтобы возбудить жизнь въ мертвомъ механизмѣ имперіи, изнеможенные жители которой сами стали желать нашествія варваровъ, какъ единственнаго исхода для ихъ невыносимыхъ страданій.

Вотъ, стало быть, ближайшая, хотя конечно и не единственная, причина разрушенія имперіи, — полное экономическое ея истощеніе, какъ неизбѣжный результатъ многовѣковыхъ усобицъ и неоглядnаго самоуправства администраціи. А иначе было бы совершенно непонятно, какъ громадная, высокообразованная и нѣкогда столь сильная держава могла быть по частямъ разрушена немногочисленными, полуварварскими, хотя бы воинственными, народами [2]).

---

[1]) M. Vanlaer La fin d'un peuple. La dépopulation de l'Italie au temps d'Auguste. Paris. 1895; I. Beloch Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipz. 1886. *Ред.*

[2]) См. Н. Карѣевъ. „Введеніе въ курсъ ист. древ. міра", стр. 93 сл. *Ред.*

Распаденіе имперіи на восточную и западную.

Но, прежде чѣмъ начался процессъ этого разрушенія варварами, сама имперія распалась на двѣ большія половины,—азіатскую и европейскую, восточную и западную. Основная причина этого явленія лежала безъ сомнѣнія въ той глубокой исторической противоположности, въ которой всегда стояли Востокъ и Западъ,—противоположности, которая не переставала высказываться даже и тогда, когда римское оружіе, законы и образованность соединили ихъ въ одно политическое цѣлое. Такъ Востокъ и Западъ боролись уже подъ знаменами Помпея и Цезаря, Антонія и Октавіана; потомъ при Діоклеціанѣ они уже имѣли особыхъ верховныхъ правителей—„августовъ“, и хотя Константинъ В. возстановилъ единодержавіе, но соединеніе имперіи послѣ него продолжалось лишь около 30 лѣтъ, такъ какъ по смерти преемника юліанова Іовіана въ виду тревожныхъ военныхъ обстоятельствъ времени два царственные брата, Валентиніанъ и Валентъ, въ 364 году опять раздѣлили между собой Востокъ и Западъ. Ѳеодосію Великому, правда, еще разъ удалось соединить подъ своимъ скипетромъ все римское государство, но это соединеніе было уже послѣднимъ. По смерти его (въ 395 г.) имперія окончательно распалась на два независимыя государства,—имперію восточную подъ управленіемъ старшаго сына Ѳеодосія—Аркадія и имперію западную, гдѣ правителемъ остался меньшой сынъ Ѳеодосія, малолѣтній Гонорій. По теоріи, правда, обѣ половины имперіи продолжали считаться частями одного цѣлаго, но глубокое различіе, какъ въ прежней ихъ исторіи, такъ и въ дальнѣйшихъ судьбахъ — господство на Западѣ языка латинскаго, а на Востокѣ греческаго, который вскорѣ сдѣлался тамъ и языкомъ оффиціальнымъ,—наконецъ различный характеръ, который приняло даже самое христіанство въ той и другой половинѣ историческаго міра,—все это больше и больше усиливало между ними взаимное отчужденіе, современемъ принявшее даже характеръ открытой вражды.

Великое передвиженіе варварскихъ народовъ.

Распаденіе на двѣ половины, къ которому сама имперія издавна такъ неудержимо стремилась, имѣло однакоже временно и свою выгодную сторону, такъ какъ частямъ раздѣленнаго государства удобнѣе было стянуть свои силы для отпора внѣшнимъ врагамъ, напиравшимъ на него съ сѣвера и востока. Благодаря, можетъ быть, этому сосредоточенію силъ, а еще болѣе новой орга-

низаціи, возстановившей внутреннее спокойствіе и порядокъ, и могла еще имперія отстаивать неприкосновенность своего территоріальнаго состава въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ со временъ Діоклеціана, и только когда развились вполнѣ гибельныя экономическія послѣдствія этой организаціи, истощенное государство опять оказалось безсильнымъ для защиты своихъ предѣловъ.

Впрочемъ оно, вѣроятно, еще долго отбивалось бы по прежнему отъ германцевъ и другихъ варваровъ въ почти безпрерывной пограничной войнѣ съ ними, еслибъ въ 375 г., — въ то время, когда Валентіанъ и Валентъ управляли Западомъ и Востокомъ,— не произошло событіе, взволновавшее весь сѣверный варварскій міръ и тотчасъ же отразившееся также и на судьбѣ римской имперіи. Это было появленіе гунновъ въ Европѣ. Дикій монгольскій народъ этотъ, долго кочевавшій на сѣверныхъ предѣлахъ Китая, во второй половинѣ IV в. сдвинутъ былъ съ мѣстъ своихъ напоромъ какихъ-то другихъ кочевниковъ средней Азіи и, прошедши степныя ворота, образуемыя сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря и Уральскими горами, напалъ на готовъ, жившихъ въ то время по сѣвернымъ берегамъ Понта и по дунайской границѣ имперіи. Подъ вліяніемъ паники, наведенной звѣрствомъ азіатскихъ пришельцевъ, западныя племена готовъ бросились чрезъ Дунай и съ обязательствомъ защищать эту границу поселены были Валентомъ въ обезлюдѣвшей въ то время Мэзіи. Но хищная императорская администрація, обрадовавшись новымъ колонистамъ, какъ новой поживѣ, начала сильно притѣснять ихъ. Непривычные къ къ такому гнету германцы взялись за оружіе и, разбивъ самого императора при Адріанополѣ, стали опустошать и грабить весь Балканскій полуостровъ. Умному и храброму Ѳеодосію, сдѣлавшемуся восточнымъ императоромъ по смерти Валента, погибшаго при Адріанополѣ, удалось, правда, усмирить готовъ и снова ограничить поселенія ихъ Мэзіей и подунайскими областями, но на этотъ разъ уже на другихъ основаніяхъ. Германцы разныхъ племенъ давно уже селились на пустопорожнихъ римскихъ земляхъ, и въ пограничныхъ областяхъ имперіи число такихъ колонистовъ возрастало все болѣе и болѣе; въ римскихъ же войскахъ варварскіе наемники появились уже съ первыхъ временъ имперіи и, чѣмъ болѣе сами римляне отвыкали отъ оружія и изнѣживались, тѣмъ гуще наполняли эти наемники римскіе легіоны. Но варварскій элементъ не могъ быть пока опаснымъ для имперіи, такъ какъ чужеземцы эти, поступая въ ея службу или селясь на ея земляхъ, подчинялись римскимъ законамъ, а нерѣдко и римскому

образованію. Между тѣмъ готы, утвердившіеся на Дунаѣ при Θеодосіи, въ первый разъ составили, въ предѣлахъ имперіи какъ бы отдѣльное государство съ особеннымъ устройствомъ, національными правителями и собственными законами и, состоя въ постоянной связи со своими соплеменниками за-рейнской и за-дунайской Германіи, могли сдѣлаться весьма опасными для имперіи. Пока живъ былъ энергичный Θеодосій, соединившій подъ своимъ скипетромъ также и Западъ, онъ умѣлъ сдерживать варваровъ; когда же императорами сдѣлались неспособные сыновья его, управлявшіе подъ руководствомъ варварскихъ министровъ, — на Востокѣ галла Руфина и на Западѣ Стилихона,—и когда ихъ взаимная вражда и интриги ослабили государство, то предпріимчивый король готовъ Аларихъ тотчасъ и воспользовался этимъ для того, чтобы пріобрѣсти своему народу болѣе выгодныя поселенія во Θракіи и Иллиріи. Опытному генералу Стилихону удалось, правда, отбить его покушеніе и на верхнюю Италію и даже заключить съ нимъ дружественный союзъ, но за то тотчасъ по удаленіи готовъ въ Иллирію сбродныя полчища другихъ варваровъ,—вандаловъ, бургундовъ, свевовъ,—ободренныхъ удачею готовъ и обнаружившейся при этомъ слабостью имперіи, подъ начальствомъ общаго герцога Радагайса наводнили сѣверную Италію и простерли свои опустошенія до самой Этруріи. Стилихонъ разбилъ и этихъ пришельцевъ, послѣ чего часть ихъ поступила въ римскую службу, а остальные ушли обратно за Альпы и разсѣялись по Галліи и Испаніи, гдѣ тѣмъ легче могли утвердиться, что Стилихонъ долженъ былъ для защиты Италіи вызвать изъ этихъ странъ, а также изъ Британіи, стоявшіе тамъ легіоны и слѣдовательно оставить ихъ почти беззащитными. Здѣсь послѣ долгаго и опустошительнаго броженія бургунды поселились въ ронской долинѣ, т.-е. въ юго-восточной Галліи, свевы въ сѣверо-западной Испаніи, а вандалы — въ южной части этой страны, получившей отъ нихъ и свое новое имя Андалузіи. И хотя эти варварскіе народы, утвердившіеся въ началѣ V в. на земляхъ имперіи, все еще назывались socii и hospites римлянъ, но на самомъ дѣлѣ были не только независимымъ, но и враждебнымъ для нея элементомъ; готамъ же безсильное правительство принуждено было платить даже ежегодную дань. Такое униженіе государства въ виду начавшагося въ немъ преобладанія варваровъ возбудило наконецъ негодованіе природныхъ римлянъ, — и слѣдствіемъ этой національной реакціи было низверженіе и казнь Стилихона, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ. Гибель этого единственнаго способнаго генерала имперіи

тотчасъ развязала Аларихъ руки. Въ 410 г. онъ снова вторгнулся въ Италію и на этотъ разъ взялъ и разграбилъ Римъ, не видавшій въ стѣнахъ своихъ непріятеля со временъ галльскаго погрома. Только преждевременная смерть помѣшала этому даровитому варвару прочно утвердиться въ Италіи и теперь уже положить конецъ западной имперіи. Племянникъ же его Атаульфъ, сдѣлавшійся послѣ него королемъ готовъ, опутанъ былъ интригами двора, вступилъ съ императорскимъ домомъ даже въ родство и согласился удовольствоваться уступленной ему юго-западной Галліей, гдѣ и поселилъ своихъ готовъ, вслѣдъ затѣмъ простершихъ свое господство и на сѣверную часть Пиринейскаго полуострова и начавшихъ съ этого времени обозначаться отличительнымъ именемъ западныхъ или вестготовъ [1]).

Такимъ образомъ цѣлая цѣпь независимыхъ германскихъ поселеній отдѣляла Италію отъ ея крайнихъ сѣверныхъ провинцій. Поэтому прежнія римскія области по Рейну и Дунаю, — Реція, Винделиція, Норикъ, Паннонія, — были теперь окончательно заняты варварами, — франками, алеманами, готами, лангобардами, гепидами, герулами, аварами и другими германскими и негерманскими племенами, увлеченными общимъ народоволненіемъ. Кельтскіе бритты въ сѣверо-западной Галліи тоже объявили себя независимыми. Изъ всѣхъ областей западной имперіи подъ римскимъ управленіемъ оставались еще только Италія, средняя Галлія, Британія и Африка. Но и изъ нихъ Африка была потеряна уже въ 430 г. вслѣдствіе утвержденія въ этой странѣ вандаловъ, пришедшихъ сюда изъ Испаніи, а въ половинѣ V в. Римъ лишился и Британіи, которую мало по малу заняли англосаксы. Въ то же время и самой Италіи нанесенъ былъ окончательный ударъ опустошительнымъ движеніемъ гунновъ.

Въ Паннонiи и окрестныхъ странахъ составилась въ это время громадная, хотя эфемерная, гунно-германская держава подъ скипетромъ Аттилы, возвысившагося своей энергіей, умомъ и сча-

---

[1]) Wietersheim Gesch. der Völkerwanderung. Leipz. 1882; Fustel de Coulanges L'invasion germanique; Н. А. Өирсовъ „Стилихонъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1855. XXII); П. Кудрявцевъ „Судьбы Италіи отъ паденія зап.-рим. имперіи до возстановленія ея Карломъ В.“ (М. 1850 и новѣйшее собр. соч.); М. Стасюлевичъ „Ист. сред. вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ писателей“ (3 изд. Спб. 1886, т. I); Ешевскій „Эпоха переселенія народовъ и Каролинги“ (Собр. соч. т. II); А. Тьерри „Разсказы изъ римской исторіи“ (перев. А. Клеванова. М. 1861); И. М. Гревсъ Аларихъ и вестготы (въ „Кн. для чт. по ист. ср. вв.“ подъ ред. П. Г. Виноградова, т. I); Д. И. Иловайскій „Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи“. II. Средніе вѣка. Вып. 1. М. 1886. *Ред.*

стіемъ изъ незначительныхъ гуннскихъ племенныхъ князьковъ на степень повелителя тогдашняго міра. Истый типъ свирѣпаго азіатскаго хищника, — человѣкъ этотъ въ короткое время успѣлъ не только соединить подъ своимъ владычествомъ всѣ гуннскія орды, но и сосѣднія германскія племена готовъ, лангобардовъ, геруловъ и многихъ другихъ сначала оружіемъ, а потомъ одною грозой своего имени и, составивъ 700-тысячное войско, дышавшее только жаждою грабежа и разрушенія и покорное мановенію своего вождя, сталъ грозить изъ своей деревянной столицы на Тиссѣ Востоку и Западу. Съ восточной имперіи онъ долго бралъ тяжкую дань, опустошая безнаказанно ея владѣнія, а съ западной, гдѣ въ то время правилъ ничтожный Валентиніанъ III, рѣшилъ покончить совсѣмъ. Къ счастію у Валентиніана былъ отличный полководецъ въ лицѣ Аэція, прозваннаго „послѣднимъ римляниномъ“, столько же вліятельный по своимъ военнымъ талантамъ, сколько и по связямъ своимъ съ варварами. Благодаря ему и въ виду общей опасности составилась сильная союзная рать вестготовъ, бургундовъ, саксовъ и множества меньшихъ германскихъ и кельтскихъ племенъ, которая подъ римскимъ знаменемъ и подъ главнымъ начальствомъ самого Аэція и выступила противъ полчищъ Аттилы, наводнившихъ Галлію въ 451 году. Здѣсь на Шалонскихъ или Каталаунскихъ поляхъ произошла одна изъ кровопролитнѣйшихъ во всемірной исторіи битвъ, въ которой 160 тысячъ народу погибло съ обѣихъ сторонъ, и, хотя побѣда Аэція и не могла считаться рѣшительною, однако Аттила принужденъ былъ отступить обратно къ Дунаю; Галлія же и вся западная Европа все таки спасены были ею отъ владычества азіатскихъ номадовъ, имъ угрожавшаго. Въ слѣдующемъ году, правда, гунны страшно опустошили Италію, а самый Римъ избавился отъ гибели только мужествомъ своего епископа Льва, умѣвшаго умилостивить Аттилу, а еще болѣе эпидеміей, открывшейся въ его войскѣ; но гроза эта все же наконецъ пронеслась, хотя и покрыла всю страну развалинами и кровью. Получивъ извѣстіе о возстаніяхъ, вспыхнувшихъ на Дунаѣ, „бичъ Божій“ ушелъ обратно въ Паннонію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Громадное же его царство въ истребительныхъ усобицахъ его сыновей распалось такъ же быстро, какъ и возникло.

Но едва отхлынули толпы монгольскихъ кочевниковъ съ итальянской почвы, какъ Римъ все таки не избѣгнулъ своей участи. Въ 455 г. король Гейзерихъ съ своими полудикими вандалами высадился изъ Африки и предалъ „вѣчный городъ“ страшному двухнедѣльному грабежу и разоренію. Но и этотъ варварскій на-

бѣгъ не уничтожилъ остававшейся тѣни римскаго государства. Обремененные добычею ушли и вандалы. Иного рода смерть,—и очень близкая,—предстояла западной имперіи.

Послѣднія судьбы западной имперіи.

Въ послѣднее время раздробленная, растерзанная и ограниченная почти одной Италіей имперія поддерживалась уже исключительно варварскими силами. Каталаунская побѣда, послѣдняя подъ римскимъ знаменемъ, была одержана, благодаря только этимъ силамъ. Германскіе варвары селились и жили на римскихъ земляхъ, питали тунеядный Римъ своею промышленностью, служили въ римскомъ войскѣ. Высшія государственныя должности полководцевъ и министровъ занимали уже большею частью люди варварскаго происхожденія. Однимъ словомъ уже тотчасъ послѣ Ѳеодосія Великаго имперія очутилась въ такой полной зависимости отъ варваровъ, что они рѣшали ея судьбу. Первыми лицами въ государствѣ были уже не императоры, а начальники наемныхъ германскихъ дружинъ. Такова была роль Стилихона при Гоноріи, Арбогаста при Валентиніанѣ II, Аэція при Валентиніанѣ III. Значеніе послѣдняго послѣ побѣды надъ гуннами возросло до того, что безсильный императоръ могъ избавиться отъ него только открытымъ убійствомъ. Но это уже не могло измѣнить самаго положенія дѣлъ: убитъ былъ Аэцій,—мѣсто его заняли новые главнокомандующіе наемныхъ германцевъ,—Рицимеръ, Гундобальдъ, которые съ титуломъ magistri militum были настоящими повелителями государства и по своему произволу возводили и низвергали императоровъ для того, чтобъ ихъ именемъ управлять Италіей. Наконецъ германскія дружины, считавшіяся на службѣ имперіи, а на самомъ дѣлѣ бывшія ея полновластными хозяевами, наскучивъ безпрестанной смѣной правителей, потребовали у своего начальника Одоакра, герула по происхожденію, прочнаго водворенія въ странѣ и раздѣла ея земель для поселенія. Одоакръ въ 476 г. низложилъ послѣдняго представителя императорскаго титула Ромула Августула, назначивъ ему пожизненную пенсію, сенатъ же подъ диктовку варвара написалъ восточному императору Зенону, что для обѣихъ половинъ имперіи достаточно одного императора въ Константинополѣ и что отнынѣ италіанскимъ діоцезомъ будетъ управлять Одоакръ, съ титуломъ патриція.

Итакъ настало время, когда сами варвары, какъ бы устыдясь долговременной лжи, отмѣнили праздное имя западной имперіи. Эта послѣдная представительница древняго міра, носившая еще названіе „римской“, но въ сущности давно уже ставшая варвар-

скою, прекратила наконецъ и свое номинальное существованіе. Когда же десять лѣтъ спустя послѣ низложенія Ромула Августула и средняя Галлія была завоевана франками, то уже весь европейскій Западъ очутился въ рукахъ германцевъ, водворившихъ здѣсь и новый порядокъ вещей [1]).

---

[1]) Начиная съ Вико, Гердера, Монтескьё, Боссюэта и кончая „марксистами“ и Нитцше, философы исторіи неоднократно останавливались надъ вопросомъ о причинахъ паденія западной римской имперіи и рѣшали его каждый по своему. Ж. Б. Боссюэтъ (Discours sur l'hist. univ. Rouen. 1788) стоялъ на точкѣ зрѣнія провиденціализма. Всемірная исторія для него представляла картину непрерывно развивающагося процесса, теченіе котораго предначертано Провидѣніемъ: великія монархіи смѣняли другъ друга по мѣрѣ того, какъ онѣ выполняли предназначенную каждой изъ нихъ свыше историческую миссію. Главными чертами римскаго характера, по Боссюэту, были патріотизмъ и любовь къ свободѣ, но, когда завершенъ былъ циклъ внѣшнихъ завоеваній Рима, та же любовь къ свободѣ, проявившаяся во внутренней классовой и партійной борьбѣ, привела его къ гибели. Экономическій кризисъ, упадокъ нравовъ, благочестія и патріотизма, развитіе рабства, вторженіе варварства во всѣ сферы римской жизни, отсутствіе средняго сословія, —все это были только условія, ускорившія паденіе Рима. Вико, также нечуждый провиденціалистическаго пониманія исторіи, расходится однако съ Боссюэтомъ во взглядѣ на непрерывность историческаго прогресса и въ исторіи человѣчества видитъ какъ бы кругообразное, циклическое теченіе (ср. стр. 391 сл.), — мнѣніе, къ которому изъ современныхъ историковъ приближается Эд. Мейеръ (ср. выше, стр. 38, прим.). Паденіе Рима съ этой точки зрѣнія было лишь завершеніемъ опредѣленнаго историческаго цикла. На столь же общія соображенія опиралась и теорія Гегеля: разсматривая историческій процессъ, какъ послѣдовательное воплощеніе мірового духа въ жизни различныхъ народовъ, онъ видѣлъ причину паденія Рима въ томъ противорѣчіи между государствомъ и личностью, авторитетомъ и свободою, которое исчезло лишь съ переходомъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ и съ торжествомъ христіанской идеи. Носителемъ послѣдней, по Гегелю, явился міръ германскій, и его побѣда была побѣдою принципа конкретной свободы, начала нравственнаго надъ началомъ абстрактнаго права. Въ христіанствѣ же съ его новымъ міросозерцаніемъ и новыми идеалами видѣли причину гибели античнаго Рима и Эрн. Ренанъ и Нитцше, правда, различно оцѣнивавшіе значеніе этого фактора, но сходившіеся между собою въ томъ, что постепенное крушеніе всѣхъ устоевъ римскаго государства приписывали исключительно подтачивающему вліянію христіанской доктрины. Такимъ же монистическимъ направленіемъ въ сущности отличаются и тѣ теоріи, которыя ищутъ разгадки этого крушенія въ измѣненіи соціальныхъ (ср. напр. Петрушевскаго „Очерки по исторіи средневѣковаго общества“ въ журн. „Научное Слово“ за 1904 г.) или экономическихъ отношеній (марксисты, И. М. Гревсъ). Напротивъ у Монтескьё, Гердера, Гиббона и большинства представителей историко-критической школы мы встрѣчаемъ совершенно иной взглядъ. Не пускаясь въ теоретическія построенія и стоя на почвѣ прагматической исторіи, они искали объясненія гибели Рима во взаимодѣйствіи множества различныхъ факторовъ и старались лишь опредѣлить значеніе каждаго изъ нихъ. Эта точка зрѣнія, приводившая часто къ простому перечисленію разнообразныхъ симптомовъ постепеннаго разложенія римскаго государственнаго организма, не утратила своего господства въ исторической литературѣ и понынѣ. Вирочемъ были и такіе взгляды, что въ сущности паденія римской имперіи не было, что весь строй ея перешелъ въ средніе вѣка, что учрежденія ея продолжали существовать подъ новыми формами, что римская цивилизація стала достояніемъ новыхъ народовъ и могущественнымъ орудіемъ мірового прогресса (Am. Thierry Tableaux de l'empire Romain depuis la fondation de Rome jusqu'à la fin du gouvernement impérial en Occident; Fustel de Coulanges Hist. des institutions politiques de l'ancienne France). Наконецъ въ недавнее время возникли теоріи, опирающіяся и на есте-

V. Римская образованность [1]).

Кромѣ упомянутыхъ уже выше алфавитныхъ сборниковъ статей по различнымъ отраслямъ греческой и римской археологіи (см. стр. 233 сл.), а равно сочиненій Фридлендера, Дезобри, Гуля и Конера, Велишскаго и нѣк. др. въ числѣ пособій, могущихъ облегчить изученіе частной жизни древнихъ римлянъ, должно назвать: W. A. Becker „Gallus oder römische Scenen aus der Zeit Augustus zur genaueren Kenntniss des römischen Privatlebens", neu bearbeitet von Hermann Göll (Berl. 1880); Lecky „Sittengeschichte Europas von Augustus bis auf Karl den Grossen", deutsch v. Jolowicz (Leipz. 1870); René Ménard „La vie privée des anciens" (Paris. 1880); Simons „Aus altrömischer Zeit"; Culturbilder (Berlin 1872); K. Opitz Das häusliche Leben der Griechen und Römer. Leipz. 1893; H. Bender Rom und römisches Leben im Alterthum. 2 Aufl. Tübingen 1894; П. Гиро Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь римлянъ (перев. подъ ред. С. Моравскаго. 1899).—Лучшія сочиненія по исторіи римской литературы принадлежатъ Bernhardy („Grundriss der röm. Literatur"; 5 Aufl. Braunschw. 1869–72), Тейффелю (его „Gesch. der röm. Lit." въ 4-мъ изданіи обработана Людвигомъ Шваве,—Leipz. 1882), Шанцу (M. Schanz Gesch. d. röm. Literatur, въ сборн. Ив. Мюллера), Отто Риббеку (Gesch. d. röm. Dichtkunst), на русскомъ языкѣ—В. И. Модестову („Лекціи по исторіи римской литературы", курсъ I, изд. 2-ое. Спб. 1876; курсъ II, Кіевъ, 1875; его же болѣе краткое изложеніе исторіи римской литературы въ первомъ томѣ сборника В. Ѳ. Корша); кромѣ того есть по русски нѣсколько небольшихъ компендіарныхъ курсовъ, напр. Шаффа и Горрманна, переведенный въ 1865 г. Н. Соколовымъ, и Бендера въ переводѣ студентовъ-филологовъ Лицея Цесаревича Николая.—Въ качествѣ руководствъ по исторіи римскаго искусства можно рекомендовать труды, приведенные на стр. 234, 242 прим., 244 прим.

Подражательный характеръ римской образованности.

[Въ противоположность живому, впечатлительному греку суровый римлянинъ былъ бѣденъ даромъ художественной изобрѣтательности. Среди непрерывныхъ войнъ, наполняющихъ весь героическій періодъ римской исторіи, и внутреннихъ волненій, столько

ственно-научныя основанія. Сторонники этихъ теорій видятъ причину паденія римской имперіи либо въ постепенной ея варваризаціи, явившейся послѣдствіемъ истребительныхъ войнъ и междоусобій, которыя приводили къ массовой гибели лучшихъ силъ римской націи (O. Seeck названное соч.), либо въ пониженіи національной энергіи подъ разслабляющимъ вліяніемъ природныхъ условій Апеннинскаго полуострова (K. Breysig Kulturgeschichte der Neuzeit. Berl. 1901), либо въ естественномъ истощеніи римской расы, въ ея вырожденіи. Развитіе послѣдней мысли поставилъ своею задачею молодой русскій ученый Н. А. Васильевъ, сочиненіе котораго „Вопросъ о паденіи западной римской имперіи въ историографической литературѣ и въ исторіи философіи въ связи съ теоріей истощенія народовъ и человѣчества", случайно ставшее редактору этихъ „Лекцій" извѣстнымъ въ рукописи, можно надѣяться, не замедлитъ появиться и въ печати. *Ред.*

[1]) Вся эта глава была вновь составлена и внесена въ текстъ перваго изданія настоящаго курса въ виду полнаго отсутствія соотвѣтствующей рубрики въ подлинныхъ запискахъ покойнаго проф. М. Н. Петрова. *Ред.*

разъ потрясавшихъ республику и наконецъ приведшихъ ее къ гибели, развился практическій геній римлянъ, выросло и окрѣпло ихъ національное чувство, но для творческой дѣятельности воображенія эти войны и усобицы оставляли слишкомъ мало простора. Оттого въ области искусствъ и литературы Римъ долгое время не шелъ дальше подражанія опередившимъ его по этой части народамъ древности,—сначала этрускамъ, позже грекамъ. Да и впослѣдствіи, въ пору полной своей культурной зрѣлости, онъ все таки не могъ совершенно освободиться отъ подчиненія этимъ первоначальнымъ образцамъ, оставаясь оригинальнымъ только въ тѣхъ родахъ художественнаго и научнаго творчества, которые болѣе или менѣе тѣсно соприкасаются съ государственною жизнью (краснорѣчіе, право, историческая литература и т. п.) [1].

Ея всемірно-историческое значеніе.

Однако, несмотря на такой подражательный характеръ римской образованности, ея значеніе въ исторіи міровой культуры все же весьма велико. Какъ славянскій Востокъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ прежде всего Византіи, передавшей ему вмѣстѣ съ христіанствомъ и важнѣйшее орудіе духовной дѣятельности—письменность, такъ распространеніе античной цивилизаціи на Западѣ есть дѣло Рима. Римское право, переживъ средніе вѣка, когда оно все еще продолжало сохранять значеніе дѣйствующаго законодательства, послужило главнымъ источникомъ современной юриспруденціи; въ римскомъ искусствѣ таились зародыши искусства романскаго,—и даже болѣе, оно не осталось безъ вліянія и на столь повидимому отличное отъ него по духу и характеру искусство готическое; латинскій языкъ долгое время послѣ паденія западной имперіи оставался языкомъ церкви, законовъ и дипломатическихъ сношеній, а какъ общій органъ науки не утратилъ своего значенія отчасти и по сю пору; наконецъ римская литература неоднократно воздѣйствовала на литературную дѣятельность новѣйшихъ народовъ, а со временъ Возрожденія изученіе ея легло въ основу гуманитарнаго образованія. Римъ и Византія были, стало быть, тѣми передаточными пунктами, черезъ посредство которыхъ элементы эллинской цивилизаціи проникли во внутреннія страны нашей части свѣта, сдѣлавшись такимъ образомъ общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ Европы.

---

[1]) K. F. Hermann „Ueber den Kunstsinn der Römer u. deren Stellung in der Geschichte der alten Kunst". Götting. 1855. Д. И. Пагуевскій Отличительныя черты римскаго народнаго духа. Казань. 1885.

Ходъ развитія римской образованности.

Въ исторіи римской образованности можно отмѣтить пять періодовъ ея послѣдовательнаго развитія, различающихся между собою многими характерными особенностями. Таковы: 1) періодъ преобладанія этрусскихъ культурныхъ началъ, простирающійся отъ древнѣйшихъ временъ до половины III стол. предъ Р. Х., т.-е. приблизительно до конца первой пунійской войны; 2) время подчиненія римлянъ вліянію грековъ, т.-е. конецъ III-го, весь II-й и начало I-го вѣка до Р. Х.; 3) пора полнаго расцвѣта или золотой вѣкъ римской образованности, заканчивающійся со смертью Августа; 4) эпоха ближайшихъ преемниковъ Августа, совпадающая съ серебрянымъ вѣкомъ римской литературы и завершающаяся смертью императора Гадріана; и 5) періодъ упадка, наступающій при послѣднихъ Антонинахъ и продолжающійся вплоть до VI христіанскаго столѣтія.

I. Періодъ этрусскаго вліянія. Общій характеръ его.

Въ теченіи первыхъ пяти столѣтій своей исторіи римляне не знали литературы въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ искусствѣ же находились въ полнѣйшей зависимости отъ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей этрусковъ. Въ то время языкъ ихъ былъ еще грубъ и невыработанъ; письмо, проникшее въ Лаціи по всей вѣроятности весьма рано, благодаря торговымъ и политическимъ сношеніямъ Италіи съ Греціею, имѣло покамѣстъ очень узкій кругъ распространенія, исключительно служа для удовлетворенія надобностей государственныхъ и религіозныхъ. Право вращалось въ предѣлахъ первоначальныхъ принциповъ. Внѣшній бытъ отличался простотою и бѣдностью формъ.

а) Искусство.

Однимъ изъ наиболѣе развившихся у римлянъ родовъ искусства соотвѣтственно практическому складу римскаго ума и характера была архитектура, обнаруживавшая впрочемъ на первыхъ порахъ чисто утилитарное направленіе. Уже въ царскомъ Римѣ встрѣчаемъ мы разнаго рода общеполезныя сооруженія довольно грандіозныхъ размѣровъ. Таковы напр. городскія укрѣпленія, акведуки или подземные сводчатые каналы, многочисленныя гробницы, храмы, знаменитый гипподромъ („Circus Maximus“) и т. д. Важный техническій мотивъ, общій большей части этихъ сооруженій, составляетъ употребленіе арки и свода, заимствованное римлянами у этрусковъ и впослѣдствіи получившее столь широкое примѣненіе въ архитектурѣ императорскихъ временъ. Что же касается ваянія и живописи, то, какъ это было и въ странахъ Востока, искусства эти играли въ древнѣйшемъ Римѣ подчиненную роль, служа архитектурнымъ цѣлямъ. Такъ скульптурными произведеніями, вылѣпленными изъ глины или отлитыми изъ металла, было

въ обычаѣ украшать жертвенники и фронтоны храмовъ, живописными изображеніями покрывались стѣны подземныхъ склеповъ. Многочисленные образчики тѣхъ и другихъ сохранились и до нашихъ дней и отличаются грубостью композиціи и аляповатостью [1]).

1) Литература.

За то ничего или почти ничего не уцѣлѣло отъ римской литературы этого періода. Какъ показываютъ свидѣтельства различныхъ позднѣйшихъ писателей и немногіе фрагменты, поэтическая дѣятельность римлянъ того времени ограничивалась лишь попытками въ области религіозной и свѣтской лирики, нѣкоторыхъ видовъ эпоса и драмы. Священные гимны, составлявшіе необходимую принадлежность торжественныхъ религіозныхъ церемоній, народныя пѣсни и причитанья, различныя стихотворныя надписи и драматическіе фарсы, извѣстные подъ именемъ сатиръ и ателланъ [2]),— вотъ и все, чѣмъ была богата римская поэзія разсматриваемаго періода. Что же касается прозы, то она имѣла чисто оффиціальный характеръ: въ этой области римляне покамѣстъ не шли дальше сухихъ анналъ и юридическихъ актовъ [2]).

II. Періодъ подчиненія Рима греческому вліянію. Его характеръ.

Но, чѣмъ больше расширялись предѣлы римскаго владычества, чѣмъ ближе соприкасался Римъ съ греческою образованностью, тѣмъ художественная и литературная дѣятельность въ немъ становилась все оживленнѣе и разнообразнѣе. Первымъ шагомъ на этомъ пути было покореніе нижне-италійскихъ городовъ, открывшее широкій просторъ для греческаго вліянія на римскій бытъ; вторымъ—явилось завоеваніе Македоніи и Греціи, окончательно упрочившее это вліяніе. Въ Римъ съ этихъ поръ начинаютъ стекаться образованные греки,—художники, литераторы и ученые. Несмотря на сильное противодѣйствіе со стороны близорукихъ патріотовъ, богатая эллинская цивилизація находитъ друзей въ лучшихъ представителяхъ эпохи (Сципіонъ Африканскій, К. Лелій и проч.). Столица Лаціи украшается произведеніями греческой пластики; греческій языкъ дѣлается языкомъ высшихъ классовъ общества, и подъ его вліяніемъ вырабатывается книжный латинскій діалектъ; по образцу греческой возникаетъ римская художественная драма, наряду съ которой прежніе народные фарсы продолжаютъ самостоятельно развиваться; въ области исторической литературы обнаруживается стремленіе возвыситься надъ сухимъ хронологическимъ перечнемъ отдѣльныхъ событій до

---

[1]) См. литературу вопроса у Martha „l'Archéologie étrusque et romaine“ (помѣщено въ „Bibliothéque de l'enseignement des beaux-arts“).

[2]) Corssen „Origines poesis romanae“ (Berol. 1846); Wordsworth „Fragments and specimens of early Latin“ (Oxford. 1874); Н. Благовѣщенскій „О началѣ римской комедіи“ („Пропилеи“ II); его-же „Ателланы“ (тамъ-же).

воспроизведенія ихъ въ цѣльной и связной картинѣ; какъ плодъ знакомства съ греческими реторами, рождается искусство краснорѣчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересъ къ философіи; наконецъ пробуждается потребность теоретическаго изученія права, ведутся грамматическія изслѣдованія, появляются сочиненія, посвященныя различнымъ вопросамъ агрикультуры.

a) Искусство этого періода.

Мы остановимся только на самыхъ выдающихся явленіяхъ этого разносторонняго умственнаго движенія, охватившаго Римъ въ концѣ III стол. до Р. Х., и между прочимъ прежде всего на искусствѣ. Не отличаясь богатствомъ формъ и блестящей техникой, римское искусство этого времени обнаруживаетъ борьбу двухъ началъ, — этрусскаго и греческаго. Римскій духъ со свойственною ему способностью примиренія самыхъ разнородныхъ элементовъ пытается согласить между собою эти враждующія начала, но пока безуспѣшно. Такъ напр. въ зодчествѣ проявляется стремленіе мастеровъ, сохраняя этрусскую конструкцію зданій, обогатить ихъ внѣшнюю орнаментацію на греческій манеръ, но при этомъ они дѣйствуютъ слишкомъ произвольно и нерѣдко во вредъ красотѣ архитектурныхъ произведеній: они видоизмѣняютъ характеръ греческихъ орденовъ, снабжаютъ базисомъ дорическую колонну, комбинируютъ коринѳскій капитель съ іонійскимъ, свободно примѣняютъ или отбрасываютъ каннелюры и т. п. Въ результатѣ получается какой-то смѣшанный стиль, — правда, массивный и грандіозный, но безвкусный. Образцомъ его могутъ служить храмы Геркулеса въ Кори и Фортуны (Fortuna virilis) въ Римѣ. Подобнымъ образомъ въ живописи, по своему реальному направленію все еще близко примыкающей къ этрусской живописи предъидущаго періода, греческое вліяніе сказывается не менѣе ясно: слѣды его можно уловить какъ въ болѣе свободной композиціи картинъ, такъ и въ выборѣ сюжетовъ, черпаемыхъ отнынѣ уже не исключительно изъ повседневной жизни, какъ было прежде, но и изъ области миѳологіи и даже исторіи. Что же касается ваянія, то въ этомъ отношеніи римляне менѣе всего подвинулись впередъ: правда, ихъ городъ, какъ сказано, обогатился въ разсматриваемую эпоху множествомъ прекрасныхъ произведеній скульптуры, но всѣ эти сокровища искусства пріобрѣтены были путемъ грабежа, — перешли въ Римъ изъ покоренныхъ греческихъ городовъ. Самостоятельнаго въ этой сферѣ не было сдѣлано ничего.

b) Литература.

Несравнено бо́льшаго успѣха достигли искусства словесныя, въ особенности же драма, не переставшая развиваться и совершенствоваться съ тѣхъ поръ, какъ тарентинецъ Ливій Ан-

дроникъ впервые выступилъ передъ римской публикою (въ 240 г.) съ трагедіею, составленною по греческому образцу. Его примѣръ подѣйствовалъ возбудительно, и въ короткій періодъ времени между второю и третьею пунійскою войною въ Римѣ появился цѣлый рядъ даровитѣйшихъ поэтовъ, посвятившихъ свой талантъ и свои силы сценической дѣятельности. Таковы между прочимъ Энній, Невій, Пакувій, Акцій и знаменитые комики Плавтъ и Теренцій. Послѣдніе, несмотря на то, что содержаніе ихъ произведеній, дошедшихъ до насъ въ количествѣ 20—отъ перваго и 6—отъ втораго, цѣликомъ заимствовано у представителей новой аттической комедіи, сумѣли придать этому роду поэзіи чисто національную окраску. Неистощимое остроуміе, сложная и запутанная интрига, нѣсколько каррикатурная обрисовка характеровъ — вотъ отличительныя черты ихъ піэсъ, написанныхъ притомъ уже весьма хорошимъ языкомъ. Тѣ же свойства находимъ мы и у другихъ двухъ поэтовъ,—Л. Помпонія и Кв. Новія,—подвергшихъ впервые художественной обработкѣ народныя деревенскія пародіи, — такъ наз. ателланы.

Впрочемъ пора расцвѣта римской драмы была непродолжительна. Упадокъ наступилъ для нея столь же быстро, какъ быстро была достигнута ею высокая степень совершенства. Ее вытѣснили другіе виды публичныхъ представленій—менѣе благородные, но за то болѣе отвѣчавшіе грубымъ наклонностямъ народа, жизнь котораго протекла среди непрерывной, упорной борьбы и выработала въ немъ натуру, чуждую высшихъ, идеальныхъ стремленій. Гладіаторскія игры, бой быковъ, травля дикихъ звѣрей, мимическіе фарсы — вотъ что болѣе способно было занять и увлечь его [1])...

Тотъ же Ливій Андроникъ, который былъ отцомъ римской сценической литературы, представилъ и первые образцы художественнаго эпоса, переведя по-латыни народнымъ италійскимъ раз-

---

[1]) Klein „Gesch. des Dramas“ (Leipz. 1865 ff.); O. Ribbeck „Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik“ (Leipz. 1875); Edelstand du Méril „Hist. de la comédie ancienne“ (Paris. 1869. 2 vols); Н. Благовѣщенскій „О судьбахъ римской трагедіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1848, VI); Шестаковъ „О роли параситовъ въ древней комедіи“ (Пропилеи“ III); Б. В. Варнеке Очерки изъ исторіи древнеримскаго театра. Спб. 1903; его же Наблюденія надъ древне-римскою комедіею. Казань. 1905; его же Къ вопросу объ инсценировкѣ римской комедіи (Фил. Обозр. XVII. 1899); его же Какъ играли древне-римскіе актеры (Фил. Обозр. XIX. 1900); его же Римское государство и актеры (Фил. Обозр. XX. 1901).—Переводы: “Хвастливый воинъ“ Плавта въ перев. Шестакова („Пропил.“ III); „Стихъ“ его-же (въ „Соврем.“ 1854); „Менехмы“ его-же (въ перев. Х—ка, Ж. М. Н. Пр. 1887); „Комедіи П. Терентія Африканскаго“ въ перев. А. Хвостова, М. Головина и др. (Спб. 1773—74); отдѣльно—„Братья“, въ перев. П(етров)скаго (Казань, 1873); „Андріанка“ въ пер. Подгурскаго (Кіевъ, 1874); „Самъ себя наказывающій“ въ пер. Дѣллена (Харьковъ, 1879) и др.

мѣромъ (versus Saturnius) гомерову Одиссею. По его слѣдамъ пошелъ Кв. Энній, въ поэмѣ „Annales“ прославившій судьбу Рима отъ древнѣйшихъ временъ до начала II в. предъ Р. Х., а въ сатирахъ сдѣлавшій первую попытку литературной обработки той отрасли дидактической поэзіи, которая уже при ближайшемъ его преемникѣ К. Луцилiи стала могущественнымъ орудіемъ протеста противъ людской глупости, пошлости и безнравственности [1]).

Въ связи съ этимъ развитіемъ поэзіи замѣчаются успѣхи и въ области прозы, въ особенности же въ исторіографіи и краснорѣчіи. Появляется длинная фаланга историческихъ писателей, такъ называемыхъ анналистовъ, стремящихся уже къ нѣкоторому прагматизму въ изложеніи и даже къ нѣкоторой красотѣ внѣшней формы. Сперва органомъ этой зарождающейся исторіографіи служилъ языкъ ея александрійскихъ образцовъ, и древнѣйшіе изъ римскихъ анналистовъ (Кв. Фабій Пикторъ, Л. Цинцій Алиментъ и др.) писали только по-гречески; но уже другъ и современникъ Эннія Катонъ Старшій пользуется для своихъ многочисленныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія роднымъ латинскимъ нарѣчіемъ, и его примѣру слѣдуютъ всѣ младшіе историки и біографы. А ораторы, которыхъ выставила бурная эпоха гражданскихъ усобицъ, предшествовавшихъ установленію принципата, довели даже латинскую прозу до высокой степени стилистическаго совершенства и своею работою въ этомъ направленіи подготовили дѣятельность такихъ великихъ мастеровъ въ области словесныхъ искусствъ, какими были Цицеронъ, Юлій Цезарь и Саллюстій.

III. Періодъ полнаго расцвѣта римской образованности. Его характеристика.

Этими знаменитыми именами открывается исторія третьяго періода римской образованности,—ея золотаго вѣка.

Небольшой промежутокъ времени въ одно столѣтіе (81 г. до Р. Х.—14 г. по Р. Х.), обозначаемый такимъ названіемъ, представляетъ въ исторіи Рима необыкновенно важный и интересный моментъ. Послѣ кровопролитныхъ войнъ, которыми ознаменовано паденіе республиканской свободы, въ государствѣ съ единовластіемъ Октавіана Августа надолго водворяется полное спокойствіе, а вмѣстѣ съ нимъ и строгій порядокъ. Граждане, утомленные продолжительною борьбою партій, съ охотою отдаются теперь разнымъ мирнымъ занятіямъ, и какъ нѣкогда въ Аѳины, такъ теперь въ

[1]) Д. И. Нагуевскій Характеръ и развитіе римской сатиры (Рига, 1872); его же Римская сатира и Ювеналъ. Митава. 1879.

Римъ отовсюду устремляются художники, ремесленники, поэты, ученые и реторы, зная, что здѣсь они найдутъ радушный пріемъ. Возникаютъ публичныя библіотеки, являются литературныя общества, входятъ въ обычай публичныя чтенія, размножаются школы. Греческое образованіе становится уже не достояніемъ немногихъ, а всеобщею потребностью, причемъ люди состоятельные ѣдутъ даже учиться въ самую Грецію, — въ Аѳины, Родосъ, Митилену или Аполлонію. Въ то-же время измѣняются и условія внѣшняго быта, принимающаго теперь несравненно болѣе богатыя и разнообразныя формы. Сообразно своему великому назначенію служить столицею уже не Лація только и даже не Италіи, но всего круга земель, входившихъ въ географическіе предѣлы древняго міра, Римъ мало по малу превращается изъ кирпичнаго въ мраморный. Наряду съ колоссальными общественными постройками воздвигаются не менѣе пышныя и великолѣпныя частныя зданія. Въ домашней жизни гражданъ прежняя простота и безъискусственность смѣняются неслыханною роскошью. Всюду проявляется новый духъ, проникающій всѣ слои древне-римскаго общества и совершенно преображающій его.

а) Образовательныя искусства.

Искусство, поощряемое просвѣщеннымъ покровительствомъ богачей-любителей, въ періодъ паденія республики и въ слѣдующій затѣмъ вѣкъ Августа вступило въ новую фазу своего развитія. Оно стало въ эту пору обнаруживать признаки самостоятельнаго творчества и выработало особый величественный и сложный стиль, вполнѣ соотвѣтствующій характеру римлянъ. Въ зодчествѣ этотъ римскій стиль нашелъ себѣ наилучшее выраженіе въ знаменитомъ пантеонѣ, построенномъ Агриппою, во многочисленныхъ термахъ и громадныхъ базиликахъ. Пантеонъ представлялъ собою высокое, круглое, куполообразное зданіе, предназначенное первоначально служить храмомъ для всей разросшейся до исполинскихъ размѣровъ семьи божествъ древняго міра, а впослѣдствіи превращенное въ христіанскую церковь. Многочисленныя перестройки, поправки и реставраціи, которымъ это зданіе подвергалось въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, въ значительной степени измѣнило его прежній видъ, но и по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, — напр. по прекраснымъ колоннамъ съ базисомъ изъ бѣлаго и капителью изъ желтаго мрамора, по драгоцѣнной мраморной инкрустаціи, украшающей внутреннія стѣны, — можно легко судить о его быломъ великолѣпіи. Употребленіе свода, до сихъ поръ примѣнявшееся только къ водопроводамъ, тюрьмамъ и т. п. сооруженіямъ, въ пантеонѣ впервые нашло себѣ приложеніе и въ изящной архитек-

турѣ и, присоединившись къ широкому употребленію греческой колонны, внесло въ эту отрасль искусства новый художественный элементъ. Что-же касается термъ и базиликъ, то подъ именемъ первыхъ разумѣлись колоссальныя общественныя бани и палэстры, а вторыя представляли длинныя строенія, — родъ портика, увѣнчаннаго полукуполомъ, — и служили мѣстомъ торговли и судебныхъ засѣданій. Массивной внѣшности этихъ зданій вполнѣ соотвѣтствовали широкія площади города (fora), глубокіе пруды, обширные тѣнистые сады и парки, колоссальные мосты, тріумфальныя ворота и крѣпкія стѣны, придававшія Риму видъ пышный и внушительный.

Не отставали отъ блестящей столицы міра и провинціальные города: о той роскоши, которая подъ конецъ республики проникалась во всѣ концы римскаго государства, свидѣтельствуютъ напр. развалины Нима, Арля, Трира, преимущественно же Геркулана и Помпеи. Послѣдній городъ, въ 79 г. по Р. Х. погребенный подъ лавою во время изверженія Везувія, а въ половинѣ прошлаго столѣтія вновь открытый усиліями археологовъ, наилучшимъ образомъ знакомитъ насъ съ тѣми внѣшними формами, какія приняла въ Италіи общественная и частная жизнь въ разсматриваемый періодъ. Такъ помпеянскимъ находкамъ обязаны мы между прочимъ и большею частью нашихъ свѣдѣній о ваяніи и въ особенности о живописи этого времени [1]).

Важнѣйшее отличіе римскаго ваянія отъ греческаго заключается въ его реализмѣ. Тогда какъ грекъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ своихъ скульпторовъ завѣщалъ намъ цѣлый рядъ возвышенныхъ, идеальныхъ типовъ, римлянинъ прежде всего стремился къ точному воспроизведенію дѣйствительности. Оттого онъ особенно симпатизировалъ портретной скульптурѣ и историческому рельефу. Образцы того и другого рода сохранились въ достаточномъ количествѣ, а нѣкоторые изъ нихъ имѣются даже и у насъ, въ Россіи (между прочимъ превосходныя статуи К. Марія и Августа въ Императорскомъ Эрмитажѣ). Основной ихъ характеръ—

---

[1]) См. Choisy l'Art de bâtir chez les Romains (Paris. 1873); Fr. Reber Gesch. der Baukunst im Alterthum (Leipz. 1866); F. Kugler Gesch. der Baukunst (Stuttgart. 1854—73. 5 Bde); Lübke Gesch. der Architektur von d. ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart (5 Aufl. Leipz. 1875). П. Андреевъ Памятники древняго Рима (М. 1861). О древностяхъ Помпеи существуетъ цѣлая масса спеціальныхъ сочиненій. Лучшія: Mazois Les ruines de Pompéi (4 vol. Paris. 1812—38); Overbeck-Mau Pompeji (Leipz. 1884). По русски: Левшинъ „Прогулки русскаго въ Помпеѣ“ (Спб. 1843); В. Классовскій „Помпея и открытыя въ ней древности съ очеркомъ Везувія и Геркуланума“ (Изд. 3-е. Спб. 1856); М. И. Ростовцевъ „О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ“. Спб. 1893.

нѣкоторая строгость, даже жесткость стиля, представляющаго совершенный контрастъ съ тѣмъ направленіемъ, которое господствовало въ современной греческой пластикѣ и выразилось напр. въ знаменитой статуѣ „Фарнезскаго Геракла“ (въ Неаполѣ).

Тѣ же особенности отличаютъ и римскую живопись, продолжающую все еще, какъ и въ предъидущихъ періодахъ, служить главнымъ образомъ декоративнымъ цѣлямъ архитектуры. Правда, низшій видъ этой архитектонической живописи,—раскраска (полихромія) отдѣльныхъ частей зданія,—мало-по-малу вытѣсняется широкимъ употребленіемъ пестрыхъ сортовъ мрамора и мозаикою, но тѣмъ больше распространяется обычай расписывать стѣны—al fresco (по свѣжей, еще мокрой штукатуркѣ) или по сухому фону. Не было такого мало-мальски зажиточнаго римлянина, въ домѣ котораго стѣны не были бы покрыты живописными изображеніями, служившими, стало быть, замѣною нашихъ обоевъ и по большей части не возвышавшимися надъ уровнемъ посредственности. Предметъ ихъ—то различные миѳологическіе эпизоды, то жанровыя сцены. Въ исполненіи преобладаютъ яркіе, бьющіе въ глаза тоны, чаще всего красный или желтый [1]).

b) Словесныя искусства.

Въ области изящной литературы эпоха Цицерона и Августа ознаменована появленіемъ тѣхъ произведеній, которымъ по справедливости присвоено названіе классическихъ и которыя обезпечиваютъ за римскою письменностью вѣчное право на самое серьезное вниманіе и изученіе. Въ это счастливое время въ Римѣ появляется цѣлый рядъ крупныхъ литературныхъ талантовъ, общими силами разрабатывающихъ всѣ виды поэзіи и прозы. Мы не находимъ уже въ римской литературѣ этого періода прежней односторонности и исключительности: наряду съ драмой, которая завершаетъ циклъ своего развитія такъ называемою „комедіею тоги“ [2]) и мимомъ, процвѣтаетъ дидактическій и героическій эпосъ, наряду съ сатирою развивается поэтическая эпистола и эпиграмма, рождается буколическая поэзія, а лирика доходитъ до высокой степени совершенства; вмѣстѣ съ тѣмъ исторіографія окончательно освобождается отъ недостатковъ анналистики и въ нѣкоторыхъ образцахъ достигаетъ не только полной художественности изложенія, но обнаруживаетъ и извѣстныя на-

---

[1]) Helbig Wandgemälde der von Vesuv verschütteten Städte Campaniens (Leipz. 1868); его-же „Untersuchungen über die campanische Wandmalerei“ (Leipz. 1873).

[2]) „Комедіями тоги“ (fabulae togatae) назывались піэсы, заимствовавшія свое содержаніе изъ римской жизни,—въ противоположность „комедіямъ палліума“ (fabulae palliatae), черпавшимъ свои сюжеты изъ быта грековъ.

учныя достоинства; вѣнцомъ же этого богатаго литературнаго развитія является ораторское искусство, въ которомъ римляне далеко опередили своихъ учителей—грековъ, доказавъ этимъ свою способность не только къ пассивному воспріятію чужихъ культурныхъ началъ, но и къ самостоятельной ихъ переработкѣ.

Изъ числа литературныхъ знаменитостей разсматриваемой эпохи мы назовемъ только самыя славныя имена. Къ нимъ безспорно слѣдуетъ отнести во-первыхъ имя Т. Лукреція Кара, оставившаго намъ въ поэмѣ „De rerum natura“ стихотворное изложеніе философской системы Эпикура и имѣвшаго огромное вліяніе на поэтовъ слѣдующаго поколѣнія, которые часто заимствовали у него не только мысли, но и ихъ поэтическую оболочку [1]). Въ этомъ отношеніи ему посчастливилось гораздо больше, нежели его современнику Г. Валерію Катуллу, отцу римской лирики [2]). Несмотря на всю разносторонность своего дарованія, проявлявшагося и въ торжественныхъ религіозныхъ гимнахъ, и въ колкихъ эпиграммахъ, и въ страстныхъ эротическихъ элегіяхъ, Катуллъ не пользовался большою популярностью среди римской публики, и славу его скоро совершенно затмила слава великихъ стихотворцевъ августова времени, которые довели технику искусства до неподражаемости. Между этими послѣдними особенно выдавались трое,—Вергилій, Горацій и Овидій.

II. Вергилій Маронъ пріобрѣлъ всемірную громкую извѣстность, благодаря главнымъ образомъ своей „Энеидѣ“, повѣствующей о водвореніи троянскаго героя Энея въ Лаціи и представляющей замѣчательнѣйшій образчикъ національнаго римскаго эпоса. Но кромѣ этой поэмы, наибольшее достоинство которой заключается не столько въ ея содержаніи, сколько въ безукоризненной формѣ, Вергилій съ успѣхомъ пробовалъ свои силы и въ другихъ областяхъ поэтическаго творчества, между прочимъ въ пастушеской идилліи и дидактикѣ, и его „Эклоги“ и „Георгики“ (похвала сельскому хозяйству), быть можетъ, являются самымъ совершеннымъ изъ всего, что только было имъ написано. Если въ буколическихъ стихотвореніяхъ онъ не сравнился съ Ѳеокритомъ, которому подражалъ, то въ „Георгикахъ“ далеко оставилъ за собою свои греческіе образцы (Гесіода, Арата, Демокрита и др.) и далъ намъ рядъ неподражаемыхъ по своей художественной прелести картинъ

[1]) Лукрецій Каръ О природѣ вещей. Перев. съ лат. размѣромъ подлинника И. Рачинскій. М. 1904; В. И. Марковниковъ Идея культурно-историческаго развитія въ поэмѣ Лукреція („Научное Слово“. 1903, кн. 10).

[2]) Стихотворенія Катулла въ перев. и съ объясн. А. Фета. М. 1886. „Катуллъ и его произведенія“, ст. въ „Соврем.“ (1850, XXII).

деревенской природы [1]). Не менѣе знаменитъ былъ и его ближайшій сверстникъ и другъ Кв. Горацій Флаккъ. Въ философіи—эпикуреецъ, въ жизни—трезвый реалистъ, въ поэзіи—проповѣдникъ умѣренности и спокойнаго, разумнаго наслажденія земными благами,—онъ вмѣстѣ съ Вергиліемъ составлялъ лучшее украшеніе литературнаго кружка Мецената [2]) и подобно творцу „Энеиды“ не предавался ни одному поэтическому роду исключительно. Такъ свои нравственныя воззрѣнія, обнаруживающія въ немъ здравый смыслъ средняго человѣка, Горацій выразилъ въ „Сатирахъ“ и „Эпистолахъ“, гдѣ, не задѣвая никого лично и вовсе не касаясь политическихъ вопросовъ, онъ сумѣлъ съ ясною, добродушною ироніею затронуть всѣ сферы современнаго ему общественнаго и литературнаго быта. Нѣсколько позже „Сатиръ“ были имъ написаны его лирическія пѣсни („Оды“ и „Эподы“), созданныя подъ непосредственнымъ вліяніемъ греческихъ меликовъ (Анакреона, Алкея, Сапфо и др.), а иногда и просто переведенныя съ греческаго. Изящество языка, совершенство и разнообразіе метра, веселый, оживленный тонъ, легкое, подчасъ игривое содержаніе—таковы ихъ особенности, снискавшія имъ то расположеніе образованной публики, которымъ онѣ пользуются до сихъ поръ. Наконецъ и въ области дидактическаго эпоса Горацій заявилъ о себѣ стихотворнымъ „Посланіемъ къ Пизонамъ“, подвергнувъ въ этой піэсѣ разсмотрѣнію различные виды поэтическаго творчества, его условія и законы и явившись такимъ образомъ предшественникомъ Буало [3]). Такую же разносторонность обнаруживалъ и третій великій поэтъ августова вѣка П. Овидій Назонъ,—эпикъ. дидактикъ, трагикъ и эпистолографъ, но больше всего элегикъ, вмѣстѣ съ другими элегиками того времени Аль-

---

[1]) Энеида переведена на русск. языкъ нѣсколько разъ,—В. Сенковскимъ (Спб. 1775), Пемзовымъ, В. Петровымъ, І. Шершеневичемъ (Варшава 1868), Соснецкимъ (М. 1872), Квашнинымъ-Самаринымъ (Спб. 1894); „Эклоги“ существуютъ въ переводѣ А. Мерзлякова (М. 1807), „Георгики“—въ перев. Рубана (Спб. 1777) и Раича (М. 1821).

[2]) О литературныхъ обществахъ въ Римѣ см. ст. М. Герца „Литераторы и публика въ Римѣ“ („Пропилеи“, V); Н. Благовѣщенскаго „О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа“ (Спб. 1855).

[3]) G. Boissier „Nouvelles promenades archéologiques: Horace et Virgile“ (Paris. 1886); W. Detto Horaz u. seine Zeit. 2 Aufl. Berl. 1892. „Горацій и его время“, литературный очеркъ („Соврем.“ 1851); Н. М. Благовѣщенскій „Горацій и его время“ (Спб. 1864); Луц. Мюллеръ „Жизнь и сочиненія Горація“ (Спб. 1880). И. В. Нетушилъ Темы и планы гораціевой Ars poëtica (Ж. М. Н. Пр. 1901). Критикѣ и экзегетикѣ текста Горація посвящены многочисленныя работы Г. Э. Зенгера. Переводы: „Сатиры“ въ перев. Ив. Баркова (Спб. 1763), Муравьева-Апостола, Дмитріева (М. 1858); „Эпистолы“ въ перев. Антіоха Кантемира (Спб. 1744); „Оды“ въ перев. Поповскаго (Спб. 1801), Орлова (Спб. 1830); всѣ соч. въ перев. А. Фета (М. 1883).

біемъ Тибулломъ и Авреліемъ Проперціемъ придавшій этой отрасли лирики высоко-художественную обработку. Его произведеніями („Amores“, „Heroides“, „Metamorphoseis“ и проч.) зачитывались не только его современники, но и средневѣковые любители поэзіи, и это неудивительно, такъ какъ они отличаются рѣдкою музыкальностью стиха и необыкновеннымъ богатствомъ поэтическихъ образовъ [1]).

Широкому развитію поэтической дѣятельности вполнѣ соотвѣтствовало и состояніе прозы. Въ началѣ періода, въ пору жестокихъ смутъ, которыми ознаменованъ переходъ къ имперіи, процвѣло краснорѣчіе, съ утвержденіемъ единовластія Октавіана удалившееся съ форума въ школы реторовъ и получившее здѣсь самую всестороннюю теоретическую разработку. Своего апогея достигло оно при Цицеронѣ (106—43), который съ успѣхомъ подвизался во всѣхъ родахъ ораторскаго искусства и отъ котораго дошло до насъ полностью 56 рѣчей, большею частью записанныхъ имъ послѣ произнесенія въ судѣ (in causa publica.—in causa privata), въ народномъ собраніи (pro concione ad Quirites) или въ сенатѣ (in senatu ad patres). Не говоря уже о внутреннихъ достоинствахъ этихъ лучшихъ образчиковъ римской элоквенціи,—о необыкновенной изобрѣтательности автора, о непобѣдимой силѣ его аргументаціи, о живомъ, точномъ и вразумительномъ изложеніи, о богатствѣ и разнообразіи мыслей,—рѣчи Цицерона больше всего поражаютъ читателя рѣдкою красотою и изысканностью формы, плавностью и закругленностью періодовъ, благороднымъ изяществомъ стиля, и этими качествами обусловливается главнымъ образомъ ихъ колоссальное историко-литературное значеніе. Работу своихъ предшественниковъ, стремившихся придать латинской рѣчи ту гибкость и грацію, которая была присуща гармоническому языку Эллиновъ, Цицеронъ завершилъ блестящимъ образомъ, создавъ, „золотую латынь“,—другими словами сообщивъ латинскому литературному говору полную формальную законченность.

Но этимъ не исчерпывается его громадная заслуга. Обладая рѣдкимъ трудолюбіемъ и любознательностью, онъ, благодаря своему таланту живаго и увлекательнаго изложенія, впервые сдѣлалъ греческую науку доступною для болѣе широкаго круга римской читающей публики и пробудилъ въ ней интересъ къ вопросамъ

[1]) Сочиненія Овидія переведены на рус. яз. полностью А. Фетомъ (1887), равно какъ и элегіи Тибулла (1886); объ овидіевыхъ „Фастахъ“ (родъ стихотворнаго календаря) есть статья проф. П. А. Безсонова (въ „Пропилеяхъ, IV). М. Покровскій Матеріалы для характеристики Овидія (Ж. М. Н. Пр. 1901, кн. 7): Ѳ. Е. Коршъ Римская элегія и романтизмъ. М. 1899.

теоретическаго характера. Кромѣ рѣчей и сочиненій реторическаго содержанія древность знала длинный рядъ принадлежавшихъ ему философскихъ трактатовъ, бойкихъ и умныхъ эпистолъ, историческихъ и даже поэтическихъ произведеній. Такимъ образомъ нелегко найти писателя, который бы могъ соперничать съ нимъ въ плодовитости [1]).

Но поэзія и исторія были не по плечу Цицерону: въ области первой его затмили Катуллъ, Лукрецій и геніальные поэты августова вѣка, въ области второй онъ былъ превзойденъ уже своими современниками—Саллюстіемъ и Юліемъ Цезаремъ.

К. Саллюстій Криспъ [2]), изъ сочиненій котораго только два („О заговорѣ Катилины“ и „Исторія войны съ Югуртой“) сохранились въ цѣлости, можетъ быть по справедливости названъ первымъ римскимъ историкомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Отличаясь необыкновенною сжатостью, онъ стремится не столько къ полнотѣ историческаго изображенія, сколько къ передачѣ внутренняго смысла описываемыхъ имъ событій. Въ исторіи ищетъ онъ уроковъ нравственности и потому придаетъ огромное значеніе характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательнымъ примѣненіемъ прагматическаго метода, какое мы у него находимъ, позволяетъ поставить его гораздо выше какъ блестящаго Цезаря [3]), въ своихъ „Комментаріяхъ“ о войнахъ галльской и гражданской представившаго лучшій образчикъ историческихъ мемуаровъ, такъ и знаменитаго Тита Ливія, автора первой полной исторіи римскаго государства (Annales ab Urbe condita въ 142 книгахъ). Исполинскій трудъ этого послѣдняго историка, жившаго и дѣйствовавшаго уже при Августѣ, обнималъ періодъ времени отъ основанія Рима вплоть до смерти Друза (9 г. до Р. Х.) и основывался на тщательномъ изученіи документальныхъ свидѣтельствъ древности и показаній анналистовъ, но страдалъ полнымъ отсутствіемъ критики и прагматизма. Глубокій патріотизмъ, которымъ было проникнуто это произведеніе, и та

---

[1]) Источниками для знакомства съ жизнью и дѣятельностью Цицерона служатъ кромѣ его собственныхъ сочиненій двѣ его біографіи, изъ которыхъ одна написана Авреліемъ Викторомъ, другая Плутархомъ. Литература о Цицеронѣ указана на стр. 316, прим. Полное собраніе рѣчей Цицерона въ русскомъ переводѣ начало выходить въ 1902 г. подъ ред. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго; двѣ рѣчи переведены Ростовцевымъ („За Секста Росція Амерійскаго“, Кіевъ, 1869; „О назначеніи Помпея полководцемъ“, Кіевъ, 1862).

[2]) Ст. Бабста о Саллюстіи упомянута на стр. 316 (прим.); сочиненія Саллюстія переводились по-русски не разъ (В. Крамаренковымъ въ 1769 г., Н. Озерцовскимъ въ 1808 г., Клевановымъ въ 1857 г.).

[3]) См. прим. на стр. 324. По-русски сочиненія Цезаря имѣются лишь въ плохомъ переводѣ Клеванова (2 изд., М. 1869).

красивая форма, въ которую оно было облечено, доставили ему симпатіи современниковъ Ливія, но въ глазахъ нынѣшняго читателя эти достоинства не могутъ выкупить одинъ крупный недостатокъ, именно полную зависимость автора отъ источниковъ и его дѣтски-простодушное легковѣріе [1]).

c) Философія.

Говоря о римской образованности временъ Цицерона и Августа, невозможно умолчать о философіи, которая при всемъ нерасположеніи римлянъ ко всякаго рода умозрѣніямъ стала въ этотъ періодъ все болѣе и болѣе интересовать римскую публику и нашла наконецъ отголосокъ и въ литературѣ. Само собою разумѣется, что тѣ же греки, вліяніе которыхъ затронуло всѣ другія сферы художественной и литературной производительности въ Римѣ, дали толчокъ и въ этомъ направленіи: первымъ своимъ знакомствомъ съ характеромъ философскихъ вопросовъ и способами ихъ разработки римляне были обязаны главнымъ образомъ аѳинскимъ посланникамъ,—академику Карнеаду, стоику Діогену и перипатетику Критолаю,—являвшимся въ 155 г. въ Римъ и производившимъ здѣсь публичныя чтенія. Среди молодежи, нечуждой эллинскаго образованія, имъ удалось вызвать живое сочувствіе къ предмету своихъ занятій; во многихъ они зародили желаніе глубже проникнуть въ суть греческихъ философскихъ доктринъ, и уже въ концѣ II вѣка до Р. Х. философія нашла въ Римѣ видныхъ представителей въ лицѣ Кв. Элія Туберона, К. Лелія младшаго, Кв. Муція Сцеволы и др. Позже Лукрецій Каръ, какъ мы видѣли, открылъ ей доступъ въ область дидактическаго эпоса, а Цицеронъ сдѣлалъ ее предметомъ цѣлаго ряда элегантныхъ и занимательныхъ трактатовъ нравственнаго характера [2]). При Августѣ же философскія занятія систематически покровительствовались самимъ императоромъ, который предавался имъ съ увлеченіемъ; они вошли въ это время въ такую же моду, какъ и собираніе художественныхъ коллекцій, составленіе библіотекъ, стихотворство и т. п.

d) Науки.

Несмотря на все это въ развитіи философіи римляне однако

---

[1]) „Исторія народа римскаго“ Тита Ливія переведена по-русски А. Клевановымъ въ 5 томахъ (М. 1858—67) и Андріановымъ (Кіевъ. 1900). Книга Тэна о Ливіи („Essai zur Tite Live“, Paris. 1856) также существуетъ въ русскомъ переводѣ Е. Герье (2 изд. М. 1900).

[2]) Вотъ списокъ философскихъ трудовъ Цицерона, имѣющихся въ русскомъ переводѣ: „о должностяхъ“ (перев. Б. Волкова, Спб. 1761); „о совершенномъ добрѣ и крайнемъ злѣ“ (перев. Посникова; изд. 2, Спб. 1783); „о утѣшеніи“ (Спб. 1775); „о системѣ боговъ“ (перев. И. Гриневича, Харьковъ, 1817); „Лелій или о дружествѣ“ (перев. М. Павлова. Спб. 1781, и И. Окрасинскаго, Кіевъ, 1886); „о добродѣтели“ (перев. Н. Антонскаго, М. 1820); „о старости“ (перев. А. Зиновьева. М. 1866); „тускуланскія бесѣды“ (перев. Ѳ. Садова въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1886 г.).

не ушли дальше своихъ учителей. Философствованіе не коренилось въ самыхъ свойствахъ римскаго духа, по преимуществу направленнаго къ практическимъ цѣлямъ; оно было въ Римѣ экзотическимъ растеніемъ, пересаженнымъ на чужую, мало для него подходившую почву. Основной его характеръ здѣсь—эклектизмъ съ преобладаніемъ эпикурейскихъ и стоическихъ элементовъ, причемъ не столько теоретическая сторона ученія стоиковъ и эпикурейцевъ, сколько ихъ этика интересовала образованныхъ римлянъ, которые привыкли все оцѣнивать съ точки зрѣнія непосредственной примѣнимости къ жизни. И съ этой стороны нельзя сказать, чтобы занятія философіей въ Римѣ были совершенно безплодны. Они не остались, во-первыхъ, безъ вліянія на развитіе науки права, блестящими представителями которой въ разсматриваемую эпоху были ученые юристы Сервій Сульпицій Руфъ, Антистій Лабеонъ и Атей Капитонъ; ими были, во-вторыхъ, въ значительной степени обусловлены и успѣхи грамматики, и лучшіе языковѣды этого времени,—М. Теренцій Варронъ Реатинскій и П. Нигидій Фигулъ,—пользовались репутаціею людей, получившихъ глубокое философское образованіе [1]).

IV. Эпоха ближайшихъ преемниковъ Августа. Ея общій характеръ.

Со смертью Августа наступаетъ новая пора въ развитіи римской образованности. Съ одной стороны предѣлы того умственнаго движенія, которымъ характеризуется послѣднее до-христіанское столѣтіе еще болѣе расширяются: они достигаютъ теперь далекихъ провинціальныхъ уголковъ, и въ числѣ литературныхъ дѣятелей эпохи мы встрѣчаемъ напр. уроженцевъ Кордовы, Бильбилиса, Калагурры и проч.; съ другой — тяжелый гнетъ деспотическаго правленія цезарей, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга на императорскомъ престолѣ и совершенно подавлявшихъ въ обществѣ всякую свободу мысли и слова, не могъ не отразиться невыгодно на внутреннихъ свойствахъ художественныхъ и научныхъ произведеній этого времени. Общій тонъ ихъ мраченъ; въ немъ нѣтъ слѣда прежней силы и мощи римскаго духа. За то въ формѣ проявляется стремленіе къ вычурности, къ внѣшнимъ эффектамъ,—стремленіе, свойственное періодамъ упадка. Встрѣчая силь-

[1]) Варронъ былъ и поэтомъ, и историкомъ, и реторомъ, и философомъ, и грамматикомъ, и даже математикомъ. Центромъ его ученыхъ занятій было изученіе римскихъ древностей и литературы, результатомъ котораго явилось обширное сочиненіе „Rerum humanarum et divinarum antiquitates“, охватывавшее всѣ стороны религіозной и политической жизни римлянъ. Къ сожалѣнію, оно не дошло до насъ, но единогласное свидѣтельство древности приписываетъ ему огромное вліяніе на позднѣйшую разработку исторіи отечественной старины въ Римѣ. О дѣятельности Варрона см. соч. проф. И. В. Помяловскаго „М. Теренцій Варронъ и менниппова сатура“ (Спб. 1869).

ную поддержку въ правительствѣ, развивается школьная ученость,— и узкій педантизмъ мало по малу налагаетъ стѣснительныя оковы на свободное творчество. Въ то же время матеріальная культура блещетъ разнообразіемъ и пышностью, а техническія искусства соотвѣтственно все болѣе и болѣе возрастающему спросу на продукты промышленнаго труда достигаютъ небывалой высоты развитія [1]).

a) Искусство.

Переходя къ частностямъ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на архитектурѣ, окончательно выработавшей въ эпоху Флавіевъ и Антониновъ всѣ свои типическія, спеціально римскія особенности. Громадный Колизей, предназначенный служить мѣстомъ гладіаторскихъ игръ и вмѣщавшій въ себѣ больше 100 т. человѣкъ, тріумфальная арка Тита, траянова колонна съ рельефными изображеніями сценъ изъ дакійской войны, наконецъ мавзолей Гадріана, изукрашенный орнаментами изъ парросскаго мрамора, — вотъ славнѣйшіе ея образцы. Подавляющая массивность, стремленіе импонировать нагроможденіемъ декоративныхъ элементовъ, ослѣпительная роскошь отдѣлки и несокрушимая прочность, — все это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ всемірнаго владычества Рима, какъ бы воплощенной въ этихъ гигантскихъ сооруженіяхъ. Наряду съ ними блѣднѣютъ произведенія скульптуры и живописи, по прежнему страдающія отсутствіемъ оригинальности и бѣдностью изобрѣтательности.

b) Литература и спеціальныя знанія.

Въ литературѣ этого періода господствуетъ декламація и реторика. Поэзія, представителями которой являются эпики — Анней Луканъ, Силій Италикъ и Папиній Стацій, сатирики — Персій Флаккъ и Юній Ювеналъ, трагикъ Сенека и эпиграмматистъ Валерій Марціалъ, отличается либо напускнымъ фразистымъ паѳосомъ, напыщенностью и искусственностью, какъ въ „Фарсаліи“ Лукана и „Ѳиваидѣ“ Стація, либо изысканною темнотою и стремленіемъ къ учености, какъ въ сатирахъ Персія и Ювенала [2]). Она черпаетъ свое содержаніе по преимуществу изъ области миѳовъ или изъ исторіи, съ неохотою обращаясь

[1]) О. Гордіевичъ Высшее образованіе въ Римѣ во время императоровъ Кіевъ. 1892 г.

[2]) „Фарсалія“ Лукана была переведена по-русски С. Филатовымъ (Спб. 1819); сатиры Персія перевелъ и объяснилъ Н. М. Благовѣщенскій (Спб. 1873), а сатиры Ювенала—А. Фетъ (М. 1885) и А. Адольфъ (М. 1888); см. также „Ювеналъ“. двѣ публич. лекціи Н. М. Благовѣщенскаго (Спб. 1860); Д. И. Нагуевскій Римская сатира и Ювеналъ. Митава. 1879; о Марціалѣ см. Н. А. Андреевскаго „Валерій Марціалъ; культурно-біографич. очеркъ изъ эпохи Доминціана“ (Харьковъ, 1880); гр. А. Олсуфьевъ Марціалъ (біографич. очеркъ). Спб. 1891; А. Маленинъ Марціалъ. Изслѣдованія въ области рукописнаго изданія поэта и его интерпретаціи. Спб. 1899.

къ вопросамъ и явленіямъ живой, непосредственной современности, — если же затрогиваетъ ихъ, то лишь съ этической точки зрѣнія: глубокая испорченность, царящая въ римскомъ обществѣ временъ имперіи, естественно вызываетъ протестъ со стороны тѣхъ, въ комъ не заглохло еще нравственное чувство, и тогда „facit indignatio versum“ (негодованіе рождаетъ стихъ). Это сатирическое направленіе выразилось и въ романѣ, представителями котораго въ римской литературѣ были Петроній въ разсматриваемую эпоху и Апулей—въ слѣдующемъ періодѣ [1]).

Еще болѣе, нежели на поэтическихъ произведеніяхъ, долженъ былъ отразиться духъ времени на состояніи исторической литературы. Свободное выраженіе мыслей и взглядовъ при ближайшихъ преемникахъ Августа, подозрительно преслѣдовавшихъ всякое проявленіе независимости, стало фактически невозможнымъ, а, стало быть, историку предоставлялось либо составлять панегирики императорамъ, какъ и поступали писатели временъ Тиберія Веллей Патеркулъ и Валерій Максимъ [2]), либо же отъ событій ближайшаго прошлаго обращаться къ далекой древности и въ ней искать матеріаловъ для историческаго изслѣдованія. И только въ счастливый періодъ имперіи, — въ вѣкъ Флавіевъ и Антониновъ, отличавшихся благородною терпимостью,—снова обнаружилось нѣкоторое оживленіе въ исторической литературѣ. Въ эту пору появляются въ свѣтъ труды Тацита и Светонія.

Корнелій Тацитъ принадлежитъ къ числу величайшихъ историковъ древности и по своему необыкновенному умѣнью постигать внутреннюю связь изображаемыхъ имъ событій, по глубокому знанію людей и рѣдкому дару тонкой и мѣткой характеристики, по горячей любви къ истинѣ, по мастерству изложенія,— сжатаго и ораторски-сильнаго, не уступаетъ Ѳукидиду, отъ котораго отличается лишь большею субъективностью. Въ двухъ большихъ сочиненіяхъ („Annales“ и „Historiae“) онъ представилъ исторію императорскаго Рима отъ смерти Августа до Домиціана, а въ небольшомъ, но очень цѣнномъ для современныхъ изслѣдователей трактатѣ „Germania“ въ общихъ чертахъ изобразилъ бытъ народа, привлекавшаго къ себѣ всѣ его симпатіи своею непосред-

---

[1]) E. Thomas L'envers de la société romaine d'après Petrone. P. 1894. „Пиръ Тримальхіона“ (изъ Петронія), перев. И. Холодняка („Филол. Обозр.“ XVIII. 1900).

[2]) Веллей Патеркулъ написалъ римскую исторію отъ Энея до 30 г. по Р. Х. переведенную по-русски Ѳ. Мойсеенковымъ (Спб. 1774), а Валерій Максимъ составилъ сборникъ историческихъ анекдотовъ, также существующій у насъ въ старомъ переводѣ И. Алексѣева (Спб. 1772).

ственностью и нравственною чистотою [1]). Суровый, обличительный тонъ человѣка, до глубины души возмущеннаго нравственнымъ растлѣніемъ современнаго ему общества, господствуетъ во всѣхъ его произведеніяхъ и представляетъ полный контрастъ съ тѣмъ спокойнымъ и яснымъ міросозерцаніемъ, которое проглядываетъ въ другомъ бытописателѣ той же эпохи—К. Свѣтонія Транквиллѣ, авторѣ „Жизнеописаній двѣнадцати римскихъ императоровъ“ (отъ Цезаря до Домиціана). Обладая обширными энциклопедическими познаніями и основываясь на хорошихъ источникахъ, Свѣтоній сумѣлъ составить свои біографіи толково и занимательно, и трудъ его во многихъ отношеніяхъ дополняетъ сообщенія Тацита. Позднѣйшія поколѣнія цѣнили его очень высоко, и такъ называемые „scriptores historiae augustae“ находились подъ сильнымъ его вліяніемъ [2]).

Новыя условія общественной жизни наложили свой отпечатокъ и на ораторское искусство. Съ тѣхъ поръ, какъ интересъ къ политикѣ и дѣламъ государственнымъ сталъ въ обществѣ все болѣе и болѣе замирать, краснорѣчіе естественно замкнулось въ болѣе узкія рамки, и, если все таки продолжало ревностно изучаться, то лишь съ какими нибудь побочными цѣлями, напр. въ видѣ подготовительной школы къ занятіямъ историографическимъ или философскимъ, либо же въ интересахъ общаго образованія. Процессъ этотъ начался уже при Августѣ и совершенно закончился при послѣдующихъ императорахъ. Несмотря на все покровительство съ ихъ стороны, римское ораторское искусство быстро и неудержимо падало съ той высоты, на которую оно было вознесено Цицерономъ, и постепенно вырождалось въ манерное и утомительно-однообразное реторство. Все вниманіе отнынѣ стало устремляться исключительно на внѣшность, на форму, которой

[1]) O. Wackermann Der Geschichtschreiber P. Cornelius Tacitus. Сочиненія Тацита много разъ переводились на русскій языкъ. Такъ „Лѣтопись“ (Annales) была переведена Румовскимъ (Спб. 1806—9), Ѳ. Поспѣловымъ (1805—6), Кронебергомъ (М. 1859); „Исторія“ — Ѳ. Поспѣловымъ (Спб. 1807); „Жизнь Агриколы“—И. Гориннымъ (М. 1798), Ѳ. Поспѣловымъ (Спб. 1802), Вѣтринскимъ („Сынъ Отеч.“ за 1843 г.); „Германія“—В. Свѣтовымъ (Спб. 1772), Г. Нейкирхомъ (Одесса, 1867); „Разговоръ объ ораторахъ“—Ѳ. Поспѣловымъ (Спб. 1805) и неизвѣстнымъ (въ „Сынѣ Отеч.“ за 1847 г.). Всѣ сочиненія Тацита вмѣстѣ существуютъ по-русски въ изложеніи В. Б. Донна (пер. съ англ. Спб. 1876) и въ переводѣ А. Клеванова (М. 1870) и проф. В. И. Модестова (съ примѣчаніями и статьею о Тацитѣ; Спб. 1886 сл.); послѣднему принадлежитъ также талантливо написанная монографія о Тацитѣ (диссерт.) и рядъ статей въ Журн. Мин. Н. Пр. за 1893—94 гг. подъ общимъ заглавіемъ „Замѣтки по Тациту“.

[2]) Кромѣ двухъ старыхъ переводовъ Свѣтонія на русск. яз. (одинъ—М. Ильинскаго, изд. въ Спб. 1776 г., другой—неизвѣстнаго, 2 изд. М. 1794) есть и новый В. Алексѣева (съ введ. и примѣч.; изд. А. Суворина. Спб. 1904).

ораторы эпохи старались сообщить минутный блескъ употребленіемъ изысканныхъ, поэтическихъ оборотовъ рѣчи, архаизмовъ, вычурныхъ фигуръ, рѣдкихъ словъ и т. п. Напрасно люди со вкусомъ, какъ М. Фабій Квинтиліанъ, занимавшій при Веспасіанѣ видную должность профессора элоквенціи въ учрежденной императоромъ реторической школѣ, боролись съ этимъ ложнымъ направленіемъ: оно увлекало всѣхъ литературныхъ представителей вѣка, и отъ его вліянія не освободился и наиболѣе даровитый ораторъ того времени К. Плиній Секундъ Младшій, оставившій намъ въ своихъ эпистолахъ и „Панегирикѣ Траяну“ образцы утонченной и разсчитанной на эффектъ декламаціи [1]).

Въ такой же, если еще не въ большей мѣрѣ были запечатлѣны характеромъ искусственности произведенія Л. Аннея Сенеки, знаменитаго воспитателя Нерона и лучшаго представителя тогдашней римской философіи. Сенека подобно Цицерону эклектикъ, но изъ всѣхъ философскихъ системъ стоическая пользовалась его наибольшимъ сочувствіемъ. Въ духѣ стоиковъ между прочимъ составлены тѣ многочисленныя разсужденія о гнѣвѣ, о спокойствіи души, о краткости жизни, о милосердіи и тому подобныхъ этическихъ вопросахъ, которыя дошли до насъ съ его именемъ и впослѣдствіи снискали ему такое уваженіе со стороны христіанскихъ писателей; тѣмъ же духомъ вѣетъ и отъ его писемъ и даже отъ приписываемыхъ ему трагедій, по всей вѣроятности предназначавшихся только для чтенія и оттого страдавшихъ излишнимъ резонерствомъ [2]). Вообще, какъ бы въ противовѣсъ къ повальной испорченности общества, стоическая нравственная философія рѣшительно преобладала въ императорскую эпоху надъ умами тѣхъ немногихъ сильныхъ волею людей, которые имѣли достаточно самообладанія, чтобы не поддаться гибельному вліянію среды. А иные доводили даже это увлеченіе

---

[1]) V. Cucheval Hist. de l'éloquence romaine depuis la mort de Cicéron jusqu'à l'avénement de l'empereur Hadrien. 2 vols. Paris. 1893.

[2]) К. Зедергольмъ „Плиній Мл.“ (Пропилеи. V); Опацкій „Плиній Младшій, литературный дѣятель временъ Нервы и Траяна“. Варшава. 1878. Гвоздевъ Образованность и литературные нравы въ римскомъ обществѣ времен. Плинія Младшаго (Ж. М. Н. Пр. 1873); „Плиній Младшій“ въ Сборн. древн. классиковъ въ изложеніи Л. Коллинза. Объ эпистолографіи, занимающей столь видное мѣсто въ римской литературѣ см. H. Peter Der Brief in der römischen Literatur. Пл. Красновъ „Люцій Анней Сенека. Его жизнь и философская дѣятельность“. Спб. 1895 (біогр. библ. Павленкова); Л. А. Сенека Избранныя письма къ Люцилію (перев. Пл. Краснова). Спб. 1893; его-же „Сатира на смерть императора Клавдія“ (перев. В. Алексѣева), Спб. 1893; В. И. Модестовъ „Философъ Сенека и его письма къ Луцилію“. Кіевъ. 1872 (также Ж. М. Н. П. 1878, кн. 11). Н. Побѣдинскій Мысли о Богѣ Л. А. Сенеки въ ихъ отношеніи къ христіанству („Вѣра и Раз.“ 1901).

стоицизмомъ до крайности, протестуя противъ роскоши и изнѣженности показнымъ вериществомъ и грубостью, противъ безнравственности—чуть не аскетизмомъ.

Что касается спеціальныхъ знаній, то замѣчено, что съ ослабленіемъ творческой производительности обыкновенно развивается кропотливая ученая дѣятельность, и занимающій насъ періодъ римской образованности можетъ подтвердить это наблюденіе. Не только въ правѣ и агрикультурѣ, представлявшихъ съ давнихъ поръ излюбленныя римлянами отрасли знанія, но и въ области филологіи, географіи, медицины, естественныхъ и математическихъ наукъ мы замѣчаемъ теперь небывалое до этого времени движеніе. Стоитъ назвать имена Валерія Проба (грамматика), Помпонія Мелы (автора сочиненія „о положеніи земного шара"), Корнелія Цельза (врача), Юнія Колумеллы (автора трактата о земледѣліи) [1]) и особенно К. Плинія Секунда Старшаго (естествоиспытателя), чтобы показать, какой важный моментъ въ исторіи наукъ представляла эпоха Флавіевъ и Антониновъ. Наилучшимъ памятникомъ тогдашней эрудиціи служитъ громадная „Historia naturalis" Плинія, матеріалъ для которой авторомъ былъ собранъ помимо его личныхъ наблюденій болѣе, нежели изъ 2000 сочиненій, и которая въ 37 книгахъ обнимала не только космографію, географію, естественную исторію и медицину, но даже исторію искусствъ.

V. Время упадка римской образованности.

Явленія интиллектуальной жизни римскаго общества, въ общихъ чертахъ намѣченныя нами на предъидущихъ страницахъ, продолжаютъ прогрессивно развиваться и въ пятомъ періодѣ римской образованности. Уже при Тацитѣ и Ювеналѣ въ классическую латынь золотаго вѣка вошло подъ вліяніемъ реторическихъ тенденцій времени не мало новыхъ элементовъ, измѣнившихъ ея характеръ безупречной чистоты и изящества языка. Съ распространеніемъ образованія въ провинціяхъ эти измѣненія стали еще значительнѣе: въ литературный языкъ римлянъ вкралось множество провинціализмовъ, и, благодаря имъ, серебряная латынь времени ближайшихъ преемниковъ Августа мало по малу выродилась въ латынь мѣдную, представителями которой являются писатели трехъ послѣднихъ столѣтій самостоятельнаго существованія Рима. Съ внутренней стороны художественныя и научныя произведенія этого періода обнаруживаютъ также всѣ признаки рѣшительнаго упадка: искусство, щеголяя техникою, отличается

[1]) Б. В. Варнеке Колумелла („Фил. Обозр." XVI).

варварскимъ отсутствіемъ вкуса и скудостью мысли, изящная литература живетъ на счетъ своего славнаго прошлаго, въ философіи начинается преобладаніе мистическихъ началъ, и только наука права продолжаетъ развиваться, поддерживаемая правительствомъ и представляемая такими геніальными юристами, каковы были Гаій, Эмилій Папиніанъ, Домицій Ульпіанъ, Юлій Павелъ и Геренній Модестинъ, — пять корифеевъ римскаго правовѣдѣнія, благодаря которымъ оно сдѣлалось образцомъ для всѣхъ временъ и народовъ. На ихъ трудахъ покоятся цѣликомъ юридическія изданія юстиніанова времени, достойнымъ образомъ завершающія собою развитіе той отрасли знанія, въ которой римляне проявили наиболѣе оригинальности и таланта. „Corpus juris civilis“ — есть такимъ образомъ послѣдній даръ, завѣщанный новому міру сходящимъ съ исторической сцены античнымъ Римомъ [1])].

[7]) Изъ обширной литературы исторіи римскаго права, кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 260, и лекцій Ефимова, Д. Азаревича, Н. П. Боголѣпова („Учебникъ исторіи римскаго права“. Н. 1895) и др., назовемъ здѣсь: O. Karlowa Römische Rechtsgeschichte. Leipz. 1893; Zachariae v. Lingenthal Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3 Aufl. Berlin. 1893.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Объ отношеніи историческихъ наукъ къ естествознанію [1]).

..... Всѣмъ извѣстно, какъ широко распространился въ послѣднее время кругъ историческаго изслѣдованія и особенно—историческаго метода. Философія и науки богословскія, правовѣдѣніе и общественныя науки, даже языкознаніе мало по малу входятъ въ сферу исторіи и являются уже какъ бы частями одного огромнаго цѣлаго, обнимающаго всю область человѣческой мысли и дѣятельности. Такъ что въ строгомъ смыслѣ въ настоящее время только двѣ науки—естествовѣдѣніе и исторія.

Я не безъ намѣренія противупоставилъ и группировалъ всю массу нашихъ свѣдѣній о природѣ физической и всю массу нашихъ познаній о нравственномъ мірѣ въ эти двѣ громадныя науки. Между ними дѣйствительно лежитъ уже довольно рѣзкая грань: свойство явленій, законы, ими управляющіе, методъ изслѣдованія этихъ законовъ—здѣсь уже все различно. Но дѣло въ томъ, что естественныя науки, изучая внѣшнюю природу, имѣли предметъ болѣе доступный и не столь сложный, какъ явленія міра нравственнаго, составляющаго область исторіи, и потому развились ранѣе и сдѣлали болѣе успѣховъ. Отсюда то чувство нѣкотораго превосходства, чтобы не сказать гордости, съ какимъ естествознаніе смотрѣло на болѣе медленный ходъ и относительную незначительность видимыхъ результатовъ, добытыхъ историческою

---

[1]) Извлечено изъ рѣчи, произнесенной проф. М. Н. Петровымъ на диспутѣ въ Имп. Моск. Унив. 26 ноября 1865 года и тогда же напечатанной въ „Ученыхъ Извѣстіяхъ Моск. Унив.“ № 4, стр. 282 сл. *Ред.*

наукой; начиная съ прошлаго столѣтія оно приняло въ отношеніи къ исторіи какую то руководящую роль и безпрестанно дѣлало вторженія въ ея область, пытаясь примѣнить къ ней свои методы и пріемы изслѣдованія, и очень часто, по крайней мѣрѣ временно, въ томъ успѣвало. Въ недавнее время мы всѣ были свидѣтелями одного изъ такихъ вторженій. Громадная начитанность и удивительный даръ комбинацій доставили книгѣ Бокля, какъ у насъ, такъ и заграницей, довольно широкую популярность и распространили въ обществѣ матеріалистическій взглядъ на исторію, основанный на отрицаніи въ человѣкѣ свободной воли.

[Въ такую минуту не неумѣстно остановить вниманіе публики на вопросѣ о судьбахъ историческаго знанія въ новѣйшее время, о его задачахъ и отношеніи къ естествовѣдѣнію]. Вотъ нѣсколько соображеній объ этомъ предметѣ.

Основной характеръ среднихъ вѣковъ есть господство авторитета во всѣхъ сферахъ жизни. Въ религіи, философіи и вообще въ наукѣ мысль человѣка связана авторитетомъ канонической библіи и обарабленнаго Аристотеля, въ жизни общественной и правѣ—авторитетомъ теократической церкви. Новое время для Европы начинается съ той минуты, когда въ обществѣ возникаетъ не только протестъ, но и дѣйствительная, успѣшная реакція противъ этой всесторонней опеки. Съ самаго XVI вѣка со всѣхъ сторонъ начинаютъ напротивъ требовать свободы и самостоятельности для возмужавшаго человѣка. Вся исторія новаго времени есть именно исторія освобожденія человѣческой личности отъ сдѣснявшихъ ее авторитетовъ. Церковные реформаторы ставятъ ее въ непосредственныя, свободныя отношенія къ Божеству; Декартъ требуетъ свободы для человѣческой мысли, полагая въ ней одной все достоинство человѣка и даже отожествляя ее съ самымъ бытіемъ. Гроцій распространяетъ ученіе, что государство—само для себя высшая цѣль и что общественныя отношенія и право вытекаютъ не изъ другаго какого-нибудь источника, какъ изъ разумной и соціальной природы самого же человѣка. Но какъ только свергнута была эта повсемѣстная власть авторитета, для новаго человѣка не оставалось другаго пути, другаго источ-

ника истины и знанія, какъ опытъ. Слѣдуя направленію вѣка, путь этотъ указалъ ему Бекон, по методу котораго стали разрабатываться сначала естественныя науки, а потомъ и нравственныя. Такимъ образомъ тогда уже, когда впервые высказана была мысль объ опытномъ знаніи, можно было предвидѣть, что въ новое время станутъ господствовать только двѣ науки—естествознаніе и исторія. Одна, какъ сумма наблюденій и выводовъ о природѣ внѣшней, другая, какъ запасъ опытовъ, представляемыхъ жизнію міра нравственнаго. Въ средніе вѣка не могло быть исторіи, какъ науки, потому что событія считались непосредственнымъ проявленіемъ воли Божества. Вотъ, напримѣръ, какъ объясняетъ британскій монахъ XII вѣка Генрихъ Гонтингдонскій завоеваніе Англіи норманнами: „Perfecit Dominator Deus, говоритъ онъ, de gente Anglorum, quod diu cogitaverat; genti namque Normannorum tradidit eos ad exterminandum". Въ словахъ этихъ—весь взглядъ, весь характеръ средневѣковаго бытописанія. Катастрофа, постигшая Англію въ 1066 году, представляется дѣломъ божественнаго предначертанія; но если это дѣло Божіе, стоящее внѣ человѣческой воли и власти, то нѣтъ особенной цѣли и интереса подробно изучать его и генетически описывать. Средневѣковой хронистъ и записываетъ его голословно и отрывочно, просто — на память будущимъ поколѣніямъ. Только тогда, когда человѣкъ сталъ на своихъ ногахъ и сдѣлался господиномъ своей собственной жизни, понадобились ему опыты и уроки прошедшаго, и онъ сталъ изучать и интересоваться исторіей.

Естествознаніе и исторія,—вотъ, стало быть, двѣ существенныя, почти исключительныя науки, свойственныя новому времени. Но я упоминалъ уже, что естествознаніе развилось раньше и далеко опередило исторію своими успѣхами. Оттого, слѣдя за развитіемъ той и другой отрасли человѣческаго вѣдѣнія, нельзя не замѣтить нѣкоторой зависимости, въ которой исторіографія постоянно находилась отъ естественныхъ наукъ, слѣдуя большею частію параллельно тѣмъ фазамъ и ступенямъ развитія, которыя проходили эти послѣднія. Позвольте мнѣ пояснить это нѣсколькими примѣрами. Я начну съ XVII вѣка, потому что собственно

только съ этого времени начинается самобытная, новая исторіографія, такъ какъ историки предшествовавшихъ столѣтій или эпохи Возрожденія—Макіавелли, Гвичардини, Джовіо, Слейданъ—и отчасти даже нѣкоторые изъ послѣдующихъ—Туанъ, Страда и другіе были еще подражателями древнихъ, вкусъ къ изученію которыхъ въ это время, какъ извѣстно, господствовалъ въ западной Европѣ. Первымъ историкомъ въ духѣ новаго времени былъ неаполитанецъ Вико, писавшій въ началѣ XVIII вѣка. Съ него я и намѣренъ начать мой обзоръ.

Извѣстно, что изъ всѣхъ естественныхъ наукъ ранѣе другихъ развилась астрономія. Въ то время, когда другія отрасли естествовѣдѣнія были еще въ совершенномъ младенчествѣ, Коперникъ въ половинѣ XVI вѣка и потомъ сто лѣтъ спустя Галилей положили новѣйшей астрономіи такія твердыя основанія, что впослѣдствіи Ньютону, Кеплеру и Лапласу оставалось только болѣе ученымъ и подробнымъ образомъ развить законы небесной механики. Прежде же всего астрономическія идеи реагировали на формы и представленія новой исторіографіи. Вліяніе ихъ замѣтно на двухъ знаменитѣйшихъ философскихъ историкахъ XVIII вѣка, на Вико и Гердерѣ. Въ своемъ сочиненіи „Новая наука“ Вико видитъ въ исторіи человѣчества періодически совершающіеся циклы развитія, и каждый циклъ съ неизбѣжною правильностію проходитъ три ступени или періода—божественный, героическій и человѣческій. Въ древности совершился одинъ такой циклъ, а съ началомъ среднихъ вѣковъ наступилъ другой. Я думаю, что въ этихъ представленіяхъ о правильномъ періодическомъ теченіи исторіи нельзя не признать вліянія астрономическихъ идей, вообще такъ легко дѣйствующихъ на умы стройностію и величіемъ законовъ, управляющихъ цѣлымъ мірозданіемъ. Соотечественникъ и почти современникъ Галилея такъ легко могъ увлечься попыткой—открыть и въ нравственномъ мірѣ исторіи подобный же незыблемый порядокъ и законообразность. Такой же астрономическій оттѣнокъ въ построеніи исторіи лежитъ и на сочиненіи Гердера. Кто читалъ его „Идеи о философіи исторіи человѣчества“, тотъ не могъ не замѣтить этого. Земля есть средняя планета въ

солнечной системѣ,—ея средняя представительница; такъ точно человѣкъ, микрокосмъ всего живущаго на землѣ, есть ея истинный представитель. Какъ сама планета наша составляетъ переходъ къ другимъ, быть можетъ, болѣе совершеннымъ мірамъ, такъ и человѣкъ въ цѣпи творевій является соединительнымъ звеномъ органическаго міра съ духовнымъ. Исторія человѣчества представляетъ картину его воспитанія и постепеннаго приготовленія для этой высшей духовной жизни подъ руководствомъ всеблюдущаго Промысла, дѣйствующаго въ судьбахъ людей не произвольно, но посредствомъ неизмѣнныхъ законовъ, въ силу которыхъ на землѣ совершается только то, что по даннымъ условіямъ совершиться можетъ и должно. Законы же эти—свобода, разумность и гуманитетъ, какъ верховная цѣль жизни и исторіи человѣчества. Вотъ — главныя основанія гердеровыхъ „идей“. Не правда ли, что представляемая ими исторія человѣчества есть тоже своего рода планетная система нравственнаго міра, управляемая верховною идеей „гуманитета“, какъ міровымъ закономъ тяготѣнія?

Послѣ этой, такъ сказать, астрономической исторіи я перехожу къ слѣдующей ступени развитія нашей науки.

Кто не знаетъ, что большая часть естественныхъ наукъ въ ихъ теперешнемъ видѣ обязана своимъ происхожденіемъ Франціи, т. е. преимущественно великимъ французскимъ ученымъ второй половины XVIII вѣка? Прево, Фурье, Колумбъ, Френель открываютъ въ это время первые законы такъ называемыхъ невѣсомыхъ—свѣта, теплоты, электричества. Лавуазье основываетъ химію, а Кювье — геологію и зоологію. Первый подвергаетъ анализу составъ тѣлъ и объясняетъ законы ихъ внутренняго строенія. Второй создаетъ новую классификацію животныхъ по внутреннимъ органическимъ признакамъ и открываетъ для науки цѣлый новый міръ ископаемыхъ организмовъ. Оба установляютъ въ наукѣ отселѣ непоколебимое убѣжденіе въ измѣняемость міра и въ правильность, законообразность этихъ измѣненій. Наконецъ основатель новѣйшей анатоміи и физіологіи Бишa распространяетъ кругъ аналитическихъ наблюденій и опытовъ, введенныхъ Лавуазье въ изслѣдованіе неорганическаго міра, и на міръ органическій и на-

чинаетъ изслѣдовать не только органы, но и ткани, изъ которыхъ они составлены. Такимъ образомъ открытіе новыхъ силъ природы, распространеніе круга наблюденій на огромное количество новыхъ предметовъ, повсемѣстное приложеніе аналитическаго метода и изслѣдованіе древнѣйшихъ, давно исчезнувшихъ ступеней органической жизни—составляютъ господствующія, капитальныя явленія тогдашней науки естествознанія.

Взглянемъ теперь на исторіографію той же эпохи—и мы увидимъ, что и въ ней происходило до того похожее движеніе, что трудно не признать въ немъ вліянія, на которое я хочу указать вамъ.

Во-первыхъ, въ исторіи въ это время тоже открыты свои невѣсомыя силы—духъ вѣка, характеръ народный, мѣстный колоритъ, однимъ словомъ, такіе двигатели, которые собственно не выражаются ни въ какомъ особенномъ, исключительномъ фактѣ или событіи, но которые однакожъ незримо участвуютъ въ каждомъ и одушевляютъ все, подобно тому какъ свѣтъ, теплота и электричество проникаютъ и дѣйствуютъ во всѣхъ предметахъ. Историки прежняго времени, занятые исключительно крупными, такъ сказать. осязательными событіями придворной, военной и государственной жизни, и не подозрѣвали существованія подобныхъ тайныхъ историческихъ агентовъ. И только писатели XVIII вѣка, въ Англіи—Юмъ, Гиббонъ, во Франціи—Вольтеръ и Монтескье, въ Германіи — Мих. Игнатій Шмидтъ и особенно Іоганнъ фонъ-Мюллеръ, первые обратили на нихъ вниманіе.

Далѣе, въ той же параллели съ естествознаніемъ въ исторіи тоже чрезвычайно расширился горизонтъ изслѣдованія, и множество новыхъ предметовъ введено въ ея область: дѣла церковныя и администрація, экономическія условія быта, литература и искусство, нравы и обычаи стали считаться составными частями исторіи, по крайней мѣрѣ столь же важными, какъ сраженія, трактаты и перемѣны правителей. Однимъ словомъ, возникаетъ такъ называемая „культурная исторія“, отличающая уже всѣхъ извѣстнѣйшихъ историковъ конца XVIII и начала нынѣшняго столѣтія. Исторія дѣлаетъ впервые притязаніе обнять всю жизнь, какъ естествознаніе дѣлаетъ усиліе—обнять своими изслѣдованіями всю природу.

Введенію аналитическаго метода въ науку естествознанія соотвѣтствуетъ въ исторіографіи появленіе „исторической критики“. Первый, настаивавшій на необходимости подчинить историческій матеріалъ оцѣнкѣ и суду здраваго смысла, былъ англичанинъ Боллинброкъ въ своихъ „письмахъ объ изученіи и пользѣ исторіи“. Идеи его объ этомъ предметѣ распространилъ во Франціи Вольтеръ, представившій и первые,—къ сожалѣнію, весьма произвольные,—образчики критической исторіи. Великіе англійскіе историки XVIII вѣка уже всѣ пользуются этимъ новымъ оружіемъ науки, каждый на свой ладъ и для своихъ цѣлей. Въ Германіи наконецъ примѣръ ученой исторической критики данъ Юстусомъ Мезеромъ и Фр. Авг. Вольфомъ, пока наконецъ историческая школа не довела это искусство до совершенства, по истинѣ изумительнаго.

Силою этого великаго новаго искусства сынъ естествоиспытателя Карстена Нибура Георгъ Бартольдъ Нибуръ создалъ для науки, если можно такъ выразиться, „ископаемую исторію“. Нибуръ—это Кювье исторіографіи. И чтобъ вамъ не показались эти выраженія слишкомъ парадоксальными, позвольте вамъ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ состояли процессы нибуровой критики и съ какими трудностями должна была она бороться. Источники несомнѣнные древнѣйшей исторіи Рима такъ скудны и отрывочны, что для всего огромнаго періода начальной исторіи или періода царей—ихъ почти вовсе нѣтъ. Ибо тѣ извѣстія, которыя дошли до насъ объ этомъ времени въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей—Ливія, Цицерона, Діонисія, состоятъ большею частію изъ народныхъ сагъ и этіологическихъ миѳовъ, уже въ позднѣйшее время придуманныхъ преимущественно жрецами для генетическаго объясненія разныхъ государственныхъ и религіозныхъ учрежденій, память о началѣ которыхъ давно уже утратилась въ народѣ. Въ этомъ сплетеніи народныхъ сагъ и миѳовъ религіознаго содержанія разсѣяны только изрѣдка отрывочныя историческія зерна, носящія нѣкоторый характеръ приблизительной достовѣрности. Кромѣ того есть нѣсколько тоже отрывочныхъ документальныхъ памятниковъ, надписей и договоровъ, которые

тоже не дошли до насъ, но по крайней мѣрѣ въ существованіи которыхъ нѣтъ повода сомнѣваться, такъ какъ оно засвидѣтельствовано достовѣрными очевидцами — Полибіемъ, Діонисіемъ и другими. Таковы, напримѣръ, договоръ Тарквинія втораго съ Габіями, изображенный на щитѣ изъ воловьей кожи, торговый и морской трактатъ, заключенный въ первомъ году республики съ Карѳагеномъ, вырѣзанный на бронзовой доскѣ и хранившійся въ Капитоліи, и тому подобные документы, впрочемъ весьма малочисленные, числомъ не болѣе семи. Если къ этому прибавить нѣкоторые древнѣйшіе памятники искусства, уцѣлѣвшіе до конца республиканскихъ временъ, да нѣсколько извѣстій, разсѣянныхъ у греческихъ писателей, то это и составитъ весь почти наличный достовѣрный матеріалъ для исторіи первыхъ четырехъ вѣковъ римскаго государства. Для возстановленія истинной исторіи древнѣйшаго Рима Нибуръ поступалъ съ этими обломками совершенно точно также, какъ поступалъ Кювье съ зубами и ребрами мамонтовъ и другихъ допотопныхъ животныхъ для идеальнаго воссозданія ихъ цѣльныхъ организмовъ. И тотъ, и другой дополняли недостающее комбинаціями и аналогіями единственно на основаніи вѣры въ правильность и законообразность всякаго органическаго развитія. Наука впрочемъ теперь уже не оправдываетъ этого слишкомъ натуралистическаго пріема въ исторіографіи, такъ какъ духовные организмы развиваются вообще гораздо свободнѣе и произвольнѣе, чѣмъ животные. Но во времена Нибура вѣра въ подобную органическую правильность роста общественнаго была прямымъ отголоскомъ ученій естествознанія.

Параллель въ развитіи естествознанія и исторіи, за которою мы слѣдимъ, продолжалась и въ дальнѣйшихъ судьбахъ этихъ наукъ. Естествознаніе, гордое своими успѣхами и открытіями, предпринимаетъ смѣлыя, но еще слишкомъ раннія попытки обобщить наблюденія и открытые законы и создать изъ нихъ общую систему. Попытки эти начинаются великою французскою энциклопедіей XVIII вѣка и „Systéme de la nature“ Гольбаха и оканчиваются „Космосомъ“ Александра фонъ-Гумбольдта. Въ исторіографіи тоже съ самаго начала нынѣшняго столѣтія идетъ рядъ

философскихъ построеній исторіи, лучшій образчикъ которыхъ представляетъ „философія исторіи“ Гегеля. И тамъ, и здѣсь строители позволяютъ себѣ много произвольнаго, дополняя неизвѣстное личными соображеніями и нерѣдко насильно подводя факты и явленія подъ кадры придуманной системы.

Но истинные труженики науки, не увлекаясь заманчивостію этихъ полуидеальныхъ конструкцій природы и исторіи, и тамъ, и здѣсь продолжали и продолжаютъ идти строго аналитическимъ путемъ, расширяя все болѣе и болѣе предѣлы и точность своихъ изысканій, изощряя пріемы своей критики и довольствуясь только тѣми выводами, которые непосредственно вытекаютъ изъ фактовъ, и только въ самыхъ вѣрныхъ случаяхъ позволяя себѣ возвышаться до какихъ-нибудь общихъ воззрѣній. И въ то время когда натуралистъ вооружился микроскопомъ для того, чтобъ дойти до возможно послѣднихъ предѣловъ матеріи,—въ исторической наукѣ начинаетъ появляться тоже своего рода „микрографія“, первые опыты которой мы видимъ въ такъ-называемой „психологической школѣ“ Лазаруса.

Такимъ образомъ вы видите, что недавняя попытка Бокля превратить исторію въ какую-то естественную науку—есть далеко не первый случай, когда естествознаніе, такъ сказать, вторгалось въ исторію. Предложенный очеркъ показываетъ, что исторія постоянно находилась подъ нѣкоторымъ руководящимъ вліяніемъ естественныхъ наукъ и что вліяніе это было съ одной стороны весьма благодѣтельно, возбуждая соревнованіе историковъ и пріучая ихъ слѣдовать вѣрнымъ путемъ опыта и фактовъ, но за то нерѣдко влекло за собой и вредныя послѣдствія, внося въ науку о нравственномъ мірѣ чуждыя ей понятія и пріемы. Впрочемъ, быть можетъ, параллели мои показались вамъ слишкомъ смѣлы. Я знаю, что никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не разсматривалъ такимъ образомъ исторіи нашей науки. Но нѣкоторыя изъ приведенныхъ аналогій до того поразительны, что я счелъ возможнымъ подѣлиться съ вами моими мыслями объ этомъ предметѣ...

САМОУЧИТЕЛИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

Въ обработкѣ для русскихъ А. П. Рѣдкина. Метода Туссэна и Лангеншейдта.

VII-6301

Самоучитель французскаго языка

изъ 18 выпусковъ. Изданіе 4-е.

Цѣна въ папкѣ-футлярѣ 5 р., съ пересылкою 6 р.

Основательное изученіе французскаго языка безъ помощи учителя. Никакой предварительной подготовки отъ учащагося не требуется, нужно только умѣть правильно читать по-русски. При добросовѣстномъ исполненіи всѣхъ предписаній и указаній авторовъ, умѣнье читать, писать и правильно говорить по-французски пріобрѣтается сравнительно скоро.

Самоучитель французскаго языка можетъ быть полезенъ не только начинающимъ, но также и тѣмъ, кто считаетъ себя знакомымъ съ французскимъ языкомъ, а между тѣмъ нерѣдко затрудняется написать по-французски простую записку.

Самоучитель нѣмецкаго языка

изъ 22-хъ выпусковъ. Изд. 3-е.

Цѣна въ папкѣ-футлярѣ 5 р., съ пересылкою 6 р.

Книга составляетъ полный теоретическій и практическій курсъ нѣмецкаго языка. Задача „Самоучителя“ — дать учащемуся, хотя бы не имѣющему никакой подготовки, возможность научиться безъ посторонней помощи правильно читать, писать и говорить по-нѣмецки.

Самоучитель англійскаго языка

изъ 18-ти выпусковъ.

Цѣна въ папкѣ-футлярѣ 7 р., съ пересылкою 8 р.

Изученіе англійскаго языка по методѣ Туссэна и Лангеншейдта, какъ и всякое изученіе, требуетъ, конечно, труда, но нужно имѣть въ виду, что англійскій языкъ, по простотѣ формъ, вообще несравненно легче французскаго и нѣмецкаго. По предлагаемой книгѣ всякій научится читать, писать и говорить по-англійски, если только будетъ слѣдовать всѣмъ указаніямъ авторовъ; онъ усвоитъ также и англійское произношеніе, а попутно ознакомится и съ англійскими обычаями, описанію которыхъ посвящены особыя главы книги.

Для желающихъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Для самоучителей французскаго и нѣмецкаго языка: I-й взносъ — 3 р., высылаются первые пять выпусковъ; II-й взносъ — 2 р., высылаются еще пять выпусковъ; III-й взносъ—1 р., высылаются остальные выпуски.

Для самоучителя англійскаго языка: I-й взносъ—3 р., высылаются первые пять выпусковъ; II-й взносъ—3 р., высылаются еще пять выпусковъ; III-й взносъ—2 р., высылаются остальные выпуски.

Успѣхъ обученія несомнѣненъ, что показывается большою распространенностью предлагаемыхъ „Самоучителей“.

Требованія адресовать въ складъ В. А. Березовскаго

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

— **НЕОБХОДИМОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.** При покупкѣ „Самоучителей“ въ другихъ книжныхъ магазинахъ просимъ обращать вниманіе на имя редактора изданія А. Рѣдкина, такъ какъ въ продажѣ появились Самоучители Туссэна и Лангеншейдта, по внѣшности и формату весьма сходные съ нашими.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Разсказы изъ старокавказской жизни. И. С. Чехъ. Въ III томахъ Спб., 1902 г., т. I—392 стр. т. II—415 стр., т. III—440 стр., съ рисунками В. И. Быстренина и Е. М. Мартыновой. Каждый томъ по . . . . . **1** р. **25** к.

ОТЗЫВЪ. „*Моск. Вѣд.*“ № 63.

„Весьма пріятно отмѣтить появленіе такихъ любопытныхъ очерковъ старокавказскаго быта, какими являются выпущенные книгоиздательствомъ В. А. Березовскаго два тома разсказовъ И. Чеха.

„Вчитайтесь внимательнѣе въ эти краткіе эскизы старокавказскаго боевого быта, и вы увидите, какимъ могучимъ духомъ повѣетъ отъ этихъ воспоминаній, и вы поймете, какую культурную роль выполнили наши кавказскія войска на своей окраинѣ.

„Намъ остается только рекомендовать ихъ вниманію читателей въ полной увѣренности, что они вынесутъ изъ чтенія самое отрадное впечатлѣніе“. А. К.

ОТЗЫВЪ. „*Моск. Вѣд.*“ № 85.

„Третій томъ очерковъ г. Чеха достойно завершаетъ ту лѣстницу типовъ, какую представляютъ два тома батальныхъ этюдовъ этого симпатичнаго автора. Какъ и въ предыдущихъ томахъ, г. Чехъ оказывается прекраснѣйшимъ разсказчикомъ, умѣющимъ подмѣтить и обрисовать самыя сложныя психологическія драмы.

„Книжка весьма недурно иллюстрирована и въ общемъ, при невысокой цѣнѣ, является весьма пріятной новинкой для семейнаго и школьнаго чтенія“.

Записки Петра Кононовича Менькова. Въ 3 томахъ. Изданіе **В. А. Березовскаго.** Спб., 1898 г.

Томъ I. Дунай и Нѣмцы. Томъ II. Дневникъ П. К. Менькова. Томъ III. Сборникъ статей: 1) Краткій журналъ графа К. Ѳ. Толь о пребываніи его арміи во время Польской войны. 2) Очерки Польской кампаніи князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. 3) Фрейтагъ. 4) Отрывки изъ путешествія по Петербургу. 5) Севастопольскія рѣчи П. К. Менькова. 4) Киргизскія степи. 7) Матеріалы, относящіеся къ Венгерской войнѣ 1849 г.

Цѣна за три тома . . . . . **7** р.

II и III томы (I-й т. печатался въ „**Изборникѣ Развѣдчика**“) . . . . . **5** р.

О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингизъ-ханѣ и Тамерланѣ. Сочиненіе **М. И. Иванина**, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта, члена военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Съ 7-ю картами и 6-ю чертежами. Издано (по смерти автора) военно-ученымъ комитетомъ Главнаго Штаба, подъ редакціею ген.-лейтен. князя **Н. Н. Голицына.** Спб., 1875 г. . . **2** р.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, Спб., Колокольная, 14.

По Манчжуріи (1900—1901 гг.). Воспоминанія и разсказы. **А. Верещагинъ.** Спб., 1903 г. (съ рисунками) . **1 р. 25 к.**

ОТЗЫВЪ. „*Моск. Вѣд*“ № 331.

Помѣщенныя въ этой книгѣ воспоминанія о своемъ путешествіи на театръ военныхъ дѣйствій въ Китай несомнѣнно заинтересуютъ читателя живостью и простотой своего разсказа, очаруютъ легкостью и художественностью языка при описаніи пути по Сибири и Амуру, различныхъ эпизодовъ, мѣтко характеризующихъ китайцевъ, ихъ отношенія къ русскимъ, пересыпанныхъ безконечными траги-комическими происшествіями. Каждый разсказъ представляетъ премилую, красиво набросанную картинку съ натуры, настолько живо и удачно нарисованную, что невольно переносишься туда, гдѣ такъ дружно дѣйствовали наши войска, охраняя интересы своей родины.

Книга издана изящно и снабжена отчетливыми фототипіями.

Въ Китаѣ. Воспоминанія и разсказы 1901—1902 гг. **А. Верещагинъ.** Съ рисунк. и портрет. Спб., 1903 г. . **1 р. 25 к.**

ОТЗЫВЪ. „*Новости*“ № 88 1903 г.

... Я бы усердно совѣтовалъ прочитать книгу г. Верещагина тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ судьбы міра. Вѣдающіе судьбы міра должны глубоко задуматься надъ тѣмъ, что говоритъ г. Верещагинъ. Помимо этого, книга А. В. Верещагина читается съ захватывающимъ интересомъ: его пребываніе въ Мукденѣ, древней столицѣ Китая, въ Портъ-Артурѣ, на „Дальнемъ“, въ Пекинѣ—во всемъ этомъ читателя увлекаетъ мастерское изложеніе.

В. В. Стасовъ.

Дальній Востокъ. Воспоминанія и разсказы въ теченіе года, предшествовавшаго войнѣ. **Козьминъ** (стрѣлокъ) 1904 г. . **1 р.**

ОТЗЫВЪ: „Несмотря на всю отрывочность и случайность впечатлѣній, собранныхъ авторомъ въ его книгѣ, отъ чтенія ея остается вполнѣ опредѣленное представленіе не только внѣшности страны, ставшей теперь театромъ великихъ событій, но даже становится понятнымъ многое, чему мы всѣ удивляемся теперь. Природныя богатства страны; наша халатность; удивительная освѣдомленность обо всемъ у насъ со стороны японцевъ... Все это и многое другое совершенно отчетливо, хотя и штрихами, освѣщено авторомъ“. „*Вѣстовой*“ № 98.

По 1812 году. I. Набѣгъ Дорохова на Смоленскую (Можайскую) дорогу. II. Походный дневникъ офицера 25 пѣхотной Виртембергской дивизіи **Фаберъ-дю-Фора.** Съ рисунками съ натуры очевидца и участника событій **Фаберъ-дю-Фора.** Составилъ **Б. Колюбакинъ.** Спб., 1905 г. . . . . **1 р.**

... Набѣгъ Дорохова—это яркая иллюстрація дѣйствій летучихъ отрядовъ. Обрисовавъ фактическую сторону набѣга, авторъ заканчиваетъ этотъ отдѣлъ критическимъ разборомъ набѣга.

Дневникъ Фаберъ-дю-Фора чрезвычайно интересенъ, онъ даетъ много штриховъ, иллюстрирующихъ бытовую сторону бывшей великой арміи въ самый тяжелый періодъ кампаніи.

Дневникъ иллюстрированъ рисунками съ натуры и потому, разумѣется, представляетъ цѣнность для изслѣдователя кампаніи 1812 года. Книжка въ общемъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Издана прилично.—М.

(„*Война и Миръ*“ № 4, іюнь 1906 г.).

2007041356